ЦЕНТР МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА
ДЛЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ЯПОНСКОЙ ЭКОНОМИКИ (CIRJE)
ПРИ ЭКОНОМИЧЕСКОМ ФАКУЛЬТЕТЕ
ТОКИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

XX ВЕК И СЕЛЬСКАЯ РОССИЯ

РОССИЙСКИЕ И ЯПОНСКИЕ ИССЛЕДОВАТЕЛИ В ПРОЕКТЕ «ИСТОРИЯ РОССИЙСКОГО КРЕСТЬЯНСТВА В XX ВЕКЕ»

Под редакцией Хироси Окуда

CIRJE Research Report Series
CIRJE-R-2
Токио
2005

Памяти Виктора Петровича Данилова посвящается

本書の刊行には、日本学術振興会科学研究費補助金（基盤研究 A-1）
から援助を受けた。

Предисловие

У нас, японских историков, долгое время существовало стремление познакомиться с тем поколением новых русских историков, которые оказались в центре изменений, затронувших историческую науку в России, и переживали период серьезных колебаний ортодоксальных взглядов на историю российского крестьянства. Мы этого желали тем более, что за последние годы появилось в России много интересных исследований и сборников документов, в которых отразились новые тенденции понимания событий прошлого. Эта мечта получила шанс осуществиться после того, как я, изучая историю коллективизации сельского хозяйства в Поволжье, познакомился в начале 1990-х годов с Виктором Кондрашиным. Правда, ряд обстоятельств, в том числе лингвистического свойства, приводил к тому, что многие научные результаты и разработки японских ученых оказывались практически недоступными для зарубежных исследователей, особенно для российских. Тогда появилась мысль организовать группу для японско-российского научного сотрудничества в изучении истории крестьянства России XX века и опубликовать его результаты на русском языке.

С этой целью были проведены две конференции в образовательном центре у живописного подножия горы Фудзи. Вместе с российскими коллегами мы стали называть ее «Фудзи-конференцией». Можно с полным основанием говорить, что на конференции между всеми ее участниками возникла атмосфера глубокого научного взаимопонимания. Этому способствовало и то, что все выступления с докладами и дискуссии проходили на русском языке. Первая конференция состоялась с 1 по 3 ноября 2002 г., вторая - с 14 по 17 ноября 2003 г. Хочется выразить искреннюю благодарность российским и японским коллегам за их стремление к успеху конференции.

В этих конференциях участвовали•

с российской стороны: Геннадий Корнилов (главный научный сотрудник Института истории и археологии, Уральское отделение РАН), Сергей Есиков* (профессор, декан юридического факультета, заведующий кафедрой истории государства и права Тамбовского государственного технического университета), Нонна Тархова* (начальник отдела публикации архивных документов Российского государственного военного архива), Ирина Кознова (старший научный сотрудник Института философии

• звездочка* означает, что данный ученый участвовал только во второй конференции.

РАН), Виктор Кондрашин (профессор исторического факультета Пензенского государственного педагогического университета), Виталий Наухацкий* (профессор, заведующий кафедрой исторических наук и политологии Ростовского государственного экономического университета «Ростовский институт народного хозяйства»), Марина Глумная* (доцент кафедры отечественной истории Вологодского государственного педагогического университета).

с японской стороны: Такэо Судзуки (профессор политико-экономического факультета университета Васэда), Нориаки Мацуи (профессор экономического факультета муниципального университета Кусиро), Синъити Кадзикава (профессор филологического факультета Канадзавского университета), Рихито Ямамура (профессор Центра славяноведения при университете Хоккайдо), Коити Нобэ (профессор экономического факультета университета Сэнсю), Наоко Хироока (преподаватель факультета иностранных языков Токийского университета иностранных языков), Джаедонг Чой (преподаватель экономического факультета университета Риккё), Дзэндзи Асаока* (преподаватель факультета образования и культуры университета Миядзаки), Такэо Хидай (докторант экономического факультета Токийского университета), и сам составитель.

На второй конференции в качестве наблюдателей присутствовали мой учитель Хироси Арата (бывший профессор экономического факультета университета Кокугакуин), Юка Такэда (научный ассистент экономического факультета Токийского университета).

На «Фудзи-конференции», таким образом, собрались практически все ведущие японские исследователи российского крестьянства XX века. К сожалению, по разным причинам мы не смогли пригласить многих других российских историков, труды которых нам хорошо известны.

Все доклады, представленные на двух конференциях, опубликованы в двухтомном издании «История российского крестьянства в XX веке» (Hiroshi Okuda (ed.), *History of the Russian Peasantry in the 20th Century*: Vol. 1, CIRJE-F-189, January 2003; Vol. 2, CIRJE-F-262, Faculty of Economics, the University of Tokyo, February 2004)•.

Кроме того, Центром международного сотрудничества для исследования японской экономики (CIRJE) при экономическом факультете Токийского университета для обмена мнениями со мной и другими японскими коллегами в области истории российского крестьянства XX века в

• Содержание двухтомника приводится в конце настоящего сборника в приложении. Мы с удовольствием можем выслать оставшиеся экземпляры заинтересованным читателям. Просим сообщить об этом секретарше Мио Хосоя (okudasec@e.u-tokyo.ac.jp).

качестве "краткосрочного посетителя" (short-term visitor) в разное время приглашались профессор Виктор Кондрашин в марте 2001 г., доктор Ирина Кознова в октябре - ноябре 2002 г. и доцент кафедры отечественной истории Вологодского государственного педагогического университета Татьяна Димони в ноябре 2004 г. В нашем сотрудничестве приняла участие и выступила с докладом на экономическом факультете Токийского университета профессор исторического факультета МГУ Нина Рогалина в апреле 2003 г.

Таким образом, предлагаемый сборник является одним из результатов нашего международного сотрудничества. Думается, в области истории крестьянства в России это первая попытка подобного издания в Японии. Из опубликованных в настоящем сборнике статей, одни, особенно статьи русских участников, являются совершенно новыми, другие существенно переработаны или дополнены. Лишь очень немного статей публикуется в прежнем виде, без изменений – как в двухтомнике.

Last but not least, выражаю сердечную благодарность секретарше Мио, которая занималась приемом российских гостей, присутствовала почти на всех важных заседаниях и приложила большие усилия к составлению настоящего сборника вместе с помощницей Рика Хасиноцумэ.

Верится, что прошедшие конференции и представляемый сборник статей будут способствовать и в дальнейшем развитию японско-российских исследований истории крестьянства России XX века. Мы также надеемся на возможность опубликовать еще одну новую книгу, в свою очередь, на японском языке.

Декабрь 2004 г. Хироси Окуда
Профессор экономического факультета
Токийского университета

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие

I. ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Ирина Кознова
Труд на земле в памяти российского крестьянства 7

II. ДОКОЛХОЗНОЕ КРЕСТЬЯНСТВО

Такэо Судзуки
Модернизирующаяся Россия и сельская община: реформы и традиция 38
Джаедонг Чой
Крестьянское завещание и наследование в период Столыпинской аграрной реформы 44
Синъити Кадзикава
Что означает переход к нэпу в 1921 году? 87
Дзэндзи Асаока
Крестьянская печать и селькоровское движение в период НЭПа 111
Наоко Хироока
Борьба с сифилисом и крестьянство в 1920-х годах 124
Сергей Есиков
Хлебозаготовительный кризис и социально-политическая ситуация в деревне Центрального Черноземья (1927–1929 гг.) 131
Хироси Окуда
Самообложение сельского населения в 1928–1933 гг.: к вопросу о последнем этапе русской крестьянской общины 153

III. КОЛХОЗНОЕ КРЕСТЬЯНСТВО

Нонна Тархова
«Крестьянские настроения» в Красной Армии в 1928–1931 гг.: (реакция армии на процессы коллективизации и раскулачивания в деревне) 192

Виктор Кондрашин
Голод 1932–1933 гг. в России и Украине:
трагедия советской деревни 234
Марина Глумная
К характеристике колхозного социума 1930-х гг. (на материалах колхозов Европейского Севера России) 265
Геннадий Корнилов
Трансформация аграрной сферы Урала
в первой половине XX века 286
Нориаки Мацуи
В поисках уставов колхозов 1956 г. (заметки исследователя) 314
Виталий Наухацкий
Миграция и трудовые ресурсы донского села 60–80-х годов XX века: опыт административного регулирования 326

IV. ПОСТСОВЕТСКОЕ КРЕСТЬЯНСТВО

Коити Нобэ
Земельная реформа в Армении в 1991–2000 гг. 355
Юка Такэда
Временная или хроническая бедность в России?: городские и сельские бедные в 1990-х годах 364

Приложение
Содержание двухтомного издания «История российского крестьянства в XX веке»

I . ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Ирина Кознова

Труд на земле в памяти российского крестьянства

Введение

Земля выступает «прасимволом» крестьянской культуры - воспользоваться этим понятием Освальда Шпенглера представляется уместным. Хозяйствование на земле для традиционного земледельца, каким является крестьянин, не просто занятие или средство получения дохода, но - образ жизни. Привязанность к земле, земледельческий труд есть свойство крестьянина как личности, которой присущи предприимчивость, инициативность, хозяйственное начало, стремление «жить своим умом» (1).

С точки зрения представлений крестьян о земле и труде на ней важное значение имеют природно-климатический, этнокультурный и конфессиональный факторы, определявшие менталитет крестьянства (и русского народа в целом). Анализу этих факторов посвящены появившиеся в последнее десятилетие исследования (2).

Вместе с тем, в литературе обращается внимание на то, что этнокультурный подход оправдывает себя, если речь идет о крестьянском хозяйствовании на основе единообразной традиции, не столько экономической целесообразности, сколько биологических ритмов и жизненной необходимости. Для оценки процессов, связанных с развитием рыночных отношений, этнокультурного подхода недостаточно. Предлагается дополнить его цивилизационным подходом (3).

Применительно к сохранившимся в памяти представлениям крестьянства о земле и труде имеется в виду их связь с историческими типами хозяйствования (натурально-потребительское, экстенсивное и рыночно-товарное, производительное, интенсивное), разными типами социальности (община или кооперация) и разными типами хозяйствующего субъекта (ориентированного на патернализм в любой форме и/или самостоятельность личности). Исследования в этом направлении начинают проводиться.

Существуют два взаимозависимых вектора движения памяти. С одной стороны, восприятие действительности определяется прошлым опытом. С другой стороны, память реконструирует прошлое, актуализирует его определенные моменты и черты, те или иные аспекты прошлого

опыта. Первый вектор из прошлого устремлен в настоящее (и будущее), второй – из настоящего – в прошлое, но определяет и будущее поведение и умонастроение. Действительность продуцирует избирательность памяти, помогает сфокусировать внимание на том, что связывает прошлое с настоящим и будущим.

С помощью памяти прошлое организовано по-разному в различных культурах, и рассмотрение в этом аспекте крестьянской культуры, понимаемой как определенное целостное мировосприятие и жизненный уклад, помогает проследить взаимодействие в ней архетипических и исторических черт (4).

Крестьянский труд на земле: между традицией и новацией

Основой крестьянской коллективной памяти является «власть земли». Это понятие приобрело во многом характер метафоры. Ее слагаемыми выступают: убежденность крестьян в особой связи с землей и трудолюбии – «служении земле», а в силу этого - в своей уникальной общественной миссии «кормильца», ставшей основой крестьянской самоидентификации; коллективная память о земле, некогда доступной всем; представление о земле как «даре Божием»; общинность, поддерживающая естественное право каждого человека на совладение землей как среды обитания; «трудовое право».

В крестьянской традиции связь с архаикой наиболее тесна и устойчива. Земля и трудящийся на ней человек есть продолжение друг друга. Земля – вечная «родительница» и «кормилица», пограничье между Жизнью и Смертью. Чувство мистического единства с Землей длительное время выражалось в культе Матери-Земли ("Мать сыра земля"). Христианство связывало образ Земли с образом Богородицы (5).

В крестьянском миросознании очень прочно срослось дохристианское понимание труда как поддержание существующего миропорядка в течение священного годового цикла и христианское - как средство к спасению.

Особенность крестьянского мировосприятия трудовой деятельности заключалась в существовании представлений о связи самих трудовых действий с результатами работы не напрямую, а опосредованно («человек полагает, а Бог располагает»). Коренное отличие смысла традиционного крестьянского труда от современного в том, что работа крестьянина не направлена на изменение своего положения, она лишь поддерживает определенное состояние, порядок вещей. Важная черта представлений русских крестьян - неразрывная связь труда с обыденной, повседневной жизнью и сакральный характер традиционных сельскохозяйственных работ. При этом в трудовых традициях, сопутствующих полевым работам, было ярко выражено общинное начало. Это проявлялось в выборе на сходе «зачинателей» - пахаря и жницы, в коллективных «дожинках», помочах, толоках, совместных трапезах. Нормативный характер

крестьянской культуры предполагал поло-возрастное разделение труда (6).

В памяти крестьянства существует пласт, в котором лейтмотивом выступает тема жертвы/жертвенности. Ключевым для ее воспроизведения является ставшее уже стереотипным представление об усилиях, «оплаченных кровью и потом русского крестьянства». Кровь, которая в народном сознании длительное время ассоциировалась с борьбой за землю, выступает как символический эквивалент «жертвы» ("горят не барские хоромы, а наших дедов кровь"), а пот как символ «страдности» и «жертвенности» крестьянского труда.

Если вести речь о реальной хозяйственной практике, в которой земля выступала как конкретный материальный объект, то именно она была основным богатством крестьянской семьи, деньги являлись всего лишь средством для приобретения дополнительной земельной площади или связанных с ней средств производства. Труд считался первоисточником имущественных прав. Доступ к земле составлял основу крестьянской жизни, а труд на земле, в свою очередь - основу и условие крестьянского владения землей. Приоритетным для крестьян был физический труд, а право на землю имел тот, кто трудился на ней. Трудолюбие было тем качеством, по которому в деревне судили о человеке.

Однако однозначно ответить на вопрос, «трудолюбив ли русский крестьянин», нелегко. Полевые наблюдения XIX в. давали на него как утвердительный, так и отрицательный ответ, причем, многие описатели называли трудовые традиции крестьян не иначе как «безмерные лености». Крестьянская трудовая этика являлась традиционной, минималистской этикой, исходила из потребительского характера крестьянского хозяйства, целью которого было не получение прибыли, а получение пропитания. И смысл жизни крестьяне усматривали не в накоплении собственности, не в увеличении власти и влияния с помощью богатства, а в спокойной, размеренной и праведной жизни. Работа была включена в годовой ритм сельской общности, в котором отнюдь не последнее место занимал праздник, и переплетена с семейными обрядами. По этой причине крестьяне противились приказам «сверху» или нововведениям, которые должны были нарушить этот ритм и образ их жизни (7).

Рубеж XIX-XX веков был временем кризиса психологии, порожденной "моральной экономикой", деформации привычных мировоззренческих установок, секуляризации сознания в крестьянской среде. Все это не могло не оказывать влияния на изменения во взглядах на землю и способы хозяйствования на ней.

В Европейской части страны наблюдалось аграрное перенаселение, в общественном сознании представленное как “оскудение центра”, а в крестьянском - «малоземелье». Именно тогда в сознании наряду с привычным понятием “голод” сформировалось - по аналогии - еще одно: “земельный голод”. Росло число отходников, тех, которых “земля не

кормила", когда уже невозможно было "жить одной землей". Одновременно стали чаще практиковаться уравнительные переделы. Общинное крестьянство буквально захлестнуло требование "Земли! Земли!" Основной массе общинников была свойственна иллюзия, что прибавка земли неизбежно приведет к подъему хозяйства, а потому единственным мерилом крестьянского благополучия (кроме, разумеется, собственного труда и труда своей семьи) оставалась десятина (переселение на свободные земли Зауралья и Сибири, несмотря на правительственную поддержку, оставалось для большинства недоступным). Крестьянин-общинник считал, что 1,5 дес. всегда выгоднее, чем 1 (8).

Получила распространение мифологема «черного передела», которая подпитывалась «общиноверием» (термин А. В. Гордона) крестьянства и идейно-политических «друзей народа», пытавшихся, как выразился В.В.Журавлев, «расшифровать сложный код крестьянской ментальности» (9). Названная мифологема была «замешана на дрожжах» коллективной крестьянской памяти и определила мироощущение и поведение основной части крестьянства в годы аграрной революции (с ее пиками в 1905-1907 и 1917-1918 годах), столыпинской реформы, продолжала жить и позже.

Между тем, при сохранении помещичьего землевладения основная часть земельного фонда находилась в руках крестьян – в виде надельной, купчей или арендованной земли: до 1914 г. - 2/3, в 1917 г. - 9/10 земельного фонда (10). Ликвидация помещичьего землевладения носила скорее символико-политический, чем экономический характер, поэтому центр тяжести аграрной реформы лежал в перераспределении той земли, которая находилась в руках крестьян.

Не менее трети крестьян сделали шаг в сторону личной собственности на землю еще до столыпинской реформы (11), хотя в целом процесс шел медленно и был неодинаков в разных регионах. Эти крестьяне боялись потерять заработанную "горбом" землю во время всеобщего передела.

Нововведения, направленные на подъем крестьянского хозяйства в рамках общины, служили лишним доказательством того, что дело не только в количестве земли. У части крестьян появлялось дополнительное обоснование своих трудовых прав на землю - "сколько я навоза вывалил", основанное на стремлении хотя бы минимально интенсифицировать хозяйство и влекшее к укреплению землепользования (реже – в рамках общества, чаще – вне его). При этом главным аргументом и при выделе выступал такой, как "возможность свободно трудиться на своем наделе", а аргумент "приобретение прав собственности на землю" имел сравнительно более низкий ранг (12). Тому, кто стремился выйти из общины, претили порядки, которые заставляли "покоряться судьбе и работать землю, как предки работали". Тем самым вступали в противоречие между собой коллективный опыт, основанный на многовековой тради-

ции и памяти нескольких поколений и личный опыт, основанный на индивидуальной памяти, которая впрочем, черпала из общего «пирога» многослойной крестьянской памяти.

За этим недовольством общинными порядками стояли важные цивилизационные сдвиги. Аграрная трансформация пореформенной России вызвала к жизни особый, новый для российской деревни, тип хозяйствующей личности с такими чертами, как самостоятельность и деловитость, стремление к рациональному и эффективному рыночному хозяйствованию, к новым культурным потребностям. Причем, этот слой в равной степени демонстрировал устремленность и к хозяйственной, и к духовной самостоятельности, независимо откуда она исходила - от государства, помещика, духовенства или интеллигенции (13).

Мифологема «черного передела» нашла воплощение в требовании "всероссийского крестьянского владения землей", подкрепленного в 1917-1918 годах мощной погромной волной. Большинство крестьян не хотело частной собственности либо собственности государственной (фактически, всякой собственности) и поэтому изъявило желание оставить землю, согласно крестьянской формуле, ничьей или Божией ("земля ничья, а наше пользование"). Крестьяне стремились «справедливо» поделить землю и стать «вольными хозяевами на вольной земле» (и в этом уже изначально был заложен последующий конфликт между крестьянством и большевиками).

Однако теперь крестьянам центральных губерний уже невозможно было надеяться на новую "земельную прибавку". Аграрное перенаселение Центра усилилось. Крестьянство по-прежнему держалось общины. Когда-то Клод Леви-Строс высказался в том смысле, что не люди думают с помощью мифов, а мифы - как бессознательное - действуют в сознании людей, не отдающих себе в этом отчета. Таким же образом общинность, поднимаясь из глубин памяти, пронизывала крестьянское сознание и поведение.

Характерные для нэповской деревни процессы - усиление общинных настроений и одновременная потребность преобразования традиционных устоев жизни - могут быть интерпретированы с позиций функционирования памяти как разные способы актуализации прошлого опыта. Однако этот опыт основывался преимущественно на трудовом праве, и понятие «собственность» по-прежнему выступало как функция физического труда (14).

Наличие различных представлений о земле и труде на ней в крестьянской среде продемонстрировала дискуссия об общинном землепользовании, активно развернувшаяся во второй половине 1926 г. - начале 1927 г. на страницах "Бедноты", «Крестьянской газеты» и «Крестьянского журнала». Дискуссия показала, что процесс трансформации традиционной потребительской трудовой этики в современную, максималистскую, продолжался. Ее переходный характер выразился в том, что сто-

ронники и противники общинного землепользования повторяли аргументы, выдвигавшиеся и ранее, например, в годы столыпинской реформы, а именно: «социальная справедливость» versus «хозяйственная выгода». Разница заключалась в том, что "арбитром" в споре выступала уже не царская, а советская власть (15).

Существовал особенно важный с точки зрения воспроизводства коллективной памяти момент, который не притуплял, а скорее оттенял вариативность ее проявлений и который, в свою очередь, имеет два аспекта.

Речь идет о крестьянственности как «служении земле», прямом выражении долга и ответственности ("религиозно-этическая задача", по отцу Сергию Булгакову), и прочно врезанном в память представлении крестьянства о себе как «кормильце». Об этом документы крестьянского происхождения напоминают постоянно, независимо от отношения к общине. Анонимный автор письма в «Крестьянскую газету» вывел свою простую формулу: «Все равно, какая бы власть ни была, нам, крестьянам, пахать».

Но и обращенный к деревенским массам призыв крестьянина-передовика «научиться пользоваться землей» искал в памяти необходимые основания. Хотя передовик и был ангажирован властью, эта власть, инициирующая модернизацию, еще делала ставку на подъем единоличного крестьянства и сама училась находить в глубинах крестьянской памяти необходимые ей (власти) аргументы, «играть с крестьянством в память». Идея «культурного хозяйствования» («земля, она дожидает, скоро ли ее хозяин заживет по-новому, по-культурному») вырастала в недрах крестьянского сообщества, хотя прорастала она не быстро. «Мысли крестьянина о земле», о рациональном хозяйствовании, основанном как на учитывающем региональные особенности народном агротехническом опыте, так и достижениях науки, которое включало в себя понятие экономической эффективности, хозяйственной выгоды, доходности, правда, преимущественно в рамках установившегося земельного строя (национализации) - важная составляющая крестьянских писем (16).

Это было время, когда крестьянство, претендуя на активное и неформальное участие в управлении страной (претензия в действительности во многом иллюзорная), все сильнее ощущало свое отторжение от власти и несправедливость государственной политики относительно деревни. Память о пролитой за землю крови (все революционные потрясения начала XX века стали своего рода гигантским потоком, влившимся в реку народной крови, пропитавшей землю на протяжении столетий), в добавление к поту, полившему ниву, превратилось в обвинение властей. В этом смысле общинность проявила себя как форма крестьянской солидарности, направленная извне деревенского сообщества. Произошла инверсия знаменитой крестьянской формулы крепостной эпохи: с «мы ваши (то есть помещичьи – *И. К.*), а земля-то наша» на «земля наша, да

власть ваша».

Свое прошлое и настоящее крестьяне все отчетливее начинали рассматривать в контексте отношений «крестьянство-власть», подчиняя ему отношения «крестьяне-земля» (17).

Хозяйствование как «служение земле», на что был нацелен новый крестьянский тип, формирование которого шло на протяжении предшествующих десятилетий, предполагало по сути добровольный выбор. Историческая реальность 20-х годов все же не способствовала взращиванию подобных духовных потребностей крестьян. Упрощенно понимаемая борьба нового со старым, науки с религиозностью, леворадикальные настроения «скорейшего социализма», в конечном счете были чреваты безразличием, превращением "матери сырой земли", "кормилицы" в обычную "грязь".

Труд на земле и колхозное крестьянство

Коллективизация резко изменили характер крестьянского землепользования и труда. В деревне появился новый слой людей - активистов колхозного строительства, для которых основными стали понятия "артельная земля" и коллективный труд на ней. Советская власть всячески поддерживала идею незыблемости коллективного землепользования, вручая колхозам акты на вечное пользование землей.

Следует отметить, что идеологии советского общества был присущ трудоцентристский характер, труд в ней имел своего рода священный характер. В нормативных текстах декларировалась «всеобщность труда», то есть обязательность трудовой деятельности для каждого трудоспособного члена общества, недопустимость неучастия в труде и извлечения «нетрудовых доходов». При этом общественно направленным мотивам трудовой деятельности отдавалось явное предпочтение перед личными, а духовным мотивам – перед материальными. Социалистическая трудовая мораль ориентировала работника на высокие трудовые затраты при низком материальном вознаграждении. Подобная идеологическая конструкция была направлена на мобилизацию трудовой энергии масс, и свою задачу в определенный исторический период она выполнила успешно (18).

Если вести речь о сельской повседневности, то в раннеколхозные (довоенные) годы крестьяне пытались переносить некоторые из трудовых ритуалов и традиций единоличной деревни, связанных с землей и носивших сакральный характер, в практику колхозной жизни ("дожинки", “завивание” колосьев и др.). Труд понимался еще во многом как инструмент поддержания крестьянского миропорядка. Сохранялось и представление о крестьянском социальном долге: «Крестьянин должен работать всяк себе, а государству отдавать сколько нужно с гектара» (19).

При распределении трудовых раскладок в колхозах на первых порах

сохранялся «едоцкий» принцип, существовавший в единоличной деревне (20). Даже вступая в колхоз, крестьянин еще сохранял связь со своей прежней землей. Имеются свидетельства, что вплоть до 1960-х годов (по крайней мере, на Русском Севере) колхозники неоднократно засевали «свои» участки в полевых наделах колхозов, поскольку многое в памяти как раз было связано с межой и родовым знаком на ней. Были распространены покушения на колхозные поля – поломка изгородей, потрава колхозных посевов (21).

Напомним, что оплата труда колхозников в коллективном хозяйстве в большинстве случаев имела номинальный характер. Отчуждение от результатов труда в общественном производстве, неудовлетворенность оплатой выражалась в том, например, что накануне войны почти 23% колхозников были «мнимыми», то есть не выработали и 50 дней в году (22).

С укреплением колхозного строя представление крестьян о "своей земле" изменилось: таковой стала земля крестьянского колхозного двора. Существование (пусть в редуцированном виде) крестьянского двора стимулировало на протяжении 30-40-х годов настроения в пользу роспуска колхозов и возвращения к единоличному землепользованию (23). Хозяйственный потенциал двора и в целом социальный статус крестьянства зависел от количества приусадебной земли. Если при определении размера приусадебного участка власти руководствовались участием членов двора в работе общественного хозяйства, то для крестьян уравнительное право на часть важнейшего жизненного ресурса, каким была земля, считалось справедливым. При этом в своих письмах в органы власти в 40-50-е годы они апеллировали к опыту и практике поземельной общины (24). Членство в колхозе давало право на приусадебную землю, а потому во многом и природа трудолюбия на колхозном поле коренилась в праве на приусадебное хозяйство, символизировавшего, по выражению Л. М. Тимофеева, право на жизнь. Героиня его исследования «крестьянского искусства голодать», жительница среднерусской деревни Гати А. Ховричева хорошо помнила, чем она (как и другие крестьяне) заплатила за это право: даровым трудом в колхозе, денежными и натуральными налогами (25). Годовой цикл крестьянских работ с лихвой перекрывался годовым циклом крестьянских повинностей (26).

Именно в рамках крестьянского двора сохранялась тенденция рационального хозяйствования, питавшая предпринимательские устремления крестьянства (27). И хотя «крестьянский рынок сужен до размеров базарной площади», а само приусадебное хозяйство воплощало «черный рынок», поскольку крестьянина вынудили продавать обществу свой сверхурочный труд на подворье, та же А. Ховричева постоянно оперировала понятиями «выгодно» – «невыгодно», «доход» (28).

Колхозная практика выразила остроту конфликта поколений в отношении земли и труда на ней. В 1960-1970-х годах, как свидетельство-

вали социологические исследования, в Центральной России "только у старших поколений еще живы воспоминания о далеких временах, сколь острой проблемой была земля". Действительно, социальное чувство стариков к земле было более острым и глубоким, их отношение и к колхозной земле было бережным. Более молодым поколениям недоставало сравнения, основанного на личном опыте. Отмечалось, что пожилые колхозники выражали искреннее огорчение по поводу того, что «многие молодые люди теперь землю не матерью, а "грязью" считают». Старшие поколения руководствовались принципом: "Подходить к земле запросто нам прежде всего житейский опыт предков не позволяет. ...Обращение к земле на "Вы" ко многому обязывает земледельца". Традиционная для крестьянства трудовая память - память буквально о "завоевании пашни" - была одним из важнейших параметров самосознания крестьянства. Она не допускала запустения полей. Но уже в 60-70-е годы подобное стало повсеместной нормой (29).

Эмпирические данные, по крайней мере, с середины 1970-х годов, показывали, что в сознании наиболее массовых групп работающего населения доминирующими были ценность высокого вознаграждения за труд и примыкающие к ней ценности благоприятных условий его достижения: хорошего состояния оборудования, равномерного обеспечения работой, хороших условий труда и пр. Это позволяло исследователям сделать вывод, что трудовые ценности, разделяемые и выражаемые российским населением, вступали в противоречие с официальными предписаниями социалистической идеологии (30).

Модернизация и связанные с ней процессы влияли на изменение представлений о труде. Она совпала с новыми тенденциями постиндустриального развития, симптомом которого, как представлялось некоторым авторам, была «смерть» трудового общества (31).

Так, исследования, проведенные в начале 1970-х годов в японской деревне показывали, что развертывание механизации и рыночных отношений изменяло представление крестьян о труде. Старательный крестьянин, который прилагает все усилия, не жалея сил, перестал быть их идеалом. Крестьяне охотно искали отходничества и несельскохозяйственных работ, которые сразу давали им наличные деньги. И среди крестьян, исключительно занимающихся сельским хозяйством, тоже появлялись люди, соблюдавшие выходной день и восьмичасовой рабочий день. Даже занимаясь усердно усовершенствованием своего хозяйства, они в то же время придавали большое значение свободному времени. По мнению японских ученых, подобные люди «являли собой пример самого обыкновенного, заурядного служащего в контролируемом обществе» (32).

Что касается российского сельского хозяйства, то ориентация на высокий заработок не сопровождалась ростом производительности труда. По данным различных обследований, свыше 70% занятых в сельском

хозяйстве выполняли простую ручную работу. Не менее трети сельских жителей относилась к работе на земле в общественном хозяйстве вполсилы. В 1970-е годы многие личные подворья лишались своих производственных функций и неминуемо приобретали иждивенческий характер. Эти тенденции ощущались тем отчетливее, чем сильнее было городское влияние. Усилился отъезд из села наиболее активных, тех, кто мог и хотел работать (33).

Эрозия традиционной трудовой памяти (как память образа жизни, память поведения) стала симптомом «раскрестьянивания». Свою роль здесь сыграли перевод колхозов в совхозы, введение гарантированной денежной оплаты труда, получение сельскими жителями паспортов и пр. Не случайно появление в эти годы писателей - "деревенщиков", обратившихся к теме разрушения крестьянской трудовой этики. Высказывалась мысль о потере селянами чувства хозяина земли ("раз земля государственная, она - ничья"), о распространении нового типа земледельца - квази-крестьянина, наемного работника на земле в крупном общественном производстве, равнодушного «работяги-калымщика». Распространенный в те годы анекдот точно уловил суть явления: « "Кашу маслом не испортишь", - сказал тракторист и вылил машинное масло на гречишное поле».

Когда в письмах граждан в Президиум Верховного Совета РСФСР (1989-1990 годы) поднимался вопрос о причинах разорения деревни и путях ее подъема, главным источником кризиса называлась сама система, вырвавшая наиболее активное и трудоспособное население из села, изменившая и психологию людей: «Люди отвыкли от труда, привыкли, что все – государственное» (34). Было распространено мнение, что большая часть сельчан потеряла всякий интерес к земле (35).

Память как фактор современных рыночных преобразований

На рубеже 1980-1990-х годов в коллективной памяти российского общества произошла актуализация формулы «земля и воля», смысл которой сводился к следующему: «окрестьянивание деревни», «возрождение крестьянского в крестьянине - чувства хозяина земли», «возвращение крестьянина земле через возвращение земли крестьянину», «свободный труд на свободной земле».

Каким образом отозвалась крестьянская память на подобное обращение к ней?

На уровне крестьянской самоидентификации активно воспроизводились стереотипные представления о «неразрывной связи с землей» и вытекающей из нее «особой моральности»: «крестьяне – труженики земли», «кто землю любит и без нее жить не может», «землю не обманешь». Надо сказать, что подобные представления получили и характер идеологического штампа, который используется политическими силами, презентирующими себя в качестве «выразителей интересов тружеников се-

ла» (36).

И все же «родиться, работать на своей земле и умереть на ней», ощущение «матери сырой земли» - кредо главным образом крестьян самых старших поколений, которых в деревне остается все меньше и меньше. Для них, как выразилась А. Тырышкина из д. Красная Речка (Саратовская область), «основная специальность – земля». Социологические исследования в 20 селах восьми регионов России, проводившиеся в начале 1990-х годов в рамках российско-британского исследовательского проекта под руководством Теодора Шанина (37), показали, что старшее поколение крестьян (время их рождения пришлось на 1910-1920-е годы) фиксировало в своей памяти те явления и события, которые так или иначе связаны с землей: стремление крестьянской семьи увеличить количество земли; земельно-хозяйственные распорядки единоличной деревни со сходами, переделами; потеря земли в коллективизацию; земельные споры с соседями. Обращалось внимание и на то, как в старой деревне были ущемлены права женщин на землю, а женитьба и замужество расценивались как хозяйственные сделки; по выражению одной из женщин, "не гуляя, не любя, выйти замуж за землю".

Основной критерий, по которому память оценивает прошлое и настоящее, «раньше» и «теперь», сравнивает разные периоды прошлого - это отношение к земле через труд на ней. Земля и труд неразрывно связаны, при этом заметна сильная ностальгия в отношении характера и содержания труда на земле.

В том пласте памяти, для которого ориентиром является единоличное хозяйство, содержится представление о крестьянском порядке. Труд крестьянской семьи на своей земле – и есть основа этого порядка. «Раньше сами работали и сами своим трудом распоряжались», - выразилась по этому поводу О. Литвинова из хутора Атамановка (Волгоградская область).

Имея в виду единоличное хозяйствование, крестьяне отмечали, что «там земля больно хорошая была…», «наши земли», «земля всех кормила», «крестьянин был прикован к земле навечно». Говорилось о «чувстве земли», заботливом и бережном отношении к ней. Записанные в Кировской области (Вятка) воспоминания сельских жителей и бывших крестьян вносят дополнение в эту картину: «Берегли - это ужас как!»; «Перед севом старики выйдут в поле и "разговаривают" с землей - мнут в руках, приложат к губам и скажут потом, можно начинать сеять или нет»; «А косить,… и если еще не умеешь, так тебя промеж ноги заберут, головку-то к земле прижмут: «Давай, учись, учись»; «А ведь как раньше? Крестьянин каждую кроху земли рукой потрогает, передаст ей тепло, вот она и родит хороший урожай» (38). Старшее поколение привыкло «вспушивать» землю.

В свидетельствах памяти подчеркивается ценность земли как основы хозяйствования, которое позволяло крестьянину занимать опреде-

ленное положение в обществе и кормить его членов. Отмечается земля и среди критериев богатства того времени (особенно на Юге России и в Сибири), хотя скорее она (наряду с «тяжелым и упорным» трудом) – необходимое условие богатства крестьянской семьи, в круг которого включается скот, хлеб, хозяйственные постройки, сельхозмашины, деньги.

Если вести речь о представлениях относительно крестьянского порядка в контексте труда, то можно сказать, что он (порядок) и воспроизводится как трудовая память, «трудничество», «горение на работу». Существует убежденность в том (как у В. Воротникова из с.Тепловка Саратовской обл.), что «свой труд – никогда не тяжелый», а «красивый, приятный». По мнению А. Казанкина (с. Лох Саратовской обл.), родители которого были зажиточными, «боялись ведь попасть в "ленивую соху"-то наши лоховские мужики... И ведь старались встать пораньше, выехать до свету, чтобы шапочку никому не поломать, не поклониться первым. Отец мой всегда говорил: "Ешь хлеб с медом и первый не здоровайся..." А это значит - работай... Если поработаешь хорошо, то тебе обыкновенный хлеб слаще меда покажется... А первый не здоровайся - это опять работай. Ведь кто работает, тот первый не здоровается: он делом занят. А ты, если к нему подойдешь, то и шапочку-то первый поломаешь, поздравствуешься...». Вспоминая, как «раньше» трудились, старики расставляют акценты следующим образом: «целые дни – в работе», «мы с детства понимали, что такое труд», «крестьянина подмывало, если его урожай как-то не удался, хотелось работать еще больше (ночью), но "победить" соседа - чтобы было лучше».

Слагаемые подобного порядка - универсализм крестьян, многочисленные навыки и умения в рамках хозяйства и сельского общества (« я все-все умею делать»), включенность детей в крестьянские работы. По поводу последнего весьма красноречивы комментарии Д. Скамахи из с. Б. Таловая Ростовской области. На вопрос, что делал ребенок в единоличном хозяйстве, он ответил: «А что сможет, то и делал. Дома, це ж не в колхозе. Пололи в степу, весной, это, ой боже, вот такой ребенок, еще тяпочку не держит, а уже поихалы, подсолнух полоть, кукурузу. Боже спаси. Коней вели по борозде. А теперь до 17 лет в школу ходють! Господи! Посмотреть страшно».

Память демонстрирует уважение к людям, которые своим собственным трудом создавали свой достаток, «кто работал и кто стремился к работе», «кто трудился много и был хозяин хороший».

В средних и бедных хозяйствах труд - основа семейной экономики. Тяжелая работа – признак не столько «особой, неразрывной связи с землей и любви к ней», сколько экономическая необходимость, предполагающая рост самоэксплуатации, жесткую экономию времени, предельную бережливость, скупость и расчетливость (39). Крестьяне вспоминают о труде в единоличном хозяйстве, если можно так выразиться, «на-

взрыд». Впечатление такое, что ничего, кроме труда, крестьянин больше в своей жизни не знал. Вместе с тем, в современной жизни крестьяне не ценят затрат времени на ту или иную работу.

Особенно обращается внимание на особое качество труда в богатых, крепких, зажиточных семьях. Так, А. Усов (с. Леонтьевщина, Вологодская обл.) вспоминал, как были раскулачены его односельчане и однофамильцы братья Усовы, «два брата-трудяги, каких еще поискать». О трудолюбии одного из них, П. Усова, до сих пор помнят в деревне: «Минуты не давал покоя не только себе, но и другим. Ребята - подпаски придут в дом, так он говорил, что не разувайтесь ребята, время терять некогда, скоро ли потом лапти обуете, поедим да и быстрей пойдем робить». Такое ощущение времени, в котором работа выказывает свое превосходство над ним, подчиняет себе, характерно для современного, а не традиционного понимания. И все же, хотя богатый «работал резко», «угомону не знал», он был частью крестьянского мира. В памяти, оценивающей зажиточность, «трудовое начало», как правило, не противопоставляется хозяйствованию. Однако можно встретить и утверждения, что богатый, поскольку у него хватало техники, не работал: «Досадно было тому, кто видел эту картину... Сеять-то богача не заставишь! Бедные-то работают..» (П. Карасев, Атамановка Волгоградской обл.)

Труд, по мнению потомков зажиточных крестьян супругов Афониных из с. Покрово-Марфино (Тамбовская обл.), был двигателем крестьянского хозяйственного круга, включал его в рынок («денег тогда ведь не платили, вот их-то надо было заработать»), приносил доход, поддерживающий жизнь двора во всех ее проявлениях.

Поэтому память убеждена: в коллективизацию были раскулачены «справные» крестьяне, труженики, «все труженики», у кого «соль на рубахах толстым слоем от пота лежала» (40). «Верх» взяли «беззаботные, нехозяйственные», лентяи, те, «кто не хотел работать, а жить хотел хорошо», «пустые люди», «жили как попало», к которым память выражает презрение. Если в XIX в. известная доля лености воспринималась в крестьянской среде нормально, а содержание дома в чистоте в опрятности в традиционном понимании было делом нехозяйственным, то для крестьянской памяти в конце XX в. подобное поведение, напротив, не квалифицируется как крестьянское, выходит за его рамки.

Таким образом, память подмечает движение на пути от натурального хозяйства к все более ориентированному на рынок, от минималистской, потребительской трудовой этики к этике максималистской. И трудолюбие, приносящее хлеб и деньги, превращается памятью в «фетиш, которому следует поклоняться» (выражение Б. Н. Миронова).

Можно согласиться с мнением В.Г. Виноградского, что в подобной оценке заключены и правда, и миф, некое крестьянское сочинительство, порожденное довольно болезненной реакцией старых, видавших виды крестьян на общее понижение усердности и трудолюбия нынешних

сельчан (41).

Следует отметить, что оценка крестьянских трудовых качеств у поколений, родившихся в 10-20-е гг. XX в., совпадает в основном с оценками их родителей - реальными хозяйствующими субъектами тех лет. Об этом можно судить по письмам в центральные органы власти, «Крестьянскую газету» и «Бедноту», которые были переполнены упоминаниями о «крестьянских мозолях», о том, что крестьяне «пашут день и ночь», что «перегруженная не в меру рабочая лошадь это труженик крестьянин» (42). В известной дискуссии середины 1920-х годов «Кого считать кулаком, кого – тружеником?», общей была следующая оценка крестьян: «в своей деревне всякий крестьянин хорошо знает, кто как нажил состояние: своим ли трудом или чужим» (43). Тогда, в годы НЭПа, подобная апелляция к «исконным трудовым качествам» крестьянства объяснялась его недовольством своим положением в системе отношений с властью (городом).

Крестьяне вспоминают коллективизацию как болезненно переживаемый, вынужденный, насильственный отрыв от земли. Памятно, как «болела душа о своей земле». А. Тырышкина, когда землю забрали в колхоз и «пришли на мой участок жать, я – веришь? – упала там на сноп и кричала в истошный голос…». Однако с еще большим негодованием (и особенно мужчинами) вспоминается обобществление лошадей, того, что составляло, по мнению крестьян, истинную ценность хозяйства. Для старшего поколения именно с коллективизацией все пошло «вверх тормашками»: «жизнь упростилась», люди стали уезжать из деревни в город, «единоличное хозяйство нарушили», «землю стали обрабатывать как попало». Итог коллективизации – крушение крестьянского порядка, в котором труд и трудовая память как способ поведения являются его неотъемлемой характеристикой. Одновременно в памяти сложился мифологизированный образ единоличной доколхозной деревни, своеобразный островок «сытости и довольства» в бурной крестьянской истории XX столетия.

В памяти о колхозах на первый план выносится то, что связано с потерей «воли» и интенсификацией труда, его мобилизационным, свойственным советскому варианту модернизации, характером («когда ты единоличник, никто тебя не жмет. А в колхозе сам закон, само расписание угнетает»), с особенно напряженным физическим трудом («но какой тяжелый труд, боже мой!»), с трудоднями («поганые голые трудодни»), когда «людям за труд ничего не давали», когда «внутренности у шуб огнили от многочисленной, тяжелой работы». Оборотной стороной «облегчения» физического труда стала «эмансипация» женского труда, появление женщин-трактористок.

И все же в раннеколхозное время «трудовая дисциплина была куда лучше, чем сейчас. Еще как-то теплилось в крови, в подсознании воспоминание о работе в своем поле» (бывший председатель колхоза С. Руда-

ков, с.Шабаново Кемеровской обл.). В колхозе хотя и работали «от темна до темна», «на работу ехали с песнями, с работы с песнями» (А. Денисенко, п. Викторополь Белгородской обл.), «весело было, в бригадах ночевали, в поле и гармонь была, и песни были» (Т. Волкова, с.Плотниково Новосибирской обл.), «раньше...целый день вяжешь за жнейкой... вечером спускаемся с песнями» (А. Федорова, с.Сабанчеево, Мордовия). В колхозе стало «легче»; пропала необходимость в постоянных заботах о нуждах крестьянского двора: «отработал, пришел домой, да и только» (44). Женщины замечают, что «хозяевам, мужикам это не нравилось». Но потом привыкли, «обленились» работать «за палочки», стало «все равно», «пошла обезличка». Особое место в памяти занимает военное время: с его «трудовым подвигом» в «подневольной колхозной системе».

Средние поколения, вступившие в активный трудовой возраст уже в колхозное время, считали, что отношение крестьян к земле стало меняться после войны. По мнению С. Рудакова, «когда... появилась гарантированная оплата труда, колхозник стал уверен в том, что ...его труд... оплачен. Гарантированная оплата тоже до определенного уровня сработала, а потом стала тормозить. Люди стали искать продушину, где могли получить зарплату, не работая». По откровенным свидетельствам некоторых, «я же больше уносила с колхоза, чем зарабатывала». Как заявил И. Цаплин (д.Красная Речка Саратовской обл.), «колхоз, по-моему, лучше чем единоличник... Колхоз – это вещь! Вот мы его тощим, растаскиваем с тридцатого года. Ведь уже шестьдесят четыре года тощим! А ни хрена не растощим!»

Анализируя эволюцию повседневного существования крестьянского двора на основе семейных историй, В. Г. Виноградский проследил, как менялись его «трудовые привычки» на протяжении более полувека – с момента прекращения единоличного хозяйствования и вступления в колхоз до времени «деколлективизации» начала 1990-х годов.

По его наблюдениям, раннеколхозный двор воспроизводил в колхозном труде свои «дворовые привычки». Но колхозная трудовая идеология многое меняла, двор начал постепенно прощаться с ними. Новые же колхозные правила укладывались в формулу «не особенно напрягаться и выкладываться». Позднеколхозный двор во многом потерял свое значение как относительно самостоятельно действующая структура, его функции сузились. Молодежь покидала деревню. Экономически отодвинувшись на периферию аграрного производства, двор стал заботиться о собственном самосохранении. Источником роста экономической крепости сельского населения был не труд в колхозе (хотя последний стал оцениваться и в денежной форме), а подворье и дополнительные заработки. Но в целом, как отмечал В. Г. Виноградский, доминантой жизни не был широкомасштабный и интенсивный труд на подворье (в качестве исключения он приводил пример одной семьи из северной де-

ревни), а выгодное и безболезненное вхождение в денежные и ресурсные потоки, шедшие от государства колхозу (двор как «присоска», «пиявка» и т.п.). Работа на подворье стала менее трудоемкой, облегченной. Все большее число дворов стало терять свои родовые характеристики. Кредо сельских жителей стало «жить беззаботно, не изнурять себя на бесконечной крестьянской работе». Источник богатства двора – «темное». Правда, сохраняется и понятие «свой труд – самое главное» (О. Литвинова, Атамановка Волгоградской обл.). Сохраняется и объем труда на подворье, но двор становится «конечной инстанцией»: многие трудовые операции выполнялись в колхозе. Такая ситуация облегчала труд, но она избаловала работника, породила привычку трудиться спустя рукава, обострила его хитрость и способность к приспособленчеству. Рассказы о качестве труда времен позднеколхозного двора, как правило, соединены с воспоминаниями о труде в единоличном семейном хозяйстве. Крестьяне великолепно чувствуют разницу между одним и другим трудом, и разница особенно заметна в сравнении (45).

Итак, в рыночные реформы начала 1990-х годов деревня вступила с убеждением, что если «раньше» существовало хозяйское и бережное отношение к земле, труд с детства и целый день, без отдыха, потому что был крестьянин, то «сейчас» земля заброшена, пустует, «гуляет», дети – «неумехи», работники – «временщики» на колхозном поле, «все условия созданы, и все равно не хотят работать, потому что нет настоящего хозяина». Все свидетельствовало о потере трудовой памяти.

Казалось бы, эта оценка совпадала с видением авторов аграрной реформы, ставивших своей целью изменить трудовую мотивацию работников сельского хозяйства на основе приватизации земли и реорганизации колхозов и совхозов. Однако подобное направление реформ было поддержано незначительной частью селян и горожанами, преимущественно потомками «раскулаченных» (46).

Современная аграрная эволюция, как отмечается исследователями, представляет собой столкновение стратегий выживания и стратегий развития (47).

Большинство деревенских жителей не приняло радикального реформирования в форме деколлективизации. Колхоз (или его современная разновидность – «сельскохозяйственный кооператив») с развитой системой социальной защиты и своеобразной («симбиотической») связью с подворьем на протяжении 1990-х годов представал в памяти и в практике как традиция выживания, как гарант доступа к основному жизненному ресурсу – земле, благодаря чему двор сохраняется как семейное хозяйство. Основная масса сельчан думает, что «по справедливости» земля должна принадлежать прежде всего всем местным жителям (а не только тем, кто на ней работает непосредственно – в этом отличие современных взглядов от крестьянских требований начала XX века). Это объяснимо, поскольку 60% взрослых, живущих на селе, люди старше 40

лет, треть – старше 55 лет, и они считают, что заработали своим трудом эту землю (48). Представление о том, что «земля – всеобщий ресурс» имеет и другой аспект. Распределение земли на земельные доли, разделение крупного хозяйства и создание самостоятельных крестьянских фермерских хозяйств встречает возражение в том смысле, что это несправедливо по отношению к будущим поколениям крестьян, повторяя аргументацию традиционного общинного крестьянства.

Несмотря на то, что сельские жители являются собственниками земельных долей, в сознании большинства не сформировалось отношение к земле, передаваемой в частную собственность, как к капиталу, как к признаку богатства, достатка. Около половины (а в старших группах – более 2/3) сельских жителей являются противниками купли-продажи земли сельскохозяйственного назначения.

Основной аргумент против рыночного оборота состоит в том, что распродажа земли приведет к социальной несправедливости, накоплению земли у «богачей-эксплуататоров». В то же время, как показывают современные исследования, земля в земледельческой зоне России почти повсеместно никому не нужна. Исключение составляют лишь пригородные земли, земли южных регионов и некоторые другие (49).

Опросы сельского населения, проведенные сибирскими социологами в 1994-1995 гг., подтвердили, что основная часть работников сельского хозяйства была, как и прежде, ориентирована на труд в коллективных хозяйствах. При этом каждый четвертый респондент свою приверженность коллективному труду объяснял привычкой, каждый пятый рассчитывал на поддержку коллектива в трудную минуту, каждый десятый – на помощь в ведении ЛПХ. В действительности, на крупное хозяйство как источник «подпитки» личного подворья, рассчитывала гораздо большая часть сельских жителей. Среди более образованного сельского населения доля ориентированных на коллективный труд была несколько ниже и составляла 57,6%. Социологические данные по Поволжью (Саратовская обл.) показывали, что 57% работников сельского хозяйства считали коллективный способ хозяйствования наиболее приемлемым для себя (50).

Примером того, как семья служит транслятором памяти о земле в контексте колхозной истории, является письмо 20-летней девушки из Белгородской области. Она представляет «раньше» по рассказам старших - родителей и бабушки, и тем не менее ей «очень хочется, чтобы все вернулось назад». Любопытна избирательность памяти, переданная старшим поколением младшему: «Раньше было хорошо. Вот наша бабушка, которая всю жизнь проработала в колхозе, рассказывает, что в колхозах все выращивали: и арбузы, и картошка, и огурцы, и помидоры были в каждом колхозе. А осенью все собирали и давали на трудодни, и арбузов, говорит, возили домой мешками, ешь не хочу». Память демонстрирует столкновение натурально-потребительских и рыночных инте-

ресов: « А теперь знают только - пшеница, сахарная свекла». Вслед за старшим поколением приводится аргумент, что «колхозы были даже в трудное время после войны, почему мы их сейчас не видим» (при этом «забывается», каково на самом деле жилось колхозникам после войны на той же Белгородчине). Повторяя стереотипы более старших, но выросших в условиях советского строя, поколений, младшее высказывает «наше мнение»: «закрыть базарную торговлю, и чтобы все было в магазинах по доступной цене». И тут же в письме рядом: «Землю мы любим, потому что она нас держит и кормит, дома у нас свое хозяйство...» (51). Что означает последняя фраза? Архетипическую слитность с землей, память как проявление крестьянского («власть земли»)? Или вынужденное прикрепление к земле? Крестьянин может быть крепок земле, принадлежать ей, но не лично кому-то – владельцу или чиновнику. Из этого источника сформировался народный взгляд на землю как на среду обитания, а не средство производства, товар. Ему сродни и трудовое право, предполагающее продажу результатов труда, но не самой земли.

Исследователями отмечается существующая и по сей день слабая дифференцированность общественного мнения, его известные неподвижность и консерватизм, неявно выраженные отличия установок или принципиальных ориентиров сельской «элиты» от основной массы населения (52). Вот, например, суждение одного из молодых руководителей крупного хозяйства: «Паевая система - это глупость, российский человек никогда не понимал слово «собственность». Отдельные люди поняли - те, кто пахать и работать может, но в основном, в общей серой массе людям это понятие как пустой звук. А потому земля должна быть государственной, она должна вся обрабатываться без исключения, и люди должны работать на земле, получать зарплату, натурооплату. Вот как надо все устроить» (53).

В основе подобных представлений лежат два тесно связанных между собой, свойственных крестьянскому миропониманию и поддерживаемых памятью, момента. Это, во-первых, отмечаемая исследователями боязнь утраты коллективной идентичности и социального контроля в отношении человеческой индивидуальности (54). Во-вторых, приверженность сельских жителей понятию социального долга. Сельскохозяйственные земли рассматриваются как часть общественного достояния, а не как средство для получения прибыли, а сами сельские производители несут глубокую моральную ответственность — обеспечить продовольствием города (55).

Наряду с представлениями «земля – всеобщий ресурс» в деревне существует вполне прагматичный взгляд на землю: «земле нужен хозяин». Однако пути реализации подобного постулата в жизнь различны.

Признание своего социального долга вовсе не противоречит рыночной ориентированности работающего на земле человека. Так, выступая от крестьянского имени и делая акцент на традиционно крестьянском

восприятии труда на земле («политое потом поле», « земля-кормилица», «крестьянин – Мировая Душа, которая срослась с землей»), известный новатор и практик почвозащитного безотвального земледелия Ф. Т. Моргун подчеркивает, что осознание крестьянином своей роли всеобщего кормильца предполагает его ответственность за сохранение плодородия, основанную на стабильности землепользования, приносящей прибыль (56).

Идет и процесс концентрации земельной собственности. Например, руководитель одного из крупных хозяйств Юга России свое кредо потенциального латифундиста сформулировал так: «На всех землях нашего АО (12800 га) в конце концов останется только несколько хозяев. У каждого такого хозяина будет примерно полторы тысячи земли в частной собственности. Мы, хозяева, скооперируемся и построим предприятия переработки, на которые уйдут работать наши бывшие колхозники. А в колхозе толку не будет, надо изымать у колхозников землю, если не понимают, если не хотят. Конечно, то, что мы делаем – скупаем у них пай кубанского чернозема в 4,5 га за две и даже за три тысячи рублей – это нечестно. Это мы за бесценок скупаем. Но ведь они не понимают… И потом ведь эти 4,5 га им вообще даром достались. Вот им и не жалко с землей расставаться».

Как сталкиваются в этом случае разные пласты памяти, видно из интервью с заместителем руководителя хозяйства: «Я мог бы этих паев в три раза больше накупить, но неловко это сразу делать, а надо постепенно. Потому что когда у меня уже сто гектар накопилось, пришли ко мне отец и мать и говорят: «Сынок, а зачем тебе столько земли? Ведь тебя за это в Сибирь сослать надо. Если такое родные отец с матерью говорят, чего ж тогда от всей станицы ждать?» Сам руководитель высказался примерно в том же духе: «Мог бы я тут уж сразу все заполучить в собственность, но для этого надо быть уж совсем бессовестным». Этот идущий «сверху», от сельской элиты, процесс поддерживается и «снизу»: «Надоела эта нестабильность в государстве и на селе. Может, сделать из нашего председателя помещика как это было в старые времена. Он хоть и владел бы всем тут, но зато о нас заботился и за нас отвечал. А если бы он не так, как надо себя повел, мы бы нашли средства, как на него воздействовать» (57).

Исследования начала 1990-х годов отмечали, что эталонными качествами лучших работников хозяйств (помимо, конечно, умения работать) были исполнительность и безотказность. Это были «беззаветные труженики» с психологией наемного рабочего, но никак не предприниматели, мечтающие создать свое хозяйство (58).

В современных исследованиях по сельской России обращается внимание на стремление основной массы селян вернуться в качестве наемного работника к регулярному получению денежного заработка, преимущественно на крупном сельхозпредприятии (59).

В целом отношение к происходящим рыночным процессам определяется тем, смогут ли собственники земли получить для себя реальную выгоду от нее.

Так, интервью с жителями саратовского села, где муж возглавляет фермерское хозяйство, показывает, что в последние годы в семье изменилось отношение к работе на земле. Прежняя легковесная позиция «как бы ни посадили, все равно что-то вырастет» сменилась желанием получить лучший урожай при меньших затратах. Семья настроена на высокий уровень потребления (60).

Рядовые работники стремятся сохранить свою земельную долю. Вот как по этому поводу рассуждает жительница кубанской станицы: «Я долг по ссуде скопила и отдала в кассу, потому что под эту ссуду у меня заложен мой земельный пай, четыре с половиной гектара. И не дай Бог, если я заболею или попаду в больницу, и не отдам эти 250 рублей! Тогда у меня заберут эти четыре с половиной гектара. Видишь, какой у меня будет тогда убыток, я несу ответственность перед кассой своим земельным паем. А мне его терять ох как не хочется» (61).

«Недоедим, но пай не продадим» - броский и вызывающий девиз, который имеет под собой вполне объективные основания. Исследователями отмечается, что упорное стремление держаться за землю, которая не является источником дохода семьи, объясняется не «непостижимыми крестьянскими генами», а вполне практическими соображениями. Наличие земельного пая выступает «кодом доступа» к ресурсам хозяйства, прежде всего к кормам, для поддержания ЛПХ, поскольку дает право на их приобретение по внутренним ценам, а также возможность «брать выращенное собственным трудом» в согласии с традициями обычного права (62).

То, как на отношение к происходящему влияет прошлый опыт, показали социологические исследования последнего десятилетия. Для массового сознания (и деревня здесь не исключение) характерна ностальгия по недавнему советскому прошлому – «семидесятым годам», времени стабильности, «уверенности в завтрашнем дне», «жизнерадостности», «сытости», «дешевизны и доступности товаров», когда стирались границы между сельским и городским образом жизни (63). Все это обеспечивалось связкой «колхоз-семейный двор» в системе советского аграрно-индустриального порядка. При этом «земля» и «труд» как понятия-символы выводятся за границы данного пласта памяти. Можно говорить об уходе трудовой памяти как таковой: многие навыки, связанные с универсальным физическим трудом на земле, которыми крестьяне владели прежде, оказались ненужными. В интерпретации супругов Афониных (с.Покрово-Марфино, Тамбовской обл.), суть подвижек в крестьянских умениях может сводиться к формуле «от умения хозяйствовать – к умению жить»: быть на такой работе, иметь такую должность, чтобы себя не слишком много физически и морально истощать, а иметь от работы вся-

ческие блага. Как выразилась Т. Волкова (с. Плотниково Новосибирской обл.), «раньше все счастье сами наживали, а сейчас только воруют». Вот пример детской игры «в прятки»: «давайте прятать молоко», - играя, говорила сельская детвора. Так дети на своем уровне воспринимали новый постулат деревенской жизни – «взрослые не знают, что значит – не воровать» (64). Можно говорить, что произошел переход от трудовой памяти к памяти потребления и нетрудовой памяти.

Если в отношении доколхозной деревни вспоминается, как жили экономно и расчетливо, трудились, были сыты и свободны; в отношении раннеколхозной деревни, как работали «за палочки», голодали и приворовывали, то применительно к позднеколхозной деревне, как ели всего «от пуза» («мясо - тазами»), покупали колбасу – «палками», конфеты – коробками, сахар, макароны – мешками и как воровали. Это относительно спокойная и размеренная жизнь семидесятых, где господствует уже не традиционная, но потребительская этика.

Однако свойственная «застойному» прошлому «легкость в потреблении» в ходе «рыночных реформ» исчезла, ушел прежний «порядок»: «Теперь приходится жить урывками. Покупаешь только то, что доносилось до кондиции, лишнего, про запас уже ничего не купишь. Стало все внатяжечку» (65).

Вместе с тем, исследователями обращается внимание на использование широкими слоями населения двойных стандартов и оценок. Это выражается, во-первых, в отнесении всех позитивных моментов сегодняшнего дня к куда более широкому спектру возможностей, существующих в окружающем социальном пространстве в настоящее время («мой ВАЗ – консервная банка в сравнении с джипом»). Во-вторых, в соотнесении всего негатива текущего момента к позитиву дореформенного времени («разве тогда начальство могло так хапать?») (66).

Как отмечается, труд сегодня рассматривается большинством россиян как деятельность, основная цель которой - удовлетворение потребительских нужд самого работника и его семьи; наибольшая распространенность высокого заработка как ценности труда является общей для России и большинства других стран (67).

Если вести речь об аграрном секторе, то здесь в 90-е годы нарастало противоречие между растущей инструментальной мотивацией труда (для 80% опрошенных работа является прежде всего экономической необходимостью, а среди наиболее важных характеристик работы респондентами отмечена хорошая оплата) и отсутствием возможностей у сельхозпредприятий для материального поощрения работников; наблюдалось резкое падение общественной оценки труда (68). В этом обнаруживается парадокс аграрной реформы, поскольку последняя привела, по существу, не к усилению, а к разрушению трудовой мотивации.

Среди необходимых для становления новой рыночной экономики качеств индивида на селе называются такие, как трудолюбие; предпри-

имчивость, инициатива, самостоятельность; честность, принципиальность; высокий профессиональный уровень, образование и пр. Однако по данным опросов в Сибирском регионе (в основном, совпадающих с данными по другим регионам России) самооценки сельских работников в этом отношении весьма скромные. Каждый десятый заявил, что не обладает никакими из перечисленных качеств; затруднились с ответом около 28%. По мнению половины опрошенных в 1997 г. сельских работников, в ходе аграрного реформирования ухудшились возможности проявить способности, знания, инициативу, а также работать в полную силу (69). Для сравнения приведем общероссийские данные. Так, для российского населения (по крайней мере, в первой половине 1990-х годов) в отношении труда была характерна формула неэквивалентного обмена - "больше получать и меньше делать" (а не формула "справедливого" обмена: "чем лучше платят, тем больше делаю"). Отмечалась широкая распространенность ценностей работы как способа общения и социального служения при одновременном безразличии к ценностям индивидуальной карьеры (70).

В ходе опроса 1996 г., предпринятого сибирскими социологами, сельским работникам задавался вопрос о том, что их побуждает выходить каждый день на работу, несмотря на множество проблем, включая систематическую задержку заработной платы.

По характеру ответов можно говорить о том, что профессиональная мотивация трудовой деятельности (профессиональная, «протестантская» и патриотическая мотивация) занимает меньшую долю в структуре мотивов по сравнению с другими мотивами (% к числу опрошенных):

профессиональная мотивация трудовой деятельности: ответы типа «профессиональный долг», «любовь к профессии», «интерес» – 21,2%;

«протестантская мотивация»: осознание работы как неотъемлемой черты образа жизни: ответы типа «не могу не работать, человек должен работать" – 11%;

патриотическая мотивация: "чувство ответственности перед коллективом, перед людьми", "совесть" – 10,3%;

привычка – 18%;

безысходность – 28,8%;

надежда на улучшение положения – 17% (71).

Усиливающееся обесценение труда в сельском хозяйстве способствует «отвыканию от труда», сохранению инерции преодоления трудовой памяти. Опросы 1996-1997 гг. по Сибири показали, что более 30% сельских жителей согласились бы вообще не работать, если бы пособие по безработице было достаточным для безбедной жизни. Между тем еще в 1993 г. положительно на этот вопрос ответил лишь каждый десятый сельский респондент (72).

Исследователями фиксируется появление феномена, названного «нищим аристократизмом». В коллективном хозяйстве, где месячная

зарплата выплачивается нерегулярно и едва превышает 200 руб. (в ценах сентября 2003 г.; данные по Саратовской обл.), постоянная нищета доводит до того, что человек не хочет работать. По отзыву фермера, наблюдающего эту картину деградации местной хозяйственной жизни, «когда работа в поле есть, люди работают, а нет – сидят, отдыхают. Но мы, фермеры, живем не только для того, чтобы работать, - надо и отдыхать, а отдыхать-то нам некогда. А они, колхозники, каждый день веселые и довольные. Получается – они аристократы, а мы рабы. Какой резон ему идти работать, если он за это ничего не получит. Он работает, но немного, для того, чтобы выпить. Для этого ведь много работать не надо. Вот – к нам пришел, капусту прополол, деньги получил, и все. И голова у него не болит. А ты ее посади, да вырасти. Вот этот нищий аристократизм, он, конечно, поразил многих» (73).

Все это приводит к возрождением архаических форм прошлого, развитию криминальных практик, расцвету воровства, пьянства, закреплению такого состояния современного сельского социума, которое квалифицируется как «социальное оборотничество» (термин В. Г. Виноградского). «Мы, когда вводили акционирование в колхозе, думали, что люди будут от этого вести себя ответственнее. Но сознание дало обратный ход – и воровать стали больше», - резюмировал один кубанский станичник. «У колхоза нет наличных денег, чтобы нам платить за эту работу (на овощах), а нам невыгодно эти копейки получать. Поэтому я лучше наворую столько продуктов, сколько мне нужно, … чтобы потом не беспокоится за жизнь», - откровенничал другой (74).

В этом ряду находятся и другие явления современной сельской действительности.

Бюджетные обследования сельских семей, проведенные исследовательской группой под рук. Т. Шанина во второй половине 90-х годов в некоторых регионах России (Поволжье и Кубань) зафиксировали сильный межпоколенный разрыв в ценностных установках села. Земля и крестьянствование из «священной обязанности земледельца» превратились для молодых в порабощающую обузу, которая отнимает здоровье и силы, ограничивает свободу передвижений. «Любовь к земле» - вовсе не безусловная вещь для современной деревни разных регионов. Мнение жителя сибирского с. Плотниково: «Родители обрабатывали земли много – не как сейчас: 30-40 соток. Сейчас вот говорят: земля! Земля! А зачем мне 30 гектаров? Чем мне ее обрабатывать? Лопатой я могу только 30 соток обработать. А наши дети и к земле не тянутся. Моему сыну за 30 лет, а он как слепой тычется. Не знают они земли-то!». Молодые сельчане сознательно ограничивают размеры ЛПХ или не торопятся завести собственное, оттягивают наступление момента самостоятельного хозяйствования. Например, жительница саратовского села поясняет, что «сейчас одна корова – материально посложнее, зато для себя есть время почитать, посмотреть телевизор, да и уехать отдохнуть можно». Причем,

женщины считают, что ими нарушаются определенные нормы, традиция и стараются говорить об этом вне рамок процедуры формального интервью (75).

Современная сельская рациональность чаще всего нацелена, как отмечается в исследованиях, не на расширение производства или открытие своего бизнеса. Накопленные ресурсы семья предпочитает вкладывать в своих детей, которые скорее всего покинут село для работы или учебы в городе (76). Сельскохозяйственная профессия, как свидетельствуют опросы ВЦИОМ, для большинства представляется непривлекательной. Даже фермеры и предприниматели определенно высказываются против выбора их детьми профессий, связанных с сельским хозяйством или промышленной переработкой его продуктов. По мнению экспертов, это является наиболее чутким индикатором, ясно указывающим на негативное отношение живущих на селе или связанных с селом к сельскому труду и к АПК, устойчивое представление о безнадежности и бесперспективности этой сферы в настоящем, чувство невозможности изменить здесь что-либо к лучшему (77).

Впрочем, основания для такого «разрыва памяти», «разрыва преемственности» сельское население черпает и в своем прошлом, представляя историю крестьянства в XX столетии как великую жертву. Весьма красноречив диалог с А. Аюевой (с. Ст. Синдрово, Мордовия).

Интервьюер: Родители также были из крестьян?

А. Аюева: Несчастные крестьяне.

Интервьюер: А почему несчастные?

А. Аюева: А чем счастливые?!

Интервьюер: Крепкие они были?

Аюева А.: Они труженики были.

Интервьюер: Ну все же, кем они были: бедняками, середняками или кулаками?

А. Аюева: Дураками они были, всю жизнь они работали… спины себе сломали, и погибли ни с чем. Вот так жили.

Интервьюер: А где они погибли?

А. Аюева: От работы они погибли...и вот Светочка такого же несчастного родила.

«Кто же это нас такой жизнью каторжной наказал?», - задавалась вопросом А. Ховрачева, жительница среднерусской деревни Гати (78).

Казалось бы, трудовая память уходит на периферию сознания и поведения сельских жителей. Земля давно отошла на дальний план в числе критериев богатства, а на первый план выдвинулись деньги, должности, машины. Не случайно в представлении о зажиточности полярным вариантом "возвышения по труду" стало в деревне "возвышение по чину".

Так, уровень зажиточности в деревне, хотя и определяется преимущественно городскими критериями, не исключает и собственно деревенских. Статус хорошего хозяина, особенно на Юге России, связан с

подворьем. Вероятно, можно считать разновидностью "трудовой памяти" «возрождение» личного подсобного хозяйства в начале 1990-х, хотя это «возрождение» было во многом вынужденным, и место ЛПХ в стратегиях современных сельских семей различно. Исследователи отмечают, что на протяжении последнего десятилетия крестьянский двор начинает постепенно восстанавливать свои родовые качества, привычки и знания (79).

В начале 1990-х годов старшее и среднее поколения сохраняло убежденность в то, что «если работать не будете и экономно жить не будете, ни черта ничего у вас не будет!», «всем необходимо работать, каждому на своем месте», «кто работает хорошо, то всегда в почете», «трудолюбивые люди не переведутся никогда. В разных течениях крестьянин остается крестьянином».

Трудолюбие относится к числу общих ценностей в социально-психологическом портрете личности современного жителя села, хотя и не занимает первые позиции (80).

У сельского населения существуют разные критерии относительно социальной структуры сельского социума. Важное значение придается трудовой и нетрудовой составляющей обретения материального благосостояния или получения дохода. Так, в обследовании сибирских социологов встречались ответы такого рода: " в нашем селе люди делятся на простых, работящих и "присоски", которые едут, везут продукцию, а потом богатеют". Однако так думают не все сельские жители. Встречалось и иное представление о формирующихся стратах, в которых отражается трудовой характер нажитого богатства: "богатые – так как работают, и бездельники, кто сидит у них на шее".

Отношение к труду имеется в виду и при разделении социума по деловым качествам: есть "работящие (добросовестные, трудолюбивые, хозяйственные) и ленивые (лодыри, тунеядцы, бездельники, бесхозяйственные)". При характеристике местной власти также высвечивается отношения, складывающиеся по шкале «трудовой/нетрудовой»: «пользуются результатами чужого труда» (81).

По общероссийским опросам, проведенным НИИ экономики сельского хозяйства, наиболее часто встречающимся ответом на вопрос "Что нужно предпринять для улучшения жизни?" является такой – "нужно больше и лучше трудиться". Так думает более половины опрошенных работников сельскохозяйственных предприятий. Предполагается что при существующей оплате труда данный ответ характеризует скорее отношение респондентов к труду на собственном подворье, чем на предприятии, и убежденность их в том, что в нынешних условиях они могут опираться лишь на собственные силы (82).

Опросы показывают, что более 60% сельских жителей рассчитывают только на себя, на свою активность в улучшении своей жизни. Те, кто находится сегодня в активном трудовом возрасте, ориентируются как на

разнообразные приемы выживания (где вовсе не все создается трудом), так и собственно на трудовую память - принцип «все надо уметь». Люба Курановская, жительница кубанской станицы и глава семьи, серия интервью с которой была собрана в 1995-1996 и 1999-2000 годах, высказалась на этот счет определенно: «Запас умений – самый дорогой! Не только шмотки надо запасать, а именно умения. Надо все понемножку, но надо все уметь» (83).

* * *

Целостность всех сторон крестьянской жизни определяет и целостность крестьянской коллективной памяти. Земля и труд на ней – важнейшие понятия в структуре крестьянской идентичности. С ними связаны все формы крестьянской памяти: память=поведение, включая ритуал, и память=воспоминание. Но труд на земле объединяет другие компоненты памяти, присущие разным поколениям крестьян. Поэтому память крестьян о земле - это и память труде крестьянской семьи и ее положении сельской общности, а также об отношениях с властью, а память о власти - это одновременно и память о сельской общности и земле, основе функционирования семейного двора.

Прошлое столетие стало в истории России в равной степени временем ухода крестьянства от земли и ухода земли от крестьянства. Формировавшаяся веками крепкая связь крестьян с землей, в поддержание которой внесли свою лепту природно-климатический, социально-правовой, конфессиональный и исторический факторы, за одно столетие оказалась разорванной, а неоднократные попытки рынка восстановить ее в новом качестве оказывались не всегда эффективными. По отношению к земле сталкивались два подхода, имеющие свои основания в памяти: социальная справедливость или экономическая эффективность. В итоге в деревне возобладало функциональное отношение к земле. Необходимо ли оно ей – покажет время.

Примечания

[1] Гордон А.В. Тип хозяйствования – образ жизни – личность // Крестьянство и индустриальная цивилизация. М., 1993. С. 113; Он же. Хозяйствование на земле - основа крестьянского мировосприятия // В кн.: Менталитет и аграрное развитие России (XIX-XX вв.). М., 1996. С. 57-74.

[2] Громыко М.М., Буганов А.В. О воззрениях русского народа. М., 2000; Данилов В.П., Данилова Л.В. Крестьянская ментальность и община // Менталитет и аграрное развитие России. С. 22-39; Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998.

[3] Гордон А.В. Пореформенная деревня в цивилизационном процессе (Размышления о постановке вопроса) // Рефлексивное крестьяноведение. Десятилетие исследований сельской России / Под ред. Т. Шанина, А. Никулина, В.Данилова. М., 2002. С. 141-160.

[4] См. подробнее: Кознова И.Е. XX век в социальной памяти российского крестьянства. М., 2000.

[5] Громыко М.М. Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в. М., 1986. С. 117-125; Домников С.Д. Мать-земля и Царь-город. Россия как традиционное общество. М., 2002. С. 35-37, 88-103, 380-383. Кузнецов С.В. Традиции русского земледелия: практика и религиозно-нравственные воззрения. М., 1995; Пропп В.Я Русские аграрные праздники. СПб., 1995; Тульцева Л.А. Социально-нравственные аспекты земледельческой обрядности // В кн.: Русские народные традиции и современность. М., 1995. С. 283-298; Федотов Г.П. Мать-земля (К религиозной космологии русского народа) // Судьба и грехи России. Избранные статьи по философии русской истории и культуры. СПб., 1992. Т. 2. С. 66-82.

[6] Коваль Т.Б. Православная этика труда // Мир России. 1994. № 2. С. 89-96; Кудюкина М.М. Труд в системе ценностей русского народа // В кн.: Этика и организация труда в странах Европы и Америки. Древность, средние века, современность. М., 1997. С. 296-312. Туторский А.В. Трудовые традиции русских крестьян в XIX в. М., 2001. Деп. в ИНИОН РАН.

[7] Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). Т. 2. СПб., 2003. С. 305-315, Туторский А.В. Указ. соч. С. 53.

[8] Buldakov V. Модернизация, традиция и агрессия в русской революции: провинциальный аспект // Studia Slavica Finlandesia. Tomus XVII. Helsinki 2000. С. 14; Карпачев М.Д. Воронежское крестьянство о зажиточности в годы столыпинской реформы // Зажиточное крестьянство России в исторической ретроспективе. Материалы XXVII сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Вологда, 2001. С. 189-202.

[9] Собственность на землю в России: История и современность / Под общ. ред. Д.Ф. Аяцкова. М., 2002. С. 219-220.

[10] См.: Кабанов В.В. Без альтернатив (Пути и бездорожье аграрного развития России: век XX - до коллективизации) // В кн.: Крестьянское хозяйство: История и современность. Ч.I. Вологда, 1992. С. 90; Телицын В.Л. Февральская революция и аграрный вопрос: теория и практика // В кн.: 1917 год в судьбах России и мира. Февральская революция: от новых источников к новому осмыслению. М., 1997. С. 168-177.

[11] Миронов Б.Н. Социальная история России. Т.1. С.481; Т.2. С. 315-316.

[12] Чернышев И.В. Крестьяне об общине накануне 9 ноября 1906 г. СПб., 1912. С. 8-9, 21, 43 и др; Он же. Община после 9 ноября 1906 г. (по анкете Вольного экономического общества). Ч.1. Пг., 1917. С. 22-23, 49, 78-79, 81-82, 166-167.

[13] Гордон А.В. Пореформенная деревня в цивилизационном процессе. С. 141-160. См. также: Леонтьева Т.Г. Вера и прогресс. М., 2002.

[14] См. подробнее: Земельный вопрос. Под ред. Е.С. Строева. М., 1999. С. 213-216.

[15] См. подробнее: Кознова И.Е. Обсуждение проблем общинного землепользования в крестьянской среде в 1920-е годы // Землевладение и землепользование в России (социально-правовые аспекты). Материалы XXVIII сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Калуга, 2003. С. 275-287.

[16] Голос народа. Письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918-1932 гг. / Отв. ред. А.К.Соколов. М., 1997. С. 242-244; Крестьянские истории: Российская деревня 20-х годов в письмах и документах / Сост. С.С. Крю-

кова. М., 2001. С. 61-135; Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 84. Д. 916. Лл. 149-150; Оп. 85. Д. 16. Лл. 225-241; Российский государственный архив экономики (РГАЭ) Ф. 396. Оп. 5. Д. 210. Л. 1297.

[17] Голос народа. С. 97-98, 115-116, 124-129, 136-137, 242, 245; Крестьянские истории. С. 61-134; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 825. Л. 2-11, 37-41, 99-101; Д. 857. Лл. 50-52, 224-227; Д. 858. Лл. 32, 59-65; Оп. 85. Д. 19. Л. 140, 224-226, 264; РГАЭ. Ф. 396. Оп. 2. Д. 23. Л. 386-387; Оп. 6. Д. 123. Л. 15.

[18] Магун В.С. Трудовые ценности российского населения // Вопросы экономики. 1996. № 1. С. 47-48.

[19] Цит. по: Зеленин И.Е. Крестьянство и власть в СССР после "революции сверху" // Вопросы истории. 1996. № 7. С. 28.

[20] См. об этом: Мацузато Кимитака. Индивидуалистские коллективисты или коллективистские индивидуалисты. Новейшая историография по российским крестьянским общинам / В кн.: Новый мир истории России. Форум японских и российских исследователей. Под ред. Бордюгова Г, Исии Н., Томита Т. М., 2001. С. 197-198. Кимитака Мацузато имеет в виду опубликованную на япон. языке монографию Хироси Окуда «Процесс становления колхозов: конец общин в России» (Токио, 1990). С. 42-56.

[21] Димони Т.М. От частника к колхознику: трансформация представлений о собственности крестьянского двора в 1930-1950 гг. (на материалах Европейского Севера России) // В кн.: Собственность в представлении сельского населения России (XIX-XX вв.): Регионально-исторический аспект / Под ред. Д.С.Точеного. Ульяновск, 2001. С. 179-184.

[22] Земельный вопрос. С. 160.

[23] Зубкова Е.Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945-1953. М., 1999. С. 61-69.

[24] Попов В.П. Российская деревня после войны (июнь 1945 - март 1953). Сб. документов. М., 1993. С. 181-193.

[25] Тимофеев Лев. Последняя надежда выжить. Эрмитаж, 1985. С. 16-18.

[26] См. об этом: Димони Т.М. История колхозной деревни в романном творчестве Федора Абрамова // Отечественная история. 2002. № 1. С. 126-129.

[27] По мнению Ш. Фицпатрик, крестьян на своих подворьях можно квалифицировать как «близких родственников» "разумных крестьян" Попкина. См.: Фицпатрик Ш. Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е годы: деревня. М., 2001. С. 17.

[28] Тимофеев Лев. Последняя надежда выжить. С. 23-31.

[29] Коллектив колхозников. Социально-психологическое исследование. Под ред. В.Н. Колбановского. Рук. авт. колл. И.Т.Левыкин. М., 1970. С. 52-59; Симуш П.И. Облик хозяина земли. М., 1984. С. 122.

[30] Магун В.С. Указ. соч. С. 48-49.

[31] См.: Полякова Н.Л. От трудового общества к информационному: западная социология об изменении социальной роли труда. М., 1994. С. 59.

[32] Мура-но нихондзин [Деревенские японцы]. Токио, 1975. С. 82-86. Автор выражает признательность профессору Хироси Окуда за предоставленную информацию.

[33] Многоукладная аграрная экономика и российская деревня (середина 80-х – 90-е годы XX столетия). Под ред. Е.С. Строева. М., 2001. С. 93-96.

[34] Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. А-664. Оп. 1. Д. 156. Л. 28-32, 38-61, 83-84, 123; Д. 393. Л. 34-35; Д. 396, Л. 1, 3, 36-46; Д. 398. Л. 12-16, 36, 39, 41, 43 и др. См. подробнее: Многоукладная аграрная экономика и российская деревня. С. 130-138.

[35] Многоукладная аграрная экономика и российская деревня. С. 107-108.

[36] Аграрная партия России. Документы. События. Лица. М., 1994. С. 3, 10, 52, 87 90-92; Деревня – это совесть России. М., 2001. С. 35-36, 120, 135-137, 140, 144, 160, 192-194, 206.

[37] По России было собрано 129 семейных историй, которые исследовал автор данной статьи. См.: Междисциплинарный академический центр социальных наук. Архив российско-британского проекта «Социальная структура российского села. 1990-1994 гг.» CD-ROM. Описание архива см. также: Ястребинская Г. Архив российско-британского проекта «Социальная структура российского села: 1990-1994 гг.» // В кн.: Рефлексивное крестьяноведение. С. 552-561. Некоторые семейные истории опубликованы (см.: Голоса крестьян. Сельская Россия XX века в крестьянских мемуарах. М., 1996).

[38] Бердинских В.А. Народ на войне. Вятка, 1996. С. 9-10, 41-42, 64-65, 77-78, 88-89, 97-99 и др.

[39] Виноградский В. Российский крестьянский двор. Экономика повседневного существования // Волга. 1995. № 4. С. 129-130, 156-157.

[40] Аналогичное читаем в «записках сына раскулаченного:»: «Сегодня мне совсем не важно: являлся ли мой отец настоящим кулаком или нет. Для меня важно сознавать, что он был порядочным человеком, величайшим тружеником, каких теперь в крестьянстве мало. Да такими были все сосланные к озеру Куренево. Это были люди жадные до земли и знавшие ей цену. Потому и смогли не только выжить в тех наитруднейших условиях, а и сделать свое хозяйство передовым в районе. А ведь начали от пня» (Старжинский П.И. Взрослое детство. М., 1990. С. 252).

[41] Виноградский В. Российский крестьянский двор // Волга. 1995. № 2-3. С. 128.

[42] Крестьянские истории: С. 61-63, 69, 71, 73, 79-84, 104, 126 и др.

[43] Кого считать кулаком, кого – тружеником? Что говорят об этом крестьяне? М., 1924. С. 55.

[44] См. также: Виноградский В. Российский крестьянский двор // Волга. 1995 № 2-3. С. 134-135, 142-143; Он же. Деревня Красная Речка: пространство крестьянской повседневности // Рефлексивное крестьяноведение. С. 531-533.

[45] Виноградский В.Г. Российский крестьянский двор // Мир России. 1996. № 3. С. 3-76.

[46] Многоукладная аграрная экономика и российская деревня. С. 138-148, 160-163; Казарезов В.В. Фермеры России. Очерки становления. Т. 1-2. М., 2000.

[47] См. подробнее: Лылова О. Экономическая адаптация селян к рыночным условиям // Социологические исследования. 2003. № 9. С. 107-113; Родионова Галина. Приватизация земли: выжить или преуспеть? // Отечественные записки. 2004. № 1. С. 102-104.

[48] Гудков Л., Дубин Б. Сельская жизнь: рациональность пассивной адаптации // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2002. № 6. С. 33.

[49] Отечественные записки. 2004. № 1. С. 452 (данные Т.Г. Нефедовой).

[50] Великий П.П., М.Э. Елютина, И.Е. Штейнберг, Л.В. Бахтурина. Старики российской деревни. М., 2000. С. 24; Сибирская деревня в период трансформации социально-экономических отношений. Под ред. З.И. Калугиной. Новосибирск, 1996. С. 35-36.
[51] Голоса крестьян-2. Часть 1. Крестьяне Белгородской области пишут в Думу. М., 1999. С. 24-25.
[52] Гудков Л., Дубин Б. Указ. соч. С. 26.
[53] Тимофеев Л. Коррупционные схемы и перераспределение земли в сельском хозяйстве. М., 2002. С. 106.
[54] Панченко Александр. Мать или мачеха? // Отечественные записки. 2004. № 1. С. 401-407.
[55] Аллина-Пизано Джессика. Аграрные реформы в России и на Украине: сравнительный анализ // Отечественные записки. 2004. № 1. С. 119.
[56] Моргун Ф.Т. Крестьянин – Мировая Душа. Белгород, 2000. С. 66, 124.
[57] Рефлексивное крестьяноведение. С. 352-354, 368.
[58] Земельный вопрос. С.220; Многоукладная аграрная экономика и российская деревня. С. 96 , 107, 143.
[59] Пациорковский В.В. Сельская Россия: 1991-2001 гг. М., 2003. С. 75.
[60] Рефлексивное крестьяноведение. С. 201-202.
[61] Рефлексивное крестьяноведение. С. 251-252.
[62] Штейнберг И. Останется ли в России крестьянин? // Отечественные записки. 2004. № 1. С. 51.
[63] Многоукладная аграрная экономика и российская деревня. С. 211. См. также: Кознова И.Е. Аграрные преобразования в памяти российского крестьянства // Социологические исследования. 2004. № 12. С. 74-85.
[64] Тимофеев Лев. Последняя надежда выжить. С. 72-73.
[65] Рефлексивное крестьяноведение. С. 224.
[66] Пациорковский В.В. Указ.соч. С. 327.
[67] Магун В.С. Указ.соч. С. 50-52.
[68] Бондаренко Л.В. Российское село в эпоху перемен. М., 2003. С. 245. Сибирская деревня в период трансформации социально-экономических отношений. С. 39.
[69] Калугина З.И. Парадоксы аграрной реформы в России. Новосибирск, 2000. С. 50-52.
[70] Магун В.С.Указ. соч. С. 55-58.
[71] Калугина З.И. Указ. соч. С. 129-131.
[72] Там же. С. 138.
[73] Виноградский В., Виноградская О. Как сельские частники сопротивляются «правовому разглаживанию» их хозяйственных практик // Отечественные записки. 2004. № 1. С. 330.
[74] Рефлексивное крестьяноведение. С. 173, 366.
[75] Рефлексивное крестьяноведение. С. 205, 270, 331.
[76] Штейнберг И. Указ. соч. С.57-58.
[77] Гудков Л., Дубин Б. Указ. соч. С. 29-30.
[78] Тимофеев Лев. Последняя надежда выжить. С. 19.
[79] Виноградский В. Российский крестьянский двор // Волга. 1995. № 2-3. С. 149-150; Рефлексивное крестьяноведение. С. 175, 201-202, 214, 244, 247, 301 и др.

[80] Великий П.П. и др. Указ.соч. С. 60.
[81] Калугина З.И. Указ. соч. С. 115-117.
[82] Бондаренко Л.В. Указ.соч. С. 483-484, 497-498.
[83] Рефлексивное крестьяноведение. С. 244.

II. ДОКОЛХОЗНОЕ КРЕСТЬЯНСТВО

Такэо Судзуки

Модернизирующаяся Россия и сельская община: реформы и традиция

I. Реформы Петра I и община

Как известно, в начале XVIII века Петр I замыслил сделать свою страну великой европейской державой. На севере он вел борьбу с Швецией за выход к Балтике, на юге – с Турцией, для завоевания господства на Черном море. Чтобы осуществить эти притязания, нужно было укрепить государственную мощь, в особенности военный ресурс. Используя опыт западных стран, Петр I содействовал развитию военной промышленности, внедрил систему воинской повинности, провел административную, церковную и другие реформы. Модернизация России началась, однако источники финансирования реформ были таковы, что укрепляли крепостную систему. Вводились ревизия и подушная подать. В добавление к повинностям в отношении помещиков (оброк или барщина), на крестьянство были возложены государственные обязательства уплаты подушной подати и исполнения воинской повинности. Это укрепление крепостничества значило укрепление общинного порядка. В центральной России усилилась крестьянская община, которая несла коллективную ответственность за всех своих членов при исполнении повинностей, связывая их круговой порукой, и производила равное распределение повинностей, и – соответственно - земель между ними, проводя - по мере изменения работоспособного состава каждого двора - переделы повинностей и земель. Кроме того, община, как средоточие крестьянской повседневной жизни, а, временами, как опорный пункт крестьянского бунта, осуществляла разнообразную деятельность и выполняла множество функций. И в то же время она поддерживала крепостнический порядок и царское самодержавие. Таким образом, намеченная по образцу Западной Европы модернизация России в действительности отличалась по ряду параметров и отдалила ее от западного общества.

II. Дискуссия о земледельческом усовершенствовании и община

Последняя треть XVIII и первая половина XIX века были насыщены оживленными дискуссиями, вызванными стремлением использовать западноевропейский опыт рационального хозяйствования в России. Их ак-

тивными участниками были А. Т. Болотов, Д. М. Полторацкий, М. Г. Павлов и другие. В помещичьих хозяйствах получили практическое применение западные агро-технологические новации, в частности, теории И. К. Шубарта о многопольном севообороте с высаживанием клевера, проводились опыты, связанные с внедрением новых сельскохозяйственных культур (картофель и пр.), вводились более совершенные методы обработки земли. Важную роль в этом играли специализированные журналы и школы. Движением "нового земледелия" руководили Вольное Экономическое Общество, Московское Общество Сельского Хозяйство и другие общества. Обсуждение путей и способов преобразования аграрного строя России привело к постановке вопроса о перспективе крестьянской общины. Ф. В. Удолов, А. В. Рознатовский, Д. П. Шелехов, В. А. Черкасский и другие подчеркивали необходимость введения рациональных форм и методов хозяйствования и отмечали вредность общины. Одновременно делались шаги по переходу от общинного к подворному землепользованию.

Однако подобные попытки внедрения "нового земледелия" не удались. Весьма красноречива в связи с этим мысль, высказанная в 1806 году Ф. В. Ростопчиным в его брошюре «Плуг и соха» : "Отцы Наши были не глупее нас были". В 1845 году И. В. Киреевский, отмечая неудачу многих рациональных хозяйств, написал: "Как прежде искали всего нового, называя всякое нововведение улучшением, так теперь начали бояться всякого улучшения потому, что оно нововведение". Основной причиной неудачи "нового земледелия" была недостаточность рыночных и других экономических условий.

Накануне крестьянской реформы возобновилась полемика вокруг крестьянской общины. Против таких защитников общины, как славянофилы и Н. Г. Чернышевский, выступили либеральные экономисты - И. В. Вернадский, Д. Н. Стурков и другие, ратовавшие за упразднение крестьянской общины, однако их позиция не пользовалась влиянием.

III. Крестьянская реформа в Прибалтике и община

В Прибалтике, которая была присоединена к России после Северной войны (Ливония и Эстония), а также при третьем разделе Речи Посполитой (Курляндия) и сохраняла отличную от в центральной России традицию землепользования, постепенно распространилось крепостничество. Появились - особенно в Ливонии и Эстонии - помещики, которые, оказавшись в нищенском положении после Северной войны, стремились максимально эксплуатировать своих крепостных. Однако можно отметить и стремление помещиков=дворян точнее определить юридическое положение крепостных, используя опыт «опеки крестьянства», существовавший в период шведского владычества.

В соответствии с «духом времени» и настроениями эпохи Просвещения, генерал-губернатор в Ливонии, следуя советам Екатерины II, тоже

предложил улучшить крестьянское положение. В этой обстановке под руководством дворянства были составлены Положения об упразднении крепостничества в трех прибалтийских губерниях: в Эстонии в 1817 году, после Положения об опеке крестьянства в 1795 году и Положения о крестьянстве в 1802 году; в Курляндии в 1818 году, минуя Положение об опеке крестьянства; в Ливонии в 1819 году, после Положения о крестьянстве в 1804 году. Реформы привели к установлению для помещика полного права собственности на все земли. Крестьяне стали свободными, но оказались безземельными. Были учреждены и крестьянские общины, постановленные под контроль владельца. В 1866 году в отношении прибалтийских губерний было принято Положение о земельной общине, освобождавшее общины от владельческого вмешательства в их самоуправляющуюся деятельность, но, в то же время, включавшее общины в систему государственного управления с целью распространения царизма.

IV. Крестьянская реформа 1861 года и община

Перед русским правительством после поражения в Крымской войне вновь встала задача модернизации для восстановления международного статуса России, ее престижа как великого государства и для укрепления монархического режима. Модернизация предполагала формирование новой социальной структуры и ускорение промышленного развития, а укрепление монархии значило укрепление самодержавия на основе консервации сословной системы и общинного порядка. Правительство, таким образом, преследовало цель ускорить промышленное развитие, поддерживая при этом старую, сложившуюся социально-сословную и общинную систему, используя для финансирования индустриализации традиционные внутренние источники, а также иностранный капитал. В то время Россия включалась в международный капиталистический рынок, развивался в этом направлении и внутренний рынок. Однако из опасения падения самодержавия правительство Александра II не решилось на чисто капиталистическую индустриализацию и проведение политики, направленной на развитие свободного частного предпринимательства. Правящая государственная элита опасалась усиления социальной дифференциации, пролетаризации крестьянства и, как следствия этого, общественной нестабильности.

Крестьянская реформа 1861 года, проведенная по инициативе верховной власти, включала в себя постепенное освобождение крестьян с наделом земли (в противоположность освобождению без земельного надела, как это произошло в Прибалтике), выкупную операцию и сохранение общины и ее порядка. Крестьяне были освобождены от личного власти помещиков, однако сохранились повинности за пользование надельными общинными землями. Был затруднен для крестьян уход из сельских обществ, которые включились в систему государственного управления. Крестьяне, освобожденные с недостаточными наделами земли, вынуж-

дены были прибегать к аренде земли своих бывших помещиков за отработочную ренту, а также становились отходниками на промышленных предприятиях, принадлежавших бывшим помещикам. По сути сохранялось не только административное, но и экономическое подчинение крестьян их бывшим помещикам. Крестьянское право земельного пользования не ограничивало право собственности бывших помещиков, оно находилось не только под руководством общины, но иногда и в зависимости от интересов бывших помещиков. Выкупная операция легла тяжелым бременем на крестьян. Они могли стать "собственниками", но их право собственности было неполным, поскольку они не могли свободно распорядиться своими наделами до окончания выкупной операции.

Следовательно, крестьянская реформа 1861 года не изменила сущности сельского экономического общинного порядка, и в этом заключается ее исторический смысл.

V. Промышленное развитие и община

По данным конца 1870-х годов (как показывает исследование П. А. Орлова) на Московскую губернию Центрально-промышленного района приходились 17,6% общей суммы производства промышленных предприятий и 23,1% рабочих Европейской России. Главной отраслью промышленности в Московской губернии была текстильная, и ее удельный вес в российском бумаготкацкого производстве был значительным, составляя 28,3%. Формами производства в этой отрасли были промыслово-кустарная (ручная) и фабричная (ручная и машинная).

Кустарные ткачихи и ткачи занимались ткачеством на дому или в мелких заведениях в свободное от сельскохозяйственных работ время и прерывали его после Пасхи или Петрова дня до середины сентября, занимаясь земледелием. Они получали сырье от фабрикантов, купцов или сельских мастерков, посредников между поставщиками сырья и ткачихами-ткачами, и выполняли полученный заказ за сдельную, чаще натуральную, плату с удержанием налога, который ткачихи-ткачи обязаны были платить в волость. Кустарные ткачихи-ткачи находились в подчинении у фабрикантов, купцов и мастерков, которые произвольно устанавливали трудовые и финансовые условия. Отношения между выдающими сырье фабрикантами и купцами, мастерками и ткачихами-ткачами очень напоминали те, которые существовали в крепостнический период между помещиками, приказчиками и крестьянами, и в этом кустарном ткацком производстве по сути воспроизводился общинный порядок.

Да и в фабричном ткацком производстве тоже можно видеть общинный порядок. Фабричные ткачихи-ткачи, которые были отходниками, крестьянами-общинниками, возвращались в свои деревни для сельскохозяйственной работ летом или, если это было невозможно, хотя бы на период праздника (на Пасху или Рождество), а также во время остановки фабричного производства. Фабричные ткачихи-ткачи поддерживали

прочные связи с деревнями. Фабриканты сами обращались в волостное управление с просьбой о вербовке ткачих-ткачей, удержали налог с заработков своих работников и отсылали его непосредственно в волостное управление. В вербовке ткачих-ткачей, а также во всей их жизни в закрытом фабричном пространстве активную роль сыграли также землячества и общинные связи, как видно в накрытиях артельных столов. В эту артельную деятельность вмешивалисьфабриканты самовольно. Существует свидетельство современника, который представил ткацкую фабрику как деревню, отношения между фабрикантом и его рабочими как отношения между помещиками и крепостными, а фабричных рабочих сравнил с кочевниками, перемещающимися между городом и деревней.

Но и в жизни рабочих тяжелой промышленности южной России, которые были отходниками из центральной России, определенную роль сыграла артельная организация.

Таким образом, промышленное развитие в пореформенной России поддерживалось общинным порядком.

VI. Столыпинская реформа и община

Как показывают исследования П. Н. Зырянова, по 46 губерниям Европейской России за 1907-1914 гг. 22,2% бывших общинников укрепили за собой 14,4% надельной земли. Из общины вышло примерно 31,8% домохозяев (по отношению к их численности в 1905 г.), и 22,3% земли перешло из общинного пользования на хутора и отруба. С точки зрения создания самостоятельного хозяйства Столыпинскую реформу следует рассматривать как неудачную. При этом во многих местах хутора и особенно отруба не стали вполне обособленными: не были преодолены неблагоприятные условия чересполосности (разбросанность земель и их удаленность от усадьбы), не произошло и полного освобождения от общинного порядка, например, при общем пользовании землей (выпас скота и прочее).

Неудача Столыпинской земельной реформы была порождена многочисленными обстоятельствами. Главные заключались во-первых, в сохранении крестьянского общинного сознания, во-вторых, в практическом осуществлении землеустройства, которое было осложнено чересполосностью.

По данным А. А. Кофода, землеустройство начиналось уже перед Столыпинской реформой в некоторых районах России, преимущественно в западных, где на него оказали большое влияние латышские, жмудские, немецкие, чешские и другие колонисты. В центральной России оно проводилось с большими трудностями из-за чрезвычайно распространенной чересполосности, которую американский историк Д. Мейси, называет "совершенным хаосом". Существовала как внешняя чересполосность между селениями, а также между селениями и владениями помещиков, так внутриселенная чересполосность. Следствием этой чересполосности,

как отмечалось в исследовании П. Н. Першина, была чрезмерная удаленность полевых наделов от селений и раздробленность земель, то есть, дально- и длинно-земелье, много-, мелко- и узко-полосность, сохранение хозяйственной зависимости крестьянства от бывших помещиков и так далее. Для ликвидации чересполосности нужно было проводить групповое землеустройство (выдел селений, выдел выселков, дачи разверстания, раздел угодий общего пользования, разграничение земель и другие) и участковое землеустройство, но осуществление его на практике было затруднено, и это обстоятельство привело Столыпинскую земельную реформу к неудаче.

Джаедонг Чой

Крестьянское завещание и наследование в период Столыпинской аграрной реформы

1. Введение

Одним из самых больших различий между Россией и Европейскими странами было то, что не только общинное землевладение, но и семейная собственность крестьян существовали до начала XX в. Семейная собственность не только существовала, но и охранялись государством, поскольку рассматривались им в качестве действенного средства против пролетаризации крестьян. Царское правительство придерживалось такой линии до Первой русской революции 1905-1907 гг. В результате, между традиционной семейной собственностью российских крестьян и европейской личной индивидуальной собственностью образовалась глубокая пропасть.

В годы Первой русской революции, согласно указа от 9 ноября 1906 г., произошли кардинальные изменения в сфере права на землю и имущественных отношений в крестьянской семье. Они сводились к следующему: а) крестьяне передельной общины имели право требовать в любое время выхода из общины с участком земли, который составлял личную собственность домохозяев; б) общества и имеющие отдельные владения селения, в коих не было общих переделов со времени наделения их землею, признались перешедшими к подворному владению; г) участки, предоставленные в подворное владение крестьян при наделении их землею, составляли личную собственность домохозяев; д) усадебные участки при общинном землевладении составляли личную собственность домохозяев.

Указом от 9 ноября 1906 г. был ликвидирован принцип семейной собственности, который существовал и охранялся государством до Столыпинской реформы. Взамен его была установлена личная собственность домохозяев. Но в результате подобной меры появилась совершенно новая категория землевладения, которая не была общинной, подворной, или семейной собственностью. Это были наделы, укрепленные в личную собственность домохозяев (личные наделы). Таким образом, революционные изменения коснулись глубинных сторон жизни и сознания крестьян, чего до этого российские крестьяне никогда не испытывали.

На наш взгляд, именно этот аспект является самым существенным аспектом Столыпинской аграрной реформы, но ему до настоящего вре-

мени историография не уделила должного внимания, сосредоточившись в основном на изменениях в землепользовании, то есть, на проблеме перехода от общинного землепользования к хуторским и отрубным хозяйствам.

Напомним, что в ходе наделения землей 77% общин получило наделы в общинное землевладение. Это давало им право на передел, но на практике многие общины так и ни разу им не воспользовались. Как известно, в непередельных общинах внедрилось совсем другое правовое сознание, резко отличавшееся от сознания передельных общин. В этих общинах сама возможность реализации права земельного передела на уравнительных принципах считалась криминальной. Столкнувшись с такой ситуацией, российское правительство решило считать хозяйства в этих общинах перешедшими к наследственному (участковому или подворному) владению.

Так, например, на основании материалов, собранных в 40 губерниях согласно циркуляру МВД от 20 декабря 1910 г., можно было увидеть, что число таких домохозяев составляло 3716770, или 27% от общего чисел домохозяев Европейской России[1]. В целом общее число домохозяйств, которые благодаря Столыпинской аграрной реформе в период с 1907 по 1915 гг. получили статус личной собственности, достигло приблизительно 9453510, или 68% от общего числа домохозяев Европейской России.

Документы свидетельствуют, что число непередельных домохозяев после проведенного в 1910 г. обследования увеличилось с 27% до 38% от общего числа домохозяев Европейской России. То есть это обследование 1910 года было не совсем точным, так как местные земские начальники старались включать как можно большее общин в число непередельных. Поэтому число таких общин, полученное в ходе реализации циркуляра МВД от 1910 года, следует считать предварительным. Для этого имеются следующие основания.

Во-первых, в число непередельных общин не были включены такие губернии России, как Архагельская, Киевская, Подольская, а также Область войска Донского. Во вторых, во многих губерниях в ряде уездов непередельные общины просто не были учтены. В-третьих, налицо был произвол земских начальников, которые, сами определяли статус общины, вследствие чего число непередельных общин продолжало увеличиться даже там, где было проведено обследование МВД 1910 года. По этому поводу Б. Черенков указывал, что «итак, по подсчету земских начальников, число общин, утративших общинное правосознание, оказалось равным уже не 40%, а целым 50% с лишним. А это еще только предварительный подсчет. Не может быть никакого сомнения, что если дело пойдет в том же духе, в каком шло до сих пор, то число неделившихся общин очень быстро достигнет трех пятых, т.е. 60% всего числа селений с общинным владением землей»[2].

Исходя из вышеизложенного, общее число хозяйств, которые в тече-

ние Столыпинской реформы считались перешедщими в личную собственность, должно было составить приблизительно четыре пятых всех крестьянских домохозяев Европейской России (более 11200000). Это число сильно отличается от итогового числа хозяйств (2877229), считавщихся перешедщими к личному землевладению в истографии по Столыпниской аграрной реформе: выделившихся из общинного землепользования (2008432)[3], получивших утвержденные акты среди домохозяев непередельных сельских обществ (469792)[4], и непосредственно перешедших к хуторским и отрубным хозяйствам на основании закона от 29 мая 1911 года (399005)[5]. Такая большая разница возникла из-за того, что исследователи Столыпинской реформы традиционно были сосредоточены только на проблеме изменения форм землепользования.

Однако эти столыпинские личные наделы имели двойной характер, т.е. надел и личную собственность, отличая от европейской индивидуальной собственности. И это один из самых главных и сущетвенных аспектов Столыпиской аграрной реформы, которому не было уделенно внимание в истография. В соответствии со статьей 39 закона от 14 июня 1910 г. земельные наделы, укрепленные в личную собственность, подчинялись как до, так и после выдела их к одному месту, действию правил о надельных землях. Эти правила подразумевали: а) запрет изъятия надельных земель из обращения в связи с взысканием по долгам владельца; б) право отчуждения надельных земель только лицами крестьянского сословия; г) запрет заклада надельных земель частным лицам и частным учреждениям. Это двойный характер сильно ограничил крестьянское право на личный надел, и вызвал хаотическое положение в сфере крестьянского завещания и наследования на местах, как далшее объяснится. Не смотря на это положение, Российское правительство ни когда не отречело от правил о надельных земель в период Столыпниской реформы. На фоне этого существовал большой принцип по крестьянской политики Российского правительства, т.е. предотвращение пролетаризация крестьян.

<table>
<tr><td rowspan="2"></td><td colspan="2" rowspan="2">До Столыпинской реформы</td><td rowspan="7">⇒</td><td colspan="3">В период Столыпинской реформы</td></tr>
<tr><td colspan="2">Передельная община</td><td>32%
(→21%)</td></tr>
<tr><td rowspan="4">Отношение сельского общества и двора</td><td>Передельная община</td><td>49%
(→38%)</td><td rowspan="4">Личная собственность домохозяев и общая собственность</td><td>Уход от общины</td><td>17%</td></tr>
<tr><td>Непередельная община</td><td>27%
(→38%)</td><td>Непередельная община</td><td>27%
(→38%)</td></tr>
<tr><td>Подворная</td><td>24%</td><td>Подворная</td><td>24%</td></tr>
<tr><td>Внутри семея</td><td colspan="2">Семейная собственность</td><td>Итог</td><td>68%
(→79%)</td></tr>
<tr><td colspan="6">Надел</td></tr>
</table>

Что касается надела, перешедшего в личную собственность, то в этом случае стала осуществляться также и процедура его наследования после смерти владельца. Однако, в тексте законов, принятых в связи с Высочайшим указом от 9 ноября 1906 года, мы не обнаружили ни одного упоминания о каких бы то ни было специальных правилах, регулирующих процедуру наследования личного земельного надела крестьянина по завещанию или без него. На тот момент существовало гражданское право, регулирующее наследование некрестьянского имущества, а также местный обычай. Поэтому вставал вопрос, какой из этих законодательных подсистем должны регулироваться отношения в сфере возникшего личного земельного владения? Каков должен быть здесь новый порядок?

Между гражданским правом и местным обычаем существовало принципиальное различие. Местный обычай, сформировавшийся в условиях семейной собственности, не был универсальным даже на общинном уровне. Он совершенно не соответствовал новым отношениям личного землевладения, которые появлялись в ходе Столыпинской реформы. В свою очередь, гражданский закон о наследстве полностью противоречил традиционному представлению крестьян о праве владения землей.

Как уже отмечалось, анализ опубликованной литературы показывает, что при изучении Столыпинской реформы внимание исследователей акцентировалось прежде всего на вопросах разрушения сельской общины, изменения способов землепользования, а также на других проблемах, возникших между сельским сообществом и крестьянским хозяйством в данный период. Но при этом они почти не касались изменений, происшедших в имущественных отношениях внутри крестьянской семьи.

Исследования, посвящущие местный обчай и крестьянские семьи, также в качестве своего основного объекта выбирают только до- реформенный период, и даже в недавних работах по изучению практики крестьянского суда, отсутствуют выводы о новых тенденциях возникнувщих в переход Столыпинской реформы

Как правило, работы на тему местного обычного права и крестьянской семьи характерны для исследователей дореформенной деревни, но историография не успела расширить свое внимание до периода Столыпинской реформы. В этой связи если обратиться к современной западной историографии, то мы увидим, что и в публикациях современных западных исследователей отсутствуют сведения и выводы о новых тенденциях, возникших в российской деревне в годы Столыпинской реформы, хотя и имеются интересные работы, посвященные, например, практике крестьянского суда, так как и эти тоже выбирают только дореформенный период[6].

В данном контексте представляется важным рассмотреть проблему духовного завещания и наследования личных земельных наделов крестьян, а также новых тенденций в деятельности крестьянских судов в период Столыпинской реформы.

2. До составления законопроекта о наследовании в землях мелкого владения Министерства внутренних дел

2.1. Редакционная комиссия по пересмотру законоположения о крестьянах и Гражданское уложение Министерства юстиции

До начала Столыпинской реформы разработкой законов, касающихся крестьян, занимались министерства внутренних дел, юстиции и Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Для пересмотра законоположения о крестьянах работала Редакционная комиссия МВД, которая проблему семейной собственности рассмотрела в проекте устава о наследовании.[7]

Проект был написан в духе одновременного признания и параллельного использования местного обычая и нового устава о наследовании. Его 4-я статья гласила: «Правила, установленные статьями 7-33 настоящего устава о порядке наследования по закону, применяются лишь поскольку они не противоречат местному, по нахождению наследственного имущества, обычаю по сему предмету. В случае их противоречия с таковым обычаем, суд постановляет свои решения на основании последнего»[8].

Другими словами документ подтвердил тот факт, что поскольку, в отличие от общегражданского кодекса, написанного на принципах частной собственности, все права крестьян по гражданскому состоянию определялись принципами семейной собственности и общины, то применение статей общего гражданского кодекса о наследовании в данном случае было невозможным.

Что касается Гражданского уложения Министерства юстиции, то в нем также обнаруживался принцип легитимности семейной собственности. Так, например, в четвертом томе, в пятом разделе об особых порядках наследования, во второй главе («Наследование после крестьян»), в статье 1506 указывалось: «К наследованию после крестьян в надельных землях применяются существующие местные их обычаи, а за отсутствием обычаев - правила сего уложения. К наследованию после крестьян в недвижимость имуществе, приобретенном крестьянами вне надела, и в движимом имуществе, не составляющем принадлежности хозяйства крестьян на надельных землях, применяются правила сего уложения»[9].

Однако в 1902 году созданные практически во всех губерниях и уездах России Особые совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности пришли к мнению о необходимости полного упразднения остатков сословных различий между крестьянами и остальными сословиями. Это означало упразднение в принципе особого положения крестьян перед гражданским кодексом России и необходимость выработки новой позиции, согласно которой, следовало заменить местный обычай нормами общегражданского кодекса[10].

В годы Столыпинской реформы ситуация противостояния норм стихийно сложившегося местного обычая и принципа унификации законо-

дательства на основе Гражданского права стала одной из самых серьезных проблем в деле революционной замены семейной собственности на личную собственность.

2.2. Отмена семейной собственности и инициаторы реформы

20 февраля 1906 года на вопрос о том, «в праве ли нотариусы совершать, помимо согласия всех членов крестьянского двора, купчие крепости на отчуждение домохозяйном двора выкупленных им в собственность из состава надельной земли подворных участков», Сенат вынес следующее решение: «Купчие крепости на выкупленные подворные участки могут быть совершаемы не иначе, как с согласия всех членов крестьянского двора»[11].

В условиях начавшейся земельной реформы Министерство внутренних дел отменило данное решение Сената. 28 февраля 1907 года Земский отдел МВД уведомил Первый департамент Сената, что его решение от 20 февраля 1906 должно считаться утратившим свою силу, так как, согласно ст. 1 отд. 3 указа от 9 ноября 1906 года, подворные участки объявлялись личной, а не семейной собственностью, а их владельцы получали право распоряжаться ими по собственному усмотрению, независимо от согласия членов своей семьи[12].

Более того, Министерство внутренних дел, приняв во внимание основополагающий правовой характер отмены семейной собственности, составило законопроект с характерным названием - «Положение о крестьянском землевладении». Этот законопроект унифицировал проект устава о земельных наделах и проект устава о крестьянском обществе, составленные в 1904 году Редакционной комиссией по пересмотру законоположения о крестьянах.

15 ноября 1907 года данный законопроект был внесен в Государственную Думу[13]. В разъяснениях по поводу выдвинутой законодательной инициативы говорилось: «Самое существование прочного и сильного государства возможно лишь при таком распорядке хозяйственного строя, который опирался бы на началах личной частной собственности и на уважении к собственности других. Только этим путем создана будет та масса мелких и средних собственников, которая повсеместно является сторонником государственного порядка, охраняющего их насущные интересы»[14].

21 февраля 1907 года Министерство внутренних дел приняло решение по поводу Гражданского уложения, в котором говорилось, что в настоящий момент на основании Высочайших указов от 5 октября и 9 ноября 1906 года, отменяющих семейную собственность, назрела необходимость внести в проект Гражданского уложения нормы, коренным образом меняющие существующие установления, касающиеся крестьянской семьи и их земельных наделов[15].

Спустя три года, 3 февраля 1910 года, Министерство внутренних дел выступило с жесткой критикой положения о крестьянском землевладе-

нии, содержащегося в четвертой части третьего тома Гражданского уложения, назвав его не более чем «следованием дореформенным эдиктам Сената». В качестве неприемлемых моментов старого закона указывались такие его аспекты, как: а) сохранение особого сословно-правового статуса крестьянства, б) признание сельской общины в качестве главного правового субъекта системы землевладения и его основы, г) оказание приоритета семейной собственности, несмотря на полное изменение ситуации с семейной собственностью в настоящий момент[16].

Этим публичным выступлением была поставлена точка в перетягивании каната, которым занимались Министерство юстиции с Министерством внутренних дел в вопросе пересмотра законодательной системы, регулирующей земельные отношения. Инициатива в данном вопросе перешла к Министерству внутренних дел, которое с этого момента стало катализатором процесса законодательного оформления правил наследования и завещания личных земельных наделов крестьян.

2.3. Проект положения о мелком землевладении

При обсуждении «Положения о крестьянском землевладении» было предложено расширить круг вопросов и обсудить проблему мелких земельных владений. 7 октября 1909 года по предложению П. А. Столыпина этот вопрос обсуждался в междуведомственном совещании под председательством заместителя министра внутренних дел Лыкошина[17]. 19 декабря 1909 года Лыкошин разослал всем участникам данного совещания рабочие материалы: проект положения[18], краткие объяснения[19] и список основных вопросов, связанных с объектом обсуждения по проекту «положения о мелком землевладении» части 7 статьи 111 уложения[20]. Проект был обсужден на восьми заседаниях «Совещания по рассмотрению вопросов крестьянского землевладения», которые состоялись в период с 14 января по 4 марта 1910 года[21].

На этих заседаниях рассматривалась проблема выработки четкого определения, что такое «мелкое землевладение», а также обсуждались меры по ограничению дробления и сосредоточения наделов. Одним из самых дискуссионных вопросов стал вопрос о процедуре наследования.

Об этом шла речь на заседаниях 17, 24 февраля и 4 марта 1910 года. Основным был вопрос: вырабатывать ли критерии и правила наследования мелкоземельных наделов на основе местного обычая или же положений Гражданского права?[22]

Все члены совещания были единодушны в том, что весьма неопределенные и неустойчивые нормы стихийного местного обычая не могут служить основой для регулирования отношений наследования в мелкоземельных крестьянских хозяйствах. Они также сошлись и во мнении о том, что положения о процедуре наследования, содержащиеся в общегражданском кодексе, в результате применения правил родных имуществ и реализации права женщин требовать свою долю имущества в суде, могут привести к крайнему дроблению наделов.

На основании послания, содержащегося в указе от 5 октября 1906 года, направленного на постепенное стирание разницы в правовом статусе крестьян с другими сословиями, на совещании был отвергнут и вариант возвращения к созданию особых правил наследования только для одной части населения, т.е. крестьян. В результате было достигнуто компромиссное решение: распространить на крестьян общие гражданские законы, установив в них некоторые изменения на основе местного обычая.

Совещание предполагало доработать законопроект «о мелком землевладении», включив туда кроме норм наследования также и многие другие правовые аспекты проблемы. Понимая, что подобные меры неизбежно вызовут серьезные споры при их рассмотрении и санкционировании, участники совещания пришли к выводу - представить их в Государственную Думу, оформив отдельным законопроектом о процедуре наследования крестьянских наделов[23].

2.4. Проект закона о наследовании в землях мелкого владения

В соответствие с выводами «Совещания по рассмотрению вопросов крестьянского землевладения» 1910 года и на основе проекта, представленного Пестржевским и Воскресенским, был составлен текст законопроекта «О наследовании в землях мелкого владения»[24]. Первый его вариант был обсужден 28 октября и 2 ноября 1911 года на «Совещании по проекту о наследовании в землях мелкого владения».[25]

В фокусе обсуждения участников совещания оказались критерии определения объекта регулирования данным законом. Определились четыре основополагающих принципа наследования: а) исключение земель общинного владения; б) применение принципа наследования ко всем личным крестьянским земельным участкам, г) применение принципа наследования к вне-надельным землям, определенным во второй статье Положение о землеустройстве, д) применение принципа наследования к землям, приобретенным через Крестьянский поземельный банк.

Окончательный вариант законопроекта был представлен в разосланном 9 августа 1912 года Министерством внутренних дел губернаторам «запросе», состоящем из 26 пунктов, касающихся мелкоземельных наделов» («запрос из 26 пунктов»)[26]. В нем содержались вопросов, тематически сгруппированные по следующим аспектам: отмена местного обычая (1-2); наследование по закону (3-12); духовное завещание (13-20); наследственный раздел (21-26)[27]. Основными идеями данного документа было стремление к ограничению числа наследников и ограничению дробления земельного надела ниже определенной границы.

На основании собранных в 45 Европейских губерниях России (за исключением Вятской и Калужской) текстов докладов о результатах прошедших обсуждений данной проблемы, в середине 1913 года Министерство внутренних дел подготовило первый проект «закона о наследовании». Он оказался не окончательным. На основе учета составленного в

ГУЗиЗ законопроекта о мерах к ограничению дробления мелкой земельной собственности, образованной с содействием правительства (хуторских и отрубных хозяйствах), из него были удалены нормы по наследственному разделу (21-26 вопрос) и запрещению дробления земельного участка ниже определенной границы. В результате текст законопроекта был доработан и представлен на рассмотрение Совета министров 12 ноября 1913 года[28] Его окончательный вариант был одобрен Советом министров 12 декабря того же года[29]. 14 января 1914 законопроект был представлен в Думу.[30] Затем он оказался в ее земельном комитете для окончательной доработки[31]. Однако, закон так и не был принят до начала большевистской революции, так как не прошел необходимых бюрократических этапов рассмотрения[32].

Далее мы попытаемся рассмотреть основные положения не вступившего в силу «закона о наследовании», изложить ход дискуссии по правам наследования каждого из членов семьи, а также детально охарактеризовать ситуацию на местах.

3. Местный обычай и Гражданское право

3.1. Местный обычай и Гражданское право

До столыпинской реформы процедура наследования имущества крестьянина регулировалась статьей 135 раздела 13 Общего крестьянского положения, которая учитывала традиции местного обычного права. В случае же, когда его правила не были официально признаны, в силу вступали нормы Гражданского права по наследованию имущества. По причине учащения случаев отхода из деревни на заработки, а также развития товарно-денежных отношений на селе знания норм гражданского кодекса стали проникать в крестьянскую среду, а легитимность местного обычая стала все чаще подвергаться сомнению. Поэтому среди крестьян стал формироваться слой, предпочитающий решать споры в соответствии с Гражданским правом[33]. Участились случаи, когда даже волостные суды и уездные съезды не признавали правовой силы за местным обычаем и обращались в Сенат по поводу спорных вопросов.

В связи с отсутствием в указе от 9 ноября 1906 года специального положения о наследовании и завещании имущества, МВД и Сенатом были разработаны соответствующие инструкции. Так, например, Министерство внутренних дел в срочном порядке 9 декабря 1906 года разослало всем губернаторам циркуляр за номером 70 на эту тему.

Об этом же шла речь в 1910 году на общем собрании первого, второго и кассационного департаментов Сената, которое приняло в соответствии с позицией МВД следующее решение: «За обращением силою Высочайшего указа 9 ноября 1906 г. подворных участков надельной земли в личную собственность домохозяев, право наследования членов семьи обуславливается уже не обстоятельством участия их в хозяйственных трудах, а определяется лишь кровною связью с домохозяином и притом,

при отсутствии местного обычая, на общем основании гражданских законов».

Двойственность статуса мелкого земельного надела заключалась в том, что решения принимались по схеме: личная собственность – принцип кровного родства и наделы – местный обычай. Таким образом, с одной стороны, вводился принцип наследования по линии родства, с другой – действовала правовая практика с опорой на местный обычай.

В отношении правомерности подобной практики мнения российских юристов разделились. Например, Я. Гедд утверждал, что «гражданское право должно применяться к подворным наделам»[34]. Редакционная коллегия журнала «Право» не согласилась с таким утверждением, заявив, что принцип наследования родного имущества не может «применяться» к укрепленному наделу в личную собственность[35].

Сущность подобного противоречия хорошо понимали эксперты из МВД, которые разрабатывали «закон о наследовании». Вот одна из записей на эту тему из протокола министерства, подтверждающая данный факт: «Русское крестьянство традиционно опирается на принцип трудового участия, однако гражданское право, регулирующее отношения среди членов прочих сословий, основывается на принципе кровного родства». Там же подчеркивалось, что практику, сформировавшуюся в условиях системы общинного землевладения и семейной собственности, невозможно применить без изменений в процедуре по наследству вновь возникшего личного землевладения[36].

24 декабря 1911 года в самый разгар дискуссии по разработке «закона о наследовании» Лыкошин выступил со следующим заявлением: «Именной Высочайший указ 9 ноября 1906 г. и заменивший его закон 14 июня 1910 года внесли существенные изменения в права крестьян на надельные земли. С другой же стороны, на рассмотрении законодательных учреждений находится ныне законопроект об уравнении наследственных прав женщин с лицами мужского пола, введение коего в крестьянскую жизнь повлекло бы за собою значительное дробление наделов, весьма нежелательное с точки зрения экономической и землеустроительной». Исходя из этого, он предложил приостановить рассмотрение в Сенате всех дел, касающихся наследования крестьянских земельных наделов, до окончательного представления Министерством внутренних дел «закона о наследовании»[37].

Министр юстиции Щегловитов также предложил Сенату приостановить рассмотрение данного вопроса до особого с его стороны распоряжения[38]. В результате 19 января 1912 года обер-прокурор общего собрания Сената доложил в Министерство внутренних дел: «Во исполнение означенного ордера мною сделано распоряжение о приостановлении дальнейшего движения по вышеуказанному вопросу».[39] Тем не менее, в ситуации, когда перспективы законодательного оформления проекта стали неясными вследствие сложнейших спорных моментов, 13 февраля

1913 года гражданский кассационный департамент повторно указал, что нельзя не принимать решение за № 1 от 1910 года[40].

В конечном итоге в годы Столыпинской реформы Сенат так и не разрешил основной конфликт между местным обычаем и общим гражданским правом, то есть вокруг правовой основы личной формы владения крестьянскими наделами. Проблема состояла в том, что между этими двумя правовыми системами существовала непреодолимая пропасть в трактовке прав наследования тех членов семьи, которые не были связаны узами кровного родства между собой. Это касалось отделенных сыновей и долгое время считавшихся выбывшими членов клана: вдов и дочерей, усыновленных, тестя, проживающего в доме родителей жены и.д.

Активный сторонник семейной формы собственности В. Н. Шретер оценивал местный обычай в качестве средства, способного в суде компенсировать и исправить несовершенство и негативный эффект от слишком поспешного введения в действие закона от 14 июня 1910 года в сфере наследования и семейного раздела. Он высказал мнение о том, что отрицаемая в законе от 14 июня семейная собственность должна была получить отражение в решениях суда по искам о наследстве и семейным разделе[41].

Что касается права наследования членов семьи, то в этом вопросе местный обычай и Гражданское право значительно различались в подходах. В этой связи следует напомнить, что почти все дореформенные семейные разделы являлись несанкционированными. Тот факт, что при этом признавались равные права вдов и не кровнородственных членов семьи на общую собственность, в дальнейшем стало одним из сложнейших подводных камней, вставших на пути принятия закона о крестьянском завещании и наследовании личных земельных наделов.

3.2. Рассмотрение губернскими совещаниями

В качестве основного вопроса, ответ на который должны были дать разработанные опросники под общим названием «запрос из 26 пунктов», был вопрос: отменять ли полностью местный обычай (вопрос № 1), или же вносить изменения в статьи о порядке наследования в Гражданском праве (вопрос № 2)? Конкретно это звучало так: «Должен ли порядок наследования в надельных землях определяться местными обычаями, или же, в виду коренного преобразования крестьянского землевладения новыми землеустроительными законами, наследование в надельных землях должно быть подчинено действию положительного закона, с совершенным исключением местных обычаев из области наследования? Если же применение местных обычаев может быть допущено в некоторых случаях, то в каких именно?» (вопрос № 1); «Если порядок наследования в надельных землях должен определяться преимущественно или исключительно законом, то следует ли распространить на надельные земли общие гражданские законы, или нужно установить в них некоторые изменения, вызываемые особенностями мелкого землевладения?» (вопрос №

2).

Из 45 губернских совещаний 39 ответили, что, по их мнению, необходимо полностью отказаться от местного обычая и решать все вопросы о наследовании земельных наделов только в соответствии с нормой закона (вопрос № 1). Данный факт свидетельствовал о том, что большинство членов губернских совещаний надеялось на то, что, упорядочив процедуру наследования личных земельных наделов, можно будет достичь определенной стабильности.

6 губернских совещаний выразили мнение, согласно которому следовало совмещать тот и другой механизм правового регулирования. Однако и в этом случае они указали, чтобы местный обычай применялся лишь в исключительных случаях.

В то же время, среди ответов в пользу применения норм Гражданского права, не оказалось полностью одобрявших его современное состояние. Предлагалось в целях улучшения внести в него соответствующие поправки (вопрос № 2). В частности, в 34-х губернских совещаниях было высказано мнение, что необходимо внести изменения в текст Гражданского права, учитывающие особенность мелких земельных наделов, а также местного обычая. Все вопросы о наследовании следовало решать в соответствии с этим дополненным и исправленным вариантом кодекса[42].

Основываясь на полученных из 45 губерний мнениях, 7 июля 1913 года созванное междуведомственное совещание единогласно отвергло предложение об использовании местного обычая. Было принято решение в пользу исправленного варианта Гражданского права, который учитывал нормы местного обычая[43]. Именно это решение и легло в основу первого чтения проекта закона о наследовании земельных наделов, составленного в Министерстве внутренних дел. В проекте учитывались особенности мелкого земельного участка и местного обычая.

В то же время представитель Министерства финансов возразил против применения к крестьянским хозяйствам принципов таких же норм наследования гражданского права, какие применялись к другим сословиям. Его аргумент состоял в том, что при определенности наследственной доли каждого из членов крестьянской семьи, это может стать яблоком раздора между наследниками, а также причиной сокращения трудовых расходов от многих членов семьи, что, естественно, ослабит их платежеспособность по налогам.

На это мнение более половины губернских совещаний привели следующие аргументы: «Главная задача настоящей законодательной работы в том и заключается, чтобы внести, наконец, определенность в ту область, где до сих пор царила неопределенность и неустойчивость; и если бы отказаться от установления наследственных долей отдельных наследников, то тогда утратился бы главный смысл настоящей работы. Определенность прав никогда не повредит в хозяйственном отношении и не по-

ведет к ослаблению народной энергии. Наоборот: ни что так не влияет разлагающе на трудоспособность населения, как неопределенность прав и обязанностей. Не следует, поэтому, опасаться и того, что установление твердого порядка наследования поведет к уменьшению платежеспособности земледельческого населения; наоборот, с уменьшением числа наследственных споров и с повышением трудоспособности населения, (что будет прямым последствием внесения большей определенности в область наследования) должна повыситься и платежеспособность мелких землевладельцев»[44].

Далее мы рассмотрим дискуссию вокруг проблемы наследственных прав разных членов семьи, которые трактуются совершенно по-разному в Гражданском праве и местном обычае, а также о юридическом статусе крестьянского духовного завещания.

4. Крестьянское духовное завещание

4.1. Юридический статус крестьянского духовного завещания

4.1.1. Двойная структура системы рассмотрения крестьянских гражданских дел

И до Столыпинской реформы в крестьянской среде наблюдалось не мало случаев оформления завещания как в отношении движимого имущества, так и в отношении недвижимого, приобретенного вне наделения. Земельные наделы и надельные имущества также иногда включалась в подобные документы. В случае, если сумма денежного эквивалента завещаемого имущества составляла менее 100 рублей, легальная сертификация завещания осуществлялась в волостном правлении путем занесения записи в книги договоров и сделок. Если сумма превышала 100 рублей, то процедура регистрации завещания в обязательном порядке проводилась в окружном суде.

С другой стороны, поскольку не было зарегистрировано практически ни одного случая удовлетворения просьбы крестьянина о заверке своего завещания в волостном суде или на сельском сходе, обычной процедурой являлось обращение через некрестьянскую судебную систему, то есть, цепочку инстанций, включавшую окружной суд, судебную палату, гражданский департамент Сената.

В отношении дел о крестьянском завещании существовал неоднозначный подход в различных окружных судах. Некоторые из судов довольно охотно оформляли завещания, в то время как другие занимали иную позицию, ссылаясь на то, что все дела, касающиеся передачи по наследству крестьянских земельных наделов, входили в юрисдикцию волостных судов (Общее положение о крестьянах, статья 125, пункт 4). По этой причине вопрос о необходимости получить разрешение окружного суда на передачу в наследство земельного надела был неясен.

В 1905 году Сенат решением за № 10 общего собрания первого, второго и кассационного департаментов сделал процедуру получения раз-

решения окружного суда по делам о завещании обязательной[45]. Таким образом, дела по совершению крестьянских завещаний, как и гражданские иски, связанные с ними, могли с этих пор рассматриваться как по линии: «окружной суд - судебная палата - гражданский кассационный департамент - сенатское общее собрание», так и по линии «волостной суд - уездный съезд - (губернское присутствие по крестьянским делам) - второй департамент Сената - общее собрание первого, второго и кассационного департаментов Сената.

Крестьянин мог подавать иск по более удобной и угодной для себя линии, или по двум линиям одновременно. Тем не менее, конфликты, вызванные противоречащими друг другу решениями указанных двух судебных систем и отсутствие необходимой схемы утвержденных процессуальных действий внутри самих судебных систем, продолжали оставаться причинами полной неразберихи в этом вопросе.

4.1.2. Судебные прецеденты Сената

Для оценки состояния вопроса о крестьянских завещаниях во время Столыпинской реформы предже всего обратимся к ситуации, существовавшей до ее начала. Так, например, в 1897 году Сенат решением общего собрания за № 29 постановил, что земельный надел крестьянина не может являться объектом завещания, поскольку является собственностью сельской общины или крестьянского двора.

Однако с момента оглашения указа от 9 ноября 1906 года статус собственности на крестьянские земельные наделы резко изменился, и их владельцам-домохозяевам было дано право распоряжаться своим имуществом. Но и в то же время в официальных документах о реформе не было упоминания о праве крестьян на завещание.

Для того чтобы восполнить этот пробел Министерство внутренних дел уже 9 декабря 1906 года разослало циркуляр за № 70 губернаторам, в котором говорилось, что завещание, касающееся крестьянских надельных имуществ, должно иметь законную силу, если оно не противоречит местному обычаю. Это был компромиссный вариант решения данной проблемы. Однако в обстановке сохранения негативного отношения к завещанию надельных имуществ трудно было ожидать формирования судебной практики, разрешающей крестьянское завещание[46].

В силу отсутствия утвержденной процедуры, имеющей законную силу, во многих местах возникало немалое количество споров и конфликтов. Позиции, которая состояла в том, что право на завещание имущества было легитимизировано одновременно с правом личного владения и права распоряжаться им, противостояла другая, согласно которой надел не мог стать предметом свободной переуступки по завещанию. В этом еще раз ярко проявился двойственный юридический статус личных земельных наделов: личная собственность и надел.

Данная проблема рассматривалась Сенатом 12 октября 1909 года

(решение общего собрания № 19). Согласно его решения, а также решения в 1911 году за № 99 гражданского кассационного департамента, официально заявлялось, что, поскольку земельные наделы домохозяев, умерших до оглашения Именного указа от 9 ноября 1906 года, не являются предметом личной собственности домохозяев, они не могут быть переданы по завещанию другим лицам. Но так как в данном документе ничего не было сказано о тех завещаниях, которые были составлены после оглашения указа, позиция государства по этому вопросу продолжала оставаться противоречивой.

На тот момент действовало правило, в соответствии с которым, вопрос должен был решаться на основании кровнородственных отношений. Этот принцип имел силу лишь тогда, когда он не противоречил местному обычаю. По этой причине горячие споры вокруг вопроса о завещании земельных наделов кипели не только в научных кругах юристов-правоведов, но и на местах.

Что же касается хозяйств с общинной формой землевладения, то, как и до реформы, завещание здесь не имело никакой законной силы вследствие твердого соблюдения принципа семейной собственности[47].

4.1.3. Разногласия в позициях юристов

С момента оглашения Именного указа от 9 ноября 1906 года юристами стали высказываться прямо противоположные мнения по поводу легитимности крестьянского завещания и его отношению к местному обычаю.

Так, например, П. Павлов говорил, что поскольку принцип личной собственности не допускает никаких принципиальных различий между землями, укрепленными в личную собственность, и землями, приобретенными вне наделения, то старое правило об отсутствии у завещания законной силы, просто не имеет оснований для применения[48].

А. Н. Пареного также утверждал, что так как сфера действия местного обычая распространяется только лишь на общинное землевладение, а также на крестьянское имущество семейной собственности и ни в коем случае не включает в себя личное имущество, то завещание, составленное в отношении личных крестьянских земельных наделов, законно и обосновано[49].

На эти мнения Ф. В. Татаринов высказал свои аргументы. В частности, он считал, что для того чтобы избежать бесконечных споров из-за противоречий между правом завещания и местным обычаям, а также предотвратить усиление хаоса с вопросом о праве личного владения крестьян на землю, необходимо было полностью дезавуировать законность крестьянского завещания в принципе[50].

Н. Г. Вавин считал, что завещание на личный земельный надел может иметь легитимность, но при условии, если оно не противоречит местному обычаю[51].

В этом же ключе выступил А. Н. Бутовский. Он заявил, что за кре-

стьянским завещанием в исключительном случае может быть признана законная сила - если подтвердится наличие местного обычая в отношении определенного факта[52].

Такой законовед, как Гей, критиковал Сенат за недостаток чувства реальности. Он говорил, что даже если упомянутые выше решения Сената 1909 и 1911 годов и признают за завещанием законную силу, то такое завещание не может не соответствовать полностью местному обычаю, и что объектом завещания может стать не земельный надел, а лишь свободно приобретенный крестьянином земельный участок и его движимое имущество[53].

Ниже мы рассмотрим те проблемы, которые возникли в связи со спорами о законной силе крестьянских завещаний до Столыпинской реформы и после нее, а также дискуссию по этому вопросу, состоявшуюся в губернских совещаниях Европейской России по крестьянским делам.

4.2. Завещания до проведения Столыпниской реформы

Завещания, составленные до начала Столыпинской реформы, оказались недействительными в соответствии с решением Сената за № 19 от 1909 года. Ситуация предполагала разночтения в отношении права на наследство замужней дочери, вдовы и усыновленных членов семьи.

4.2.1. Замужняя дочь

7 сентября 1894 года некий крестьянин Павел в офисе нотариуса Кукина совершил завещание в пользу двух своих дочерей Анны и Пелагеи. Его сын Дмитрий подал в суд с требованием аннулировать этот документ на основании заявления о том, что оно противоречит местному обычаю Баранье-Горской волости. Согласно этому обычаю, если в семье есть сын, то замужние дочери должны довольствоваться лишь приданным. Данный аргумент был подтвержден представленным приговором схода деревни Кузнецково от 1 апреля 1902 года.

Анна и Пелагея заявили на это, что «местный обычай не может быть применен к завещанию». Тверской окружный суд 29 сентября 1905 года вынес следующее решение: «Местный обычай применяется только к наследованию по закону, но не может быть применяться в процедуре наследования по завещанию или в отношении приобретенного имущества вне наделения». Однако 6 июня 1912 года Московская судебная палата отменила это решение со следующей формулировкой: «Местный обычай может применяться и в этом случае, а наличие такового полностью доказано свидетельствами и приговором сельского схода[54]. 13 ноября 1913 года Сенат отклонил просьбу Анны и Пелагеи о пересмотре решения Московской судебной палаты[55].

19 июня 1914 года Анна и Пелагея снова обратились в Сенат с просьбой о пересмотре дела, указав в своем заявлении, что в отношении данной волости в период между 1870 и 1914 годами все решения по процедуре наследования принимались не на основе местного обычая, а

только лишь в соответствии с действующим законом. Например, замужняя дочь могла получить законную долю даже при наличии сыновей, и ее никогда не исключали из числа законных наследников. Они приложили к этому заявлению решение Баранье-Горского волостного суда[56]. В связи с этим они заявили, что приговор сельского схода от 1 апреля 1902 года не соответствовал закону и местному обычаю[57].

4.2.2. Братья и усыновленные

28 февраля 1895 года крестьянин Филлип составил в конторе младшего нотариуса завещание, по которому передавал здание и усадьбу своему брату Григорию. 9 февраля 1905 года вдова Филлипа Евдокия в качестве опекунши Зиновия, усыновленного в младенчестве, подала в Каменецк-Подольский окружный суд иск на Григория о выплате ей 800 рублей и аннулировании завещания.

Григорий не согласился с иском и заявил, что Евдокия и Зиновий ни по закону, ни по местному обычаю не имеют права на наследство. Более того, он утверждал, что факт усыновления Зиновия Филлипом не соответствует действительности. 28 сентября 1906 года Каменецк-Подольский окружной суд вынес свое решение: «Поскольку в силу решения № 29 общего собрания Сената от 1897 года наследниками являются все члены двора, завещание, составленное домохозяином о распределении имущества, не имеет силы». Факт усыновления Зиновия был доказан записью в регистре членов семьи. По результатам расследования выяснилось, что не следует признавать факта существования какого-либо местного обычая по этому поводу. 4 мая 1909 года Одесская судебная палата также отвергла ходатайство Григория о пересмотре дела[58].

12 сентября 1910 года это дело получило новый поворот. Каменецк-Подольская казенная палата признала, что имя Зиновия было внесено в список членов семьи Филлипа по ошибке и поэтому аннулировала данную регистрацию[59]. 12 января 1911 года Григорий обратился в гражданский кассационный департамент Сената с просьбой об отмене решения Одесской судебной палаты в связи с полным изменением правового статуса заинтересованных сторон[60].

4.3. Крестьянское завещание в законопроекте о наследовании МВД

На 18-й вопрос «запроса из 26 пунктов» о том, необходимо ли распространить запрет на составление завещаний также и на земли, приобретенные вне наделения? - «Против» высказались 28 губерний, «За» только 15. Однако все они единодушно согласились с тем, что завещание крестьянских надельных земель и имуществ должно быть ограничено рамками закона.

Характерным обстоятельством являлось то, что наибольшее количество вопросов указанного опросника (№ 13-20) относились именно к проблеме крестьянского завещания. Конкретное содержание этих вопросов было следующим. Во-первых, это вопросы о предмете и свободе

оформления завещания: «Не следует ли установить, что при наличности нисходящих участок может быть завещан одному или нескольким из них?» (вопрос № 13); «При отсутствии нисходящих, можно ли допустить завещания, помимо ближайших боковых родственников (братьев и сестер завещателя и их потомства), в пользу более отдаленных боковых родственников и посторонних лиц?» (вопрос № 14); «Какие права должны быть предоставлены завещателям при отсутствии нисходящих и ближайших боковых родственников?» (вопрос № 15); «Не воспретить ли дробление участков при переходе их по завещаниям к отделенным боковым родственникам и пережившему супругу?» (вопрос № 16).

Полную свободу завещания земли нисходящим родственникам (вопрос № 13) признали почти все губернии, кроме Ставропольской и Тамбовской, высказавшихся против передачи наделов по завещанию. Причина возражения была сформулирована следующим образом: «в целях ограждения имущественных прав жены и нисходящих, принимавших непосредственное участие в созидании и ведении общего хозяйства, от возможных злоупотреблений и произвола наследователя».

На вопрос, касающийся случаев отсутствия нисходящих родственников (вопрос № 14), более половины губернских совещаний (27) продемонстрировали солидарность с решением Министерства внутренних дел, которое разрешало полную свободу завещания (как в пользу отдаленных боковых родственников так и посторонних лиц). Кроме того, шесть комитетов признали право получить надел по завещанию за любым боковым родственником и три – только за ближайшим боковым родственником.

35 губерний выразили мнение о том, что при наличии только отдаленных боковых родственников (вопрос № 15) необходимо дать полную свободу завещания надела посторонним лицам. Два губернских совещания по этому вопросу призвали определить в качестве законных наследников по завещанию исключительно отдаленных боковых родственников. Наконец, все губернии были единодушны в том, что при отходе наделов по завещанию отдаленным боковым родственникам или вдове (вопрос № 16) необходимо запретить дробление наследуемого надела[61].

В первом чтении проекта «закона о наследовании» МВД по вопросу о свободе завещания было заявлено следующее: а) собственник земли мелкого владения, имеющий нисходящих по прямой линии, призываемых по закону к наследованию, может посредством завещания распределить, по своему усмотрению, между ними свою землю или части ее, либо предоставить ее некоторым, либо одному из них (статья 1103^3); б) не имеющий нисходящих собственник земли мелкого владения в праве завещать ее в собственность своему супругу, восходящим или боковым родственникам, либо посторонним лицам, по своему усмотрению(статья 1103^4); в) собственник земли мелкого владения в праве во всяком случае завещать ее своему супругу в пожизненное владение. Другим лицам зем-

ля может быть завещана в пожизненное владение лишь при отсутствии у завещателя нисходящих (статья 1103[5]); г) собственник земли мелкого владения в праве обязать избранных им наследников единовременными или повременными выдачами в пользу третьих лиц; наследников, принадлежащих к числу нисходящих родственников завещателя, он в праве обязывать выдачами лишь в пользу своего супруга, восходящих и других нисходящих (статья 1103[6]).

В конечном итоге в данный документ так и не было включено определение наименьшего предельного размера завещаемого земельного участка. Причина этого состояла в том, что в отношении группы вопросов о наследственном разделе (№ 21-26) ГУЗиЗ приступило к составлению собственного законопроекта, направленного на ограничение дробления мелкой земельной собственности, образованной с содействием правительства, и поэтому упоминание об этом аспекте исчезло из второго и последнего чтений «закона о наследовании»[62].

4.4. Крестьянское завещание во время Столыпинской реформы

4.4.1. Вдова

Крестьянин Казанской губернии Павел завещал своей жене Александре дом и усадебный участок, однако 22 июня 1910 года крестьянка Пелагея подала в окружной Казанский суд иск на отмену завещания своего отца Павла. 4 февраля 1911 года окружной суд на основании решения общего собрания Сената за № 29 от 1897 года постановил, что крестьянский надел не может быть предметом завещания. Тем не менее, 19 декабря 1911 года Казанская судебная палата на основании того, что дом и сад по Именному указу от 9 ноября 1906 года следует рассматривать как личное имущество домохозяина, признала законность включения их в завещание[63].

Пелагея, не согласившись с решением судебной палаты, обратилась в гражданский кассационный департамент Сената с ходатайством об опротестовании решений окружного суда и судебной палаты, так как земли не сельскохозяйственного назначения приравнивались по своему статусу к наделу в соответствии с пунктом 4 статьи 125 Общего положения о крестьянах, дела по которым рассматривались в волостном суде и были неподсудны общим судебным учреждением, вследствие чего решения вышеозначенных судов являлись недействительными[64].

Так как наследование выделенного в надел имущества входило в сферу деятельности волостного суда, а визирование письменного завещания - в юрисдикцию окружного суда, то часто возникала ситуация рассмотрения одного и того же завещания одновременно в обеих системах правового регулирования с принятием противоречащих друг другу решений.

Так, например, 7 сентября 1907 года Пермский окружной суд ратифицировал нотариально заверенное (12 мая 1907 года) завещание крестьянина Семена, скончавшегося 10 июня и оставившего свое имущест-

во жене Екатерине. Брат Семена, Михаил, заявил, что согласно Положения о наследстве гражданского права, Екатерина, не имеющая детей, имела право не более, чем на 1/7 всего имущества. Екатерина же утверждала, что еще при жизни мужа, 11 апреля 1907 года в волостном суде Семен и Михаил официально осуществили семейный раздел.

23 ноября 1907 года волостной суд подтвердил факт, что Екатерина имеет право на наследование только лишь 1/7 имущества, но Пермский уездный съезд своим решением от 22 января 1909 года признал Екатерину единственным законным наследником Семена[65].

После этого Михаил подал иск на признание завещания недействительным в окружной суд. 3 мая 1909 года Пермский окружной суд, руководствуясь тем обстоятельством, что решение Сената за № 29 от 1897 года утратило свою законную силу по Именному указу от 9 ноября 1906 года, подтвердил легитимность завещания Семена. Однако Казанская судебная палата, основываясь на том, что оспариваемое недвижимое имущество является родовым имуществом, снова вынесла решение о подтверждении права Екатерины только на 1/7 собственности ее мужа[66]. 22 августа 1912 года Екатерина подала иск об опротестовании предыдущего решения в гражданский кассационный департамент Сената[67].

4.2.2. Члены разделенной семьи и зять

14 августа 1910 года Харьковский крестьянин Петр завещал 2,5 десятины надельной земли с усадебным участком своему зятю Кириллу.

20 августа 1910 года крестьянин Тимофей, брат умершего Петра, перед земским начальником и волостным судом заявил, что официального семейного раздела не было, а Кирилл не является официальным усыновленным, на что последний ответил, что надел ему достался после 13 лет, в течение которых он проживал в качестве зятя в доме своего тестя Петра.

Волостной суд на основании показаний трех свидетелей, заявивших, что Петр составлял завещание, будучи больным, присудил Тимофею 1,5 десятины надела, а Кириллу 1 десятину. 11 декабря 1910 года Сумским окружным судом завещание Петра было утверждено. 5 сентября 1911 года и уездный съезд подтвердил правоту Кирилла[68].

Несмотря на протесты Тимофея, заявлявшего, что надел не мог быть объектом завещания, Сумской окружной суд 13 сентября 1911 года определил своим решением на основании Гражданского права, что только две дочери Петра - законные наследницы, - могут выступить с протестом по данному завещанию[69]. 13 декабря 1913 года Харьковская судебная палата, установив факт семейного раздела между Тимофеем и Петрым 18 лет тому назад, отклонила просьбу Тимофея об опротестовании завещания[70]. 16 января 1914 года Тимофей обратился с апелляцией в гражданский кассационный департамент Сената[71].

4.4.3. Сыновья и внуки

Крестьянин Курской губернии деревни Уколово Михаил 19 июня 1906 года составил и 26 сентября 1908 года утвердил в окружном суде завещание, по которому его сыну Петру и внуку Ивану отходило по половине участка в 26,1 десятину.

Петр подал заявление на отмену завещания в Курский окружной суд, аргументируя это тем, что при жизни его сына - единственного законного наследника, - отец не имел права завещать часть земельного имущества внуку.

24 февраля 1911 года суд постановил, что, поскольку земельный участок, предназначенный по завещанию Ивану, является родовой собственностью, он не может быть предметом завещания. 22 декабря 1912 года Харьковская судебная палата дала следующее разъяснение по данному делу: правовое положение, согласно которому земельный надел не мог быть предметом завещания, касалось исключительно земельных участков, находившихся в общинном либо подворном землевладении. Поэтому в соответствие с Именным указом от 9 ноября 1906 года, согласно которого крестьянские земельные наделы перешли в личную собственность, уже не существовало какого-либо законного основания для не признания права крестьянина на завещание своего имущества[72].

18 апреля 1913 года Петр подал протест на решение Харьковской судебной палаты в гражданский кассационный департамент Сената[73]. Однако, и Иван также подал свое обращение туда же 12 июля 1913 года, в котором подчеркнул, что указ от 9 ноября 1906 года создал твердые основания для законности передачи крестьянских земельных наделов по завещанию[74].

4.4.4. Сыновья и внуки по материнской линии

Крестьянин деревни Саково Московской губернии Иван подал в Московский окружной суд прошение о признании недействительным завещания его отца, Ивана, от 5 июня 1906 года по передаче приобретенного им 16 декабря 1879 года у крестьянина Ефрема земельного надела с жилым строением своему внуку по дочери, Михаилу, так как крестьянские земельные наделы не могли по закону быть предметом завещания.

4 декабря 1909 года суд своим решением признал правоту Ивана. Однако, 12 октября 1913 года Московская судебная палата постановила: указ от 9 ноября 1906 года отменил законность решения общего собрания Сената за № 29 от 1897 года. Данный факт был подтвержден также и в протоколе того же общего собрания Сената за № 19 от 12 декабря 1909 года[75].

Крестьянин Иван дважды, 21 декабря 1913 года и 8 июня 1914 года подавал свои прошения в гражданский кассационный департамент Сената. Он аргументировал их тем, что даже после Именного указа от 9 ноября 1906 года и оглашения закона от 14 июня 1910 года сохранилось в силе положение, согласно которому наследование крестьянских наде-

лов должно было регулироваться местным обычаем[76], а также и тем, что усадебный участок не принадлежал ему одному, а был имущественным владением всей семьи. Он обосновал эту мысль следующим образом: "Мой отец, являющийся завещателем, умер в возрасте 76 лет (23 мая 1909 года - *Авт.*), тем не менее, в течение последних 20 лет он, потеряв работоспособность, находился на моем попечении. Однако, отец, несмотря на это, завещал дом, стоящий на земле, входящей в разряд крестьянских наделов, вместе с усадебным участком и движимым имуществом в пользу своего внука по дочери, Михаилу. По этой причине моя семья, состоящая из 8 человек, потеряла все средства к существованию".[77]

Во время войны, 17 апреля 1915 года, рассмотревшее это дело 6-е отделение гражданского кассационного департамента Сената определило, что Именной указ от 9 ноября 1906 года отменил принцип крестьянской семейной собственности, в результате чего домохозяин получил право на распоряжение, как и право на завещание своего имущества по своему усмотрению[78]. В соответствие с этим определением было признано абсолютное право завещателя свободно определять своих наследников по их мнению. Следует отметить, что после указа от 9 ноября 1906 года личные наделы также являлись предметами полной свободы завещания. Этим определением была уничтожена пропасть, разделявшая право свободного распоряжения собственностью и правом завещать ее по собственной воле кому угодно.

Тем не менее, остается неясным: как скоро после вынесения данного решения оно было принято правительством и региональными судебными органами. Дело в том, что земский отдел МВД в январе 1917 года официально заявил: "Крестьяне имеют право осуществлять свое право на завещание постольку, поскольку оно не противоречит местному обычаю".[79]

4.5. Значение крестьянских завещаний

Правовой статус акта передачи крестьянского надела по завещанию определялся противоречивыми принципами: во-первых, - в соответствии с местным обычаем, во-вторых, - на основе принципа, утвержденного дореформенным решением Сената, согласно которому, так как надел попрежнему являлся семейным имуществом, его наследование по завещанию было невозможно, , в-третьих, - на основе мнения Гражданского кодекса («Так как надел - родовое имущество, невозможно наследование по завещанию») и, наконец, в-четвертых, - тривиальным правовым сознанием, согласно которому личная собственность была равнозначна неограниченной свободе на его завещание.

В сложившейся ситуации в отношении законности завещания крестьянских наделов наблюдался полный хаос: решения прямо противоречили друг другу, как внутри обеих систем правового регулирования (между низшим и высшим органом иерархической лестницы, между трактовками каждой из этих систем), так и между решениями одного и того

же органа, принимающего в разное время разные решения. С другой стороны, сам акт завещания не ставил перед собой цели предотвращать дробление земельных участков или передачу их из поколения в поколение в неизменном виде. Кроме того, в ситуации, когда четкое положение, определяющее право на завещание крестьянских наделов, отсутствовало, дискуссия касалась признания самого права на завещание и абсолютно не касалась ни сферы определения статуса завещателя, ни вопроса о компенсации тем наследникам, которые не были упомянуты в завещании. По этой причине, как видно из приведенных выше примеров, лица лишенные наследства по завещанию, вообще не получали никакой компенсации и оказывались в крайне затруднительном положении, лишившись как земли, так и своего жилья.

5. Крестьянское наследование

Предметом спора в вопросах наследования у крестьян традиционно становились вопросы наследования сыновей, ушедших из семьи и длительное время отсутствующих дома, вдов и дочерей, а также некровных членов семьи. После указа 9 ноября 1906 года особенно предже всего они вступили в заявление укрепить земельные участки в личную собственность чтобы приобрести свою имущественную доль.

Далее мы рассмотрим аргументы дискуссии по вопросам права наследования членами семьи и конкретные судебные процессы по «запросу из 26 пунктов». Участниками губернских совещаний по рассмотрению «запроса из 26 пунктов» являлись земские начальники, члены уездных съездов и губернских присутствий, судьи окружных судов и судебных палат, которые на месте непосредственно рассматривали крестьянские иски. Они имели крайне разные мнения по поводу "Запроса" и поэтому на местах наблюдались весьма разные решения по одному и тому же иску.

5.1. Отделенные сыновья

5.1.1. Отделенный сын и сын, находившийся в долгом отсутствии

Многие источники сходятся в том, что право наследования не признавалось за отделенным сыном. Это была одна из главных особенностей местного обычая у крестьян, по сравнению с нормами наследования Гражданского права. Вот лишь некоторые примеры на эту тему.

Крестьянин Московской губернии Иван, заводя тяжбу против братьев Василия и Сергея, заявлял: "Я не отделялся от умершего отца моего, и жил в Москве, следовательно, после отца я считаюсь себя главой семьи". Василий и Сергей же утверждали, что Иван 30 лет назад отделился от семьи и никогда не помогал в содержании хозяйства.

4 августа 1910 года волостной суд признал Ивана отделенным сыном, хотя Иван говорил, что "финансово" управлял семьей до смерти отца. И уездный земский съезд от 25 ноября 1911 года постановил счи-

тать Ивана отделенным от семьи 30 лет назад[80]. 6 июня 1912 года решение уездного съезда было утверждено губернским присутствием[81]. Таким образом, сын, находившийся в долгом отсутствии, признавался отделенным в случае, когда он никогда не давал помощи для содержания хозяйства.

Как мы можем далее увидеть, крестьяне могли подавать иски по двумя линиям судебных систем. После смерти в 1902 году киевского крестьянина Сафона, 9 августа 1909 года скончалась его вдова Мария, которая являлась домохозяйкой и владелицей имущества. Старший сын Иван и второй сын Михаил претендовали каждый на одну треть наследства. Сын третьего брата, Исидора, Андрей утверждал, что у Ивана и Михаила не могло быть такого права по причине того, что они являлись отсутствующими долгое время.

Окружной суд 11 октября 1910 года и Киевская судебная палата 16 марта 1912 года признали Ивана и Михаила отделенными 28 лет назад и переселившимися в Екатеринославскую губернию. Поэтому они являлись отдельными семьями. Также в приговоре говорилось, что после указа от 9 ноября 1906 года Мария и Андрей стали сонаследниками, а после смерти Марии за Андреем могло быть признано право наследования сельским сходом[82].

После вынесения данного решения окружного суда Иван и Михаил заявили о его неправомерности. Но это заявление не было поддержано мировым посредником 23 марта 1911 года и уездным съездом мировых посредников 3 октября 1911 года, которые отклонили его. Но с таким результатом дела не согласилось Губернское присутствие, которое 8 февраля 1912 года отклонило решение уездного съезда[83].

Множество спорных вопросов в наследовании возникало в случае семейного раздела и ухода сына из дома при отсутствии других сыновей. Так, например, в январе 1904 года после смерти отца его сын, Григорий из деревни Чирловки Подольской губернии, осуществивший семейный раздел в 1894 году, принял на себя отцовское хозяйство. Но в сентябре 1909 года вернулся сын Иван, находящийся на заработках, и заявил права на эту собственность.

Иван утверждал, что Григорий получил семейный раздел 10 лет назад, в 1894 году, и при жизни его отца не принимал участия в ведении отцовского хозяйства, а он же посылал деньги для поддержки семьи, в доказательство чего предоставил благодарные письма от отца. Кроме того, он утверждал, что оплата Григорием налога в течении 5 лет, с момента вступления в наследование 22 января 1904 года до момента подачи апелляции 21 сентября 1909 года, не может считаться доказательством признания его главой семьи.

В сентябре 1911 года по решению окружного суда право наследования было признано за Иваном. Но, в соответствии со статьей 101 местного положения о семейной собственности и имеющихся фактов, 28

марта 1916 года Одесская судебная палата не признала за Иваном права главенствования в семье, так как он ушел из хозяйства 20-23 года назад и в течении этих лет не поддерживал отношений с семьей. Также было отмечено, что представленные Иваном в суд в качестве доказательств сведения об оказании им материальной помощи семье (письма), наоборот, доказывали обратное - обращения Ивана к отцу с просьбой о высылке денег.

В апелляции, поданной в Сенат, Иван умерил свои притязания. Он потребовал лишь признания за ним права общей собственности владения на основе указа от 6 ноября 1906 года и закона от 14 июня 1910 года. В них, как известно, говорилось о невозможности признания права личной собственности после смерти домохозяина за старшим сыном при наличии других членов семьи и необходимости признания права общей собственности за всеми членами семьи[84].

5.1.2. Лица, получившие недостаточную долю при выделе из семьи

23 апреля 1914 года крестьянин Николай Богородского уезда Московской губернии потребовал семейного раздела вместе с братьями Флором и Мокием. Но, по утверждению Мокия, Николай уже получил свой выдел.

Но Николай, явившись на заседание волостного суда, потребовал выдела и на остальное имущество, за исключением надела и усадьбы, так как уже владел 1/3 частью земельного надела и усадебного участка. Мокий не согласился с подобным поворотом дела и подал уголовный иск на Николая по обвинению в краже и незаконном присвоении наследного имущества. Также он подал апелляцию в уездный съезд о признании недействительным решения волостного суда, признавшего за Николаем право семейного раздела. Но решением уездного съезда от 16 июля 1915 года решение волостного суда было признано правомерным[85].

Тогда Мокий подал петицию в губернское присутствие, в которой утверждал, что Николай не являлся членом семьи, поэтому не имел права на ее имущество. Однако Московское губернское присутствие 4 ноября 1915 года все же признало правомерным раздел имущества, проведенный в соответствии с решением волостного суда[86].

Еще один пример. После смерти в декабре 1913 года крестьянина Павла (Херсонская губерния) остались одна десятина усадебного участка, строения и скотина. Его младший сын, Игнат, 12 февраля 1916 года подал петицию в мировой суд о лишении права общей собственности старшего брата Ивана, который единолично завладел наследством. 19 марта 1916 года мировой суд, состоявшийся при участии четырех свидетелей, признал за Игнатом право владения половиной всего движимого имущества, строений и усадебного участка. Иван на основании этого решения получил всего лишь 1,5 десятины земли от имущества отца[87].

21 сентября 1916 года уездный съезд мировых посредников поста-

новил, что Игнат уже получил выдел, и его несоответствие с законной долей отцовского имущества на момент получения не доказано[88]. На это решение 12 ноября 1916 года Игнат подал апелляцию в кассационный департамент Сената, где доказывал, что он помогал отцу вести хозяйство и, как работник, имел равные права с Иваном. Он заявлял, что даже если бы он не помогал отцу, то, согласно статьи 13 общего крестьянского положения и в соответствии с пунктом решения общего собрания 1-го, 2-го и гражданского кассационного департаментов Сената, он состоял в кровном родстве с умершим домохозяином[89].

Исходя из изложенного материала, можно заключить, что на местах существовали следующие разночтения в практике крестьянского наследования: а) получение выдела означало исключение из наследства и право наследования на надел определялось в соответствии с местными обычаями; б) общегражданский кодекс признавал право на дополнительную долю, если при семейном разделе доля имущества была менее доли, предусмотренной законом; в) право личной собственности предоставлялось по родному началу, а раздел имущества происходил в соответствии с общегражданским правом, а не в соответствии с местными обычаями[90].

5.1.3. Право наследования лиц, получивших выдел, и лиц, находящихся в длительном отсутствии в законопроекте МВД

Для ограничении числа наследников и предотвращения дробления земельного надела Министерство внутренних дел обращало особое внимание на исключение из наследства членов семьи, получивших выдел, и членов семьи, находящихся в длительном отсутствии и не оказывающих никакой помощи в ведении хозяйства. Этот вопрос вызывал наибольшие разногласия между положениями Гражданского права и местными обычаями.

В этой связи в «запросе из 26 пунктов» значение имели такие вопросы, как вопрос № 3: «В целях охранения надельных земель от вредного дробления не следует ли устранить от наследования отделенных сыновей и других нисходящих, хотя бы они были выделены наследодателем при его жизни не в полной мере?» и вопрос № 4: «Не следует ли признать отделенными и потому устраненными от наследства сыновей и других нисходящих, которые хотя не получали выдела, но жили от наследодателя отдельно более 10 лет?».

Большинство губернских совещаний при их обсуждении поддержало безусловное исключение из наследства отделенных сыновей, даже если им при выделе была выдана недостаточная доля имущества.

26 губерний выступило за исключение из наследства лиц, отсутствовавших более 10 лет. За признание права наследования подобными лицами выступило 7 губерний при условии оказания материальной поддержки этим лицам для ведения хозяйства. 2 губернии выступило "за" при условии, что подобное лицо является единственным наследником, а одна губерния - при условии особого договора[91].

В первом чтении проекта «закона о наследовании» МВД было принято мнение абсолютного большинства губерний в отношении вопроса № 3. Что касается вопроса № 4, то проект закона не признавал права наследования за теми, кто в течение 10 лет не внес никакого вклада в ведение хозяйства (статья 1221, пункты 1 и 2). Эти пункты впоследствии вошли в окончательный законопроект, внесенный в Государственную Думу 14 января 1914 г.

5.2. Вдовы

Вопрос наследования вдовами был одним из самых запутанных в местных обычаях, и именно в этом проявлялось несоответствие между местными обычаями и общегражданским кодексом.

Согласно общему Гражданскому кодексу при наличии сына вдове полагалась 1/7 недвижимого имущества, 1/4 движимого имущества умершего мужа, а при отсутствии же сына вдова имела право пожизненного владения всем имуществом.

Но при общинном землевладении земельные участкы после смерти отца без детей при общему переделу очень часто были отобран сельским обществом в качестве «выморочного», хотя бы остается вдова в том дворе.

В местных же крестьянских обычаях относительно права наследования вдовами наблюдались две противоположные тенденции. С. В. Пахман, например, видел причину этого как результат борьбы старого мировоззрения с новым. Мухин объяснял данное явление различными обстоятельствами состояния вдов в больших и малых семьях в условиях увеличения количества семейных разделов. В этой связи редакционная комиссия по пересмотру законоположений о крестьянах обратила внимание на различие обычаев между областями, в которых были сильны патриархальные традиции, и областями, где они были менее сильными. Министерство внутренних дел было не согласно с тем, что право наследования вдовой зависело от воли детей и волостного суда: вдова имела равное с сыном право на наследство, а при отсутствии сына, имела равные права с дочерью[92].

Но согласно указу от 9 ноября 1906 года при наличии вдовы и детей на основании общей собственности ей разрешалось требовать выдачи равной доли при разделе, и если же детей не было, то за вдовой признавалось право личной собственности над всем имуществом. Поэтому в первом этапе Столыпинского реформы предже всего активно вдовы заявляли укрепления в личную собственность своих земельных участков, оставщихся после смерти мужа.

Таким образом, в вопросе права наследования вдовами в противоречие друг с другом вступали местные обычаи, общегражданские кодексы и указ от 9 ноября 1906 года. Кроме того, ситуация была чрезвычайно запутанной на фоне трудностей, возникающих при доказательстве местных обычаев.

5.2.1. При наличии сына

Крестьянка Евдокия из Киевской губернии после смерти мужа Леонтия в 1895 году стала главой семьи (домохозяйкой), имея малолетнего сына Адама и дочь Еву. Но Адам, получивший право наследования всем имуществом на основании решения волостного суда от 26 октября 1910 года, выгнал из дома Евдокию и Еву[93].

Евдокия и Ева подали жалобу в окружной суд о признании за каждой из них права на 1/3 наследственного имущества, но решение волостного суда от 19 апреля 1912 года признало за ними право только на долю имущества в размере 3/14 недвижимого и 3/8 движимого имущества. Киевская судебная палата решением от 2 апреля 1913 года признала за ними право на равную долю имущества на основании статьи 48 закона от 14 июня 1910 года об общей собственности[94].

Но 16 августа 1913 года Адам подал апелляцию в гражданский кассационный департамент Сената, в которой утверждал, что так как статья 48 закона от 14 июня 1910 года применима только в отношении земельного надела, то вопрос относительно владения 3,5 десятин приобретенной им земли вне надела должен решаться в соответствии с общим Гражданским кодексом, а в отношении самого земельного надела долю наследства необходимо решать согласно местным обычаям, а не в соответствии с общегражданским кодексом[95].

5.2.2. Повторный брак

Крестьянка Анна из Киевской губернии после смерти мужа в 1912 году хотела подтвердить свое право на наследство на основании приговора сельского схода от 11 февраля 1913 года, по которому, если у крестьянки не было детей, то после смерти мужа она становится его наследницей.

Брат покойного мужа Анны, Марк, утверждал, что участники того сельского схода на момент вынесения вышеуказанного решения были необъективны в результате подкупа со стороны Анны. Но мировой судья решением от 13 марта 1913 года признал недостоверными обвинения Марка. 7 августа 1913 года Киевское губернское присутствие отменило решение мирового судьи на основании того, что из 66 подписей участников голосования на протоколе решения было много неучаствовавших в сходе.[96] 13 октября 1913 года мировой судья пояснил, что из 102 участников собрания подписи поставило большинство одобривших данное решение, что составило 66 человек. Киевское губернское присутствие от 31 декабря 1913 г. постановило, что отменять решение сельского собрания, одобренного большинством из-за отсутствия 9 участников не имеет основания.[97]

Сельский сход 28 января 1914 года вынес приговор, признавший существование местного обычая, по которому вдова, вступившая в повторный брак, после смерти первого мужа может наследовать только

движимое имущество, а недвижимое имущество наследует самый близкий родственник. Этот приговор принял неожиданный оборот. На основе данного приговора мировой судья 7 июля 1914 года и Киевское губернское присутствие 28 августа 1914 года при рассмотрении жалобы Марка вынесли решение, что в случае, если сельский сход однажды принял решение на основании местного обычая, то он не имеет права выносить решение, противоречащее первому на основании другого обычая[98].

10 октября 1914 года Марк подал апелляцию во 2-й департамент Сената, по которому утверждал, что не существует такого закона, разрешающего крестьянскому административному органу отменять приговор сельского схода в случае его противоречия с предыдущим решением.[99]

5.2.3. Право наследования вдов в законопроекте МВД

В «запросе из 26 пунктов» о праве наследования вдов и принципах определения их доли наследства был вопросе № 7: «В каком размере устанавливаются наследственные доли в надельных землях вдов: а) при наличности нисходящих, б) при отсутствии нисходящих и при наличности ближайших боковых родственников умершего наследодателя (братьев, сестер или их потомства), г) в остальных случаях?»

25 губерний предложили утвердить положение о праве вдов на получение всего наследства или равной с сыном доли при наличии нисходящих родственников.

13 губерний выразили мнение о приобретении вдовами доли наследства, предусмотренной общим Гражданским кодексом.

29 губерний выступили за право вдов на наследование всего имущества при наличии только ближайших боковых родственников, на что 6 губерний выступили за право вдов только на законную долю наследства, предусмотренную общегражданским кодексом.

32 губернии предложили передать вдовам право личной собственности на все наследуемое имущество при отсутствии ближайших боковых родственников.

Здесь стоит обратить внимание на мнение трех губернских совещаний (Владимирской, Московской, Харьковской губерний) о том, что вдовам необходимо дать право только на содержание и на приданое в случае вторичного замужества[100].

В первом чтении законопроекта МВД о наследовании мнением большинства было принято постановление (статья 1221^{7}) о равном праве наследования вдов с нисходящими родственниками при их наличии, а при отсутствии таковых вдова имела право пожизненного владения всей землей. Министерство внутренних дел при составлении данного законопроекта приняло во внимание право жены, как ближайшего к умершему наследователю лица, имея в виду дальнейшее содействие укреплению супружеского союза и повышению родительского авторитета, а также предотвращение дробления мелкого владения[101].

5.3. Дочери

5.3.1. Дочери

Сельским сходом сельского общества Гольдень 20 октября 1909 года за крестьянином Кириллом Ереминым, жителем селения 2-я Парсна Воронежской губернии было признано право владения земельным наделом.

По утверждению жительниц этого же сел Анны Спесивцевой, Евдокии Шеприкиной и Натальи Ламковой (сестер Кирилла) в уездном съезде, несмотря на факт получения Кириллом права владения землей их покойного отца, Усманский волостной суд признал право этих трех женщин на владение данным наделом. И уездный съезда также признал обоснованным их прошение в отношении лишения Кирилла права владения спорным участком.

В связи с этим, 8 апреля 1910 года земский начальник постановил передать земли покойного Ивана в общую собственность его дочерей. 5 мая 1910 года Воронежское губернское присутствие отклонило апелляцию Кирилла[102].

В данном случае остается предполагать, что Кирилл либо был в разрыве с семьей, либо находился в длительном отсутствии, так как при отсутствии наследников мужского пола право совладения (наследования) признавалось за дочерьми.

В целом можно сказать, что на местах права наследования замужними и незамужними дочерьми крайне ущемлялись и ограничивались при наличии наследников мужского пола.

5.3.2. Право наследования дочерьми в законопроекте МВД

В «запросе из 26 пунктов» особенно важными были вопросы № 5 и № 6. Вопрос № 5: «Не должны ли быть устранены от наследования замужние дочери при наличности сыновей и незамужних дочерей?»; № 6: «В каком размере устанавливать наследственные доли в надельных землях незамужних дочерей при наличности сыновей (1/14, 1/7, и т.д.) и можно ли допустить для них выделы этих долей в натуре или, в целях сохранения участков от раздробления, следует установить в пользу незамужних дочерей денежные выплаты, соответствующие стоимости их наследственных долей, или, наконец, взамен участия в наследовании, предоставить незамужним дочерям право на получение от братьев-наследников содержания и приданого при выходе в замужество?»

Почти все губернские совещания выразили негативное мнение относительно прав наследования замужними дочерьми при наличии сына и незамужних дочерей.

Мнение губернских совещаний (в том числе Орловского) было следующим: «При выдаче замуж дочери домохозяин несет столь большие расходы, что впоследствии несколько лет исправляет понесенный ущерб, и эти затраты следует приравнивать к фактическому выделу».

Относительно права наследования незамужними дочерьми мнения

разделились. Почти все губернии признали нецелесообразным исключать их из наследства. Относительно их доли наследства 28 губерний высказалось за выдачу законной доли, указанной в общегражданском кодексе. За получение равной с сыном доли наследства выступило 7 губерний, и только за приданое в качестве наследства - 6 губерний[103].

В первом чтении проекта «закона о наследовании» МВД было отражено мнение меньшинства, согласно которому замужняя дочь исключалась из права наследования (статья 1221^2 пункт 3), а незамужняя имела право на долю наследства в качестве приданого.

12 ноября 1913 года на междуведомственном совещании был принят на рассмотрение предложение Я. Я. Литвинова о возможности получения незамужней дочерью доли наследства в денежном эквиваленте по достижении совершеннолетия (статья 1221^3) и получение замужней дочерью одной и то же доли наследства с незамужней дочерью при отсутствии сыновей. Но в окончательном варианте законопроекта 1914 года права вышеупомянутых категорий остались теми же, что и в первом варианте проекта.

Таким образом, возникло острое противоречие между двумя основными целями законопроекта о праве наследования: приближение к общему Гражданскому кодексу и сокрашению чисел наследников, в особенности вокруг права наследования женщин (вдов и дочерей).

5.4. Некровные члены семьи

Признание права общей собственности с домохозяином некровным членом семьи не означало признать им обязательное право наследования. В сельских обществах к некровным членам семьи (усыновленным и примакам) зачастую относились как к чужакам. В особенности право наследования усыновленным не гарантировалось при наличии родных детей. В судебных инстанциях в отношении таких случаев наблюдался беспорядок, обусловленный различием в толковании доказательств местных обычаев и их критериев.

5.4.1. Усыновленные

18 ноября 1904 года Борочинский волостной суд признал право наследования за Иваном Ивановым, усыновленным Иваном Семеновым в 1892 году, на основании официально зарегистрированного факта об усыновлении от 20 сентября 1904 года.

Но в декабре 1904 года сельский сход селения Борочино вынес приговор о существовании обычая, согласно которому при отсутствии нисходящих наследников братья покойного имели право наследования, даже если являлись владельцами собственного земельного надела.

8 марта 1905 года земский начальник признал правомерным этот приговор схода, но 9 ноября 1905 года уездный съезд постановил, что в случае усыновления в возрасте до 30 лет, усыновленный имел преимущество перед братьями покойного в праве наследования.

Относительно данного постановления Бессарабское губернское при-

сутствие вынесло решение 15 июня 1906 года, согласно которого уездный съезд не мог оспаривать приговор сельского схода по поводу факта существования обычая наследования[104]. Но этот местный обычай противоречил принятому российским правительством и Сенатом в период Столыпинской реформы решения о равных правах наследования между родными и усыновленными детьми.

5.4.2. Примаки

В деревнях в целом негативно относились к продолжению рода путем принятия в семью постороннего зятя-примака. Согласно статьи 13 Общего крестьянского положения, сельское общество являлось самым компетентным органом в подтверждении местных обычаев, в связи с чем в вопросах права наследования примаками по-прежнему царил хаос.

21 октября 1913 года сельский сход селения Заромено Курской губернии вынес приговор об отсутствии местного обычая, согласно которого за примаком признавалось бы право наследования. Уездный съезд 14 января 1914 года признал этот приговор незаконным. Но Курское губернское присутствие 1 мая 1914 года не согласилось с таким решением и постановило: на основании того, что право на подтверждение местных обычаев принадлежало сельскому сходу, никакие учреждения крестьянской администрации не имели права отменить данное решение[105].

Не только сельский сход, но и местные судебные органы выносили вердикты, основываясь на местном обычае негативного отношения к примакам. В связи с этим возникали многочисленные недоразумения и разногласия.

Например, крестьянин Степан (Подольская губерния), принятый в семью примаком и на протяжении 10 лет владевший частью имущества, подал иск в окружной суд по факту лишения его доли наследства тещей Марией Ключук, вступившей в другой брак, и сестрой Марией Сидровской.

Каменец-Подольский окружной суд 10 марта 1914 года вынес постановление о недостаточности улик, доказывающих наличие местного обычая, согласно которому примак мог вступить в право наследования по факту признания его зятем. Поэтому при подаче апелляции в Одесскую судебную палату Степану необходимо было доказать существование подобного обычая, признающего его право совладения имуществом, которым он владел в течение 10 лет.

Отправленная им в суд копия приговора волостного схода была отклонена циркуляром мирового посредника от 29 апреля 1905 года[106]. По этому циркуляру подача подобных документов без требования волостного суда была в принципе запрещена[107].

В ответ на это 7 июля 1914 года Степан подал апелляцию во 2-й департамент Сената по факту нарушения права наследования крестьян[108].

Документы свидетельствуют, что в случае смерти бездетной жены, при наличии у нее братьев, муж покойной не мог безоговорочно претен-

довать на ее наследство. Подобная ситуация усугублялась, если муж покойной являлся примаком, к которому относились как к чужому.

Так, например, сельский сход селения Вытчино Минской губернии 28 февраля 1908 года и 2 февраля 1912 года вынес решение, согласно которому крестьянин Василий после смерти жены Никифорович являлся единственным наследником приобретенного участка вне наделения, называемого Фоваруг-Староселье. Принято это было на основании местного обычая, по которому имущество жены, несмотря на наличие у нее братьев и сестер, после ее смерти доставалось мужу.

Но брат Никифорович, Филипп, житель села Стахово, не согласился с таким ходом событий и подал апелляцию. 15 апреля 1912 года рассмотревший данную апелляцию земский начальник постановил, что по делу о получении права на приобретенный участок вне наделения нельзя было действовать в соответствии с местным обычаем, и в связи с этим он отменил приговор сельского схода, поскольку он относился только к жителям данного селения.

В ответ на это Филипп подал апелляцию, выразив протест против признания Василия примаком на основании того, что он состоял в браке с Никифорович всего один год и восемь месяцев. Он также опротестовал признание вышеуказанного обычая, действительным в данном селении. Уездный съезд 19 мая 1912 года и Минское губернское присутствие 21 августа 1912 года удовлетворили апелляцию Филиппа[109]. 2-й департамент Сената также признал решение Минского губернского присутствия правильным.[110]

5.4.3. Право наследования некровными членами семьи в законопроекте МВД

Между местными обычаями и гражданским законом существовали противоречивые мнения относительно права наследования некровными членами семьи. Соблюдение местных обычаев противоречило изначальной цели законопроекта о праве наследования - сокращению числа наследников.

Об этом был специальный вопрос (№ 10): «Нужно ли допустить какие-нибудь отступления от общегражданского порядка (и какие именно) при определении наследственных прав зятьев-примаков, пасынков и падчериц, усыновленных приемышей, внебрачных детей?»

Вот каким образом этот вопрос был рассмотрен губернскими совещаниями.

29 губернских совещаний высказались за предоставление примакам равного права с родными детьми в вопросах наследования, 3 предложили исключить примаков из наследников, а 6 настаивало на предоставлении им законной доли наследства (в размере 1/7 всего недвижимого имущества и 1/4 движимого имущества).

31 губернское совещание (более половины) выступило за предоставление равного права в получении наследства родными детьми и усынов-

ленными (то есть прошедшими официальную процедуру усыновления).

13 совещаний выступило за предоставление им права на полученное имущество (статья № 156 Гражданского права).

Относительно вопроса предоставления права наследования приемышам, взятым на воспитание в дом приемного отца и не прошедшим официальную процедуру усыновления, 24 губернии выступило за предоставление им таких же прав, как и усыновленным, 12 губерний за предоставление права только на приобретенное имущество, а 4 губернии за предоставление равного права с родными детьми только в случае официального усыновления. Ковенская и Пермская губернии в вопросе наследования выступили против предоставления усыновленным детям равных прав с родными детьми.

11 губерний выступило за предоставление пасынкам равноправия с родными детьми, тогда как 25 губерний за исключение пасынков из наследства при наличии родных детей. Из них 16 высказалось за предоставление пасынкам права наследования только на имущество родных родителей.

22 губернии выступили против предоставления внебрачным детям равных прав наследования с родными детьми, но за предоставление им права наследования только на имущество матери, согласно статье 132^{12} Гражданского закона. Кроме того они высказались за безоговорочное исключение внебрачных детей из наследников.

Оставшиеся 21 губерния выступили за исключение пасынков из наследников при условии наличия родных детей[111].

В первом чтении проекта «закона о наследовании», разработанным МВД, говорилось: «Приемыши, принятые наследователем не менее как за 10 лет до его смерти, наследуют наравне с законными детьми наследователя. Лицо, усыновленное или принятое в дом по особому договору (статья 1103^{9}), наследует согласно сему договору (статья 1221^{5})».

17 июня 1913 года на «Особом совещании о гражданских правах крестьян» обсуждался вопрос о нечеткости определения категории приемышей. Совещание приняло следующую формулировку: «При наследовании в землях мелкого владения как по договору, так и по завещанию, равными правами с законными детьми пользуются: а) усыновленные, б) примаки, в) приемыши, но с тем, что при отсутствии сыновей они наследуют наравне с незамужними дочерьми». Позже в данное положение была внесена поправка о равном праве наследования с родными детьми только в случае факта официального усыновления: «При наследовании в землях мелкого владения как по закону, так и по завещанию усыновленные пользуются равными правами с законными детьми» (статья 156^{8}).

В 1914 году в процессе обсуждения законопроекта было решено не принимать претензий по делам наследования от некровных членов семьи, не прошедших официальную процедуру усыновления.

5.5. Наследственный договор

Обычай заключения наследственного договора был широко распространен среди крестьян до Столыпинской реформы. Он имел значение завещания, хотя и заключался: по случаю женитьбы примака; официального усыновления приемыша; вступления во вторичный брак. Но если предметом наследственного договора являлся земельный надел, то Сенат не признавал законность этого договора и завещания, даже если волостной суд признавал обратное. В этом случае их недействительность подтверждалась и более высокими инстанциями[112].

5.5.1. Наследственный договор

Усыновленный крестьянин Иван (Вятская губерния) подал жалобу в волостной суд о признании за ним права наследования усадебного участка после смерти его отчима, крестьянина Николая.

Но ему было отказано в рассмотрении дела на том основании, что усыновленный Иван не достиг 18-летия. Волостной суд заявил Ивану, что по наследственному договору Николай еще при жизни должен быть отдать ему половину дополнительного земельного надела, а после смерти - и весь надел.

2 декабря 1908 года просьба Ивана была отклонена Вятским губернским присутствием на основании решения уездного съезда 9 октября 1907 года. Большое значение при этом имел тот факт, что общее собрание Сената 29 декабря 1909 года признало наследственные договоры не имеющими законной силы, назвав их "незаконным завещанием"[113].

Крестьянин Евстафий 15 февраля 1903 года получил в пользование от односельчанина Харитона 0,167 десятины усадебного участка на основе договора о передаче правовладения после смерти владельца. Сельский сход 25 июня 1910 года подтвердил право Евстафия на владение наделом и вынес утвердительный приговор.

17 февраля 1912 года Киевский окружной суд подтвердил приговор сельского схода. Но Киевская судебная палата 1 июля 1913 г. приговорила, что договор не подлежит выполнению на основании того, что условие договора, согласно которому право владения земельным наделом после его смерти переходит другому лицу, противоречит земельному крестьянскому правоположению до 1906 года (решение общего собрания Сената от 12 октября 1909 года)[114]. 20 декабря 1913 года Евстафий, не удовлетворенный этим решением, подал апелляцию в гражданский кассационный департамент Сената[115].

5.5.2. Наследственные договоры в законопроекте МВД о праве наследования

В первом чтении проекта «закона о наследовании», готовившегося по линии МВД, указывалось, что «Собственник земли мелкого владения, не имеющий ни сыновей, ни усыновленных, ни их нисходящих мужского пола, может заключить со своим затем, а при отсутствии нисходящих

или усыновленных обоего пола — с посторонним лицом договор о наследовании» (статья 1103[9]). Кроме того, в других статьях также получили отражение различные аспекты наследственного договора.

Данный вопрос обсуждался 12 июня 1913 года на междуведомственном совещании, где начальник Земского отдела МВД Я. Я. Литвинов выступил против наследственных договоров. Он заявил, что «придавать... исключительное значение земельной собственности представляется устарелым общинным взглядом, граничащим с современными социалистическими доктринами»[116].

Председательствовавший на этом совещании А. И. Лыкошин предложил вообще отменить положение о наследственных договорах. И это предложение было принято: семью голосами "за" при трех "против"[117]. В результате положение о наследственных договорах было изъято из проекта, поданного на рассмотрение в Совет министров 12 ноября 1913 года[118]. Затем его изъяли из окончательного законопроекта МВД, предложенного на рассмотрение Государственной Думы 14 января 1914 года[119].

5.6. Боковые родственники

5.6.1. Другие боковые родственники

Согласно Столыпинской реформе, земля перестала быть собственностью общины и перешла во владение каждого домохозяина, в результате чего право наследования распространилось и на его родных по боковой линии, что повлекло за собой многочисленные проблемы.

Так, например, в одной непередельной общине Смоленской губернии возникла следующая ситуация. Умер 50-летний крестьянин Т., проживавший за ее пределами, но сдававший свой земельный надел в наем жителю данной общины. После смерти Т. внезапно объявилась его жена, более 20 лет проживавшая раздельно с ним.

Арендатор земельного надела К. не желал лишаться прав на надел и придумал уловку. Он попытался оспорить наследство с помощью Е. (замужней сестры Т.), проживавшей в другом селе, подав протест от ее имени против получения наследства женой Т. на основании факта раздельного проживания последней с Т. Во время рассмотрения апелляции жена Т. скончалась. И тогда в качестве наследницы объявилась ее сестра А, и кроме нее о претензиях на наследство заявили племянники покойного Т. и племянники его умершей жены[120].

5.6.2. Право наследования боковых родственников в законопроекте МВД

Что касается права наследования боковых родственников в проекте МВД, то этот вопрос также стал предметом дискуссии. На эту темы были сформулированы вопросы № 11 и № 12: «Из числа боковых родственников не отдать ли преимущество тем, которые жили нераздельно с наследователем, или владели с ним совместно наследуемою землею на

праве общей собственности?» (№ 11); «Не установить ли обязательное единонаследие при наличности лишь отделенных боковых родственников в пользу старшего из них?» (№ 12).

В результате за предоставление преимущественного права при наследовании за совладельцами выступило абсолютное большинство губернских совещаниях. Одно лишь Харьковское губернское совещание предложило при отсутствии наследников конфисковывать личный земельный надел умершего в пользу общины.

В первом чтении проекта «закона о наследовании» МВД было сказано: «При наследовании в боковых линиях земля мелкого владения переходит к одному лишь ближайшему по рождению и праву представления из боковых родственников с предпочтением в пределах каждой линии среди родственников одной степени мужского пола женскому» (статья 1221^{6}).

Этот пункт был включен во второй проект, а впоследствии и в окончательный законопроект. В случае же большого количества совладельцев в праве наследования и определения доли наследства каждого из них на «Особом совещании о гражданского правах крестьян» 12 июня 1913 г. было принято решение передавать подобные дела в компетенцию судебного органа и больше этот вопрос не рассматривать[121].

6. Выводы

Итак, что касается крестьянского завещания по поводу наследования личного надельного имущества, то в указе 9 ноября 1906 года по этому поводу ничего сказано не было.

9 декабря 1906 года МВД направило следующий циркуляр губернаторам: "За обращением силою Высочайшего Указа 9 ноября 1906 года подворных участков надельной земли в личную собственность домохозяев, право наследования членов семьи обусловливается уже не обстоятельством участия их в хозяйственных трудах, а определяется лишь кровною связью с домохозяином и притом, при отсутствии местного обычая, на общем основании гражданских законов".

Постановление (№ 1) по этому вопросу было принято на общем собрании 1-го, 2-го и кассационного департамента Правительствующего Сената в 1910 году. В нем отразился двойной характер в отношении наследования личного надела. Хотя личный надел укреплялся в личную собственность, но к нему должно было применяться родовое начало, а, так как он по-прежнему сохранял характер надела, - то и местный обычай (трудовое начало).

Несмотря на то, что правовое положение по крестьянскому наделу существенно изменилось и право на отчуждение личных наделов отдавалось крестьянам, в столыпинских законах не оговаривались условия крестьянского завещания. Главная мысль вышеупомянутого циркуляра МВД состояла в том, что если завещание не противоречило местному

обычаю, то оно далее приобретало законную силу.

В целом ясность в этом вопросе отсутствовала, что не могло не отразиться на местной практике. Именно поэтому в ней определилось два противоположных направления: а) одновременно с признанием права личной собственности и ее отчуждения подразумевалась абсолютная свобода завещания, и б) так как по-прежнему личный надел оставался наделом, по нему ни в коем случае нельзя было делать завещания. И это противоречие отражалось на юридическом характере личного надела.

Сенат во время Столыпинской аграрной реформы в вопросе о крестьянском завещании вел двойную политику: дореформенное завещание земельного надела объявлялось незаконным, ибо надел не был личной собственностью. В то же время по поводу послереформенных завещаний никакого определенного постановления так и не было принято. У него имелось только следующее противоположное определение: с одной стороны, поскольку укрепленные наделы стали личной собственностью, то в этом случае применялось начало родства, с другой - завещание становилось действительным, если оно не противоречило местному обычаю.

Исходя из данной ситуации, вокруг крестьянского завещания личных надельных имуществ не только развернулась дискуссия среди юристов, но и возникла хаотическая ситуация в местных судебных учреждениях.

Поскольку среди крестьян было широко распространено мнение о равнозначности личной собственности и права свободы завещания, то наследниками в крестьянских завещаниях становились не только вдова и примак, но и замужняя дочь при наличии сына, или внук от дочери при наличии внука от сына.

Конкретно на местах по поводу личных наделов наблюдалось следующее противоположное понимание сути проблемы: а) к наследованию надела по-прежнему должны быть применяться местные обычаи, б) если надел - семейное имущество, то его наследование по завещанию считалось невозможным (дореформенное положение), в) если надел - родовое имущество, то завещание также являлось невозможным (Гражданское право), д) если личный надел - личное имущество домохозяев, то оно становилось предметом полной свободы завещания.

Проблема законности завещания крестьянского личного надела оказалась сильно запутанной. Она обсуждалась в разных ракурсах. По крестьянским гражданским искам выносились совершенно противоположные решения различными судебными инстанциями: низшими и высшими учреждениями в одной линии, и даже в одном и том же судебном месте.

Что касается наследования в случае отчуждения духовного завещания, то российское правительство, как и по поводу укрепленных наделов, твердо придерживалось принципа применения местного обычая. И только в случае отсутствия его разрешалось применять гражданский закон. Но и в этом случае на местах наблюдалось запутанное положение:

а) если личный надел являлся дореформенным, применялись местные обычаи, б) если надел - личное имущество домохозяев, то применялось Гражданское право, е) если надел - родовое имущество, то применялось установление об указанной наследственной доли в гражданском законе.

Также существовали различные толкования и по другим вопросам собственности, ее наследования и раздела. Например, мнение о равном разделе личного надела, входящего в общую собственность сталкивалось с мнением о невозможности его раздела в принципе, исходя из местных обычаев.

Такая запутанность в понимании существовала не только среди крестьян, но и в судебных органах - в частности, вокруг права наследования доли раздельных сыновей, долговременно отсутствующих, а также вдов, дочерей и неродных членов, право которых на семейное имущество в местном обычае не было четко определено.

Итак, основная линия правительства по применению местного обычая к наследованию укрепленных наделов до конца Столыпинской реформы принципиально не изменилась. В праве владения личным наделом по прежнему действовал дореформенный обычай равного раздела между наследниками. В конечном итоге и это привело к резкому увеличению количества домохозяев и дроблению крестьянских хозяйств, то есть к прямо противоположному результату намерениям российского правительства и целям Столыпинской аграрной реформы.

Примечания

[1] Российский государственный исторический архив (далее РГИА). Ф. 1291. Оп. 120. 1910 г. Д. 53. Л. 1-1об.

[2] *Черненков Б.* Перемена фронта в борьбе с общиной // Современник. 1911. Кн. 9. С. 231-234.

[3] Известия земского отдела. 1915. № 7. С. 242-243; там же. 1916. № 8. С. 218-129.

[4] Там же.

[5] *П.Н. Зырянов.* Крестьянская община Европейской России 1907-1914 гг. М., 1992. С. 130.

[6] В числе последних работ по крестьянскому местному обычаю и крестьянской семьи можно назвать следующие публикации: Gareth Popkins, Peasant Experiences of the Late Tsarist State: District Congresses of Land Captains, Provincial Boards and the Legal Appeals Process, *Slavonic and East European Review* 78, January 2000, pp. 90-114; Code Versus Custom. Norms and Tactics in Peasant Volost Court Appeals, 1889-1917, *Russian Review*. Vol. 59. No. 3, pp. 408-424; Jane Burbank. A Question of Dignity: Peasant Legal Culture in Late Imperial Russia, *Continuity and Change*, 1995. Vol. 10. No. 3, pp. 391-404; Legal Culture, Citizenship, and Peasant Jurisprudence: Perspectives from the Early Twentieth Century in Reforming Justice in Russia, 1864-1996, *Power, Culture,and theLimits of Legal Order,* ed. Peter H. Solomon, New York, 1997, pp. 82-106.

[7] Труды редакционной комиссии по пересмотру Положения о крестьянах. Т. 4. Сельские уставы о договорах и наследовании с объяснениями. СПб., 1904. С. 333-505.
[8] Там же. С. 380-381.
[9] Гражданское уложение. СПб., 1905. С. 283.
[10] Свод трудов местных комитетов по 49 губерниям Европейской России. Т. 1. Крестьянский право порядок / сост. А.А. Риттих. СПб., 1904. С. 345-359.
[11] РГИА. Ф. 1291. Оп. 74. 1907 г. Д. 672. Л. 2-4об.
[12] Там же. Л. 5-5об.
[13] РГИА. Ф. 1291. Оп. 120. 1909 г. Д. 2. Ч. 1. Л. 62-88.
[14] Там же. Л. 78-79. В результате многочисленных споров, возникших при попытке применить указ от 9 сентября 1906 года, касающихся выбора применения местного обычая или норм Гражданского права, а также свободы составления завещания, данный закон о землевладении был возвращен в Министерство внутренних дел для дальнейшего рассмотрения (РГИА. Ф. 1291. Оп. 120. 1909 г. Д. 84. Л. 42).
[15] РГИА. Ф. 1291. Оп. 73. 1906 г. Д. 722. Л. 8-9об.
[16] Там же. Л. 18-23об., 25-27об.
[17] РГИА. Ф. 1291. Оп. 120. 1909 г. Д. 84. Л. 7-10об.
[18] РГИА. Ф. 1291. Оп. 120. 1912 г. Д. 18. Ч. 2. Л. 1-23об.
[19] Там же. Л. 24-29.
[20] РГИА. Ф. 1291. Оп. 122. 1912 г. Д. 84. Л. 21
[21] РГИА. Ф. 1291. Оп. 120. 1909 г. Д. 2. Ч. 3. Л. 2-73.
[22] Там же. Л. 104-149.
[23] В то же самое время граф Бар А. Фрейтаг-Лоринговен 1 апреля 1910 года на заседании юридического общества при Санкт-Петербургском университете сделал доклад о прусской системе преимущественного наследования, сравнив ее с уложением о крестьянском землевладении 1907 года. В докладе он указал на то, что у русского крестьянина полностью отсутствует традиция завещать свое имущество, кроме того, крестьяне совершенно неопытны в деле составления письменных документов, и поэтому только лишь предоставлением свободы завещания трудно ожидать успешного предотвращения процесса измельчания и дробления наделов, что вызывает необходимость законодательно закрепить особые правила наследования (Прусская система преимущественного наследования). *Фрейтаг-Лоринговен Бар. А.* Реформа наследования в крестьянской недвижимости. СПб., 1910. С. 1-54.
[24] РГИА. Ф. 1291. Оп. 120. 1912 г. Д. 18. Ч. 2. Л. 40-51.
[25] Там же. Л. 52-54, 94-99.
[26] РГИА. Ф. 1291. Оп. 122. 1909 г. Д. 84. Л. 51-74об.
[27] РГИА. Ф. 1291. Оп. 120. 1912 г. Д. 18. Ч. 1. Л. 111-112.
[28] Там же. Л. 264-285. Рассматривавшее первое чтение законопроекта «Особое совещание по гражданским правам крестьянства» под председательством замминистра внутренних дел Лыкошина, обсуждало проблему наследственного раздела 17 июня 1913 года. По этому поводу между Министерством внутренних дел и ГУЗиЗ имелись серьезные разногласия. Однако, по предложению представителя последнего - Зубовского, проект без статьи о наследственном разделе было решено представить к рассмотрению в Государственную Думу в перво-

очередном порядке. В качестве причины подобного решения приводились доводы о том, что статья о наследственном разделе сильно похожа на предложения по законопроекту ГУЗиЗ, а также то, что при одновременном рассмотрении обоих законопроектов в Думе неизбежно возникнет путаница. Там же. Л. 105-106, 282. В соответствии с данным решением было предложено не применять положение об ограничении дробления участка в случае и наследования по завещанию и наследования по закону. Было решено оставить только лишь ограничения по числу бенефициариев и ограничению свободы завещания.

[29] Там же. Л. 364-368.

[30] Там же. Л. 332-348об. В силу ограниченности объема статьи мы опускаем детальное изложение дискуссии, имевшей место в процессе выработки «закона о наследовании».

[31] Приложения к стенографическим отчетам Государственной Думы, четвертый созыв, сессия четвертая. 19 июля-3 сентября 1915 г.(№№ 1-57). Петроград, 1915 ; № 1. Список законопроектов, оставшихся к четвертой сессии 4 созыва нерассмотренными Госдумой (4 апреля 1915), по МВД. № 53, о наследовании в землях мелкого владения (14 января 1914 г. № 1247).

[32] В конечном итоге, можно сделать вывод о том, что законопроект пролежал под сукном вплоть до 21 июня 1916 года. (Приложения к стенографическим отчетам Госдумы, четвертый созыв, сессия четвертая. 1915-1916 г.г., вып. №№ 58-87). Петроград, 1916; Список законопроектов, оставшихся нерассмотренными Госдумой к 21 июня 1916 г., № 231,о наследовании в землях мелкого владения (14 января 1914 г. № 1247).

[33] *Зырянов П.Н.* Обычное гражданское право в пореформенной общине // Ежегодник по аграрной истории. Вып. 6. Проблемы истории русской общины. Вологда, 1976. С. 91-101.

[34] Журнал министерства юстиции. 1913. N. 9. С. 203-217.

[35] Право. 1913. № 12. С. 92-93.

[36] РГИА. Ф. 1291. Оп. 120. 1912 г. Д. 18. Ч. 1. Л. 93об.

[37] РГИА. Ф. 1405. Оп. 543. Д. 1506. Л. 1-2.

[38] Там же. Л. 4-4об.

[39] Там же. Л. 11-11об.

[40] Практика правительствующего сената по крестьянским делам с 1882 года по 1 марта 1914 года. СПб., 1914. С. 509.

[41] *Шретер В. Н.* Семейная собственность у крестьян. М., 1911. С. 44.

[42] РГИА. Ф. 1291. Оп. 120. 1912 г. Д. 18. Ч. 1. Л. 116-118

[43] Там же. Л. 138-148.

[44] Там же. Л. 267-268об.

[45] Журнал министерства юстиции.1916. N. 5. С. 73.

[46] Право. 1916. № 16. С. 1167-1168.

[47] Вестник права и нотариата. 1911. № 20. С. 610.

[48] Право. 1911. № 25. С. 1402-1406.

[49] *Пареного А. Н.* Обычай и закон 14 июня 1910 года. 1912. С. 20-21.

[50] Вестник права и нотариата. 1911. № 5. С. 131-133; № 6. С. 159-162.

[51] Вестник права и нотариата. 1911. № 20. С. 609-615.

[52] Вестник права и нотариата. 1912. № 12. С. 361-364.

[53] Журнал министерства юстиции. 1916. № 5. С. 69-70.

[54] РГИА. Ф. 1364. Оп. 10. Д. 2575. Л. 33-35.
[55] Там же. Л. 16-17об.
[56] Там же. Л. 36-36об.
[57] Там же. Л. 32-32об.
[58] РГИА. Ф. 1364. Оп. 7. Д. 473. Л. 5-7.
[59] Там же. Л. 9.
[60] Там же. Л. 2-2об.
[61] РГИА. Ф. 1291. Оп. 120. 1912 г. Д. 18. Ч. 1. Л. 122-123об.
[62] Обсуждение вопроса № 17 о том, «должны ли быть и какие именно меры приняты для обеспечения интересов могущих быть обойденными завещателем: а) вдов, б) восходящих, г) устраняемых от наследства нисходящих (денежные выплаты, предоставление приюта и т. п.)», вопроса № 19 о той процедуре и юрисдикции оформления завещания: «не следует ли облегчить совершение духовных завещаний, допустив при известных условиях словесные завещания (изустные памяти) и установив более высокую сумму (какую), до которой духовные завещания могут быть совершаемы посредством записи их в книге сделок и договоров при волостных правлениях (прим. 2 к ст. 110 Общего положения крестьян)», а также вопроса № 20: «не предоставить ли утверждение духовных завещаний на известные суммы какой-либо более близкой к земледельческому населению инстанции (какой именно)», мы опускаем.
[63] РГИА. Ф. 1364. Оп. 8. Д. 1085. Л. 3-4.
[64] Там же. Л. 1-2об.
[65] РГИА. Ф. 1364. Оп. 8. Д. 2154. Л. 17-17об.
[66] Там же. Л. 10-14об.
[67] Там же. Л. 8-9.
[68] Там же. Л. 6-8.
[69] РГИА. Ф. 1364. Оп. 10. Д. 625. Л. 4-4об.
[70] Там же. Л. 5-5об.
[71] Там же. Л. 2-3об.
[72] РГИА. Ф. 1364. Оп. 9. Д. 2540. Л. 4-5.
[73] Там же. Л. 2-3.
[74] Там же. Л. 10-11.
[75] РГИА. Ф. 1364. Оп. 10. Д. 815. Л. 5-6об.
[76] Там же. Л. 2-4.
[77] Там же. Л. 7-8об.
[78] Там же. Л. 16-16об.
[79] Известия земского отдела. 1917. № 1. С. 18.
[80] РГИА. Ф. 1354. Оп. 5. Д. 1471. Л. 6-7.
[81] Там же. Л. 4.
[82] РГИА. Ф. 1364. Оп. 8. Д. 2510. Л. 5-6об.
[83] Там же. Л. 9-17об. На фоне того, что судебная палата приняла приговор сельского схода в качестве решающего повода, игнорируя определение губернского присутствия месячной давности, сохранился конфликт вокруг инициатива между двумя линиями судебных учреждений, возникший накануне Судебной реформы.
[84] РГИА. Ф. 1364. Оп. 12. Д. 1502. Л. 6-8.
[85] РГИА. Ф. 1354. Оп. 5. Д. 1966. Л. 8-9.

[86] Там же. Л. 5-5об.
[87] РГИА. Ф. 1364. Оп. 13. Д. 72. Л. 58-59.
[88] Там же. Л. 21-21об.
[89] Там же. Л. 2-2об.
[90] РГИА. Ф. 1291. Оп. 120. 1912 г. Д. 18. Ч. 1. Л. 96.
[91] Там же. Л. 118-118об.
[92] Труды редакционной комиссии по пересмотру законоположений о крестьянах. Т.4, Сельские уставы о договорах и наследовании с объяснениями. СПб., 1904. С. 421-428.
[93] РГИА. Ф. 1364. Оп. 9. Д. 2906. Л. 2-2об.
[94] Там же. Л. 7-9. Несмотря на решение Сената от 28 ноября 1911 года производить раздел надела общей собственности в соответствии с местными обычаями, а не в соответствии с общим гражданским кодексом, в местных судебных органах продолжались неурядицы.
[95] Там же. Л. 5-6об.
[96] РГИА. Ф. 1344. Оп. 282. Д. 336. Л. 6-7.
[97] Там же. Л. 9-10.
[98] РГИА. Ф. 1344. Оп. 283. Д. 1060. Л. 4-5.
[99] Там же. Л. 2-2об., 6. Жалоба Марка была рассмотрена Вторым департаментом Сената. 4 декабря 1915 года Второй департамент Сената вынес решение за № 9046, которое было сообщено Марку 25 января 1916 года (Там же. Л. 11), но, к сожалению, нам не удалось выяснить подробности содержания данного решения.
[100] РГИА. Ф. 1291. Оп. 120. 1912 г. Д. 18. Ч. 1. Л. 119об.-120.
[101] Там же. Л. 99-99об.
[102] РГИА. Ф. 1291. Оп. 121. 1914 г. Д. 66. Л. 67-68.
[103] РГИА. Ф. 1291. Оп. 120. 1912 г. Д. 18. Ч. 1. Л. 118об.-119об.
[104] РГИА. Ф. 1344. Оп. 197. Д. 577. Л. 2-3об.
[105] РГИА. Ф. 1344. Оп. 287. Д. 754. Л. 2-3об.
[106] РГИА. Ф. 1344. Оп. 283. Д. 835. Л. 4-4об.
[107] Там же. Л. 3.
[108] Там же. Л. 2-2об.
[109] РГИА. Ф. 1344. Оп. 259. Д. 1378. Л. 5-7об.
[110] Там же. Л. 8-8об.
[111] РГИА. Ф. 1291. Оп. 120. 1912 г. Д. 18. Ч. 1. Л. 120-121.
[112] В.И. Курдиновский утверждал, что договоры о праве наследования в крестьянской среде считаются законными и признаются за обычаи (*Курдиновский В. И.* Договоры о праве наследования. Одесса, 1913. С. 313-315).
[113] РГИА. Ф. 1354. Оп. 5. Д. 1016. Л. 2-4.
[114] РГИА. Ф. 1364. Оп. 10. Д. 211. Л. 4-6.
[115] Там же. Л. 3-3об.
[116] РГИА. Ф. 1291. Оп. 120. 1912 г. Д. 18. Ч. 1. Л. 162.
[117] Там же. Л. 159-163.
[118] Там же. Л. 282об.-285.
[119] Там же. Л. 347-348об.
[120] Русские ведомости. 13 июня 1915 г.
[121] РГИА. Ф. 1291. Оп. 120. 1912 г. Д. 18. Ч. 1. Л. 164.

Синъити Кадзикава

Что означает переход к НЭПу в 1921 году?

(1) Что такое натуральный налог (натурналог)?

Известный российский исследователь, академик Ю. А. Поляков справедливо отметил, что «Великий поворот, осуществленный Коммунистической партией в 1921 г., – поворот от военного коммунизма к новой экономической политике – неизменно привлекает внимание историков»[1]. И действительно это так. Он привлекает их потому, что позволяет лучше понять логику будущего социалистического строительства, методы восстановления народного хозяйства и, особенно, проблему взаимоотношений Советской власти и крестьянства.

В историографии неоднократно подчеркивалось важное значение перехода к нэпу в плане укрепления рабоче-крестьянского союза. Так, например, член коллегии Наркомпрода А. И. Свидерский в своей брошюре «Почему вводится продналог», характеризуя причины введения продналога, писал, что в настоящее время «Советской власти приходится пересматривать свои взаимоотношения с крестьянством в связи с общим изменившимся положением республике»[2].

В историографии сложился устойчивый стереотип, согласно которого начало нэпа связывается с принятой в марте 1921 г. X съездом партии резолюцией о замене разверстки натуральным налогом. Утверждается, что нэп явился единственно правильной политикой социалистического пути. И в российской, и иностранной исторической литературе сложилось мнение, что идея продналога была принципиальным иной, чем политика военного коммунизма. Об этом, в частности, вскоре после X съезда партии сказал и В. И. Ленин. В брошюре «О продовольственном налоге» руководитель Советского государства заключил, что «Продналог есть одна из форм перехода от своеобразного «военного коммунизма», вынужденного крайней нужной, разорением и войной, к правильному социалистическому продуктообмену», «Военный коммунизм» был вынужден войной и разорением[3].

Каково происхождение идеи Ленина о продналоге?

Прежде всего, нам следует напомнить хорошо известный в историографии факт. 8 февраля 1921 г. на заседании Политбюро ЦК РКП(б) Ленин ознакомил своих соратников с подготовленным им документом, в котором впервые предлагался конкретный план введения налога. Его содержание было следующим.

«1. Удовлетворить желание беспартийного крестьянства о замене разверстки (в смысле изъятия излишков) хлебным налогом.

2. Уменьшить размер этого налога по сравнению с прошлогодней разверсткой.

3. Одобрить принцип сообразования размера налога со старательностью земледельца в смысле понижения процента налога при повышении старательности земледельца.

4. Расширить свободу использования земледельцем его излишков сверх налога в местном хозяйственном обороте, при условии быстрого и полного внесения налога»[4].

Исследователи, занимающиеся данной темой, единодушно расценили этот документ как основу для перехода к нэпу. Так ли это на самом деле?

2 февраля 1921 г. в Доме Союзов начала свою работу конференция металлистов. Ее делегаты от Москвы и Московской губернии высказали недовольство по поводу продовольственного положения в столице. Заслушав доклад о взаимоотношениях рабочих и крестьян, конференция приняла резолюцию, в которой прямо предлагалось осуществить замену продразверстки продналогом. 4 февраля, по просьбе делегатов, на конференции выступил Ленин. Он ясно сказал: «Мы знаем, что положение крестьян трудное, но иного пути исправить это положение – нет. Сейчас мы в 13 губерниях совершенно приостанавливаем разверстки»[5]. Это было первое официальное заявление большевистского руководства о приостановке разверстки. Но если мы более внимательно рассмотрим это обстоятельство, то у нас появятся некоторые сомнения на этот счет.

Во-первых, хронологически, с точки зрения конкретной ситуации в стране, Ленин вряд ли начал искать иной метод заготовки продовольствия лишь после того, как публично заявил о приостановке сбора разверстки (приказы об этом изданы уже 4 февраля). На наш взгляд, такой вариант был просто невозможен. Он был невозможен в силу того всеобщего кризиса, в котором находилась страна в начале 1921 г., особенно в области продовольственного обеспечения населения. Казалось бы, в условиях политического кризиса, проявившегося в период от начала февраля до середины марта 1921 г., отказ от действующего метода заготовки продовольствия означал бы крушение большевистской власти. Но на практике все оказалось по другому.

Уже в начале февраля 1921 г. Наркомпродом были изданы приказы о приостановке разверстки: приказы от 4 или 5 февраля продкомам Башкирии, Симбирской, Уфимской, Самарской, Саратовской и Покровской губерний. Тамбовский губпродкомиссар получил приказ о прекращении разверстки в губернии 8 февраля, в тот день, когда на заседании Политбюро ЦК РКП(б) Ленин написал вышеупомянутый «Предварительный черновой набросок тезисов насчет крестьян». Наконец, 10 февраля, в дополнении к уже принятым распоряжениям, Наркомпрод на основании решения ЦК РКП(б) от 2 февраля, в связи с неурожаем, издал приказ об освобождении с 15 февраля по 1 августа от выполнения всех разверсток

на продукты питания Рязанскую, Тульскую, Калужскую, Орловскую и Царицынскую губернии[6].

Во-вторых, следует помнить, что в то время требование замены разверстки налогом выдвигалось эсерами и меньшевиками, и руководители компартии отвергали его. Например, в конце 1920 г. на VIII съезде Советов заместитель Народного комиссариата продовольствия Н. Осинский самым решительным образом отклонил предложение о налоге, заявляя: «Я скажу, что у нас не будет тогда продовольственного фонда, если провести продовольственный налог»[7]. Поэтому в этих условиях проект о введении налога, выдвинутый Лениным, мог бы вызвать серьезные возражения коммунистов, которые расценили бы его как меньшевистский. Вряд ли бы в такой ситуации Ленин рискнул представить партии «эсеро-меньшевистский проект». Он мог лишь предложить концепцию продналога, отличную от замысла меньшевиков и эсеров.

Коммунистическая иллюзия

В период военного коммунизма предпринимались попытки реализации разных переходных мер к социализму и даже коммунизму. Так, в сельском хозяйстве Наркомземом поощрялись совхозы и колхозы, несмотря на их плачевное хозяйственное состояние. Как совершенно правильно указывает профессор В. В. Кабанов, к концу 1920 г. стало очевидно, что подобная ориентация была утопией[8]. Она осуществлялась в качестве одной из первоочередных в политике большевиков до конца 1920 г., точнее до принятия VIII съездом Советов постановления «О мерах укрепления и развития крестьянского сельского хозяйства». 24 декабря 1920 г. на заседании фракции РКП(б) VIII съезда Советов Н. Осинский решительно отклонил идею коллективизации в качестве приоритетной. Его поддержал Ленин, четко заявивший в своем выступлении: «Вопрос о колхозах не стоит как очередной. Я знаю, что колхозы еще настолько не налажены, в таком плачевном состоянии»[9]. Таким образом, в конце 1920 г. «коллективистическая иллюзия» большевиков развеялась.

Напомним, что большевистское государство в период военного коммунизма вполне осознанно основывалось на «коммунистической иллюзии». Самым ярким ее практическим воплощением стала безденежная обменная система. Стремление к установлению безденежной системы в экономике теоретически стало возможным уже в первые дни после Октябрьской революции. Причем на практике оно подкрепилось реальной экономической разрухой, порождавшей стихийный товарообмен, натурализацию экономики, которая все более усиливалась вследствие катастрофического продовольственного положения. В конечном итоге разрушение рынка привело к реализации «коммунистической иллюзии» (т.е. теоретически обоснованной марксистами возможности ликвидации рыночных отношений после победы пролетарской революции). При этом в условиях военного коммунизма Наркомпрод через систему разверстки, созданный им аппарат заготовки-распределения, играл важную роль в

процессе образования государства типа коммуны.

В результате экономической разрухи, обусловленной I мировой войной и революцией, в России резко усилилась инфляция, прекратила свои функции денежная система, стихийно организовался натуральный обмен. Такая обстановка создала основу для теоретического обоснования большевиками своей «коммунистической иллюзии». Ими отождествлялась теория и практика. Так, в апреле 1918 г. Ю. Ларин в своем докладе на заседании Высшего Совета Народного Хозяйства отметил: «...переходя к организации хозяйственной жизни страны, мы пришли к мысли установить товарообмен продуктов в стране на новых началах, обходясь по возможности без денежных знаков, подойдя к тем условиях, когда деньги становятся только счетной единицей»[10].

Уже в начале 1918 г. Наркомпрод приступил к разработке общегосударственного плана проведения товарообмена. 7 марта 1918 г. идея товарообмена впервые была высказана на страницах органа ЦК РКП(б) газеты «Правда». Декретом Советской власти от 26 марта 1918 г. система товарообмена стала проводиться в жизнь в масштабах всей страны. Но в тех конкретных исторических условиях реализация этой идеи была невозможна. Она являлась иллюзией власти. Установленная большевиками система товарообмена оказалась неспособной достичь каких-либо результатов.

Об этом прямо было сказано, например, народным комиссаром продовольствия А. Д. Цюрупой. Выступая с докладом на заседании V Всероссийского съезда Советов в июле 1918 г., он констатировал, что весной 1918 г. кампания по товарообмену закончилась неудачно[11]. Этот срыв государственного товарообмена ускорил переход от практики добровольной поставки хлеба крестьянами к принудительной системе его заготовки. С другой стороны, несмотря на неудачу, система товарообмена сохранилась. Она постепенно укреплялась и распространялась по мере развития продразверстки. Например, в августе 1918 г. обязательный товарообмен был введен в хлебородных губерниях, а в августе 1919 г. он был распространен на всю территорию страны. Как указывал профессор В. П. Дмитренко, в годы военного коммунизма роль товарообмена значительно поднялась по сравнению с весной 1918 г. [12]

Идея товарообмена реализовывалась в системе разверстки. Обычно исследователями обращается внимание на ее репрессивную сторону, но разверстка имела и другую сторону медали. Она была связана с товарообменом. Хотя уже в 1918 г. принудительный характер заготовок оказал пагубное влияние на крестьянское хозяйство, но при этом были и явления иного плана. Наркомпродом предпринимались попытки организовать товарообмен с деревней. Местным продорганам предписывалось посылать товары в уезд или волость по мере выполнения ими нарядов по разверстке[13]. Подобным образом, т.е. связывая заготовки продуктов со снабжением товарами, большевистская власть через систему разверстку стремился к образованию государства типа коммуны. В данном контексте

справедливо заключение профессора Д. А. Сафонова о том, что «идея продовольственной разверстки была не единственной, но очень важной составляющей ленинского видения перспектив перехода к коммунизму»[14]. Следовательно, разверстка включала в себя два элемента – повинность (как атрибут прошлого) и товарообмен (как атрибут будущего).

На наш взгляд, осенью 1920 г. в условиях перехода к мирному социалистическому строительству большевистская власть еще не изжила в себе «коммунистическую иллюзию» и поэтому не могла желать ликвидации основанной на ней экономической системы.

Но жизнь располагала по-другому. Продразверстка оказалась не эффективной. Она так и не смогла своими функциями обеспечить развитие промышленного производства. Как известно, те из большевиков, кто находился у власти, в том числе и сам Ленин, неоднократно повторяли, что Советская власть берет хлеб у крестьян не насовсем, а в долг. По мере восстановления промышленности крестьяне должны были получить промышленные товары через систему разверстки[15]. Это был идеальный путь, который в период военного коммунизма замышлялся как переходная мера к коммунизму.

Так, в постановлении Советского правительства от 19 ноября 1920 г., подписанном Лениным и замнаркомпрода Н. П. Брюхановым, перечислялись меры, направленные на усиление продразверстки. Одно из них гласило, что продорганы должны были проводить продуктообмен планомерно, строго координируя сдачу товаров с ходом разверстки[16]. Данный факт свидетельствует о том, что даже в условиях фактического окончания гражданской войны в теоретических планах большевиков разверстка по-прежнему связывалась с иллюзией сохранения продуктообмена в будущем. «Коммунистическая иллюзия» сохранялась.

Налог как переходная мера к будущему

О ситуации конца 1920 г., тогдашней атмосфере, царившей в высших эшелонах большевистской власти, напомнил через год на заседании IX съезда Советов Л. Б. Каменев: «И нам … казалось, что деньги идут к концу, что скоро денег нам не понадобится»[17]. Именно в этот период «коммунистическая иллюзия» достигла своего апогея. Вопрос об отмене денежных налогов всерьез обсуждался на заседаниях Совнаркома. 3 ноября 1920 г. Совнарком создал комиссию под председателем С. Е. Чуцкаева, которому Ленин в своих замечаниях об отмене денежных налогов, написанных 30 ноября 1920 г., указал «в условиях переходной эпохи переход от денег к безденежному продуктообмену бесспорен. Чтобы этот переход был успешно завершен, надо, чтобы был осуществлен продуктообмен (не товарообмен). Пока мы не в силах осуществить товарообмен, т.е. давать крестьянину промпродукты, – до тех пор крестьянство вынуждено оставаться при обломках товарного обращения». Именно в такой перспективе Ленин видел будущую обменную форму и считал, что эта форма скоро начнет реализоваться. В тот же день Ленин в проекте по-

становления Совнарома о прямых налогах выдвинул предложение «о необходимости подготовить и провести единовременно как отмену денежных налогов, так и превращение продразверстки в натуральный налог»[18].

18 декабря 1920 г. Совнарком принял постановление, в котором ставилась задача отмены денежных налогов и перехода к безденежному продуктообмену на основе того, что трудовое население выполняет свой долг перед страной путем разверстки и трудовой повинности. В этом постановление замена разверстки натурналогом означала введение системы безденежного обмена.

Обсуждение этого вопроса и, таким образом, «коммунистической иллюзии» в отношении безденежного обмена, продолжилось вплоть до X съезда партии. И лишь 16 марта 1921 г. Политбюро ЦК РКП(б) на своем заседании приняло предложение Ленина о снятии проекта об отмене денежных налогов[19]. Таковы реальные факты.

Еще раз нам хотелось бы подчеркнуть, что на протяжении зимы 1920/21 г. в ходе широкого обсуждения мер по выходу из кризиса «коммунистическая иллюзия» в отношении дальнейшего развития экономики страны не только сохранялась в умах большевистских лидеров, но и еще более утверждалась. Причем эта тенденция проявлялась на фоне дальнейшего ухудшения общей ситуации в стране, в условиях нарастания волны крестьянского недовольства, резкого сокращения посевных площадей и т.д. Но руководители большевиков почему-то были полны оптимизма. Так, например, газета «Беднота» следующим образом передала настроение собравшихся на VIII съезде Советов делегатов: «Председатель ВСНХ Рыков объяснил съезду советов, что в настоящее время в нашей промышленности начался подъем. С каждым месяцем, с каждой неделей открываются все новые и новые промышленные предприятия, начинают дымить новые и новые фабричные трубы...»[20].

Интересно, что ни в одном из своих выступлений на VIII съезде Советов Ленин не сказал о необходимости замены разверстки продналогом. Но это не значило, что он считал налог ненужным, чтобы смягчить положение крестьянства. Просто тогда на съезде выступление с подобной идеей означало бы поддержку предложения о налоге делегатов от «мелкобуржуазных партий». Ленин не мог пойти по этому пути. Поэтому он хранил молчание по данной насущной проблеме.

В то же время для более углубленного изучения обстановки в деревне, требований крестьянских масс, Ленин несколько раз встречался с крестьянами на самом съезде Советов и после него. Результатом этих встреч в конце декабря 1920 г. стали заметки Ленина о задачах хозяйственного строительства, где им высказывается следующая мысль: «Отношение к крестьянству: налог + премии » (речь идет о методе, который обеспечит увеличение посевной площади).

К этим заметкам Ленин добавил и такие слова: «Налог = разверстка»[21]. Это он сделал потому, чтобы отличить налог (точнее, натурналог) как переходную меру к будущему обществу от налога, который означает

возвращение к капиталистическому прошлому. Иначе говоря, он рассматривал налог прежде всего как меру на пути к безденежному обмену. Именно в данном контексте говорилось в постановлении Совнаркома от 18 декабря 1920 г. У руководителей большевиков разверстка ставилась почти на одну доску с натурналогом.

Исходя из вышеизложенного, нам следует согласиться с выводом С. А. Павлюченкова о том, что «нет никаких оснований полагать, что Ленин пришел к выводу о необходимости радикального изменения продовольственной политике в конце 1920 года... Этот «налог» не только не имел никакого отношения к нэпу, но стал бы еще более грандиозным шагом в развитии военного коммунизма, нежели постановление VIII съезда советов»[22].

В условиях кризиса: X съезд РКП(б)

Зима 1921 г. была очень холодной, и страна, сверх ожидания руководителей компартии, оказалась в состоянии тяжелейшего топливного кризиса. Голод и ухудшение условий жизни шахтеров вызвали сокращение добычи угля. В начале 1921 г. поток телеграмм из шахтерских городов Сибири информировал власть о невозможности горняков работать из-за наступившего голода[23]. Топливный кризис неминуемо повлек за собой развал транспортной системы. Особенно усилился продовольственный кризис. Таким образом, налицо был общий кризис экономики и социальной сферы страны.

Но самая серьезная опасность заключалась в нараставшем с каждым годом сокращении посевных площадей зерновых культур. Не случайно поэтому зимой и весной 1921 г. наиболее часто публикуемыми материалами в печати стали статьи не о роли и задачах профсоюзов, а о посевной кампании. В них ставилась задача, во что бы ни стало пробудить интерес крестьян к расширению посевов хлебных культур. Именно тогда разрешением этого вопроса задался и Ленин. Результатом размышлений вождя на данную тему стал вышеупомянутый предварительный набросок тезисов «насчет крестьян», написанный им 8 февраля 1921 г. Характерно, что в этом документе смешалась идеализация (теория перехода к будущей обменной системе) и практика – задача стимулирования крестьянского хозяйства. В уяснении соотношения теории и практики ленинского подхода к рассматриваемой проблеме, т.е. значения идеальных и практических задач подъема крестьянской экономики при выработки им конкретных политических решений, заключается вся сложность вопроса перехода к нэпу.

Даже в то время, когда уже открылся X съезд РКП(б), Ленин продолжал искать решение трудной задачи выхода страны из глубокого кризиса. Он пишет А. Д. Цюрупе: «Центр тяжести вопроса – «оборот», свободный хозяйственный оборот для крестьянства. Вы в это недостаточно вникли...»[24]. Вплоть до начала работы X съезд РКП(б) Ленин так и не принял окончательного решения по главному вопросу.

Как известно, X съезд РКП(б) собрался в чрезвычайно сложной обстановке. Особенно тяжелым стало продовольственное положение в стране, в том числе в Москве и Петрограде. В обеих столицах были сокращены нормы выдачи хлеба. О голоде в Московской губернии шла речь на упомянутой нами выше конференции металлистов Москвы и Московской губернии. Взрывоопасной была ситуация в Петрограде, где продовольственный и топливный кризис обострились до предела. Так, например, 21 февраля 1921 г. состоялось собрание рабочих Трубочного завода. Утром 24 февраля около 300 рабочих этого завода вышли на улицу. К ним присоединились рабочие других фабрик и заводов. На Васильевском острове собралась толпа, насчитывающая до 2500 человек. Она была рассеяна силой красных курсантов. На следующий день в городе было введено военное положение. Картина напоминала события четырехлетней давности. Но лишь с той разницей, что в 1917 г. позиция большевиков по поводу тяжелого продовольственного положения питерских рабочих была противоположной. В Кронштадте, бывшем главной опорой большевиков в Октябрьские дни 1917 г., с каждым днем возрастало недовольство матросов и рабочих[25].

Примерно за неделю до X съезда РКП(б) начался Кронштадтский мятеж. Через несколько дней после открытия съезда большая группа делегатов выехала на его подавление[26]. По этой причине, в связи с отсутствием некоторых докладчиков, пришлось менять повестку дня съезда, переносить некоторые доклады и заменять их другими.

Уже 8 марта 1921 г. на первом заседании съезда Ленин в отчетном докладе ЦК РКП(б) кратко коснулся вопроса замены разверстки налогом, но из-за изменения повестки дня основное обсуждение данного вопроса началось спустя неделю, на утреннем заседании 15 марта. В своем докладе на эту тему Ленин подчеркнул, что для окончательного успеха социалистической революции в крестьянской России, кроме поддержки социалистической революции в одной или нескольких передовых странах, необходимо соглашение между пролетариатом и большинством крестьянского населения. Он заключил, что для удовлетворения требований крестьянства «нужна известная свобода оборота».

После доклада Ленина о налоге съезд заслушал по этому же вопросу содоклад А. Д. Цюрупы. Содокладчик в принципе согласился с предложением Ленина, но отнесся к идее отмены разверстки осторожно. В частности, в своем выступлении он подчеркнул, что разверстку нельзя отменить сразу по всей стране. В то же время одно предложение Ленина встретило возражение Цюрупы. Ленин выступал за полное подчинение кооперации Наркомпроду, стремясь таким образом к образованию государства типа коммуны. Он считал это условие необходимым для достижения данной цели. Съезд поддержал предложение Ленина[27].

В обсуждение главного вопроса работы съезда, наряду с Цюрупой, приняли участие Е. А. Преображенский, П. Пахомов (из Сибири), М. И. Фрумкин и В. П. Милютин. Показательно, что Ю. А. Поляков и Э. Б. Ген-

кина не проанализировали в своих известных фундаментальных трудах содержание выступления Преображенского[28]. И сделано это не случайно. Преображенский, в отличие от других ораторов, сосредоточил свое внимание на развитии денежной системы в связи с введением налога. И его позиция отличилась от других. Она была иной с точки зрения прежнего толкования, согласно которого налог вводился для того, чтобы разрешить свободный оборот в определенных пределах.

Поскольку натурналог признавался в качестве переходной меры к безденежному обмену, то замечательный экономист-теоретик Преображенский сосредоточился на денежной системе. Его суждения сводились следующему. До сих пор у советской страны главными финансовыми ресурсами были разверстка и выпуск дензнаков. Разверстка постоянно росла, что в скором времени могло обеспечить сумму, необходимую для потребностей страны, и тогда денежная система отомрет. Но с введением налога продукты от крестьянства будут поступать в меньших размерах, чем в результате разверстки. В этих условиях денежная система временно должна сохраниться. В конечном итоге на этом заседании съезда Преображенский выступил с идеей стабилизации советского рубля параллельно с введением налога[29]. Это означало, что идея непосредственного перехода к безденежной системе провалилась. На следующий день Ленин предложил снять проект об отмене денежных налогов.

Изменение первоначального замысла в отношении натурналога

В начале 1921 г. из-за сложившейся критической ситуации Ленин был вынужден отказаться от плана непосредственного перехода к новому строю через систему натурналога. Но это не означало отказа от коммунистической идеи как таковой, о чем утверждал, например, профессор В.П. Дмитренко, внимательно изучивший обстоятельства появления набросок Ленина от 8 февраля. Он писал: «Содержание документа показывает, что вместо формулы Наркомпрода «разверстка (налог) + монополии + товарообмен» Ленин предложил принципиально новую: «налог + товарообмен + частный рынок»[30]. Таким образом, Дмитренко пришел к выводу, что именно тогда Ленин отказался от военно-коммунистической идеи.

Мы не можем полностью согласиться с таким мнением авторитетного российского исследователя. На наш взгляд, Ленин, как в вышеупомянутых набросках, так и после X съезда РКП(б) рассматривал натурналог прежде всего в рамках коммунистической идеологии, в контексте преемственности стратегического курса большевиков, в том числе военно-коммунистической политики. Так, например, в апреле 1921 г. на собрании секретарей и ответственных представителей ячеек РКП(б) г. Москвы и Московской губернии он выступил с докладом о продналоге, в котором ясно сказал: «Что же такое продовольственный налог? Продовольственный налог предоставляет собою меру, в которой мы видим и кое-что от прошлого, и кое-что от будущего...». А в брошюре «О продна-

логе» он заключил: «Продналог есть переход от военного коммунизма к правильному социалистическому продуктообмену»[31].

Таким образом, даже после X съезда РКП(б) Ленин рассматривал продналог не только в качестве инструмента получения продуктов от крестьянства, но и в качестве средства перехода к будущему обществу. Как мы уже указывали, в набросках Ленина его прежнее содержание и будущее смешались и были неразрывными. Более того, на X съезде РКП(б) и после него Ленин снова и снова разъяснял смысл продналога и критиковал тех, кто считал его введение резким поворотом от политики военного коммунизма. Например, в докладе о продналоге на X всероссийской конференции РКП(б), состоявшейся в мае 1921 г., он указал, что эсеровская и меньшевистская печать неверно «толкуют... продналог и связанные с ним изменения в нашей политике в смысле коренного перелома в ней». В этом же ключе выступил на конференции А. И. Свидерский. Он подчеркнул: «как тогда, когда мы проводили монополию, мы опирались на продовольственную диктатуру, так и теперь мы без продовольственной диктатуры обойтись не можем». Подобное заявление получило полную поддержку Ленина[32].

Нам трудно увидеть разницу в отношении большевистской власти к крестьянству до X съезда РКП(б) и после него. Иначе как объяснить тот факт, что в конце 1921 г. в России и Украине для взимания продналога были задействованы войска численностью до 45 тысяч человек (включая милицию и дружину), почти столько же, как в июне 1919 г. в России для сбора продразверстки (продотряды и продармии)[33]. Поэтому нельзя столь категорично, как это делается в историографии, противопоставлять продналог и нэп разверстке и военному коммунизму в 1921 г.

На X конференции РКП(б) А. И. Свидерский указал, что переход от продразверстки к продналогу был произведен с необычайной спешностью в части разработки и публикации налоговых декретов[34]. Например, на заседаниях X съезда РКП(б) и сессии ВЦИК принципиальные вопросы о налоге, т.е. размере свободного оборота, сроках введения и т.д. решены не были. В постановлении ВЦИК о замене разверстки натурналогом от 21 марта не устанавливались правила, порядок его взимания, время и условия разрешения свободного оборота. Они прорабатывались позднее комиссией по подготовке закона под председательством В. П. Милютина, а также комиссией по продналогу под председательством Каменева. 27 марта комиссия по продналогу на своем заседании обсудила вопрос об обмене в пределах местного хозяйственного оборота и фактически разрешила свободу оборота почти без всяких условий[35]. С этого времени два момента, составляющие замысел натурналога, а именно его «идеальная сторона» (движение к новому строю) и реалистическая, направленная на поднятие производства, стали отделяться друг от друга. Вторая сторона превратилась в важнейший элемент. Таким образом и рождался нэп[36].

В то же время для осуществления поворота, каким мог стать реаль-

ный переход к нэпу, оставалось мало время. При проведении в жизнь продналога отсутствовали его широкое обсуждение и тщательная подготовка, по сравнению, например, с посевной кампании. Это вызывало путаницу в умах руководителях компартии. Почему сложилась именно такая ситуация? Объяснялось это тем, что большевистская власть в силу появившихся обстоятельств внезапно оказалась вынуждена приостановить продразверстку. Каковы же были эти обстоятельства? Рассмотрим их.

(2) Причины приостановки продразверстки

После X съезда РКП(б) при обсуждении условий свободного оборота и продналога подчеркивалось, что данные шаги явились уступкой крестьянству и были направлены на подъем крестьянского хозяйства. Так, 20 марта 1921 г. на заседании сессии ВЦИК М. И. Калинин указал, что продналог имеет целью повышение производительности сельского хозяйства. Воззвание ВЦИК и СНК к крестьянству, изданное 21 марта, провозглашало: «Этот налог должен быть меньше, чем хлебная разверстка... Отмена хлебной разверстки и введение вместо нее налога. Он должен явиться облегчением для крестьянского населения»[37]. В то же время следует напомнить, что на X съезде РКП(б), кроме В. П. Милютина, который особо отметил налог как уступку к крестьянству, остальные участники дискуссии о налоге выразили опасение по поводу введения свободного оборота. Милютин не получил тогда поддержки, так как его позиция фактически смыкалась с позицией меньшевиков и эсеров, которые говорили о необходимости уступки крестьянству путем введения налога. В данном контексте нам нельзя согласиться с такой оценкой, хотя она и присутствует в советской историографии по вопросу о нэпе.

Для уяснения общей ситуации нам надо выяснить не причину введения налога, а причину приостановки продразверстки.

Крестьянские восстания

Некоторые историки считают, что главным мотивом приостановки продразверстки стало сложившееся в стране политическое положение. Большевистская власть была вынуждена уступить крестьянству в связи с массовыми крестьянскими восстаниями на почве недовольства продразверсткой и политикой военного коммунизма. Попытаемся проверить обоснованность подобных суждений.

О тяжелом положение крестьянства в Тамбовской губернии, где уже более года развертывалось антоновское движение, дал исчерпывающую характеристику в своем подробном докладе Ленину предисполкома ВЦИК по Тамбовской губернии В. А. Антонов-Овсеенко. «Разверстка на 1920-1921 г., хотя и вдвое пониженная против прошлогодней, явилась совершенно непосильной. При громадном недосеве и крайне плохом урожае значительная часть губернии не могла обойтись своим хлебом. По

данным экспертных Комиссий Губпродкома, на душу проходилось хлебов (с вычетом потребности на обсеменение, но без вычетов корма скоту) – 4.2 пуда. Среднее потребление в 1909-1913 год (по данным ЦСУ) было 17.9 пуда и кроме того кормовых 7.4 пуда... В своей массе крестьянство привыкло смотреть на Советскую Власть как на нечто внешнее по отношению к нему, нечто только повелевающее, распоряжающееся весьма ретиво, но совсем не хозяйственно» – отмечалось в докладе[38].

В историографии хорошо известно, что Тамбовская губерния, традиционно богатая хлебом и расположенная в относительной близости от Москвы, считалась большевистской властью неиссякаемым источником продовольствия и людских ресурсов. Поэтому в результате разверстки она вполне закономерно оказалась в крайне затруднительном положении, которое в полной мере проявилось в период весенней посевной 1920 г. Информация об этом поступала в центр из многочисленных источников. Например, крестьяне Кирсановского и Липецкого уезда жаловались на то, что из-за проведенной продразверстки «на сто процентов», у них ничего не осталось для посева[39]. Одна из местных газет следующим образом передавала впечатление своего корреспондента от поездки в деревню: «Я объехал юг Тамбовского уезда. Прежде всего, мне хотелось установить правдивость замечания горожан о том, что полей мужики не засевают, потому что нет семян, не на чем работать»[40]. Подобная ситуация в значительной степени предопределила недород 1920 г. Тяжелым испытанием для крестьян в начале 1921 г. стал голод.

Документы свидетельствуют, что руководители Советского правительства не обращали должного внимания на положение тамбовского крестьянства. Более того, они требовали от местных властей решительных действий по выполнению продразверстки. И сами местные власти активно работали в этом направлении. Например, в мае 1920 г. председатель Тамбовского губисполкома А. Г. Шлихтер на заседании губернского съезда советов настоял на необходимости разверстки, хотя и признавал ее тяжелым и тягостным бременем для крестьян[41]. 21 сентября 1920 г. СНК признал Калужскую, Тульскую, Рязанскую, Орловскую и Царицынскую губернии голодающими. В связи с этим в октябре 1921 г. А. И. Свидерский отправился в инспекционный объезд районов Тамбовской губернии, также пострадавших от засухи. Однако на заседании Наркомпрода он указал, что разверстка в Тамбовской губернии идет неуспешно не из-за неурожая, а по вине местных властей, действовавших не достаточно решительно (из-за отсутствия применения «героической меры»)[42].

В. В. Кондрашин в своей монографии о крестьянском движении в Поволжье верно утверждает: с 1918 г., «в отличие предшествующего периода, крестьянское движение приобретает «оборонительный характер». Крестьяне теперь уже не наступают на власть, а защищаются от ее жесткой, разоряющей их хозяйства, но объективно неизбежной в условиях гражданской войны, аграрной политики»[43].

В действительности ситуация была таковой, что крестьяне до поры

до времени как-то переносили выпавшие на их долю испытания, но летом 1920 г. положение изменилось. Они увидели, что почти все хлеба погибли на полях, и угроза голода стала реальной, тем более, что разверстка продолжалась, несмотря на данное обстоятельство. В этих условиях они поднялись на восстания против большевистской власти уже ради спасения своих жизней.

В период гражданской войны постоянным явлением было дезертирство крестьян из Красной армии. Оно росло по мере активизации призыва. Так, например, в сводке ЧК за октябрь 1919 г. говорилось, что «при наступлении холодов (вследствие недостатка обмундирования и одежды) значительно увеличилось дезертирство». Одной из главных причин его было жалкое материальное положение частей Красной армии. Так, в феврале 1920 г. солдаты Могилевской 4 роты получали хлебный паек только до полфунта в день и без обмундирования ходили босиком[44]. К сожалению, это не был исключительный случай. Вполне естественно, что такие отряды Красной армии, чтобы получить нужные материалы и продовольствие, часто занимались самочинными грабежами имущества крестьян[45]. Это усугубляло и без того тяжелое положение крестьянства.

При этом следует указать на такой печальный факт, что местная власть, как правило, не учитывала особо тяжелое положение хозяйств красноармейцев. Лишившись здоровой рабочей силы, они испытывали крайнюю нужду, но, тем не менее, все-таки должны были выполнять разверстку в полном объеме и отвечать перед властью за ее невыполнение по всей строгости закона. Так, например, в 1920 г. в Борисоглебском уезде Тамбовской губернии были случаи, когда за невыполнение разверстки у семей красноармейцев отбирался последний скот. Аналогичные случаи наблюдались в Сычевском уезде Смоленской губернии[46]. Все это не могло не вызывать у крестьян враждебного отношения к Красной армии. Не случайно поэтому много дезертиров присоединялось к этим движениям.

В данном контексте, на наш взгляд, после Октябрьского революции 1917 г. не могло быть «рабоче-крестьянского союза» и глубоких симпатий крестьянства к Красной армии.

Вспыхнув в середине августа 1920 г. в селах Тамбовского уезда восстание Антонова вскоре распространилось по всей территории губернии. Оно вызвало панику среди местных властей. Об этом красноречиво говорилось, например, в одном из самых ранних докладов в центр ЦК Всероссийского профсоюза текстильщиков. Местная власть в панике бежала, а «банда Антонова» при поддержке крестьян захватывала одно селение за другим (это очень интересный и живой документ - автор)[47]. К концу 1920 г. Антоновщина распространилась на уезды Саратовской, Пензенской и Воронежской губерний, все более укрепляясь благодаря поддержке и содействию крестьянской массы. Одновременно с ростом крестьянского движения в его эпицентрах падали сборы по продразверстке. В частности, в середине ноября 1920 г. в Тамбовской губернии процент выполнения

разверстки не дотягивал даже до 30% плана. Особенно сложной была ситуация в Борисоглебском уезде, где Антоновщина получила большой размах. Заготовка продовольствия в счет продразверстки составила там только 16.8% плана[48].

Положение в Тамбовской и прилегающих к ней губерниях оказалось настолько серьезным, что осенью 1920 г. местные власти были уже не в силах самостоятельно ликвидировать повстанческие отряды Антонова. Они направляли в Москву множество телеграмм с просьбами о помощи. Но большевистская власть почему-то не приняла действительных мер против Антоновщины вплоть до начала 1921 г. Нам трудно понять причины такой позиции.

Только 12 января 1921 г. ЦК партии рассмотрел, наконец, вопрос о настроениях крестьян и постановил создать две комиссии «с заданием обсудить возможные меры быстрого облегчения положения крестьян» и «спешно подготовить меры военной ликвидации бандитизма». Через три недели, 2 февраля, Политбюро ЦК указало народному комиссару продовольствия Цюрупе обратить самое серьезное внимание на политическое положение и восстания крестьян в тех местах, которые особенно пострадали от неурожая. Одновременно оно поручило Оргбюро ЦК и ВЦИК организовать комиссию ВЦИК по Тамбовской губернии. 3 февраля Оргбюро предложило Президиуму ВЦИК, чтобы данную комиссию возглавил В. А. Антонов-Овсеенко[49].

16 февраля 1921 г. Антонов-Овсеенко прибыл в Тамбов, где удостоверился в полном расстройстве местной власти. 26 февраля он обратился в Оргбюро ЦК с предложением создать полномочную комиссию по борьбе с бандитизмом. Его предложение было утверждено Оргбюро 3 марта 1921 г. Для борьбы с Антоновщиной в Тамбове был организован революционно-военный комитет[50]. Приведенные факты указывают, что лишь только спустя почти два месяца большевистская власть предприняла реальные шаги по ликвидации повстанческого движения в Тамбовской губернии.

Таким образом, налицо достаточно вялая реакция центральной власти на активизацию крестьянского движения. Она не вяжется с утверждением о том, что большевистская власть прекратила разверстку из-за крестьянских восстаний. Более того, если вспомнить хронологию событий, то окажется, что к 16 февраля 1921 г., когда Антонов-Овсеенко прибыл в Тамбов, губисполком и губпродкомиссар уже получили приказ из Москвы о прекращении разверстки. Поэтому нам трудно согласиться с концептуальным выводом профессора В. П. Данилова о том, что «крестьянская революция заставила отказаться от продовольственной разверстки, ввести нэп, признать особые интересы и права деревни»[51].

В этом же хронологическом ряду следует рассматривать Кронштадтский мятеж. Поднятый в конце февраля 1921 г. он не был причастен к решению об отмене продразверстки.

Посевная кампания

В конце 1920-начале 1921 гг. руководители Советской власти самое главное внимание обратили на проблему резкого сокращения в стране посевной площади зерновых хлебов. Думается, что есть все основания для заключения о том, что приостановка разверстки была обусловлена прежде всего необходимостью успешного проведения предстоящей посевной кампании, а не какими-либо иными причинами.

Напомним, что после Октябрьской революции состояние крестьянского хозяйства ухудшалось из года в год. Очевидным и тревожным показателем этого весной 1920 г. стал повсеместный недосев в яровом клине. Главная причина его коренилась в продразверстке. Вот лишь некоторые факты на эту тему. В Яранском уезде Вятской губернии уездный съезд советов констатировал, что из-за непосильной разверстки в уезде до половины ярового клина не засеяно[52]. Аналогичные явления были замечены и в других губерниях. Например, в отчете Наркомзема об урожае в стране с 1913 по 1920 гг. указывалось на «чрезвычайно сильное сокращение площади всех посевов вообще – в среднем, по России без Украины с 71 до 45 млн. десятин». «Но это сокращение, колоссальное и само по себе, приобретает особо грозный характер, если мы учтем также изменения площади отдельных культур. Мы не будем останавливаться на этих данных подробно; укажем, однако, что темп сокращения по культурам неодинаков и что целый ряд наиболее ценных культур сократился наиболее сильно» – говорилось в отчете[53]. Это была действительно серьезная ситуация в крестьянском хозяйстве и народном хозяйстве в целом.

Для поиска путей подъема крестьянского хозяйства с осени 1920 г. в руководстве партии и печати началось активное обсуждение возможных практических мер по расширению посевной площади. Исследователям известна дискуссия на эту тему между Н. Осинским и Н. С. Богдановым. Некоторые из них, в частности Э. Б. Генкина, характеризовали этот спор как спор специалистов, придерживающихся противоположных принципов, а именно, с одной стороны, принципа принуждения, а с другой, принцип стимулирования. Причем второй принцип предвещал идею перехода к нэпу[54]. На наш взгляд, это несколько односторонняя оценка.

Осинский в своей позиции имел в виду индивидуальное крестьянское хозяйство, а точка зрения Богданова основывалась на идее преимущества коллективизации в деле подъема сельского хозяйства[55]. Позиция Осинского основывалась на знании реального положения колхозов и совхозов, которые оказались не в состоянии эффективно хозяйствовать и конкурировать с крестьянскими хозяйствами. Кроме того, было известно о враждебном отношение крестьян к новым социалистическим формам сельскохозяйственного производства, насаждаемых сверху. Об этом говорилось многими представителями большевистской власти. Например, в своем докладе Ленину Антонов-Овсеенко констатировал: «отношение к Совхозам (через их к Советской власти) почти повсеместно у крестьян враждебное»[56]. В этом же ключе была информация Саратовского губзем-

отдела, в которой сообщалось: «надеяться перестроить ее (русскую деревню – автор) только путем постепенного укрепления совхозов и примыкающих к ним добровольческих коллективов, значит, идти по утопическому пути»[57]. Естественно Саратовский губземотдел поддержал его позицию[58]. В противовес взглядам Осинского в газете «Экономическая жизнь» от 2 декабря 1920 г. была опубликована статья Н. С. Богданова. При этом редакция газеты сочла необходимым предпослать ей следующее примечание: «Редакция, не соглашаясь с автором, считает нужным открыть дискуссию».

В конце концов, в данной дискуссии победил Осинский, и в посевной кампании был принят его курс на поддержку крестьянского хозяйства. 24 декабря на заседании фракции РКП(б) VIII съезда Советов Ленин отказался от идеи первоочередного укрепления коллективного земледелия, закрепив тем самым победу позиции Осинского.

По мнению Осинского, основные направления хозяйственной работы в деревне состояли в государственном регулировании сельского хозяйства на основе принуждения. Он считал необходимым «иметь на метах гибкие, боевые руководящие органы» для проведения посевной кампании[59]. Одновременно он выступал за продолжение политики разверстки. Когда на заседаниях VIII съезда Советов зазвучали голоса с требованием замены продразверстки налогом, Осинский следующим образом реагировал на них: «Открой только эту дверку, и моментально никакого хлеба не будет; и тот, кто раскроет эту дверку к свободной торговле, тот ведет к краху нашей продовольственной политики и к разрушению нашего народного хозяйства. Поэтому все эти меры нам нужно, Т. Т., самым решительным образом отклонить»[60].

В начале 1921 г. Л. Д. Троцкий отмечал, что проект закона о мерах укрепления и развития крестьянского хозяйства был принят как-то незаметно[61]. На VIII съезде Советов основной курс компартии не изменился. Хотя 14 декабря 1920 г. Совнарком принял декрет о технических культурах, в котором предусматривались меры индивидуального премирования как стимул к расширению производства[62], фракция РКП(б) на заседании VIII съезда возразила против пункта проект постановления об индивидуальном премировании крестьян. Она была против введения налога и свободной торговли. Данную ситуацию правильно оценил Ю. А. Поляков. Он писал: «Эта идея не только полностью исходила из принципов военного коммунизма, но еще более усиливала их»[63]. В этой связи надо еще раз напомнить, что в конце 1920 г. «коммунистическая иллюзия» достигла своего апогея в части реализации на практике.

Конкретные мероприятия по организации посевной кампании стали осуществляться с середины января 1921 г. В частности, 11 января на заседании Президиума ВЦИК было принято постановление об организации посевной кампании. 12 января оно было опубликовано в «Известиях ЦК»[64]. Согласно постановления, повсеместно для руководства посевной кампанией и в целях улучшения сельскохозяйственного производства

создавались сельские крестьянские комитеты (селькомы). Они должны были стать «боевыми руководящими органами» и сыграть важную роль в предстоящей посевной.

У большинства крестьян сложилось враждебное отношение к селькомам. Всюду они выражали недовольство ими[65]. Так, например, в обобщенном отчете Наркомзема говорилось: «Во многих местах были случаи отказа от выборов селькомов. Объясняется это обычно тем, что крестьяне видели в селькомах восстановление комбедов – органов, призванных помочь продорганам в изъятии продуктов; в некоторых случаях высказывались опасения, что селькомы будут принудительным порядком загонять в коммуны»[66]. Таким образом, организация селькомов окончилась неудачей из-за враждебного отношения к ним крестьян.

Однако самое главное недовольство крестьян вызвала кампания по заготовке семян для будущего урожая. По данным Н. Осинского, заместителя Наркомзема, в январе 1921 г. «для предстоящего весеннего засева полей Советской России» требовалось около 220 млн. пудов семян. Одна десятая часть этого количества находилась в государственных ссыпных складах. Остальное количество зерна необходимо было заготовить. «Вот главнейшая задача, стоящая сейчас перед рабоче-крестьянской властью» – заявлял Осинский. Но самое худшее было в том, что этот семенной запас уже в начале кампании ушел в голодающие губернии, т.е. был использован крестьянами не по назначению[67].

В этой ситуации местная власть не могла рассчитывать на ввоз зерна из государственного семенного фонда. Она должна была заготовить семена самостоятельно. Осинский указывал, что «подобно тому, как заготовка продовольственная требовала для своего выполнения чрезвычайных мер, так и заготовка семенная не может обойтись без них»[68]. Трудности в семенной заготовке были очевидны, особенно в связи с бедственным положением крестьян.

Инструкция СНК от 25 января 1921 г. нацелила местную власть на перераспределение семян. Таким образом необходимо было обеспечить семенами особо нуждающиеся в них хозяйства. На практике по мере реализации мероприятий посевной кампании основной тенденцией стало принуждение, нежели чем стимулирование крестьянских хозяйств. Так, согласно инструкции СНК от 27 января о порядке составления плана обязательного засева, устанавливался план государственного посева, выполнение которого являлось «государственной повинностью земледельческого населения», и этот план составлялся по тому же принципу, что и разверстка[69]. Иначе говоря, семенная заготовка означала для крестьян еще одну дополнительную разверстку.

В этот период местные органы власти, руководствуясь директивами из Москвы, «самым важным делом в текущей посевной кампании» определили «образование семенного фонда» и предприняли для этого все имеющиеся в их распоряжении меры. Так, например, Воронежский губпосевком приказал селькомам с помощью продработников приступить к

изъятию у населения всех излишков зерна. Для этого предусматривалось мобилизовать более 4500 продработников. При чем волисполкомом давалось право насильственного изъятия зерна и применения к укрывателям карательных мер[70]. О том, как проходила семенная кампания в деревнях Орловской губернии, красноречиво сообщила на своих страницах местная газета. В статье под характерным заголовком «Две разверстки» говорилось: «...в беседах с крестьянами приходится иногда слышать такую фразу: одну разверстку взяли, а теперь другую наложили»[71]. Очевидным был факт, что у крестьянского населения, обездоленного военно-коммунистической политикой предшествующих лет, уже не осталось сил, чтобы выполнить очередную задачу Советской власти. Вот лишь некоторые факты из губернских событий, подтверждающие сказанное.

В Самарской губернии организация посевкомов началась 6 января 1921 г. Одновременно в уезды были направлены «1734 политических работников». С 15 января было решено приступить к организационным мероприятиям по созданию семенного фонда, учредить упосевкомы и комитеты содействия. В то же время к середине января 1921 г. Самарский губпродком выполнил только 56.8% плана продразверстки, хотя он был уменьшен в два раза, по сравнению с предыдущим годом. Вследствие этого губпродком был вынужден продлить срок продкампании до конца января. Это означало, что с 1 февраля продразверстка должна была завершиться[72]. В Самарской губернии посевные площади в 1920 г. сократились на 24.8% по сравнению с 1916 г. Кроме того, урожай сильно пострадал от засухи. Например, в Бузулуком уезде урожай ржи составил только 1 пуд с десятины[73]. В начале 1921 г. Самарская газета в небольшой статье сообщила: «Ход осенней погоды 1920 г. не обещал ничего утешительного для озимых 1921 г. Когда наступило время засева, земля высохла даже под паром на 10 и более сантиметров и приходилось сеять рожь в сухую землю»[74]. Названные факты были предвестником царя-голода 1921 г.

Очевидно, что в такой ситуации было невозможно без ущерба для крестьянского населения выполнить продразверстку, не говоря уже о дополнительной семенной разверстке. Не случайно поэтому 6 января 1921 г. на первом заседании Самарского губпосевкома губпродкомиссар Леких выступил с докладом, в котором заявил, что нельзя проводить в жизнь семенную кампанию одновременно с продкампаней[75]. Таким образом, власть стояла на перепутье: выполнять продразверстку или семенную разверстку?

Кое-где местные власти после 15 января, установленного для всех срока сдачи продразверстки, своим решением приостановили ее выполнение, что вызвало недовольство центра. В частности, замнаркома продовольствия Н. П. Брюханов требовал от губпродкомиссаров продолжения разверстку, вплоть до ее выполнения на 100%[76]. Но реальная ситуация была такова, что по всей стране продолжение продразверстки стало невозможным.

Тем не менее, 25 января 1921 г. Президиум ВЦИК издал предписание следующего содержания: «Открывающаяся повсеместно посевная кампания... настолько близко соприкасается с продовольственной компанией, что является серьезная опасность возможного расстройства продовольственной работы... Опасения эти находят подтверждение в действительности. Так, например, два губисполкома, Донской и Самарский, приступая к проведению в жизнь мероприятий по образованию семенного фонда, приняли постановления, коими фактически может быть приостановлена продовольственная работа ранее установленных разверсток». В связи с вышеизложенным Президиум ВЦИК предложил всем губисполкомам не прекращать продовольственную работу[77]. Но менее чем через две недели, 4 февраля, Самарский губисполком получил приказ противоположного характера. В нем предписывалось прекратить хлеборазверстки ради обеспечения успешного проведения семенной кампании[78].

Аналогичное положение сложилось в Рязанской губернии. 1 февраля 1921 г. Рязанский губисполком на основании того, что у губернии не осталось сил для выполнения продразверстку в размере 100% (в конце января эта губерния выполнила 54% наряда), а промедление с семенной заготовкой могло вызвать крах посевной кампании, обратился в Наркомпрод с просьбой о немедленной приостановке разверстки. 10 февраля его просьба была удовлетворена. Он получил инструкцию Наркомпрода о приостановке в губернии продразверстки[79].

Приведенные факты убедительно говорят о том, что в Самарской и Рязанской губерниях ввиду катастрофического продовольственного положения проведение семенной разверстки одновременно с продразверсткой было невозможным. Именно в этом и заключалась главная причина прекращения продразверстки. Советская власть была вынуждена прекратить продразверстку, чтобы организовать семенную кампанию. Аналогичные приказы с вышеназванными в Самару и Рязань поступили из Москвы 4-5 февраля 1921 г. в Наркомпрод Башкирии и в продкомы Симбирский, Уфимский, Саратовский и Покровский губерний. 8 февраля распоряжение о прекращении разверстки было направлено губпродкомиссару Тамбовской губернии. 10 февраля Наркомпрод издал приказ, освобождающий от выполнения всех разверсток на продукты питания с 15 февраля по 1 августа признанные голодающими Тульскую, Калужскую, Орловскую и Царицынскую губерний[80].

В это же время на страницах советской печати развертывается критика политики продразвестки. Так, например, на эту тему в «Бедноте» выступил М. И. Калинина. В опубликованной газетой 23 февраля 1921 г. статье он остановился на критике вредных последствий разверстки для крестьянского хозяйства. Наконец, 26 февраля А. Д. Цюрупа в органе Наркомпрода сообщил всем губпродкомиссарам, что «основная часть продработы – хлебных разверсток – на всей территории Европейской России закончена... Предстоящая работа по проведению посевной кампании возлагает на продорган в высшей степени ответственную зада-

чу....»[81]. Таким образом, замена продкампании посевкампаней стала свершившимся фактом и была подтверждена на официальном уровне.

Вместо заключения

Концепция натурального налога была основана на «коммунистической иллюзии» перехода к новому коммунистическому обществу. Приостановка продразверстки явилась результатом распада сельского хозяйства в период военного коммунизма. Логика того и другого определялась различными посылками и обстоятельствами. Это была первоначальная концепция введения налога. Но критическая ситуация в России, сложившаяся к началу 1921 г., не позволила реализовать ее в задуманном варианте. В этом заключается сложность вопроса перехода к нэпу.

При размышлении на эту тему нам следует больше обращать внимание на следующие положения. Во-первых, большинство местных властей совершенно неожиданно получили приказ центра о прекращении продразверстки (за исключением, может быть, Самарского губисполкома)[82]. Так было, например, в Тамбовской губернии. На заседании губкома РКП (б) 8 февраля 1921 г. командвойск Тамбовской губернии А. В. Павлов в своем докладе о крестьянском движении и откровенно говорил, что оно пользуется поддержкой крестьян и имеет симпатии даже в частях Красной армии. Чтобы ликвидировать его он считал необходимым предложить центру отменить разверстку. Вокруг этого вопроса развернулась дискуссия, в результате которой было принято соответствующее постановление. Было решено отправить в Москву делегацию для беседы с Лениным о разверстке[83]. Но в то же день, 8 февраля, в адрес предгубпродсовещания и губпродкомиссара поступил приказ Наркомпрода о прекращении разверстки в губернии. По словам членов губкома, Тамбовская губерния была поражена этим неожиданным решением центра[84]. Местные коммунисты лишились проверенного способа заготовки продовольствия для снабжения населения, которое находилось в критическом положении. Таким образом, вопрос об отмене продразверстки был решен в центре без тщательного обсуждения и заранее продуманного плана. Это повлекло за собой путаницу среди местных коммунистов.

Во-вторых, следует особо подчеркнуть, что Наркомпрод издал приказ не об отмене хлебной разверстки в принципе. Следовало лишь «прекратить ее сбор, снять все продотряды» и т.д., чтобы центр тяжести продовольственной работы перенести на заготовку семян, то есть заменить продкампанию на семенную кампанию. Именно в этом был смысл распоряжений Наркомпрода. Таким образом, речь шла лишь о временном прекращении продразверстки и при этом ни слова не говорилось о ее замене продналогом.

В-третьих, в губерниях, потерявших единственный способ заготовки хлебов посредством разверстки, продовольственное положение значи-

тельно ухудшилось. Об этом можно судить хотя бы на примере Тамбовской губернии. Тамбовский губпродкомиссар неоднократно обращался к центру с просьбой об оказании продовольственной помощи населению. Но и СТО и Наркомпрод ответили отказом, что поставило губернию в критическое положение[85]. Результат этого явилась народная трагедия 1921-1922 гг. Конечно, это был не исключительный случай.

Думается, что вряд ли обосновано утверждение ряда историков о том, что замена продразверстки налогом, переход к нэпу в 1921 г. облегчили тяжелое положение крестьянского населения. В результате политики военного коммунизма у голодающих рабочих и крестьян не осталось запаса продовольствия, и они были должны искать хлеб свои силами. После декрета СНК от 28 марта 1921 г., разрешившим свободный обмен, всю страну захлестнула волна мешочников, стали развертываться рынки, где только и можно было достать еду. Таким образом, летом 1921 г. рыночный обмен восстановился стихийно, сверх ожиданий и планов большевистской власти. В конечном итоге по мере расширения товарно-денежных связей система товарообмена, введенная одновременно с налогом весной 1921 г., к осени 1921 г. оказалась вытесненной рыночными отношениями. В результате иллюзия непосредственного перехода к социализму, поддерживаемая всеми силами большевистской власти, исчезала под воздействием стихи рынка. Начинался нэп.

Примечания

[1] Поляков Ю.А. Переход к нэпу и советское крестьянство. М., 1967. С. 3.
[2] Свидерский А. Почему вводится продналог. М., 1921. С. 9.
[3] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 43. С. 219, 220.
[4] РГАСПИ.Ф. 17. Оп. 3. Д. 131. Л. 1; Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 42. С. 333.
[5] Генкина Э.Б. Государственная деятельность В.И. Ленина 1921-1923 гг. М., 1969. С. 69-70; Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 42. С. 308. В декабре 1921 г. на заседании XI Всероссийской конференции РКП (б) Л.Б. Каменев следующим образом сказал об атмосфере весны: «Некоторые основые передовые группы, передовые отряды революции подчинились крестьянской психологии, психологии того разорившегося крестьянина, который начинал бунтвать. Первым, наиболее характерным выражением этого изменения соотношения сил между голодом и деревней, иначе говоря, между пролетариатом и крестьянством, была весенная конференция металлистов в Москве»(Всероссийская конференция РКП (б). бюллетень. № 1. С. 9.). В то же время он отказался признать свое недовольство рабочих основой причиной массовых выступлений в городах в указанный период.
[6] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 65. Д. 664. Л. 261-269; ГАРФ. Ф. 130. Оп. 5. Д. 644. Л. 4; РГАЭ. Ф. 1943. Оп. 2. Д. 1300. Л. 25.
[7] Восьмой Всероссийский съезд советов: стеногр. отчет. М., 1921. С. 146.
[8] Кабанов В.В. Крестьянское хозяйство в условиях «военного коммунизма». М., 1988. С. 112.

[9] РГАСПИ. Ф. 94. Оп. 2. Д. 16. Л. 172; Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 42. С. 180-181.
[10] Бюллетень Высшего Совета Народного Хозяйства. 1918. № 1. С. 30.
[11] Пятый Всероссийский съезд Советов: стеногр. отчет. М., 1918. С. 142.
[12] Дмитренко В.П. Советская экономическая политика в первые годы пролетарской диктаруры. М., 1986. С. 116.
[13] Беднота. 1919. 28 ноября, 17 декабря; 1920. 25 июля, 17 сентября и т.д.
[14] Сафонов Д.А. Великая крестьянская война 1920-1921 гг. и южный урал. Оренбург, 1999. С. 37.
[15] Бюллетень Наркомпрода. 1919. 29 октября; Беднота. 1920. 10 ноября; Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 39. С. 316.
[16] ГАРФ. Ф. 130. Оп. 4. Д. 546. Л. 158.
[17] Девятый Всероссийский съезд советов: стеногр. отчет. М., 1922. С. 60.
[18] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 52. С. 22-23; Т. 42. С. 51.
[19] ГАРФ. Ф. 130. Оп. 4. Д. 208. Л. 506; Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 54. С. 439. Э.Б. Генкина без всяких оснований утверждает: «В данном случае леннинская постановка вопроса о натуральном налоге была связана пока лишь с отменой денежных налогов и прямой связи с последующим переходом от резверстки к налогу не стояла» (Генкина Э.Б. Уаз. соч. С. 57.).
[20] Беднота.1920. 25 декабря.
[21] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 42. С. 387.
[22] Павлюченков С.А. Крестьянский Брест, или предыстория большевистского НЭПа. М., 1996. С. 240.
[23] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 110. Л. 67.
[24] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 52. С. 91-92.
[25] Кронштадт 1921. Документы о событиях в Кронштадте весной 1921 г. М., 1997. С. 7-8; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 272. Л. 100.
[26] Согласно списку, приложенному к стенографическому отчету съезда, Э.Б. Генкина указала, что на ликвидацию этого мятежа было послано около 300 человек (Генкина Э.Б. Указ. соч. С. 100.). Но в изученном нами списке Петроградского комитета речь идет о 183 человека (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 65. Д. 555. Л. 96.).
[27] Десятый съезд РКП (б):стеногр. отчет. М., 1963. С. 89, 113, 404-409, 421.
[28] Автор имеет в виду монографию Ю.А. Полякова «Переход к нэпу и советское крестьянство» и монографию Э.Б. Генкиной «Государственная деятельность В.И. Ленина» .
[29] Десятый съезд РКП (б). С. 425-427.
[30] Дмитренко В.П. Указ. соч. С. 202.
[31] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 43. С. 149, 243.
[32] Протоколы десятой всероссийской конференции РКП (б). М., 1933. С. 6, 49, 61.
[33] РГАЭ. Ф. 1943. Оп. 11. Д. 611. Л. 19об.; Оп. 1. Д. 331. Л. 32.
[34] Четыре года продовольственной работы: Статьи и отченые материалы. М., 1922. С. 31.
[35] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 141. Л. 1.
[36] Коллегия Наркомпрода 24 марта обсудила данный вопрос о обмене и запретила крестьянам торговую сделку за пределы общества, разрешив только кооперации денежному обмену. 31 мая 1921 г. от имени Брюханова и члена колле-

гии Наркомпрода А.П. Смирнова в ЦК РКП (б) была отправилена телеграмма, в которой говорилось, что продналог будет вводиться только в 21/22 году, а на Северном Кавказе, в Сибири, Украине и Трукестане продразверстка должна продолжается (ГАРФ. Ф. 130. Оп. 5. Д. 644. Л. 9-15; РГАЭ. Ф. 1943. Оп. 1. Д. 829. Л. 116.).

[37] Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет viii созыва (i-iv сессии): стеногр. отчет. М., 1922. С. 85, 87; Декреты Советской власти. Т. XIII. С. 250-252. 30 марта на своем заседании комиссия по обсуждению продналога в составе Н.Д. Кондратьева и других констатировала, что размер продналога в 1921/22 годы в сумме 240 миллионов пудов превышает излишки в крестьянском хозяйстве (РГАЭ. Ф. 478. Оп. 1. Д. 558. Л. 3.).

[38] The Trotsky Papers: 1920-1922. Vol. ii. edited and annotated by J.M. Meijer. Mouton, 1971, pp. 492-96.

[39] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 65. Д. 453. Л. 86-87.

[40] Известия Тамбовского губисполкома и советов. 1920. 18 мая.

[41] Шлихтер А.Г. Хлебная повинность и продовольственные отряды. М., 1920. С. 1-3.

[42] ГАРФ. Ф. 130. Оп. 4. Д. 207. Л. 116; РГАЭ. Ф. 1943. Оп. 1. Д. 681. Л. 101-102.

[43] Кондрашин В.В. Крестьянское движение в Поволжье в 1918-1922 гг. М., 2001. С. 71.

[44] Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД: Документы и материалы. Т. 1. М., 1998. С. 212; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 65. Д. 453. Л. 17.

[45] О подобных примерах в селениях Коммуны немцев Поволожья и Вологодской губернии. см.: там же. Л. 133, 135.

[46] ГАРФ. Ф. 130. Оп. 4. Д. 586а. Л. 33; РГАЭ. Ф. 1943. Оп. 1. Д. 608. Л. 7.

[47] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 72. Л. 37-38.

[48] Известия Тамбовского исполкома. 1920. 21 ноября.

[49] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 55. Л. 4; Оп. 3. Д. 128. Л. 1; Д. 120. Л. 6.

[50] Известия Тамбовского исполкома. 1921. 26 февраля; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 132. Л. 118, 4.

[51] См.: Кондрашин В.В. Указ. соч. С. 25.

[52] Советы в эпоху военного коммунизма. Ч. 2. М., 1928. С. 357.

[53] Отчет Наркомзема IX Всероссийскому съезду Советов за 1921 г. М., 1922. С. 16.

[54] См.: Генкина Э.Б. Указ. соч. С. 47-48.

[55] О позиции Н. Осинского (В.В. Оболенского) по данному вопросу см.: Осинский Н. Государственное регулирование крестьянского хояйства. М., 1920. О взглядах Богданова на указанную тему см.: Богданов Н. Народное хозяйство. 1919. № 6. С. 16; Беднота. 1920. 24 ноября; 14 декабря.

[56] The Trotsky Papers. Vol. ii. p. 488.

[57] Правда. 1920. 5 сентября.

[58] РГАЭ. Ф. 478. Оп. 6. Д. 2010. Л. 62-63.

[59] Осинский Н. Указ. соч. С. 25.

[60] Восьмой Всероссийский съезд советов. С. 146-147.

[61] Троцкий Л. Сочниния. Т. XV. С. 241.

[62] ГАРФ. Ф. 130. Оп. 4. Д. 207. Л. 585-585об.

[63] Поляков Ю.А. Указ. соч. С. 226.

[64] ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 38. Д. 3. Л. 18-25.

[65] Беднота. 1921. 22 февраля; 3 марта; 5 апреля и другие.
[66] Отчет Наркомзема IX Всероссийскому съезду Советов. С. 34.
[67] Воронежская коммуна. 1921. 23 февраля; Правда. 1921. 24 февраля.
[68] Воронежская коммуна. 1921. 23 февраля.
[69] Декреты Советской власти. Т. XII. С. 213, 233-239.
[70] Воронежская коммуна. 1921. 13, 22 февраля.
[71] Известия Орловского губисполкома. 1921. 4 марта.
[72] Коммуна (Самара). 1921. 15, 18, 27 января.
[73] Там же. 1921. 21 января; Правда. 1920. 10 октября.
[74] Коммуна (Самара). 1921. 4 января.
[75] Там же. 1921. 25 января.
[76] Беднота. 1921. 15, 25 января.
[77] Декреты Советской власти. Т. XII. С. 210-211.
[78] РГАСПИ.Ф.17. Оп. 65. Д. 664. Л. 2683.
[79] ГАРФ.Ф.1235. Оп. 96. Д. 508. Л. 153-145; Ф. 130. Оп. 5. Д. 644. Л. 4.
[80] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 65. Д. 664. Л. 261-269; ГАРФ. Ф. 130. Оп. 5. Д. 644. Л. 4; РГАЭ. Ф. 1943. Оп. 2. Д. 1300. Л. 25.
[81] Беднота. 1921. 23 февраля; Продовольственная газета. 1921. 26 февраля.
[82] Коммуна (Самара). 1921. 7, 25 января.
[83] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 128. Л. 111-111об.
[84] РГАЭ. Ф. 1943. Оп. 2. Д. 1300. Л. 25; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 13. Д. 1007. Л. 8.
[85] РГАЭ. Ф. 1943. Оп. 2. Д. 1300. Л. 20-22; Оп. 1. Д. 829. Л. 48.

Дзэндзи Асаока

Крестьянская печать и селькоровское движение в период НЭПа

В последнее время все большее внимание историков привлекают письма рядовых советских граждан в различные органы власти в первые годы существования большевистского государства. Их называют «голосом народа», обращенным к новому политическому режиму. Эти письма используются специалистами главным образом как материалы для исследования социальной истории, то есть для изучения того, как та или иная проблема представляется «снизу», с точки зрения широких народных масс (1).

Как показывают изученные источники, письма трудящихся во власть не были исключительно стихийным порывом. В значительной мере они инициировались самими большевиками с вполне определенной целью. Имея большой агитационно-пропагандистский опыт, большевики прекрасно осознавали возможности печатного слова. Они рассчитывали использовать печать в качестве инструмента взаимодействия власти и народа в период строительства нового общества. Так, например, председатель ЦИК СССР М. И. Калинин заявлял, что газета должна быть «*огромным парламентом* или постоянно заседающим митингом, где люди учатся и вместе учат других» (2). В этой связи письма простых граждан в редакции газет рассматривались большевистским руководством в качестве основной и наиболее желательной формы реакции масс на политику советской власти. Массовые обращения трудящихся в печатные средства массовой информации были названы большевиками движением рабочих и сельских корреспондентов, или рабселькоровским движением (3).

В значительной степени его теоретическую основу заложил один из лидеров большевистской партии — Н. И. Бухарин, сделавший немало и в плане практической организации рабселькоровского движения. Будучи ответственным редактором центрального органа партии — газеты «Правда», Бухарин придавал особое значение этому новому движению как способу демократического контроля над государственным (и даже партийным) аппаратом, с одной стороны, и коммунистического воздействия на народные массы, с другой. Для него рабселькоровское движение было зримым проявлением общественной активности трудового народа, от которой в немалой степени зависела судьба большевистской революции (4).

Итак, в первые годы НЭПа была предпринята попытка создать новый тип взаимодействия партии и широких масс, используя возможности советской печати и корреспондентского движения. Это стало новым явлением в общественной жизни и в развитии самих средств массовой информации.

Советская печать и деревня в восстановительный период

Корреспондентское движение стало развиваться прежде всего в городах, где его активными участниками являлись рабочие, пишущие в рабочие газеты (рабочие корреспонденты, или рабкоры). Но гораздо более нужным это движение представлялось для деревни. Оно было необходимо потому, что, несмотря на провозглашенную большевиками политику смычки с крестьянством, в начальный период НЭПа все еще отсутствовал действенный способ связи с деревней. Поэтому именно печать должна была «прорубить окно» и создать эту связь, став для режима эффективным и гибким средством воздействия на крестьянство (5).

Как известно, первой центральной крестьянской газетой была «Беднота». Однако она не смогла в должной мере проникнуть в крестьянскую массу. Тем не менее, с целью улучшения своей работы газета, опираясь на практику рабкоровского движения, постоянно призывала деревенских читателей активнее отправлять письма в редакцию. Эти усилия приносили успех, и тираж «Бедноты» возрастал по мере роста количества писем из деревни. Другой печатный орган — «Крестьянская газета», возникший в ноябре 1923 года как средство дальнейшего проникновения «большевистского слова» в деревню, также взял на вооружение идею селькоровского движения. Редакционная коллегия газеты с самого начала своей работы стала призывать читателей к активному сотрудничеству и сразу же добилась небывалого успеха в этой области (6).

Большевики создавали *новый* тип связи с крестьянством. Они придавали большое значение процентному соотношению между числом пишущих в газету *рядовых* крестьян, или «крестьян от сохи», и общим числом селькоров. Поэтому действия двух центральных крестьянских газет считались «успехом» и образцом для местной прессы (Таблица 1, 2).

В самом деле, вначале активными корреспондентами были сельские служащие (делопроизводители, фельдшеры, почтальоны и т.д.), сельские учителя, демобилизованные красноармейцы, которые часто впервые несли печатное слово (и даже грамотность) в деревню. Но с распространением крестьянской печати, идеи селькоровского движения появился и «подлинный землероб» (7). Чаще всего это был «передовой крестьянин», или «крестьянин-культурник», грамотный, активный в развитии своего хозяйства, имеющий собственный взгляд на то, что нужно деревне, и настаивающий на нем через письмо в газету. Значительный рост селькоровского движения в эти годы опирался главным образом на *смычку* большевиков с этими крестьянами (8).

В целом, селькоровское движение в те годы стало поистине *крестьянским,* и, прежде всего, функционировало как проводник крестьянских интересов во власть (Таблица 3). Большевики поддержали и одобрили такую форму связи с деревней, расценив ее как первую ступень грандиозного плана взаимодействия с крестьянством. Поэтому они принимали меры по расследованию поступавших жалоб, стремились оперативно реагировать на крестьянские письма. Как отмечал один из ведущих работников печати, селькор «перекидывает **мост между деревней и центром»** и «дает возможность центру **знать и видеть деревню в истинном свете** и вовремя откликаться на ее запросы и больные места» (9). Селькоровское движение стало составной частью прокрестьянского политического курса в середине 1920-х годов, и крестьянские письма рассматривались как важные материалы для разработки политики партии. Беседа И. В. Сталина с делегацией Всесоюзного съезда селькоров 12 и 14 марта 1925 г. символизировала основную функцию селькоровского движения в эти годы: «*из крестьянства во власть*». Встреча была организована таким образом, чтобы активные селькоры «Бедноты» и «Крестьянской Газеты» имели возможность побеседовать с генеральным секретарем ЦК РКП(б) о «важнейших крестьянских нуждах». В самом деле, селькоры откровенно говорили о местных проблемах и своих потребностях (10).

Таблица 1

Состав постоянных корреспондентов 《Бедноты》 по социальному положению и роду занятий в начале 1925 г.

Крестьян, занимающихся исключительно сельским хозяйством	965 (62,7%)
Работников сельсоветов и волисполкомов	177 (11,5%)
Учителей	80 (5,2%)
Культурно-просветительных работников	70 (4,5%)
Крестьян-учащихся	56 (3,6%)
Кооператоров	52 (3,4%)
Агрономов	34 (2,2%)
Работников комитета взаимопомощи	26 (1,7%)
Деревенских почтовиков	25 (1,6%)
Землеустроителей	20 (1,3%)
Рабочих	14 (0,9%)
Лесников	10 (0,6%)
Сельских врачей и ветеринаров	7 (0,5%)
Батраков	4 (0,3%)
Всего	1540 (100,0%)

По партийности: коммунистов — 81 (5,3%), комсомольцев — 107 (6,9%)
По возрасту: наибольшее число от 25 до 45 лет.

Беднота. 1925. 27 марта

Таблица 2

Рост корреспондентов «Крестьянской газеты» в 1923-24 гг.

	К 1 февраля	К 1 марта	К 1 апреля	К 1 мая	К 1 октября
Крестьян	79	179	355	1017	1385
Рабочих	1	1	4	9	27
Работников просвещения	14	30	49	76	86
Совслужащих	7	11	12	14	80
Учащихся	1	4	5	7	32
Агрономов	—	1	3	3	7
Всего	102	226	428	1126	1617

*Состав по социальному положению и по роду занятий

Крестьян	85,2%
Крестьянок	1,2%
Рабочих	1,6%
Учителей	1,6%
Служащих	4,5%
Агрономов	0,4%
Учащихся	2,0%

Урицкий С. Б. Наша печать. М., 1925, С. 72.

**На 1-е апреля 1925 г.,
По партийности: коммунистов — 11,2%, комсомольцев — 10,9%
По возрасту: наибольшее число от 25 до 25 лет и от 16 до 20 лет.

Рафаил М. Рабкоры и селькоры. М., 1925, С. 56.

Таблица 3

Содержание почты «Крестьянской газеты» с 15 марта по 1 сентября 1925 г.

Тема	Число писем	%
Низовой аппарат	18753	13,2
Быт	13832	9,9
Кооперация, страхов., кредит, взаимопомощь	13351	9,4
Налог	10930	7,7
Землеустройство	10781	7,6
Юридические запросы	10375	7,3
Лес	8852	6,3
Общее положение крестьянства	8427	6,0
Просвещение и культработа	6846	4,8
Агрономия	5960	4,2
РКП(б) и РЛКСМ	5923	4,2
Прочее*	27544	19,5
Всего	141574	100,1

* Остальные письма падают на художественную литературу, Красную армию, отзывы о газете и запросы различного характера.

Печать СССР за 1924 и 1925 гг. М.-Л., 1926, С. 23.

Селькоровское движение предоставляло низовому крестьянству законную возможность критики власти. Н. И. Бухарину принадлежит характеристика этого движения как «своего рода канала, по которому крестьянское недовольство направлялось на самый верх пирамиды власти» (11). Именно жалобы крестьян на недостойное поведение деревенских коммунистов становились «голосом правды»; они вступали в диссонанс с отчетами местного руководства, в которых ситуация представлялась вполне благополучной. Активные селькоры (не всегда это были крестьяне) смело обличали неблаговидные дела и поступки местных руководителей. Нередко за это селькоры подвергались преследованию со стороны местных коммунистов. Последние всячески стремились сдержать критику «снизу», поставить ее под контроль с помощью цензуры, а в ряде случаев и даже путем прямого насилия. Такое преследование характеризовалось «коммунистским» (то есть организованное местными партийцами), в отличие от другого, которое традиционно квалифицировалось как «кулацкое» (то есть организованное теми, кто был недоволен советской властью). Но подобные факты предавались огласке, так как критические письма селькоров о недостатках на местах поощрялись центром. Руководство партии с помощью печати стремилось организовать «контроль масс над аппаратом» (Таблица 4) (12).

Таблица 4

Сводки достижений письмами в «Крестьянскую газету» за 10 месяцев (с 1 января по 1 ноября 1925 г.)

Наименование должности	*Исключ. из партии*	*Преданы. суду*	*Арестованы*	*Сняты с работы*	*Адм. и дис. взыскания*	*Партийные взыскания*	***ИТОГО***
Секретаря волкомов, райкомов и сельячеек	2	3		8	1	3	17
Рядовые члены РКП и РЛКСМ	58	23	6	15	10	34	146
Работники виков и с/сов	15	206	12	178	48	6	465
Работники милиции		46	1	38	22		107
Председ. и члены вол. ЗК		4		1	3		8
Агрономы и землемеры		3		7			10
Народные судьи		3		11	2		16
Работники коорперации	1	40	1	13	6	1	62
Объездчики и лесники		16	2	34	12		62*
Председатели К.О.В.	2	27		24			53
Участковые врачи		3		15			18
Учителя и избачи		4		31	9	1	45
Зав. п.-т. отделениями		1		9	2		12
Фининспектора и агенты	1	9		18	4		32
Зав. хоз. предпр. деревни (совхоз. мельниц. и пр.)		8		18	2	1	29
ИТОГО	79	396	22	420	121	46	1084

*Неправильный. Вероятно, 64.

Крестьянская газета. 1925. 17 ноября.

Селькоровское движение в годы «реконструкции»

Начало так называемой «социалистической реконструкции» оказало немалое влияние на селькоровское движение. Как уже отмечалось нами, в предшествующий период это движение играло для режима роль информатора о крестьянских настроениях и проводника его интересов во власть. В новых же условиях ему отводилась роль средства коммунистического воздействия на крестьянство. Наметившийся поворот был обусловлен не только задачами «реконструкции», но и стремлением режима не допустить излишней критики коммунистов со стороны селькоров(13). Теперь селькоры должны были выступать в качестве «нового деревенского актива», поддерживающего политику партии, и обращаться в редакции газет лишь с рядовыми жалобами, не бросающими тень на эту политику. Они должны были просвещать односельчан через печать: «проводить классовую линию» на выборах в советы, в духе партийных решений пропагандировать передовые методы ведения сельского хозяйства и т.д (14).

Новые задачи потребовали от большевиков более действенных средств организации селькоров и руководства ими. Особое внимание было обращено на работу в деревне стенгазетных кружков. Теперь в ка-

ждой избе-читальне базой селькоровской работы становилась стенгазета – низовая печать данного селения. К работе над ней следовало привлекать как можно больше местных крестьян. В конечном счете стенгазета должна была выступить «общественной силой, двигающей общественную жизнь села» (15).

Однако предпринятая большевиками попытка изменить характер селькоровского движения не достигла желаемого результата. Напротив, она вызвала его ослабление. Так, например, проведенное отделом печати ЦК ВКП(б) в 1926-27 гг. обследование выявило ужасное состояние селькоровских организаций в ряде районов Советского Союза. Селькоровские кружки в них распались или действовали в отрыве от крестьянских масс. Как указывало циркулярное письмо отдела печати от 16 июля 1927г., местные селькоровские организации обнаружили слабую организованность и неустойчивость, текучесть состава, молодость их состава и, вследствие этого, недостаточную авторитетность кружков, замкнутость и оторванность их от общественно-политической жизни деревни(16). Еще одним недостатком подобного рода стала *бюрократизация селькоровского движения*, ухудшение их качественного состава. Проведенный в редакциях газет учет селькоров зафиксировал уменьшение в их составе числа «крестьян от сохи» и одновременно — увеличение числа коммунистов и служащих (Таблица 5) (17).

Крестьяне сочли новую линию в селькоровском движении неправильной и не приняли ее. Селькор В. Греков из Вятской губернии написал о неустойчивости ситуации и нашел причину этого в плохом руководстве и уменьшении доверия к селькору со стороны партии: «Селькоровский актив, образовавшийся в 1924/25 году, отходит и отходит очень быстро, появилась текучесть. ...Всмотритесь в работу селькорского актива, и вы заметите, что **актив идет на убыль**, а новыми активистами заменяется очень редко. ...Когда селькор вышел из подполья, назвал себя строителем новой деревни, то **это доверие исчезло**. Селькор пишет, вскрывает гнойники, имеющиеся на местах, ему не верят, отвечают: «посылаем на расследование». Примеров очень и очень много и они вам известны: результатов нет. **Значит, селькорам партия не так уж доверяет**» (18). На селькоровское движение оказало влияние то, что в общей политике все сильнее стало обращаться внимание на «классовый момент». Это обстоятельство вызвало отход от него «передовых крестьян». Прежде они представляли общие крестьянские интересы и назывались «гордостью нашей деревни, цветом и красой ее» (19). Теперь связь партии с крестьянством через печать вновь начала ослабевать. Самым зримым подтверждением этого стало падение тиражей крестьянских газет (20).

Таблица 5

Состав активных селькоров центральной «Крестьянской газеты» в 1926 г.

Дата	всего	партийных	комсомолцев	беспартийных	бедняков	середняков	батраков	служащих	женщин
Апрель 1926 г.	6350 *	476 7,5%	1270 20%	4604 72,5%	4159 65,5% **		857 13,5%	953 15%	254 4%
Сентябрь 1926 г.	6257 ***	2495 (39,9%)		(3762) (60,1%)	1876 (29,8%)	2597 (39,8%)	184 **** (3%)	1230 (19,7%)	140 (2,2%)

Цифры с линией — предположительные расчеты.

* По возрасту — больше всего селькоров между 20 и 30 годами. Почти половина (42,5%) — демобилизованные красноармейцы. Общественников — 38,5%.

** Половина из них — бедняки, половина — середняки.

*** До 30 лет — 4341. Свыше 30 лет — 1704. В хозяйстве отца — 147.

**** Батраков, кустарей и рабочих

Крестьянская газета. 1926. 27 апреля; 1926. 24 мая; РГАЛИ. Ф. 2503. Д. 529. Л. 89.

Вместо заключения

Селькоровское движение, стремившееся стать средством «интерактивной коммуникации» власти с крестьянством, добилось немалых успехов на первом этапе своего развития. Тогда оно функционировало как посредник между крестьянством и властью, выступало проводником крестьянских интересов во власть. Именно поэтому многие крестьяне покупали и читали большевистские газеты, посылали письма в редакции, надеясь на их помощь. Но когда большевики избрали новую линию, и наступил этап «социалистической реконструкции», положение изменилось. Крестьяне ограничивались жалобами и уже не стремились к активной общественной работе. Они с недоверием относились к навязчивой агитации большевиков и, в конце концов, просто переставали покупать газеты.

Подобная ситуация не могла не встревожить мыслящих работников прессы. Некоторые из них, чтобы восстановить доверие крестьян к периодическим изданиям, пытались говорить об этом еще накануне «кризиса», предлагая новую линию (21). Однако дальнейшие события «свели на нет» все эти начинания. Возникший кризис хлебозаготовок коренным образом изменил ситуацию в деревне. Он сделал неосуществимыми прежние формы селькоровской работы, саму практику корреспондентского движения. В новых условиях советская власть отказывалась от идеи воздействия «снизу» через печать и корреспондентское движение (22). Теперь и газеты, и селькоры должны были выступать лишь исключительно средствами агитации «сверху». Они превращались в звенья мощного пропагандистского аппарата сталинского режима, взявшего антикрестьянский курс на насильственную коллективизацию деревни.

Примечания

1. Голос народа. Письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918-1932 гг. М., 1998; Письма во власть 1917-1927. Заявления, жалобы, доносы, письма в государственные структуры и большевистским вождям. М., 1998; Крестьянские истории: Российская деревня 20-х годов в письмах и документах. М., 2001.
2. *Калинин М.И.* О корреспондентах и корреспонденциях. М., 1958. С. 37.
3. Корреспондентом считался рядовой гражданин, добровольно, а не по служебной необходимости, исполнявший свои обязанности. Большевики определяли рабселькора как всякого трудящегося, который «в интересах нашего советского, партийного или профессионального строительства проявил активность путем освещения соответствующих вопросов в газете (журнале)» // Красная печать. 1926. № 6. С. 43.
4. *Бухарин Н.И.* О рабкоре и селькоре. Статьи и речи. М., 1926; *Он же.* Проблемы теории и практики социализма. М., 1989. С.181-188; *Коэн С.* Бухарин. Политическая биография 1888-1938. М., 1992. С. 246-248; *Асаока Дз.* Бухарин-

ский план для корреспондентского движения: массовая добровольная общественность при «диктатуре пролетариата» (на японском языке) // Сисо (Мысль). № 917 (ноябрь 2000). С. 52-55.
5. Беднота. 1925. 10 марта, 17 марта; *Урицкий С.Б.* Наши итоги. Тринадцать лет красной печати. М., 1925. С. 73.
6. *Асаока Дз.* Формирование селькоровского движения в СССР: изучение конкретных случаев двух центральных органов – «Бедноты» и «Крестьянской газеты» (на японском языке) // Сейёси-кэнкю (Исследование западной истории). № 26 (ноябрь 1997). С. 97-110.
7. Рабочий корреспондент. 1924. № 10-11. С. 8.
8. *Асаока Дз.* Формирование селькоровского движения в СССР. С. 110-116; Крестьянский корреспондент: его роль, его работа. М. -Л., 1925. С. 112-113.
9. Беднота. 1925. 20 февраля.
10. На этой встрече Сталин обратился к селькорам: «пишите то, что нужно, о том, что мешает улучшению быта сельского хозяйства или чем его можно поднять». Селькор «Бедноты» М. Гущин высказался за устойчивость землепользования как непременное условие развития сельского хозяйства. Сталин отнесся к подобному предложению доброжелательно и даже намекнул на возможность разделения земли «лет на 40 или совсем навсегда (!)» (Беднота. 1925. 14 марта, 5 апреля; Рабоче-крестьянский корреспондент. 1925. № 3. С. 45). Гущин был настоящий «передовой крестьянин» из Тульской губернии. В своем отрубном хозяйстве он ввел многопольный севооборот с клевером, был организатором местной культурно-просветительной и кооперативной работы (Беднота. 1925. 5 апреля; Крестьянский корреспондент. С. 148-149). Впоследствии «Новая оппозиция» использовала эти слова Сталина в своей критике его политики за «сочувствие идее восстановления частной собственности на землю» (РГАСПИ, Ф. 54, Оп. 1. Д. 139. Л. 45; *Сталин И.В.* Сочинения. Т. 7. М., 1954. С. 362).
11. Третье Всесоюзное совещание рабкоров, селькоров, военкоров и юнкоров при «Правде» и «Рабоче-крестьянском корреспонденте». Стенографический отчет. М., 1926. С. 121.
12. *Асаока Дз.* Преследования селькоров и работа по улучшению низового аппарата в период «оживления советов» (на японском языке) // Росиаси-кэнкю (История России). № 63 (октябрь 1998). С. 41-56.
13. Третье всесоюзное совещание рабкоров, селькоров, военкоров и юнкоров. С. 68-89, 127-142; Красная печать. 1926. № 13. С. 5-36.
14. О партийной и советской печати: Сборник документов. М., 1954. С. 361-363; Селькор. 1926. № 8. С. 12; № 23. С. 1; 1927. № 14. С. 3-6.
15. Селькор. 1926. № 14. С. 12.
16. Советская деревня и работа селькоров. Сборник статей. М. -Л., 1927; Рабоче-крестьянский корреспондент. 1927. № 13-14. С. 16.
17. Красная печать. 1926. № 13. С. 1-2; Селькор. 1926. № 24. С. 13-14. Тогда многие местные газеты впервые попытались ввести учет своих селькоров. Везде обнаружились общие недостатки: большой процент коммунистов и служащих среди корреспондентов и молодость их состава (Таблица 6).
18. Селькор. 1927. № 21. С. 8-10.
19. Крестьянский корреспондент. С. 113.
20. На пятнадцатом съезде ВКП(б) В.М. Молотов признавался, что по сравнению с 1925 г. тираж крестьянских газет сократился на 11% (XV съезд Всесо-

юзной Коммунистической партии (б). Стенографический отчет. 2-е издание. М. -Л., 1928. С. 1082). Число и тираж крестьянских газет сократилось и в 1926-1927 гг (Рисунок 1).

21. ГАРФ. Ф. Р. -5566. Оп. 4. Д. 5. Л. 28-30; Красная печать. 1927. № 4. С. 12-14.

22. *Асаока Дз.* Бухаринский план для корреспондентского движения. С. 55-59.

На Июльском пленуме ЦК ВКП(б) 1928 г., известном открытой конфронтацией «сталинцев» и «бухаринцев», вопрос, как обходиться с крестьянскими письмами, был одним из дискуссионных. Бухарин тогда высказался в том смысле, что письма – «огромнейшая армия», которая «опосредствует нашу смычку с массами», и потребовал их поддержки: «Я должен здесь в первую очередь реабилитировать письма, против которых выступали здесь некоторые товарищи. Мы несколько времени тому назад не жалели громких и торжественных слов на предмет восхваления рабкоров, селькоров, военкоров и прочих «коров». Мы тут делали ошибки. ...Ясное дело, что если мы заткнем ухо по отношению к тому, что доходит к нам из глубины масс, мы обнаружим известную **бюрократическую однобокость**. Мы очень сильно оторвались физически от масс, и для того, чтобы нам политически от них не оторваться, нам нужны какие-то многочисленные провода, которые доносили бы до наших ушей то, что делается в глубине масс» (Как ломали НЭП. Стенограммы пленумов ЦК ВКП(б) 1928-1929 гг. Т. 2. М., 2000. С. 380). Бухарин настаивал, во-первых, на том, что письма являются важнейшим источником информации, зачастую более правдиво передающим факты, чем официальный источник; во-вторых, что они выражают взгляды широких крестьянских масс, прежде всего среднего крестьянства. Однако после поражения «бухаринцев» прежние инициаторы селькоровского движения подвергались нападению в партийной печати и обвинялись в том, что позволяли «кулаку» выражать через газету свое недовольство политикой партии и советской власти (За марксистско-ленинское учение о печати. Сборник. М., 1932. С. 109).

Таблица 6

Состав активных селькоров местных газет в середине 1920-х годах.

Название газеты (место издания/тип)	Дата учета	Всего	Членов партии	Кандидатов партии	Комсомольцев	Беспартийных	Крестьян	Служащих	По возрасту
Полоцкий Пахарь (Белоруссия/окружная)	май 1925 г.	158	29 (18,4%)		43 (27,2%)	86 (54,4%)	61* (38,6%)	45 (28,5%)	
Наша Деревня (Брянск/губернская)	конец 1925 г. (предположительно)	140	17 (12,1%)	20 (14,3%)	64 (45,7%)	39 (27,9%)			от 20 до 25 лет — 94(67,1%) от 20 до 30 лет — 121(86,4%)
Крестьянская Газета (Нижний Новгород /губернская)	конец 1925 г. (предположительно)	214	61 (28,5%)		58 (27,1%)	95 (44,4%)	170 (79,4%)	23 (10,7%)	до 20 лет — 59(27,8%) до 30 лет — 165(77,1%)
Красный Октябрь (Сызрань/уездная)	конец 1925 г.	104	17 (16,3%)		32 (30,8%)	54 (51,9%)	48 (46,2%)	46 (44,2%)	до 18 лет — 10(9,6%) до 25 лет — 67(64,4%)
Крестьянская Газета (Урал/областная)	декабрь 1925 г.	1088	94 (8,6%)	124 (11,4%)	191 (17,6%)	679 (62,4%)	925 (85,0%)	65 (6,0%)	до 20 лет — 248(22,8%) до 30 лет — 811(74,5%)
Советский Пахарь (Ростов-на-Дону/краевая)	декабрь 1925 г.	588	257 (43,7%)			331 (56,3%)	273** (46,4%)	255 (43,7%)	
Сельская Правда (Сибирь/краевая)	апрель 1926 г.	870	214 (24,6%)		122 (14,0%)	534 (61,4%)	562 (64,6%)	184 (21,1%)	
Вятская Деревня (Вятка/губернская)	июнь 1926 г.	704	105 (14,9%)		198 (28,1%)	401 (57,0%)	577 (82,0%)	97 (13,8%)	до 23 лет — 41,2% до 30 лет — 78,5%
Красное Слово (Сталинград/окружная)	1926 г.	194	27 (13,9%)	24 (12,3%)	82 (42,3%)	61 (31,4%)	124 (63,9%)	43 (22,2%)	Большинство — молодежь Свыше 30 лет — два-три десятка
Новая Деревня (Гомель/губернская)	1926 г.	224	32 (14,3%)		71 (31,7%)	121 (54,0%)			до 20 лет — 44 (19,6%) до 25 лет — 127 (56,7%)
Новая Деревня (Казань/губернская)	1926 г.	549	101 (18,4%)		131 (24,9%)	317 (57,7%)	344 (62,7%)	103 (18,7%)	17-23 лет — 233 (42,4%) до 30 лет — 423 (77,0%)
Шлях-Жовтня (Украина/окружная)	конец 1926 г. (предположительно)	711	115 (16,2%)		237 (33,3%)	359 (50,5%)	394 (55,4%)	134 (18,8%)	до 23 лет — 378(53,1%)
Деревенская Газета (Рязань/губернская)	декабрь 1926 г.	363	71 (19,6%)		125 (34,5%)	166 (45,9%)	205*** (56,6%)	70 (19,3%)	
Коммунист (Белоруссия/окружная)	январь 1927 г.	287	134 (46,7%)			153 (53,3%)	174**** (60,6%)		

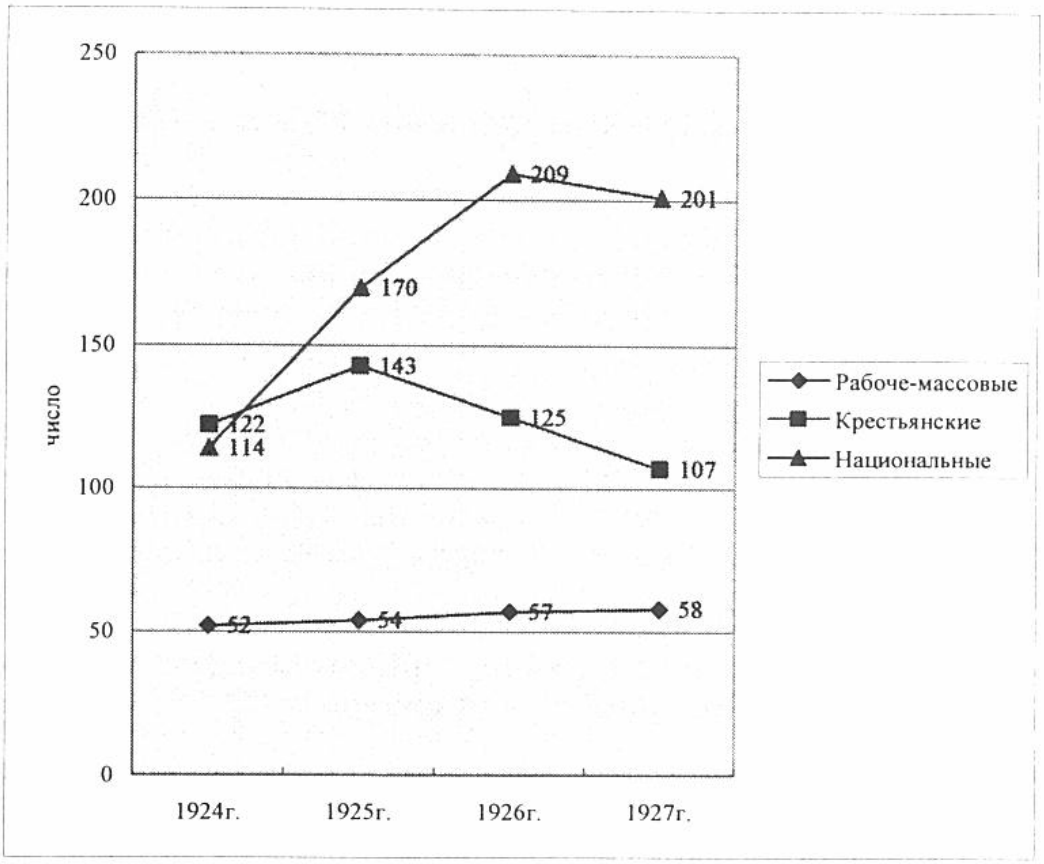
*землеробов **хлеборобов от плуга ***крестьян от сохи ****крестьян, занятые в сельском хозяйстве

Цифры с линией — предположительные расчеты.

Красная печать. 1926. № 1-2. С. 120-121, 136; № 3. С. 63-64; № 4. С. 64-65; № 5. С. 75; № 10. С. 68; № 16. С. 63; № 21. С. 43-47; № 23-24. С. 119; 1927. № 1. С. 20, 42-43, 69; Рабоче-крестьянский корреспондент. 1927. № 8. С. 33.

Рисунок 1

Газетная сеть СССР по типам изданий



Жирков Г.В. Советская кретьянская печать — Один из типов социалистческой прессы., Л., 1984. С. 81.

Наоко Хироока

Борьба с сифилисом и крестьянство в 1920-х годах

Возникающие в обществе болезни, особенно «социальные», являются показателем характера и особенностей данного общества. Сифилис — это болезнь, представляющая серьезную угрозу не только физическому, но и моральному, и социальному здоровью. Как эта болезнь распространялась, как к ней относились медицинские специалисты, общественность и народ? Как и у кого лечились больные? Насколько сознавали эту проблему власти, и был ли какой-то план борьбы с этой болезнью? Через призму проблемы сифилиса мы и намерены рассмотреть некоторые характерные черты русского общества и крестьянства.

1. Количество больных и характер принимаемых властями мер по борьбе с сифилисом

Статистические материалы о масштабах распространения сифилиса в России совершенно неудовлетворительны. И. А. Добрейцер, опираясь на данные Управления главного врачебного инспектора, отмечал, что накануне Первой мировой войны случаи заболевания сифилисом были зарегистрированы на всей территории страны. По его мнению, данные регистрации 20-х годов были не точнее и значительно расходились со сведениями, которыми располагал Наркомат здравоохранения РСФСР по данным годовых отчетов с мест. Например, доля сифилитиков, обнаруженных при подворном обследовании 42 селений Бельского уезда Смоленской губернии составила 7,9% (787 человек на 10000 населения), тогда как по официальным данным она не превышала 0,6% (60 человек)[1].

Специалисты отмечали, что среди городского населения заражение сифилисом происходило в основном половым путем, в то время как в деревне среди взрослых преобладал бытовой сифилис, жертвами которого часто становились и дети.

При Народном комиссариате здравоохранения РСФСР была создана Центральная комиссия по борьбе с венерическими болезнями, в задачи которой входили планирование и организация мероприятий по борьбе с венерическими болезнями в центре и на местах. Народный комиссар здравоохранения Н. А. Семашко придавал большое значение этому вопросу. Об этом, в частности свидетельствует открытие в 1921 году в Мо-

скве Государственного венерологического института, бывшего тогда единственным в мире учреждением подобного профиля. 6-10 июня 1923 г. в Москве состоялся Всероссийский съезд по борьбе венерическими болезнями, на котором присутствовало 207 делегатов. В последующие годы состоялось еще два таких съезда: 13-19 мая 1925 г. — в Харькове и 1-7 июня 1929 г. — в Ленинграде.

Сразу после революции публичные дома были закрыты, но уличная проституция приняла такие колоссальные размеры, внесла такую деморализацию в общественные нравы и привела к столь широкому распространению сифилиса среди населения, что специалисты забили тревогу.

Они советовали воздерживаться от половых связей вне брака, что было особенно актуально с точки зрения охраны материнства и детства, ставили в пример общество «Белый крест» в Англии, целью которого была пропаганда среди мужчин идеи чистоты добрачной жизни.

Уже в 1919 году специалисты предлагали перед заключением брака жениху и невесте предъявлять медицинское заключение об отсутствии венерических заболеваний[2]. В статье 132 Семейного кодекса РСФСР 1926 года говорилось: «Регистрирующие брак обязаны представить при заявлении документы, удостоверяющие личность, подписку об отсутствии препятствий, указанных в главе 2 раздела I настоящего Кодекса, и о том, что они взаимно осведомлены о состоянии своего здоровья, в частности, в отношении венерических, душевных и туберкулезных заболеваний». В случае нарушения предусматривалось применение ст. 88 УК РСФСР, гласившей, что сокрытие обстоятельств, препятствующих вступлению в брак, а равно сообщение ложных сведений органам, ведущим регистрацию актов гражданского состояния, наказывается лишением свободы или принудительными работами на срок до одного года или штрафом в размере до одной тысячи рублей.

Как видим, этот закон являлся менее определенным, чем предложения, выработанные медицинскими специалистами в 1919 году. В то же время в законе под знаменем благородного принципа предупреждения болезней, особенно таких «дурных», как сифилис, скрывалась угроза вмешательства государства в сферу супружеских отношений, являющихся стержнем частной жизни. Впоследствии уголовное законодательство широко применялось в качестве эффективного средства предупреждения распространения венерических заболеваний.

Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 24 января 1927 года «О мерах борьбы с венерическими заболеваниями» предоставляло органам здравоохранения право принудительного освидетельствования и лечения больных и подозреваемых лиц, которые отказывались пройти таковые в добровольном порядке. Лиц, уклонявшихся от подобных мероприятий, привлекали к ответственности в соответствии со ст. 150 и 192 УК РСФСР. Особенно суровое наказание предусматривала ст. 150, согласно которой заражение другого лица венерической болезнью лицом,

знавшим о наличии у него этой болезни, каралось лишением свободы на срок до трех лет.

Заведомое заражение другого лица венерической болезнью (или создание условий для этого) через половое сношение или иным способом наказывалось лишением свободы или принудительными работами на срок до шести месяцев.

Наркомат здравоохранения критиковал принудительные осмотры, проводившиеся в публичных домах в царское время. По мнению главного медицинского ведомства страны, осмотр должен был проводиться исключительно в добровольном порядке, при этом подчеркивалось, что «женщина на улице» имеет право проходить осмотр и лечение. Однако, начиная с 1926-1927 годов, контроль над распространением венерических болезней стал ужесточаться через применение норм Уголовного кодекса.

2. Борьба с сифилисом в деревне

Медицинские просветительские журналы и газеты старались привлечь внимание к проблеме сифилиса в деревне. Острота этой проблемы обусловливалась тремя обстоятельствами.

1. В деревне сохранялась давняя негигиеничная практика пользования общей посудой, ложками, целования икон и т.д. Особую озабоченность специалистов вызывали детские соски[3].

2. Обычаи, предшествующие вступлению в брак: деревенские посиделки и половая жизнь крестьянской молодежи.

3. «Пра-пра-прадедовский», по выражению Н. Семашко, обычай подворного кормления пастухов.

В настоящей статье подробнее будет рассмотрен обычай подворного кормления пастухов[4].

Издаваемый Наркоматом здравоохранения журнал «Здоровая деревня» неоднократно предупреждал об опасностях, связанных с пастухами. Например, 21 апреля 1926 года Ярославский губисполком издал распоряжение о производстве поголовных медицинских обследований пастухов, которые, по мнению этого органа местной власти, являлись «главными распространителями сифилиса в деревнях, так как до сих пор не изжит среди крестьян обычай кормить пастухов по очереди…». В соответствии с постановлением, пастухи могли начинать свою работу только с разрешения врача[5].

Пастух считался «самым последним человеком» из бедных, будучи по статусу близким к чужаку, перехожему бродяге, нищему. Пастухами становились калеки и инвалиды, не способные к крестьянской работе, маломощные. В то же время среди крестьян сохранялись представления о некоей тайной силе, присущей пастухам. Это суеверие компенсировало социальную неполноценность последних.

Пастух нередко внушал беспокойство. Животные подвергались на-

падению зверей, тонули, просто отбивались от стада, были случаи заболевания и снижения удоев у коров. Но с пастуха за это не взыскивали, что по его бедности, как правило, было и невозможно. Виновницей этих потерь считалась нечистая сила, навлекаемая другим пастухом или колдуном. На своего пастуха обычно никто не жаловался, поскольку считалось, что его тайная сила может принести еще большие потери.

Пастухи обычно приходили из другой общины. Даже если в своей деревне был пастух, нанимали пастуха обычно из другого сельского общества. К тому же, чтобы избежать напрасных конфликтов, считалось лучше, если такой пастух жил как можно дальше от своей деревни. Обязательно нужен был чужой пастух.

Пастух ночевал и столовался по очереди в домах у хозяев скота и был с ними, таким образом, со всеми связан, в результате чего образовывалась нуклеарная структура — череда. Череда нарушалась, если кто-нибудь из хозяев досрочно забирал свою скотину из стада. При этом обычай был не на стороне этих хозяев, так как согласно поверьям пастуший обход в таком случае терял свою силу.

Пастух ночевал у хозяев по очереди. И это была не просто система предложения ночлега тому, кто его не имеет. Изначально крестьяне предпочитали пастуха, которому надо было предлагать ночлег[6].

Устоявшаяся крестьянская мудрость, складывавшаяся на протяжении длительного времени, сознательный выбор общества, а не только милосердие, позволяли каждому человеку, особенно «слабому» — такому, как пастух — жить в обществе с сохранением его роли. Может показаться, что связанный с пастухами обычай — не более чем одна из сцен в жизни общества, но если лишиться хотя бы одной из таких сцен, то будет утрачено и сформированное крестьянами мировоззрение. Каждый обычай — не только подворного кормления пастухов, но и любой другой — одно из звеньев законченной системы.

3. Дуализм медицины и разрыв между классами в условиях жизни

Как видно из сказанного выше, борьба с сифилисом в деревне означала противостояние мировоззрению крестьян. Помимо сифилиса, проблемой деревни были высокая смертность, эпидемии и т.д. В частности в XX веке в России еще не была ликвидирована угроза холеры.

Большинство причин этих явлений коренилось в условиях жизни и быте крестьян. С этими трудностями всегда сталкивались земские врачи в царское время и участковые — в советское.

Основными и популярными носителями народной медицины были знахари и знахарки. Они, почти невежественные люди, все же много знали о лекарственных растениях, а некоторые даже применяли современные методы лечения. Но с развитием земского здравоохранения крестьяне постепенно начинали понимать и принимать врачей и медицину.

Земские врачи работали с осознанием своего предназначения и старались бороться с отсталостью крестьян с помощью научной медицины. Но кроме знахарства этому, по мнению врачей, препятствовали фельдшеры. В армии они были всего лишь санитарами, а после демобилизации начинали заниматься врачебной практикой. В деревнях действовали фельдшерские и врачебные пункты. Последних, впрочем, было очень немного. По закону, врач должен был контролировать работу фельдшера, что на деле осуществлялось редко в силу малочисленности и загруженности врачей, и фельдшер часто практиковал совершенно самостоятельно. Еще в царское время Общество русских врачей в память Н. И. Пирогова протестовало против «фельдшеризма» и требовало от земств брать на работу больше врачей. Но это было трудно. Поскольку фельдшер относился к медицинскому персоналу более низкой квалификации, и оплата его труда составляла четверть от оплаты труда врача, многие земства предпочитали врачам фельдшеров. К тому же с начала XX века и сами врачи не хотели становиться земскими врачами. Дело в том, что с ростом специализации стать земским врачом, от которого требовались универсальные медицинские знания, означало отстать от новейших методов лечения и отказаться от успешной карьеры. Более того, в России город и деревня сильно отличались в культурном и материальном плане, и образованному человеку жить в деревне было трудно.

В начале революции многие пироговцы выступили против большевиков, но, в конце концов, наиболее известные их представители стали администраторами в системе народного здравоохранения.

Официально в 1920-х годах Наркомат здравоохранения сильно критиковал «фельдшеризм», старался сокращать число фельдшерских пунктов и брать на работу в деревне больше врачей. Но недостаток врачей во врачебных пунктах усиливался, медицинская пропаганда в деревне была недостаточна. В 1924 году 80% врачей проживали в больших городах. В то время как в Москве насчитывалось 1500 безработных врачей, в деревне оставалась вакантной пятая часть врачебных мест[7].

Согласно данным К.М.Дэвиса, расходы здравоохранения в РСФСР на душу населения в 1926-1927 годах составили: для застрахованных и их семей в городах — 21,85 руб., в деревнях — 16,48 руб., для незастрахованных и их семей в городах — 6,45 руб., в деревнях — 1,06 руб. Застрахованные в деревнях — это, как правило, рабочие, проживавшие в сельской местности, крестьяне в эту категорию практически не попадали. В этой связи К. М. Дэвис заметил: «Политика в области здравоохранения при Сталине — не поворот, а преувеличение предыдущей»[8].

В истории советской медицины решение ЦК ВКП(б) от 22 декабря 1929 года «О медицинском обслуживании рабочих и крестьян» оценивается как решительный исторический поворот в деле народного здравоохранения. Оно обязывало органы здравоохранения дифференцированно подходить к оказанию медицинской помощи ведущим группам про-

мышленных рабочих и социалистического сектора сельского хозяйства[9]. Однако на деле медицинское обслуживание социалистического сектора сельского хозяйства было поставлено очень плохо. Существовавший еще с царских времен разрыв в уровне медицинского обслуживания между населенными пунктами (городами и деревнями) усилился. В 1920-е годы попасть на прием к врачу в деревне было все еще трудно. А после укрепления самообложения[10] в деревне усилилась склонность к сохранению «фельдшеризма». Таким образом, власть, требуя от крестьян изменения мировоззрения, была пока не в состоянии кардинально изменить уровень медицинского обслуживания сельского населения.

С другой стороны, авторитетные врачи в качестве специалистов участвовали в оформлении медицинской политики и с научных, а значит, с рациональных и эффективных позиций одобряли применение уголовных мер для уничтожения венерических болезней.

Вернемся к теме сифилиса. И. А. Добрейцер весьма сдержанно высказался о судьбе сифилиса и угнетенных: «На транспорте в 1927 г. зарегистрировано 8781 случай свежих форм сифилиса, в местах лишения свободы — 8585 случаев»[11].

Примечания

[1] Добрейцер И.А. Материалы по распространению сифилиса в СССР // Социальная гигиена.1925. № 6. С. 149-162.

[2] ГАРФ. Ф. А-482. Оп. 19. Д. 24. Л. 37, 38, 51.

[3] Резиновых детских сосок, аналогичных современным, российская деревня не знала ни в конце XIX в., ни в в 20-е гг. XX в. Известный русский агроном А.Н. Энгельгардт в своих «Письмах из деревни» оставил описание «изготовления» детских сосок: «пожует баба ржаную корку, что сама ест, положит в тряпку — соси».

[4] Предмет обсуждение о 1-ом уже выяснен L. Engelstein. См. Engelstein Laura, *The Keys to Happiness: Sex and the Search for Modernity in Fin-de-siècle Russia,* Cornell U.P., 1992, pp. 165-211. 2-й я обсуждаю отдельно. В целом проблемы все обычные жизни и обычаи крестьян, поэтому суть трех обстоятельств имеет какую-нибудь общность. О справедливости заражении вне половых сношений: см. Engelstein Laura, «Syphilis Historical and Actual: Cultural Geography of a Disease» // *Reviews in Infectious Diseases*, 8:6. 1986, pp. 1036-1048.

[5] Здоровая деревня. 1926. № 6. С. 9-10.

[6] Щепанская Т.Б. «Мужская магия и статус специалиста — по материалам русской деревни конца XIX в.- XX вв.»; ее же. «Сила — коммуникативные и репродуктивные аспекты мужской магии» // Мужской сборник. Вып. 1. М., 2001. С. 9-27, 71-94.

[7] Weisman N.B. «Origins of Soviet Health Administration Narkomzdrav, 1918-1928» Solomon S.G. and Hutchinson J.F. eds. *Health and Society in Revolutionary Russia*, Indiana U.P., 1990. p. 114.

[8] Davis C.M. «Economic Problems of the Soviet Health Service: 1917-1930» // *Soviet Studies*, 1983, No. 3, pp. 343-361. Но тем не менее по моему мнению, в 20-годах оставался еле-еле идеал, который был трудно осуществляться но и был невозможно уступать действительности.

[9] Здравоохранение в годы восстановления и социалистической реконструкции народного хозяйства СССР. 1925-1940. М., 1973. С. 6.

[10] Восстановление практики самообложения — местного денежного сбора на осуществление местных нужд (поддержание в рабочем состоянии социальной сферы — школ, больниц, дорог и т.д.) фактически означало возврат к практике земств, которые в целях экономии денежных средств, предпочитали более дешево обходившихся им фельдшеров более дорогим врачам.

[11] Добрейцер И.А. «Инфекционная заболеваемость в СССР за 1927 г.» // Вопросы здравоохранения. 1928. № 22. С. 47.

Сергей Есиков

Хлебозаготовительный кризис и социально – политическая ситуация в деревне Центрального Черноземья* (1927 – 1929 гг.)

С целью налаживания вненалоговых централизованных заготовок продовольствия путем обмена был создан государственный товарный фонд из предметов ширпотреба и сельхозинвентаря, распоряжение которым передавалось в руки Наркомата продовольствия. В мае 1921 г. между Наркомпродом и Центросоюзом был подписан Генеральный договор, в соответствии с которым право на централизованные заготовки сельскохозяйственной продукции предоставлялось Центросоюзу, а за Наркомпродом закреплялись общее руководство и контроль за этими заготовками на всех стадиях. Наркомпрод передавал в распоряжение потребкооперации предназначенные для товарообмена фонды как в центре, так и на местах. Самостоятельные вненалоговые заготовки либо передача товарных фондов иным организациям или частным лицам разрешались продорганам лишь в случае слабости местной потребкооперации и невозможности ведения ею товарообменных операций[1].

Как правило, ассортимент и качество товаров, предлагавшихся потребкооперацией в обмен на зерно, не соответствовали крестьянским нуждам. Непосредственные товарообменные операции сопровождались волокитой. Для того, чтобы сдать зерно и получить за него товар, крестьянин должен был обойти не менее четырех контор. Нередко подобное «удовольствие» растягивалось на целый день. Не удовлетворяли сельских жителей и обменные эквиваленты, которые для сельскохозяйственной продукции были занижены, а для промтоваров – завышены.

Главная задача государства состояла в недопущении резких колебаний закупочных цен на хлебном рынке. Для этого необходимо было согласовывать сроки взимания сельскохозяйственного налога и страховых платежей, своевременно и равномерно финансировать хлебозаготовки.

В 1924 г. была реорганизована структура государственного управления хлебным рынком. Общее руководство государственными хлебозаготовками отныне возлагалось на Наркомторг СССР и созданное в его составе хлебофуражное управление. В качестве органа, координировавшего централизованный хлебозакуп, при Наркомторге был создан Хлебный комитет.

Хлебозаготовки проходили с переменным успехом. В связи с низкими заготовительными ценами крестьяне сдавали хлеб неохотно. Именно поэтому с 1926 г. существенно усилилась централизация и монополизация хлебного рынка со стороны государства. Государственные и окончательно потерявшие свою самостоятельность кооперативные заготовители фактически были объединены в единую организацию, имевшую характер монополии, где каждая организация превращалась в специализированный отдел, занимавшийся своими специфическими операциями. Кроме того, в декабре 1925 г. было разгромлено первое советское ЦСУ, с этого момента статистика была грубо подчинена политике и вынуждена предоставлять угодные власти сведения. Начиная с 1926 г. органы статистики обязаны были представлять сведения о «невидимых хлебных запасах» у крестьян, которые почти удваивали запасы хлеба в крестьянских закромах, и рассчитывать наличие т.н. излишков в крестьянских хозяйствах. В Тамбовской губернии в 1925/26 хозяйственном году излишки, по данным губстатбюро, составили 19,7% от валового сбора всех культур в пересчете на зерно (соответственно 101796000 и 20098000 пудов), в 1926/27 г. – 18,0% (94948000 и 17174000 пудов), в 1927/28 г. – 32,9% (141668000 и 46638000 пудов). По данным хлебофуражного баланса на 1 октября 1927 г. в наличии у крестьян Тамбовской губернии находилось 42272245 пудов натуральных хлебных запасов, а по данным бюджетных записей губернского статбюро на 1 ноября 1927 г. в деревне насчитывалось 12239716 руб. денежных средств[2]. Соответственно резко возрастали и планы хлебозаготовок: в 1925/26 г. план составил 14,7 млн пудов (выполнено 14,3 млн); в 1926/27 г. – первоначально 21,5 млн, затем снижен до 17,9 млн пуда (выполнено ок. 14 млн); в 1927/28 г. – 37,5 млн (на начало января 1928 г. выполнено ок. 15 млн пудов)[3].

Экономические мероприятия государства середины и второй половины 20-х годов показали, что оно не было озабочено положением деревни: промышленность вздувала цены на свои изделия, сельскохозяйственные продукты крестьяне сдавали по минимальным ценам. «Ножницы» цен оставались постоянным сопровождением экономической политики, постоянно возрастало и налоговое бремя. Все эти экономические причины вызывали всеобщее недовольство крестьянства.

Рост общественной активности и формирование нового политического сознания проявились в распространении идеи создания крестьянского союза как организации представительства и защиты интересов крестьян. Эта идея существовала и ранее, но особое распространение получила в конце 20-х гг. В ноябре 1927 г. Н. И. Бухарин отмечал: «...Мы имеем весьма острую постановку вопроса о крестьянском союзе»[4].

В губерниях Центрального Черноземья это выразилось в следующих фактах. В апреле 1927 г. в Корельском сельсовете Моршанского уезда Тамбовской губернии крестьянин говорил: «...Нам нужно организовать крестьянский союз наподобие комбеда, который заботился бы об урегулировании цен на промтовары и на крестьянские товары, на извозную

плату и т.п.»[5]. Аналогичные высказывания были и на Острогожской волостной беспартийной конференции Воронежской губернии[6]. Вместе с тем, существовавшие сельские организации доверия у крестьян не вызывали. В слободе Рождественская Острогожского уезда в ноябре 1927 г. крестьяне-бедняки говорили: «Нам селькомы не нужны. Они существуют четыре года, а пользы никакой, имеют землю, засевают ее, а ни хлеба, ни денег нет»[7]. В Россошанской волости Воронежской губернии на собрании середняки при поддержке зажиточных настояли на том, чтобы ликвидировать общество крестьянской взаимопомощи (ККОВ), считая его излишней организацией. В Тамбовской губернии крестьяне говорило: «Наши организации – кредитное общество, крестком – за просроченную ссуду ведут со двора последнюю овцу. Дайте нам союз, ваши фабрики, наша – земля»[8]. В целом по Воронежской губернии в ноябре 1927 г. отмечалась пассивность избирателей при перевыборах ККОВ.

В сводках ОГПУ летом – зимой 1927 г. агитация и выступления за создание крестьянского союза отмечались во всех черноземных губерниях. Естественно, что среди требований создания крестьянского союза были и направленные на создание крестьянской партии, не обязательно враждебной, но в любом случае противостоящей ВКП(б). Оснований для перевода агитации за крестьянский союз в разряд антисоветской не было, однако с осени 1927 г. она воспринималась властями только как антисоветская и кулацкая.

Любая социально – политическая инициатива крестьян, исходившая не из официальных партийных инстанций, воспринималась как покушение на существовавшую систему управления. Один из участников пленума обкома ВКП(б) ЦЧО (октябрь 1928 г.) заявил, что независимые социальные действия крестьянства и кооперативных органов, а так же некоторых других низовых подразделений общественных организаций создают препятствия проведению в жизнь классовой линии[9].

Особенно настороженно руководство страны и регионов относилось к попыткам крестьян организовать т.н. «крестьянские союзы». В понимании селян «крестьянские союзы» (кружки, товарищества, группы) представляли собой форму и способ социально – экономической и политической самоорганизации, восходившие к традициям коллективной защиты своих интересов. Путем добровольного объединения в крестьянские союзы крестьяне надеялись получить то, чего не могли им дать власти: страхование имущества, орудий труда и рабочего скота; кредитование единоличных хозяйств вне зависимости от уровня их экономического благополучия на льготных условиях, реальное проведение в жизнь политики паритетов цен на промышленную и сельскохозяйственную продукцию. Следует подчеркнуть, что к созданию подобных организаций взаимопомощи крестьян подталкивала сама жизнь, поскольку власти не могли удовлетворить потребностей крестьян.

Большинство реально существовавших «крестьянских союзов» в Черноземье не претендовало на политическое самовыражение и не вы-

двигало требований по вопросам власти[10]. Тем не менее, руководство страны и регионов весьма болезненно воспринимало факты возникновения независимых крестьянских организаций, причем, чем большую силу набирал советский однопартийный режим, тем резче он реагировал на деятельность неконтролировавшихся им организаций.

Большую тревогу в Воронежском губкоме ВКП(б) и губернском отделе ОГПУ в начале 1928 г. вызвали сведения о существовании в селах Малышево и Шилово – Трушкино Чижовской волости Воронежского уезда трех кружков крестьянской взаимопомощи и страхования. Они были созданы без ведома властей в течение 1921-1924 гг. В общей сложности в кружках состояло более 300 крестьян. Эти объединения взаимопомощи являлись способом самоорганизации грамотных крестьян, в основном среднезажиточных, для решения наболевших вопросов деревенской хозяйственной жизни. Отчаявшись дождаться помощи от комитетов крестьянской общественной взаимопомощи (ККОВ), жители сел Малышево и Шилово – Трушкино, путем сбора членских взносов стали страховать себя сами от возможных случаев гибели или кражи рабочего скота. В течение длительного времени независимые группы крестьянской взаимопомощи успешно выполняли свои функции по страхованию и завоевывали все большее доверие крестьян[11]. Эти сельские страховые общества и являлись «крестьянскими союзами».

Инициатива жителей двух сел Чижовской волости встревожила руководство Воронежской губернии. Все проявления социальной активности крестьян стали предметом внимательного изучения со стороны оперативных работников губотдела ОГПУ. В соответствии с распоряжением партийного руководства чекисты вели сбор информации о политических настроениях членов страховых кружков, изучали деятельность самих «крестьянских союзов»[12]. Особое место в усилиях оперуполномоченных ОГПУ занимали поиски в селах Малышево и Шилово возможных проявлений эсеровского влияния на крестьянство. Партийные власти считали, что местные объединения крестьянской взаимопомощи возникли не по инициативе самих крестьян, а в следствие деятельности глубоко законспирированной эсеровской группы[13]. Сотрудники ОГПУ даже пытались представить дело так, будто во главе одного из союзов стоял нелегальный комитет антисоветской направленности, что в дальнейшем не подтвердилось[14]. В деле о трех крестьянских организациях Воронежского уезда губернскую партийную власть заинтересовало и удивило то обстоятельство, что во главе их стояли уважаемые в сельской среде люди, среди которых «не было и нет ни одного члена партии»[15]. Как видим, в глазах чиновников Воронежского губкома ВКП(б) партия представлялась абсолютно непогрешимой инстанцией, без ведома и разрешения которой не могло произойти ни одно общественно-значимое событие. Исходя из подобной логики рассуждений, работники партаппарата могли оценить деятельность крестьян – «союзников» из Чижовской волости только как противоречащую установленному политическому порядку.

Вернемся к хлебозаготовкам. Напряжение с ними стало нарастать с осени 1927 г. Власти надеялись, что крестьяне повезут хлеб сами, но этого не произошло. Даже крестьяне – коммунисты, советский и кооперативный аппарат не продавали своих излишков, несмотря на специальное постановление о сдаче хлеба коммунистами в первую очередь. Более того, совхозы и колхозы вывезли не весь свой товарный хлеб, отмечались случаи его продажи частникам. Не были в полном объеме взысканы сельхозналог, страховые сборы, семссуды и срочные платежи по кредитам. Местные власти активизировались лишь после жестких указаний из Центра, хотя сторонников нажимных методов работы с крестьянством было немало: в октябре и ноябре 1927 г. Тамбовские губком и губисполком неоднократно обращались в Москву с представлениями, доказывая необходимость применения чрезвычайных мер при проведении хлебозаготовок[16]. 2, 14, 24 декабря 1927 г. последовали директивы ЦК ВКП(б) с требованием добиться решительного перелома в ходе хлебозаготовок. Для этого на места выехали руководители страны.

Во время работы XV съезда ВКП(б) председатель Совнаркома А. И. Рыков провел совещание местных партийных и советских руководителей по хлебозаготовкам. Предлагались разные пути выхода из критического положения, в том числе и прямой нажим на держателей хлеба. Но в итоге обсуждения был принят следующий вариант: развернуть широкую хлебозаготовительную кампанию, усилить завоз промтоваров в деревню[17]. Однако позиции сторонников «чрезвычайщины» были сильны. Под их влиянием 20 декабря 1927 г. было принято постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О предоставлении сельским Советам права производства обыска и выемок», которое допускало методы административного нажима на крестьянство[18].

27 декабря в Тамбове с участием А. И. Микояна состоялось заседание бюро Тамбовского губкома с единственным вопросом – ход хлебозаготовок. Выяснялся вопрос: почему крестьянин не везет хлеб? В итоге обсуждения бюро пришло к выводу, что главными причинами были следующие: угроза войны и желание в связи с этим приберечь хлеб, «плановый неурожай» и создание страхового фонда, ценовая политика на зерновые культуры. Так, в начале хлебозаготовок в августе 1927 г. пуд хлеба стоил 81 коп., в первой половине сентября цена упала до 73 коп., а в ноябре выросла до 74,5 коп. за пуд. Частники же производили закупки в губернии на 50-60% выше государственных и кооперативных заготовительных цен. Для текущих расходов крестьяне предпочитали продавать не хлеб, а мелкий скот и птицу (стоимость курицы равнялась стоимости двух пудов хлеба, одного гуся – трех пудов хлеба, пуда свинины – десяти пудов хлеба)[19].

Анализ причин слабого хода хлебозаготовок бюро Тамбовского губкома сделало в целом объективно. При этом о злонамеренных действиях кулаков речи не велось. К тому же план заготовок для губернии в 36 млн. пудов был невыполним. Действия крестьян были нормальной реакцией

товаропроизводителя на экономическую конъюнктуру и осложнение политической обстановки.

6 января 1928 г. в губком поступила телеграмма, подписанная Сталиным, с требованием добиться поступления добиться перелома в хлебозаготовках. Ее основное содержание сводилось к следующему: добиться поступления хлеба любой ценой, установить для этого максимально ускоренные сроки всех платежей по налогам, развернуть кампанию по распределению крестьянского займа и сбору кооперативных паев, срочно установить дополнительные местные сборы на основе законов о самообложении. При взыскании недоимок предлагалось применять «жестокие кары», устанавливалась персональная ответственность руководителей за выполнение заданий по хлебозаготовкам[20].

Ситуация в Центральном Черноземье во время хлебозаготовок отличалась от положения в других хлебопроизводящих регионах тем, что близость Центра заставляла местные власти неукоснительно выполнять распоряжения вышестоящих инстанций.

Поскольку черноземное крестьянство отказывалось добровольно сдавать хлеб, то власти на местах часто прибегали к «услугам» правоохранительных органов. Появление милиционеров в селе сразу же обеспечивало успешное проведение заготовок[21]. Подобные действия отнюдь не являлись произволом местных властей они были санкционированы сверху ЦК ВКП(б). Так, в секретной телеграмме ЦК Воронежскому губкому от 13 января 1928 г. от первого секретаря И. Г. Бирна требовалось «... отбросить неправильную мысль о том, что нельзя трогать кулака, дабы не отпугнуть середняка, привлекать к ответственности и арестовывать спекулянтов, скупщиков, кулаков, взвинчивающих цены, дезорганизующих рынок и вредящих Соввласти, ибо такие меры облегчают откол середняка от кулачества и изоляцию кулака на рынке»[22]. Более того, решение заготовительной проблемы путем чрезвычайных мер поощрялось лично И. В. Сталиным. В секретной телеграмме И. Г. Бирну 8 января 1928 г. он, в частности, требовал: «При взыскании недоимок ... применять немедленно жесткие кары, в первую очередь – в отношении кулачества. Особые репрессивные меры необходимы в отношении кулаков и спекулянтов ...»[23]. Поэтому неудивительно, что получив подобные указания из самых высоких структур, парткомы Черноземья требовали того же от своих местных подразделений: «Вопрос о нажиме на кулака имеет решающее значение ...» – из секретной телеграммы И. Г. Бирна секретарю Валуйского укома ВКП(б) от 12 февраля 1928 г.[24]

9 января 1928 г. Тамбовский губком ВКП(б) направил в волости и уезды директиву об усилении хлебозаготовок. Секретарям волкомов и уполномоченным предлагалось «решительно приступить с активным нажимом к взысканию с крестьянства всех платежей», «невыполнение данной директивы к 15 января, - отмечалось далее, - будет рассматриваться как ваша нераспорядительность и вы будете привлечены к партийной ответственности»[25].

14 января поступила директива теперь по поводу размещения в деревне «займа укрепления крестьянского хозяйства». Ее основной лозунг – каждый крестьянин должен купить облигацию. В директиве подчеркивалось, что за первые пять дней января в губернии заготовлено всего 203 тыс. пуда зерна при месячном плане в 5 млн.300 тыс. пудов, кампания по страховым платежам должна была закончиться к 1января 1928 г., однако поступило всего лишь 47% платежей. В качестве мер воздействия на крестьян предлагалось широко использовать репрессии[26].

26 января 1928 г. в Тамбове была получена шифровка Наркома юстиции РСФСР Н. Янсона, который требовал еще более «срочных и решительных мер в деле проведения кампании»[27]. По получении документа из Наркомата юстиции губком ВКП(б) совместно с губернской прокуратурой и судом 28 января направил директиву прокурорам, судьям и следователям «о самом решительном нажиме в отношении лиц, срывающих успешное проведение кампании»; срок производства по делам сокращался до 3-х дней с момента начала дела по момент вынесения приговора; в отношении лиц, привлеченных по 107 статье УК РСФСР[28], как правило, в качестве дополнительной меры наказания предлагалось применять полную или частичную конфискацию имущества[29].

Местные органы нацеливались на применение чрезвычайных мер. Все чаще повторялся тезис о возросшем сопротивлении кулака, о том, что основная масса хлеба сосредоточена у него, что он – настоящий хлебный хозяин деревни. «Нажать на кулака, - призывал председатель Тамбовского губисполкома Г. Прядченко, - нажать так, чтобы три поколения помнили, как Советская власть расправляется с тем, кто, обогатившись в наших условиях, отвернулся в момент трудностей для Советской власти»[30].

Главными методами выполнения хлебозаготовок становились обход дворов, обыски, поголовный учет и опись всего имущества. При этом совершенно не учитывалось, что ряд хозяйств уже выполнил задание. Выставлялись заградительные отряды. Хлеб конфисковывался, в хозяйстве оставалось по 2-3 пуда хлеба на едока[31]. Поспешность и жестокость хлебозаготовительной кампании вносила сумятицу и неразбериху. В своем письме в ЦК ВКП(б) тамбовский крестьянин Т. А. Белавин писал, что районный уполномоченный вечером объявил о сборе самообложения к 6-ти утра следующего дня. Село трясли всю ночь. Милиция собирала хлеб, распространяла (заставляла выкупать) облигации займа, взыскивала налоги и штрафы. Обстановка в селе тревожная, близкая к панике, начинается раскулачивание. Крестьянин выплатил уже сельхозналог, страховку, семенную ссуду, долгосрочную ссуду, задолженность кредитному обществу, самообложение. В результате многие крестьяне остались буквально ни с чем, особенно пострадали бедняки. В кредитном обществе запутаны все дела: кто внес деньги, того передали суду, растет недовольство[32].

Несмотря на принятие жестких мер, план января в Тамбовской губернии выполнен не был. За первые 15 дней было собрано всего 15% от

плана. Крестьянство явно ждало весны, видов на урожай, надеясь на повышение хлебных цен. Начавшиеся же репрессии вызывали у крестьян недоумение и тревогу. Пошли разговоры о войне, реквизициях, продразверстке, падении червонца. Крестьяне стали прятать хлеб, боясь повторения времен военного коммунизма. План на февраль для Тамбовской губернии составлял с учетом несобранного в предыдущие месяцы уже 8 млн. пудов, выполнить который было практически невозможно. К 15 февраля удалось собрать по всей губернии лишь 3 млн. пудов. Тогда же, 13 февраля 1928 г. политбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление о широком применении ст. 107 УК РСФСР «в целях ускорения проведения хлебозаготовок». Привлекаться должны были те лица, которые имели 2-3 тыс. пудов хлеба и не вывозили его. Это решение политбюро во многих местах было не выполнимо, поскольку крестьян, имевших такое количество хлеба практически не было. Но тем не менее постановление должно было выполняться. «Потолок» применения статьи стали снижать, в Тамбовской губернии он был снижен до 500 пудов, на практике же судили тех, кто имел 200-300 пудов[33].

В деревню направляли уполномоченных. В январе 1928 г. в Тамбовской губернии работало 1262 уполномоченных, в феврале – 1569, в марте – 1409[34]. В январе районным и уездным судам было предоставлено право решать дела по обвинению должностных лиц в нарушении правил о хлебозаготоках[35].На практике это вылилось в привлечении к судебной ответственности лиц, не обеспечивших высокие темпы хлебозаготовок. Различного рода наказаниям было подвергнуто 1837 работников, в том числе 320 человек – отданы под суд за слабую работу по хлебозаготовкам[36]. Были случаи придания суду председателя сельскохозяйственного кредитного товарищества за непредставленные в срок уполномоченному уездного исполкома сводки о ходе хлебозаготовок или же председателя сельсовета за недовыполнение к сроку на 7,9% сельскохозяйственного налога на территории совета[37]. Уполномоченный губсуда по Борисоглебскому уезду Гладышев, отказавшийся вершить направедный суд, был отстранен от работы за «неулавливание общей линии … неумение претворить в жизнь директивы Центра»[38].

Большинство дел по 107-й статье фабриковалось с грубейшими нарушениями правовых норм по прямому указанию партийных и советских органов. Например, Борисоглебский уком 13 февраля 1928 г. в телеграмме всем волкомам, волисполкомам и уполномоченным уисполкома требовал: «Выберите в первую очередь в больших и хлебных селах кулаков, имеющих большие хлебные излишки, арестуйте их и привлеките в суточный срок к судебной ответственности по 107 статье, подберите народных заседателей из бедноты, обеспечьте проведение через суд конфискацию хлебных излишков и другого имущества»[39]. Сплошь и рядом под 107 статью попадали и беднота и середняки. Дело в том, что во второй половине 1920-х гг. социально-экономические критерии отнесения к зажиточному крестьянству были отброшены, был поставлен знак равенства

между предприимчивостью и мошенничеством. Размытость официальных признаков социально-экономической градации хозяйств давала возможность отнесения к кулацкому практически любого крестьянского двора, так или иначе втянутого в рыночные отношения. Поэтому многие уполномоченные слишком широко толковали само понятие «кулак»[40]. Так, один утверждал, что раз беднота имеет землю, то должна вывозить хлеб на равных[41]. На судей оказывалось сильное давление: «Пом. прокурора вызывал к себе с делами судей и требовал доклада, указывая кого и как судить, а также на описи имущества делал пометки, что именно конфисковывать»; «Не я собой руководил – приговоры выносил волком». «На делах делали пометки: «с» и «б», что значит: «с» – стричь, а «б» – брить – с применением конфискаций»; «Уполномоченный тов. Федюк говорил, вот тебе кулак и суди, не рассуждая»[42]. Это лишь немногие свидетельства судей. Дела по 107 статье рассматривались, как правило, в течение суток.

Всего в Тамбовской губернии в феврале – марте 1928 г. по 107 статье было привлечено 1045 человек, 928 из которых было осуждено. У них конфисковано около 130 тыс. пудов хлеба, наложено штрафов на сумму 127 тыс. руб. Как общее явление следует подчеркнуть широкую конфискацию имущества и скота. По некоторым делам хлеб вообще не был конфискован ввиду его отсутствия и, следовательно, люди были осуждены с конфискацией имущества и с наложением штрафа лишь на основании непроверенных данных: якобы осенью 1927 г. они покупали и продавали хлеб[43].

Большинство этих дел пересматривались специальной комиссией губкома и губсуда: к началу апреля было пересмотрено 384 дела, из которых только по 16-ти делам приговор был оставлен без изменений, по всем другим срок заключения либо отменялся вовсе (55%), либо значительно сокращался, но конфискация оставалась в силе[44]. Во время проверки во многих делах были обнаружены записки уполномоченных о том, чтобы создать дело даже при отсутствия доказательств хранения хлеба; также обнаружилось, что волостные органы заранее определяли приговор[45].

Одновременно с хлебозаготовками были широко развернуты мероприятия по изъятию денег у крестьянства: кампания по самообложению; сбор недоимок по ссудам и налогам; сбор вступительных взносов а кооперацию; «зверская работа», по словам председателя губисполкома, по борьбе с самогоноварением; распространение крестьянского займа, к которому привлекались даже служители культа. Все это проводилось в сжатые сроки и с большим административным нажимом. Кроме того, 5 января 1928 г. президиум губисполкома дал секретную директиву всем потребительским обществам губернии о том, «чтобы они немедленно развернули торговлю хлебным вином по своим первичным организациям[46]. В Тамбовскую губернию были направлены дефицитные промышленные товары, но в незначительном количестве. К тому же из-за несо-

гласованности торгующих организаций нередки были случаи принять товары, или товары направлялись в те районы, где уже прошли мероприятия по изъятию средств у населения.

К лету 1928 г. у подавляющей части крестьянских хозяйств были изъяты т.н. «излишки свободных денег».

Апрельский (1928 г.) пленум ЦК ВКП(б), обсудивший положение с хлебозаготовками, «самым категорическим образом» заявил, что «такого рода извращения партийной линии (т.е. «чрезвычайщина») не имеет ничего общего ни с партийным курсом вообще, ни с теми экстраординарными мероприятиями, которые ЦК проводил в жизнь в связи с особыми трудностями, обнаружившимися во время текущей хлебозаготовительной кампании»[47]. Однако на местах от чрезвычайных мер отказываться не собирались. Они были по-прежнему в ходу и в мае, и в июне. Июльский (1928 г.) пленум ЦК ВКП(б) объяснил это тем, что неурожай хлебов в одних районах и перерасход в снабжении хлебом в других вынудили соответствующие организации усилить заготовки в хлебных районах и задеть страховые запасы крестьянства. Недовольство крестьян выразилось «в выступлениях протеста против административного произвола в ряде районов». Пленум ЦК постановил провести мероприятия, исключающие применение каких бы то ни было чрезвычайных мер. К их числу были отнесены: немедленная ликвидация практики обхода дворов, незаконных обысков, немедленная ликвидация всех и всяких рецидивов продразверстки, известное повышение цен на хлеб с варьированием по району[48].

Политическая атмосфера в деревне в связи с «чрезвычайщиной» резко обострилась. Широко распространилось мнение о том, что меняется политика, вновь вводится продразверстка, что вслед за хлебом последует конфискация скота и инвентаря: «скоро будет война, скоро будет голод и поэтому выколачивают хлеб», «1919 год вернулся», «правительство хочет откупиться от войны хлебом»[49]. В связи с распространившимися слухами о предстоящей реквизиции скота во многих местах его стали резать, особенно мелкий[50].

Вывод апрельского (1928 г.) объединенного пленума ЦК ЦКК ВКП(б) о повышении авторитета советской власти среди основных масс крестьянства[51] не соответствовал действительности. Анализ сообщений из уездов показал, что доверие крестьян, особенно середняков, к советской власти пошатнулось: «Вы что хотите, то и делаете»; «Вот вам и порядочки». Один крестьянин на суде заявил: «Советская власть не приостановиться даже перед отобранием всего хлеба, ибо ей не привыкать разорять крестьян». Были и такие настроения: «Что же теперь, по примеру 19-го и 20-го года, на коней садиться?»; «Пропала лучшая часть крестьянства, пропадет и СССР»; «Если политика не перемениться, то я ответственно заявляю, что будет бунт»; «Советские законы как грибы растут и каждый час меняются: нынче взяли с нас, а завтра возьмут с вас»[52]. «Чрезвычайщина» усилила социальную напряженность в деревне. Хотя

значительное распространение на селе , особенно среди бедноты, имело стремление к уравниловке, медленно, но неуклонно рос авторитет хозяйственного, экономически сильного крестьянина. «Не обойтись без экономически сильного мужика, - рассуждали крестьяне, - окрепнет мужик – окрепнет и государство, если же будет бедствовать мужик – будет бедствовать и государство»[53]. Когда же во время хлебозаготовок в погоне за выполнением плана любой ценой были основательно задеты страховые запасы не только зажиточных, но и бедноты, это вызвало резкий протест вместе с недоумением (лозунг развития хозяйства сохранялся): «Советская власть вместо поднятия сельского хозяйства разоряет его, берет последние фунты хлеба»[54].

Анализ документов показывает, что чрезвычайные меры внесли разлад в крестьянское хозяйство, посеяли неуверенность в будущем. Крестьянин Козловского округа говорил: «Недовольство не в том, что мешают продавать хлеб на рынке, а в том, что вносится в крестьянский бюджет анархия. Мы уже научились подсчитывать свой бюджет, еще не снимая хлеба …»[55]. Весьма характерны и такие высказывания: «Бедняки государству ничего не дают и их освобождают, а мы даем налоги и с нас еще дерут», «зачем нас выделяют, мы больше всех работаем»[56].

Настроения зажиточных хозяев, середняков характеризовали следующие высказывания: «Теперь будя землю арендовать», «Такая политика заставит крестьян бросить землепашество, и летом много будет незапаханной земли», «Я не буду сеять хлеб, продам скот, буду бедняком и пусть правительство мне будет помогать»[57].

Прямым следствием «чрезвычайщины» была ликвидация рынка и частной торговли. В течение января – февраля 1928 г. на рынке было конфисковано 12 млн. пудов хлеба[58]. После кампании по изъятию хлеба крестьяне совершенно перестали везти его на рынок. В результате уже с конца января начались перебои в снабжении городов мукой и печеным хлебом. Свободная торговля хлебом на рынке отсутствовала, хлебный рынок е весне 1928 г. был полностью дезорганизован[59]. Серьезный удар был нанесен по частной торговле. Только в феврале у 263 человек были изъяты патенты на частную торговлю; от 2-х тысяч патентов торговцы отказались сами, не видя перспектив для дальнейшей работы. Участились случаи необоснованного изъятия товаров у частника и передачи их кооперации или государственной торговле[60]. Частник в торговле либо ушел в подполье, либо вообще отказался от этого рода деятельности. Задача взыскать налоги с частника оказалась невыполнимой: реальный плательщик налога был полностью разоренным.

Летом 1928 г. произошли серьезные изменения в способах управления сельскими территориями. Это явилось следствием образования Центрально – Черноземной области и проведенной жесткой централизацией партийных структур. Принципиально новыми управленческими образованиями для ЦЧО стали окружные комитеты ВКП(б) – окружкомы. Именно на них возлагалось непосредственное управление сельскими

территориями. Центр предлагал добиться бездефицитности округов ЦЧО, для чего предоставить им известную хозяйственную самостоятельность. Кроме того, предполагалось «укрепить окружкомы проверенными кадрами»[61]. К тому же руководство обкома ВКП(б) осенью 1928 г. намеревалось существенно расширить свою социальную опору в деревне за счет значительного увеличения числа сельячеек и групп бедноты. На мероприятия по созданию новых точек поддержки и опоры власти выделяли значительные средства: речь шла о миллионных суммах[62]. После проведения смотра групп бедноты в ноябре-декабре 1928 г. их число (в десяти округах ЦЧО) увеличилось с 1054 до 2626, т.е. рост почти в 2,5 раза[63]. По мнению властей эти группы позволили бы существенно изменить общественно – политическую обстановку на селе, расклад социальных сил. Однако особой активности со стороны этих групп не наблюдалось в течение всего 1929 г.

Усилению коммунистического влияния в деревне способствовали еще два важных обстоятельства: чистка рядов ВКП(б) и разгром правой оппозиции. «Самоочищение» рядов партии и «выдвижение» рядовых коммунистов на руководящие посты являлись составными частями единого процесса, в котором места изгнанных по разным причинам из партии занимали лица, сумевшие вступить в ВКП(б) в силу своего социального происхождения представители пролетариата и, гораздо реже, беднейшего крестьянства. Постоянное обновление состава партийных организаций активно поддерживалось И. В. Сталиным, поскольку манипулировать малограмотными и неискушенными в политике партийными новобранцами было гораздо проще.

Разгром же т.н. правого уклона в партии и поддержка сталинского руководства в селе казались парадоксальными: ведь именно правые ратовали за то, чтобы сохранить в ближайшей перспективе паритетные отношения властей и единоличных хозяйств на принципах нэпа, против поспешных и непродуманных аграрных реформ и т.д. Однако дело было в том, что в русской общине по традиции все вопросы решались единодушным выражением одобрения или несогласия. Людей, публично выступавших против коллективного мнения схода, община просто отторгала, сплачивая при этом свои ряды еще больше[64]. Следовательно, российский крестьянин просто не мог себе представить принципы оппозиционной деятельности, цивилизованного взаимодействия в политических процессах «меньшинства» и «большинства», а потому подозрительно относился к любым проявлениям разномыслия внутри правившей партии. Сельские жители Черноземья в период с октября 1928 по ноябрь 1929 г. весьма активно участвовали в инспирированной властями кампании осуждения правой оппозиции, которая проводилась в виде массовых акций: собраний и демонстраций. Причем, крестьяне охотно порицали оппозиционеров, не вникая в суть разногласий[65]. Следовательно, парадоксальное смыкание ментальности деревенских жителей и большей части высших партийных чиновников, проявившееся в неприятии инакомыс-

лия и политической оппозиционности, объективно способствовало дальнейшему складыванию режима личной власти Сталина.

Чистка партии и борьба с оппозиционными течениями в ней продемонстрировали изменения в социально – политической обстановке. В конце 20-х гг. в ВКП(б) усилиями ее руководства и аппарата была создана такая обстановка, когда под страхом широко практиковавшихся репрессивных действий многие члены партии шли на сделку со своей совестью – скрывали убеждения и «погрешности» в социальном происхождении. Коммунистам насильственными способами навязывалось партийное единство.

Помимо всего сказанного были расширены компетенции партийных комитетов и обновлено руководство. Сравнительный анализ документов делопроизводства обкома ВКП(б) ЦЧО за 1928-1929 гг. и губкомов Черноземья за 1926-1928 гг. позволяет увидеть существенные различия между ними. Подавляющая часть документов обкома написана четко, сжато и энергично. Их отличительными чертами являлись последовательность и логичность изложения, четкое осознание задач, поставленных вышестоящими инстанциями. Делопроизводственную практику губкомов же отличали ярко выраженное дублирование команд, исходивших из центральных партийных органов, которое во второй половине 1927 г. переросло в чистое исполнительство. Очевидно, что работники аппарата обкома ЦЧО в отличии от своих губкомовских предшественников были четко ориентированы на неукоснительное выполнение решений генеральной линии партии.

Важную роль в повышении эффективности работы партийного аппарата сыграли личные качества первого секретаря обкома ВКП(б) ЦЧО И. М. Варейкиса, которому за короткий промежуток времени удалось скорректировать деятельность и традиции партийных чиновников Черноземья, заставить их работать более гибко и изобретательно. Переписка И. М. Варейкиса с выше – и нижестоящими организациями ВКП(б) (окружкомами и райкомами) была информационно насыщена, выдержана в традициях безусловного подчинения и неукоснительного исполнения распоряжений руководителей обкома партии[66].

Документы, подписанные руководителем обкома, изобиловали глаголами повелительного наклонения: усилить (работу …), активизировать (усилия), сосредоточиться (на главном вопросе), бросить (все силы), мобилизовать (активистов) и т.д. Анализ текстов за период с августа 1928 по декабрь 1929 г., автором которых был Варейкис, показал, что глаголы в повелительном наклонении встречались в 4,8 раза чаще, чем в аналогичных материалах, автором которых являлся второй секретарь обкома И. Г. Бирн. Можно говорить о том, что личные качества первого секретаря обкома ВКП(б) ЦЧО стали важным мобилизующим фактором в деле реорганизации работы местных партийных комитетов. Большую роль в практической деятельности И. М. Варейкиса на посту руководителя Черноземья сыграл также его политический и административный опыт.

К концу 20-х гг. городские коммунисты опирались на сеть местных партийных подразделений в сельской местности – райкомы и сельские ячейки; численность партийной организации ЦЧО росла и по состоянию на 1 июня 1930 г. составила 60,9 тыс. чел[67]. (членов и кандидатов ВКП(б). Важным обстоятельством, способствовавшим укреплению контроля компартии над сельскими районами ЦЧО стало частичное решение в 1928-1929 гг. коммуникативной проблемы. Власти в течение 1,5 лет добились установления устойчивой телефонной и телеграфной связи со всеми окружными и большинством районных центров области. Данное обстоятельство во многом предопределило рост в Центральном Черноземье политического влияния компартии, поскольку власти получили возможность монопольного сбора и использования социально – политической информации с мест.

Помимо легальных способов сбора и систематизации информации с помощью партийно-советского аппарата (анализ писем, жалоб и т.п.) власти получали важные социально-политические сведения от правоохранительных органов. Руководители ЦЧО были прекрасно осведомлены о настроениях крестьянских масс, их отношении к деятельности партийных организаций в сельской местности. Наиболее активно собирал такие данные информационный отдел представительства ОГПУ по ЦЧО, а также подразделения внутренних дел: уголовный розыск и милиция[68].

Объединение партийных организаций ЦЧО в 1928 г. под единым руководством способствовало резкой интенсификации работы с группами бедноты и батрачества в направлении их дальнейшей консолидации вокруг сельских организаций ВКП(б). Работа по сплочению социальных аутсайдеров черноземного села, как и большинство официальных мероприятий тех лет, не была систематической, носила «кампанейский» характер, прерывалась более важными, по мнению властей, общественно – политическими акциями: организацией очередного весеннего сева под государственным контролем, насильственными продуктозаготовками, всевозможными месячниками (оборонно-массовой работы, бедноты и батрачек и т.д.). Тем не менее, к концу 1929 г. прогресс в деле сплочения деревенских аутсайдеров стал очевидным. Более того, сельскими низами были усвоены и приняты как свои многие идеологические установки, пропагандировавшиеся властями. С помощью постоянного тиражирования пропагандистских лозунгов коммунисты настойчиво внушали неимущим жителям деревни мысль о неустанной заботе и попечительстве над ними со стороны советского государства. Поэтому типичными представляются высказывания бедняка Сысоевского (Аннинский район): «Пусть все мы будем работать на государство, а нам дают норму хлеба, кормят нас» и неизвестного обнищавшего крестьянина (Воронежский район), говорившего на сельском сходе: «Все, что я имею, принадлежит государству, и я принадлежу государству»[69]. Эти высказывания хорошо иллюстрируют настроения определенной части бедноты в конце 20-х гг., желавшей исполнять государственные повинности и получать за это га-

рантированный паек, норму. Как видим, часть неимущих крестьян поддерживала стремление властей к огосударствлению аграрного сектора в силу патерналистских традиций. Легкость усвоения определенной частью крестьянства наиболее общих установок коммунистической идеологии можно объяснить совпадением последних с базовыми положениями русского крестьянского менталитета. Коммунисты и крестьяне думали, чувствовали, поступали несколько иначе, чем значительное число городских жителей, в той или иной степени подвергшихся урбанизации. Крестьян и партийцев роднило и общее негативное отношение к частной собственности на землю. Именно поэтому в конце 20-х гг. не только беднота, но и представители других социальных групп сельского сообщества поддержали усилия властей по искоренению хуторов, отрубов, а также в целом единоличного способа ведения сельского хозяйства в аграрном секторе.

Весной 1929 г. руководству ЦЧО удалось добиться большого прогресса в деле насильственного сбора зерновых ресурсов. Для выполнения хлебозаготовительного плана был мобилизован практически весь партийно – хозяйственный актив области: около 6 тыс. областных и 1070 окружных работников партийно – советских органов; кроме того, решением ЦК ВКП(б) от 29 июля 1929 г. все «молодые партийные кадры» были направлены в деревню на хлебозаготовки[70].

В период с 1 июля 1929 г. по 31 января 1930 г. при плане хлебозаготовок по ЦЧО в 1738203 т. реально было заготовлено 1748376 т., т.е. годовой хлебозаготовительный план 1929 г был выполнен на 100,7 %, а по сбору зерновых культур – на 107 %[71]. План предыдущих хлебозаготовок 1927/28 г. в губерниях Черноземного Центра выполнен не был: за три первых квартала удалось выполнить 74-75% задания, а оставшийся хлеб собрать в течение четвертого квартала не смогли[72]. Ценой невероятных мобилизационных усилий всех властных структур хлебозаготовки 1929 г. оказались более удачными в сравнении с зимой – весной 1928 г.

Важную роль в обеспечении быстрого сбора зерновых сыграл анализ ошибок предыдущих заготовительных кампаний, проведенный руководством обкома Директивы обкома ВКП(б), посвященные хлебозаготовкам, насыщены указаниями и требованиями действовать жестко, активно, решительно. Так, в своем ответе на письмо секретаря Борчановской ячейки ВКП(б) Уразовского района Острогожского округа И. М. Варейкис следующим образом прокомментировал политику партии по проблемам заготовок: «Заготавливаем не только у кулаков, но и у тех середняков, которые имеют хлебные товарные излишки … На кулака надо нажать вплоть до мер государственного принуждения»[73]. В мае – июне 1929 г. обком осуществлял массовое распространение в окружных, районных и сельских партийных организациях информации о решениях XVI конференции ВКП(б) (май 1929 г.), которые предусматривали «наступление на кулаков на основе сплочения бедняцко – середняцкой массы в деревне …»[74]. Выкачивание хлеба из деревни принимало все более гру-

бый и беспощадный характер. В деревне Фокино Дмитриевского района Льговского округа в октябре 1929 г. план хлебозаготовок был принят следующим образом: уполномоченный райисполкома после своего доклада спросил: «Кто за план?» – не было поднято ни одной руки. Уполномоченный, видя это, заявил: «Раз вы против хлебозаготовок, значит вы против Советской власти. Я переголосовываю: кто против Советской власти, поднимите руки». Рук никто не поднял. Тогда уполномоченный заявил: «План принят единогласно», что и записали в протоколе[75].

Применение насилия со стороны властей в отношении крестьян для выполнения государственных распоряжений в полном объеме с начала 1929 г. приняло массовый характер. Данные распоряжения вышестоящих инстанций неукоснительно проводились в жизнь достаточно дисциплинированным большинством партийных работников. Насилие над крестьянством, нараставшее с начала 1928 г. в 1929 г. приняло всеобщий характер, карательные органы, прежде всего ОГПУ, превратились в непосредственного исполнителя государственной политики. Яркое тому подтверждение – информационные сводки органов внутренних дел и чекистов о социально – политической обстановке в сельских районах ЦЧО за 1929 г. В них содержится огромное количество примеров вопиющего пренебрежения нормами морали и действовавшего тогда законодательства[76]. Примером вопиющего попрания всех мыслимых норм являлись действия уполномоченного по хлебозаготовкам Яковлева в с. Новгородовка (округ и район в документе не указаны) ЦЧО в апреле-мае 1929 г., который систематически избивал крестьян, не сдавших хлеб, угрожал им оружием и т. д.[77]

В хлебозаготовительную кампанию 1929 г. к уже известным «нажимным» методам добавились новые: черные доски, на которые заносились имена тех, кто не выполнил задания по хлебозаготовкам; бойкот, который объявлялся сельским сходом. Бойкотируемое хозяйство не могло покупать никаких товаров в лавке. Если в предыдущую кампанию применялась в основном статья 107 УК РСФСР, то в 1929 г. в ход пошла и статья 58 (контрреволюционная агитация), которая применялась против тех, кто осмеливался протестовать против насилия, бесчинства уполномоченных и заготовителей[78]. Крестьянское сопротивление «чрезвычайным» хлебозаготовкам все чаще принимало антисоветский характер. Всего по ЦЧО по данным на 24 октября 1929 г. органами ОГПУ в связи с хлебозаготовками было арестовано 838 человек[79]. Подобные действия вызывали массовый протест со стороны крестьянского населения: недовольство выражалось в поджогах, избиениях активистов, покушениях, убийствах. Чекистами только в октябре 1929 г. было зафиксировано в ЦЧО 21 массовое выступление (из 63 по СССР в целом) на почве хлебозаготовок. Руководящую роль в выступлениях, как подчеркивалось в чекистском обзоре, играли кулаки, духовенство и антисоветские элементы, провоцировавшие толпу на сопротивление власти, избиение и убийство их[80]. Для достижения главной цели – концентрации продовольственных

ресурсов в руках государства – партийно–советские работники готовы были использовать любые способы и средства.

Сопротивление властям проявилось в целом ряде населенных пунктов в форме единого фронта, когда против грубого произвола властей протестовало большинство местных жителей вне зависимости от имущественного положения. Дело доходило до проведения массовых выступлений, физического насилия над хлебозаготовителями и другими представителями властей в селе. Имели место случаи боевых столкновений с милицией и карательными отрядами. Судя по лозунгам, направленность многих сельских «единых фронтов» была антисоветской: «Долой хлебозаготовки!», «Раздать хлеб населению!», «Долой займы индустриализации!», «Освободить арестованных крестьян!» (за сопротивление хлебозаготовкам), «Чтобы у нас был президент», «Долой партию и советскую власть!»[81].

Ярким проявлением консолидации сельских жителей для отстаивания своих интересов стало восстание в Ивнянском районе Белгородского округа ЦЧО 30 октября - 4 ноября 1929 г. В восстании приняло участие более 25 тысяч крестьян, доведенных до отчаяния методами хлебозаготовок[82]. На жителей Ивнянского района было наложено дополнительное задание по сдаче государству хлеба в размере 55 тыс. пудов, которое они не в состоянии были выполнить. Ответом крестьян на действия властей стало восстание девяти сел. Уполномоченные по сбору зерна были избиты, советская власть в селах Песковатка, Новенькое, Федчевка – ликвидирована, в селах же Сырцово, Верхопенье, Череново и др. произошли массовые беспорядки[83]. Восставшие крестьяне требовали от областного руководства скорректировать политический курс ВКП(б), прекратить свертывание рыночных отношений, ликвидировать политическое неравноправие крестьян (на собрании восставших в селе Федчевка один из руководителей этого выступления говорил: «Наши беды и недостатки происходят не только от извращений местных работников, но, видимо, и из того, что наверху – в центре – правительство не заботится о крестьянских интересах»), изменить существовавшую систему управления на началах реальной выборности и отчетности чиновников («Хотим, чтоб у нас был президент», - требовали повстанцы в с. Песчановка)[84].

Власти восстановили свой контроль над населением Ивнянского района только усилиями вооруженного отряда (82 человека, пулемет и аэроплан для разведки) после трехдневных столкновений с местными жителями[85]. Анализируя причины и итоги ивнянских событий, комиссия обкома ЦЧО под руководством А. Г. Ромейко сделала три важных вывода. Во-первых, эмиссары из Воронежа и Белгорода вынуждены были признать закономерным складывание в ходе насильственных хлебозаготовок антипартийного блока в крестьянской среде: «Мы имеем ... единый фронт в деревне ... Т.е. такое положение, когда кулаку удалось объединить и повести за собой безоговорочно всех середняков и даже бедноту»[86]. Под кулаками партийный чиновник подразумевал инициативных

крестьян, возглавлявших восстание, но отнюдь не экономически преуспевавших сельских жителей. Во-вторых, комиссия обкома констатировала, что «... если происходившие в Ивнянском районе события похожи по своей форме на события периода гражданской войны, то по существу они будут для нынешних условий новыми»[87]. Как видим, хлебозаготовительные кампании 1927/28 и 1928/29 гг. партийные чиновники рассматривали как начало активных действий по преобразованию сельского хозяйства с помощью насилия. В-третьих, А. Г. Ромейко сделал неутешительный для аппарата управления вывод, что в ходе ивнянского восстания была выявлена «неприспособленность и негибкость наших организаций», в первую очередь местного райкома ВКП(б)[88].

К концу 20-х гг. власти окончательно ликвидировали хозяйственную автономию крестьянского двора, существовавшую с давних времен. Хлебозаготовители получили возможность осуществлять полный контроль над единоличными хозяйствами и их ресурсами. Объектом грубого вмешательства властей стали также морально – этические устои крестьянской семьи и социальные отношения внутри нее. Традиционные ценности земледельческой культуры объявлялись отжившими, вредными, не соответствовавшими задачам социалистического строительства. Произвол властей порождал апатию и безысходность в широких массах сельских жителей. В конце 20-х гг. в среде черноземного крестьянства вновь широко распространились представления о скором конце света, пришествии Антихриста и т.п., во второй половине 1928 г. в ЦЧО органы ОГПУ зафиксировали 2 массовых выступления крестьян на религиозной почве[89]. Многие крестьяне Черноземья желали начала войны ведущих мировых держав – Великобритании и Франции с Советским Союзом. По всей вероятности обострение международной ситуации в 1927 г. (ухудшение и разрыв дипломатических отношений между Великобританией и СССР, убийство советского представителя Войкова в Варшаве), послужило поводом для нагнетания военного психоза и организации идеологической кампании по поводу опасности войны; отсюда и пораженческие настроения в деревне. Крестьяне считали, что только военные действия, поражение в них СССР и последующая ликвидация коммунистического режима помогут им выйти из бедственного состояния. Приведу типичные высказывания крестьян ЦЧО по этому поводу: «Скоро будет война, иностранные государства готовятся против СССР»; «Вот товарищи, Англия усиленно готовится к войне, мы должны как один отказаться идти воевать. Эта власть ничего хорошего не дала, мы оборваны и голодны. Хлеб у крестьян отобрали, а хлеба нет – все отвезли за границу, рабочим платят мало»; «В случае, если Англия пойдет на нас войной, то мы крестьяне, не пойдем, пущай партийцы идут на войну»; «Кого нам защищать?» и т.п.[90] Обращает на себя внимание невозможная прежде ситуация, когда православные крестьяне связывали свое освобождение от произвола властей с возможным крестовым походом на СССР, возглавляемым папой римским[91].

Особо обращает на себя внимание сформировавшееся к концу 20-х гг. у части крестьян желание поражения СССР в предстоящей, по их мнению, войне. Такое явление было показателем глубокого раскола общества на противостоявшие друг другу группировки. Раскол разделял людей в зависимости от различий в системах их ценностных ориентаций и политико–социальных взглядов. До конца 20-х гг. желание поражения существовавшему правительству и государству никогда не исходило от крестьянства. Этого не было ни во время Первой мировой войны, ни даже в годы военного коммунизма в разгар массовых хлебных реквизиций. Следовательно, в конце 20-х гг. в российской деревне в целом, в Центрально - Черноземной в частности, сложилась более сложная социально – политическая обстановка, когда одна часть крестьянства, несомненно большая, демонстрировала полную утрату доверия к аграрной политике государства, другая же поддерживала ее. Последняя и стала опорой проведения сплошной коллективизации.

«Чрезвычайщина» к ликвидации хлебозаготовительного кризиса не привела, но нанесла серьезный удар по крестьянскому хозяйству, были основательно испорчены отношения крестьянства и власти. Крестьяне, и не только зажиточные, но и середняки, потеряв стимул к развитию производства, стали его свертывать. Чрезвычайные меры, все настойчивее объявлявшиеся нормой повседневной жизни, превратились в систему репрессивных мероприятий , получившую в дальнейшем свое логическое продолжение. Здесь речь идет именно о системе мер, так как в процессе хлебозаготовок находили свое отражение и возрождение методов продразверстки, полное попрание прав граждан, вносился раскол между слоями крестьянства. Чрезвычайные меры подорвали основы механизма нэпа, знаменовали собой отход от провозглашенных принципов новой экономической политики и являлись шагом на пути к насильственной коллективизации.

Примечания

*Термином «Центральное Черноземье» обозначается крупный регион Центральной России, в который входили бывшие Воронежская, Курская, Орловская и Тамбовская губернии. Ныне это территория Белгородской, Воронежской, Курской, Липецкой, Орловской и Тамбовской областей.

[1] См.: Ильиных В.А. Коммерция на хлебном фронте. Государственное регулирование хлебозаготовок в условиях нэпа. 1921-1927 гг. Новосибирск, 1992. С. 17

[2] См.: Краткий статистический справочник по Тамбовской губернии. Тамбов, 1927. С. 85; Коммунист. 1928. № 1-2. С. 19

[3] См.: Коммунист. 1927. № 1. С. 28; Коммунист. 1927. № 13. С. 13; Отчет о работе Тамбовского губисполкома XII созыва XIII губернскому съезду Советов. Тамбов, 1927. С. 59; Коммунист. 1928. № 1-2. С. 17

[4] Бухарин Н.И. Избранные произведения: Путь к социализму. Новосибирск, 1990. С. 211
[5] Советская деревня глазами ВЧК – ОГПУ – НКВД. Документы и материалы. Т. 2. М., 2000. С. 565
[6] Там же. С. 563
[7] Там же. С. 606
[8] Там же; Центр документации новейшей истории Тамбовской области (ЦДНИТО). Ф. 840. Оп. 1. Д. 4805. Л. 24
[9] Центр документации новейшей истории Воронежской области (ЦДНИВО). Ф. 2. Оп. 1. Д. 33. Л. 150
[10] Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2083. Л. 51-53
[11] Там же. ЛЛ. 50-53, 66-67
[12] Там же. ЛЛ. 50-53, 66-67, 70
[13] Там же. ЛЛ. 54-55, 66
[14] Там же. Л. 51
[15] Там же. Л. 66
[16] См.: ЦДНИТО. Ф. 840. Оп. 1. Д. 4654. Л. 39
[17] Там же. Л. 7-8
[18] ГАРФ. Ф. 393. Оп. 74. Д. 93. Л. 1
[19] Там же. Д. 3933. Л. 2-3
[20] Там же. Д. 3915. Л. 6-10
[21] ЦДНИВО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 126. Л. 97
[22] Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2081. ЛЛ. 12-13
[23] Там же. Л. 2
[24] Там же. Л. 18
[25] Там же. Д. 4676. Л. 195
[26] Там же. Д. 3915. Л. 17-19
[27] Там же. Д. 4812. Л. 161
[28] Не сдававших хлеб привлекали к ответственности как спекулянтов по ст. 107 УК РСФСР, которая предусматривала лишение свободы на срок до 5 - лет с конфискацией имущества или без таковой
[29] ЦДНИТО. Ф. 840. Оп. 1. Д. 4812. Л. 161 об.
[30] Там же. Д. 4654. Л. 43
[31] ГАТО. Ф. 524. Оп. 1. Д. 847. Л. 9,10
[32] ЦДНИТО. Ф. 840. Оп. 1. Д. 3915. Л. 58
[33] Там же. Д. 3933. Л. 41
[34] Там же. Д. 4654. Л. 44
[35] ГАТО. Ф. 524. Оп. 1. Д. 818. Л. 29
[36] ЦДНИТО. Ф. 840. Оп. 1. Д. 4654. Л. 45
[37] ГАТО. Ф. 524. Оп. 1. Д. 847. Л. 1 об.
[38] Там же. Д. 818. Л. 53
[39] ЦДНИТО. Ф. 840. Оп. 1. Д. 4676. Л. 196
[40] ГАТО. Ф. 524. Оп. 1. Д. 847. Л. 9,10
[41] Закрытое письмо Тамбовского окружкома и окрКК ВКП(б). Тамбов, 1929. С. 13
[42] ГАТО. Ф. 524. Оп. 1. Д. 847. Л. 9-11
[43] Там же. Л. 15, 16
[44] Там же. Д. 854. Л. 5-21

[45] ЦДНИТО. Ф. 840. Оп. 1. Д. 4654. Л. 90; ГАТО. Ф. 524. Оп. 1. Д. 804. Л. 19
[46] ГАТО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 1844. Л. 8,11, 13; ЦДНИТО. Ф. 840. Оп. 1. Д. 4654. Л. 43, 118
[47] КПСС в резолюциях … М., 1970. Т. 4. С. 319
[48] Там же. С. 351-353
[49] ЦДНИТО. Ф. 840. Оп. 1. Д. 4812. Л. 39; Д. 4805. Л. 14, 24
[50] Там же. Д. 4810. Л. 113-114
[51] См.: КПСС в резолюциях …Т. 4. С. 319
[52] ГАТО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 1837. Л. 144; ЦДНИТО. Ф. 840. Оп. 1. Д. 4654. Л. 88; Д. 4805. Л. 21, 24
[53] ЦДНИТО. Ф. 835. Оп. 1. Д. 209. Л. 27 об.
[54] Там же. Д. 163. Л. 36
[55] Там же. Л. 16
[56] Там же. Ф. 840. Оп. 1. Д. 4805. Л. 21
[57] Там же. Л. 14, 21; Ф. 835. Оп. 1. Д. 163. Л. 46
[58] Там же. Ф. 840. Оп. 1. Д. 4654. Л. 44
[59] Там же. Д. 4812. Л. 15, 17; ГАТО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 1837. Л. 135
[60] ЦДНИТО. Ф. 840. Оп. 1. Д. 4654. Л. 51, 136, 137
[61] ЦДНИВО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 18. Л. 10
[62] Там же. Д. 33. ЛЛ. 140-141, 155
[63] См.: Шарова П.Н. Коллективизация сельского хозяйства в Центрально-Черноземной области. 1928-1932 гг. М., 1963. С. 82
[64] Клопыжникова Н. Настроения крестьянства и аграрное реформирование // Свободная мысль. 1995. № 5. С. 17-18, 20, 22
[65] См.: ЦДНИВО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1726. Л. 14-15; Ф. 2. Оп. 1. Д. 510. ЛЛ. 112-113, 115, 116 об.
[66] См.: Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 18; Д. 33; Д. 38; Д. 597; Д. 748; Д. 918; Д. 927; Д. 937; Д. 945; Д. 951 и др.; см. так же статьи И.М. Варейкиса в периодических изданиях «Коммуна», «Хозяйство ЦЧО», «Ленинский путь» и др.
[67] См.: Третья областная конференция ВКП(б) ЦЧО. Стенографический отчет. 23-27 января 1932. Воронеж, 1932. С. 82
[68] ЦДНИВО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 124; Д. 492; Д. 508; Д. 510; Д. 514 и др.
[69] ГАВО. Ф. Р. – 1013. Оп. 1. Д. 38. Л. 158; ЦДНИВО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1726. Л. 13 об.
[70] ЦДНИВО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 492. Л. 5; ГАВО. Ф. Р. – 1013. Оп. 1. Д. 157, Л. 33
[71] ГАВО. Ф. Р. – 1013. Оп. 1. Д. 157. ЛЛ. 6-7
[72] ЦДНИВО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2083. ЛЛ. 20, 24, 69-70, 111
[73] Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 651. Л. 60
[74] Там же. Д. 492. Л. 5
[75] Советская деревня глазами ВЧК – ОГПУ – НКВД. 1918-1939. Документы и материалы в 4 томах. Под ред. А. Береловича, В. Данилова. Т. 2. М., 2000. С. 993
[76] См.: ЦДНИВО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 157; Д. 324; Д. 492; Д. 493; Д. 508; Д. 510
[77] Там же. Д. 651. ЛЛ. 32-34
[78] См.: ЦДНИТО. Ф. 835. Оп. 1. Д. 163. Л. 14;. Ф. 855. Оп. 1. Д. 384. Л. 42
[79] Советская деревня … С. 1038
[80] Там же. С. 992-993

[81] Данные лозунги выдвигались во время следующих выступлений: Ивнянское восстание – Ивнянский район Белгородского округа (30 октября-4 ноября 1929 г.) (ЦДНИВО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 515. ЛЛ. 3, 5, 6); волнение крестьян в Фатежском районе Курского округа (июль 1928 г.), (ЦДНИВО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 124, Л. 17); волнения в с. Старое Сеславино Козловского округа (лето 1928 г.), (Там же. Д. 126. Л. 18) и целый ряд других.
[82] ЦДНИВО. Ф. 2. Оп. 1.Д. 515. Л. 2
[83] Там же. Л. 1, 8-10
[84] Там же. Л. 5
[85] Там же. ЛЛ. 11-13, 16-17
[86] Там же. Л. 6
[87] Там же. Л. 12
[88] Там же. ЛЛ. 12, 21
[89] ЦДНИВО. Ф. 9353. Оп. 2. Д. II – 18596. ЛЛ. 35-36; Советская деревня…С. 819
[90] ЦДНИВО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 126. Л. 76; Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1726. Л. 13-13 об.
[91] Там же. Ф. 9353. Оп. 2. Д. II – 3854. Л. 67

Хироси Окуда

Самообложение сельского населения в 1928 - 1933 гг.: к вопросу о последнем этапе русской крестьянской общины

Введение

Русская крестьянская община в 1920-е годы официально именовалась «земельным обществом». Подразумевалось, что функции общины ограничиваются поземельными делами, а все остальные - социальные, культурные и административные - находятся в распоряжении местных советов. Однако в действительности они выходили далеко за пределы компетенции земельного общества как объединения землепользователей. Фактически крестьянская община являлась организацией местного самоуправления деревни. Она располагала для этого значительными источниками доходов, включая такие, как: сдача земли в аренду, самообложение, общественные запашки, находящиеся в общинном пользовании леса местного значения, места под торгово-промышленными предприятиями, торговыми и базарными площадями, мельницы, перевозы и другие. Это обстоятельство позволяло земельному обществу даже подчинять сельский совет, потому что подавляющее большинство сельсоветов не имело своего самостоятельного бюджет[1].

Самообложение, то есть добровольный сбор средств населения на удовлетворение местных общественных нужд, в качестве источника доходов сметы земельного общества в 1920-е годы играло большую роль, доходя от 20% до 70-80% этой сметы[2]. Применяя метод экстраполяции, НК РКИ РСФСР определял общую сумму таких сборов по РСФСР примерно в 100 млн. руб., что составляло более половины всего с.-х. налога, взыскиваемого в 1925/26 г.[3]

Что касается порядка раскладки самообложения в обществе, то существовало несколько вариантов, а именно: подушно (по едокам), по хозяйствам (по домам, по "дыму", по "дымовым трубам") или поштучно (с головы рогатого скота, с овцы) - одним словом, по принципу так называемой "крестьянской справедливости". Самообложение представляло собой, как правило, род целевых сборов, и, хотя виды и размер этих сборов были крайне разнообразны, в зависимости от целевого назначения сбора устанавливался и порядок его взимания. Например, на пастуха для рога-

того скота и на общественного быка производилась раскладка с коровы, на конского пастуха—с лошади, на ремонт пожарного инвентаря—с дома, на ремонт пожарного сарая—с дома, на делильщиков земли—с едока, на делильщиков сенокоса—с едока, на леса местного значения—с едока, на охрану стогов—с едока, на охрану лугов—с едока, на переправу через реку—с едока и т. д.[4] Самообложение проводилось не только в денежной форме, но и в форме трудового участия населения в выполнении определенных работ (починка, строительство дорог, мостов, колодцев и др.) и натуральной оплаты (снабжение дровами школы и помещения сельсовета, оплата хлеба и картофеля пастуху и др.).

Этот "целевой" характер крестьянского самообложения имеет важное значение, хотя с середины 1920-х годов часть земельных обществ постепенно переходила к замене целевых сборов единым сбором. Например, устанавливалась общая раскладка, которая начислялась на земельный надел, причем две головы крупного скота приравнивались к одному наделу и т. д.[5] Необходимо иметь в виду и то, что традиционное самообложение проводилось по мере необходимости, то есть *ad hoc*, а не регулярно, и тем более - не "сверху", "по-кампанейски".

Всеобщность и обязательность местного самообложения

29 августа 1924 г. ЦИК и СНК СССР впервые издали всесоюзный закон о самообложении сельского населения[6], которое предлагалось проводить на началах добровольного соглашения граждан. Кроме того, самообложение было обязательным только для лиц, принимавших непосредственное участие в собрании и голосовавших за него. Для лиц же, не присутствовавших на собрании, или хотя и присутствовавших, но голосовавших против принятого постановления, самообложение было не обязательно.* Принятый закон опирался на указания прошедшего в конце января 1924 г. XI Всероссийского Съезда Советов о необходимости скорейшего повсеместного введения волостного бюджета, "совершенной недопустимости самочинных налогов и практики «самообложений»", и "скорейшем их изживании"[7].

*Через год (17 августа 1925 г.) ВЦИК РСФСР ввел исключение по отношению к дорожному строительству и постановил, что решение схода об участии в этой работе, принятое простым большинством голосов и утвержденное ВИК'ом, является обязательным для всего населения данного селения[8].

До введения волостного бюджета даже на волостном уровне из-за отсутствия в УИК'е средств на содержание сельсоветов, школ, больниц, врачебных пунктов, почты, канцелярий, ямщиков, постройку мостов и другого, была распространена раскладка самообложения в натуральной форме (зерно, дрова), причем, главным образом по душам[9]. Так, до закона 1924 г. в Алтайской губернии обследованиями было зарегистрировано около 150 налогов и сборов разных наименований, и эта губерния отнюдь не являлась исключением[10]. По закону 1924 г. предполагалось, что вве-

дение волостного бюджета позволит быстро ликвидировать самообложение как систему.

Однако указанный закон не соответствовал ни реалиям деревни, ни нуждам крестьянства в целом. Почти половина средств введенного волостного бюджета, а в отдельных волостях - еще большая часть (нередко до 80%), шла на содержание административного аппарата волости. Иначе говоря, волбюджет носил во многом потребительский характер, и в гораздо меньшей степени шел на удовлетворение местных хозяйственных и культурных нужд[11]. Растущие разнообразные культурно-общественные, коммунальные потребности, обгоняя рост волостного бюджета, в условиях отсутствия сельского бюджета могли быть удовлетворены только за счет собираемых с самого населения средств. Большие суммы расходовались на содержание сельсоветов, сельской почты, на нужды народного образования, причем они подлежали покрытию за счет волбюджета. Кроме того, главное заключалось в том, что крестьяне одного селения были объединены не только территориально, но и в земельном отношении, а общность землепользования предполагала определенные совместные действия в хозяйственной сфере. В качестве примера можно привести наличие таких общинных потребностей, как содержание особых уполномоченных земобществ (см. ниже) и их секретарей, наем пастуха, покупка общей молотилки, устройство ограждения полей, приобретение и содержание общественного быка и т. д.

Все эти обстоятельства сохраняли прочные позиции самообложения. Так, в 1923/24 г. по Кузьминской волости Рязанской губернии самообложение превысило в 6,5 раз объем волостного бюджета[12]. Обследование НК РКИ СССР 1925/26 г. установило, что, во-первых, самообложение существует повсеместно и в ряде губерний имеет тенденцию к самому широкому распространению, во-вторых, во многих селениях игнорируется принцип индивидуальной добровольности закона 1924 г. Добровольность отдельных лиц нередко заменялась коллективной добровольностью, то есть определенная группа заставляла своих членов участвовать в самообложении, не считаясь с их нежеланием. Существующая практика прямого нарушения закона свидетельствовала, что без подчинения несогласных воле большинства обойтись нельзя[13].

Чтобы отринуть всякую мысль о принудительности таких обложений, всесоюзный закон 1924 г. запрещал финансовым и административным органам участвовать в организации самообложения. Проводить самообложение могли только общие собрания граждан (сходы), а не сельсоветы и волисполкомы. Парадоксально, что тем самым указанный закон дал широкий простор для развития деятельности общины, для укрепления ее мощи и авторитета[14].

В связи с этим возникла необходимость отменить закон 1924 г. На совещании по советскому строительству при ЦИК СССР в апреле 1925 г. представители низовой сельской администрации подчеркивали, что деревня в своей хозяйственно-общественной жизни всецело опирается на

самообложение. Они высказывались за урегулирование этой системы и предлагали установить в законодательном порядке обязательность постановлений сельских сходов о самообложении для всех граждан данного селения[15].

Совещание по советскому строительству постановило: "изменить декрет о самообложении в том смысле, чтобы при наличии особого ходатайства большинства граждан, голосовавших за самообложение на общественные нужды своего села, уездным и окружным исполнительным комитетам было предоставлено право в обязательном порядке привлекать к выплате своей доли меньшинство, не голосовавшее за самообложение"[16]. Кроме того, НК РКИ РСФСР, изучивший этот вопрос по указанию СНК РСФСР в ноябре 1926 г., пришел к выводу, что, несмотря на существование закона 1924 г., постановление о порядке самообложения на строго добровольных началах на практике является неосуществимым[17].

Всесоюзный закон о самообложении от 24 августа 1927 г. вводил принципиально новые начала его проведения.

Во-первых, закон, хотя и сохранял добровольность самообложения, при этом устанавливал обязательность его для всех граждан данного селения по утверждении ВИК'ом (РИК'ом). Таким образом, именно данный закон, а не закон 1924 г., оформил де-юре существовавший тогда в деревне порядок самообложения.

Во-вторых, подчеркивалась разница между "мирскими сборами" в условиях царского режима и самообложением советского времени. Раньше значительная доля самообложения расходовалась на содержание сельской и волостной администрации или вышестоящей администрации, теперь же устанавливать самообложение для покрытия расходов на административные нужды воспрещалось, предполагалось, что для этого будут использоваться бюджетные средства. Более того, раскладка сборов по самообложению должна была производиться сельским советом с учетом мощности отдельных хозяйств[18], запрещалось равномерное обложение всех по душам или по дворам. Даже предложение о том, что принцип раскладки самообложения для нужд, касающихся содержания пастуха, покупки и содержания племенного быка и. т. п., должен находиться в соответствии с количеством голов скота в крестьянском хозяйстве, а не основываться на ставке ЕСХН, было осуждено как установка на "мелкобуржуазную уравнительность"[19].

В-третьих, с целью усиления роли сельского совета в деревне закон 1927 г. впервые установил, что сбор и расходование средств самообложения производится сельским советом. Тем самым для сельсоветов была открыта возможность вмешиваться в дела земельных обществ и сделан первый шаг к превращению сельсовета в настоящего хозяина деревни. По существу, закон предполагал включение в будущем средств от самообложения в сельский бюджет[20].

Однако в то же время закон 1927 г. категорически запрещал сельсоветам нецелевое, то есть помимо указанных в соответствующих поста-

новлениях общего собрания (схода), расходование средств самообложения. Наличие такого строгого целевого характера самообложения еще отражало стремление государства сохранить, по крайне мере формально, принцип неприкосновенности постановления общих собраний и автономные начала деревенской жизни, включая самоуправленческую функцию общины. С. Чугунов, большой знаток общины и сельсоветов, писал в 1926 г., что "громадное большинство общественных нужд деревни имеет именно поселенный характер и централизовать его хотя бы в масштабе сельсовета в настоящих условиях невозможно"[21]. Такова была преобладающая точка зрения тогда, когда сохранялась ориентация на защиту общинных порядков самообложения.

Принцип всеобщности и обязательности местного самообложения, введенный законом 1927 г., вскоре был умело использован советской властью в чрезвычайных обстоятельствах хлебозаготовительного кризиса, в ходе которого существенно изменился и сам характер самообложения.

Самообложение как "второй налог"

Основное содержание советской экономической политики после осени 1927 г. состояло в том, чтобы добиться макроэкономического равновесия между предложением промтоваров на потребительском рынке и платежеспособностью населения, значительно выросшей со второй половины 1926/27 хозяйственного года.

Рост платежеспособности населения в значительной мере вызывался так называемым 10-процентным снижением цен на промтовары, проведенном по решению февральского (1927 г.) пленума ЦК ВКП (б) и СТО. А. И. Микоян отмечал, что потребитель, благодаря снижению цен на промтовары с 1 января по 1 июня, получил огромную сумму в 110-120 млн., и предполагал, что до 1 октября получит в целом 340-350 млн. рублей[22]. Кроме того, начавшееся капитальное строительство не увеличивало производство предметов широкого потребления. Продажа товаров по ценам, не обеспечивающим рыночного равновесия, фактически означала льготную продажу товаров, а такой льготой пользовалось то население, которое находилось ближе к ним и могло гораздо легче их покупать, то есть городское население. Таким образом, с лета 1927 г. деревне не хватало промтоваров. Деревенский спрос на товары массового потребления стал обгонять городской в конце 1926/27 хозяйственного года[23]. Позже, в апреле 1928 г., на Всероссийском торговом съезде нарком торговли РСФСР Н. Б. Эйсмонт, проанализировав соотношение между спросом и предложением промтоваров, заключал: "в четвертом и первом квартале [июль - сентябрь, октябрь - декабрь 1927 г. — *авт.*] недостаток товаров приходился, главным образом, на деревню, город мы снабжали лучше. Это являлось одной из причин затруднений в хлебозаготовках"[24].

Несмотря на 10-процентное снижение цен на промышленные товары, их индекс был выше индекса цен на с.-х. товары, причем по сравнению с

заготовительными ценами на хлеб*, цены на промтовары все еще были высокими[25]. Тем не менее, в сентябре 1927 г. руководящие государственные органы решили снизить хлебозаготовительные цены, несмотря на хорошее качество хлеба нового урожая. Свои меры они оправдывали возросшей платежеспособностью сельского населения, которая значительно превысила предложение продукции предметов широкого потребления и вызвала так называемый "товарный голод"[26]. Что касается политики снижения цен на промтовары, то правительство РСФСР в начале 1928 г. в специальном постановлении определило оставить цены на промтовары на ближайший год на прежнем уровне, то есть закрепить в основном достигнутые результаты снижения цен 1926/27 года[27]. Иначе говоря, хотя снижение цен на промтовары в принципе сохранялось как генеральная установка, но цены временно стабилизовалась в целях устранения последствий «товарного голода». Таким образом, намерение сократить «ножницы» с.-х. и промышленных цен отступало на задний план, и вместо этого приоритет был отдан снижению платежеспособности сельского населения.

*В июле-августе 1927 г. хлебозаготовительные цены были несколько повышены, несмотря на удовлетворительный ход заготовок. Тогда на рынок был выброшен запас урожая хлеба предыдущего года.

Очевидно, снижение в сентябре заготовительных цен служило одним из прямых поводов возникновения хлебного кризиса.[28] В целях преодоления кризиса советская власть в конце 1927 г. пошла на такие меры, как экстренное направление промтоваров в хлебные районы, взыскание с крестьян задолженности по с.-х. налогу, страховым платежам и др., используя в этих целях заем укрепления крестьянского хозяйства (ЗУКХ) и самообложение. Меры преодоления хлебного кризиса были тесно связаны с политикой, направленной на установление макроэкономического равновесия. В то время был распространен взгляд, согласно которому излишняя платежеспособность крестьян позволяла им удерживать у себя хлеб, а заставить их продать (сдать) хлеб следовало за счет извлечения из деревни денежной массы. То есть предполагалось, что можно стимулировать рыночные отношения путем налогового пресса «сверху». Позже, в феврале 1928 г., Сталин также высказывался, что деревня "растет и богатеет"[29], а в условиях отставания предложения промтоваров от роста платежеспособного спроса, "надо было ... выкачать из деревни денежные излишки, используя для этого законы о самообложении, крестьянском займе и борьбе с самогоном"[30].

Такая "теория" налогового пресса была малообоснователной при низкой заготовительной цене, и при большом разрыве между рыночной и официальной цене. Действительно из округов Урала сообщали, что налоговые меры воздействия не эффективны. Они лишь усугубляли озлобленность сельского населения. "Самообложение и другие виды платежей, – говорится в отчете Челябинского окружкома ВКП(б), – в настоящее время стимулами для выброски хлеба не являются. Так, в Пивкинском

сельском совете за 18 февраля 1929 года поступило самообложения 1300 рублей, от продажи водки – 1200 рублей, от продажи продовольственных товаров – 410 рублей. Хлеба за этот день не сдали ни фунта"[31].

Следует иметь в виду, что всесоюзный закон о самообложении от 24 августа 1927 г. имел еще своей целью упорядочить налоговое обложение в деревне вообще, чтобы "не ослаблять" платежеспособного спроса крестьянства[32]. Уже одно это свидетельствует, насколько резко в короткий срок изменилась ситуация. Обращает на себя внимание статья в органе Наркомфина (осень 1929 г.), которая откровенно признавала: после 1928 г. извлечение средств из деревни обычно столь часто ставилось во главу угла проводимых кампаний самообложения, что хозяйственное его значение незаслуженно отодвигалось на второй план[33].

В то время советское законодательство, соблюдая деревенские обычаи, устанавливало, что сборы в порядке самообложения могут производиться как в денежной, так и в натуральной форме, а равно в виде трудового участия. Однако трудовое участие сельского населения в самообложении так же, как и обложение в натуральной форме, на практике в условиях 1927/28 г. не поощрялось. Происходило это не только из-за отмеченного обстоятельства, но и потому, что при форме трудового участия принцип прогрессивного обложения почти никогда не проводился[34].

Самообложение в неденежной форме, которое на местах еще практиковалось в 1927/28 г., вскоре, как нам представляется, резко сократилось. Так, в Ольховском районе Уральской области в феврале-апреле 1928 г. были установлены постепенные, в четыре этапа, сроки платежей самообложения (в денежной форме), а некоторым сельсоветам было разрешено заменять деньги натурой, но только в последний, четвертый срок сбора[35]. Позже, в 1930 г., в Нижегородском крае (по отчетным данным на 1 мая) из общей суммы самообложения, оформленного на сходах, лишь 0,8% падало на трудовое или натуральное участие[36]. В начале 1929/30 бюджетного года общепризнанное мнение о "перенасыщении деревни деньгами", "оседании значительных сумм в деревне", способствующих медленной сдаче хлеба, вылилось в кампанию мобилизации денежных средств сельского населения. В ходе этой кампании, особенно со второй половины 1930 г., самообложение фактически считалось обязательным, наряду с сельхозналогом и страховкой[37]. В 1933 г. проведение самообложения не в денежной форме было, наконец, запрещено[38].

С 1927/28 г. самообложение стало ежегодной государственной кампанией «сверху», которая теперь имела своей главной целью изъятие денежных средств у крестьянства. Как будет показано ниже, общая сумма средств, изъятая из деревни по линии самообложения, достигала в 1932 г. по РСФСР 313 млн. руб., притом, что сельское население сократилось. Если сопоставить ее с суммой самообложения в 100 млн. руб. в середине 1920-х годов, то можно представить степень давления, оказанного на крестьянство.

Самообложение неизбежно сопровождалось административным на-

жимом. В передовой статье томской газеты «Красное знамя» от 21 февраля 1928 г. писалось: "Самообложение должно быть проведено всюду. Всякое противодействие этому важнейшему мероприятию надо рассматривать, как преступление". Материалы обследования НК РКИ РСФСР весной 1928 г. отмечали, что "на местах наблюдалось недовольство части середняцких слоев крестьянства, отождествлявших самообложение с налогом"[39]. И в самом деле, председатель Мысовского сельсовета Пермского округа заявлял крестьянам (дословно): "самообложение есть налог. Значит суд... А суд - тюрьма"[40]. Один комсомолец в своем письме в Шадринскую окружную газету задавался вопросом, почему та не пишет подробно об арестах крестьян в деревне. Он отмечал, что аресты, причем, "за каждую пустяковину", "за одно слово, сказанное на общем собрании", весьма распространены и добавлял, что "никогда крестьянин не согласится принять на себя самообложение", "самообложение это слово – выдумка Сталина"[41].

Нет ничего удивительного, что введенное в 1928 г. в таких условиях самообложение было враждебно встречено крестьянством. Деревня представляла собой единое целое. Об этом свидетельствуют многие материалы. Документ НКВД РСФСР отмечал, что "общие недочеты кампании – отсутствие надлежащей подготовки и допущение административного нажима – создавали условия, позволявшие зажиточным слоям деревни в отдельных случаях вести за собой середняков и бедноту". В качестве примера приводилось сообщение Тамбовского ГИК'а о выступлениях бедноты против самообложения[42]. В Курской губернии "кулацкие выступления" носили явно "антисоветский характер": "Долой соввласть и верховное правительство, чтобы оно не ошибалось..., мы подготовляем против вас, коммунистов, восстание, и вы это скоро почувствуете"[43]. Когда на пленуме Спасско-Михайловского сельсовета Александровского района Воронежской губернии встал вопрос о самообложении, в помещение сельсовета пришли до 100 крестьян и стали кричать, что "советская власть грабит и душит крестьян": "Самообложение не под силам, долго ли нас будут грабить? Не дают жить; если хотят, то пусть берут винтовки и все забирают у нас. Взяли налог, страховку и берут без конца"[44].

Что касается раскладки сумм по самообложению среди крестьян, то она производилась в каждом сельсовете по-разному. Разумеется, и в кампанию 1928 г. на местах, где крестьянская стихия добилась преимущества, самообложение проводилось в форме уравнительного обложения всех по душам или по дворам, без учета имущественного положения, о чем сохранилось множество свидетельств. Отмечались и случаи переобложения бедноты. Но теперь самообложение имело своей главной целью нанесение удара по зажиточным крестьянам. В 1928 г. взносы по самообложению были не выше 35% оклада ЕСХН, однако зажиточные крестьяне привлекались к самообложению не только в большем размере, но нередко в невероятном размере. В Кубанском округе в начале 1928 г. "кулаки и *середняки* переоблагались от 150 до 200 с лишним процентов" (курсив наш)[45].

Особенно сильно ударяли по торговцам и владельцам промыслов, что вызывало массовое закрытие торговых и промысловых заведений в деревне. Например, в Барнаульском округе Сибирского края Алейский сельсовет настолько переобложил торговцев, что почти 50% их закрыли свои предприятия и покинули пределы поселки, оставляя после себя огромную сумму недоимок. Такое явление было особенно заметно в деревне, потому что и кампания самообложения проводилась исключительно в деревне. Разумеется, свернувшийся частник не мог быть заменен кооперацией или госторговлей[46].

Действительно, классовый принцип раскладки самообложения применялся во многих районах. Однако в то время существенное значение имела еще одновременность и универсальность разных кампаний. Стоит сказать, что попытка выделить реакции крестьян только лишь на самообложение является односторонней и абстрактной[47]. Даже тогда, когда раскладка производилась с учетом мощности отдельных хозяйств и устанавливались льготы по самообложению для неимущих или малоимущих хозяйств, не следует думать, что эти слои деревни вообще избегали принудительного изъятия денег.

Бедные крестьяне, наоборот, особенно легко становились объектами кампании взыскания задолженности по сельхозналогу, кредиту, страховым и другим сборам, которая развертывалась одновременно с кампаниями по хлебозаготовкам, самообложению и займу.* 8 февраля 1928 г. Тамбовский губком партии отмечал, что имелся ряд случаев продажи с торгов имущества деревенской бедноты из-за ничтожной суммы задолженности по налогам и недоимкам. Сообщалось: "Большое распространение случаев нажима на бедноту мы наблюдаем с момента оживления кампании по взысканию просроченных ссуд Губсельбанка. Иногда дело доходит до того, что подвергается продаже с торгов последняя лошадь или корова в бедняцком хозяйстве на покрытие числящейся за этим хозяйством ссуды, взятой в кредитном товариществе"[48].

*То, что беднота и батраки были недовольны официальной политикой, верно и в отношении хлебозаготовок. В ходе хлебозаготовительной кампании при отпуске промтоваров (особенно дефицитных) требовалось предъявление квитанций о сдаче хлеба. Это – скрытая форма прямого «товарообмена», хотя последний был осужден. Но даже когда за сдаваемый хлеб крестьянин получал деньги и на эти деньги покупал в лавке товары, различия между этими двумя видами сделок не было, потому что крестьянин имел в виду не деньги, а именно приобретение промтоваров. Беднота и батраки, выражали резкое недовольство, говоря: "у кого хлеба нет, тот ходит нагишом"[49].

Разверсточная система самообложения

Главное заключалось в том, что в 1928 г. самообложение проводилось прежде всего по инициативе вышестоящих исполкомов. Замечательная статья В. Верлинского, написанная на основе материалов обследования,

проведенного НК РКИ РСФСР в апреле-мае 1928 г., подчеркивала, что "*кампания шла не снизу, как это должно было бы быть, а сверху*"[50]. Согласно данным НКВД РСФСР, посланным НК РКИ РСФСР в июле 1928 г., исполкомы каждых рангов устанавливали для нижестоящих органов ориентировочные «контрольные цифры» поступлений от самообложения. То есть сначала УИК и ОкрИК разрабатывал план проведения кампании и распределения сумм самообложения по отдельным районам в порядке контрольных цифр, а потом каждый РИК, получив свой план, также разверстывал по отдельным сельсоветам сумму самообложения. В процессе развертывания кампании эти цифры и планы повсеместно трактовались как «твердые задания», обязательные для местных советов и даже для населения[51].

Об этом довольно четко свидетельствует постановление заседания президиума Златоустовского окружного исполкома (Уральская область) от 18 января 1928 г., которое установило по районам контингент самообложения и обязало РИК'и в течении двухнедельного срока разверстать по отдельным селениям падающую на район по самообложению сумму. Кроме того, оно обязало райисполкомы рекомендовать сходам расходовать установленные УИК'ом денежные средства на строго установленные им цели (дорожное строительство, народное образование, здравоохранение, мелиорация), но с учетом местных нужд и особенностей[52]. При этом постановление ссылалось на всесоюзный закон о самообложении от 24 августа 1927 г., употребляя выражение "в соответствии с опубликованным декретом ЦИК СССР о самообложении сельского населения". Однако всесоюзный закон вовсе не предусматривал такого разверсточного метода и принципа установления «сверху» целевого расходования средств самообложения.

Таким образом, на местах цели расходования средств самообложения фактически определялись заранее «сверху». Не безынтересно, что широкую разъяснительную работу на общих собраниях окружное постановление относило по степени важности на последнее место, и это было свидетельством формальности принципа добровольности и инициативы «снизу». Обстановка была уже совсем иная, чем на совещании по советскому строительству в 1925 г., когда тоже высказывалась необходимость устанавливать обязательность самообложения для всех граждан данного селения. На том совещании предполагалась, что принудительность решений большинства для меньшинства существует внутри общины, на основе ее собственных приговоров. Теперь же речь шла о разверстке суммы самообложения общине «сверху», с "рекомендацией" целевого расходования его средств.

Сами сельсоветы к обсуждению предложений ВИК'ов подходили механически. Из 69-ти сельсоветов, обследованных НК РКИ РСФСР в апреле-мае 1928 г., в 43-х контрольные цифры ВИК'ов (РИК'ов) по самообложению были вынесены на утверждение сходов без изменений и поправок[53]. Председатели сельсоветов, работа которых была оценена как

неудовлетворительная, получали взыскания, снимались с должности, привлекались к уголовной ответственности. В этом смысле постановление Златоустовского окружного исполкома показательно. Сельсоветы практически не играли существенной роли в самообложении, а если и играли какую-либо роль, то чаще всего - исполнителя приказаний вышестоящих органов[54].

Разверсточная система самообложения принимала характер «твердого задания» из района в сельсовет. Фактическое руководство процессом в большинстве случаев лежало на уполномоченных ВИК'ов и РИК'ов, назначенных и отправленных ими по сельсоветам[55]. Информационная сводка по шести округам Уральской области очень живо описывает положение деревни в феврале 1928 г. Там везде уполномоченными и председателями сельсоветов практиковалась разверстка суммы самообложения и размещение крестьянского займа среди населения, и были обнаружены случаи, когда крестьянские дворы, оказавшиеся не в состоянии платить раскладку, подвергались описи и продаже имущества (лошади, скот, семена, и др.).

Приведем некоторые примеры из сводки: "Уполномоченный Суханов говорит, что выполнение займа и самообложение возможно только путем разверстки"; "В Чапашинском сельсовете председатель рассказывал, что он сам проводил раскладку самообложения без собраний разверсткой и в его сельсовете крестьяне 3 деревень едят суррогат на 80%". Требование уплаты денег проводили нередко "под угрозой замолчи", "под угрозой винтовки". Одновременность разных кампаний по извлечению денег приводила к недоимке дворов, и, как следствие, к описи имущества или его отнятию: "[Наложили – *авт.*] налогу – 15 р. 92 к. (...), самообложение – 90 руб., займа – 20 руб., уплачено 60 руб. – все хлебом, а за 50 руб. недоимка – опись имущества, отбирают нетель". Встречались случаи, когда описи даже не производили: "Описи не сделали, а сразу забрали посуду и стулья, а в ящиках и сундуках все перерыли"[56]. Конфискованное продавали практически за бесценок сами экспроприаторы. Позже секретарь Средне-Волжского обкома М. М. Хатаевич признавался, что подобная конфискация имущества при проведении самообложения и реализации займа была по существу "раскулачиванием"[57].

Нельзя сказать, что администрирование в деревне было исключительно результатом давления со стороны местных активистов. Вышестоящие инстанции настаивали на выполнении плана. Так, 23 марта 1928 г. президиум Златоустовского окружного исполкома, отмечая резкое падение поступлений средств самообложения, - что ставило под угрозу выполнение контрольных цифр к 1 апреля, - постановил: "категорически предложить под личную ответственность Пред-рик'ов усилить принудительные меры взыскания к недоимщиков"[58]. Против неплательщиков принимались особые меры с целью обложения штрафом и описи имущества. В середине февраля 1928 г. Борисоглебский уездный комитет Тамбовского губкома ВКП(б) предложил всем уполномоченным УИК'ов, председателям ВИК'ов

и ответственным секретарям волостных комитетов приступить активнее к взиманию платежей по самообложению, и для этого "взыскивать в первую очередь с маломощных хозяйств дабы дать возможность просрочиваться зажиточно-кулацкой части населения, а потом приступить к взысканию с них платежей на основе наших пролетарских законов"[59]. Такая мера могла вызывать недовольство и среди бедняков.

Изменение социально-экономической сущности самообложения видно и по следующим мерам воздействия на неплательщиков. Раньше за неуплату самообложения земельные общества применяли такие виды наказаний, как лишение земельного надела, лишение права покоса лугов, лишение права выгона скота на общественное пастбище, лишение права пользоваться дровами из лесов местного значения, денежные штрафы и другие. Иногда уполномоченные земельных обществ обращались в народный суд с просьбой взыскать недоимки по самообложению в судебном порядке. Но суд таких исков не принимал[60].

Теперь же проведение самообложения стало государственным делом. Формально добровольное, самообложение фактически превращалось в государственную повинность[61]. Недоимка по самообложению взыскивалась в порядке, установленном для взыскания сельхозналога. В частности, имущество неплательщиков описывалось и продавалось с публичных торгов.

Если иметь в виду обстановку вокруг самообложения, не следует понимать буквально тот вывод обследования НК РКИ РСФСР, что сходы утверждали внесенные сельсоветами суммы самообложения без каких-либо поправок (в 53-х случаях из 69-ти), хотя одновременно отмечалось, что сходы проявляли очень мало инициативы в принятии постановлений по самообложению[62]. На самом деле этот факт выражает не иначе как формальный характер крестьянских сходов.

Всесоюзный закон 1927 г. устанавливал, что для разрешения вопросов о самообложении требуется присутствие на сходе не менее половины общего числа граждан, имеющих избирательные права, и вопросы решаются простым большинством присутствующих. Однако на практике, особенно в крупных селениях, кворум почти никогда не удавалось собрать. Советская власть, которая очевидно заранее предполагала эту ситуацию, в постановлении ВЦИК и СНК РСФСР от 7 января 1928 г. позволяла созывать в таком случае повторный сход, который считался действительным при любом количестве собравшихся[63]. Районные уполномоченные и сельсоветы, широко пользуясь этим правом, назначали подобные собрания через 20-30 минут после объявленного несостоявшимся первого собрания. Так что, как отмечал адресованный в СНК СССР документ от 14 августа 1928 г. (авторство неизвестно), вопросы самообложения решались "случайным или искусственно подобранным незначительным числом голосов на вторичном собрании". Разумеется, под "незначительным числом голосов" подразумевались главным образом деревенские активисты[64].

В целях устранения этих недостатков постановление ВЦИК и СНК

РСФСР от 4 октября 1928 г. установило, что повторный сход может быть созван не ранее, чем через день, и он считается действительным в случае присутствия на нем не менее одной трети общего числа избирателей[65]. Однако целый ряд материалов ЦЧО по-прежнему свидетельствовал о нереальности кворума, установленного последним постановлением. Протоколы сходов крестьян в Козловском районе с ноября 1928 г. по февраль 1929 г. показали, что в них очень часто не указывали количество присутствующих граждан, а если и указывали, не отмечали, какое общее число избирателей они представляли. Иногда, несмотря на то, что и то, и другое число указывали, фактически явка избирателей не могла считаться законной. Например, на общем собрании (повторном) с. Ново-Хмелевого из 751 избирателя присутствовало 157 человек, то есть гораздо меньше, чем требовалось для законного кворума[66].

Можно полагать, что в Козловском районе в этот период ни один сход по вопросу самообложения не был законным. Докладная записка от 14 марта 1929 г. о результатах обследования кампании по самообложению за 1928/29 г. в Сухо-Березовском сельсовете Бобровского района Воронежского округа утверждала, что на всех общих собраниях сельсовета, где приняли план самообложения, не было кворума, добавляя: "однако, несмотря на то, что эти собрания были повторные, кворум все-таки не выдержан и со стороны РИК'а опротестования не последовало"[67]. Последнее указание позволяет прийти к выводу, что кворум был номинальным, причем протоколы на таких сходах получали утверждение (или, по крайней мере, молчаливое согласие) со стороны РИК'а. Кстати, подобные факты были широко распространены и в кампанию 1927/28 г.

Постановление ОблРКИ ЦЧО (март 1929 г.) просило НК РКИ РСФСР поставить в соответствующих инстанциях вопрос "о нереальности кворума, установленного постановлением от 4 октября 28 г."[68]. Но этот кворум не только не был отменен, но даже был введен в общесоюзный закон о самообложении с 1930 г. Таким образом, тот факт, что собрание, где не было законной явки избирателей, принимает постановление о самообложении, свидетельствует, что давление на крестьянство существовало в течение всего рассматриваемого нами времени.

Разумеется, есть действительные примеры того, что крестьянский сход по самообложению состоялся, но с большим трудом. В марте 1928 г. секретарь Воронежского губкома признавал, что сопротивление самообложению со стороны крестьян получило широкое распространение: "Мы имели целый ряд сел и волостей, где это самообложение обошлось нам довольно дорого. Собрание созывали по 4-5 раз, трепали нервы, и т. д., и т. п."[69] В Липецком уезде Тамбовской губернии отмечались случаи, когда против самообложения выступал даже советский актив, в результате чего собрания приходилось проводить неоднократно, иногда до четырех раз[70].

Во избежание таких трудностей сельские работники пошли по пути наименьшего сопротивления. Вот характерный пример: в январе 1928 г. на Северном Кавказе, при принятии постановления о самообложении "го-

лосуют «кто против», «кто воздержался», [но —*авт.*] «кто за» не голосуют, так как предложение может провалиться. Товарищи из Ейского района передавали: собрание общества началось в 11 часов, кончилось в 7 часов вечера, все выступали против декрета о самообложении, а постановление принято единогласно"[71]. Подобные методы скоро будут повторяться при проведении сплошной коллективизации.

Одновременность разных кампаний

Одновременность разных кампаний, в том числе по самообложению, по займу, по хлебозаготовкам, привела к аналогичному способу проведения всех кампаний.

Во-первых, в области реализации займа укрепления крестьянского хозяйства тоже возникла в 1928 г. та же разверсточная система, что и при самообложении.

Срок окончания кампании размещения крестьянского займа был установлен на 31 марта. По материалам информационного отдела ЦК ВКП(б), принудительное размещение займа допускалось в январе в отдельных районах, а к концу февраля и в начале марта оно отмечалось повсеместно[72]. Несомненно, здесь огромное влияние оказал телеграммный циркуляр НКФ от 27 февраля, который предложил, что реализация должна проводиться на основе «контрольной цифры (задания)». В этом можно обнаружить сходство кампаний самообложения и займа. По такой системе ВИК'и (РИК'и) получали задания размещения займа от окружных и уездных финотделов и разверстывали его по сельсоветам, а сельсоветы, руководствуясь данными о состоятельности отдельных крестьянских дворов, должны были определить, на какую приблизительно сумму должен был бы подписаться каждый крестьян села[73].

Для размещения займа повсюду созывался сход. В деревне несколько кампаний шли одновременно, их проводили одни и те же работники[74]. Они ухитрялись придать займу "характер самообложения", проводимого постановлением общего собрания с соблюдением классового принципа и даже иногда по определенной шкале в зависимости от доходности на хозяйство и едока. Однако обычно результаты реализации отставали от плановых заданий, так что вслед за собранием проводился подворный обход, сопровождаемый требованиями покупки займа. Порой «методы морального воздействия» заменялись прямым принуждением: отказом молоть хлеб, отказом от продажи водки, вызовом в сельсовет и даже показательным процессом с постановлением о "выселении из района".* Таким образом, размещение займа превращалось "в дополнительную разверстку полуналогового характера"[75].

*Надо иметь в виду, что еще в начале 1928 г. имелось немало случаев принятия сходами постановлений об исключении укрывателей хлеба из земельных обществ и выселении их за пределы сел. Очевидно, это были показательные примеры, для выполнения заготовительного плана[76].

Нарком финансов СССР Н. П. Брюханов настаивал, что нельзя считать этот циркуляр причиной административного нажима, потому что он определенно указывал на недопустимость принудительного размещения займа[77]. Но для проведения кампании по реализации займа был дан очень короткий для деревни срок. Уже упомянутые материалы ЦК отмечали, что местные парторганизации считали принуждение неизбежным ("смотрим сквозь пальцы"). Наряду с неоднократным предупреждением против давления, они одновременно "бешено и зверски" нажимали на волостного работника. Поддерживать баланс было довольно трудно, потому что излишнее привлечение к ответственности за перегибы могло привести к срыву кампании. Как нами уже отмечалось, исполкомы каждых рангов устанавливали для нижестоящих органов "ориентировочные" «контрольные цифры» поступлений от самообложения, но в процессе развертывания кампании эти цифры повсеместно неизбежно превращались в «твердые задания».

1 апреля 1928 г. в центральных газетах было опубликовано письмо А. И. Рыкова от 31 марта, которое признавало, что "в некоторых районах" применяются методы заданий по размещению займа для отдельных губерний, округов, а иногда волостей и даже сельских советов, причем местные органы часто рассматривали эти задания как обязательные для исполнителя. Рыков добавлял, что эти задания должны рассматриваться лишь как "приблизительная наметка"[78]. Это было компромиссное предложение, как и в случае с Брюхановым. Выступая позже на июльской конференции ЦК ВКП(б), И. М. Варейкис напомнил, что 1 апреля была закончена кампания распространения займа, вот почему Рыков выждал некоторое время и осудил принуждение (Варейкис говорил: "вы политически правильно выступили")[79].

Во-вторых, надо обратить особое внимание на хлебозаготовительную кампанию[80]. Еще в начале 1928 г. в отдельных местах появилась типичная разверсточная система хлебозаготовки. 2 февраля 1928 г. на заседании Орловского губкома в присутствии В. М. Молотова, Г. В. Чухриты и Я. А. Яковлева было сделано признание, что "в начале января" началась "продразверстка, выражающаяся до разверстывания заготовительных планов до волостей и отдельных селений, а местами путем обхода отдельными работниками крестьянских дворов для определения излишков с предложением вывозить". Об этом говорилось еще на пленуме губкома 9 января, что свидетельствует о довольно раннем складывании подобной системы[81]. Причем, планы разверстывал сначала уезд. Например, в Елецком уезде той же губернии, о "разверстке заготовительных планов до селений" говорилось именно в циркуляре УИК'а[82].

То же самое можно сказать про Курскую губернию. В январе Белгородский и Старо-Оскольский уезды, которым местная газета «Курская правда» присудила первое место в части "коллективная сдача хлеба, организованная постановлением схода", спустили ВИК'ам план заготовок. ВИК'и, в свою очередь, разверстали планы по сельсоветам и предложили

производить разверстку с указанием, кто из крестьян и сколько должен вывезти хлеба. В сельсоветах уполномоченные от ВИК'ов и УИК'ов совместно с председателями сельсоветов стали производить вечерние обыски (с фонарями), проверяя наличие хлеба[83]. 4 января Ольшанский ВИК Белгородского уезда направил в села директиву о необходимости обследовать каждое хозяйство для выявления излишков хлеба, составления списков крестьян и объявления каждому под расписку, сколько он должен сдать хлебных излишков[84]. Дата "4 января", если она правильна, более ранняя, чем директива Сталина от 5 января (высланная 6 января)[85]. На апрельском пленуме ЦК ВКП (б) секретарь Курского губкома А. К. Лепа отмечал тот факт, что тогда меры разверстывания заготовительного плана до села пользовались поддержкой А. И. Микояна и Г. В. Чухриты. Чухрита даже писал в своей телеграмме от 14 января, что он будет применять этот метод в качестве опыта и в других районах, хотя термин "разверстывание" в Белгороде предполагалось заменить "планами-заданиями"[86].

На апрельском пленуме Микоян признал такие меры неправильными. Лепа "тоном победителя-героя", как характеризировал его Микоян, противопоставил предложенному свой метод заготовок. Согласно этому методу, планы должны были доводиться лишь до волостей, а дальше предлагалось разверстать их по экономическим организациям (по кооперативам, по заготовителям). Лепа объяснял это тем, что планы, если они доведены до сельсоветов, поневоле заставляют сельсоветы производить подворную разверстку[87].

Однако к концу хлебозаготовительной кампании обстановка вокруг хлебозаготовок опять обострилась. Июнь – последний месяц сельскохозяйственного года, последний месяц хлебозаготовительной кампании, требовал от местной власти наиболее напряженной работы. В тот момент в отдельных местах появилась разверсточная система с посылкой уполномоченных. 1 июня на совместном заседании бюро Орловского губкома ВКП (б) и председателей областного бюро ЦК ВКП (б) ЦЧО отмечалась чрезвычайно слабая заготовка хлеба в мае. В связи с этим было предложено командировать членов бюро губкома и членов губкома в качестве уполномоченных по уездам. Предполагалось, что они останутся на местах до выполнения заданий. Им были поручено принять меры к усилению работы уездных парторганизаций, включая посылку уполномоченных из уезда, волости в село, а также разверстать цифры заготовок "вплоть до села". Во время заседания два председателя облбюро ЦК ВКП (б) ЦЧО оказывали давление на бюро Орловского губкома, настаивая довести контрольные цифры заготовок до сельсоветов и оставить "подворную заготовку", утверждая, что "административный нажим надо провести скорее"[88]. Кстати, что касается "подворной заготовки", то в отношении майских и июньских заготовок М. М. Хатаевич говорил: "повышение заготовок теперь достигается только методами подворной заготовки, а подворная заготовка – это значит обыск, лазание по амбарам, нажим"[89].

Июльский пленум ЦК ВКП(б), встречая новый хлебозаготовительный

год, требовал повышение заготцены хлеба. Предварительная наметка плана о повышении этой цены была произведена в абсолютно секретном порядке в комиссии по разработке резолюции по хлебозаготовкам 1927/28 г. еще накануне апрельского пленума[90]. Вскоре, в августе 1928 г., для проведения новой хлебозаготовительной кампании 1928/29 г. Наркомторг СССР утвердил принятые особым хлебным совещанием основные положения заготовок. По этим положениям планы хлебозаготовок, утверждаемые Наркомторгом Союза, распределялись областными, краевыми и губернскими органами Наркомторга только по округам. Дальше планы распределялись между экономическими организациями (кооперативами и заготовительными органами). Но низовым органам, то есть РИК'ам и сельсоветам, самостоятельных планов заготовок давать не предполагалось. Однако этот порядок не распространялся на основные хлебные районы. В этих районах окрисполкомам предоставлялось право доводить хлебозаготовительные планы до РИК'ов. Список таких РИК'ов устанавливался областными или краевыми исполкомами. Но и в таких районах селению хлебозаготовительный план не давали[91]. Эта директива, во многом близкая методу Лепы, имела целью в известной мере нормализировать хлебный рынок.

И в области самообложения в кампании 1928/29 г. разверсточная система тоже сначала была осуждена. Так, неопубликованное постановление ВЦИК и СНК РСФСР "О порядке проведения самообложения в 1928/29 году" от 4 октября 1928 г. предусматривало добровольность самообложения, запрещало проведение его в порядке специальной кампании, административное давление «сверху», «кампанейство», его обязательность для всех без исключения сельских местностей[92].

Однако в действительности, как позже констатировало официальное издание Наркомфина, во многих местах "специальные кампании" продолжались, причем директивные распоряжения некоторых финансовых органов указывали на необходимость подобных кампаний. Высказывались и требования привлекать к самообложению все без исключения селения, вопреки отказам и нежеланию последних. Очевидно, на необходимость таких мер оказывало влияние ухудшение хода хлебозаготовок в ноябре 1928 г. Необходим был "налоговый пресс", чтобы заставить крестьян "продавать" хлеб, и в то же время самообложение стало одним из методов мобилизации денежных средств населения. Следствием такого подхода становилось то, что в постановлениях сельских сходов часто отсутствовали все важные и необходимые в обычных случаях сведения: цели, предмет и размер самообложения, сроки его уплаты, список выбранных от населения уполномоченных в комиссию по раскладке самообложения[93]. Тем не менее, в большинстве случаев РИК'и утверждали такие постановления, так как понимали, что получить требуемый кворум не представлялось возможным даже на повторных сходах. Бывали случаи, когда по настоянию РИК'ов сходы созывались по 3-4-5 раз...[94]

Весной 1929 г. стал применяться так называемый "новый метод" хле-

бозаготовок, который, однако, по сути дела не был новым. Его сутью было доведение хлебозаготовительного плана до села. Тогда целая деревня специальным постановлением схода брала на себя обязательство ("самообязательство") сдать государству определенное количество хлеба, которое разверстывалось между отдельными хозяйствами по степени их мощности[95]. Как отмечалось выше, в начале 1928/29 сельскохозяйственного года хлебозаготовительный план устанавливался для округа или, в основных хлебных районах, для района, а дальше распределялся между экономическими организациями. Селение такого плана не имело. Теперь план стал приниматься по селениям, а внутри селения этот «поселенный план» распределялся между хозяйствами.

Этот метод фактически стал отождествляться с самообложением, для которого и использовалось понятие "самообязательство". Интересно отметить, что на апрельском (1929 г.) пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) Сталин толковал новый метод хлебозаготовок 1929 г. по аналогии с самообложением[96]*. Вероятно, под влиянием этого высказывания, местные органы начали ссылаться на закон о самообложении и налагать на крестьянское хозяйство - в случае невыполнения им твердого задания - штраф в пятикратном размере в административным порядке.[97] Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 27 июня 1929 г. узаконило эту практику, и обязательство сдачи хлеба, налагаемое на отдельных крестьян сельскими сходами, рассматривалось как "государственная повинность" каждого крестьянского хозяйства, за неисполнение которой советский закон (ст. 61 Уголовного кодекса РСФСР) предусматривал особые меры воздействия, в том числе выселение из данной местности[98].

*Не случайно, в начале 1928 г., когда стала получать распространение «коллективная сдача хлеба», организованная постановлением схода (обычно под давлением уполномоченного ВИК'а), появилось характерное сообщение (из Казани), что "в Мензелинском кантоне, на одном из собраний крестьяне единогласно приняли решение **о немедленном сборе самообложения хлебом, передав его государству**"[99]. Думается, такое сообщение соответствовало бы духу Сталина больше всего.

Один московский учитель в своем дневнике от 29 июня переписал из газеты все это постановление и постановление об изменении ст. 61 Уголовного кодекса и отметил: "под шумок проходят всякие драконовы меры по адресу крестьянства. Местные власти получают огромные карательные функции против отдельных лиц, «уклоняющихся» от выполнения общих постановлений"[100]. Поскольку «поселенный план» стал государственной повинностью для *отдельных хозяйств*, это постановление дало юридическое основание для их раскулачивания.

После того, как в хлебозаготовках вводился «поселенный план», кампания по самообложению, в свою очередь, стала проводиться таким же образом, как хлебозаготовки. Так, например, в октябре 1930 г., в самый разгар кампании по самообложению, орган НКФ требовал решительно покончить со старыми методами работы и настаивал, что "в первую оче-

редь должно быть проведено доведение контрольных цифр самообложения до села"[101]. Целый ряд материалов тех и последующих лет показывает, что годовые и квартальные планы (контрольные цифры) о твердом задании самообложения устанавливались «сверху вниз», то есть из республики, края (области), округа (ликвидированного в 1930 г.), района, сельсовета до селения с посылкой уполномоченных[102].

Непринятие сходом надлежащего решения о самообложении влекло за собой наказание села в целом. Это было своего рода копией хлебозаготовок. Так, в постановлении Мышкинского райисполкома Ивановской области от 12 ноября 1929 г. буквально говорилось: "в тех случаях, где самообложение принято менее 15% к уплачиваемой сумме сельхозналога, эти селения временно оставить на карантине, применив к ним всевозможные меры, способствующие увеличению процента самообложения..."[103]

В начале 1930-х годов для мобилизации средств населения на селе и в целях сочетания сбора обязательных сельских платежей с другими хозяйственно-политическими кампаниями, особенно хлебозаготовками, на уполномоченных по заготовкам возложили одинаковую ответственность как за выполнение плана хлебозаготовок, так и за полный сбор сельских платежей. На местах был организован прием сельхозналога, самообложения и страховых платежей от населения в пунктах сдачи хлеба, широко поощрялось принятие «встречных планов», применялся метод соцсоревнования сельсоветов, отдельных селений и хозяйств за досрочное выполнение плана, вывешивались «красные» и «черные доски». Были созданы бригады для подворного обхода и взыскания недоимок, для чего применялись самые решительные меры: опись, продажа имущества, суд[104]. В таком промышленном районе, как Московская область, в качестве принудительных мер взыскания распространялись также и "аресты на зарплату".[105] И, в самом деле, в 1930 г. по стране план самообложения был перевыполнен на 10% [106].

20 июля 1930 г. метод установления поселенных планов хлебозаготовок распространялся и на заготовки скота, картофеля, молока, льна и пеньки[107]. И в кампанию мобилизации денежных средств населения, в том числе в порядке самообложения, тоже применялся тот же самый метод. Постановление Политбюро ЦК ВКП (б) от 5 сентября 1930 г. обязало партийные и советские органы "довести контрольные задания по всем видам обязательных платежей до села"[108]. Кроме того, и участие в лесозаготовках, и работа в торфодобывающей промышленности также становились обязательными с конца 1920-х годов. Система отработочной повинности формировалась вскоре так: план доводился через области до РИК'а, а РИК, в свою очередь, распределял его по сельсоветам и колхозам[109]*.

*Вербовка единоличников на лесозаготовки и сплав проводилась в порядке принятия ими «добровольных самообязательств» с 1928/1929 г. 13 февраля 1930 г. было принято постановление ВЦИК и СНК РСФСР "О мероприятиях

по усилению работ на лесозаготовках и лесосплаве". В нем писалось о мерах ответственности для крестьян, не вышедших на лесозаготовки в том случае, если: "общим собранием граждан (сельским сходом) принято постановление о выполнении в порядке самообязательств всем селом определенной работы по заготовке и вывозке леса, а также по сплаву (в том числе со своей гужевой силой) и в связи с этим произведена раскладка заданий между отдельными хозяйствами..."[110] Автор выражает признательность Татьяне Димони, которая обратила наше внимание на этот документ.

Таким образом, не будет преувеличением сказать, что разверсточная система, вытекшая из хлебозаготовок и кампании самообложения, с 1928 г. стала фактически советской социально-экономической моделью.

Расходование средств самообложения не по прямому назначению

Как отмечалось выше, всесоюзные законы о самообложении с 1927 г. строго запрещали расходование собранных путем самообложения средств на мероприятия, не предусмотренные постановлениями сходами. Представлялось важным, чтобы крестьянство на деле убеждалось: уплаченные им деньги расходуются на неотложные для местного сообщества мероприятия. Но так как зачастую сами постановления сходов были формальными, средства самообложения расходовались не по прямому назначению. К тому же зачастую план расходования средств не отвечал действительным потребностям того или иного села, а для его выполнения не было соответствующих технических возможностей. В результате, за 1927/28 г. в стране оказался неиспользованным 41% собранных сумм самообложения. И в следующем году дело не улучшилось. Это давало крестьянам повод отказаться от самообложения, и такие случаи имелись[111].

Кроме того, как отмечалось в материалах обследования, проведенного НК РКИ РСФСР весной 1928 г., в отдельных местах волостные и районные исполкомы стремились "урвать из средств самообложения как можно больше на свою долю" и брали значительные суммы на бюджетные нужды[112]. Приводились факты, что собранные по самообложению средства специальным постановлением исполкома объявлялись неприкосновенными впредь до утверждения УИК'ом всех сельсоветских смет, и сберкассам даже давалось распоряжение выдавать сельсоветам суммы с особого в каждом отдельном случае разрешения ВИК'а (РИК'а)[113]. Обследование НК РКИ РСФСР и ОблФО ЦЧО в марте 1929 г. в Касторенском районе Воронежского округа ЦЧО установило, что значительные средства самообложения были направлены в Касторенское кредитное товарищество на текущий счет РИК'а. РИК выдавал эти средства на руки представителям сельсоветов, директорам школ и др., а также подрядчикам на производство тех или иных работ[114].

Стремление ВИК'ов оставить часть суммы самообложения в своем распоряжении не только сохранилось в дальнейшем, но еще более усилилось в 1930-е годы. Вот типичная жалоба из Волновского сельсовета,

Слободского района Горьковского края, относящаяся к 1933 г.: "Ежегодно у нас в сельсовете проводится самообложение и ежегодно райисполком 70% полученных сумм куда-то списывает. В 1932 г. РИК без ведома сельсовета снял со счета 12000 руб. Такая же картина и по другим сельсоветам района. Между тем у нас в сельсовете надо ремонтировать школы, клубы, налаживать пожарную охрану и т. д. В деревне спрашивают, куда деваются собранные средства, а мы не знаем, что и говорить"[115]. Поскольку подобные жалобы были получены некоторое время спустя после опубликования постановления Президиума ВЦИК от 20 декабря 1932 г., категорически запрещавшего изымание средств из сельских бюджетов и изъятие у сельсоветов средств самообложения[116], они могут служить свидетельством складывания традиции, весьма характерной и показательной для той эпохи. Изъятие средств самообложения в районы в конечном счете было юридически оправдано (см. ниже).

Это стремление было часто связано с тенденцией расходования средств самообложения не на односельенные, а районные нужды. Поскольку сами решения, принятые сходами, сплошь и рядом отражали намерения вышестоящих органов (РИК'ов, ОкрИК'ов и др.), постольку на первый план зачастую выдвигались так называемые "межселенные нужды". Приведем один показательный пример.

24 апреля 1928 г. президиум Кубанского окрисполкома распределил суммы фонда самообложения между отдельными отраслями хозяйства (народное образование, здравоохранение, сельское хозяйство, коммунальное хозяйство, промышленность), а также между районами, и предложил всем РИК'ам и сельским советам в ближайшее время провести соответствующие решения через общие собрания граждан. Предполагалось израсходовать средства самообложения главным образом на мероприятия районного значения. Кроме того, в отрасль "сельское хозяйство" были включены станичные семенные фонды на весеннюю посевкампанию и постройка мясокомбината общеокружного значения. Несомненно, постановления общих собраний были результатом давления извне и имели лишь формальное значение. Чтобы использовать часть средств самообложения на постройку мясокомбината, президиум Кубанского окрисполкома неоднократно и в категорической форме предлагал РИК'ам немедленно созывать общегражданские собрания. Причем, ссылка на невозможность их созыва ввиду проходящих весенних кампаний не принималась[117].

Правда, позже, 26-27 июня президиум Кубанского окрисполкома запретил использование собранных средств самообложение на мероприятия, выходящие за рамки прерогативы соответствующих стансоветов, в пределах которых были собраны средства. Предлагалось распространить этот порядок на все случаи, когда имелось согласие общегражданских собраний на мероприятия общеокружного (постройка мясокомбината) и районного значения. Разумеется, последнее предложение означало, что сам президиум признавал формальность решений сходов[118]. Тем не менее,

тенденция расходования средств самообложения на межселенные нужды сохранилась и укоренилась де-факто еще в 1928 г.

Например, постановление Воронежского губисполкома от 5 марта 1928 г. санкционировало самообложение на сельскую почту. Правда, это незаконное постановление потом отменили (12 ноября того же года), но эта отмена была формальной, и "фактически самообложение на почту практикуется в больших размерах и теперь [в 1929 г. – *авт.*]"[119]. Постановление коллегии Вятской губернской РКИ от 12 августа 1929 г. привело данные, что в 1927/28 г. 58,8% сумм средств самообложения было израсходовано на мероприятия селенного значения (противопожарная охрана, дорожное дело, благоустройство, сельское хозяйство) и 41,2% - на мероприятия межселенного и районного значения (народное образование, здравоохранение, прочие хозяйственно-культурные нужды)[120]. По документу НКВД РСФСР, посланному НК РКИ РСФСР 18 июля 1928 г., отчисления, ушедшие в распоряжение ВИК'а и РИК'а на межселенные нужды, составляли местами 35-50% всех средств самообложения[121].

В районах, где крестьяне хотели расходовать собранные средства самообложения на свои неотложные нужды, РИК'и и другие вышестоящие инстанции нередко вмешивались в расходование средств, несмотря на протесты сельсовета и населения. Имели место всевозможные переброски средств с одного мероприятия на другое и особенно на удовлетворение административных нужд, и все без санкций общих собраний. Так, по протоколу Семено-Александровского сельсовета Бобровского района Воронежского округа от 28 августа 1928 г. сумма в 1075 рублей снималась с содержания общественного колодца, скотного могильника, пожарного обоза, избы-читальни, ветпункта, ремонта пожарного обоза, дорожного строительства и перебрасывалась на нужды сельпочты (825 руб.) и оплату телефонной связи (250 руб.). Чаще всего разные виды расходов сельсоветов и любые другие административные нужды включались в пункт "прочие расходы" в смете[122]. 28 марта 1928 г. Шадринский окружной исполком Уральской области, *после* принятия постановлений сходов о целевом использовании средств самообложения, прямо дал распоряжение всем РИК'ам "бороться с расходами на мелкие нужды селения, как например, устройство плотин, колодцев, скотских кладбищ и т. п."[123]

Позже, 1 июня 1931 г. НКФ РСФСР обратился в СНК РСФСР с предложением, чтобы расходовать средства самообложения на мероприятия и учреждения сельского и межселенного значения и на отдельные общерайонные мероприятия и учреждения, имеющие значения для населения всего района (например, больница, школа крестьянской (колхозной) молодежи и т. п.)[124]. Как будет показано ниже, это предложение было принято правительством СССР в 1932-33 гг.

Из-за существовавшей в то время системы взаимопроникновения кампаний обнаруживаются особенно характерные примеры. Во-первых, были случаи размещения займа в обмен на средства самообложения. Такая мера весьма широко практиковалась в 1927/28 г., так как крестьяне ока-

зывали особенно сильное сопротивление кампании размещения займа. Они не знали разницы между ценной бумагой и лотерейным билетом или (в районах принудительного размещения) налоговой квитанцией, а заем для них был "антихристовой печатью"[125]. Обследование самообложения в Бобровском районе Воронежского округа показало: на основании распоряжения (бывшего) Бобровского УИК'а от февраля 1928 г. большинство сельсоветов потратили значительные средства на покупку облигации ЗУКХ. В Хреновском сельсовете того же района из суммы около 6000 рублей, которую сельсовет дополнительно разверстывал по классовому принципу, 1000 рублей было передано волисполкому на ремонт больницы волостного значения, а остальная сумма, "согласно распоряжению волисполкома", предназначалась на приобретение ЗУКХ[126].

Во-вторых, значительную часть средств, собранных по самообложению, раздавали местным кооперативным организациям для помощи им в приобретении промтоваров в целях усиления хлебозаготовок. В Хреновском сельсовете не было выполнено постановление схода о постройке школы, ввиду того, что по смете было предусмотрено только 2400 руб., а дополнительная смета не была составлена из-за приобретения займа. Зато 6300 рублей было выдано заимообразно потребительским обществам[127].

В 1930 г. собранные средства самообложения нередко использовались даже в целях коллективизации. Так, по Нижневолжскому краю по распоряжению вышестоящих исполкомов из средств самообложения выдавалась зарплата двадцатипятитысячникам[128].

В то время законы союзных республик ежегодно устанавливали, согласно союзному закону о самообложении, перечень мероприятий, на которые можно собирать средства путем самообложения. Тем не менее, как, например, констатировал Уральский облисполком в мае 1928 г., в большинстве округов РИК'и нарушали инструкцию ОблИК'а, изменяя (расширяя) перечень мероприятий[129]. Это означало, что перечень, установленный законом РСФСР, служил тормозом для свободной деятельности РИК'ов.

Задача подчинить работу земельных обществ руководству сельских советов была поставлена на XV съезде ВКП(б). Молотов тогда подчеркивал: "мы немножко с этим запоздали, а это означает, что мы должны за это дело взяться по-настоящему"[130]. Однако ввиду обострившихся взаимоотношений между советской властью и крестьянством в обстановке хлебозаготовительного кризиса с конца 1927 г. необходимость упразднить земельные общества стала неотложной. Об этом свидетельствуют результаты обследования НК РКИ РСФСР Тамбовской деревни в начале 1928 г. Они сводились к следующему: "выборные органы земельных обществ, пользующиеся в деревне большим авторитетом, благодаря тем функциям власти, которые они несут до сих пор, оказывали очень часто то скрытое, то открытое сопротивление проведению наших мероприятий"; "престиж земельных обществ в деревне очень часто выше, чем сельсоветов и активная часть деревни с большим интересом участвует в работе

земельных обществ, чем в работе советов"; "этот актив, легально существующий и воспитавшийся на разрешении типичных крестьянских вопросов и на защите интересов деревни, выполняет функции крестьянского союза и несомненно служит зародышем его"[131].

Характер земельного общества как "крестьянского союза" воплощали в себе, прежде всего, ходоки и различного рода уполномоченные земельных обществ. В мае 1928 г. на совещании заведующих орготделов местных исполкомов представитель Тамбовской губернии говорил: "земельное общество является таким очагом, из которого сплошь и рядом исходят различные «ходачества» и сутяжничество с существующей советской системой"[132]. В условиях обострения с конца 1927 г. ситуации в деревне, вызванного разными кампаниями, следует учитывать сам факт существования крестьянской общины. "Земельные общества пользуются правом объединяться в союзы, а следовательно это право имеет и актив земельных обществ, получая таким образом возможность из зародышевого состояния крестьянского союза превращаться в более обширную и могучую организацию", - резюмировал подготовленный РКИ документ и, задавая вопрос, выгодно ли пролетариату, чтобы в деревне существовала иная власть, сам же и отвечал: "несомненно нет"[133].

В следующем 1929 году специальная группа ЦКК-НК РКИ вновь обследовала советский аппарат в Козловском округе ЦЧО (бывшей Тамбовской губернии). Группа предложила практические мероприятия, направленные на подчинение земельного общества руководству сельсовета. Они состояли в том, чтобы установить обязательность: 1) избрания уполномоченных земобществ из членов сельсовета от данного селения, 2) внесения земобществами всех постановлений на утверждение сельсоветов, 3) включения доходов земобществ в бюджеты сельсоветов. Это заключение нашло полное отражение в постановлении президиума Козловского окрисполкома от 3 апреля 1929 г.

Группа ЦКК-НК РКИ делала упор особенно на третий пункт своих предложений и настаивала на ускорении введения так называемых самостоятельных сельбюджетов. Руководитель группы М. М. Харитонов требовал, чтобы средства самообложения расходовались под контролем сельсоветов, либо путем включения их в сельбюджеты (со строго целевым назначением), либо – по особым сметам[134]. Но Козловский окрисполком поддерживал только второй метод. Его аргумент был таким: "имея в виду, что самообложение населения не носит постоянный характер и размер, и имеет строго целевое назначение в зависимости от нужд того или иного селения, входящего в состав сельсовета, признать целесообразным установить контроль сельсовета за расходованием этих средств путем составления особой сметы (в виде спецсредств к местному бюджету), *не входящей в основной бюджет сельсовета* и расходуемой строго на те нужды, которые указаны в постановлениях самих граждан" (курсив наш)[135]. Опасения Козловского окрисполкома были оправданны. Как оказалось вскоре, включение средств самообложения в сельбюджет сразу

привело к отрицанию его целевого назначения.

В 1930 г., с развертыванием коллективизации, началась новая стадия. "Основные положения об организации сельских советов" от 3 февраля 1930 г. и новый общесоюзный закон о самообложении от 16 августа 1930 г. установили принцип самостоятельности сельских бюджетов за счет включения в них средств самообложения. Начиная с 1 октября 1930 года (т.-е., с "особого квартала")*, средства самообложения входили в состав доходной части сельбюджетов. Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 10 ноября 1930 г. предусматривало введение самостоятельных бюджетов в районах сплошной коллективизации с 1 января 1931 г. во всех сельсоветах, а в остальных районах - в сельсоветах с населением более 1000 человек[136].

*С 1931 г. экономический год (с октября по сентябрь) совпадал с календарным годом (с января по декабрь). Поэтому нужен был "особый квартал": октябрь-декабрь 1930 г.

Как только средства самообложения включались в сельбюджет, они теряли свой целевой характер. В особом квартале 1930 г. и в дальнейшем поступления по самообложению обращались на общебюджетные нужды, включались в «общий котел»[137]*. С 1931 г., при утверждении контрольных цифр местного бюджета, СНК РСФСР включал эти средства в доходную часть местного бюджета.[138] Докладная записка НКФ РСФСР от 22 сентября 1932 г., адресованная во ВЦИК РСФСР, констатировала, что как в центре, так и на местах средства, собранные по самообложению, зачислялись полностью в доходы местного бюджета на покрытие расходов, предусмотренных общим планом местного бюджета, без выделения особых мероприятий за счет самообложения. В таком же виде контрольные цифры местного бюджета доводились и РИК'ами до сельсовета. Следовательно, перед последним стояла сложная задача согласовать решения общих собраний об использовании самообложения с планом сельского бюджета, составленным РИК'ом. Разумеется, вместо повторного созыва общих собраний, который, как уже отмечалось, был затруднен и часто оказывался бесполезным, сельсоветы становились на путь выполнения плана, предложенного РИК'ом. Нередки были случаи и прямого нарушения решений общих собраний районными и республиканскими финансовыми органами, которые перечисляли средства самообложения в свой районный и даже областной бюджет.[139]

*В то время существовало общепризнанное мнение, что самообложение отличается от налогов не только своим добровольным характером, но и тем, что оно не идет в «общий котел» государственных и местных доходов[140].

Общая сумма средств самообложения значительно увеличилась по РСФСР с 105 млн. рублей в 1929/30 г. до 313 млн. рублей в 1932 г. Тем не менее, это огромное увеличение не сопровождалось столь же быстрым ростом местного бюджета в целом и в особенности по тем отраслям и мероприятиям (капитальные вложения), которые были связаны с самообложением. Таким образом, вследствие включения средств самообложения в бюджет сложилась характерная ситуация. С одной стороны,

РИК'и имели утвержденные бюджеты. С другой стороны, у них не было возможности изыскать дополнительные доходные источники, потому они расходовали собираемые суммы самообложения в соответствии с бюджетами. В итоге РИК'и перекладывали расходы, проводившиеся ранее за счет бюджетных средств, на средства самообложения, и тем самым по существу игнорировали целевую установку самообложения[141].

Правда, еще оставалась некоторая свобода расходования средств, так как все законодательные акты 1930 года, вводившие самостоятельные сельбюджеты, пока сохраняли принцип неприкосновенности решения общих собраний. Так, постановление СНК РСФСР от 1 сентября 1930 г. категорически запрещало направлять средства самообложения не по прямому назначению, и НК РКИ РСФСР своим циркулярным распоряжением от 31 декабря 1930 г. предложил ОблРКИ привлекать виновных к ответственности за неправильное расходование этих средств[142]. Однако, по сути, правительство вело двойную игру, поскольку произвести проверку использования сумм самообложения на прямому назначению не представлялся возможным, так как эти средства теперь расходовались в общем порядке исполнения бюджетов. Такая постановка вопроса уже отставала от времени. Якобы принципиальное (по крайней мере внешне) отношение правительства к этому вопросу, на самом деле, вызывало путаницу в работе нижестоящих инстанций.

В связи с расходованием средств самообложения 1930 г. не по прямому назначению Западно-областная РКИ обратилась 12 мая 1931 г. в НК РКИ РСФСР и просила его поставить вопрос на обсуждение правительства. По этому письму, с особого квартала 1930 г. по контрольным цифрам НКФ, утвержденным правительством, самообложение включалось в общий объем доходной части сельбюджета, но, согласно распоряжению ОблФУ, собранные по области средства были зарезервированы, значительные суммы из них были израсходованы районами и переданы области (в областной фонд регулирования)[143].

Докладная записка НКФ РСФСР в СНК РСФСР от 1 июня 1931 г., подготовленная, очевидно, на основе подобной информации из разных областей страны, констатировала, что в 1931 г., после того, как самообложение включилось в общий объем доходной части сельского бюджета, в отдельных районах значительная часть этих средств обращалась на заработную плату работникам культурно-социальных учреждений: в ЦЧО 53% всех расходов покрывалось средствами самообложения, в Западной области - 25%, в Московской области - 20% и т. п. Без официального разрешения со стороны правительства некоторые край(обл)исполкомы вынуждены были принять соответствующие решения. Был расширен перечень нужд, на которые разрешалось расходовать средства самообложения. В частности, вносились предложения разрешить расходовать эти средства на полное содержание (вместе с зарплатой) ряда культурно-социальных и хозяйственных учреждений, состоящих на местном бюджете, за исключением содержания сельсовета*. Такое предложение почти ничем не от-

личалось от предложения заменить самообложение надбавкой к с.-х. налогу на местные нужды[144].

*Как отмечалось выше, официально было запрещено использовать средства самообложения на административные расходы по содержанию местных органов власти, так что край(обл)исполкомы тогда не предлагали тратить средства самообложения на содержание сельсоветов. Хотя, разумеется, в то время в действительности был отмечен ряд случае расходования этих средств на оплату аппарата сельсовета и административные расходы.[145]

На самом деле необходимо было ослабить противоречия между требованиями закона и создавшейся практикой. 15 августа 1931 г. СНК РСФСР разрешил совнаркомам АССР и край(обл)исполкомам распространить на отдельные районы право расходования средств самообложения на зарплату работникам культурно-просветительных учреждений для следующих 14 административно-территориальных единиц: Северный край, Западная область, Нижегородский край, ЦЧО, СВК, Западно-Сибирский край, Восточно-Сибирский край, Башкирская АССР, Казахская АССР, Киргизская АССР, Автономная Республика немцев Поволжья, Татарская АССР, Чувашская АССР, Уральская область. 22 февраля 1932 г. СНК РСФСР разрешил и исполкому Ивановской Промышленной области распространить на отдельные районы области то же право[146].

Но речь шла пока только о зарплате работников культурно- просветительных учреждений. А постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 28 августа 1932 г. разрешило повсеместно отчислять за счет средств самообложения полное содержание не только социально-культурных, но и ряда хозяйственных учреждений. Но здесь еще оставался подробный перечень учреждений и мероприятий, на которые можно собирать средства путем самообложения[147]. Чтобы полностью разрешить расходовать средства самообложения не по прямому назначению, необходимо было упразднить сам перечень мероприятий, который каждый год устанавливался законами союзных республик, а в конце концов, и сам принцип сохранения целевого назначения самообложения. НКФ РСФСР в документе от 1 июня 1931 г., направленном в СНК РСФСР, считал целесообразным в новом законе о самообложении отказаться от подробного перечня мероприятий, ограничившись только указанием, что эти средства должны быть направлены на культурные и хозяйственные нужды села[148]. Это намерение сразу не осуществилось. Положение о перечне мероприятий исчезло в общесоюзном законе 1933 г. о самообложении. Кроме того, именно в этом законе, наконец, отпал важнейший пункт, устанавливавший обязательное сохранение целевого назначения включенных в сельбюджеты средств самообложения. Фактически это означало окончательный разрыв самообложения с традициями сельской общественности.

Оставалось только привести юридические нормы в соответствие с действительностью. Так как мероприятия, требующие больших расходов, например, постройка амбулаторий, школ повышенной ступени (средних школ), местных электростанций и т. п., не могли быть проведены в от-

дельных селениях, общесоюзный закон 1932 г., в отличие от прошлых лет, впервые открыл юридическую дорогу к возможности расходования средств самообложения на мероприятия, обслуживающие несколько селений, *не* объединенных одним сельсоветом, и *район в целом*. Для материального обеспечения подобных мероприятий закон 1933 г. давал РИК'ам возможность получить значительную сумму этих средств с сельбюджетов, устанавливая, что средства, собранные по самообложению, поступают в сельские *и районные* бюджеты.

В законе 1934 г. о самообложении появилось новое положение, согласно которому средства, собранные по самообложению, в размере 75% поступали в сельские и районные бюджеты и расходовались на культурные и хозяйственные мероприятия, предусмотренные бюджетом (*т. е. не решением собрания граждан, а в бюджетном порядке*); а 25% оставались в полном распоряжении сельского совета на не предусмотренные сельским бюджетом нужды села. Характерно, что даже в отношении этих последних, весьма незначительных средств, не было упомянуто о необходимости их расходования в точном соответствии с постановлением общего собрания.

Общесоюзный закон 1933 г. о самообложении объявил, что "самообложение населения для удовлетворения его культурных и хозяйственных нужд *проводится* в сельских местностях и дачных поселках" (курсив наш), тогда как соответствующие законы на протяжении 1927-1932 гг. предусматривали, что граждане, проживающие в сельских местностях и дачных поселках, *могут* выносить постановления о самообложении для удовлетворения их культурных и хозяйственных нужд[149]. Таким образом, самообложение и формально перестало быть добровольным.

Как отмечалось выше, введенный весной 1929 г. «поселенный план», несмотря на официальные заявления о его добровольном характере, подвергался разверстанию между отдельными хозяйствами сельским сходом. Тем самым обязательство каждого крестьянского хозяйства рассматривалось как "государственная повинность", а его неисполнение зачастую грозило раскулачиванием. «Поселенный план» явился определяющим моментом хлебозаготовок в годы первой пятилетки и практически подчинил себе систему контрактации, подготовив переход к обязательным поставкам 1933 г., имеющим силу "налога"[150].

Таким же образом, самообложение, как материальная основа общинного самоуправления, с 1928 г. стало частью государственной фискальной системы, превратившись практически в род местной государственной повинности или местного налога для пополнения местных бюджетов. Предположения крестьян в 1928 г., что введенное самообложение является дополнительным налогом, оправдались. Как и «поселенный план» (читай - обязанность), план самообложения доводился до села в форме контрольных цифр "сверху вниз".

Связанная с самообложением ситуация 1930-х годов имела две отличительные особенности. Первая заключалась в изъятии средств самооб-

ложения вышестоящими над сельсоветом организациями, особенно райисполкомами; вторая – в расходовании средств самообложения не по прямому назначению, т.-е. помимо решений общих собраний граждан или же без согласия сельских общих собраний граждан. Обе эти особенности наметились как тенденции уже в конце 1920-х годов. Причем, они явились двумя сторонами одного и того же общего процесса поглощения и передачи самоуправленческой функции земельных обществ вышестоящим инстанциям, что фактически означало конец общины как местного крестьянского союза[151].

Следует обратить внимание на социальный аспект этого процесса. Введение всеобщего начального обучения и значительный рост сети начальных школ, медицинских учреждений, зарплат оперативно- обслуживающего и технического персонала, потребности телефонизации деревни, развитие сельской инфраструктуры в целом были затруднены при сохранении принципа расходования средств самообложения исключительно в соответствии с решениями общего собрания одного селения. Средства, собранные путем самообложения, направлялись и на межселенные нужды, на общерайонные (иногда даже областные) мероприятия. Перевод средств местного самообложения в районные бюджеты отражал крутой поворот традиционного общества к модернизации, когда потребности социально-экономического развития неизбежно разрывают узкие локальные связи в рамках одного села. Однако это была *определенного рода* модернизация, в том смысле, что она сопровождалась значительным ослаблением функций низовых аппаратов и местного сообщества. Чтобы представить этот процесс, надо в заключение объяснить обстановку вокруг сельсоветов в 1930-е годы.

Самостоятельность сельбюджета: вместо заключения

Трудно было претворять в жизнь идею превращения сельсовета в настоящего хозяина деревни вместо земельного общества с помощью введения самостоятельного сельбюджета. Правда, к 1932 г. сельбюджеты имелись практически везде, за исключением некоторых районов[152]. Однако, по мере повсеместного введения самостоятельных сельбюджетов ускорялся и процесс передачи сельбюджета райбюджету, по аналогии с передачей средств самообложения району. В 1930-е годы нарушение бюджетной самостоятельности сельсоветов со стороны райисполкомов было весьма существенным фактором.

По существу, с самого начала, еще в 1920-е годы, даже в случае, когда существовали "самостоятельные" сельские бюджеты, они "повсеместно и во всех союзных республиках" вводились фиктивно, механически, без участия сельской общественности и даже сельсоветов. Практически нормой была ситуация, когда "приходит в район или волость указание, что надо, как бы по разверстке, образовать столько-то сельских бюджетов и все". В большинстве случаев РИК'и сами составляли и исполняли бюд-

жеты сельсоветов, а также задерживали причитающиеся советам отчисления[153].

В дальнейшем положение по существу не только мало изменилось но, как представляется, еще и ухудшилось[154]. РИК'и в лице РайФО не только в корне меняли построенные сельсоветами бюджеты, но, фактически, продолжали составлять его в своем аппарате и в 1930-е годы. Результат обследования Дмитровского района Московской области в 1931-32 гг. был таковым, что бюджеты, составленные РайФО "без всякого участия сельсоветов", препровождались сельсоветам для исполнения "без всякого согласования с ними"[155]. С марта 1932 г. бюджеты, разосланные из района под названием «контрольных цифр», должны были рассматриваться и прорабатываться сельсоветами. Однако результат обследования Ивановской Промышленной области в ноябре того же года опять-таки показал, что большинство сельсоветов "совершенно не обсудило контрольные цифры на своих заседаниях и широких совещаниях с общественностью"[156].

В годы сплошной коллективизации многие сельские советы были ослаблены и нередко даже распущены из-за своей неподготовленности к разным кампаниям в деревне. Но сельские бюджеты номинально имели прочную финансовую базу. Подобное положение для сельского бюджета было создано благодаря закреплению за ним таких крупных статей доходов, как средства самообложения, сельхозналог, а также значительная часть отчислений от госзаймов, реализуемых среди крестьянского населения. Однако от сельсоветов поступали жалобы, суть которых заключалась в том, что даже в случае, если сельхозналог, самообложение, страховые поступления и средства от реализации госзайма были собраны ими полностью и все деньги сданы в Госбанк, районный финансовый отдел перечислял на свой счет "сколько вздумается и когда вздумается"[157].

Попытка создать "самостоятельные" сельские бюджеты в конце концов закончилась неудачей. Даже в Московской области проверка бюджетной кампании 1933 г. признавала хаотическое состояние сельских бюджетов. В большинстве случаев сельсоветы получали из района – "для руководства и исполнения" – приходо-расходную смету, составленную чисто канцелярским путем. Получалось поэтому, что и сами сельсоветы часто не знали своих "сельбюджетов" ("бюджетных 'шпаргалок' из района"). Практиковалось и незаконное списывание бюджетных средств со счетов сельсоветов, изъятие у сельсоветов средств самообложения, включение в районный бюджет (помимо сельского) доходов от некоторых предприятий и имуществ сельского значения и других источников, по закону полностью закрепленных за сельсоветам, и так далее, и тому подобное[158].

Позже, на проводимом СНК СССР в июле 1935 г. совещании нарком финансов СССР Г. Ф. Гринько говорил: "Большинство же сельсоветов вплоть до настоящего времени живет еще по примитивным приходо-расходным сметам, составленным за них в районном финансовом от-

деле и утвержденным президиумом РИК'а чохом по всем сельсоветам". "Краевые и районные исполкомы и райфо очень часто смотрят на сельские бюджеты, как на балансовую статью своих мероприятий. Сельские бюджеты плохо защищены от вышестоящих районных и областных местных бюджетов". Все участвовавшие в совещании работники сельсоветов и райисполкомов подтверждали эту характеристику. Секретарь Головщенского сельсовета Грязинского района Воронежской области откровенно говорил о действительном положении дела: "В нашем сельсовете фактически своего бюджета нет. Он числится на бумаге. В районе его утверждали без нашего участия. Райисполком по своему усмотрению уменьшал одни статьи и увеличивал другие. Причитающиеся нам отчисления идут в районный бюджет, а оттуда нам переводят столько, сколько заблагорассудится"[159].

Многие сельсоветы потеряли всякую заинтересованность в самостоятельных бюджетах, усматривая в них лишь обузу для своих канцелярий. Более того, отношение сельсоветов к действиям вышестоящих инстанций было тоже пассивным. Изъятие значительных сумм сельбюджетов приводило к усилению их финансовой зависимости от районов. Они вынуждены были жить на переводимые им из РайФО дотации за счет средств самообложения. Районы полагали, что, составляя сельбюджет, они оказывают помощь сельсоветам, которые "де слабы счетными силами". Сельсоветы, лишенные бюджетной самостоятельности, в свою очередь, не стремились укрепить свои бюджеты, рассчитывая на то, что в случае нехватки средств их пришлют из районного центра. В отдельные сельсоветы такие пособия достигали 80% ко всей сумме доходов[160].

Следующее наблюдение, опубликованное в середине 1930-х годов, весьма показательно: "В итоге всего этого получается *мелочная опека* со стороны района над сельбюджетом, что приводит к урезке бюджетных прав сельсоветов, лишению их бюджетной самостоятельности и нередко превращает сельбюджет, в глазах самого сельсовета, не говоря уже об общественности, в простой клочок бумаги. Есть немало районов, где сельсоветы фактически переведены на положение *иждивенцев*, питающихся подачками из районных центров и выполняющих обязанности ответственных сборщиков дохода" (курсив наш)[161].

В ходе упомянутой ранее проверки в Московской области выяснялось, что по целому ряду сельсоветов расходная часть их бюджетов состояла почти целиком из заработной платы. Это был серьезный дефект сельбюджетов, свидетельствующий отнюдь не о хозяйственно-производственном, а преимущественно потребительском их характере. Сельсовет не стал деревенским хозяином, заменившим общину. Проверка выявила также факты взимания сборов с населения на дополнительную оплату работникам сельсоветов, содержание уполномоченных и ночных сторожей и т. п.[162] Это было не что иное, как «самообложение».

На совещании членов ВЦИК и предриков в феврале 1932 г. мнения всех участников сошлись на том, что "район ущемляет бюджетные права

сельсоветов, и ссылается при этом на то, что его урезывает край, а при обращении к краю, там говорят: «нас урезал НКФин, поэтому мы урезываем вас»"[163]. В докладной записке НКФ РСФСР во ВЦИК от 5 ноября 1932 г. было недвусмысленно написано: "В условиях закрепления платежей сельского населения за сельскими бюджетами при необеспеченности районных, а в большинстве административных единиц и краевых бюджетов, закрепленными за ними доходами, перераспределение внутри краев (областей) и АССР в 1931 г. пошло в направлении изъятия средств *снизу вверх*; от сельских и городских бюджетов в вышестоящие" (курсив наш)[164]. Такая система и в дальнейшем сохранилась и даже укоренилась. В 1934-1935 гг. установленное по годовому плану распределение доходов в ряде случаев нарушалось, и имели место прямые изъятия средств районами из сельских бюджетов и краями – из районных[165]. Очевидно, что усиление изъятия средств "снизу вверх" соответствовал утверждению централизованного управления народным хозяйством, а также процессу, который проходил в ущерб интересам сельских советов в форме передачи "снизу вверх", непосредственно вышестоящим инстанциям, функций, раньше присущих обществу-общине.

Примечания

[1] О самообложении в 1920-е годы см.: Taniuchi Yu. *The Village Gathering in Russia in the Mid-1920's.* Soviet and East European Monographs No.1, CREES, University of Birmingham, 1968; *Данилов В.П.* Об исторических судьбах крестьянской общины в России // Ежегодник по аграрной истории. Вып. 6. Вологда, 1976; *Кознова И.Е.* Сельские советы и земельные общества: динамика взаимоотношений в 1921-1929 гг. по материалам Европейского центра РСФСР. М., 1980 (работа депонирована в ИНИОН РАН); *Яхшиян О.Ю.* Самообложение в деревне 1920-х годов // Научные труды МПГУ. Серия: социально-экономические науки. М., 1998; *Сафонов А.А.* Советская власть и общинное крестьянство Тамбовской губернии накануне коллективизации: проблемы взаимоотношений (по материалам кампании по самообложению 1928 г.) // Власть и общество в России. XX век. М.-Тамбов, 1999. После написания настоящей статьи появилась посмертная книга проф. Ю. Таниути. Революция сверху: происхождение сталинизма (на японском языке). Токио, 2004.

[2] *Лужин А. Резунов М.* Низовой советский аппарат. М., 1929. С. 22.

[3] Коммунальное дело. 1927. № 4. С. 45.

[4] *Боговой И.* Деревенские будни. М.-Л., 1928. С. 129-130.

[5] Вестник финансов. 1928. № 1. С. 80.

[6] Летом 1923 г. ВЦИК РСФСР издал циркуляр, запрещающий органам власти вводить сборы в денежной и натуральной форме, если эти сборы не предусмотрены законоположениями, и допускающий сборы для общественных нужд только на началах добровольного согласия граждан, объединившихся для этой цели в организации (Советская волость. 1923. № 1. С. 25).

Здесь и далее о союзных законах о самообложении каждого года, см.: СЗ. 1924. № 6. Ст. 69; СЗ. 1927. № 51. Ст. 509; СЗ. 1930. № 44. Ст. 451; СЗ. 1931. № 48.

Ст. 320; СЗ. 1932. № 65. Ст. 376; СЗ. 1933. № 32. Ст. 189; СЗ. 1934. № 30. Ст. 232; СЗ. 1935. № 30. Ст. 233; СЗ. 1936. № 40. Ст. 341. В 1928, 1929 гг. действовал закон 1927 г. с поправками. Что касается колхозников, то они не участвовали в самообложении до закона на 1930 г. включительно, но с закона 1932 г. в самообложении участвовали и колхозники. В законе 1931 г. указывалось, что "в самообложении участвуют...колхозники, имеющие необобществленные доходы".

[7] Экономическая жизнь. 31 января 1924 г.

[8] СУ. 1925. № 57. Ст. 455.

[9] Подробнее см.: ГАРФ. Ф. Р-374. Оп. 6. Д. 90. Л. 76; Д. 91. Л. 5; Д. 92. Л. 9, 20 об.

[10] Коммунальное дело. 1927. № 4. С. 44.

[11] НК РКИ РСФСР. Волостной бюджет и волостное хозяйство (по материалам обследования НК РКИ РСФСР). М., 1925. С. 71-82; Деревня и наши недостатки. Гомель, 1925. С. 44-45.

[12] НК РКИ РСФСР. Волостной бюджет и волостное хозяйство. С. 67-69.

[13] Низовой бюджет и общественное хозяйство деревни. Под ред. М. Л. Леонтьева. М., 1929. С. 86; *Казаков П.* Самообложение крестьянского населения. М., 1929. С. 12.

[14] *Филиппов И., Крынская Б.* Территория и материальная база сельсоветов. М., 1930. С. 58.

[15] Подробнее см.: Совещание по вопросам советского строительства (апрель, 1925 г.). М., 1925. С. 99-107. В 1926 г. редакции журнала «Советский путь» и «Крестьянской газеты» получили огромное количество писем из деревни. Письма о самообложении по своему количеству уступали только письмам "о семье и браке" и "о сельхозналоге". Об анализе этого деревенского отклика, см.: Крестьянская газета. 23 ноября 1926 г.; Советский путь. 1926. № 6. С. 24-32; Советское строительство. 1927. № 4. С. 84-89. Кстати, на совещании представитель Наркомфина Е.В. Полюдов высказался за самообложение в форме натуральных повинностей, объясняя его возможность избытком рабочей силы в деревне и неполной нагрузкой рабочего скота. Представитель Саратовской губернии называл это худшей формой самообложения в условиях НЭПа (Совещание по вопросам советского строительства (апрель, 1925 г.). С. 107, 119). Точка зрения Полюдова имеет, на наш взгляд, отношение к такой политике того времени, как разрешение применения наемного труда в сельском хозяйстве, поощрение сельских кустарей и т. д.

[16] Совещание по вопросам советского строительства (апрель, 1925 г.). С. 184.

[17] Советское строительство. 1927. № 4. С. 92.

[18] Ни всесоюзный закон 1924 г., ни декрет ВЦИК от 17 августа 1925 г (о дорожном строительстве) не устанавливали принципов раскладки самообложения, последние находились по-прежнему полностью в компетенции сходов.

[19] Советское строительство. 1926. № 3-4. С. 86-87; Революция права. 1928. № 6. С. 140.

[20] Советское строительство. 1928. № 4. С. 46; Финансы и народное хозяйство. 1928. № 16. С. 29.

[21] Власть советов. 1926. № 9. С. 4-5.

[22] *Микоян А.И.* Результаты кампании по снижению цен. М., 1927. С. 6.

[23] Контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1927/28 год. М., 1928. С. 242.

[24] НКТорг РСФСР. Всероссийский торговый съезд. 25-28 апреля 1928 г. Основные вопросы торговли. М., 1928. С. 20-21.
[25] Экономическая жизнь. 20 августа 1927 г. (доклад заместителя председателя Хлебопродукта Капелинского о перспективах хлебозаготовительной кампании 1927/28 года.)
[26] ГАРФ. Ф. А-410. Оп. 1. Д. 45. Л. 87; Как ломали НЭП. Т. 2. М., 2000. С. 442. Первый источник - телеграмма И.Я. Вейцера (члена коллегии НКТорга СССР) от 9 сентября 1927 г., а второй - выступление А.И. Микояна на июльском (1928 г.) пленуме ЦК ВКП(б), связанное с оценкой им роли Госплана СССР (особенно Эм. И. Квиринга) на объединенном совещании СНК СССР и СТО в сентябре 1927 г. Именно в сентябре (на самом деле, с начала 1927 г.) за повышение заготовительных цен на хлеб высказывался в Политбюро Н. Осинский (Большевистское руководство. Переписка. 1912-1927. М., 1996. С. 358). О динамике движения заготовительных цен на хлеб в те месяцы 1927 г. см.: Движение цен. № 19-20. 1927. С. 30-31; № 21-22. 1928. С. 3; № 23-24. 1928. С. 4-5; Экономическое обозрение. 1927. № 11. С. 49.
[27] НКТорг РСФСР. Торговля РСФСР (1925-1928). Л., 1929. С. 236.
[28] К апрельскому пленуму ЦК ВКП (б) эту точку зрения разделяли многие руководители партии и государства (Трагедия советской деревни. Т. 1. М., 1999. С. 34, 162; Как ломали НЭП. Т. 1. М., 2000. С. 61-62, 70-71, 80, 91. См. также статьи В.П. Шеханова и С.А. Первушина: Экономическое обозрение. 1927. № 11. С. 49-50; 1928. № 2. С. 43; 1928. № 7. С. 138.
[29] Заслуживает внимания, что в январе 1928 г., выступая с докладом, Сталин всерьез говорил о кулацких хлебных излишках в размере 50-60 тысяч пудов, то есть около миллиона килограммов (?!) хлеба на каждое хозяйство (*Сталин И. В.* Сочинения. Т. 11. М., 1949. С. 2).
[30] *Сталин И.В.* Сочинения. Т. 11. С. 12, 14.
[31] *Базаров А.* Дурелом, или Господа колхозники. Курган, 1998. С. 45.
[32] Власть советов. 1927. № 42. С. 4.
[33] Вестник финансов. 1929. № 10. С. 71.
[34] Подробнее см.: Вестник финансов. 1929. № 7. С. 89.
[35] ГАРФ. Ф. Р-374. Оп. 6. Д. 295. Л. 147.
[36] Статистическое обозрение. 1930. № 1. С. 106; Финансы и народное хозяйство. 1930. № 25. С. 20.
[37] Финансы и народное хозяйство. 1929. № 43. С. 2-3; 1930. № 22. С. 1; 1930. № 23/24. С. 10.
[38] Финансы и социалистическое хозяйство. 1933. № 9. С. 3.
[39] *Верлинский В.* Практика самообложения крестьянства // Экономическое обозрение. 1928. № 8. С. 34. См. также: Красная армия и коллективизация деревни в СССР (1928-1933 гг.). Неаполь, 1996. С. 102; Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. М., 2000. Т. 2. С. 702; и ряд др. Существуют крестьянские воспоминания о том, как все селения в Вятской губернии отказались принимать самообложение в 1927 г. (подробнее см.: Бердинских В. Крестьянская цивилизация в России. М., 2001. С. 315-316).
[40] Советское строительство. 1928. № 9. С. 59.
[41] ГАРФ. Ф. Р-374. Оп. 6. Д. 295. Л. 92.
[42] ГАРФ. Ф. А-406. Оп. 10. Д. 1011. Л. 144.

[43] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 67. Д. 341. Л. 168.
[44] Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. Т. 2. С. 679.
[45] ГАРФ. Ф. Р-374. Оп. 6. Д. 296. Л. 30.
[46] ГАРФ. Ф. А-406. Оп. 10. Д. 1011. Л. 116-117.
[47] Об одновременности и универсальности разных кампаний см. также следующие живые примеры: *Кудюкина М.М.* Общее и особенное в настроении крестьянства накануне коллективизации // Бахтинские чтения. Философские и методологические проблемы гуманитарного познания. Вып. 1. Орел, 1994. С. 272; Трагедия советской деревни. Т. 1. С. 212.
[48] ГАРФ. Ф. Р-374. Оп. 6. Д. 281. Л. 47.
[49] Подробнее см.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 2600. Л. 23, 37; Д. 2604. Л. 21; ЦСУ СССР. Материалы по текущей статистики обмена. Вып. 1. С. 5; Красная армия и коллективизация деревни в СССР (1928-1933 гг.). С. 102, 108; Статистическое обозрение. 1930. № 5. С. 13.
[50] *Верлинский В.* Указ. соч. С. 33; его же. Практика самообложения крестьянства // Известия. 7 марта 1928 г. См. также: Советское строительство. 1928. № 9. С. 59.
[51] ГАРФ. Ф. А-406. Оп. 10. Д. 1011. Л. 138.
[52] ГАРФ. Ф. Р-374. Оп. 6. Д. 295. Л. 158.
[53] *Верлинский В.* Указ. соч. С. 33.
[54] Власть советов. 1928. № 33. С. 6; № 28-29. С. 18-19.
[55] Власть советов. 1928. № 33. С. 6.
[56] ГАРФ. Ф. Р-374. Оп. 6. Д. 295. Л. 15-16.
[57] Газета: Коммуна. Самара, 26 июня 1928 г.
[58] ГАРФ. Ф. Р-374. Оп. 6. Д. 295. Л. 164.
[59] ГАРФ. Ф. Р-374. Оп. 6. Д. 281. Л. 40.
[60] *Боговой И.* Указ. соч. С. 131.
[61] В 1989 г. один крестьянин в Тамбовской области, прочитав статью Н.В. Тепцова о коллективизации, писал редакции газеты «Сельская жизнь», что самообложение, как "налог изъятия средств", "и поныне существует, и сельское население уже привыкло платить, как раньше платили оброк" (*Тепцов Н.В.* В дни великого перелома. М., 2002. С. 359).
[62] *Верлинский В.* Указ. соч. С. 33.
[63] СУ. 1928. № 8. Ст. 73.
[64] ГАРФ. Ф. Р-374. Оп. 6. Д. 297. Л. 14. См. также: *Верлинский В.* Указ. соч. С. 34; Власть советов. 1928. № 28-29. С. 19.
[65] СУ. 1928. № 126. Ст. 806.
[66] ГАРФ. Ф. Р-374. Оп. 6. Д. 329. Л. 164-165.
[67] ГАРФ. Ф. А-406. Оп. 10. Д. 1191. Л. 28.
[68] Там же. Л. 3-4.
[69] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 652. Л. 12.
[70] *Сафонов А. А.* Указ. соч. С. 291.
[71] Трагедия советской деревни. Т. 1. С. 194; ГАРФ. Ф. Р-374. Оп. 6. Д. 296. Л. 30. См. также: Советское строительство. 1929. № 1. С. 17.
[72] РГАСПИ. Ф. 17. оп. 69. Д. 603. Л. 47.
[73] Как ломали НЭП. Т. 1. С. 341. Весьма характерно, что секретарь Курского губкома А.К. Лепа не разрешил переслать эту телеграмму сельсоветам, учитывая допущенные случаи нажима *в хлебозаготовительную кампанию* (там же. С.

136).
[74] По воспоминанию одного комсомольца, в 1930 г. его задача была – вовлечение населения в колхоз, сбор денег на налог, страховку, самообложение, распространение займа, и хлеборазверстка. "Работа была кропотливая, опасная, она требовала уравновешенности, справедливости, чтобы не принести горя людям" (*Тепцов Н.В.* В дни великого перелома. С. 285).
[75] Финансы и народное хозяйство. 1928. № 16. С. 13-14, 19.
[76] Экономическая жизнь. 10 марта 1928 г. (сообщение из Майкопа)
[77] Как ломали НЭП. Т. 1. С. 342.
[78] Правда. 1 апреля 1928 г.; Экономическая жизнь. 1 апреля 1928 г.
[79] Как ломали НЭП. Т. 2. М., 2000. С. 338. То же самое говорил на апрельском пленуме П.П. Постышев: "ничего, 80% собрали, а тогда письмо [Рыкова – *авт.*] получили" (Как ломали НЭП. Том 1. С. 135).
[80] Подробнее о хлебном рынке 1927-28 гг. и хлебозаготовке 1928 г. см. нашу статью (на японском языке): Кризис хлебозаготовок в 1927/28 с.-х. году (части 1-ая и 2-ая) // Экономический журнал (Кэйдзайгаку ронсю. Токийский университет). Т. 67. № 1. 2001; № 4. 2002.
[81] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 3551. Л. 51 об.-52.
[82] Там же. Л. 30.
[83] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 67. Д. 341. Л. 166. См. также: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 2604. Л. 11-11 об.; Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. Т. 2. С. 712-713; Трагедия советской деревни. Т. 1. С. 226.
[84] *Френкель И.Ш.* Борьба с кулачеством в Курской губернии во время хлебозаготовительных кампаний 1928 и 1929 гг. // УЗ Курского пед. ин-та. Вып. 6. 1957. С. 49.
[85] Нельзя упускать маленькое указание Е. Осокиной: "наиболее ранние из найденных сведений о проведении массовых репрессий пришли из Курской губернии (конец декабря 1927 года)" (За фасадом «сталинского изобилия». М., 1998. С. 54. Прим. 4). Пожалуй, более важные сведения приводятся в статье С. Есикова «Хлебозаготовительный кризис и социально-политическая ситуация в деревне Центрального Черноземья (1927-1929 гг.)», публикуемой в настоящем сборнике. В ней сообщается, что в октябре и ноябре 1927 г. Тамбовские губком и губисполком неоднократно обращались в Москву с требованием применять чрезвычайных мер при проведении хлебозаготовок. 20 декабря 1927 г. было принято постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О предоставлении сельским Советам права производства обыска и выемок», которое допускало методы административного нажима на крестьянство.
[86] Как ломали НЭП. Т. 1. С. 135.
[87] Там же. С. 135, 151-152. По Лепе, тогда у Наркомторга была установка: "планы хлебных заготовок должны доводиться до сельсовета" (там же. С. 135).
[88] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 3552. Л. 321-325.
[89] Как ломали НЭП. Т. 2. С. 251.
[90] РГАСПИ. Ф. 84. Оп. 2. Д. 6. Л. 52.
[91] Советская торговля. 1928. № 37. С. 28.
[92] ГАРФ. Ф. А-406. Оп. 10. Д. 1011. Л. 11.
[93] Вестник финансов. 1929. № 7. С. 88.
[94] ГАРФ. Ф. А-406. Оп. 10. Д. 1191. Л. 10.

[95] Трагедия советской деревни. Т. 1. С. 614-615, 805 (прим.186). Фактически М. А. Черновым была признана идентичность поселенного плана и продразверстки, см.: Ежегодник хлебооборота. № 4[-5][за 1929/30-1930/31 гг.]. М., 1932. С. 17. Автор разделяет точку зрения, что новый метод хлебозаготовок с доведением планового задания до села стал фактически повторением того, "как это делалось при продовольственной разверстке военных лет" (Как ломали НЭП. Т. 5. М., 2000. С. 6).
[96] *Окуда Х.* Революция в Поволжье: деревня при сталинском режиме 1929-1934 (на японском языке). Токио, 1996. С. 19 (*Сталин И. В.* Сочинения. Т. 12. М., 1949. С. 88); *Куренышев А. А.* Крестьянство и его организации в первой трети XX века. М., 2000. С. 202.
[97] Трагедия советской деревни. Т. 1. С. 615-616.
[98] *Окуда Х.* Революция в Поволжье. С. 34; В борьбе за хлеб. Материалы в хлебозаготовительной кампании 1929/30 г. М., 1929. С. 51 (М. Чернов). В связи с упоминанием Н. В. Крыленко "общегосударственной повинности" см.: Трагедия советской деревни. Т. 1. М., 1999. С. 615. См. также: *Доманевская О.* На крестьянском фронте // Социалистический вестник. Берлин, 1929. № 15 (19 августа). С. 3-5; *Прокопович С. Н.* Народное хозяйство СССР. Т. 1. Нью-Йорк, 1952. С. 180-182; *Мошков Ю. А.* Зерновая проблема в годы сплошной коллективизации сельского хозяйства СССР (1929-1932 гг.). М., 1966. С. 64-65; *Гущин Н. Я.* Сибирская деревня на пути к социализму. Новосибирск, 1973. С. 191-195; *Фридберг Л. Я.* Государственный хлебный фонд СССР и финансово-экономические рычаги его образования (1921-1929 гг.). М., 1976 (работа депонирована в ИНИОН РАН). С. 200-209; Taniuchi Yu. Decision-making on the Ural-Siberian Method // *Soviet History, 1917-1953*. N. Y., 1995; и др.
[99] Газета: Советская Сибирь. Новосибирск, 24 января 1928 г.
[100] *Шитц И.И.* Дневник «великого перелома» (март 1928-август 1931). Париж, 1991. С. 129-130.
[101] Финансы и народное хозяйство. 1930. № 29. С. 13.
[102] Здесь приведем лишь примеры из журнала «Финансы и народное хозяйство» (с 1931 г. «Финансы и социалистическое хозяйство»): Финансы и народное хозяйство. 1930. № 1. С. 17; № 29. С. 13; Финансы и социалистическое хозяйство. 1931. № 1. С. 17, 54; № 23. С. 27; № 27. С. 26-27; № 30-31. С. 28.
[103] Финансы и народное хозяйство. 1930. № 25. С. 23.
[104] Центральный государственный архив Московской области (ЦГАМО). Ф. 807. Оп. 1. Д. 2477. Л. 35, 52, 179; Д. 2479. Л. 2-3 об., 18-19.
[105] ЦГАМО. Ф. 2170. Оп. 10. Д. 16а. Л. 7.
[106] ГАРФ. Ф. А-406. Оп. 10. Д. 1431. Л. 21.
[107] *Окуда Х.* Революция в Поволжье. С. 307; Трагедия советской деревни. Т. 2. М., 2000. С. 842. См.: там же. С. 639-641.
[108] Трагедия советской деревни. Т. 2. С. 600-601.
[109] *Безнин М.А., Димони Т.М., Изюмова Л.В.* Повинности российского крестьянства в 1930-1960-х годах. Вологда, 2001. С. 8-9.
[110] *Доброноженко Г.Ф.* Коллективизация на Севере. 1929-1932. Сыктывкар, 1994. С. 102.
[111] Финансы и народное хозяйство. 1929. № 39. С. 19.
[112] ГАРФ. Ф. Р-374. Оп. 6. Д. 295. Л. 12 об.; *Верлинский В.* Указ. соч. С. 36.

[113] *Верлинский В.* Указ. соч. С. 36.
[114] ГАРФ. Ф. А-406. Оп. 1. Д. 1191. Л. 41.
[115] Власть советов. 1933. № 11. С. 28.
[116] Там же. С. 27.
[117] ГАРФ. Ф. Р-374. Оп. 6. Д. 296. Л. 32-33 об.
[118] Там же. Л. 35.
[119] ГАРФ. Ф. А-406. Оп. 10. Д. 1191. Л. 9.
[120] ГАРФ. Ф. А-406. Оп. 10. Д. 1016. Л. 2.
[121] ГАРФ. Ф. А-406. Оп. 10. Д. 1011. Л. 138.
[122] ГАРФ. Ф. А-406. Оп. 10. Д. 1191. Л. 17.
[123] ГАРФ. Ф. Р-374. Оп. 6. Д. 295. Л. 61.
[124] ГАРФ. Ф. А-406. Оп. 10. Д. 1431. Л. 28.
[125] Подробнее см.: Экономическая жизнь. 18 мая 1928 г.; Финансы и народное хозяйство. 1928. № 51. С. 3, 8-9; Калинин М.И. О едином сельско-хозяйственном налоге на 1928-29 г. М.-Л., 1928. С. 31.
[126] ГАРФ. Ф. А-406. Оп. 10. Д. 1191. Л. 17, 33.
[127] Там же. Л. 33-33 об.
[128] ГАРФ. Ф. А-406. Оп. 10. Д. 1244. Л. 75.
[129] ГАРФ. Ф. Р-374. Оп. 6. Д. 295. Л. 12.
[130] XV съезд ВКП (б). Стен. отчет. М.-Л., 1928. С. 1085.
[131] ГАРФ. Ф. Р-374. Оп. 6. Д. 281. Л. 11-13.
[132] *Окуда Х.* Процесс становления колхозов: конец общины в России (на японском языке). Токио, 1990. С. 194-196 (*Резунов М.* Сельские советы и земельные общества. М., 1928. С. 39; Большевик. 1928. № 9. С. 79); *Сафонов А.А.* Указ. соч. С. 293.
[133] ГАРФ. Ф. Р-374. Оп. 6. Д. 281. Л. 13-14.
[134] ГАРФ. Ф. Р-374. Оп. 6. Д. 331. Л. 6.
[135] ГАРФ. Ф. Р-374. Оп. 6. Д. 293. Л. 108-108 об.
[136] СУ. 1930. № 58. Ст. 690.
[137] Финансы и социалистическое хозяйство. 1931. № 12. С. 17.
[138] ГАРФ. Ф. А-406. Оп. 10. Д. 1431. Л. 32 об.
[139] ГАРФ. Ф. А-406. Оп. 10. Д. 1574. Л. 82.
[140] *Казаков П.* Самообложение крестьянского населения. М., 1929. С. 4.
[141] ГАРФ. Ф. А-406. Оп. 10. Д. 1574. Л. 82-82 об.
[142] ГАРФ. Ф. А-406. Оп. 10. Д. 1431. Л. 6.
[143] Там же.
[144] ГАРФ. Ф. А-406. Оп. 10. Д. 1431. Л. 27-28; Финансы и социалистическое хозяйство. 1931. № 12. С. 17.
[145] Советское строительство. 1932. № 6. С. 121.
[146] СУ. 1931. № 47. Ст. 359; ГАРФ. Ф. А-406. Оп. 10. Д. 1618. Л. 5. Порядок проведения самообложения на 1931 год, принятый ВЦИК и СНК РСФСР 10 августа 1932 г., то есть, лишь пятью днями ранее постановления СНК РСФСР от 15 августа, еще"категорически" запрещал использование средств самообложения на зарплату работникам социально-культурных учреждений наряду с административными расходами по содержанию местных органов власти (СУ. 1931. № 44. Ст. 336). Это свидетельствует об экстренности постановления от 15 августа.

[147] СУ. 1932. № 70. Ст. 313.
[148] ГАРФ. Ф. А-406. Оп. 10. Д. 1431. Л. 28.
[149] См. также: *Буртина Е.* Коллективизация без "перегибов" // Октябрь. 1990. № 2. с. 167.
[150] План заготовки от колхозов и земобществ, контрактовавших посевы, составлял *часть* поселенного плана (*Давыдов Б.* Как довести план хлебозаготовок до села? М.-Л., 1930. С. 13). Подробнее см.: *Окуда Х.* Революция в Поволжье. С. 56-58.
[151] В данном случае речь идет лишь о конце общины как организации местного самоуправления деревни. Автор пока не рассматривает той роли, которую играли отдельные крестьянские общинные порядки и традиции в колхозах, однако считает важным их изучение. Автор вполне разделяет постановку вопроса И.Е. Козновой о сохранности в колхозной деревне общинных принципов и традиций (см.: *Кознова И.Е.* Роль традиций, исторического опыта и социальной памяти крестьянства в эволюции земельных отношений // Земельный вопрос. Под ред. Е. С. Строева. М., 1999. С. 219, 225; ее же. XX век в социальной памяти российского крестьянства. М., 2000. *Passim* (например, С. 96-97, 105-106, 124-125, 152-154); Многоукладная аграрная экономика и российская деревня (середина 80-х – 90-е годы XX столетия). Под ред. Е.С. Строева. М., 2001. С. 123, 124, 161, 188; и др. Подробнее см.: *Окуда Х.* "Частная собственность на землю" в России: традиции и современность (на японском языке) // Ежегодник ученого общества по сравнительному изучению экономических систем (Хикаку кэйдзай тайсэй гаккай нэнпо), 2004. т. 41. № 1.
[152] О количественном росте сельских бюджетов в 1920-е и 1930-е годы, см.: *Окуда Х.* Самообложение 1928-1933 гг. // Okuda H.(ed.) *History of the Russian Peasantry in the 20th Century* (vol. 1). CIRJE-F-189, Faculty of Economics, the University of Tokyo. Tokyo, 2003, p. 109.
[153] Власть советов. 1929. № 15. С. 7; *Леонтьев С.М.* Для чего нужен сельский бюджет и как его строить. М., 1929. С. 26.
[154] О положении в 1932 г. см.: Советское строительство. 1933. № 10. С. 92, 97.
[155] ГАРФ. Ф. А-406. Оп. 10. Д. 1574. Л. 27.
[156] Там же. Л. 61.
[157] Власть советов. 1933. № 11. С. 28.
[158] Власть советов. 1934. № 6. С. 45.
[159] Советское строительство. 1935. № 9. С. 18; Власть советов. 1935. № 14. С. 17-18.
[160] Подробнее см.: ГАРФ. Ф. А-406. Оп. 10. Д. 1244. Л. 72 об; Д. 1574. Л. 31 об.; Советское строительство. 1934. № 11. С. 60.
[161] Власть советов. 1934. № 6. С. 45-46.
[162] Власть советов. 1934. № 6. С. 45; № 19. С. 22.
[163] Власть советов. 1932. № 5. С. 26.
[164] ГАРФ. Ф. А-406. Оп. 10. Д. 1574. Л. 80 об.
[165] Власть советов. 1935. № 1. С. 42.

III. КОЛХОЗНОЕ КРЕСТЬЯНСТВО

Нонна Тархова

«Крестьянские настроения» в Красной Армии в 1928 – 1931 гг.: (реакция армии на процессы коллективизации и раскулачивания в деревне)

Проблема места и роли Красной Армии в советском обществе неоднозначна. С одной стороны миссия армии заключалась в защите безопасности государства от внешней угрозы, с другой стороны, она зачастую использовалась для подавления «беспорядков», возникающих внутри страны, если они представляли угрозу общественному спокойствию. Примеров тому немало, и в первую очередь, участие армии в подавлении крестьянских волнений в годы гражданской войны и последующие. Ярчайшие среди них – крестьянские восстания на Тамбовщине, в Поволжье, в Сибири.

Проведение коллективизации деревни в СССР в 20-30-е годы также сопровождалось повышенной степенью насилия в отношении крестьянства. Безусловно, что это насилие в свою очередь вызывало ответную реакцию противодействия. На переход к насильственным заготовкам хлеба, сопровождавшимся арестами и обысками, крестьянство отреагировало массовыми выступлениями, которых в 1928 г. было зарегистрировано 711. Дальнейшие действия власти – сплошная коллективизация и раскулачивание, еще более обострили взаимоотношения власти и крестьянства. В 1929 г. количество зарегистрированных выступлений достигает 1307, а в 1930 г. – 13754. Только за первые три месяца 1930 г. число крестьянских выступлений составило 8018, среди которых 160 приняли повстанческий (вооруженный) характер[1]. Известно, что основной вооруженной силой, используемой властью для проведения карательной политики в деревне, являлись органы ОГПУ и соответственно подчиняющиеся им войска. Но и Красная Армия не могла остаться в стороне от процессов, происходящих в обществе. Она также в той или иной степени была втянута в этот процесс.

Участие и вовлечение армии в борьбу с деревней в период ломки деревни до сих пор не стали предметом самостоятельного исторического исследования. Хотя отдельные эпизоды нашли отражение в ряде статей[2]. Однако, что наиболее важно, за последние десять лет в научный оборот был введен немалый и достаточно репрезентативный круг источников, позволяющий будущим исследователям опираться на опубликованные

архивные документы[3]. Более того, опубликованные источники позволяют определить основные направления изучения роли и места армии в обществе в период коллективизации и раскулачивания деревни в СССР. *Первое* – использование армии в проведении карательных мероприятий (подавление выступлений, изъятие хлеба и имущества, проведение раскулачивания). *Второе* – политико-моральное состояние армии, ее реакция на новую политическую ситуацию в стране. *Третье* – вовлечение самой армии, как социального организма в происходящие в обществе процессы, использование ее возможностей для пропаганды и проведения в жизнь «нового курса» партии в деревне.

Важность *первого направления* определяется не только воссозданием количественной и событийной картины, происходящего в деревне насилия с участием армии, хотя это обстоятельство важно, так как до сих пор нет подобных исследований. Не менее важным является определение той черты размежевания, которая была установлена между органами ОГПУ и Красной Армией при привлечении вооруженной силы против мирного населения.

Значимость *второго направления* исходит из социального состава армии, в которой крестьянство преобладало не только в рядовом составе, но и по армии в целом. В связи с этим армия оказывалась в центре парадоксальной ситуации. С одной стороны, она была призвана защищать власть, с другой стороны, она могла стать детонатором взрыва в обществе. Уроки Кронштадта, подтолкнувшие правительство к изменению политики в деревне и принятию решений о НЭПе, были еще свежи в памяти не только власти, но и армии.

Актуальность *третьего направления* основывается на том, что армия, будучи социальным организмом, теснейшим образом связанным с деревней, не могла остаться в стороне от общественных процессов. Как и в предыдущем случае образуется парадоксальная ситуация. С одной стороны, «деревенские связи» армии активно использовались для упрочения политики власти в деревне, и на это была направлена агитационно-пропагандистская и организационная работа (последняя – в виде создания красноармейских колхозов и различных курсов для подготовки «деревенских кадров»). Это направление использования армии наиболее описано в работах советского периода. С другой стороны, «деревенская» по своему составу армия становится объектом карательных мероприятий, направленных на изъятие «социально-чуждых элементов». Эти меры, начавшиеся зимой 1928 г., как оперативные шаги власти, способствующие идеологическому усилению армейских рядов, приобрели в дальнейшем постоянный характер, превратившись в продолжение политической кампании по раскулачиванию, но уже в армейской среде. В связи с тем, что до последнего времени материалы о проведении и результатах этой кампании внутри армии были недоступны исследователям, она остается неизвестной широкому кругу исследователей, как военной, так и аграрной истории.

Таким образом, предложенные направления нацелены на изучение Красной Армии как социального объекта, а также как средства и одновременно объекта политического насилия в период коллективизации советской деревни. Цель данной статьи ограничена показом реакции Красной Армии на изменение политики в деревне.

К началу изменения политического курса в деревне, армия не только имела официальный статус крестьянской, называясь Рабоче- Крестьянской Красной Армией, но что более важно, она была таковой и по социальному составу. В **1927 г.** крестьяне составляли **65,4%** от всего состава армии (против 21,8% рабочих, 8,6% служащих, 4,2% прочих). Этот процент был значительно выше среди рядового состава кадровых частей – **74,3%** (против 19,9% рабочих, 4,2% служащих, 1,6% прочих)[4]. В **1929 г.,** когда был взят курс на сплошную коллективизацию и раскулачивание, эти показатели незначительно понижаются, оставаясь по-прежнему высокими. Крестьяне составляли **63,6%**[5] от всего состава армии (против 24,3% рабочих, 9,2% служащих, 2,9% прочих)[6], а среди рядового состава – **71,8%** [7] (против 22,5% рабочих, 4,2% служащих, 1,5% прочих)[8]. Зная общую численность РККА в 1929 г. – 613286 человек, а число рядового состава – 417127 человек[9], не трудно сделать расчеты. Таким образом, в 1929 г. крестьянская прослойка в армии составляла – **390049 человек**, а среди рядового состава – **299497 человек**. Добавим к этому, что наибольший процент крестьян в армии приходился на сухопутные силы, которые насчитывали в 1929 г. – 560802 человек[10], что составляло – 91,4% от всей армии в целом. Как известно, в военно-морские и военно-воздушные силы предпочитали призывать рабочих, имеющих более высокий, чем крестьяне навык работы с техникой.

В рассматриваемый период в Красной Армии был установлен трехгодичный срок военной службы. С учетом приведенных выше цифр следует, что ежегодный взаимообмен между армией и деревней составлял около 100 тыс. человек. При этом отметим, что контингент военнослужащих представляли молодые мужчины (в возрасте 22-25 лет), относящиеся к активной части деревни и являющиеся ее будущим. Возвращаясь после службы в деревню, они становились основными «винтиками» власти, на которых ложилась ответственность за ее действия, а в итоге эффективность проведения «новой политики».

Помимо кадровых частей Красная Армия имела систему территориальных формирований, через которые также проходило мужское население страны, в том числе и старшие возраста, призываемые на ежегодные сборы. В 1929 г. крестьянская прослойка переменного состава территориальных частей составляла 720116 человек[11], что почти в два раза превышает численность рядового состава кадровых частей. Таким образом, ежегодно через армию (ее кадровые и территориальные части) проходило более 800 тыс. человек.

При желании статистический ряд можно продолжать, подкрепляя его цифрами, детализирующими крестьянскую прослойку по видам и родам

войск. Но даже эти общие показатели достаточны, чтобы понять какую потенциальную социальную силу представляла для властей армия. В лице ее власть могла получить либо крепкого союзника, либо серьезного противника. В связи с этим, настроение армии, именуемое в официальных бумагах как политико-моральное состояние, для власти всегда являлось предметом повышенного внимания.

Изучение политико-морального состояния армии не было новым явлением для армейских политорганов. Эти обязанности входили в их функции всегда. За время существования политорганов была сформирована достаточно гибкая система, как самих органов, так и соответствующей информирующей документации. Система политорганов строилась в армии по вертикали: полк – дивизия – округ – Политуправление РККА. *Политаппарат полка*, являясь низовым звеном, состоял из а) военного комиссара полка, б) полкового бюро ВКП(б) во главе с секретарем, в) организатора работы ВЛКСМ, г) политических руководителей (по числу рот и команд в полку), д) школы (в составе всех учителей), е) клуба во главе с начальником, ж) библиотеки, возглавляемой заведующим. Верхние звенья политаппарата (дивизионный и окружной) включали *политический отдел дивизии* и *политическое управление военного округа*, в составе которых действовали отделы (организационный, агитационно-пропагандистский, общий). *Политическое управление РККА (ПУ РККА)* являлось руководящим центральным органом военного ведомства, ведавшим вопросами политического руководства и воспитания армии. Оно действовало на правах отдела ЦК ВКП(б), которому подчинялось в партийном отношении. Такое двойное подчинение ПУ РККА способствовало установлению тесной связи партии и армии не только в сфере проведения партийных решений в массы, но и в сфере информирования высших и центральных органов власти о настроениях и колебаниях армейских масс.

Система информирования о ежедневной жизни армии была выстроена по той же схеме, что и структура политорганов. Военком полка составлял периодические донесения, отправляя их наверх. Политотдел дивизии, получая донесения из полков, группировал информацию в форме политических сводок, направляя их далее по инстанции. Соответствующую работу проводило политуправление округа, получая дивизионные политсводки. Периодичность составления политсводок (как дивизионных, так и окружных) четко регламентировалась служебными документами. О чрезвычайных ситуациях, происходивших в период между составлением сводок, политорганы должны были сообщать внеочередными донесениями. Сводки и внеочередные донесения являлись повседневными периодическими формами отчетности и информирования.

Поступавшая снизу в ПУ РККА информация перерабатывалась в зависимости от дальнейшего ее назначения, приобретая форму либо официальной документации, либо оставаясь в недрах аппарата как рабочий материал. Официальное информирование шло по определенному списку

и имело два направления: «наверх» – по линии партийных и государственных органов (ЦК ВКП(б), СНК, ОГПУ и др.) и «вниз» – по линии армейских политорганов (политуправление военного округа, иногда корпуса). Формы информирования были различными. Это могли быть – *периодические политсводки* о политико-моральном состоянии армии, содержащие фактический материал; *обзоры*, анализирующие тенденции и направления; *доклады*, конкретизирующие различные ситуации. Итоговым результатом всей информационной деятельности ПУ РККА являлись ежегодные доклады о политико-моральном состоянии армии. Таковы были механизм и принципы сбора, анализа и рассылки информации о состоянии армии.

Помимо ПУ РККА информация о Красной Армии, ее политико-моральном состоянии собиралась органами ОГПУ, в частности особыми отделами, действовавшими в составе армии и подчинявшимися Особому отделу ОГПУ[12], который в свою очередь, являлся независимым от политорганов источником информирования властей. Статус ОО ОГПУ и соответственно местных его органов с началом «нового курса» партии в деревне возрастает, о чем свидетельствует тот факт, что с 1927 г. происходит совмещение должностей начальника ОО ОГПУ и заместителя председателя ОГПУ. С этого времени Г. Г. Ягода становится одновременно руководителем ОО ОГПУ.

Описание механизма и принципов сбора информации было предпринято нами неслучайно. Знание их позволяет: *первое* – оценить степень достоверности и презентативности имеющихся в арсенале исследователей источников, *второе* – проследить оперативность фиксации происходящих в армейской среде явлений, *третье* – определить причины принятия тех или иных решений, имеющих отношение к деревне.

«Крестьянские настроения»[13] в армии, на показ которых нацелена эта статья, не были новым явлениям для Красной Армии. Под этим уже вошедшим в армейскую политическую терминологию выражением подразумевался повышенный интерес крестьянских слоев армии к событиям в деревне, желание скорейшего возвращения домой, и, наконец, недовольство деятельностью властей в отношении деревни. Безусловно, что принятые в ноябре 1927 г. решения партии об усилении хлебозаготовок[14] должны были дать реакцию армии. И она последовала.

В январе 1928 г. на совещании начальников политуправлений военных округов была принята закрытая резолюция, первый пункт которой гласил: «Хлебозаготовительная кампания дала уже свое отражение в армии, но не в одинаковой степени в отношении различных округов (наиболее резко в СКВО[15], затем в УВО[16], в меньшей степени в ПриВО[17]; "крестьянские настроения" пока еще не совсем затонули флоты)». Наряду с ростом КН в резолюции был отмечен еще ряд серьезных тенденций: «слабость» работы низового звена политорганов и ее «непопоротливость» (пункт 2); «недопонимание» армейской парторганизации линии

партии в деревне, правда с оговоркой «некоторой части» (пункт 2); наличие «в казарме классового чуждых элементов», и опять с оговоркой «очень незначительное» (пункт 3); «попытки со стороны деревни воздействовать на советскую власть через армию путем посылки жалоб, писем, ходоков» (пункт 3)[18].

Не вызывает сомнения, что все отмеченные явления заставили политорганы серьезно задуматься над возникшей в армии ситуацией. Об этом свидетельствуют не только сроки подготовки, но и уровень лиц, участвующих в работе по составлению резолюции. Она была утверждена и разослана в округа 3 февраля 1928 г., лишь через месяц после проведения совещания. И хотя резолюция исходила от имени совещания, в действительности в ее составлении и редактировании активное участие принял начальник Политического управления РККА А. С. Бубнов, который в собственноручно составленной препроводительной записке к ней написал: «Предлагаю принять к руководству в качестве моих директив». Более того, им же был вписан последний (девятый) пункт, подчеркивающий значение всей предстоящей работы политорганов: «Всю работу по укреплению политико-морального состояния РККА политсостав и партоорганизации должны вести, учитывая, что Красная Армия является крупнейшим фактором в деле проведения политики партии в деревне и укрепления ее влияния среди масс батраков, бедняков, середняков»[19].

В этой же резолюции было зафиксировано принципиально важное решение о систематическом изучении настроений красноармейцев. Пункт 7 гласил: «Политорганам все настроения красноармейцев на почве проведения политики партии в деревне и в особенности последних мероприятий внимательно изучать и освещать в текущих информационных донесениях»[20]. Дальнейшее развитие этого решения повлекло за собой появление целого ряда информационных источников, составивших основу для написания данной статьи. Первыми из них стали две сводки ПУ РККА – от 14 февраля и от 10 марта 1928 г.

Прежде чем перейти к анализу содержания этих сводок позволим немного внимания уделить принципам их составления, ибо в последующем подобная форма обобщения фактической информации активно использовалась ПУ РККА в своей дальнейшей информационной работе, в том числе и при характеристике «крестьянских настроений». Основу сводок составляют выдержки из писем, полученных красноармейцами из деревни, а также цитирование их высказываний на различных собраниях и разговоров (хотя и в меньшей степени). При цитировании писем указывался как автор, так и адресат письма, что позволяет определить степень родства состоящих в переписке. В большинстве случаев авторами писем в армию были прямые родственники (отец, брат). Отметим, что эту важную для села социальную функцию – поддержание семейных связей, выполняла мужская часть деревни. Чрезвычайность событий в деревне заставила писать и других лиц (кум, демобилизованный красноармеец и пр.). Таким образом, сводки представляют собой совокупность

выдержек писем «из народа».

В последнее время наблюдается повышенный интерес исследователей к этой группе источников, о чем свидетельствуют многочисленные публикации сборников (даже серийные) «писем к власти». Намного реже публикуются (преимущественно в журналах) письма «личные», адресованные к родным, близким, друзьям. Причина такой ситуации нам видится в том, что «личная переписка» хранится в семейных архивах и может стать доступной для общества при желании владельцев. Письма «во власть» направлялись конкретным государственным, политическим или общественным деятелям, либо в органы власти и редакции газет, поэтому они отложились в государственных архивах и более доступны для исследователей.

Отмеченные нами особенности информационных сводок в отношении «писем из деревни» очень важны, так как делают сводки источником своего рода бесценной эпистолярной информации, исходящей от деревни. Ценность этой информации повышается в силу того, что в письмах к родным деревня писала «от души», выражая свои чувства открыто, без оглядки на власть и цензуру. В них были не только собственные эмоции, но и новости родни, соседей и, наконец, деревни в целом. В письмах «во власть» эмоциональный фон мог меняться, ведь от власти крестьянин ждал либо конкретной помощи (письмо-жалоба), либо одобрения своим действиям (письмо-обращение). Это, на первый взгляд не столь явное, но все же присутствующее, различие между письмами «личными» и «во власть» делает информационные сводки о крестьянских настроениях важными историческими источниками.

Другая особенность информационных сводок заключается в том, что в них при цитировании писем указывается не только источник «деревенской информации» (кто пишет, из какого села), но и источник «политической информации» (из какого политдонесения нижестоящего звена взята конкретная выдержка). Ссылка на источник информации (особенно при кампеляции) позволяют исследователю проводить анализ ее достоверности в случае необходимости.

Отметим также еще одну особенность сводок – принципы подачи информации. В основу сводок положен тематический принцип систематизации информации, что позволяло политорганам в свою очередь обратить внимание на злободневные вопросы и показать развивающиеся тенденции. Более того, каждый тематический раздел (какой бы он не был по величине) содержал в себе первичные выводы, которые в конце сводки объединялись в итоговую часть. Обязательное присутствие выводов, являющееся составной частью армейских оперативных и разведывательных сводок, стало важнейшим элементом и политических информационных сводок.

Анализ КН в армии за первые два месяца «нового курса» в деревне показал, что явления, зафиксированные в январе 1928 г. (в приводимой резолюции совещания) получили дальнейшее развитие в последующие

месяцы – в сводках за февраль и март. Выводы и примеры, содержащиеся в этих информационных сводках, давали более обстоятельную картину настроений в армии. В них на конкретных примерах из писем и высказываний показывалось: п*ервое* – реакция деревни на усиление ХЗ; в*торое* – реакция красноармейцев на события в деревне; т*ретье* – отражение «деревенских дел» на социально-политической ситуации в армии; *четвертое* – неготовность армейских политорганов и всей партийной организации (рядовых коммунистов и комсомольцев) к работе в новых условиях. Позволим перейти к основным выводам сводок с использованием отдельных наиболее ярких выражений из них.

Реакция и настроения деревни: общий вывод – деревня шокирована действиями властей, она бросилась за советом и помощью к своим сыновьям в армию. В отношении помощи уточнялось – она «не просто жалуется своим сыновьям, а просит у них помощи», просит «защиты против действий местных властей», просит содействия в борьбе против «притеснений»[21]. Более того, в сводке от 14 февраля отмечалось, что «иногда даже пытается восстановить красноармейцев против службы в армии – предлагает бежать из армии, а в отдельных случаях просит вооруженной поддержки». Итоговый вывод первой сводки (от 14 февраля) был еще более категоричным – «деревня через свои письма усиленно втягивает красноармейцев в деревенские дела и даже требует от своих сыновей в армии помощи и противодействия хлебозаготовительному нажиму»[22].

Количество приходящих из деревни в армию писем в сводках характеризовалось, как «потоки писем» с жалобами на «притеснения», «возвращение разверстки 1920 г.». и т.д. При этом отмечалось, что «особенно силен был этот поток в СКВО, отчасти в УВО, слабее в других округах», приводился пример, свидетельствующий о масштабе этого «потока писем» – в Новочеркасском гарнизоне (СКВО), насчитывающем 5 тыс. человек, за день было получено до 6 тыс. писем. В сводке от 10 марта отмечалось распространение этой тенденции и на другие округа[23]. Приводимые далее цитаты из сводок показывают первую реакцию деревни.

Описание происходящих событий: «До каждого приходят ночью и забирают хлеб…»; «Мельницы все закрыты…»; «Мелют за хлеб и по норме…»; «В лавках ничего не дают…»; «В лавках продают только за хлеб…»; «Со всех берут, а ведь деньгами не берут…»; «На деньги купить ничего нельзя»; «У кого хлеба нет, берут лошадь и корову, что у хозяина есть, то и берут…»; «Берут расписку с обязательством, что крестьянин к такому-то числу должен хлеб сдать; при расчете с крестьянином за хлеб ему навязывают облигации или приходят на следующий день и заставляют подписаться, говоря, что деньги у тебя есть, давай сюда…»; «За продналог судят и за страховку описывают, забирают вещи, судят и наделяют облигации…»; «Приходят тройки и предлагают весь излишек продать…»; «Всем зажиточным хозяевам раздали повестки для вывоза хлеба, предвидется гибель…»; «На деревню прислана разверстка 10000

пудов (3 пуда с засеянной десятины)...»; «Хлеб заставляют продавать кооперации в то время, когда частник платит дороже...»; «Запретили продавать хлеб на базарах, а бедняку купить негде, так что придется трудно переживать до нового хлеба...»; «Покупают хлеб за 1 р. 15 к., а семенная ссуда 1 руб. 35 копеек...».; «Милиция забирала у крестьян, приехавших на базар, все продукты (зерно, мука, куры). Все отвозили в отделение милиции и там расплачивались, по каким ценам не известно».[24]

Состояние деревни: «Сообщаю великие новости...»; «Все наши ходят как дурные»; «ну одним словом хуже войны...»; «У нас сейчас такое идет, что сам черт не поймет»; «Предвидится гибель...»; «В станице народ стал прямо как мертвый...»; «У кого хлеба нет, ходит нагишом»[25].

Реакция деревни: «Народ поговаривает делать забастовку и разбивать амбары кулаков...»; «Народ бунтует насчет хлеба...»; «Хотят устроить голодовку, как в 1921 г...»; «На 11-м году революции советская власть начала опять требовать налоги, также, как и в 1921 г...»; «Вернулась проклятая продразверстка, как в 20-21 гг...».; «Вы там служите, а у нас дела плохи, в 10-ю годовщину говорили, что все хорошо, говорили про достижения, но пережили мы разруху и голод, а такого несчастья еще не было...»; «А все потому, что нет союза между крестьянами – один против другого, а если бы был союз крестьянский, то сыграло бы что-либо другое, тогда бы крестьянам и товары всевозможные, и с/х машины. Это нужно и вам ...»; «Не обижайся на службу, потому что дома еще хуже – работай как собака [за] этот несчастный хлеб, а продать не имеешь права...»[26].

Деревня ищет защиты у армии: «Напиши нам, у нас есть слухи, что будет мобилизация ... и будут забирать хлеб, чтобы кормить их. Потом у нас говорят, что деньги скоро пропадут...»; «Мы, наверное, останемся без хлеба и будем голодать зиму. Скажи там своим начальникам, чтобы они помогли нам в этом, как семье красноармейца...»; «У нас говорят мир только до апреля, а с апреля начнется война, посоветуй, как поступить или хлеб сдать, а набрать мануфактуры, или хлеб запрятать...»; «Дорогой сынок, ...постарайся дать ответ, что оно там предчувствуется или какая война на носу, или договор заключили с каким государством, чтобы платить пшеницей...»; «Что же ты там служишь, помоги нам старикам, а то мы наверное, будем зиму голодать...»; «Это нужно и вам красноармейцам, крестьянским сынам, выступать на собраниях и высказываться и защищать своих отцов-крестьян, чтобы дать им отдохнуть и хоть немножко окрепнуть, ведь все движение идет только через крестьян, а их угнетают; еще раз прошу – выступайте на собраниях *(подчеркивание документа)* и митингах и защищайте свою крестьянскую кровь (кум)...»; «Ну здорово наш защитник, ...должен сказать, что недоволен на тебя...»; «Солдатики, зачем вы служите, мы голодаем, нам не дают хлеба...»[27].

Реакция и настроения красноармейцев на события в деревне. Общий вывод – хлебозаготовки вызвали большую волну крестьянских

настроений в армии. Если в сводке от 14 февраля настроения красноармейцев отмечались, как еще «не оформившиеся в целом», «возможно дальнейшее усиление недовольств красноармейцев по мере получения писем из дому», то в сводке от 10 марта говорилось о распространении «волны крестьянских настроений» и на другие округа и достижении «кульминационного пункта» и «наибольшего напряжения» к середине – концу февраля. При этом отмечался даже спад этой волны. Основными источниками информации для армии являлись письма, но в сводке от 10 марта уже говорится о других путях – «ходоки» и отпускники[28].

Общая характеристика настроений давалась в следующих выражениях – реагируют «довольно болезненно», «особенно болезненно воспринимается самообложение», проявляют «растерянность», «нервозность», непонимание «доходящих до них отдельных сведений и слухов», «того что делается в деревне», «в общем, совпадают с настроениями деревни: те же разговоры о введении разверстки, о близости войны», «чаще всего повторяют в тех же почти формулировках недовольства крестьян». Отмечалась более резкая реакция переменного состава армии, который «в ряде случаев» пытался даже «воздействовать на армию, чтобы она заступилась»[29].

Основные мотивы КН. Если в сводке 14 февраля просто фиксировалось наличие КН, то в сводке 10 марта уже внимание нацелено на их «мотивировку», анализ которых составляет самостоятельный раздел. В итоговых выводах сводки от 10 марта (пункты 1-3, 5) говорилось: «ХЗ и самообложение в деревне стоят в центре внимания красноармейцев и держат их в напряженном состоянии», «по-прежнему много разговоров идет вокруг вопроса – зачем берут хлеб, куда его отправляют», «в связи с ХЗ среди красноармейцев отмечались разговоры о ликвидации НЭПа, о возвращении времен военного коммунизма», «кампания ХЗ весьма часто связывается красноармейцами и крестьянами с войной, с платежами за границу» [30].

Основными мотивами КН признавались «вопросы вокруг хлеба», в частности – проведение кампаний по хлебозаготовкам и самообложения, сбору недоимок, ограничение свободной торговли хлебом и низкие цены на хлеб (запрещение перевозить хлеб из района в район, продажа товаров только за хлеб). Наряду с этими приоритетными причинами были и другие, вызывавшие усиление КН красноармейцев, в частности – обесценивание денежных накоплений в деревне («никчемность», «ненужность» денег) и неудовольствие действиями местных властей[31].

Важность *«хлебного вопроса»* для деревни не требует никаких пояснений. Обращает на себя внимание содержащийся в сводке от 10 марта вывод, что в вопросах ограничения торговли и низких цен на хлеб «смыкаются интересы зажиточного крестьянина, кулака, частично середняка». Актуальность *«денежного вопроса»* для красноармейцев объяснялась тем, что полученные в армии деньги зачастую посылались ими в качестве конкретной помощи близким: «Ты нам деньги не перечисляй, они те-

перь не нужны...». В связи с этим красноармейцы советуют своим родным – взять деньги из сберкасс. Не понимая происходящие события, красноармейцы связывали их с действиями местных властей. Эта тенденция, как распространенное явление, была зафиксирована в конечных выводах сводки от 10 марта, при этом отмечалось, что «местами это выливается в озлобленность красноармейцев и угрозы по их адресу» [32].

Безусловно, что поток писем из деревни вызвал ответный поток, но уже в деревню. Эти письма (как и «деревенские письма») не отложилась в архивах. К сожалению, не выявлены пока и сводки, обобщающие их, составляемые все теми же армейскими политорганами. Однако в рассматриваемых нами сводках имеется информация о том, что пишут и советуют красноармейцы своим близким. Среди них – «сократить посевы весной», «не платить самообложение», «взять деньги из сберкасс, пока не лопнули»; в отношении же местных властей – угрозы. Правда, при цитировании подобных советов в сводках зачастую присутствует оговорка «отдельные», «некоторые», «в ряде случаев». В сводке от 10 марта отмечается, что деятельность местных властей стала причиной жалоб и обращений красноармейцев в центральные органы власти, Калинину. Более того, среди предложений со стороны «некоторых красноармейцев» были и о «посылке в деревню комиссии из армии». Отмечались и более серьезные «угрозы», в частности, дезертирство из армии[33].

Наряду с отмечающейся общностью настроений деревни и армии в сводках указывались *особенности настроений красноармейцев*. Одна из них – «заостренность политических выводов», другая – проявлялась в том, что «материально–бытовые недочеты в части полностью увязываются с хлебозаготовками». Уже в сводке от 14 февраля указывалось, что красноармейцы «чаще всего повторяют в тех же почти формулировках недовольства крестьян, с большей силой заостряют политические выводы, противопоставляют город – деревне, рабочий класс – крестьянству, командира – красноармейцу». Эти же факты отмечаются и в сводке от 10 марта, но уже со словами «резкого противопоставления». Более того, в выводах к сводке (пункт 4) говорится об этом, как о достаточно распространенном явлении: «Часто также в связи с хлебозаготовками заостренно ставится вопрос о взаимоотношениях города и деревни: ХЗ рассматриваются, как изъятие хлеба для рабочих и улучшение жизни рабочих за счет крестьян вообще»[34].

Усиление недовольства красноармейцев было отмечено и по отношению «к материально–бытовым недочетам», которые «полностью увязываются» с ХЗ. Если в сводке от 14 февраля эти проявления недовольств фиксировались, как отдельные факты, то в дальнейшем отмечалось их усиление: «ХЗ еще более обострили чуткость красноармейцев к внутриармейским недочетам: материально–бытовые недочеты вызывают еще более резкие недовольства, чем обычно»[35].

Отражение «деревенских дел» на социально–политической си-

туации в армии. Общий вывод – события в деревне способствовали расслоению в среде красноармейцев–крестьян и разделению их на социальные группы – бедняков, середняков и кулаков. Более того, эта тенденция была отмечена и в отношении комначсостава. Уже в первой сводке от 14 февраля указывалось на социальное расслоение казармы как «довольно отчетливое деление» с наличием «даже» отдельных случаев «острого классового антагонизма» между кулацкой и бедняцкой группами крестьян. Однако в итоговых выводах к сводке (пункт 3) оно фиксировалось с оговоркой «наметилось расслоение». В связи с этим во второй сводке (от 10 марта) уже было обращено внимание на более детальный анализ поведения и реагирования различных социальных групп красноармейцев. Этому вопросу был посвящен самостоятельный раздел. В нем подтверждалось «отчетливое» расслоение, при этом указывалось, что основным местом для споров становятся «трибуна красноармейских собраний», которые в свою очередь «резко разделились на два лагеря – кулацко- настроенных красноармейцев и бедняков»[36].

Настроения *бедняков* характеризовались как «одобряющие» политику ХЗ и нажима на кулака, но наряду с этим в сводках отмечались и проявления «своих подчас очень резких» недовольств, идущих «с другого конца, чем у зажиточных и даже середняков». В большинстве своем они касались вопросов торговли (только по линии кооперации и только за хлеб): «Все продают за хлеб, а хлеба у бедняка нет, значит, выгадывает кулак. Бедняк продал свой хлеб раньше, когда товаров не было…» или «Нажим на кулака есть, а помощи бедноте нет или она слаба…». Любопытен вывод, сделанный в отношении бедняка, который «очень часто не имеет твердой позиции, а иногда подпадает под влияние кулацких элементов и крепких середняков и выступает с ними». *Середняков* «больше всего волнуют низкие цены на хлеб, высокие – на товары и нажим по усилению сдачи хлеба», при этом отмечалось, что середняки «вообще иногда блокируются с *кулаком»*. Последние, говорилось в сводке, «ведут себя очень осторожно, часто замкнуто, а выразителями их интересов выступают крепкие середняки». Интересно, что при характеристике настроений кулаков была сделана оговорка – «ХЗ еще раз показали, что в армию просочились отдельные кулацкие элементы»[37]. Позиция *рабочих* характеризовалась – «стоят в стороне», «интереса к ХЗ не проявляют», «относятся безразлично, как к не касающемуся их делу»[38].

Первоначальный анализ ситуации в армии показал, что события в деревне отразились и на настроениях *комначсостава* – «прежде всего, различно реагирование младшего и среднего» звена. Этому вопросу во второй сводке (от 10 марта) отведен специальный раздел, выводы которого были неутешительными. Реагирование *младшего начсостава* (далее н/с) «ничем не отличается от рядовых красноармейцев (вплоть до деления на социальные группы деревни – бедняков, середняков, зажиточных)», при этом отмечалось, что его «выступления более четко и закончено политически формулированы» в связи с лучшим развитием. Реак-

ция *среднего начсостава* отмечалась как «неоднородная». *Беспартийный начсостав* проявил полное «безразличие» к происходящим в деревне событиям, высказывая «иногда даже недовольство новой дополнительной нагрузкой, мешающей прямой его работе – военной учебе»[39].

Неподготовленность политорганов армии и всей партийной организации к разъяснительной работе. Общий вывод – политаппарат и парторганизации к хлебозаготовительной кампании оказались неподготовленными, выявилось незнание и непонимание сущности кампании. Работа среди красноармейцев развертывалась вяло и охватила незначительные массы. При этом отмечалось, что партийцы и комсомольцы, в ряде случаев, не только не могли противостоять недовольствам красноармейцев, но и «сами оказались в хвосте» беспартийных, выражая недовольство кампанией. Были примеры, когда даже комиссары частей «допускали в разъяснительной работе политические ляпсусы» или «проявляли нервозность под давлением красноармейских настроений». Эти выводы были подтверждены и в сводке от 10 марта с той только разницей, что среди примеров нездоровых явлений среди партийцев и комсомольцев отмечались отдельные случаи даже выхода из партии. Основным недочетом их деятельности по-прежнему оставалось – незнание существа кампании и объяснение ее, как искривление работы местных властей, сглаживание, затушевывание вопроса[40].

Выводы первых сводок ПУ РККА заставили руководство военного ведомства в лице наркома К. Е. Ворошилова написать 13 марта 1928 г. начальнику ПУ РККА А. С. Бубнову следующее распоряжение, с оговоркой «только лично». Приведем его полностью, ибо эта небольшая по размеру записка говорит о значимости зафиксированных явлений:

> «Хлебозаготовительная кампания 1927/28 года отозвалась в частях Красной Армии целым рядом болезненных явлений. В целях наибольшего их учета и практических выводов для дальнейшего военного строительства, считаю необходимым самым внимательным образом изучить все имеющиеся у Вас по этому вопросу материалы.
>
> Кроме того, полагаю полезным затребовать дополнительные, обработанные в форме докладов, материалы от СКВО, СибВО, ПриВО, УВО и МВО. В эти доклады должны быть включены не только данные, имеющиеся в политорганах Красной Армии, но также материалы местных партийных, советских и кооперативных органов. После проработки всего вопроса в целом, прошу представить мне, по возможности, краткий доклад в письменном виде с Вашими выводами»[41].

Доклад, который требовал К. Е. Ворошилов, был подготовлен ПУ РККА 7 апреля 1928 г. в виде справки, подписанной начальником информационно-статистического отдела ПУ РККА Черневским, под названием «Краткие выводы об отражении хлебозаготовительной кампании в Красной Армии и работе партполитаппарата в связи с ней»[42]. В этой справке содержалось 8 пунктов, из которых пять – представляли собой

выводы, требуемые наркомом. Все они подтверждали ранее приводившиеся в сводках:

1) Проводимые партией в деревне кампании – по хлебозаготовкам, самообложению и взиманию недоимок по сельхозналогу, а также по размещению в деревне займа восстановления крестьянского хозяйства нашли широкое отражение среди красноармейского состава Красной Армии и Флота.

2) Настроения деревни передались (через письма, ходоков и отпускников) крестьянской части армии, вызвав ряд нездоровых явлений и разговоров, в том числе когда недовольства экономического порядка приобретали политическую окраску.

3) В реагировании красноармейцев–крестьян на кампанию хлебозаготовок проявился их классовый состав. Причем, в первые недели кампании недовольства высказали представители всех трех групп крестьян. Если зажиточная часть крестьянства активно проявляла свои недовольства, середняцкая часть крестьянства часто «блокировалась и шла с зажиточными, во всяком случае прислушивалась к ним», то бедняцкая часть имела «свои особые недовольства, проявляла малую активность, а иногда подпадала под влияние остальной части крестьянства».

4) Младший начальствующий состав и курсанты полковых школ (как более образованная часть рядового состава) также не проявили политической сознательности, а в некоторых случаях «крестьянские настроения» среди них были не менее активны.

5) Кампания по хлебозаготовкам обнаружила целый ряд недочетов в области строительства армии, проявившихся прежде всего в вопросах: комплектования армии в целом и полковых школ в частности; в вопросах материально–бытового обслуживания частей; в отрыве начсостава от рядового состава; в недостаточной связи кадров тердивизий с переменным составом.. Не менее серьезные недочеты выявились и в работе партполитаппарата – несвоевременное, медленное и неглубокое реагирование, и даже паникерство, растерянность и даже проявления крестьянских настроений самими партийцами.

В заключении «справки» содержались слишком оптимистические выводы и надежды: об овладении ситуацией с КН, об убыли КН и их сохранении лишь в связи с отдельными извращениями. Завершалась «справка» словами: «Выводы из данной кампании, таким образом, сделаны и необходимо их, лишь провести в жизнь» [43].

Наряду с ПУ РККА, как отмечалось ранее, политико–моральное состояние армии отслеживалось по линии ОГПУ. Возможно, что это ведомство было в числе первых, зафиксировавших тенденцию к повышению «крестьянских настроений в армии». В докладной записке, подписанной зам. начальника Особого отдела ОГПУ Ольским и посланной 24 января 1928 г. по указанию Г. Г. Ягоды на имя К. Е. Ворошилова и А. С. Бубнова, отмечалось: «Начиная с осени 1927 г. в армии замечается некоторый рост крестьянских настроений, каковые по данным ОО ОГПУ, за

последнее время значительно усилились. Особенно сильный толчок этим настроениям дали последние мероприятия, связанные с усилением ХЗ»[44]. Приводя примеры отдельных высказываний и случаев агитации, особенно за «крестьянские союзы», ОО ОГПУ возлагал ответственность за усиление КН на армейские политорганы и парторганизации, которые своей «недостаточной деятельностью» в отношении «этих преувеличенных сведений, идущих из деревни» создают «благоприятную почву для усиления крестьянских настроений»[45]. Такое обвинение со стороны ОГПУ не могло порадовать ни Ворошилова, ни Бубнова; оно могло стать причиной серьезных последствий как для армии в целом, так и для руководства в частности.

Правомерно предположить, что именно ОГПУ подтолкнуло НКВМ (в лице ПУ РККА) к серьезной фиксации негативных явлений в армии, выразившейся в итоге в форме резолюции упоминаемого нами совещания начальников политуправлений военных округов. К такому выводу нас заставляет придти труднообъяснимый разрыв (почти месяц), имеющийся между днями проведения совещания (начало января 1928 г.) и датой утверждения и рассылки резолюции в округа (началом февраля 1928 г.). Просмотр сводок политуправлений военных округов может подтвердить или опровергнуть наше предположение, но как бы то ни было, отдадим должное оперативной работе особых отделов.

В приводимой записке ОО ОГПУ было обращено внимание еще на одну острейшую тенденцию в армии – «обострение антагонизма между крестьянскими и рабочими слоями красноармейцев, причем на почве недостойного поведения красноармейцев-рабочих», в том числе, появление их в пьяном виде после возвращения из краткосрочных отпусков.

В дальнейшем ОО ОГПУ продолжал информировать руководство НКВМ[46] о своих наблюдениях и выводах в состоянии армии. Так, 2 апреля 1928 г. в адрес Ворошилова, Уншлихта и в ПУ РККА (Славину) была направлена новая сводка «Настроения в РККА в связи с кампаниями по хлебозаготовкам, самообложению и размещению крестьянского займа». Подтверждая все вышеприведенные выводы, ОО ОГПУ был более реалистичным во взглядах на будущее: «Несмотря на достигнутый в основном перелом в настроениях наличие в весьма широких размерах крестьянских настроений в армии на ближайшее время будет сохраняться и требует к себе особого внимания» [47].

К лету 1928 г. ситуация в армии продолжала оставаться напряженной. Июнь принес «новый прилив» КН в частях и «нажим» деревни на армию. В связи с этим вопрос о политико-моральном состоянии РККА стал предметом пристального внимания не только политического руководства армии, но и более высокого уровня. 22 июня 1928 г. этот вопрос был обсужден на расширенном заседании РВС СССР, принявшем в итоге соответствующее постановление РВС СССР. В нем были зафиксированы все те явления, отмечаемые в информационных материалах ПУ РККА. В постановлении от 27 июня 1928 г. «О политико-моральном состоянии

РККА»[48], наряду с положительными результатами, достигнутыми с начала военной реформы 1924 г., указывались и трудности, «отражающиеся» на строительстве и состоянии Красной Армии и «неизбежно сопровождающие» рост и укрепление социализма в стране. К таким «трудностям» и «противоречиям» были отнесены хлебозаготовительные затруднения, а также активность кулацкой части крестьянства. Отдельный пункт постановления указывал на рост КН в армии. При этом, отмечалось, что «нынешние КН в казарме характеризуются не только своей остротой, но и тем, что они будут иметь более или менее длительный характер, ибо в настоящее время мы вступили в такой период, который характеризуется усилением нашего наступления на частнокапиталистические элементы в деревне, еще более решительным вытеснением их из экономики страны и связанным с этим повышением активности враждебных пролетарской диктатуре классов и групп населения в обстановке неизбежных затруднений текущего периода»[49].

Дальнейшим шагом военного руководства с целью стабилизации ситуации в армии стало принятие решения об изъятии из армейских рядов социально-чуждых элементов. Этот своеобразный шаг в духе «нового курса» в деревне был оформлен в виде совершенно секретной директивы РВС СССР от 16 июля 1928 г. (№ 065652/сс), которая предписывала произвести изъятие из армии классово-чуждых и социально-опасных элементов, приурочив это изъятие ко времени общего призыва и увольнения[50]. Изъятию подлежали лица («элементы») по следующим признакам: «1) социально-чуждые по происхождению (дети попов, бывших жандармов, полицейских), зарекомендовавшие себя с резко отрицательной стороны по службе и по влиянию на окружающих, а также лица, находившиеся ранее от шести и более месяцев в местах заключения за уголовные преступления; 2) явно кулацкие, родители которых лишены избирательных прав; 3) из числа зажиточных, которые в течение последнего времени проявили себя активными и сознательными проводниками классово-чуждых влияний и совершенно не поддающимися перевоспитанию». Списки увольняемых должны были утверждаться распоряжением РВС округов и направляться далее в соответствующие губернские или окружные (по месту жительства) исполкомы с ходатайством о зачислении в тыловое ополчение. Вся работа по отбору к изъятию должна была проводиться в строго секретном порядке. Однако, директива предписывала не допускать массового увольнения и избегать в этом деле методов «кампании» и «ударности» [51].

Не вдаваясь в подробности проведения этой кампании (что является предметом самостоятельного исследования), скажем только, что в мае 1929 г. ПУ РККА, подводя итоги выполнения постановления РВС СССР от 27 июня 1928 г., подытожила работу и в этом направлении. В подготовленной ПУ РККА справке приводились цифры изъятых по некоторым округам: ЛВО – 412 чел. (за январь-май 1929 г.), по БВО – 1329 чел. (с 15 ноября 1928 г. по 1 июня 1929 г.), по САВО – 177 чел. (с 1 июня 1928 г.

по 1 мая 1929 г.)[52]. Изъятие» продолжалось и в последующем.

Безусловно, что факт принятие подобной директивы был явным свидетельством неблагополучной ситуации в армии и, прежде всего, по причине «нового курса» в деревне. С июля 1928 г. ПУ РККА вновь возвращается к составлению информационных сводок–обзоров о КН, продолжая начатую весной работу по их изучению. Появившиеся новые сводки имели не только общий заголовок с предыдущими – ***«Крестьянские настроения в РККА»***, но и общую нумерацию. С июля по декабрь 1928 г. ПУ РККА было подготовлено семь таких сводок (№№ 2-8). Важно отметить, что список рассылки сводок–обзоров составлял 26 адресатов, среди которых были руководящие лица государства – Сталин, Орджоникидзе, Ягода и др.

Форма и принципы составления сводок оставались неизменными. Между собой они отличались внутренним наполнением и разбивкой на тематические блоки. Зачастую названия этих внутренних разделов и подразделов настолько образно раскрывали их содержание, что достаточно привести их перечень, чтобы иметь представление о содержании сводок.

Обзор–сводка № 2 от 2 июля 1928 г. – 1) Новый прилив КН в частях, «нажим» деревни на Красную Армию; 2) Политические настроения красноармейцев – подразделы: а) антисоветская активность зажиточных; б) настроения середняцкой массы красноармейцев; в) беднота против притязаний зажиточных, но боязнь голода порождает колебания; г) отрицательное влияние на красноармейцев непосредственного общения с деревней и с городским населением; д) влияние красноармейцев, возвращающихся из отпусков; е) возрождение недовольства местными организациями, обострение ревности к рабочему классу; ж) болезненные явления внутри страны и приезд падишаха увязывается красноармейцами с мероприятиями партии в деревне; з) отражение в казарме классового расслоения деревни; 3) Размах и качество политработы вокруг КН.

Обзор–сводка № 3 от 14 июля 1928 г.: 1) Дальнейшее усиление КН в частях; 2) Апелляция деревни к Красной Армии; 3) Усиление кулацкой антисоветской агитации в армии и извне; 4) Реагирование отдельных групп красноармейцев и начсостава на ХЗ; 5) Реагирование красноармейцев на новый с/х налог; 6) Реагирование политаппарата и парторганизаций на КН красноармейцев.

Обзор–сводка № 4 от 28 июля 1928 г.: 1) Влияние деревни на армию; 2) Настроения красноармейцев; 3) Реагирование отдельных социальных групп; 4) «Куда девался хлеб»; 5) Отношение красноармейцев к «разъяснительной работе»; 6) Реагирование коммунистов и комсомольцев; 7) Отношение красноармейцев к новому с/х налогу.

Обзор–сводка № 5 от 3 сентября 1928 г.: 1) Приток писем с жалобами из деревни сократился. Острота КН уменьшается; 2) Реагирование красноармейцев на решения июльского пленума ЦК ВКП(б); 3) Отклики красноармейцев на новый с/х налог; 4) КН и партполитработа.

Обзор–сводка № 6 от 3 октября 1928 г.: 1) Отношение красноармейцев к новому с/х налогу; 2) Настроения красноармейцев и ХЗ; 3) Отношение красноармейцев к колхозному движению; 4) О «крестьянских настроениях» среди рабочих; 5) КН и партийные организации.

Обзор–сводка № 7 от 22 октября 1928 г.: 1) Отношение красноармейцев к новому с/х налогу; 2) Настроения красноармейцев и ХЗ; 3) Решения июльского пленума ЦК ВКП(б) и парторганизации частей; 4) «крестьянские настроения» и политаппарат.

Обзор–сводка № 8 от 19 декабря 1928 г.: 1) Отношение к хозяйственной политике партии; 2) Отношение к коллективизации деревни; 3) Сельхозналог; 4) Ревность к бедноте и к рабочему классу; 5) Льготные настроения; 6) «крестьянские настроения» и политаппарат; 7) «крестьянские настроения» в парторганизации и комсомоле[53].

Даже простое перечисление разделов сводок позволяет выделить основные вопросы, находящиеся в центре внимания политорганов, так или иначе связанных с КН в армии. Это, прежде всего:

– содержание КН – сводка № 2, раздел 2, а также 3 (3), 4 (2); обратим внимание на кричащий раздел «Куда девался хлеб» – № 4 (4);

– тенденция развития КН – «приливы» и «уменьшение остроты» – №№ 2 (1), 3 (1), 5 (1);

– апелляция деревни к армии – №№ 3 (2), 4 (1));

– реагирование различных социальных групп в армии – №№ 2 (2), 3 (4), 4 (3)), в том числе отношение рабочих–красноармейцев – №№ 6 (4), 8 (4); обращает на себя внимание раздел сводки № 8 (4) – «Ревность к бедноте и к рабочему классу»;

– антисоветская агитация в армии – №№ 3 (3);

– сельхозналог – №№ 3 (5), 4 (7), 5 (3), 6 (1), 7 (1), 8 (3);

– льготные настроения – № 8 (5);

– реакция на ХЗ – №№ 3 (4), 4 (4), 6 (2), 7 (2);

– отношение к хозяйственной политике – №№ 5 (2), 7 (3), 8 (1);

– отношение к колхозному движению – №№ 6 (3), 8 (2);

– политическая работа в отношении КН – №№ 2 (3), 4 (5), 5 (4), 8 (6);

– реакция политаппарата на КН – №№ 3 (6), 4 (6), 6 (5), 7 (4), 8 (6 и 7).

Основной вывод, вытекающий из приведенного перечня вопросов, освещаемых в сводках, – КН в армии не ослабевали и во второй половине 1928 г., они продолжали оставаться предметом пристального внимания политического руководства армии. Более того, уже первый раздел сводки № 2 говорит о «новом приливе» КН в частях и «нажиме» деревни на армию. Второй важнейший вывод на наш взгляд – деревня продолжала рассматривать армию как объект апелляции и средство, через которое можно повлиять на власть. Среди причин, вызывающих эти явления указывались – «новое усиление темпа ХЗ, трудности хлебоснабжения города и деревни, а также перспективы неурожая озимых хлебов в отдельных районах» [54]. В свою очередь, «нажим» деревни на армию и усиление

притока «панических» писем принес в армию новые жалобы «на извращения в методах проведения хлебозаготовок, самообложения и распространения крестьянского займа, на голод, на очереди за хлебом, на отпуск такового по ограниченным нормам». По-прежнему деревня жаловалась, что «все до фунта забирают», что «облигации навязывают самым насильственным образом», что «озимые померзли, будет голод» [55]. В сводках отмечалось усиление притока писем *из разных районов СССР* с жалобами на отсутствие хлеба в деревне: «Живем совершенно без хлеба, едим суррогат, умираем с голоду. На рынке хлеб продается только зажиточной частью и втридорога…»; «Хлеба нет ни ярового, ни озимого…». «Стоят толпами около кооперации богатые, бедные, русские, евреи…». «Сидим голодные, как собаки…». «У нас в гор. Верхнеуралъске ужас смотреть, все стоят в затылок и ждут килограмм хлеба на семью…». «Мы, твои родители и твои дети, через 2-3 недели будем умирать с голоду. Поспеши выхлопотать нам бумагу, чтобы дали нам хлеба, чтобы не допустить нас до гибели. 21-й год надвигается…»[56].

Если в первых весенних сводках отмечались со стороны деревни только угрозы выступлений, то к лету на смену угрозам пришли сообщения и о «царящей большой злобе» у крестьян по отношению к коммунистам, и о женских бунтах, и о восстаниях: «В селе Красинском было восстание, что теперь всех восставших отправили неизвестно куда и что такие вспышки бывают теперь часто…»; «Бабы собираются, идут разбивать амбары и лавки и забирают муку…»; «Слышно по народу, что ездили отбирать хлеб в поселок, вышли бабы, кто с вилами, кто с лопатами и не дали хлеб…»; «Пригнали к нам пять человек выгребать хлеб, вступились красноармейки–бабы, этот хлеб отстояли, а мужики были на изготовке…»[57].

Мнение политорганов в отношении подобных примеров и писем было однозначно: «Значительная часть писем, идущих из деревни, составлена, несомненно, под большим влиянием кулацкой агитации в деревне. Во многих письмах описываемые факты намеренно раздуты, с прямым расчетом – отрицательно воздействовать на личный состав частей»; «В письмах сообщается масса тревожных и иногда явно преувеличенных, ложных и провокационных фактов»; «Уменьшилось количество писем из деревни, отрицательно освещающих этот вопрос. К тому же красноармейцы уже не так болезненно реагируют на эти письма, так как в частях имелось очень много фактов, когда после проверки правильности содержания писем оказывалось, что они ложны, исходили в большинстве случаев от зажиточной и кулацкой части деревни, спекулирующей на хлебных затруднениях. К этим письмам красноармейцы теперь относятся с осторожностью, а иногда и с недоверием»[58].

И хотя подобные выводы, зачастую, диктовались политической ситуацией, однако примеры «преувеличенных слухов», которыми деревня апеллировала к армии, призывая ее «вмешаться», имели место быть. Так, например, в сообщении политотдела Украинского военного округа при-

водилась выдержка из письма: «Сейчас в г. Балте бабы разбили лавки, а милиция потребовала полк солдат. Солдаты приехали, посмотрели, разобрались с делом, сложили ружья в козлы и сказали: "Дайте им хлеба"»[59]. В настоящем случае мы видим сочетание действительности и желаемого. Солдаты могли приехать на усмирение «бунта», но мало вероятны их дальнейшие действия

Наряду «со сравнительно невинными письмами», содержащими описание жизни деревни и конкретных примеров «недовольств» и взывающими о помощи: «Как вы есть Красная Армия, то вся надежда на вас. Вы наши помощники, вы должны нас защищать (от притеснений местных властей при хлебозаготовках)…», в армию приходили письма–воззвания, письма–обращения, наполненные «контрреволюционными» лозунгами. Среди них были и такие: «Товарищи красноармейцы, добивайтесь крестьянского союза, теперь можно жить только заклятому пролетариату, требуйте крестьянского союза, хотя коммунисты и не разрешают этого»[60].

Сводки по-прежнему фиксировали усиление противоречия между городом и деревней, отражавшееся и на армейской среде: «Местная власть ко всему относится халатно, а город и внимания не обращает, смеется..»; «Рабочий–сезонник, подвыпивший, простояв в очереди, натолкнулся на нескольких красноармейцев и говорил: "Что вы смотрите, хлеба не достал, смотрите, как рабочему живется, ваших батек грабят"…»[61].

Как новое явление, было отмечено – сокрытие красноармейцами от лиц начсостава и политруков приходящих из деревни писем, «очевидно из боязни репрессий по отношению к авторам этих писем».

Обращает на себя внимание, что из 7 составленных ПУ РККА сводок – три датируются июлем. Столь повышенное внимание к июлю месяцу было не случайным. Политорганы ждали реакции армии на состоявшийся в июле пленум ЦК ВКП(б), на котором продолжилась борьба «за деревню» между Сталиным и Бухариным и их сторонниками. Отклики армии на решения июльского пленума, официально осудившего использование чрезвычайных методов при проведении ХЗ кампании, присутствуют в осенних сводках ПУ РККА (сводка № 5 от 3 сентября и № 6 от 3 октября). Важнейшим выводом для армейского и политического руководства стало – «Приток писем с жалобами из деревни сократился. Острота крестьянских настроений уменьшается». Так, например, в сводке № 5 говорилось: «Августовские политдонесения политуправлений округов говорят о заметном сокращении притока в части писем из деревни с жалобами на хлебозаготовки и на применение чрезвычайных мер. Это, повидимому, связано с окончанием хлебозаготовительного года, а также с решением июльского пленума ЦК об отмене чрезвычайных мер. Все [э]то начинает оказывать благотворное влияние на настроения крестьян–красноармейцев, и «крестьянские настроения» в частях в последнее время начинают несколько терять ту остроту, которую они имели еще только 1-2 месяца тому назад»; «В результате популяризации решений пле-

нума ЦК части 4 кавалерийской бригады отмечают значительное снижение резкости и массовости настроений, вызванных хлебными затруднениями» [62].

Наряду с общей тенденцией уменьшения остроты КН, в сводках отмечалось «заострение внимания» красноармейских масс (особенно в БВО[63], СКВО, МВО[64]) на вопросах, связанных с проведением с/х налога. Действительно, практически во всех рассматриваемых нами сводках ПУ РККА с/х налог выделен в самостоятельный раздел. Об актуальности этого вопроса говорит также и тот факт, что 3 сентября 1928 г. ПУ РККА была принята секретная директива «О налоговых настроениях», которая предписывала проведение среди красноармейцев «правильного разъяснения» единого с/х налога и «всей налоговой политики советского правительства». Директива призывала политорганы и парторганизации и весь начсостав быть готовыми к повторению настроений, подобных настроениям, связанным с хлебными затруднениями[65].

Закономерно, что проведение сельхозналоговой кампании в деревне повысили интерес красноармейцев к разного рода льготам по снижению с/х налога, тем более, что на них имели право так называемые «красноармейские» хозяйства, среди членов семей которых были красноармейцы. В декабрьской сводке (№ 8) «льготным настроениям» был отведен самостоятельный раздел, в котором отмечалось «оживление» подобных настроений, особенно в связи с приходом молодого пополнения в части: «Молодняк спешит получить удостоверения для своих родных на предмет получения льгот» [66].

В разбираемых сводках ПУ РККА появляются и новые вопросы – отношение красноармейцев к коллективизации. К концу 1928 г. процесс коллективизации деревни только начинал наращивать темпы, являясь ключевым вопросом «нового курса». Поэтому так важно было властям узнать, как к этому процессу относится армия, а точнее молодые солдаты, которым предстояло работать в этих колхозах. Вывод не был утешительным для властей. Отношение к колхозам характеризовалось как «нездоровое». Наиболее резкое отношение было отмечено среди зажиточной и крепкой части середняков – «недоверчивое и во многих случаях враждебное к развертыванию колхозов и совхозов». Беднота, напротив, одобряла эту политику, «видя в ней единственный выход для улучшения собственного положения» [67].

К концу 1928 г. общие политические настроения бедняцкой части и основной массы середняков красноармейцев «складывались в пользу Советской власти». Даже прибытие в части молодняка из нового призыва не изменили радикально этих настроений. Причина тому, как отмечали авторы сводок, – в приходящих из деревни сведений – об улучшении работы местных организаций, в частности кредитной; об ослаблении в деревне товарного голода и даже наблюдающегося в ряде случаев удешевления товаров; об улучшении работы кооперации. Хотя в декабрьской сводке отмечалось наличие «резких» КН среди молодняка, который не

понимает хозяйственной политики в деревне и жалуется на быстрый темп индустриализации страны, на невнимание правительства к развитию индивидуальных хозяйств, в том числе бедняцких и середняцких, на низкие цены на хлеб – в целом, вывод был оптимистичен – это не может изменить позитивные настроения в армии[68].

Начало 1929 года, видимо, принесло успокоение в ряды армейских политорганов и затишье в их работу по анализу КН в армии. Только этим, можно объяснить отсутствие подобных информационных сводок в первой половине года. Это обстоятельство удивляет, так как в январе 1929 г. было принято совместное постановление СНК и Политбюро ЦК ВКП(б) «О хлебозаготовках», которое признавало «правильным» и «целесообразным» произведенное НКТоргом повышение хлебозаготовительных заданий в районах Поволжья, Башкирии, на Урале, Сибири и Казахстане[69]. Увеличение годового плана централизованных заготовок зерновых хлебов для ряда важнейших районов страны не могло не вызвать «прилива» КН в армии, ведь реакция деревни на это решение властей была однозначным. Сводки и сообщения соответствующих органов и представителей ОГПУ свидетельствовали о массовых выступлениях крестьян и других формах крестьянского сопротивления, особенно в Сибири[70].

ОГПУ, в отличие от ПУ РККА, продолжало изучать и информировать власть о настроениях в армии. Так, например, сводке ОО ОГПУ «Основные моменты отрицательных настроений РККА» по состоянию на 1 мая 1929 г. важнейшими из них назывались: «1) Дальнейший рост и обострение так называемых «крестьянских настроений». 2) По прежнему высокая активность всего антисоветского элемента, проникшего в армию (а/с выступления, антисемитизм, религиозная агитация, работа троцкистов и проч. к/р групп). 3) В ряде частей усиление недоверчивого отношения красноармейцев к разъяснениям начсостава по вопросам внутреннего положения страны. 4) Сохраняется оторванность части начсостава от красноармейцев, бездушное отношение к их нуждам и извращение дисциплинарной практики. 5) По некоторым округам увеличилось число правонарушений и ухудшилось общее состояние дисциплины, особенно по терчастям. 6) За последнее время имел место опять ряд случаев очковтирательства со стороны командиров частей» [71].

Как видим, КН занимают первое место в общем, достаточно большом списке. В этой же сводке отмечалось, что «новым в т.н. «крестьянских настроениях» является то, что ими за последнее время охвачена в большей мере, чем прежде, середняцкая прослойка, особенно в тердивизиях». С присущей ОО точностью, фиксировались не только сами высказывания, но и количество этих высказываний, позволяющие увидеть в численном эквиваленте рост «недовольства по крестьянским вопросам». По данным ОО ОГПУ было зарегистрировано случаев высказывания недовольства: *в ЛВО*: в феврале с.г. – 401, в марте – 1187; *в БВО:* в январе – 528, в марте – 561, *в УВО:* в январе – 1142, в марте – 1444, *в СКВО:* в

марте – 954, в апреле – 1229, *в СИБВО*: в феврале – 1667, в марте – 2014 [72]. При этом отмечалось: «Поступающие в адреса красноармейцев письма из деревень получают из месяца в месяц более резкий характер, особенно идущие из производящих районов. Апелляция крестьян к Красной Армии, призывы стать «на защиту крестьянства» принимает в письмах более массовый чем прежде, характер, причем подобные призывы принимают форму систематической к/р работы верхушки деревни» [73].

Приводимые в сводке примеры из деревенских писем говорили о том, что деревня продолжает рассчитывать на помощь армии: «*ПРИВО:* «Советская власть есть бич народа, я бы предложил Вам, красноармейцам, поднять вопрос на собрании о том, чтобы не морили людей голодом и не издевались над народом. Вам непременно нужно поднимать вопрос на собраниях, потому что Вы из деревни и знаете нужды деревни…». *ККА:* «Это не жизнь пошла, а погибель всему миру. По всему видно, что придется пропадать, хоть бы вы там говорили. Вам вольнее говорить, чем нам. Говорите своему начальству, почему это делается. Поднимайте вопрос, иначе мы все до единого человека погибнем…». *СИБВО:* «Не дают нам даже иголки потому, что не даем хлеб в кооператив, а хлеба у нас и для себя нет. За что Вы служите и кого защищаете; будет время, самый низкий середняк перейдет в кулака. Как вам политруки напевают о новой жизни, люди, говорят, что сейчас хорошо стало жить…»; «Прочитай всей роте, напишу про крестьянскую жизнь. Нажим местных властей на крестьян большой, хлеб гонят беспощадно. Нет интереса, пахать, надо бросать крестьянство…». *УВО:* «Сообщи своим командирам, что они совершенно забыли о крестьянстве. Все красноармейцы — крестьяне и, если крестьянство пойдет против Соввласти, то и армия пойдет против нее. Дай прочитать своим командирам, пусть знают, что делается в деревне…»; «Пусть она провалится такая власть, долго ли еще придется терпеть, когда же всему придет конец, а вы еще служите и защищаете эту власть. Как получишь письмо, всем товарищам расскажи, какое обращение с нами и вы там подумайте, можно ли жить так дальше…». По поводу последнего высказывания говорилось, что в «указанной дивизии аналогичных документов было получено 18» [74].

Итоговый вывод ОО ОГПУ в отношении борьбы с КН в армии был нелицеприятный – «работа политаппарата по-прежнему *(подчеркивание наше)* в ряде частей ведется недостаточно интенсивно. За последнее время отмечается рост числа случаев, когда под давлением красноармейской массы по конкретным вопросам хоззатруднений (карточки, нехватка товаров и проч.) политаппарат и начсостав фактичести соглашаются с мнением выступающих, сводя свою роль только к подбору смягчающих эти факты объяснений, сваливая вину, подчас, на местный аппарат, а иногда просто уклоняясь от ответов» [75].

Напомним, что в сводке ОО ОГПУ было отмечено, что «КН за последнее время охвачена в большей мере, чем прежде, середняцкая прослойка, особенно в тердивизиях», причем об этом говорилось, как о «но-

вом» явлении. Объем статьи не позволяет более подробно остановиться на КН среди переменного состава территориальных частей. Скажем только, что «острота» КН среди этой категории рядового состава была намного сильнее, чем в кадровых частях, что вполне объяснимо. Отрыв переменников от деревенской жизни составлял всего несколько месяцев, и жизнь на сборах не могла заслонить у переменного состава тех проблем, которыми жила деревня. Еще в более ранних сводках ПУ РККА отмечалось более острое реагирование красноармейцев переменного состава территориальных частей на события в деревне. О размахе КН среди этой категории красноармейцев свидетельствует тот факт, что перед предстоящим весенним призывом на сборы был принят соответствующий циркуляр ПУ РККА (от 4 апреля 1929 г.), в котором указывалось на «неизбежность» усиления КН на сборах [76].

Видимо, предупреждения об усилении КН в территориальных частях оказались правильными, так как 1 июня 1929 г. на имя К. Е. Ворошилова поступило служебное письмо от Г. Г. Ягоды, который будучи зам. начальника ОГПУ, являлся одновременно нач. ОО ОГПУ. В этом письме говорилось: «В 1926 году ОГПУ ставило перед РВС СССР вопрос о наиболее слабых местах терсистемы РККА. В течение последующих лет терсистема, как и РККА в целом, значительно укрепилась, чему особенно способствовало численное усиление кадров в наиболее слабых тердивизиях. Тщательное изучение материалов прошедшего, после 1926 года, периода, особенно в связи с ростом в армии так называемых «крестьянских настроених» и работы зарубежных к/р организаций и внутренней к/р, — приводят ОГПУ к убеждению, что терсистема на сегодняшний день все еще имеет ряд слабых мест, для изжития коих требуются мероприятия РВС СССР». В отношении политических настроений указывалось: «Настроения красноармейцев в терчастях, в большинстве случаев, хуже, чем в кадровых, и первые более подвержены антисоветским влияниям, что особенно ярко выявилось при проведении перевыборов советов в местах расположения тердивизий, а также по т.н. «крестьянским настроениям». Крестьянские настроения в терчастях носят более массовый характер, чем в кадровых частях. Деревенская верхушка пытается использовать армию для борьбы с Соввластью и защиты своих интересов, путем соответствующей обработки переменного состава. Нередко в районах комплектования переменники втягиваются в местные кулацкие группировки, противодействующие мероприятиям Соввласти в деревне» [77].

ОГПУ не ограничилось только констатацией фактов. Наряду с выводами были и конкретные предложения, в том числе по усилению кадров начсостава в территориальных частях, по пересмотру принципов комплектования этих частей и пр.: «*Выводы и предложения:* 1) Особенности терсистемы требуют, как одно из непременных условий, особо крепкого, политически выдержанного кадра начсостава. Командование на местах до сих пор этому вопросу уделяет совершенно недостаточное внимание.

Надо, чтобы в терчасть направлялся бы лучший комполитсостав. 2) Неизбежность наличия в переменном составе тердивизий преобладающего % крестьян — требует особо серьезного внимания к социальному отбору при комплектовании кадровых красноармейцев. При отборе прослойки рабочих особое внимание должно быть уделено отбору промышленных рабочих, % каковых должен быть максимальным, во много сильнее, чем в кадровых дивизиях. ...5) При чистке от социально–чуждого элемента РККА из тердивизий, были изъяты (в силу трудности выявления) не все, подлежащие удалению из армии лица. Работа по их дальнейшему выявлению и удалению должна быть продолжена. Систематическое изучение социально политической физиономии переменников и чистка терчастей необходимы еще в силу тех социальных изменений, кои происходят в деревне за время пребывания переменников в части»[78].

Дальнейшие шаги власти не ослабили ситуацию в деревне. Наоборот, принятые постановления по усилению ХЗ, в частности постановления СТО от 7 мая 1929 г. «О хлебозаготовках» и от 31 мая 1929 г. «О мерах к усилению хлебозаготовок в июле-августе 1929 г»., а также постановление СНК от 21 июня 1929 г. «Об организации хлебозаготовок на 1929/30 гг». вновь обострили и без того напряженную ситуацию в деревне, заставляя последнюю использовать самые активные формы протеста [79]. Ситуация в деревне не могла не отразиться на настроениях армии. Тем более, что по данным ОО ОГПУ (по состоянию на 1 августа 1929 г.) рост недовольства не уменьшался. Более того, наряду с проявлениями отдельных недовольств ОО указывали на появление в армейской среде красноармейских группировок, недовольных хозяйственной политикой власти, что, безусловно, было более чем тревожным симптомом. «Случаев высказывания недовольства по крестьянским вопросам» было отмечено: в мае – июне – июле соответственно: *по ЛВО*[80] – 1274, 973, 706; *по УВО* – 1542, 2742, 1974; *по СКВО* – 766, 1802, 1125; *по СибВО*[81] – 2863, 2012 (показатели за июль по СибВО отсутствовали). При этом, как отмечалось в сводке, «большая активность кулацкой и зажиточной части выражается в увеличении числа а/с, к/р группировок, в большей части возглавляемых кулаками, усилении нажима на армию через письма, ходоков и агитацию против пятилетки. Эти группировки ставят себе целью срыв разъяснительной работы политаппарата путем организованных выступлений на занятиях — обработка отдельных красноармейцев и пр. По данным за февраль – апрель ОО учтено 56 а/с красноармейских группировок с количеством 297 чел., в том числе 26 – младших командиров, из коих 23 [группировки] ликвидированы оперативным порядком с количеством 103 чел. За май–июль месяцы с.г. вновь выявлено по округам 70 а/с группировок, с количеством 362 участников, из коих 4 группировки состоят исключительно из младшего н/с (всего 24 человека). Из этих группировок ликвидировано 34, с количеством 158 человек»[82].

Отмеченный органами ОГПУ тревожный симптом по вовлечению в сферу КН комначсостава был также зафиксирован и политорганами

Красной Армии. Об этом свидетельствует отложившийся в материалах ПУ РККА обзор, датированный декабрем 1929 г. Обзор этот интересен не только постановкой вопроса, но и его дальнейшей судьбой. Подготовленный для официального информирования и подписанный начальником ПУ РККА Я. Б. Гамарником обзор имел первичный заголовок – «Сращивание начсостава с классово–враждебными элементами». Однако, это название слишком кричаще обозначало проблему политических настроений начсостава. В связи с этим прежний заголовок был заменен на новый – «О подборе работников посылаемых для работы в деревню». Но и этот камуфляж не смог прикрыть остроту описываемых явлений. В результате обзор, подготовленный для рассылки по инстанциями и в округам, остался лежать в делах ПУ РККА с надписью на документе «Нач. ПУРа приказал сообщить, что рассылать обзор не будет. 2.1. [19]30». Примеры сокрытия информации (даже сугубо служебной) пока единичны, и поэтому особенно интересно подробнее остановиться на тех зафиксированных явлениях, которые стали причиной засекречивания данного обзора[83].

Задача этого обзора заключалась в показе форм и средств, используемых армейскими политорганами для «непосредственного влияния Красной Армии на деревню». В их арсенале были две основные формы: *первая (заочная),* предусматривающая посылку писем в деревню от имени красноармейцев с призывами поддержки действий власти; *вторая (очная),* предусматривающая «массовое личное участие начсостава и красноармейцев в работе в деревне». Признавая последнюю форму наиболее эффективной и важной, политорганы уделяли ей большое внимание. Поэтому заголовок (окончательный) и содержание обзора ПУ РККА были нацелены на анализ «подбора работников», посылаемых для работы в деревню. Основные требования политорганов к подобным лицам были: «Внимание всех работающих в деревне военнослужащих должно быть заострено на задаче выдержанного, активного, продуманного осуществления в деревне линии партии. …Классовая непримиримость в условиях обостряющейся классовой борьбы и упорного сопротивления капиталистических элементов является важнейшей задачей всех военнослужащих, ведущих работу в деревне». Особенно же большое значение придавалось «работе среди населения начальствующего состава территориальных частей в междусборовый период, в период работы с допризывниками и вневойсковиками». Именно поэтому так болезненно и и тревожно была воспринята тенденция «сращивания» начсостава с «классово–враждебными элементами деревни» – «когда наименее устойчивые элементы армейской парторганизации и начсостава попадают под влияние и даже сращиваются с кулацко-капиталистическими элементами деревни». В обзоре отмечалось, что «сращивание» имеет разные корни, не только родственные – «через своих родных, жен, знакомых», но и бытовые – «классово-враждебные элементы опутывают того или иного неустойчивого командира или политработника выпивкой, угощением, предоставлением лучшей квартиры, уюта в деревенской обстановке, извле-

кая из этого для себя выгоду»[84].

Какова бы ни была причина взаимодействия начсостава с «классово–враждебными элементами деревни», озабоченность политорганов прежде всего проявлялась в отношении политических настроений начсостава и поддержки, которую «враждебные элементы» получали от начсостава. В обзоре отмечалось: «Особенную остроту вопрос имеет в территориальных частях, где большое количество лиц начсостава выбрасывается в район комплектования для проведения межсборовой работы, краткосрочных сборов, допризывной подготовки, обучения вневойсковиков и т.д. Имеется целый ряд фактов связи начсостава с социально-чуждыми элементами именно в междусборовый период. ...Все это оказывается возможным благодаря тому, что отдельные лица начсостава не только не дооценивают (или не понимают) классовой борьбы в стране, не видят ее, не получают твердых директив проведения четкой классовой линии, но сами подвержены известным мелкобуржуазным колебаниям, классово индеферентны и неспособны проводить классово-выдержанную линию»[85]. Примером тому в обзоре приводился факт, опубликованный в № 279 «Красной Звезды», когда член партии, нач. военно-хозяйственного довольствия артполка, приехав в отпуск в деревню, пользуясь авторитетом, как военный работник, проводил «явно кулацкую работу (кричал, что хлеб брать можно только по согласию, что хлебозаготовки неправильны и т.д.)». Когда его привлекли к партответственности, он утверждал, что никаких кулаков и классовой борьбы в деревне нет[86].

Пристального внимания политорганов заслуживали факты, когда кулаки пытались использовать начсостав в своих «классовых целях». В качестве яркого примера таких случаев в обзоре приводился факт срыва хлебозаготовок в ЛВО (в районе 30 стр. полка). Два ротных командира Чернов и Питкевич, направленные для вневойсковой работы в деревню, своим вмешательством в действия местных властей сорвали хлебозаготовки почти в целом районе. Приехав в деревню, они спросили у крестьян: «Где живут индивидуально обложенные?». Им указали «махрового кулака». Они пошли к нему ночевать. Кулак стал жаловаться на непосильный налог и хлебозаготовки. После ночной беседы оба командира пошли в сельсовет и стали проверять правильность обложения не только этого кулака, но и других зажиточных. В результате командиры заявили председателю сельсовета, что не следует раскулачивать кулаков. Весть о деятельности командиров быстро разнеслась по остальным деревням. В итоге, крестьяне стали выжидать и приостановили подвоз хлеба. Действия командиров были оценены как «прямая контрреволюция» и они были арестованы. Видимо, таких подобных случаев было немало, иначе вопрос о подборе кадров в деревню не стал предметом самостоятельного обзора ПУ РККА. Вывод данного обзора был категоричным: «Этот случай свидетельствует о наличии серьезных недочетов в работе отдельных парторганизаций и политаппарата. Недостаточным вниманием и механическим подходом полковой парторганизации к выполнению этой ответ-

ственейшей задачи можно в значительной мере объяснить посылку на хлебозаготовки непроверенных, неподготовленных и слабо политически грамотных лиц, которые своими действиями играют на руку классовому врагу». Завершая обзор, его авторы очень четко определили значимость политических настроений в армии в свете «нового курса» в деревне: «Помощь Красной Армии социалистической переделке с/х будет действительной только тогда, когда она будет проникнута духом классовой настороженности и непримиримости к классовому врагу» [87].

К концу 1929 г., несмотря на описанные тревожные явления, в целом острота КН в армии в сравнении с 1928 г. снизилась. В сводке ПУ РККА о крестьянских настроениях от 26 октября 1929 г. говорилось: «1) Возросшая кулацкая активность в стране находит и в армии почву для своей агитации среди некоторой части середняков, насторожившихся и колеблющихся под влиянием изъятия хлебных излишков у состоятельных слоев деревне. Тем не менее, основная масса бедняцко-середняцких слоев все время противостоит кулацкой агитации и остается в основном политически здоровой. 2) Так называемые «крестьянские настроения» в армии в условиях обострения классовой борьбы в стране, получают отчетливое кулацкое выражение и по существу они уже превратились из расплывчатых «общекрестьянских» настроений в чисто кулацкие настроения *(подчеркивания документа)*, отражающие в основном классовые интересы капиталистических элементов деревне» [88].

Выводы политорганов Красной Армии подтверждал и ОО ОГПУ. В упоминаемой ранее сводке ОО ОГПУ говорилось: «В связи с окончанием в отдельных районах хлебозаготовительной кампании 1928-29 г. и поступлением в части сведений о благоприятном урожае, по ряду округов отмечается снижение крестьянских настроений у основной (середняцко-бедняцкой) массы красноармейцев. Рост или стабильность этих настроений имеют место лишь в тех частях, кои укомплектованы, главным образом, из производных районов (Сибирь, бывш. Самарск. и Пензенск. губернии и т.д.), в коих последние месяцы еще производился нажим на хлебозаготовки. Кроме того, почти по всем округам можно видеть, что попутно с понижением крестьянских настроений в основной середняцко-бедняцкой прослойке, мы имеем рост этих настроений среди кулаков и зажиточных, хотя по некоторым округам (например, УВО, ККА[89]) зажиточная прослойка стала реже высказывать свое недовольство Соввластью, по-видимому, потому, что а/с разговоры не встречают больше прежней поддержки среди широкой красноармейской массы» [90].

Произошедший перелом в настроениях красноармейской части армии в позитивную сторону, безусловно, был заслугой политорганов, которые смогли перестроить свою работу, сделать ее более эффективной. Хотя недочеты в этом направлении еще были немалые, и об этом говорили сами политорганы – «недостаточно четко и решительно ведется работа по разоблачению кулацкого характера «крестьянских настроений», по освобождению колеблющейся части красноармейцев из–под влияния ку-

лацкой агитации, по линии агитации за необходимость сдачи хлебных излишков середняками; недостаточное до сих пор изучение состава красноармейцев и их настроений, слабое информирование и инструктирование низовых работников по вопросам текущей политики и практики партии и Соввласти»[91] – но результат был налицо.

1930 год принес новые политические задачи, став годом сплошной коллективизации деревни и раскулачивания. Эти задачи были определены на ноябрьском пленуме ЦК ВКП(б) 1929 года[92]. В соответствии с ними, была определена и работа политорганов армии. В директиве ПУ РККА от 12 декабря 1929 г. указывалось, прежде всего, на два основных направления – «обострение классовой борьбы в стране требуют неусыпной пролетарской бдительности в казарме» и «повысить роль армии, как школы строителей социализма»[93]. С развертыванием в общегосударственном масштабе практической работы по ликвидации кулачества («раскулачиванию») и созданию колхозов политорганы продолжали изучать и следить за настроениями армии, тем более, что вовлечение ее в эти процессы шло достаточно активно.

Учитывая ошибки прошлых лет, ПУ РККА в начале 1930 г. послало своих сотрудников на места, в районы расположения территориальных дивизий, с целью изучения «реакции казармы на поворот в политике партии». В ряду округов, подвергшихся изучению, были округа Северного Кавказа, Украины и Поволжья – Донской, Кубанский, Самарский, Сталинградский, Донецкий, Донецко–Шахтинский, Шевченковский и др. По итогам этих поездок было созвано совещание (26 февраля 1930 г.), под председательством Я.Б.Гамарника[94]. Один из выступающих (Ильин), посетивший 7 территориальную дивизию, располагавшуюся на Украине (Черниговский, Роменский, Нежинский и Конотопский округа) так характеризовал настроение казармы в частях дивизии:

> «Чем сейчас интересуется казарма? Следует учитывать, что кулак и крепкий середняк, экспортник на Украине, проявляют себя сейчас исключительно активно в направлении срыва наших задач. Выступают они, примерно, под такими лозунгами: «Коллективизация – это возврат к панщине»; «Государство опять хочет насадить помещиков, крестьян сделать крепостными»; «Кулаки такие же крестьяне, как и все»; «Кулаков теперь нет, кулака давно раскулачили, на селе есть лишь более крепкие крестьяне труженики»; «Помогите, покончат с нами, а тогда и за середняка примутся»; «Обирают на селе, а нэпманов в городе не трогают»; «Середняцкому государству не выгодно идти в колхозы вместе с беднотой»; «Бедняк и батрак ничего не дают, а середняк повинен сдавать все свое майно» и т.п. Это – выступления кулацкой части. Ведут такого порядка разговоры и переменники, ведутся они в казарме. По такой, примерно, линии идет и антисоветская работа в казарме» [95].

Характеризуя процессы происходящие в казарме и обобщая результаты

своих бесед с красноармейцами, докладчик приводил следующие подсчеты:

> «Я имел возможность беседовать с личным составом дивизии, ко мне поступило на этих беседах около 1500 красноармейских записок. Я их обработать не смог полностью, но вчерне обработал. Если взять эти записки, то в них вопросов организационного порядка – как будет проведена коллективизация, как ликвидировать кулака как класс – такого характера вопросов 43-45%. Вопросов, в которых проявляется жалость к кулаку, забота о нем и его семье – 15%. Недопонимание коллективизации отражено в 7% записок, нежелание идти в колхозы – 4%.
>
> Не был обойден вниманием и *младший начсостав,* который дал, «примерно, такую же картину: вопросов организационного порядка – 45%, выражающих жалость к кулаку – 15%, но зато вопросов недопонимания политики партии всего 1%. Вывод такой: 75% вопросов более или менее деловых и здоровых и только 25% можно отнести к колебаниям».

Несколько иная картина настроений была дана в отношении вневойсковой молодежи, т.е. тех, кто не прошел школу политического воспитания через армию:

> «Если сопоставить этот анализ с анализом характера вопросов, заданных вневойсковиками, то тут мы имеем несколько иную картину. Вопросов такого порядка – «Что будет с тем, кто категорически не пойдет в коллектив?» задано 26% к общему количеству заданных вопросов. Вопросов, показывающих на жалость к кулаку до 24%, т.е. здесь уже 50% заданных вопросов говорят о крайне слабой работе, проведенной с вневойсковиками. Причем, следующих 25% вопросов, следует отнести за счет такого рода вопросов: «Почему сейчас, а не раньше ликвидируют кулака, как класс?»; «Чем вызваны продовольственные затруднения?»; «Будут ли приниматься в колхозы лишенцы по суду?»; «Как поступят с религиозно настроенными?» и т.п.. И только 14% вопросов затрагивают вопросы организационного порядка и справочные. То есть, среди вневойсковиков мы имеем, грубо говоря, как раз обратную картину той, что характерна для кадрового состава дивизии. Из этой коротенькой цифровой характеристики можно сделать, пожалуй, близкий к действительности вывод и о состоянии настроений переменников, так как вневойсковики вряд ли чем от них отличаются» [96].

На совещании было уделено внимание и настроениям начсостава в связи с «новым курсом» И хотя в целом вывод был позитивным – «начсостав в своей основной массе также правильно усвоил новый поворот в политике нашей страны», в то же время признавалось, что «в смысле выявления его настроений вокруг коллективизации и поворота в политике», это направление информационной работы политорганов является «наиболее слабым». При этом, указывалось, что до сих пор нет точных данных у

политорганов о связи начсостава с с/х (имелось ввиду наличие близкого родства с конкретными социальными группами в деревне). Отмечалось также наличие попыток «некоторой части» начсостава «отмежеваться, спрятаться за спину политработников от непосредственного активного участия в деле разъяснения переменникам и красноармейцам новой политики партии». Необходимость усиления как общей, так и политической работы с начсоставом была признана важнейшей задачей политорганов и праторганизаций армии. Более того, на совещании прозвучали требования – решительнее поставить вопрос «о примерности командира как военного и политического руководителя в деле коллективизации» – командир не должен ждать, чтобы красноармейцы на него показывали пальцем»[97].

Более чем серьезным, если не сказать кричащим обстоятельством, отмеченным еще ранее органами ОГПУ, стало продолжающаяся тенденция оформления и роста бедняцко–середняцких группировок в армии – «не кулацких, не верхушки, а вот именно бедняцко–середняцких» – и как следствие этого увеличение выступлений отдельных красноармейцев. Было подмечено, что причины появления подобных группировок вытекали первоначально из хозяйственно–бытовых вопросов, перерастающих в более серьезные недовольства. Таким образом, на первый взгляд безобидные неурядицы становились поводом формирования внутри армии политических группировок, в которых в результате объединялись лица, недовольные политикой власти, в частности политикой ликвидации кулака как класса. Причем, наиболее распространенный способ действий участников этих группировок («кулацких элементов в казарме») был – высмеивание и критиканство записавшихся в колхозы.

В дальнейшем деятельность подобных группировок подавалась, в информационных сводках ПУ РККА как «кулацкие настроения». Появление трудностей в колхозном строительстве и в первую очередь – возникающие «искривления» – вызывали обострение недовольств и усиление выступлений «кулацких элементов». Их основными доводами были – «коллективизируют насильно», «коллективизация есть кабала, барщина и крепостное право», «коллективы несут голод и гибель», «за счет коллективов будут жить бедняки и лодыри», «хозяйственному крестьянину коллективы не к чему и что надо развивать и поддерживать индивидуальное хозяйство», «взяты непосильные темпы коллективизации»[98]. Политорганы указывали, что наряду с агитацией против действий власти, в том числе в вопросах колхозного строительства, «кулацкие элементы» занимались распространением слухов и сеянием паники. Так, например, в отношении льгот для красноармейских хозяйств говорилось: «Льготы – это маневр, приманка, временная мера, которая скоро будет отобрана, которая не будет осуществлена»[99].

В первой половине 1930 г. основным лейтмотивом КН в армии являлись вопросы колхозного движения. Наряду с общей позитивной картиной этих настроений, характеризующихся как «здоровые», «одобряю-

щие» и «поддерживающие», были и отрицательные моменты, проявляющиеся в виде «отдельных отрицательных настроений, неверных суждений, измышлений и кривотолков вокруг деревенской политики партии». При этом отмечалось, что позиция красноармейцев–середняков была осторожной и выжидательной. Они, в большинстве своем, «избегали высказывать свою точку зрения на поворот в политике партии (курс на сплошную коллективизацию), стали проявлять сомнения и колебания». Более того, наиболее распространенной темой их разговоров стала – отношение партии к середняку в связи с политикой ликвидации кулачества как класса, как бы раскулачивание не задело и середняцкие хозяйства: «Не тронут ли раскулачиванием середняка», «Не станут ли ликвидировать середняков»[100].

К осени 1930 г. сводки политорганов армии фиксировали значительный рост «кулацкой агитации», и в связи с этим усиление «кулацких настроений» в частях, особенно на сборах территориальных дивизий. В сводке ПУ РККА «Обострение кулацких настроений в армии», датированной 8 сентября 1930 г., указывались следующие направления этих настроений: 1) агитация против колхозного строительства, 2) развертывание ХЗ, 3) товарные и продовольственные затруднения, 4) вопросы военной опасности[101].

В отношении *колхозного строительства* отмечалось, что эти «настроения» достигли большой остроты, особенно среди красноармейцев–переменников, вышедших из колхозов: «Хоть зарежь, а в колхоз не пойду…»; «От имени вышедших из колхозов заявляем, что ни за что в колхозы не пойдем…».

Развертывание хлебозаготовок вновь усилило поток писем в армию «кулацкого характера с воплями о грабеже», с просьбами «защитить крестьянство, повернуть оружие против Советской власти». При этом отмечалось, что увеличилось и количество «прибытия в части кулацких ходоков из деревни». Ситуация напоминала 1928 год, когда отрицательные настроения в армии в связи с хлебозаготовками дали резкий рост. Приходящие письма из деревни взывали к красноармейцам: «Не успели собрать хлеб, а его уже отбирают…», «В этом году крестьяне не дадут хлеб, они уже попробовали, как жить голодными…», «Надо готовиться к срыву хлебозаготовок, добывать оружие, тайком бить представителей по хлебозаготовкам…», «Дома берут и берут без конца, скорей бы сентябрь, приехать домой, и перестрелять всех заправил…». Политорганы сообщали и о более тревожных симптомах: «Есть факты голосования против (и воздержания) резолюции на красноармейских собраниях по вопросу хлебозаготовок». Так например, в 4 горно-стрелковом полку 1-й дивизии (САВО[102]) от голосования воздержалось 10 чел. и 3 чел. – против, большинство из которых были «середняки и зажиточные – уральцы».

Товарные и продовольственные затруднения в деревне становились не только причиной обострения настроений личного состава армии, но и предметом «антисоветской агитации» в ее рядах. Товарный голод, рост

цен на сельско-хозяйственные продукты, перебои с разменной монетой, плохая работа кооперации – все это занимало «довольно видное место» в настроениях армии. В числе примеров в сводке приводились и такие: «Сволочи, пятилетку строят на мужицкой спине, ненавижу я эту власть…» (заявление красноармейца середняка 6-го Кавказского стр. полка), «Пятилетний план только на бумаге, а на деле голодовка…», «Пятилетка съела крестьянина…», «Наша пятилетка на шее рабочих и крестьян, в тезисах цифр много, а хлеба и товаров нет…». Внимание политорганов было обращено на то, что «недовольства» уже не ограничивались только рамками красноармейцев–крестьян. Их стали проявлять и красноармейцы из рабочей среды: «Рабочие голодают, в столовых жрать нечего, на «Потемкине» восстание тоже началось на почве недовольства пищей…», «Напевают, что с каждым годом промышленность растет, а на деле совсем наоборот – мануфактуры, хлеба и табаку нет. Кто у власти и комсоставу в армии – живется хорошо…». Последнее высказывание свидетельствовало еще об одной тревожной тенденции – рядовой состав (и крестьянин, и рабочий) стал сравнивать свое положение с начсоставом, не в пользу последнего: «Комсостав и их семьи получают все, жены комсостава ничего не делают, наши же семьи перегружены работой и ничего не имеют…», «Начсостав консервы жрет, а рабочих жмут, ни черта не дают…», «Возьми жен нашего начсостава, они не отличаются от буржуев…».

И, наконец, усиление «недовольства» политикой власти вновь, как в 1928 г., возродило разговоры о *военной опасности.* Опасность подобных разговоров заключалась в том, что они способствовали пораженческим настроениям среди рядового состава и тем самым могли негативно отражаться на боеспособности армии: «Если бы была война, все красноармейцы повернут штыки в обратную сторону…»; «Соввласть будет существовать только до первой войны, а там настанет ее гибель, так как каждый крестьянин, выйдет с чем попало и будет кричать – долой Соввласть…»; «Учат нашего брата как народ уничтожать, учите, мы их же будем и бить…», «У нас в стране кушать нечего, а поэтому мы не сможем удержаться, и нас побьют…», «На случай войны не ходите защищать Соввласть, а дезертируйте и организуйте банды, разрушайте колхозы, убивайте работников, избивайте евреев и разрушайте военные склады…». Как видим, вопросы военной угрозы и пораженческие настроения были теснейшим образом связаны с призывами свержения власти, а это уже слишком серьезные симптомы, которые политорганами характеризовались, как «скрытая борьба за разложение рядов армии».

Выводы армейских политорганов подтверждали и органы ОГПУ, указывая, что чрезвычайно большой, по сравнению с прошлыми годами, рост «кулацких настроений» наблюдался «особенно в период весенних перегибов по коллективизации». В сводке ОО ОГПУ *«Основные отрицательные моменты политсостояния РККА»* от 14 октября 1930 г. отмечалось: «Наиболее важным моментом, характерным для данного года,

является более усиленный, чем прежде переход к/р элемента в армии к организованным методам своей работы, т.е. к массовому созданию группировок, зачастую связанных с к/р организациями, возникающими вне армии и руководимыми последними. Вместе с тем, значительно растет количество фактов активного участия в к/р организациях отдельных лиц младшего, среднего и даже старшего начсостава»[103]. Причем, в феврале–марте 1930 г. из общего числа писем из деревни до 90% в среднем были отрицательные. При этом органы ОГПУ указывали на возрастающую тенденцию «призывов к армии восстать с оружием в руках против Совласти», «фиксировавшаяся раньше в единичных случаях агитация за восстание против Соввласти, стала теперь на много более частым явлением»[104].

Динамика роста «кулацких настроений» в течение 1930 г. характеризовалась по данным ОО ОГПУ с учетом показателей по четырем округам (ЛВО, БВО, УВО и СКВО) следующими цифрами:[105]

1929 год						*Октябрь*	*Ноябрь*	*Декабрь*
						2305	2608	3167
%						100%	128%	156%
1930 год	*Январь*	*Февраль*	*Март*	*Апрель*	*Май*	*Июнь*	*Июль*	*Август*
	4296	8178	7750	5061	3751	5759	6239	6363
%	212%	401%	380%	248%	184%	282%	306%	313%

Этот рост распределялся по следующим социальным группам (в процентах):[106]

	1929 год	**1930 год**		
	4 четверть	**1 четверть**	**2 четверть**	**3 четверть**
Середняки	45,6%	51,0%	53,4%	50%
Зажиточные	31,7%	24,7%	12,2%	9%
Бедняки	10,9%	13,0%	14,6%	14%
Рабочие и батраки	2,0%	7,3%	10,6%	11%
Прочие и неустановленные	9,8%	4%	9,2%	12%
Колхозники	–	–	–	4%
Итого:	100%	100%	100%	100%

Безусловно, что рост «кулацких настроений» в армии в свою очередь влиял на усиление карательных мер как со стороны политорганов, так и ОГПУ. По данным ОГПУ «чистка» армии в связи с ее «засоренностью» была «весьма значительна». За 6 месяцев 1930 г. (январь-июнь) из армии было изъято 5703 человек[107]. Этот показатель на 15 января 1929 г. составлял 4029 человек[108].

1931 год не внес существенных перемен в «настроения» красноармейцев. По-прежнему в сводках фиксировались проявления «нездоровых» явлений и «недовольств». Как и в предыдущие годы, суть этих «настроений» сводилась к вопросам «1) колхозного строительства; 2) текущих хозяйственно–политических кампаний и мероприятий партии и власти; 3) хода выполнения пятилетки и трудностей переживаемого периода, в особенности трудностей товарного и продовольственного снабжения». В информационной сводке ПУ РККА от 7 мая 1931 г. отмечалось: «Более важное место в последнее время занимают вопросы хлебных, мясных и лесных заготовок, которые, мол, «разоряют крестьянство». Особенно ожесточенной критике со стороны кулацко-настроенных элементов подвергаются лесозаготовки, причем нередко эти элементы целиком и полностью поддерживают заграничную клевету о «принудительном труде». …Сущность антиколхозных настроений по-прежнему сводится к попыткам дискредитировать и опорочить новые, социалистические формы ведения сельского хозяйства». Как и всегда выводы подтверждались примерами конкретных высказываний: «Колхозы – это барщина, сам не вступлю и другим не советую…» (красноармеец, середняк– единоличник); «Середняка продолжают раскулачивать, в колхоз гонят насильно…» (краснофлотец, середняк–единоличник); «Бедняки–лодыри, они не умеют работать и из-за нежелания трудиться идут в колхозы…» (красноармеец, середняк–единоличник); «Сплошная коллективизация не улучшает моего положения и положения моей семьи. Раньше жили с кулаками, но лучше…»; «В колхоз не пойду потому, что там нет порядка... Колхозные поля зарастают бурьяном... В колхозах плохая организация труда... Колхозники – голы и босы, ходят как нищие... Только на бумаге имеются хорошие колхозы»[109].

Работа политорганов армии в первой половине 1931 г. была нацелена на организацию политико-воспитательной работы вокруг весенней посевной кампаний и вступления красноармейцев–единоналичников в колхозы. Результаты этой работы, как отмечалось в цитируемой нами сводке ПУ РККА «вызвала значительное усиление здорового влияния казармы на селе». Среди форм политической агитации наибольшее распространение получили индивидуальные и групповые письма красноармейцев родным, в сельсоветы и колхозы с разъяснением задач весенней посевной кампании, призывающие к выполнению планов сева и к вступлению в колхозы. Особое внимание было уделено агитации среди середняков, в том числе и среди красноармейцев. Приводимые примеры высказываний этой категории красноармейцев говорили о том, что процесс «вовлечения красноармейцев в колхозы недопустимо слаб». В сводке отмечалось: «В этих частях вступившие за последнее время в колхозы насчитываются единицами; чрезвычайно низок удельный вес колхозников среди старослужащих; темпы коллективизации переменников отстают от темпов колхозного прилива в районах комплектования; есть немало коммунистов и комсомольцев–крестьян, не вступивших еще в колхозы»[110].

Несмотря на имеющиеся недочеты политорганы сообщали о «значительных результатах влияния казармы на деревню». Наряду с массовой посылкой писем, получили распространение и другие формы влияния на деревню: выезд на места красноармейских бригад по вербовке новых колхозников, организация земляческих групп по подготовке своих родных к вступлению в колхозы, заключение соц. соревнования с селами на лучшее выполнение плана посевной кампании.

Однако, деревня продолжала рассматривать армию как свою защитницу и писала своим сыновьям о трудностях повседневной жизни: «У нас здесь совершенно нет выхода, сено забрали, солому, семена тоже забирают, одним словом, что попало на глаза, то и забирают. Сейчас крестьян гонят на лесозаготовки, гонят всех до одного без пощады. Трудно жить на белом свете. Скоро все подохнем. Больше я не могу терпеть и писать, голова разбита, не знаю, куда деваться. Зачем нас обобрали кругом? Теперь осталось только взять лошадь и корову…«. «Забирают последнюю корову…», «Мясозаготовку проводят неправильно. У нас нет коровы, а заставляют платить за нее…», «С нас требуют 130 пудов хлеба…», «Имущество описано и подлежит продаже…»[111]. Подобные письма, телеграммы и разговоры приезжающих родных и односельчан оказывали отрицательное воздействие на красноармейцев, проявлявшееся в усилении «демобилизационных настроений», а также в проявлении апатии к службе и работе, в недоверии и огульном обвинении местных властей.

Вывод, заключающий цитируемую сводку, сводился к следующему – «отрицательные политические настроения красноармейцев отражают процессы классовой борьбы, происходящей в стране». Усиление этих настроений происходит в зависимости от «переживаемых трудностей»[112]. Этот вывод, сделанный политорганами армии в мае 1931 г., был правомерен не только для одного года, но и для остальных предыдущих лет, несмотря на то, какие бы положительные примеры (их было тоже немало) не приводились в сводках ПУ РККА и ОГПУ. Впереди был 1932 год, принесший голод и новый взрыв недовольства не только в Красной Армии, но и стране в целом.

Подводя итог данному исследованию, позволим сделать тоже несколько выводов.

Первый вывод – КН в армии, возникнув как отклик на «новый курс» в деревне, на протяжении всего рассматриваемого периода не утихали, несмотря на уверения различных органов. В основе этих настроений лежала позиция крестьян–красноармейцев, которые либо поддерживали, либо не поддерживали мероприятия власти в отношении деревни. Сущность «крестьянских настроений» составляли вопросы, являющиеся основными для жизнедеятельности деревни. Это были *вопросы* – проведения и размеров ХЗ; изменения товарных отношений на рынке, в частности по продаже хлеба; повышения цен на хлеб; трудностей со снабжени-

ем деревни промышленными товарами; порядка и размеров с/х налога и самообложения. С развертыванием колхозного строительства и проведением массового раскулачивания к ним добавились вопросы «перегибов» при осуществлении этих мероприятий. Все перечисленные вопросы были актуальны как для «крестьянских настроений», так и пришедшим им на смену «кулацким настроениям». Напомним, что эта перемена в названии произошла в тот период, когда начался процесс массового раскулачивания, т.е. активизации борьбы с кулаком. Поэтому правомерно сделать вывод, о том что, тот водораздел, который проводили политорганы в отношении «крестьянских» и «кулацких» настроений, навряд ли обоснован. Изменения названия «настроений» можно рассматривать просто как очередной камуфляж, примененный соответствующими органами в угоду политической ситуации в стране.

Второй вывод, который можно сделать на основании проведенного исследования заключается в том, что субъектом носителем КН являлся прежде всего, крестьянин–красноармеец в целом. В эту общую категорию могли входить все три социальные группы крестьян, проходящие службу в армии (крестьяне–бедняки, крестьяне–середняки и крестьяне–кулаки). В зависимости от периода роль каждой из социальных групп могла либо усиливаться, либо понижаться. *Постоянными составляющим* «настроений» были зажиточные крестьяне (кулаки), те из них, которым удалось преодолеть ограничения по линии тылового ополчения и которые всегда резко и негативно относились к действиям властей, составляя им стойкую оппозицию. *Переменным составляющим* «настроений» являлись остальные две группы – красноармейцы–середняки и красноармейцы–бедняки. Последние, в большинстве своем, всегда поддерживали «новый курс» власти в деревне. Их позиция не могла существенно влиять на КН в армии, за исключением начального этапа «нового курса», когда методы «чрезвычайности» обострили до предела ситуацию в деревне и соответственно настроения всех слоев деревне. В связи с этим правомерно предположить, что колебания в настроении армии определялись в большинстве своем позицией красноармейцев–середняков. Ситуация, сложившаяся в конце 20-х годов сравнима со временем Гражданской войны, когда от позиции середняка зависела судьба всей власти.

Наконец, *третий вывод*, вытекающий из данного исследования. Общая стабилизация настроений в армии, наблюдающаяся по сводкам с конца 1929 г. имела в основе своей совокупность нескольких причин. Безусловно, что важнейшей из них является политическая и агитационная работа с красноармейскими массами, особенно с колеблющимися. Однако нельзя также забывать и о «карательной кампании», проводившейся внутри армии и нацеленной на изъятие из ее рядов «социально–чуждых элементов». Наряду с чисткой армейских рядов происходила чистка и внутри деревенского общества. Таким образом, «просочиться» (через призыв или сборы) в армейские ряды «социально-чуждым элементам» становилось все труднее, а со временем и невозможно. Тем более,

что на защите интересов армии стояла вдобавок система тылового ополчения.

Другим важнейшим фактором, влияющим на стабилизацию настроений в армии, являлось активное вовлечение армии в процесс социалистического строительства в деревне через организацию красноармейских колхозов и систему курсов для подготовки кадров в деревню. Возвращающиеся из Красной Армии демобилизованные красноармейцы, получившие армейскую политическую закалку, в основной массе своей становились опорой власти в деревне. Более того, приобретенные ими организационные и хозяйственные навыки на армейских курсах подготовки кадров для деревни делали их центральными фигурами в новых колхозах и совхозах.

В завершении отметим, что власть смогла удержать под своим контролем ситуацию в Красной Армии, возникшую в связи с изменением политики в деревне и характеризующуюся как «крестьянские настроения». Несмотря на колебания, наблюдающиеся в различные периоды в 1928-1931 гг., эти настроения красноармейских масс удалось нейтрализовать совместными усилиями и конкретными мероприятиями (политическими, агитационными, карательными) различных органов. Своеобразная победа в армейской среде была важнейшим залогом победы всего «нового курса» в деревне и по праву сравнима со стратегическим сражением, определяющим исход войны. Иначе трудно объяснить тот факт, что ни социалистические «преобразования» деревни, сопровождающиеся различными «перегибами», ни карательные мерами, как внутри армии, так и в деревне, ни массовые выступления крестьян, ни даже голод 30-х годов, не смогли поднять планку «крестьянских настроений» в армии также высоко, как это было в 1928 году.

Примечания

[1] В.П. Данилов. Введение. // Красная Армия и коллективизация деревни в СССР (1928-1933 гг.). Сборник документов из фондов Российского государственного военного архива. Составители А. Романо и Н. Тархова. Неаполь. 1996. С. 22. (Далее – сб. КА и КД). Для сравнения приведем соответствующие показатели за предыдущий период. За время с 1 октября 1926 г. до 31 октября 1927 г. по СССР было отмечено 63 массовых выступления. (Там же. С. 20).

[2] *Н.С. Тархова.* Участие Красной армии в заселении станицы Полтавской зимой 1932-1933 гг. (по материалам РГВА). // Голос минувшего. Кубанский исторический журнал. 1997. № 1. С. 38-42.

В.М. Михалева. Н.С. Тархова. «Медынское дело» в Красной Армии или рассказ о том, как проводилось раскулачивание в провинциальном городке Медынь в январе 1930 г. // The Stalin-Era Research and Archives Project. Centre for Russian and East European Studies University of Toronto. Working Paper № 6. 2000.

[3] *Красная Армия и коллективизация деревни в СССР (1928-1933 гг.).* Сборник документов из фондов РГВА. Составители Андре Романо и Нонна Тархова. Неаполь. 1996. (Публикация документов и предисловий одновременно на русском и итальянском языках). *Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание.* Сборники документов и материалов. Тома 1-4. М. РОССПЭН. 1999-2003. В данном серийном издании опубликованы документы Российского государственного военного архива.
[4] РГВА. Ф. 9. Оп. 29. Д. 12. Л. 247-251 об. // Опуб. в сб. КА и КД… С. 72.
[5] Из них 60,6% составляли крестьяне, 3,0% батраки. *Там же.*
[6] РГВА. Ф. 9. Оп. 29. Д. 12. Л. 247-251 об. // Опуб. в сб. КА и КД… С. 72.
[7] Из них 68,2% составляли крестьяне, 3,6% батраки. *Там же.*
[8] РГВА. Ф. 9. Оп. 29. Д. 12. Л. 247-251 об. // Опуб. в сб. КА и КД… С. 72
[9] РГВА. Ф. 9. Оп. 32. Д. 1 // Опуб. в сб. КА и КД… С.72
[10] РГВА. Ф. 9. Оп. 32. Д. 1 // Опуб. в сб. КА и КД… С.72
[11] Там же.
[12] Далее в тексте – ОО ОГПУ.
[13] Далее в тексте – КН (сокращ.)
[14] Далее в тексте – ХЗ (сокращ.)
[15] СКВО – Северо-Кавказский военный округ.
[16] УВО – Украинский военный округ.
[17] ПриВО – Приволжский военный округ.
[18] РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 263. Л. 19-20 // Опуб. в сб. КА и КД…(документ № 1). С. 76-80.
[19] РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 263. Л. 25.
[20] РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 263. Л. 19-20 // Опуб. в сб. КА и КД… С. 80.
[21] Сводки ПУ РККА от 14 февраля 1928 г. и 10 марта 1928 г. // Частично опуб. в сб. КА и КД…(док. № 2,3). С. 90, 102.
[22] Сводка ПУ РККА от 14 февраля 1928 г. (пункт 1) // Там же. С. 100.
[23] Там же. С. 82, 100.
[24] Там же. С. 84, 86, 88.
[25] Там же. С. 84, 86, 88, 92.
[26] Там же. С. 84, 86, 92.
[27] Там же. С. 84, 86, 90.
[28] Там же. С. 92, 100, 102.
[29] Там же. С. 92, 94, 96, 100, 102.
[30] Сводка ПУ РККА от 10 марта 1928 г. , (пункты 4, 3). // Там же. С. 102, 104, 108.
[31] Там же, (пункты 1, 2, 3, 5). С. 102, 108.
[32] Там же, (пункты 2, 5). С. 102, 104, 108.
[33] Там же. С. 102, 104.
[34] Сводки ПУ РККА от 14 февраля 1928 г. и 10 марта 1928 г. // Там же. С. 92, 94, 104, 108.
[35] Там же. С. 94, 110.
[36] Там же. С. 96, 100, 104.
[37] Там же. С. 98, 104, 106.
[38] Там же. С. 98, 106.

[39] Сводка ПУ РККА от 10 марта 1928 г. // Там же. С. 106.
[40] Сводки ПУ РККА от 14 февраля 1928 г. (пункт 4-6) и от 10 марта 1928 г. (пункт 8-10). // Там же. С. 100, 110.
[41] РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 263. Л. 2. // Там же (документ № 4). С. 112.
[42] РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 263. Л. 3-5. // Там же (документ № 5). С. 114-118.
[43] Там же.
[44] *Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание.* Сборник документов и материалов. // Тома 1. М. РОССПЭН. 1999. (Далее - ТСД). С.. 170-171 (док. № 56).
[45] Там же. С. 171.
[46] НКВМ - Народный комиссариат по военным и морским делам.
[47] ТСД. Том. 1 (док. № 85). С. 232.
[48] РГВА Ф. 4. Оп. 1. Д. 759. Л. 52.
[49] РГВА Ф. 4. Оп. 1. Д. 726. Л. 218-222. // Частично опуб. в сб. КА и КД…(док. № 6). С. 120-126.
[50] РГВА Ф. 4. Оп. 1. Д. 726. Л. 153-154. // Опуб. в сб. КА и КД…(док. № 7). С. 128-130.
[51] Там же.
[52] РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 109. Л. 109. Эти цифры отличались от тех, что приводятся в обзоре Военной прокуратуры. (РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 108. Л. 145-146).
[53] РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 68. Л. 37-85. // Частично в сб. КА и КД…(док. №№ 8-9, 11). С. 132-138, 144, а также в сб.: ТСД. Том 1 (док. № № 123, 141). С. 373-378, 467-473.
[54] Там же, сб.: КА и КД… С. 132.
[55] Там же.
[56] Там же. С. 132, 138.
[57] Там же. С. 132.
[58] Сводка № 5. // ТСД. Том. 1 (док. № 123). С. 373.
[59] Сводка № 2. // КА и КД (док. № 8). С. 134.
[60] Там же.
[61] Сводка № 3. // Там же (док. № 9). С. 138.
[62] Сводка № 5. // ТСД. Том. 1 (док. № 123). С. 373.
[63] БВО - Белорусский военный округ.
[64] МВО - Московский военный округ.
[65] РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 262. Л. 58 и об. // Частично опуб. в сб: КА и КД… (док. № 10). С. 140.
[66] ТСД. Том 1, (док. № 141). С.472 - 473.
[67] Сводка № 8. // Частично опуб. в сб: КА и КД… (док. № 11). С. 144.
[68] Сводка № 8. // ТСД. Том 1, (док. № 141). С.468.
[69] ТСД. Т. 1. С. 511-514..
[70] ТСД. Т. 1. С. 606-609.
[71] Сводка ОО ОГПУ по состоянию на 1 мая 1929 г. // Частично опуб в сб. КА и КД… (док. № 14). С. 158.
[72] Там же.
[73] Там же. С. 159.
[74] Там же. С. 160.

[75] Там же. С. 160, 162.
[76] Циркуляр ПУ РККА о проведении сборов территориальных дивизий от 4 апреля 1929 г. // Там же (док. № 12). С 146-152.
[77] РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 115. Л. 187–196. // Частично опуб. в сб. КА и КД… (док. № 13). С. 154-156.
[78]Там же.
[79] ТСД. Том 1. – Док. № 185, С. 618-620. Док № 193, С. 622-624. Док. № 196, С. 635-636. Док. №№198 и 199, С. 644-648. Док. № 214 , С. 661-663.
[80]ЛВО - Ленинградский военный округ.
[81]СибВО - Сибирский военный округ.
[82]РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 115. Л. 26-27. // Частично опуб. в сб. КА и КД… (док. № 15). С. 164-166.
[83]РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 707. Л. 41-45. // Частично опуб. в сб. КА и КД… (док. № 20). С. 194-198.
[84]Там же. С. 196.
[85]Там же. С. 196.
[86]Там же. С. 196.
[87]Там же. С. 196-198.
[88]Сводка ПУ РККА от 26 октября 1929 г. // Частично опуб. в сб.: КА и КД… (док. № 19). С. 190-192.
[89]ККА - Краснознаменная Кавказская армия.
[90]Сводка ОО ОГПУ по состоянию на 1 августа 1929 г. // Частично опуб. в сб. КА и КД… (док. № 15). С. 164-166.
[91]Сводка ПУ РККА от 26 октября 1929 г. // Частично опуб. в сб.: КА и КД… (док. № 19). С. 190-192.
[92]ТСД. Том.1. Док. №№ 270-272.
[93] Директива ПУ РККА от 12 декабря 1929 г. // Частично опуб. в сб.: КА и КД… (док. № 21). С. 200-206.
[94] Стенограмма совещания частично опуб. в сб. КА и КД…(док. № 40). С. 306-318.
[95] Там же. С. 310.
[96] Там же. С. 306-318.
[97] Там же. С. 314.
[98] Сводка ПУ РККА от 1 июля 1930 г. // Частично опуб. в сб. КА и КД… (док. № 45). С. 350-352.
[99] Там же. С. 352.
[100] Там же.
[101] Здесь и далее приводятся цитаты из сводки ПУ РККА от 8 сентября 1930 г. // Частично опуб. в сб. КА и КД… (док. № 46). С. 354-358.
[102] САВО - Средне-Азиатский военный округ.
[103] Сводка ОО ОГПУ по данным на 14 октября 1930 г. // Частично опуб. в сб. КА и КД… (док. № 47). С. 360.
[104] Там же. С. 362.
[105] Там же. С. 362.
[106] Там же. С. 364.
[107] Там же. С. 360.

[108] ТСД. Том. 1 (док.. № 155). С. 519.
[109] Сводка ПУ РККА об отношениях красноармейцев к весеннему севу и колхозному строительству от 7 мая 1931 г. // Частично опуб. в сб. КА и КД… (док. № 49). С. 374.
[110] Там же. С. 370.
[111] Там же. С. 372, 374.
[112] Там же. С. 376.

Виктор Кондрашин

Голод 1932 – 1933 гг. в России и Украине: трагедия советской деревни

В 2003 году мировая общественность отметила печальную дату – 70-летие голода 1932-1933 годов в СССР, явившегося одной из самых трагических страниц в мировой истории XX века.

В центре внимания настоящей статьи – ситуация 1931-1933 годов в аграрных районах России и Украины. При этом основной акцент делается на событиях в российских регионах – Поволжье, на Дону, Кубани, Южном Урале. Подобный подход обусловлен следующими причинами: во-первых, в течение многих лет автор занимался историей голода 1932-1933 годов в Поволжье и на Южном Урале[1], во-вторых, в 2002 году совместно с американским историком Дианой Пеннер он опубликовал книгу о голоде 1932-1933 годов в российской деревне, в которой широко представлены материалы о ситуации на Дону и Кубани в период голодомора[2]; в-третьих, автор являлся одним из ответственных составителей 3-го тома пятитомной серии документальных сборников "Трагедия советской деревни: коллективизация и раскулачивание", целиком посвященного событиям 1931-1933 годов, что позволило ему использовать многочисленные документы по данной теме, выявленные в ходе работы над сборником[3]. Кроме того, наряду с традиционными архивными материалами автором изучены оригинальные источники. В частности – документы 65 районных и четырех областных архивов ЗАГС Поволжья и Южного Урала, весьма полезные для определения масштабов и демографических последствий голода в российской деревне, а также материалы проведенного им социологического обследования 102 селений Поволжья и Южного Урала, в ходе которого были записаны свидетельства о голоде 617 переживших его очевидцев[4].

Особый акцент в статье делается автором на сравнительном анализе обстоятельств трагедии 1932-1933 годов в России и Украине. Данный подход обусловлен, с одной стороны, уровнем историографической разработки темы, а с другой – ее явной политизацией в последние годы историками и политиками Украины.

В конце 1990-х – начале 2000-х годов антироссийские силы в Украине и на Западе вновь попытались использовать трагедию 1932-1933 годов в конъюнктурных политических целях[5]. Они предъявили обвинения России, которая, как правопреемник СССР, должна была, по их мнению, взять на себя ответственность за политику сталинского режима в Украине в 1930-е

годы. В этом случае Украина рассчитывала на материальную компенсацию от России за организованный в Украине геноцид голодом в 1932-1933 годах руководством СССР. Попытки провести данную резолюцию в ООН закончились неудачей. 15-18 октября 2003 года в Италии (в г. Виченца) была проведена крупная международная конференция с целью «научно подтвердить» теорию геноцида Украины в 1932-1933 годах со стороны сталинского руководства. Но на ней украинская версия трагедии 1932-1933 годов в Украине не была поддержана российской делегацией в составе крупнейшего российского исследователя коллективизации Н. А. Ивницкого и автора настоящей статьи.

Еще одной попыткой обосновать теорию геноцида голодом в 1932-1933 годах украинского народа со стороны руководства СССР стало научное заседание, организованное Институтом всеобщей истории РАН, Институтом истории Украины Национальной Академии Наук Украины, Российско-украинской комиссией историков 29 марта 2004 года в Москве, в здании Президиума Российской Академии Наук. Заседание было посвящено обсуждению темы «Голод в Украине 1932-33 годов: Причины и последствия», в котором принял участие и автор настоящей статьи. Заседание проводилось в рамках семинаров российских и украинских ученых, а также по инициативе МИДа России, который обратился к Российской Академии Наук за разъяснением относительно обстоятельств голода 1932-1933 годов в Украине. В заседании участвовали ведущие российские историки, специалисты в области изучения Советской России сталинского периода из Института российской истории РАН, Института Всеобщей истории РАН, МГУ им. М. В. Ломоносова, МПГУ: А. А. Чубарьян, В. П. Данилов, Е. И. Пивовар, А. А. Данилов, А. В. Шубин, В. С. Лельчук, В. Б. Жиромская, О. М. Вербицкая, Н. А. Араловец и другие. С украинской стороны в заседании участвовали С. В. Кульчицкий, В. И. Марочко, Г. Г. Ефименко.

Для проведения дискуссии с основными докладами выступили С. В. Кульчицкий и В. П. Данилов. Доклад С. В. Кульчицкого назывался «Был ли голод 1932-1933 годов геноцидом?». В. П. Данилов выступил на тему «Голод 1932-1933 годов – кем и как он был организован?». Затем состоялась свободная дискуссия участников заседания. В результате открытого и эмоционального обмена мнениями российские историки не поддержали версию украинских коллег о геноциде голодом в Украине в 1932-1933 годах со стороны сталинского режима. Российские участники пришли к заключению, что в научном плане следует говорить о недальновидной, безнравственной и в ряде моментов преступной политике Сталина, ответственного за голод в СССР в 1932-1933 годах, причем не только в Украине, но и в российских регионах.

В то же время и российские, и украинские историки были единодушны в том, что память о трагедии 1932-1933 годов должна не разъединять, а объединять братские народы. Поэтому необходимо продолжение научного диалога по спорным вопросам данной темы. В какой-то

степени решению этой задачи и посвящена данная статья.

Итак, как уже отмечалось нами, очевидным является тот факт, что тема голода 1932-1933 годов выходит за рамки научной дискуссии, поскольку значительно политизирована. В этой связи следует напомнить слова известного исследователя голода Майка Дэвиса относительно непонятной забывчивости западной общественности голодных трагедий в Индии и странах третьего мира, по крайней мере, не уступавших по числу жертв сталинскому голодомору в Украине. «Дети голода 1876 и 1890 исчезли из мирового курса истории», – констатировал Дэвис[6].

Еще один известный факт, представители ирландских националистов, выступающие с обвинением в адрес Англии по поводу якобы организованного ею картофельного голода в Ирландии с целью окончательно сломить движение ирландского народа за независимость, не поддержаны серьезными экспертами, имеющими доступ к соответствующим архивным материалам[7].

И третий факт, проблема сталинского голодомора в Украине приобрела особый подтекст в связи с распадом СССР. До этого времени Запад, по большому счету, не замечал данной трагедии в Украине ни в 1930-е годы, ни в последующие. В настоящее же время, как свидетельствует, например, прошедший в Италии (г. Виченца) в октябре 2003 года международный симпозиум, посвященный голоду в Украине, события семидесятилетней давности приобретают очевидную антироссийскую направленность[8].

Главный вопрос дискуссии – это вопрос о специфики ситуации в Украине и других регионах СССР в начале 1930-х годов. В какой степени сталинская политика коллективизации, хлебозаготовок и в целом имела региональные особенности с точки зрения конкретных мер и последствий?

Установленным в историографии фактом является распространение голодного бедствия в 1932-1933 годах за пределы Украины, на Дон, Кубань, Поволжье, ЦЧО, Южный Урал, Западную Сибирь. Совершенно исключительными по драматизму и последствиям стали события в Казахстане[9].

На собственном опыте автор настоящей статьи убедился, что трагедия 1932-1933 годов в российских регионах оставила не менее неизгладимый след в народной памяти, чем в Украине. Занимаясь, по инициативе В. П. Данилова, кандидатской диссертацией по теме голода 1932-1933 годов в Поволжье и на Южном Урале, он обошел 5 областей и в 102-х селениях опросил около 700 очевидцев трагедии[10]. Их свидетельства можно ставить в один ряд с опубликованными воспоминаниями украинских крестьян в известной «Народной книге-мемориале» «Голод 33» Лидии Коваленко и Владимира Маняка[11]. В каждой российской деревне, попавшей в зону голода, до сих пор помнят 33-й год. Например, недавно в районном поселке Малая Сердоба Пензенской области жителями установлен обелиск в память о жертвах 33-го года…

По нашему глубокому убеждению, дискуссия на тему, какой народ больше пострадал от сталинского режима малопродуктивна в научном отношении и опасна в нравственном и политическом.

За последние годы благодаря прежде всего исследованиям В. П. Данилова, Н. А. Ивницкого, И. Е. Зеленина, Е. Н. Осколкова общественность получила всестороннее представление о причинах, ходе и последствиях коллективизации в СССР[12]. Их работы и труды других историков, а также публикация огромного комплекса источников по истории коллективизации из ранее недоступных фондов российских архивов, на наш взгляд, достаточно убедительно показали, что в основе трагедии 1932-1933 годов в советской деревне, в том числе в Украине, лежала политика насильственной коллективизации и принудительных хлебозаготовок сталинского режима[13].

Данный вывод подтвердился на региональном уровне: в ЦЧО – П. В. Загоровским, в Уральском регионе – Ю. П. Барановым, на Дону и Кубани – Д. Пеннер, в Республики Мордовия – Т. Д. Надькиным, в Поволжье – В. В. Кондрашиным[14].

Необходимо вспомнить и о зарубежных исследователях, подтвердивших выводы российских историков. Среди них – Р. Дэвис, С. Уиткрофт, М. Левин, С. Мерль, Л. Виола, Д. Пеннер, Х. Окуда, Ш. Фицпатрик и др.[15]

Выявленные факты и сделанные обобщения в ходе многолетних изысканий дают основания, на наш взгляд, для следующих суждений относительно причин, масштабов и последствий голода 1932-1933 годов в основных аграрных районах СССР, в том числе в Украине. Эти суждения основываются на разнообразном и достоверном, на наш взгляд, источниковом материале.

Каковы же были причины голода? Традиционно голод в России был связан с засухами и недородами хлебов. Поэтому принципиальным для нас является вопрос о погодных условиях и урожае в зерновых районах СССР накануне трагедии. На этот счет нами собраны многочисленные факты.

Прежде всего имеются очень важные свидетельства специалистов, непосредственно наблюдавших за погодой и урожаем 1932 года в зерновых районах СССР. Так, Комиссия президиума ЦИК по изучению хода советского, экономического и культурного строительства на территории Северного Кавказа в своем отчетном докладе, написанном в январе 1933 года, затрагивая вопрос об урожае 1932 года, заключила, что погодный фактор не заслуживал внимания с точки зрения его включения в итоговый отчет[16]. В письме Сталину от 26 июля 1932 года К. Е. Ворошилов, побывавший в Северо-Кавказском крае, сообщал: "Климатические (метеорологические) условия текущей весны и лета на С.К. были исключительно благоприятны"[17].

Эндрю Кэрнс, шотландско–канадский специалист по пшенице, объехавший весной-летом 1932 года основные сельскохозяйственные районы,

включая Украину, указал на проходившие дожди и не привел никаких сведений о природных катаклизмах типа засух, наводнений и т.д. Он отмечал, что, хотя зерновые хлеба вокруг Киева и Днепропетровска были довольно бедными, цвет пшеницы говорил о том, что она вовремя получила необходимое количество осадков. Аналогичную ситуацию наблюдал Кэрнс и на Кубани[18].

То же самое можно сказать и о Поволжье, регионе традиционно подверженном засухам и недородам. В 1931-1933 годах специалистами-метеорологами установлена следующая характеристика погоды в весенне-летний период, определяющий созревание сельскохозяйственных культур. 1931 год – средняя засуха в районе городов Саратова и Сталинграда, сильная – в районе г. Безенчука. В 1932 году – засухи нет. По мнению специалистов, этот год можно охарактеризовать, как "благоприятный для урожая всех полевых культур"[19]. Известными российскими исследователями засух В. Ф. Козельцевой и Д. А. Педью по 40 метеостанциям, расположенным в Европейской части страны, в том числе и в рассматриваемых регионах, был рассчитан индекс засушливости, характеризующий интенсивность атмосферной засушливости за май-август 1900-1979 годов. Было установлено, что в 1931 году индекс атмосферной засушливости в районе городов Саратова, Оренбурга, Астрахани был значительнее слабее, чем в 1921, 1924 годах. В 1932 году индекс атмосферной засушливости не показывал засухи в Поволжье, на Дону и Кубани[20].

По просьбе автора, в бывшем Всесоюзном научно- исследовательском институте сельскохозяйственной метеорологии (г. Обнинск) по методике, разработанной доктором физико-математических наук О. Д. Сиротенко, сотрудницей института В. Н. Павловой с помощью математического моделирования была определена урожайность одной из основных зерновых культур Поволжья яровой пшеницы за период с 1890 по 1990 годы, исходя из агроклиматических условий данных лет. Гипотетически был определен средний уровень урожайности яровой пшеницы за 100 лет и ее отклонения от этого уровня за каждый из данных 100 лет. Было установлено, что в 1931 году на территории Нижне-Волжского и Средне-Волжского краев должно было произойти существенное снижение урожайности яровой пшеницы вследствие засухи. В 1932 году ситуация уже складывалась по другому. Гипотетически урожайность яровой пшеницы должна была равняться средней за 100 лет в сельских районах современных Волгоградской и Ульяновской областей, незначительно снизиться в современных районах Саратовской (на 30%) и Самарской (на 10%) областей, и более серьезно упасть в Оренбургской области (на 40%)[21].

О том, что в Поволжье в 1932 году погода не могла существенно снизить урожайность зерновых культур, говорит и такой факт. В Саратове на экспериментальной станции Института зерна урожай пшеницы в 1932 году в среднем составил 15 центнеров с гектара, в то время как самое лучшее

хозяйство во всем Поволжье дало в этом году урожайность 6 центнеров с гектара[22].

В ходе социологического обследования деревень Поволжья и Южного Урала старожилам нами был задан вопрос, касающийся влияния погодных условий на наступление голода. В составленной анкете он звучал следующим образом: "Достаточным ли был урожай зерновых, собранный крестьянами вашего села накануне голода, чтобы обеспечить их семьи хлебом до следующего урожая, или этот урожай полностью или частично погиб вследствие засухи?". Из 617 человек, опрошенных, уверенно ответить смогли 293 человека. Из них 206 ответили утвердительно и 87 – отрицательно. То есть, из числа сумевших дать ответ на указанный вопрос, преобладающее большинство свидетелей событий 1932-1933 годов в Нижне-Волжском и Средне-Волжском краях (70,2%) не признали влияния погодных условий на наступление голода. В то же время почти 30% заняли иную позицию. Но здесь следует оговориться, что и эти 30% не отрицали негативных последствий коллективизации и хлебозаготовок для судеб крестьянства и подчеркивали, что хлеб вывезли из деревни, несмотря на засуху[23]. Таким образом, очевидцы рассматриваемых событий подтвердили данные других источников о характере погодных условий в Поволжье и на Южном Урале в 1932 году.

В целом можно заключить, что в 1931-1932 годах погода в зерновых районах СССР была не совсем благоприятной для сельского хозяйства. Однако при сохранении существовавшего уровня агротехники она не могла вызвать массового недорода хлебов. В 1932 году в зерновых районах не было засухи, аналогичной по своей интенсивности и границам распространения засухам XIX – первой половины XX вв., приводившим к повсеместной гибели посевов[24]. Речь может идти лишь о локальной засухе в отдельных районах, средней по своей интенсивности.

Поэтому голод 1932-1933 годов – это не результат стихийных бедствий, а закономерное следствие аграрной политики сталинского режима и реакции на нее крестьянства. Его непосредственными причинами стала антикрестьянская политика коллективизации и хлебозаготовок, проводившаяся сталинским руководством ради решения задач форсированной индустриализации страны и укрепления собственной власти.

В 1932-1933 годах голод поразил не только Украину, а все основные зерновые районы СССР, зоны сплошной коллективизации. Внимательное изучение источников указывает на единый в своей основе механизм создания голодной ситуации в зерновых районах страны. Повсюду это насильственная коллективизация, принудительные хлебозаготовки и госпоставки других сельскохозяйственных продуктов, раскулачивание, подавление крестьянского сопротивления, разрушение традиционной системы выживания крестьян в условиях голода (ликвидация кулака, борьба с нищенством, стихийной миграцией и т.д.)[25].

Самое главное, что шел процесс одновременного вхождения коллективизированных регионов СССР в голод. Мы еще раз подчеркиваем,

одновременного вхождения.

Логическую цепочку событий, приведших к трагедии, можно выстроить следующим образом – коллективизация, хлебозаготовки, аграрный кризис 1932 года, крестьянское сопротивление, "наказание крестьян с помощью голода" во имя укрепления режима и утверждения колхозного строя.

О неразрывной связи коллективизации и голода можно судить хотя бы по такому очевидному факту, как прекращение в 1930 году полосы стабильного развития советской деревни, наступившей после голодных 1924-1925 годов. Уже 1930 год – год сплошной коллективизации – ознаменовал возвращение призрака голода. В ряде районов Украины, Северного Кавказа, Сибири, Нижней и Средней Волги возникли продовольственные затруднения вследствие хлебозаготовительной кампании 1929 года, использовавшейся в качестве катализатора колхозного движения[26].

Казалось, 1931 год должен стать для хлеборобов сытым, поскольку в 1930 году вследствие исключительно благоприятных погодных условий в зерновых районах страны был собран рекордный урожай (по официальным данным – 835,4 млн. центнеров, в действительности же – не более 772 млн. центнеров)[27]. Но нет. Зима-весна 1931 года – печальный предвестник будущей трагедии. В редакции центральных газет шли многочисленные письма колхозников Поволжья, Северного Кавказа и других районов о тяжелом материальном положении. Основными причинами возникших трудностей в этих письмах назывались хлебозаготовки и политика коллективизации. Причем нередко ответственность за это возлагалась лично на Сталина. "Люди дышат огнем, проклинают самого тов. Сталина, который создал эту скорбь", – говорилось в одном из таких писем[28].

Опыт первых двух лет коллективизации наглядно продемонстрировал, что сталинские колхозы по своей сути не имели ничего общего с крестьянскими интересами. Они рассматривались властью прежде всего как источник для получения товарного хлеба и другой сельскохозяйственной продукции. Интересы хлеборобов при этом в расчет не брались. Об этом очень красноречиво говорили система планирования хлебозаготовок и методы их осуществления.

Уже первый год коллективизации ясно показал те цели, ради которых она осуществлялась. В 1930 году государственные заготовки зерна, по сравнению с 1928 годом, выросли в 2 раза. Из деревень в счет хлебозаготовок было вывезено рекордное за все годы Советской власти количество зерна (221,4 млн. центнеров). В основных зерновых районах заготовки составили в среднем 35-40%[29]. В 1928 году они колебались в пределах 20-25%. Так, например, в 1930 году в Северо-Кавказском крае валовой сбор зерна вырос до 60, 1 млн. центнеров, по сравнению с 49,3 млн. центнеров в 1928 году. В то же время, в счет хлебозаготовок было изъято 22,9 млн. центнеров, по сравнению с 10,7 млн. центнеров в 1928 году, то есть на 107% больше. Причем, Северный Кавказ выполнил не только первоначальный план, но и

дополнительный, сдав в счет хлебозаготовок часть посевного материала, фуражного и продовольственного зерна. В результате, как уже говорилось, некоторые районы Северо-Кавказского края весной 1931 года испытывали серьезные продовольственные трудности, и в них пришлось завозить семена для засева колхозных полей[30].

1931 год выдался не совсем благоприятным по погодным условиям. Хотя не такая сильная, как в 1921 году, но все же засуха поразила пять основных районов Северо-востока страны (Зауралье, Башкирию, Западную Сибирь, Поволжье, Казахстан)[31]. Это самым негативным образом сказалось на урожайности и валовых сборах зерновых хлебов. В 1931 году был получен пониженный урожай зерновых, по официальным данным, 694,8 млн. центнеров, (в 1930 году – 772 млн. центнеров)[32]. Однако государственные заготовки хлеба не только не были сокращены, по сравнению с урожайным 1930 годом, но даже повышены. Например, для пораженных засухой Нижне-Волжского и Средне-Волжского краев план хлебозаготовок составил соответственно 145 млн. пудов и 125 млн. пудов (в 1930 году они равнялись 100,8 млн. пудов и 88,6 млн. пудов)[33].

Методы выполнения планов хлебозаготовок носили характер продразверстки. В деревню вернулись порядки эпохи "военного коммунизма". Местные власти, под давлением Центра, выгребали из колхозов и единоличных хозяйств весь наличный хлеб. С помощью "конвейерного метода" уборки, встречных планов и других мер устанавливался жесткий контроль над выращенным урожаем. Недовольных крестьян и активистов безжалостно репрессировали: раскулачивали, высылали, отдавали под суд[34]. При этом инициатива в "хлебозаготовительном беспределе" исходила от сталинского руководства и лично Сталина[35]. Наглядным свидетельством этого является выступление Сталина на октябрьском 1931 года пленуме ЦК ВКП(б). Прозвучавшие на пленуме просьбы секретарей Средне-Волжского и Нижне-Волжского крайкомов о сокращении хлебозаготовок в связи с недородом (при этом приводились конкретные данные об урожайности) Сталин отверг в резкой форме, поиронизировав над тем, "какими точными в последнее время" стали секретари… А присутствующий на пленуме нарком Наркомата снабжения Микоян, непосредственно отвечавший за снабжение населения продуктами питания, подводя итоги заслушанным сообщениям, подчеркнул: "Вопрос не в нормах, сколько останется на еду и пр., главное в том, чтобы сказать колхозам: "в первую очередь выполни государственный план, а потом удовлетворяй свой план"[36]. Таким образом, давление на колхозную деревню шло с самого верха. Сталин и его ближайшее окружение несли личную ответственность за все действия местных властей по реализации их решений и их трагические последствия.

Результатом подобной политики, а также коллективизации в целом, явился глубокий кризис сельскохозяйственного производства в 1932 году. Его осязаемыми проявлениями стали: резкое сокращение поголовья рабочего и продуктивного скота, стихийные миграции сельского населения,

снижение качества основных сельскохозяйственных работ.

К началу посевной 1932 года стал очевиден тот невосполнимый урон, который понесло животноводство в результате коллективизации. Страна лишилась половины поголовья, потеряв примерно столько же животноводческой продукции. Только в 1958 году в СССР был превышен уровень 1928 года по основным видам поголовья скота. Из-за недостатка фуража, обусловленного последствиями хлебозаготовок, зимой 1931/32 года произошло самое резкое сокращение поголовья рабочего и продуктивного скота с начала коллективизации: пало 6,6 млн. лошадей – четвертая часть из еще оставшегося тяглового скота, остальной скот был крайне истощен. Общее поголовье рабочих лошадей и быков сократилось в СССР с 27,4 млн. в 1928 году до 17,9 млн. в 1932 году[37]. В Нижне-Волжском и Средне-Волжском краях в 1932 году наблюдалась аналогичная картина. Произошло самое большое за все годы коллективизации сокращение поголовья скота. Если в 1931 году по сравнению с 1930 годом на Нижней Волге численность лошадей сократилось на 117,0 тысяч, на Средней Волге – на 128,0 тысяч, то в 1932 году по сравнению с 1931 годом этот показатель на Нижней Волге составил 333,0 тысяч лошадей, на Средней Волге – 300,0 тысяч[38]. Поэтому, по данным Наркомзема СССР, в весеннюю посевную кампанию 1932 года, например, в Нижне-Волжском крае нагрузка на одну рабочую лошадь в среднем составила 23 гектара, (вместо 10 гектаров до начала коллективизации)[39]. Отсюда вполне закономерным было снижение качества основных полевых работ в колхозах в 1932 году.

Трагическим по своим последствиям для деревни стало принудительное обобществление коров и личного скота колхозников. Источником этого беззакония стало постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 30 июля 1931 года "О развертывании социалистического животноводства"[40]. На практике его выполнение вылилось в банальную реквизицию скота с крестьянских подворий. Ответом на такого рода действия явились массовые выходы крестьян из колхозов с требованием вернуть им скот, инвентарь, часть посевов. Крестьяне уничтожали скот, подрывая тем самым основы не только животноводства, но и продовольственной безопасности[41].

Массовая миграция наиболее здоровых и молодых крестьян в города сначала от страха перед раскулачиванием, а затем из колхозов в поисках лучшей доли также существенно ослабила производственный потенциал деревни в 1932 году. Вследствие тяжелого продовольственного положения зимой 1931/32 года из сельской местности началось бегство в города и на заработки наиболее активной части колхозников и единоличников, прежде всего мужчин трудоспособного возраста. Значительная часть колхозников пыталась выйти из колхозов и вернуться к единоличному хозяйствованию. Пик массовых выходов пришелся на первое полугодие 1932 года, когда число коллективизированных хозяйств в РСФСР сократилось на 1370,8 тыс., в Украине на 41,2 тысячи[42]. Несанкционированное отходничество из деревни в города и промышленные районы составило по СССР за период с октября 1931 года по 1 апреля 1932 года 698342 чело-

век[43].

К началу весенней посевной 1932 года советская деревня подошла с подорванным животноводством и тяжелым продовольственным положением населения. Поэтому посевная кампания по объективным причинам не могла быть проведена качественно и в срок. Недостаток тягловой силы и нарушения правил агротехники в ходе сельскохозяйственной кампании 1932 года были предопределены последствиями пагубной для сельскохозяйственного производства аграрной политики сталинского руководства. Так, сокращение тягловой силы привело к серьезным затяжкам всех основных полевых работ, снижению их качества. В 1932 году, согласно отчета комиссии ВЦИК, весенняя посевная кампания на Северном Кавказе растянулась на 30-45 дней, вместо обычной недели или чуть больше. В Украине к 15 мая 1932 года было засеяно только 8 млн. гектаров (для сравнения: 15,9 млн. в 1930 году и 12,3 в 1931 году)[44]. Упорные усилия власти по расширению посевных площадей зерновых культур для роста их товарности, без введения прогрессивных севооборотов, внесения достаточного количества навоза и удобрений, неизбежно вели к истощению земли, падению урожайности, росту заболеваемости растений. Огромное сокращение тягловой силы при одновременном увеличении посевных площадей не могло не иметь своим результатом ухудшения качества вспашки, засева и уборки, а следовательно, снижения урожайности и увеличения потерь. Широко известны факты высокого засилья сорняков на полях, засеянных хлебами в 1932 году в Украине, на Северном Кавказе и в других районах, низкое качество прополочных работ[45].

Закономерным следствием подобных объективных обстоятельств стали огромные потери зерна при уборке урожая, размеры которых не имели аналогов в прошлом. Если в 1931 году, по данным НК РКИ, при уборке было потеряно более 150 млн. центнеров (около 20% валового сбора зерновых), то в 1932 году потери урожая оказались еще большими[46]. Например, в Украине они колебались от 100 до 200 млн. пудов, На Нижней и Средней Волге достигли 72 млн. пудов (35,6% от всего валового сбора зерновых). В целом по стране в 1932 году не менее половины выращенного урожая осталось в поле[47]. Если бы эти потери были сокращены хотя бы на половину, то никакой массовой голодной смертности в советской деревне не было.

Тем не менее, по оценкам источников и свидетельствам очевидцев, в 1932 году урожай был выращен средний по сравнению с предыдущими годами и вполне достаточный, чтобы не допустить массового голода. Но убрать его своевременно и без потерь не удалось. Поэтому, в конечном итоге, он оказался хуже, чем в 1931 году, хотя официальные цифры свидетельствуют об обратном. Огромный дефицит зерна в стране после окончания уборки и хлебозаготовительной кампании 1932 года возник в силу объективных и субъективных обстоятельств.

К объективным причинам можно отнести вышеназванные последствия двух лет коллективизации, сказавшиеся на уровне агротехники в

1932 году. Субъективными причинами стали, во-первых, крестьянское сопротивление хлебозаготовкам и коллективизации и, во-вторых, сталинская политика хлебозаготовок и репрессий в деревне.

Крестьянское неприятие колхозов, их активное сопротивление политике коллективизации и хлебозаготовок - важнейший фактор аграрного кризиса 1932 года. Основная масса колхозников и единоличников, имея крайне негативный опыт 1931 года, когда в результате выполнения хлебозаготовок они остались без хлеба и вынуждены были пережить голодную зиму, не желала и, в силу объективных условий (недостатка тягла прежде всего), не могла добросовестно работать в колхозах и своих хозяйствах. Колхозники предпочитали работе в колхозе любые другие заработки: в личном хозяйстве, совхозах, городе.

Уже с осени 1931 году и, особенно, весной 1932 года по стране прокатились так называемые "волынки" – коллективные отказы от работы в колхозах. В них приняло участие 55387 крестьян, в том числе 23946 человек в Украине[48]. В этих условиях, чтобы заинтересовать крестьян в своевременной уборке урожая, в мае 1932 года выходят постановления СНК, ЦИК СССР и ЦК ВКП(б), согласно которым сокращается государственный план хлебозаготовок и после их выполнения (с 15 января) разрешается свободная торговля хлебом и мясом (в случае регулярного выполнения поставок в централизованные фонды)[49]. В весенние и летние месяцы 1932 года следуют постановления о недопустимости ликвидации личных подсобных хозяйств колхозников, о возвращении им ранее реквизированного для общественных ферм скота, о соблюдении законности и прекращении беззаконий в деревне[50].

Однако все эти меры так называемого "неонэпа" не могли дать результата, поскольку они были приняты слишком поздно. В частности, постановление о "свободной торговле", на которое рассчитывало Советское правительство, не сработало, так как на начало мая 1932 года у колхозников просто не осталось хлеба для его продажи на рынок. Его не хватало для собственного потребления. Голодавшими крестьянами владела одна мысль: как пережить зиму и весну. Задавленные многолетним произволом казаки и крестьяне уже не верили власти[51].

Поэтому летом 1932 года с начала уборочной кампании в колхозах получили повсеместное распространение небывалое ранее воровство колхозного зерна с полей, массовый уход из деревень трудоспособного населения на заработки. Продолжались самороспуски колхозов, сопровождавшиеся, как говорилось в сводках ОГПУ, "разбором скота, имущества и с/х инвентаря", "самочинным захватом и разделом в единоличное пользование земли и посевов". Колхозники и единоличники отказывались работать в поле без обеспеченности общественным питанием[52]. В ряде мест вспыхивали массовые волнения, которые власти подавляли вооруженной силой. По данным ОГПУ, с апреля по июнь 1932 года в сельских районах СССР было зарегистрировано 949 массовых выступлений, против 576 в первом квартале[53].

Кроме того, с началом уборочной страды массовым явлением стало воровство крестьян колхозного зерна. Масштабы явления были настолько велики, что Советское государство, по личной инициативе Сталина, 7 августа 1932 года приняло "знаменитое" Постановление об охране общественной (социалистической) собственности, предусматривающее пойманным ворам срок наказания в виде 10 лет и расстрела[54]. Местные власти в назидание остальным публиковали списки расстрелянных крестьян по этому, метко названному в народе, "закону о пяти колосках"[55].

Подобная ситуация была закономерна, поскольку ее острота была обусловлена начавшейся хлебозаготовительной кампанией, характер которой убеждал крестьян в правильности их поведения. Спущенные сверху планы были непосильными для колхозов и единоличных хозяйств с точки зрения их организационно-хозяйственного состояния.

Таким образом, пониженный урожай 1932 года определила совокупность объективных и субъективных причин. Их соотношение не было равнозначным на протяжении всего года. Весной 1932 года доминирующими были объективные факторы – последствия насильственной коллективизации и хлебозаготовок, обусловившие нарушения агротехники в период посевных и прополочных работ. Хотя и субъективный фактор – нежелание крестьян добросовестно работать, тоже проявлялся. Однако во многом он определялся объективными обстоятельствами (продовольственными трудностями, сокращением тягла, рабочих рук и т.д.). С началом же уборочных работ доминирующим стал субъективный фактор – крестьянское сопротивление хлебозаготовкам. Крестьяне не желали добросовестно убирать урожай в страхе перед голодом, который усиливался по мере развертывания хлебозаготовительной кампании. Но и здесь объективные причины того же рода, что и в период посевных и прополочных работ, давали о себе знать. В основе всей совокупности перечисленных обстоятельств лежала сталинская политика коллективизации, проводившаяся осознанно и решительно. Поэтому главная вина за аграрный кризис 1932 года лежит на политическом руководстве страны. Именно оно породило кризис и несет основную ответственность за последующие события. Поэтому в широком смысле слова мы можем говорить, что пониженный урожай 1932 года явился результатом действия субъективного фактора – политики форсированной модернизации, осуществляемой сталинским режимом за счет безжалостной эксплуатации деревни.

Хлебозаготовительная кампания 1932 года, оставившая деревню без хлеба, получила достаточное освещение в историографии[56]. Ее региональные особенности связаны лишь с размерами территорий и конкретными персоналиями исполнителей. В остальном же, по своей сути, она была единой и для Украины, и для Поволжья, и для других зон сплошной коллективизации.

В Украине, Поволжье, ЦЧО, на Дону и Кубани происходили при-

мерно одни и те же процессы. Октябрьский 1931 года Пленум ЦК ВКП(б) о хлебозаготовках касался всех зерновых районов, а не лишь Украины. Чрезвычайные комиссии Политбюро ЦК 1932 года по хлебозаготовкам были созданы, почти одновременно, и не только в Украине, но и на Кубани и в Поволжье. «Черные доски» для невыполнивших план хлебозаготовок районов были введены не только в Украине, но и в Северо-Кавказском крае и Поволжье[57]. Конфискация всего продовольствия у крестьян за невыполнение плана хлебозаготовок происходила в 1932-1933 годах не только в Украине, но и российских регионах, о чем свидетельствует, например, постановление Староминского райкома ВКП(б) Северо-Кавказского края по поводу Новодеревенской станицы[58]. Произвол местных властей там в отношении сельских тружеников в период хлебозаготовок был не меньшим, чем в Украине, о чем можно судить, хотя бы, по письмам М. А. Шолохова И. В. Сталину о ситуации в Вешенском районе[59]. И, наконец, печально известная директива Сталина–Молотова от 22 января 1933 года о принудительном закреплении крестьян в голодающих районах касалась не одной только Украины[60].

Следует не забывать, что в российских регионах было и то, чего не было в Украине. Это порки крестьян в колхозах Нижне-Волжского края в период сельскохозяйственной кампании 1931 года, а также поголовное выселение казачьих станиц на Кубани за «саботаж хлебозаготовок»[61].

В то же время, украинская специфика в событиях 1932-1933 годов присутствовала, также как присутствуют свои специфики во всех регионах, особенно, в Казахстане, если говорить о последствиях трагедии[62]. В многонациональном Поволжье, например, спецификой голода было отсутствие его «национальной специфики». Это значит, что в зоне сплошной коллективизации одинаково голодали и русские, и татары, и мордва, и представители других народов[63].

В данном контексте следует отметить, что перерыв горы документов, исследователями еще не обнаружено ни одного постановления ЦК партии и Советского правительства, приказывающих убить с помощью голода определенное число украинских или других крестьян!

Возвращаясь к украинскому фактору в событиях 1932-1933 годах, укажем, на наш взгляд, на одно очень важное обстоятельство, повлиявшее на их ход и в немалой степени предопределившее их трагические последствия.

Летом 1932 года голод в Украине сыграл роль дестабилизирующего фактора для соседних регионов, прежде всего Северо-Кавказского края и ЦЧО. Хлынувшие туда голодные украинские крестьяне стимулировали «панические настроения» в казачьей и крестьянской среде, срывая тем самым уборочную кампанию и хлебозаготовки. Сам факт голода в Украине явился шоком для русских крестьян. Показательным в этом плане стала реакция и белоруссов. Летом 1932 года Белоруссия оказалась заполнена голодающими сельскими жителями Украины. Изумленные белорусские рабочие писали в «Правду» и высшему руководству страны,

что они не помнят, чтобы когда бы то ни было «Белоруссия кормила Украину»[64].

Однако следует отметить принципиальное положение – голод в соседних зерновых районах России возник одновременно с украинским, и последний лишь выступил в качестве катализатора событий, но не их главной причиной.

На наш взгляд, именно массовое бегство украинских крестьян из колхозов весной-летом 1932 года, в немалой степени, обусловило ужесточение политики сталинского руководства в деревне в целом, во всех регионах, в том числе в Украине.

Как свидетельствует опубликованная переписка И. В. Сталина и Л. М. Кагановича, в начале 1932 года Сталин полагал, что главная вина за возникшие в Украине трудности лежала на местном руководстве, которое не уделило должного внимания сельскому хозяйству, поскольку увлеклось «гигантами промышленности» и уравнительно разверстало план хлебозаготовок по районам и колхозам. Именно поэтому весной 1932 года была предоставлена помощь Центра: семенная и продовольственная ссуды[65].

Однако после того, как Сталину сообщили, что руководители Украины (Г. И. Петровский) пытаются свалить вину за возникшие трудности на ЦК ВКП(б), а украинские колхозники, вместо благодарности за оказанную помощь, бросают колхозы, разъезжают по Европейской части СССР и разлагают чужие колхозы «своими жалобами и нытьем», его позиция стала изменяться[66]. От практики предоставления продовольственных ссуд Сталин переходит к политике установления жесткого контроля над сельским населением. Причем эта тенденция усиливалась по мере усиления крестьянского противодействия хлебозаготовкам в форме прежде всего массового расхищения урожая и во всех без исключения зерновых районах СССР.

Таким образом, в основе сталинской твердости было стремление укрепить колхозный строй и сломить крестьянское сопротивление хлебозаготовкам как в Украине, так и других районах.

В определенной степени подобная политика обуславливалась и международной обстановкой. В литературе на тему коллективизации как-то глухо говорится об этом, а, между тем, внешний фактор, на наш взгляд, сыграл значительную роль в событиях 1932-1933 годов в Украине и советской деревне в целом.

В декабре 1931 года на сессии ЦИК В.М. Молотов в сильных выражениях говорил о «растущей опасности военной интервенции против СССР»[67]. Это были не пустые слова. В результате крупного провала политики Коминтерна в Китае и агрессивной политики Японии на дальневосточных рубежах СССР возник реальный очаг военной угрозы. В сентябре 1931 года Япония вторглась в Маньчжурию и через год оккупировала ее. 13 декабря 1932 года Япония отвергла предложенный СССР пакт о ненападении. В начале 1933 года японская армия вышла непосредственно к дальневосточным границам Советского Союза[68]. Сталинское

руководство с тревогой ожидало дальнейших шагов Японии. А в Германии к власти пришел Гитлер, который в период избирательной кампании инициировал кружечный сбор средств для оказания помощи голодающим немцам в СССР[69].

В условиях японской агрессии в Северном Китае и возникшей нацистской угрозы в Европе для сталинского руководства была важна твердая и решительная позиция. «Уверенно-пренебрежительный тон в отношении великих держав, вера в свои силы», – как выразил ее суть в январе 1933 года на сессии ЦИК В. М. Молотов[70].

Фактор внешней угрозы, стремление сохранить международный престиж СССР также предопределили бескомпромиссный характер противоборства сталинистов и крестьянства в период хлебозаготовительный кампании 1932 года и в Украине, и в других районах.

В то же время, мы не отрицаем наличия у сталинского режима сопутствующего мотива в его политике в Украине в 1932-1933 годах – стремления воспользоваться ситуацией и нейтрализовать те слои украинской интеллигенции и партийно-советской бюрократии, которые выступали за сохранение самобытности украинской культуры и образования в условиях начавшейся унификации национальных культур. Происходило примерно то, что было в период голода 1921-1922 годов, когда большевистское руководство под предлогом спасения голодающих расправлялось с инакомыслящими священниками, сопротивлявшимися неупорядоченному изъятию церковных ценностей (вспомним известное письмо В. И. Ленина В. М. Молотову от 19 марта 1922 года)[71].

Голод 1932-1933 годов помог Сталину ликвидировать в Украине, по его мнению, потенциальную оппозицию его режиму, которая из культурной могла вырасти в политическую и опереться при этом на крестьянство. На этот счет имеются факты, в том числе в 3-ем томе документального сборника «Трагедия советской деревни», посвященного голодомору, где характеризуется деятельность в украинском селе органов ГПУ.

В частности, органы ОГПУ вели решительную борьбу против так называемой «националистической контрреволюции». Только в период с января по август 1932 года ОГПУ Украины было раскрыто и обезврежено 8 «националистических группировок украинской шовинистической интеллигенции» с 179 участниками. К концу августа 1932 года было ликвидировано уже 35 подобных групп с 562 участниками. Кроме того, ОГПУ фиксировали факты ведения в сельской местности среди партийно-хозяйственного актива антисоветской агитации бывшими укапистами, утверждавшими о том, что ВКП(б) и Советская власть «душат украинскую национальную культуру». В этом же ключе можно рассматривать постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 14 декабря 1932 года «О хлебозаготовках на Украине, Северном Кавказе и в Западной области», предусматривавшее изгнание «петлюровских и других буржуазно- националистических элементов из партийных и советских организаций», а также пе-

ревод на Северном Кавказе делопроизводства советских и кооперативных органов «украинских районов», всех издающихся там газет и журналов с украинского языка на русский, перевод в школах этих районов преподавания предметов с украинского на русский язык[72].

Однако все же в основе трагедии в Украине были другие причины, прежде всего антикрестьянская политика сталинцев, недоверие Сталина к крестьянству как классу, независимо от его национальной принадлежности.

Характерным в этом плане было распоряжение Сталина, озвученное в его письме из Сочи Кагановичу и Молотову 18 июня 1932 года, о запрещении доводить до села сниженный план хлебозаготовок, чтобы не расхолаживать крестьян[73]. В этом же ключе почти анекдотическая история с заготовкой яиц в Украине, план которой предполагал, что на каждую подсчитанную курицу, исходя из логики крестьянского поведения, приходится, как минимум две, укрытые от учета. Поэтому спустили план, выполнение которого было возможным, если бы каждая курица откладывала по одному яйцу в день[74].

Сталинская стратегия «подстраховки от крестьянской хитрости» усугубила ситуацию, о чем не побоялся указать Сталину М. Хатаевич в письме от 27 декабря 1932 года. Он заметил, что если бы Украина сразу получила сниженный план хлебозаготовок, то он бы был выполнен, поскольку люди были бы уверены в его реальности[75].

Крестьяне России и Украины были наказаны за их нежелание добросовестно работать в сталинских колхозах голодомором 1933 года. Вся вина за развал сельского хозяйства страны была возложена Сталиным и его окружением на местные власти, "кулаков" и "лодырей–колхозников". Об этом на весь мир было сказано в выступлениях вождя и его соратников на Январском объединенном 1933 года Пленуме ЦК и ЦКК и Первом Всесоюзном съезде колхозников ударников (февраль 1933 года)[76].

Масштабы голода 1932-1933 годов сопоставимы с ситуацией во время "Царя-голода" 1921-1922 годов. Голод охватил основные житницы страны и сопровождался всеми его ужасами. Многочисленные документы рисуют жуткую картину страданий миллионов сельских жителей. Эпицентры голода сосредоточились в зерновых районах – зонах сплошной коллективизации, где положение голодающего населения было примерно одинаковым. Об этом можно судить по данным сводок ОГПУ, донесениям политотделов МТС, закрытой переписке местных органов власти с Центром, свидетельствам очевидцев[77]. В частности, только нами установлено, что в 1933 году в Поволжье такие населенные пункты Нижне-Волжского края, как деревня Ивлевка Аткарского района, село Старые Гривки Турковского района, колхоз имени Свердлова Семеновского сельсовета Федоровского кантона АССРНП почти полностью обезлюдели. Выявлены многочисленные случаи трупоедств и захоронений в общих ямах жертв голода в селах Саратовской, Пензенской, Самарской, Волгоградской об-

ластей. Как известно, подобное же наблюдалось в Украине, на Дону и Кубани[78].

Существуют официальные зарегистрированные ЗАГСами цифры голодной смертности сельского населения в 1932-1933 годах. Мы не разделяем распространенное в историографии мнение об отсутствии достоверной информации о смертности в голодающих районах СССР вследствие неэффективной работы органов учета (ЗАГСов). Проведенный нами анализ первичной документации 65 районных архивов ЗАГС и четырех областных, расположенных на территории, в 1933 году входившей в состав Нижне-Волжского и Средне-Волжского краев, убедительно доказал факт высокой смертности на почве голода и связанных с ним болезней в рассматриваемый период на данной территории. Об этом же говорило существенное падение уровня рождаемости в 1932-1934 годах в изученных районах. Анализ содержащихся в архивах ЗАГСов книг записей актов гражданского состояния о смерти по 895 сельским Советам за период с 1927 по 1940 годы показал, что зарегистрированный уровень смертности населения в 1933 году в Нижне-Волжском крае превысил уровень 1931 года – в 3,4 раза, 1932 года – в 3,3 раза, в Средне-Волжском крае соответственно 1931 года – в 1,5 раза, 1932 года – в 1,8 раза[79]. На то, что резкий скачок смертности в 1933 году и падение рождаемости сельского населения были обусловлены наступившим голодом, указывают имеющиеся в актах о смерти записи причин смерти, прямо или косвенно свидетельствующие о голоде. Прежде всего в актовых книгах о смерти имеются прямые указания на смерть крестьян в 1933 году от голода. В частности, в графе акта о смерти "причины смерти" содержатся записи типа: умер "от голода", "истощения", "голодания" и т.п.[80] В изученных архивах ЗАГС нами обнаружены 3296 записей подобного содержания. О наступлении голода и степени обрушившихся на деревню тягот свидетельствуют имеющиеся в актах о смерти за 1933 год записи о смерти крестьян от болезней органов пищеварения. В частности, в графе "причина смерти" актов о смерти широко распространены такие записи, как: "истощение желудка", "воспаление кишечника", "кровавый понос", "отравление суррогатом" и т.п.[81] Они убедительно иллюстрируют характерную черту голодного бедствия – смерть голодающих вследствие употребления в пищу различных суррогатов. Документы архивов ЗАГСов фиксируют многочисленные факты смертей крестьян в 1933 году от таких болезней, как "тиф", "дизентерия", "водянка", "малярия" - постоянных спутников голода[82]. Таким образом, демографическая статистика ЗАГСов однозначно указывает на огромные масштабы голодного бедствия, сопоставимые для основных зерновых районов СССР.

Как показывают изученные источники, голод в его эпицентрах в равной степени затронул селения с русским и нерусским населением и не имел "национальной специфики" как таковой, то есть направленности против какого-то одного народа. Особенно убедительно данное положение иллюстрируется на примере Поволжья – одного из самых многона-

циональных регионов России. В частности, оно подтверждается результатами проведенного нами анкетирования очевидцев голода, в ходе которого были опрошены представители основных народов, традиционно проживавших в Поволжье (449 русских, 69 украинцев, 42 мордвина, 39 чувашей, 10 немцев, 7 татар, 4 казаха и 4 литовца). Они зафиксировали, что степень остроты голода определялась территориальным расположением селения в регионе и его экономической специализацией. Прежде всего в эпицентре голода оказались селения, расположенные в районах, специализировавшихся на товарном зерновом производстве. В них голод в равной степени поразил русские, мордовские, украинские и другие селения[83].

Голод 1932-1933 годов стал подлинной демографической катастрофой для деревни и страны в целом. В докладной записке заместителя начальника сектора населения и здравоохранения ЦУНХУ Госплана СССР от 7 июня 1934 года указывалось, что численность населения Украины и Северного Кавказа только по состоянию на 1 января 1933 года уменьшилась на 2,4 млн. человек[84].

Среди исследователей существуют различные оценки числа жертв данного голода. Произведенные в последние годы расчеты специалистов, базирующиеся на достоверной источниковой базе, рисуют следующую картину демографических потрясений на территории бывшего СССР в 1932-1933 годах.

Так, на основе анализа данных переписей 1926 и 1937 годов, а также текущего загсовского учета рассчитаны демографические потери от свирепствовавшего голода в Украине. Его прямые потери составили 3238 тыс. человек, или, с поправкой на несовершенство расчетов, они могут колебаться в диапазоне от 3 до 3,5 млн. человек. С учетом недобора родившихся в 1932-1934 годах (1268 тыс. человек) и снижения рождаемости полные потери колеблются в интервале от 4,3 до 5 млн. человек[85].

По нашим расчетам, основанным на анализе материалов 65 архивов ЗАГС Поволжья и данных центральных органов ЦУНХУ СССР, общие демографические потери сел и деревень Поволжья во время голода 1932-1933 годов, включавшие непосредственные жертвы голода, а также косвенные потери в результате падения рождаемости и миграции сельского населения, составили около 1 млн. человек. Численность крестьян, умерших непосредственно от голода и вызванных им болезней, определилась в 200-300 тыс. человек[86].

В Северо-Кавказском крае количество казаков и крестьян, непосредственно погибших от голода и вызванных им болезней, по официальным данным, исчисляется цифрой 350 тыс. человек. Однако применительно к этому региону необходимо учесть еще то обстоятельство, что в ходе хлебозаготовок огромный размах в крае получило массовое выселение "саботажников". Всего лишь одна хлебозаготовительная кампания 1932 года в Северо-Кавказском крае сопровождалась людскими потерями (жертвы голода, репрессий и депортаций) в 620 тыс. человек, то есть около 8%

населения Дона и Кубани[87].

С помощью анализа изменений в половозрастной структуре населения Казахстана между двумя переписями (1926 и 1939 годов) численность погибших от голода и безвозвратно мигрировавших казахов в 1931-1933 годах определена в пределах 1750-1798 тыс. человек, или 49% его первоначальной численности[88].

На наш взгляд, современная разработка проблемы демографических потерь населения СССР в 1930-е годы позволяет утверждать по крайне мере о 5 – максимум 7 млн. жертв голода 1932-1933 годов (прямые и косвенные потери)[89].

Важнейший вопрос темы – это причины огромных жертв Украины во время голодомора, по сравнению с другими регионами СССР. На наш взгляд, точнее всех в определении величины демографических потерь Украины в 1932-1933 годах является С. Уиткрофт, как специалист, досконально изучивший источники по данной проблеме, и самый авторитетный зарубежный исследователь в области изучения демографических потерь СССР в 1930-е годы [90].

С другой стороны, автор настоящей статьи может поделиться некоторыми своими наблюдениями при подсчете количества жертв голода в Поволжье и на Южном Урале. Располагая информацией о повсеместном распространении голода в регионе, он столкнулся, как ему показалось, на первый взгляд, с заниженными официальными цифрами голодной смертности. Изучив материалы 65 районных архивов ЗАГС, сопоставляя их с другими источниками, он пришел к выводу, что в пределах селения сельсовет фиксировал почти всех умерших, если не сразу, то чуть позже. В своем селе все друг друга знали, и поэтому факт смерти одного человека, или семьи не мог пройти не замеченным.

Другое дело умершие вне пределов селения. Но и здесь, на примере железнодорожного узла Ртищево Саратовской области (в 1932-33 годах Нижне-Волжского края. – Автор), он убедился, что умерших неизвестных лиц, как правило, беженцев из голодных сел, хоронили в общей яме на кладбище, но выписывали при этом соответствующий акт о смерти.

Сопоставив цифры убыли сельского населения и прибыли городского в Поволжье во время голода, автор данной статьи пришел к выводу, что большая часть бежавших крестьян устроилась в городе, на стройках и не погибла от голода. На это указывают и свидетельства очевидцев. В селениях умирали самые слабые и нетрудоспособные. Те же, кто мог спастись, уходили. И, в первую очередь, спасались крестьяне работоспособного возраста. Хотя, нередко, было и по другому, и не мало отчаявшихся умирало от истощения в пути[91].

Скорее всего в Украине было также и, думается, что и там гораздо больше крестьян спаслось в городах и на стройках первой пятилетки, чем это принято считать. В данном контексте хотелось бы иметь специальные исследования по конкретным селениям, где была бы установлена, как можно точнее, судьба бежавших от голода крестьян.

Огромные потери Украины от голода определяются, с одной стороны, размерами территории Республики и численностью ее населения, проживавшего в сельской местности, в зоне сплошной коллективизации. С другой стороны, они стали результатом более жестких мер властей по установлению контроля над стихийной миграцией голодающего населения, цель которых была в сохранении колхозного производства. Характер этих мер, опять же, определялся огромной территорией Украины, ее пограничным, стратегическим положением, по сравнению с другими зерновыми районами СССР.

В то же время, если сравнить в процентном отношении сокращение сельского населения в Украине и зерновых районах России между переписями 1926 и 1937 годов, то окажется, что картина примерно одна и та же, что подтверждает факт примерно одинаковой остроты голода 1932-1933 годов в данных районах СССР[92].

Масштабы голода были ужасными, поскольку, наряду с пагубными последствиями хлебозаготовок, они стали прямым результатом разрушения в СССР в годы насильственной коллективизации традиционной для деревни системы выживания в голодное время, а также антигуманной по отношению к голодающему населению политикой Советского государства.

Как известно, исторически сложившиеся формы выживания сельского населения в условиях голодного кризиса, а также государственной политики в период голодовок сводились к созданию продовольственных резервов, миграции голодающего населения, субсидируемым государством работам в эпицентрах трагедии и т.д.

К 1933 году в колхозной деревне не оказалось никаких страховых запасов зерна на случай голода, традиционных для дореволюционного времени. В ходе коллективизации о них вообще не шла речь, поскольку зерно рассматривалось лишь как источник получения средств для нужд государства. Особенно красноречиво об этом свидетельствуют зерновые ссуды, выданные колхозам в 1932-1933 годах. В отличие от доколхозного периода они преследовали одну цель - заставить колхозников добросовестно выполнять государственные повинности.

Как известно, в пик голода, с февраля по июль 1933 года, было принято не менее 35 постановлений Политбюро и декретов Совнаркома о выдаче в общей сложности 320 тыс. тонн зерна для продовольственных нужд. На семена, включая секретные поставки, было выделено 1,274 млн. тонн хлеба[93]. Однако подавляющее большинство колхозников, по воспоминаниям очевидцев и другим источникам, не посчитало их фактом помощи голодающему населению со стороны государства, так как помощь пришла поздно, ее размеры были мизерными, и она носила избирательный характер. В первую очередь продовольственная помощь предназначалась только для тех колхозников, кто выходил на работу в колхоз. И центральные, и местные власти использовали хлеб как инструмент для выполнения сельскохозяйственных работ. В период весенней и уборочной страды 1933 года выдача

продовольственной ссуды приостанавливалась в колхозах в случае невыполнения колхозниками сельскохозяйственных работ. Выходящим в поле она нередко значительно сокращалась при невыполнении ими запланированных норм выработки[94]. Показательна в этом плане одна из резолюций ЦК КП(б)У относительно того, что делать с крестьянами Киевской области, попавшими в больницу в результате голода: "Разделить всех госпитализированных на больных и выздоравливающих, значительно улучшить питание последних с тем, чтобы как можно скорее выпустить их на работу"[95].

Коллективизация разрушила одну из традиционных систем выживания земледельцев во время голода, связанную с существованием в деревне кулака, или, точнее сказать, зажиточного, хозяйственного хлебороба, который был постоянным гарантом для бедняка на случай голода. Главный итог аграрной политики Советской власти в деревне к началу 1933 года состоял в том, что в результате раскулачивания крестьяне лишились возможности получения частной помощи в пределах своего селения – традиционной формы выживания в условиях голода в доколхозной деревне.

Еще одним средством выживания деревни в условиях голода во все времена было нищенство. В 1932-1933 годах власть использовала все имеющиеся в ее арсенале средства, чтобы не позволить голодающим крестьянам собирать милостыню[96]. Нищих высылали за пределы края. Кроме того, городским рабочим, военнослужащим и жителям соседних регионов было запрещено делиться своими продовольственными пайками с голодающими колхозниками[97].

Традиционным средством выживания крестьян в условиях голода была продажа личного имущества, прежде всего домашнего скота и сельскохозяйственного инвентаря. В предшествующие годы, когда урожай вследствие засухи оказывался низким и селениям угрожал голод, крестьяне обычно уже в первые летние месяцы продавали рабочий скот. Земледельцы сохраняли тем самым хлеб для продовольственного потребления семьи, поскольку его уже не надо было направлять на корм скоту. Катастрофическое сокращение поголовья рабочего и продуктивного скота в годы коллективизации, его обобществление самым негативным образом отразилось на положении крестьян. В 1932-1933 годах крестьяне оказались в более худших условиях, чем в предшествующие голодные годы, так как, с одной стороны, их рабочий скот был обобществлен и не мог быть продан ради получения хлеба, а с другой, оставшийся в их распоряжении домашний скот, прежде всего коровы, гибнул от бескормицы.

Важнейшим средством выживания семей хлеборобов во время голода являются огороды и сады на приусадебных участках, позволяющие получить продовольственные запасы. Но в 1932-1933 годах был установлен государственный контроль и над этим источником существования крестьянской семьи. Имеется огромное количество свидетельств конфискаций выращенных на приусадебных участках колхозников и единоличников продуктов, а также законсервированных даров природы в наказание за не-

выполнение государственных обязательств во всех регионах СССР[98].

Веками проверенной традицией спасения во время голода была возможность крестьян покинуть зону бедствия, уйти на заработки, или просто найти более безопасное место и выждать время. Даже без оказания помощи со стороны государства бегство голодающих из эпицентра бедствия в менее пораженные районы значительно увеличивало индивидуальные шансы на спасение. В период голодомора, в отличие от предшествующих лет, отток населения из голодающих районов был затруднен вследствие принятых Советским государством мер по пресечению стихийной миграции из села. Наиболее ярким свидетельством этого стала "знаменитая директива" Сталина и Молотова от 22 января 1933 года ЦК КП(б)У Украины и в Северо-Кавказскому крайкому ВКП(б) о необходимости принять меры к прекращению бегства колхозников из колхозов. Само бегство голодных людей расценивалось как новая форма "кулацкого саботажа" с целью сорвать весеннюю посевную кампанию[99]. В литературе известно, что к началу марта 1933 года ОГПУ и милицией было задержано 219460 человек. Из них 186588 человек было возвращено обратно, остальные привлечены к судебной ответственности и осуждены[100].

В этом же ключе были и меры по изменению правил отходничества и введению паспортной системы. В частности, согласно постановления ЦИК СССР и СНК СССР от 17 марта 1933 года, чтобы уйти в отход колхозник должен был зарегистрировать в правлении колхоза договор с тем хозяйственным органом, который нуждался в его услугах[101]. На практике эта процедура была почти не осуществима, так как предусматривала предварительную договоренность с предприятием, совхозом и т.д. В случае же самовольного ухода колхозника из колхоза на заработки он и его семья исключались из колхоза и лишались, таким образом, права на получение продовольственной ссуды, а также и тех средств, которые были заработаны ими в колхозе или переданы ему в неделимые фонды.

Начавшаяся в 1933 году паспортизация городского населения существенно затрудняла трудоустройство самовольно покидавших колхозы колхозников. Милиция теперь получила право высылать из городов крестьян, у которых не было договоров о найме с промышленными предприятиями, а также препятствовать самовольному уходу из деревни[102].

Таким образом, принятые Советским государством меры фактически прикрепляли крестьян к колхозам, обрекая их на голод и голодную смерть. Они коснулись всех регионов и обусловили значительный рост смертности сельского населения.

Говоря о причинах высокой голодной смертности в 1932-1933 годах в советской деревне следует особо отметить факт отказа сталинского руководства от международной помощи, а также его политику голодного экспорта зерна в пик голода. Подобная ситуация принципиально отличала голод 1932-1933 годов от первого "советского голода" 1921-1922 годов и массовых голодовок в дореволюционной России. Кроме того, историками установлено, что в 1933 году сталинское правительство не выделило ни

грамма из резервного зернового фонда страны (1,9997 млн. тонн) для нужд села. Не трудно подсчитать, что если бы в первой половине 1933 года, в самый пик голода, этот хлеб поступил голодающим в размере полугодовой нормы на человека в 100 кг, по крайне мере, его хватило бы 20 млн. человек, чтобы не умереть с голоду[103]. Но и этим дело не ограничивалось.

То же самое можно сказать и о голодном экспорте зерна. Во время голода Сталин и его окружение проводили экспортную политику по известной формуле царского правительства – "не доедим, но вывезем". Так, в 1932 году было экспортировано 1,6 млн. тонн. В январе-июне 1933 года из голодающей страны было вывезено 354 тыс. тонн зерна[104]. Два авторитетных российских исследователя – Н. А. Ивницкий и Е. Н. Осколков справедливо считают, что вывезенных за рубеж в 1933 году 1,8 млн. тонн зерна оказалось бы вполне достаточно, чтобы предотвратить массовый голод. По мнению Н. А. Ивницкого, Советское правительство, экспортируя зерно, могло бы одновременно пожертвовать частью золотого запаса страны для закупки за рубежом других пищевых продуктов[105]. Однако это не произошло. И масштабы голода приобрели чудовищные размеры.

В историографии доказано, что в 1932-1933 годах сталинское руководство замалчивало голод, продолжало вывозить хлеб за границу и игнорировать попытки мировой общественности оказать помощь голодающему населению СССР исходя из проводимого им политического курса. Признание факта голода было бы равносильным признанию краха выбранной Сталиным и его окружением модели модернизации страны, что в условиях разгрома оппозиции и укрепления режима было нереальным[106]. Тем не менее, на наш взгляд, даже в рамках избранной сталинским режимом политики у него имелись реальные альтернативы для смягчения масштабов созданной им трагедии. Например, по мнению Д. Пеннер, разделяемым автором настоящей статьи, гипотетически, Сталин мог бы воспользоваться нормализацией отношений с США и закупить там по дешевым ценам излишки продовольствия. Данный шаг был бы и свидетельством доброй воли со стороны США по отношению к СССР, в связи с установлением официальных дипломатических отношений. Акт признания как бы "покрывал" возможные идеологические и политические издержки СССР, согласившейся принять американскую помощь. Высоким сторонам удалось бы "сохранить свое лицо". Кроме того, от этого шага была бы несомненная польза американским фермерам[107].

Также, Д. Пеннер и автор считают, что сталинское руководство не совсем рационально использовало возможности международной солидарности рабочих. Советское правительство могло бы закупить продовольствие в качестве награды своим рабочим за их самоотверженный труд у их "товарищей по классу", переживавших тяжелую экономическую депрессию за рубежом. В частности, можно было бы импортировать апельсины из Калифорнии, где их обливали керосином и уничтожали, так как это было дешевле, чем продать на рынке. Таким образом, получили бы поддержку рабочие

калифорнийских ранчо и их коллеги в далекой России. Это было бы проявлением настоящей международной солидарности, о которой трубила сталинская пропаганда[108].

Главный вывод, к которому пришел автор в результате многолетних исследований данной темы следующий:

Наступление голода в 1932-1933 годах в СССР (в России и Украине) не было связано с погодными условиями и предшествующим коллективизации уровнем развития сельского хозяйства как таковыми. Голод стал результатом коллективизации, принудительных хлебозаготовок и подавления крестьянского сопротивления сталинскому режиму. Все решения, касающиеся развития аграрного сектора экономики СССР в 1931-1933 годах, осознанно принимались сталинским руководством. Ситуация усугубилась его политикой ограничения и ликвидации традиционных методов выживания крестьян во время голода, а так же отказом СССР от международной помощи. Поэтому мы можем назвать голод 1932-1933 годов в России и Украине *организованным, рукотворным голодом.* В то же время, как показывает мировая практика, элемент "рукотворности" присутствовал во всех голодовках, и сталинский режим здесь не был оригинален. Но оправдать его с позиций гуманизма и религиозной морали невозможно.

Нами не поддерживается мнение украинских историков о национальном геноциде голодом в Украине в 1932-1933 годах. На этот счет отсутствуют документы, в которых бы говорилось о наличии у сталинского режима замысла уничтожить украинский народ. В известных в XX веке случаях геноцида народов (армянская резня 1915 года, Холокост, этнические чистки в Руанде) развязавшие его режимы действовали осознанно, т.е ставили подобную цель и осуществляли ее с помощью репрессивных органов государства, получавших соответствующие распоряжения на уровне высшего политического руководства, о чем сохранились соответствующие архивные документы и свидетельства очевидцев. В Украине ничего подобного не было.

Так же нами не поддерживается и точка зрения В. П. Данилова о социальном геноциде крестьянства в 1932-1933 годах[109]. Думается, что социальным геноцидом в какой-то степени можно назвать политику раскулачивания деревни, поскольку она ликвидировала существовавший там слой зажиточных крестьян. Но, опять же, лишь с натяжкой, так как сталинский режим не ставил цели физического уничтожения раскулаченных. Что же касается ситуации 1932-1933 годов, то она не могла быть социальным геноцидом, так как действия сталинцев в деревне не исчерпывались лишь репрессивными мерами, хотя они и доминировали. Наряду с ними продолжалась политика тракторизации и механизации колхозов, культурная революция. Кроме того, весной 1933 года голодающие районы СССР получили семенные и продовольственные ссуды, которые позволили в целом организованно провести весеннюю посевную кампанию и прекратить массовый голод. Наконец, в 1935 году новый колхозный устав

расширил возможности спасения сельского населения на случай голода, разрешив колхозникам иметь личное приусадебное хозяйство. Все эти меры выглядят странными и нелогичными в рамках теории социального геноцида.

На наш взгляд, теория геноцида вообще не применима к советскому периоду истории России и Украины. Если же говорить конкретно о событиях 1932-1933 годов в советской деревне, то в эти годы сталинский режим просто наказал голодом крестьян за их нежелание добросовестно работать в колхозах и сопротивление коллективизации. В то же время мы солидарны с В. П. Даниловом в части его оценки голода 1932-1933 годов как одного из преступлений сталинского режима. По другому нельзя оценивать гибель миллионов сельских тружеников, ввергнутых в несчастье действовавшими политиками. С другой стороны, мы считаем, что Сталин и его окружение не планировали голода как операцию против крестьян заранее. Голод явился результатом их недальновидной, ошибочной аграрной политики, основанной на антикрестьянских представлениях. Его могло бы не быть, если бы сталинцы не победили своих оппонентов, выступавших против насильственной коллективизации. Поэтому сталинский голодомор – это печальный опыт того, к чему приводят непродуманные политические решения, опирающиеся лишь на силу государственной власти, но не на поддержку большинства народа. Этот исторический опыт должен быть учтен, в том числе настоящими политиками в России и Украине.

Современные знания обстоятельств трагедии, на наш взгляд, дают основания для вывода о том, что точнее и корректнее в научном отношении, обращаясь к событиям 1932-1933 годов в СССР, говорить не о голодоморе в Украине, а голодоморе в советской деревне, рассматривая ситуацию в Украине как часть общей трагедии советского крестьянства, в том числе российского.

Примечания

[1] Библиографию работ автора по данной теме см.: Кондрашин В.В. Голод 1932-1933 годов в российской деревне. Учебное пособие. Пенза, 2003. С. 352-354.

[2] См: Виктор Кондрашин, Диана Пеннер. Голод: 1932-1933 годы в советской деревне (на материалах Поволжья, Дона и Кубани). – Самара–Пенза, 2002. – 432 с.

[3] См.: Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927-1939: Документы и материалы. В 5-ти тт. / Т. 3. Конец 1930-1933 / Под ред. В. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы. – М.: РОССПЭН, 2001. – 1008 с.

[4] См.: Кондрашин В.В. Голод 1932-1933 годов в деревнях Поволжья (по воспоминаниям очевидцев) // Новые страницы истории Отечества: Межвуз. сб. н. трудов. Пенза, 1992. С. 164-170; он же. Документы архивов бюро ЗАГС как

источник по истории поволжской деревни // Актуальные проблемы археографии, источниковедения и историографии: Материалы всероссийской научной конференции, посвященной 50-летию Победы в Великой Отечественной войне. Вологда, 1995. С. 68-72.

[5] Данная тема была крайне политизирована в начале 1990-х годов. Об этом свидетельствовала приуроченная к 60-летней годовщине голода международная научная конференция, проходившая в Киеве в сентябре 1993 года (см.: Голодомор 1932-1933 рр. в Україні: причини і наслідки. Міжнародна наукова конференція (Київ, 9-10 вересня 1993 р.): Матеріали. – Київ: Національна академія наук України 1995). Автор настоящей статьи был одним из участников этой конференции и хорошо помнит как в выступлениях президента Украины Л. Кравчука и лидеров Руха звучали призывы предъявить России счет за якобы организованный ею в 1933 году голод в Украине, аналогичный предъявленному Германии после разгрома нацистов за Холокост. На конференции говорили о голоде, «организованном чужим народом», о необходимости обладания Украиной ядерного оружия, как гарантии против повторения 1933 года, о снятии проблемы Севастополя и Крыма в двусторонних отношениях, как компенсации за 1933 год. Заместитель директора Института российской истории РАН В.П. Дмитренко не принял предложение участника конференции И.Е. Зеленина о публикации на страницах журнала «Отечественная история» всех вышеназванных обстоятельств, под предлогом того, что журнал займет одностороннюю позицию, не опубликовав одновременно украинскую версию событий. Тем не менее, позиция российских ученых по проблеме голода 1932-1933 годов, принимавших участие в работе конференции (И.Е. Зеленина, Н.А. Ивницкого, В.В. Кондрашина, Е.Н. Осколкова), была изложена на страницах данного журнала (см: «Отечественная история», 1994, № 6, С. 256-262).

[6] См. об этом подробнее: Кондрашин В.В., Пеннер Д. Указ. соч. С. 393-394.

[7] Там же.

[8] Симпозиум на тему «Великий голодомор и геноцид в Украине 1932-33 гг.» проходил с 16 по 18 октября 2003 года в Италии в г. Виченца провинции Венето на базе Института исследований истории религии и общества. Он проводился по инициативе посольства Украины в Италии и Итальянского конгресса. Поводом к нему послужила неудавшаяся попытка представителей Украины в ООН поставить на голосование резолюцию о признании факта геноцида украинцев в 1932-1933 годах со стороны России. Против подобной формулировки выступили представители России, Англии и США. Кроме того, эта инициатива не была поддержана президентом России В.В. Путиным во время его встречи с президентом Украины Л. Кучмой. В сложившейся ситуации представители Украины и украинской диаспоры за рубежом предприняли активные усилия по организации крупного международного научного форума с целью научно подтвердить свои претензии к России по поводу голода 1932-33 годов в УССР. Эта инициатива получила поддержку в Италии, где и состоялся вышеназванный симпозиум. О его статусе говорит тот факт, что он проходил под личным патронажем президента Италии К. Чампи, в его работе приняли участие послы Украины в Италии и Канаде. Председателем оргкомитета симпозиума и его руководителем стал крупнейший итальянский ученый, президент двух ведущих университетов страны, действующий сенатор, профессор Габриэль де Роза. Чтобы придать симпозиуму более научный характер итальянская сторона ре-

шила пригласить в Италию русских ученых – специалистов в области аграрной истории СССР первой трети XX века. После консультаций с РАН и итальянскими историками– русистами выбор пал на профессора Института российской истории РАН Н.А. Ивницкого и профессора ПГПУ им. В.Г. Белинского В.В. Кондрашина. В работе симпозиума приняли участие ученые из Украины, Польши, Италии, США, Канады, Германии. Участники симпозиума получили приветствия от президента и премьер-министра Италии. Его работа широко освещалась итальянскими и зарубежными средствами массовой информации. По итогам работы симпозиума была принята резолюция, в которую, благодаря усилиям русской делегации, был включен пункт о признании факта голода в 1932–1933 годах не только на Украине, но и в России. Данная резолюция направлена в Евросоюз и Итальянский конгресс.

[9] См. об этом подробнее: Виктор Кондрашин, Диана Пеннер. Указ. соч. С. 216–225; Абылхожин Ж.Б., Козыбаев М.К., Татимов М.Б. Казахстанская трагедия // Вопросы истории. 1989. № 7. С. 55-71.

[10] См.: Кондрашин В.В. Трагедия 1932-1933 гг. в поволжской деревне в памяти народной // Записки краеведов. Сборник материалов. Вып. 2. Ч. 2. Пенза, 2004. С. 83-100.

[11] См.: 33-й: голод: Народна Книга – Мемориал / Упоряд.: Л.Б. Коваленко, В.А. Маняк. КиЇв, 1991. – 584 с.

[12] См.: Данилов В.П. Дискуссия в западной прессе о голоде 1932–1933 гг. о "демографической катастрофе" 30-40-х гг. в СССР // Вопросы истории. 1988. № 3. С. 116-121; Он же. Коллективизация сельского хозяйства в СССР // История СССР. 1990. № 5. С. 7-30; Зеленин И.Е. О некоторых "белых пятнах" завершающего этапа сплошной коллективизации // История СССР. 1989. № 2. С. 3-19; Ивницкий Н.А. Голод 1932-1933 годов: кто виноват? // Судьбы российского крестьянства. М., 1996. С. 249-297; Он же. Репрессивная политика советской власти в деревне (1928-1933 гг.). М., 2000; Осколков Е.Н. Голод 1932/1933. Хлебозаготовки и голод 1932/1933 г. в Северо-Кавказском крае. Ростов-на-Дону, 1991. – 91 с. и др.

[13] См. напр.: Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927-1939. Документы и материалы. В 5-ти тт. / Т. 1-3. М., 1999-2001 и др.

[14] См.: Баранов Е.Ю. Причины и последствия голода 1932-1933 гг. в СССР: дискуссии российских и зарубежных ученых // Третьи Уральские историко-педагогические чтения. Екатеринбург, 1999. С. 95-100; Он же. Аграрное производство и продовольственное обеспечение населения Уральской области в 1928-1933 гг. Автореф. дисс… канд. ист. наук. Екатеринбург, 2002; Загоровский П.В. Социально-экономические последствия голода в Центральном Черноземье в первой половине 1930-х гг. Воронеж, 1998; Надькин Т.Д. Деревня Мордовии в годы коллективизации. Саранск, 2002; D`Ann R.Penner. Stalin and the Ital`ianka of 1932-1933 in The Don region // Cahiers du Monde russe, 39(1-2), janvier-juin 1998, pp. 27-68 и др.

[15] Viola L. Peasant Rebels under Stalin. Collectivization and the Culture of Peasant Resistance. Oxford University Press, N.Y., Oxford, 1996; Davies R.W. The Socialist Offensive: the Collectivization of Soviet Agriculture, 1929-1930. Cambridge, MA. 1980; Lewin M. Russian Peasants and Soviet Power: A Study of Collectivization. N.Y., 1975; Мерль Ш. Голод 1932-1933 годов: геноцид украинцев для осуществления политики руссификации? // Отечественная история. 1995. № 1. С.

49-61; Hiroshi Okuda. Revolution on the Volga: the Soviet Countryside under Stalinist Rule 1929-1934, Tokyo University Press, 1996 (на японском языке); Д. Пеннер. Указ. соч.; The Economic Transformation of the Soviet Union. 1913-1945. Ed. by Davies R.W., Harrison M. and Wheatcroft S.G. Cambridge University Press, 1994. P. 74-76; Stephen G. Wheatcroft. The Scale and Nature of German and Soviet Repression and Mass Killings, 1930-45 // Europe-Asia Studies. Vol. 48. No. 8, 1996, 1319-1353; Уиткрофт С.Г., Дэвис Р.У. Кризис в советском сельском хозяйстве (1931-1933 гг.): Доклад и его обсуждение на теоретическом семинаре "Современные концепции аграрного развития" // Отечественная история. 1998. № 6. С. 95-109; Sheila Fitzpatrick. Stalin`s Peasants. Resistance and Survival in the Russian Village After Collectivization. (New York, Oxford University Press, 1994. (В 2001 г. монография издана на русском языке. См.: Шейла Фицпатрик. Сталинские крестьяне. Социальная истории Советской России в 30-е годы: деревня. / Пер. с англ. М., 2001 и др.

[16] Виктор Кондрашин, Диана Пеннер. Указ. соч. С. 131.

[17] РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 2. Д. 37. Л. 54.

[18] Виктор Кондрашин, Диана Пеннер. Указ. соч. С. 132-133.

[19] См. об этом подробнее: Кабанов П.Г., Кастров В.Г. Засухи в Поволжье // Научные труды НИИ сельского хозяйства Юго–Востока, 1972. Вып. 31. С. 134-136; Бучинский И.Е. Засухи и суховеи. Л., 1976. С. 47 и др.

[20] Козельцева В.Ф., Педь Д.А. Данные об атмосферной засушливости по станциям западной части территории СССР (май-август 1900-1979 гг.). М., 1985. С. 3-9, 36-37, 49.

[21] Виктор Кондрашин, Диана Пеннер. Указ. соч. С. 136-139.

[22] Там же. С. 134.

[23] Там же. С. 139.

[24] См.: Ужасы голода в Самарской губернии. Самара, 1922. С. 3.

[25] Виктор Кондрашин, Диана Пеннер. Указ. соч. С. 85-355.

[26] РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 37. Д. 130. Л. 64; Д. 131. Л. 73; Д. 132. Л. 15, 33-36, 83, 109, 110.

[27] См.: Вопросы истории. 1994. № 10. С. 41.

[28] ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 12. Д. 1040. Л. 1; РГАСПИ. Ф. 631. Оп. 5. Д. 53. Л. 76-76об.

[29] РГАЭ. Ф. 8040. Оп. 3. Д. 111а. Л. 6-7, 11-12.

[30] См.: Осколков Е.Н. Голод 1932/1933. Хлебозаготовки и голод 1932/1933 г. в Северо-Кавказском крае. Ростов-на-Дону, 1991. С. 13-16.

[31] См.: История советского крестьянства. Т. 2. М., 1986. С. 255.

[32] Там же. С. 260.

[33] РГАЭ. Ф. 8040. Оп. 3. Д. 111а. Л. 6, 7, 11, 12.

[34] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 2549. Л. 48; Центр документации новейшей истории Саратовской области (ЦДНИСарО). Ф. 470. Оп. 5. Д. 23. Л. 38.

[35] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 484. Л. 103-107, 117-119.

[36] См.: Трагедия советской деревни. Т. 3. С. 203, 205.

[37] Отечественная история. 1995. № 1. С. 50.

[38] Ежегодник. Сельское хозяйство СССР. 1935. М., 1936. С. 514.

[39] Виктор Кондрашин, Диана Пеннер. Указ. соч. С. 144.

[40] РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 3. Д. 5060б. Л. 97; Кондрашин В.В. Голод 1932-1933 гг. в Поволжье // Вопросы крестьяноведения. Выпуск 3. Саратов, 1996. С. 96.

[41] См.: Коллективизация сельского хозяйства. Важнейшие постановления Коммунистической партии и Советского правительства, 1927-1935. М., 1957. С. 381, 391-393.
[42] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 2550. Л. 77.
[43] Там же. Ф. 631. Оп. 5. Д. 52. Л. 53; Трагедия советской деревни. Т. 3. С. 318-332, 340, 343-349, 394-397, 420-427, 438-440.
[44] Трагедия советской деревни. Т. 3. С. 349.
[45] См.: Ежегодник. Сельское хозяйство СССР. С. 351; Виктор Кондрашин, Диана Пеннер. Указ. соч. С. 141.
[46] См.: Виктор Кондрашин, Диана Пеннер. Указ. соч. С. 142-143.
[47] Куйбышев В. Уборка, хлебозаготовки и укрепление колхозов. М., 1932. С. 14.
[48] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 3757. Л. 14; Данилов В.П. Коллективизация: как это было // Страницы истории КПСС: Факты, проблемы, уроки. М., 1988. С. 341; Каревский Ф.А. Социалистическое преобразование сельского хозяйства Среднего Поволжья. Куйбышев, 1975. С. 141.
[49] Трагедия советской деревни. Т. 3. С. 350.
[50] Там же. С. 298, 356; История советского крестьянства. Т. 2. С. 262-263.
[51] Хлевнюк О.В. Политбюро. Механизмы политической власти в 30-е годы. М., 1996. С. 58-60; Трагедия советской деревни. Т. 3. С. 381-385.
[52] Трагедия советской деревни. Т. 3. С. 397-404, 410-412, 420-427, 438-439.
[53] Там же. С. 440.
[54] Там же. С. 453-454.
[55] См. напр.: Поволжская правда. 1932. 16 октября.
[56] См. об этом подробнее там же. С. 18-52.
[57] См. об этом подробнее: Кондрашин В.В., Пеннер Д. Указ. соч. С. 191, 202.
[58] Там же. С. 258-259.
[59] См.: Шолохов и Сталин: Переписка начала 30-х годов / Вступ. ст. Мурина Ю.Г. // Вопросы истории. 1994. № 3. С. 3-24.
[60] Трагедия советской деревни. Т. 3. М., 2001. С. 634-635.
[61] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 3776. Л. 60; Ф. 631. Оп. 5. Д. 53. Л. 92об., 117, 119, 125; Кондрашин В.В., Пеннер Д. Указ. соч. С. 190.
[62] См.: Абылхожин Ж.Б., Козыбаев М.К., Татимов М.Б. Казахстанская трагедия.
[63] Кондрашин В.В., Пеннер Д. Указ. соч. С. 226-227.
[64] См.: Голод 1932-1933 годов на Украине: Свидетельствуют архивные документы // Под знаменем Ленинизма. 1990. 8 апреля.
[65] См.: Сталин и Каганович. Переписка. 1931-1936 гг. / Сост. О.В. Хлевнюк, Р.У. Дэвис и др. М., 2001. С. 145, 164, 169, 179.
[66] Там же; Кондрашин В.В., Пеннер Д. Указ. соч. С. 159-161.
[67] См.: Кондрашин В.В., Пеннер Д. Указ. соч. С. 212.
[68] О действиях Японии в Маньчжурии см.: Yoshihisa Tak Matsusaka. The Making of Japanese Manchuria, 1904-1932. (Cambridge, Mass., 2001); Louise Young. Japan`s Total Empire: Manchuria and the Culture of Wartime Imperialism. (Berkeley, 1998) и др.
[69] РГАЭ. Ф. 8040. Оп. 8. Д. 5. Л. 478, 486.
[70] См.: Письма И.В. Сталина В.М. Молотову 1925-1936 гг. Сборник документов. М., 1995. С. 245.

[71] См.: В.И. Ленин. Неизвестные документы. 1891-1922 гг. М., 1999. С. 516-523.
[72] См.: Трагедия советской деревни. Т. 3. С. 421, 443, 445, 577.
[73] Сталин и Каганович. Переписка. 1931-1936 гг. С. 179.
[74] Кондрашин В.В. Голод 1932-1933 годов в российской деревне. Учебное пособие к спецкурсу. Пенза, 2003. С. 116.
[75] См.: Ивницкий Н.А. Голод 1932-1933 годов: кто виноват? // Голод 1932-1933 годов. М., 1995. С. 56-57.
[76] Сталин И.В. Соч. Т. 13. С. 241, 243; Правда. 1933. 10 января.
[77] См. об этом подробнее: Виктор Кондрашин, Диана Пеннер. Указ. соч. С. 216-225.
[78] См.: Трагедия советской деревни. Т. 3. С. 634-678; Кульчицкий С.В. 1933: трагедія голоду. – Т-во «Знания» УРСР,1989. – 48 с.; 33-й голод: Народна Книга-Меморіал / Упоряд.: Л.Б. Коваленко, В.А. Маняк. – К.: Рад. письменник, 1991. – 584 с. и др.
[79] Виктор Кондрашин, Диана Пеннер. Указ. соч. С. 220-221.
[80] Архив ЗАГСа Кондольской администрации Пензенской области. Книга записей актов гражданского состояния о смерти за 1933 год. 63 акта о смерти от голода по Васильевскому сельсовету.
[81] Архив ЗАГСа Котовской администрации Волгоградской области. Акты о смерти за 1933 год по Котовскому сельсовету.
[82] Архив ЗАГСа Петровской администрации Саратовской области. Книга записей актов гражданского состояния о смерти за 1933 год по селу Кожевино.
[83] См.: Виктор Кондрашин, Диана Пеннер. Указ. соч. С. 226-227.
[84] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 1025. Л. 29.
[85] См.: Виктор Кондрашин, Диана Пеннер. Указ. соч. С. 229.
[86] Кондрашин В.В. Голод 1932-1933 гг. в Поволжье // Вопросы крестьяноведения. Выпуск 3. Саратов, 1996. С. 99.
[87] Осколков Е.Н. Голод 1932/1933. Хлебозаготовки и голод 1932/1933 года в Северо-Кавказском крае. Ростов-на-Дону, 1991. С. 51, 55-56, 59, 62.
[88] Абылхожин Ж.Б., Козыбаев М.К., Татимов М.Б. Казахстанская трагедия // Вопросы истории. 1989. № 7. С. 67; Алексеенко А.Н. Голод начала 30-х гг. в Казахстане (Методика определения числа пострадавших // Историческая демография: новые подходы, методы, источники. Тезисы VIII Всероссийской конференции по исторической демографии. Екатеринбург, 13-14 мая 1992 г. М., 1992. С. 76-78; Отечественная история. 1994. № 6. С. 259.
[89] См. об этом подробнее: С. Уиткрофт. О демографических свидетельствах трагедии советской деревни в 1931-1933 гг. // Трагедия советской деревни. Т. 3. С. 866-887.
[90] По мнению С. Уиткрофта, число жертв голода находится в пределах 6-7 млн. человек, в том числе 3,5-4 млн. в Украине. См.: С. Уиткрофт. О демографических свидетельствах трагедии советской деревни в 1931-1933 гг. // Трагедия советской деревни. Т. 3. С. 866-887.
[91] См.: Кондрашин В.В., Пеннер Д. Указ. соч.
[92] См.: Всесоюзная перепись населения 1937 г.: Крат. итоги. М., 1991.
[93] Трагедия советской деревни. Т. 3. С. 862.
[94] Там же. С. 704-705; ЦДНИСарО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 334. Л. 21; Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф. Р.206. Оп. 1. Д. 72. Л. 85.

[95] Виктор Кондрашин, Диана Пеннер. Указ. соч. С. 241.
[96] Трагедия советской деревни. Т. 3. С. 670-672.
[97] Виктор Кондрашин, Диана Пеннер. Указ. соч. С. 252-254.
[98] Там же. С. 256-261.
[99] Трагедия советской деревни. Т. 3. С. 634-635.
[100] История СССР. 1989. № 3. С. 46; Отечественная история. 1994. № 6. С. 259.
[101] См.: Важнейшие решения по сельскому хозяйству. М., 1935. С. 443-444.
[102] Собрание законов и распоряжений Рабоче–Крестьянского правительства СССР. 1932. № 84. Ст. 516-517; 1933. № 3. Ст. 22.
[103] Виктор Кондрашин, Диана Пеннер. Указ. соч. С. 285.
[104] Там же. С. 315.
[105] Там же. С. 320; Ивницкий Н.А. Голод 1932-1933 годов: кто виноват? // Голод 1932-1933 годов: Сб. статей. М., 1995. С. 61; Осколков Е.Н. Указ. соч. С. 79.
[106] См.: Таугер М.Б. Урожай 1932 года и голод 1933 года // Голод 1932-1933 годов: Сб. статей. С. 42.
[107] См.: Виктор Кондрашин, Диана Пеннер. Указ. соч. С. 332-333.
[108] Там же. С. 333.
[109] На вышеупомянутом заседании 29 марта 2004 года в Институте всеобщей истории РАН В.П. Данилов назвал голод 1932-1933 годов социальным геноцидом, поскольку он стал результатом антикрестьянской политики сталинского режима.

Марина Глумная

К характеристике колхозного социума 1930-х гг. (на материалах колхозов Европейского Севера России)

Созданные в российской деревне в результате «революции сверху» коллективные хозяйства являлись не только производственными предприятиями, но были также специфическим способом существования деревенского социума. Однако до последнего времени внимание исследователей было обращено главным образом на процесс создания коллективных хозяйств, в то время как его результат — колхозы — остается мало изученным. Между тем исследование основных характеристик колхозного сообщества, его структуры и эволюции имеет большое значение для понимания истории российского крестьянства в XX веке.

Характеризуя колхозное сообщество, прежде всего, необходимо подчеркнуть его неоднородность. В конце 1920-х — начале 1930-х гг. в колхозах оставалось актуальным прежнее деление деревни на «батраков», «бедняков» и «середняков». Как известно, с 1930 г. в колхозы не допускали кулаков, прошла даже специальная чистка колхозов, результатом которой стало изгнание зажиточных хозяйств, вступивших в колхозы до начала сплошной коллективизации. Беспрецедентная по своему масштабу и жестокости кампания раскулачивания, казалось бы, не оставила в деревне даже воспоминания об этой социальной категории. Тем не менее, и в середине 1930-х гг. в колхозах все еще находили «кулаков» и «кулацкие элементы», обвиняли их во всех провалах колхозного производства, во «вредительстве» и вычищали из колхозов. И позднее какие-либо формы родства или свойства с «кулаками», наличие «эксплуататорских черт» в прошлой производственной деятельности крестьянского хозяйства могли негативно повлиять на карьеру колхозного руководителя или выдвиженца. Таким образом, можно сказать, что виртуально кулаки присутствовали в колхозах на протяжении всего десятилетия.

Однако при анализе внутриколхозных отношений в начальный период существования колхозной системы, бросается в глаза не столько борьба с кулаками, о которой больше говорила и которой больше занималась власть, сколько глухое противостояние (лучше сказать, неприязнь) между середняками и бедняками. Эта конфронтация особенно заметной было в коммунах, созданных до начала сплошной коллективиза-

ции, но сохранялась в первые годы существования и в других формах коллективных хозяйств — в артелях и ТОЗах. Характер ее был скрытым, но достаточно устойчивым. В основе этой взаимной неприязни лежали материальные факторы. Вошедшие в колхозы середняки, конечно же, приносили в колхоз гораздо больше материальных средств. И чем выше была форма обобществления, тем больше был этот вклад. Беднота же похвастаться большим достатком не могла. Поэтому середняки смотрели на бедняков как на «голытьбу», «обузу», очень неохотно принимали их в колхоз, часто мотивируя это тем, что бедняки «худо работают»[1]. Весьма распространенным был взгляд на бедноту, как неравных членов коллектива[2]. Нередко в одной деревне мог образоваться отдельный «бедняцкий» и отдельный «середняцкий» колхоз.

Материальный достаток, который в крестьянском восприятии был показателем умения «вести хозяйство», в конечном итоге, становился причиной того, что в руководящие органы колхоза старались выбирать крепких, «самостоятельных» хозяев. Поэтому характерной особенностью колхозов конца 1920-х — начала 1930-х гг. было преобладание в руководящих органах представителей середняцкой части деревни. Как отмечала Вологодская губернская рабоче-крестьянская инспекция (далее — губ-РКИ) в 1929 г., бедняцкие группы в колхозах были представлены слабо, еще меньше они присутствовали в выборных органах. Наоборот, крепкие середняки в выборных органах колхозов были представлены выше их удельного веса в колхозах[3].

Многие хозяйства принимали батраков и бедняков как рабочую силу, не допускали их в выборные органы, к решению «судьбы колхоза»[4], оставляя бедноте, как правило, тяжелую полевую и грязную работу[5].

Власть в своей политике по отношению к колхозам придерживалась «классового похода». В области внутриколхозных отношений это означало покровительство по отношению к бывшим батракам и беднякам, стремление выдвинуть их на руководящие посты в колхозах. Проводившиеся в это время периодические чистки колхозов сопровождались изгнанием из рядов колхозной верхушки тех руководителей, которые были замечены в «зажиме бедноты». Под ним обычно понималось «забвение интересов» бедноты в деле материального (прежде всего, хлебного) обеспечения, отстранение ее от высокооплачиваемых видов работ, обсчеты при учете объема выполненной работы и т.д. Оказывая поддержку бедноте, власть, таким образом, подпитывала эту взаимную неприязнь бывших бедняков и середняков в колхозах.

Впоследствии, после неоднократных чисток колхозов от разного рода «кулацких» и «вредительских» элементов и «врагов», а также вследствие общего обнищания деревни в результате насильственной коллективизации былые имущественные споры сгладились, и в основе деления колхозников оказались уже иные, но также материальные в своей основе факторы.

Говоря о внутриколхозных отношениях невозможно обойти еще од-

ну грань противостояния в колхозах, хотя она и проявлялась не везде и не всегда. Речь идет о делении на «своих» и «чужих» («пришлых»), а также на «старых» и «новых» членов. Как правило, оно возникало в коммунах (а затем и в артелях), когда к сложившемуся ядру хозяйства примыкали отдельные новые («пришлые») члены. Противостояние, иногда, выражалось в разного рода угрозах и обещаниях: «сотрем в порошок приезжих»[6].

Чужаками и новичками опять, как правило, оказывались бедняки. Видимо, все-таки основной причиной возникновения неприязни было нежелание «кормить» и «обрабатывать» чужаков, которые рассматривались как вероятные нахлебники. Особенно ярко этот мотив выступает в случае с двадцатипятитысячниками.

Крестьяне встретили двадцатипятитысячников не особенно дружелюбно, рассуждая, что чужака надо «кормить да еще деньги платить» и что, им «начальства не нужно, сами будем управлять и работать без руководителей»[7]. В итоге, некоторым присланным в деревню рабочим не удалось подчинить себе деревенское общество. В ходе проверки положения двадцатипятитысячников в Северном крае в конце 1930 г., был выявлен «исключительный по своему безобразию» случай, когда командированный в деревню рабочий использовался не как организатор и руководитель колхоза, а на физической работе. Рабочий Медунов, посланный в Павлино-Виноградовский район в коммуну «Ленинский путь» сообщал, что вынужден трудиться на тяжелых физических работах, поскольку члены коммуны ему заявили: «Вы должны работать там, куда Вас пошлем. … Мы тебя больше знаем, бери топор и иди в лес, а больше нечего тебе у нас делать. … Днем работай, а вечером можешь проводить собрания по коллективизации»[8]. Однако приведенный выше пример, видимо, следует рассматривать все же, как исключение, а не правило.

В других колхозах в основе противоречий между старыми и новыми колхозниками лежало стремление старых членов использовать свое положение «старожилов»: они стремились получить работу «полегче», участки получше, к ним больше прислушивалось руководство колхоза[9].

По мере развития колхозной системы старое деление на бедняков и середняков утрачивало свою актуальность. В ряду причин этого явления, помимо общего обнищания деревни, следует указать также на изменение политики власти в этом вопросе. После вывода Сталина о победе колхозного строя в деревне и призыва сделать все колхозы «большевистскими», а колхозников «зажиточными», культ бедноты вступал в прямое противоречие с указаниями вождя и задачами укрепления колхозов. Поэтому из официальной фразеологии уходит прежнее деление крестьянства на бедняков и середняков, а в пропаганде и в конкретной политике акцент теперь делается на «ударников», «передовиков» как на представителей нового строя в колхозной деревне[10].

Не менее важны были изменения в ощущениях самого крестьянства. Деление на бедняков и середняков в сознании крестьян ассоциировалось

с наличием собственного хозяйства, его размерами и прочими характеристиками. В колхозе же они перестали быть самостоятельными хозяевами, но и подлинными хозяевами колхоза, как это декларировала власть, не стали, поэтому они стали соотносить себя уже с теми социальными группами, которые формировались внутри коллективного хозяйства.

Среди колхозников достаточно четко выделяются, как минимум четыре социальные группы, различавшиеся между собой по социально-экономическому статусу. При этом представляется возможным определить первые три категории как «колхозную верхушку», по аналогии с термином, получившим распространение в предшествующий период — «деревенская верхушка». В состав этой колхозной верхушки могут быть включены такие группы, как: 1) **«управленцы»** — административно-управленческий аппарат колхоза (председатель и члены правления, бригадиры, заведующие производственными участками и др.), 2) **«специалисты»**, т.е. люди, получившие специальную подготовку для работы в какой-либо производственной сфере коллективного хозяйства, 3) **«передовики производства»** (в изучаемый период их также называли «ударниками», а с середины 1930-х гг. — «стахановцами»). Можно, разумеется, говорить и о начале формирования такой социальной группы как «колхозная элита», однако, применительно к периоду становления колхозного строя черты этой «элитарности» представляются достаточно условными, даже карикатурными. Действительно, исходя из понимания самого термина элита[11], колхозные руководители 1930-х гг. практически не отличались ни высокими профессиональными, ни деловыми, ни какими-то особыми моральными качествами, ни глубоким интеллектом, которые бы выделяли их из окружающей среды. В этом отношении они были плоть от плоти тем крестьянством, которое их выдвигало и которое составляло большинство колхоза. Определим это большинство как еще одну (четвертую) группу — **«рядовые колхозники».**

Из всей колхозной верхушки только передовики уже в 1930-е годы были близки к определению «элита», хотя, на первый взгляд, это и кажется неуместным — ведь речь идет о доярках, свинарках, конюхах и других профессиях, связанных с физическим трудом. Между тем хотелось бы подчеркнуть высокий профессиональный уровень ударников и стахановцев, их постоянное стремление к интеллектуальному росту, поскольку их достижения опирались на пунктуальное выполнение новейших требований агрономии и зоотехники, высокие моральные качества, особенно заметные на фоне не всегда положительных примеров поведения колхозных управленцев и специалистов. В то же время занятие физическим трудом неизбежно сближало эту социальную группу с рядовыми колхозниками, а уровень их образованности, конечно, был не сопоставим, с уровнем образования тех групп, которые в нашем понимании традиционно воспринимаются как элита — деловая, военная, научная и т.д.

Следует отметить, что власть, которой располагала колхозная вер-

хушка, была достаточно ограниченной, поскольку колхозы, особенно к концу изучаемого периода, почти полностью контролировались государством. Однако в конце 1920-х — самом начале 1930-х гг., когда еще только шло становление колхозного строя, колхозы были достаточно самостоятельны в распоряжении произведенной продукцией, средствами производства, кредитами, в планировании хозяйства и т.д. Можно даже говорить о существовании в это время подлинных коллективных хозяйств, на смену которым пришли огосударствленные колхозы. Крестьяне, вступив в колхозы, воспринимали таковые как средство, прежде всего, собственного выживания и развития, их мало заботили потребности государства. И колхозная верхушка — управленцы и специалисты, как правило, разделяли подобные настроения крестьянства. Конкретно это проявлялась в невыполнении государственных поставок («как же будем сдавать лен мы государству, когда нам он самим нужен, колхозникам»[12]), в уклонении от выполнения государственных повинностей[13], в «разбазаривании»[14] колхозного имущества и т.д. Основным методом борьбы с подобными «иждивенческими» настроениями колхозных руководителей было навешивание на них ярлыка «правого уклона», «кулацкой практики» и т.п., снятие с занимаемых должностей и отдача под суд. Такими репрессивными мерами власть, в конце концов, сформировала послушный управленческий аппарат в колхозах, однако его характерной чертой стала текучесть и нестабильность кадрового состава.

Периоду относительной самостоятельности колхозов был положен конец с введением в 1933 г. знаменитой «первой заповеди» колхозников — «сначала сдай хлеб государству, а потом распределяй оставшееся на трудодни», что сопровождалось очередной чисткой колхозов и их руководящих кадров. Однако и в последующие годы рецидивы самостоятельного распоряжения собранным урожаем (до выполнения обязательств перед государством) были достаточно частым явлением среди председательского корпуса. Это свидетельствовало о слабости положения председателей, находившихся под давлением, с одной стороны, власти, требовавшей выполнения государственных поставок, а с другой — колхозников, угрожавших: «не дашь хлеба, не выйдем на работу». Выбор в пользу крестьян у председателей, решившихся на незаконное авансирование, был не только рациональным, но и традиционным.

Однако если власть достаточно тщательно контролировала ту часть властных полномочий колхозных руководителей, которая затрагивала интересы государства, то в значительно меньшей степени это касалось внутриколхозных отношений. Разумеется, существовал устав сельскохозяйственной артели — основной документ, который предполагал наличие широкой колхозной демократии, т.е. участие колхозников в принятии важнейших решений. Однако, как показывают материалы проверок соблюдения уставных норм, эта колхозная демократия существовала исключительно на бумаге. Практически повсеместно руководство колхозов демонстрировало авторитарные методы руководства, что соответствова-

ло общему уровню управленческой культуры в стране, обусловливалось традицией[15], но в то же время не отрицало наличие среди председателей вполне порядочных людей, искренне болевших за колхозы[16].

Колхозники мало привлекались к управлению колхозом, к обсуждению важнейших проблем хозяйственной деятельности коллективов. Все эти вопросы решались, как правило, единолично председателем колхоза, либо правлением, либо узкой группой приближенных к председателю лиц. При этом, когда отдельные колхозники, всерьез было воспринявшие государственную риторику о том, что именно они являются подлинными хозяевами колхоза, пытались реализовать свое право на участие в принятии решений, председатель (либо кто-то другой из административно-управленческого аппарата) грубо их обрывал: «не вашего ума дело», «не твое дело, ты ничего не понимаешь»[17]. В результате энтузиазм у таких колхозников пропадал и общие колхозные собрания или превращались в формальность, или крестьяне переставали их посещать.

В распоряжении колхозных управленцев и специалистов имелось немало возможностей проявить власть по отношению к своим односельчанам: при распределении работ и трудодней, в системе штрафов и премий, при направлении на лесозаготовки, в денежном и натуральном авансировании и т.д. Как показывают документы, в колхозах процветали родственные отношения, стремление назначить на хорошо оплачиваемые посты и работы близких родственников и друзей. Ценился не профессионализм, деловые качества, а родственные связи и преданность председателю (бригадиру, заведующему МТФ и т.д.).

Если наличие особых управленческих функций у первых двух групп колхозной верхушки в общем-то не вызывают сомнений, то существование их у передовиков может показаться не столь очевидным. Между тем, ударничество, например, предполагало не только высокую производительность труда в колхозе, но и «авангардную роль в колхозном производстве»[18]. Под этим понимались поиски новых методов, которые бы улучшали качество работы и повышали производительность труда. Поэтому ударники, стахановцы, как правило, искренне озабоченные состоянием колхозного производства, на собраниях высказывали различные соображения и предложения по совершенствованию общественного хозяйства. Они же использовались для разоблачения «лодырей и разгильдяев»[19]. Ударники и стахановцы служили резервом для комплектования управленческого звена колхозов.

Следует также учесть, что передовики, созываемые на различные совещания, слеты, съезды, обсуждали самые разные проблемы колхозного производства, в результате которых принимались различные постановления, призывы, нацеленные на совершенствование колхозного механизма хозяйствования и управления.

Необходимо отметить и особые отношения передовиков с властью. В некоторых случаях они были этой властью более обласканы и привечаемы, нежели представители управленческого аппарата колхозов. Если у

последних периодически обнаруживались какие-либо негативные («несоциалистические»), а иногда даже и откровенно «вредительские» черты, то передовики почти всегда властью воспринимались как порождение нового, социалистического уклада в деревне и всячески поощрялись, как морально, так и материально. По всей видимости, если вдруг у них обнаруживались какие-то «пятна» их просто переставали замечать и выдвигать. При этом ударники и стахановцы, в случае возникновения каких-либо трений с колхозным руководством или иных проблем, имели возможность апеллировать к представителям власти самого высокого уровня, например, лично к И. Сталину, М. Калинину и другим лидерам партии и государства, не говоря уже о руководителях районного и краевого (областного) звена. Большую роль играл уже сам фактор личного знакомства с высшими партийными и государственными деятелями. Известны случаи, когда именно благодаря наличию таких передовиков колхозу удавалось снизить размеры государственных повинностей[20]. В целом, можно сказать, что передовики были более защищены перед вышестоящей властью, нежели управленцы и специалисты.

Принадлежность к категории управленцев означала близость не только к власти, но и к хлебу. Главное преимущество административно-управленческого аппарата состояло в том, что, не принимая участия в физическом труде в общественном производстве, они, как правило, получали твердую ставку (в трудоднях, а очень часто и в денежном выражении[21]). В конце 1930-х гг. размеры ставки председателя колхоза доходили до 55 трудодней в месяц. Вторым наиболее высоко оплачиваемым постом в колхозной иерархии был счетовод, наиболее авторитетный из специалистов, как правило, самый образованный человек в колхозе.

Помимо ставки управленцы и специалисты могли рассчитывать на разные премии, а также использовать не всегда законные методы увеличения числа трудодней — например, приписки. Последнее было особенно распространено среди бригадиров. В их распоряжении оставались также и достаточно широкие возможности для разного рода «самоснабжения»[22].

В принципе можно говорить о финансовой бесконтрольности колхозных руководителей в изучаемый период. Вместе со своим постом они получали доступ к денежным и натуральным средствам колхоза, которые часто использовали по-своему усмотрению. Например, растраты были не только обычным, но и весьма распространенным явлением в колхозах. Согласно годовым отчетам колхозов за 1937 г., растраты были выявлены почти в трети (28,4%) колхозов Вологодской области на сумму 942,6 тыс. руб. Но вряд ли эти сведения можно считать полными. При этом особенно много растрат было в тех колхозах, где председатель одновременно занимал должность кассира[23].

В отдельных колхозах суммы растрат были очень велики. Например, председатель колхоза «Красный перелом» Череповецкого района А-в растратил 3131 руб., председатель колхоза «Маяк» Ш-в растратил 2800

руб.[24] Главным «компаньоном» председателя в растратах обычно выступал счетовод, кассир, кладовщик.

Растраты свидетельствовали о бездеятельности ревизионных комиссий колхозов, т.е. о фактическом отстранении колхозников от контроля за финансовой деятельностью руководства.

Анализ таблицы 1 Приложения показывает, что в основном деятельность руководящей верхушки колхозов контролировалась ревизионными комиссиями самих колхозов и только иногда проводились ревизии работниками районных земельных отделов (далее — райЗО) и МТС. Между тем известно немало случаев, когда колхозные ревизионные комиссии писали свои акты под прямым давлением колхозного руководства или совсем не допускались к осуществлению своей деятельности[25].

Свое влияние на благоприятные, «удобные» для колхозной верхушки выводы колхозных ревизионных комиссий оказывали и достаточно тесные родственные узы членов колхоза, приятельские и дружеские отношения, неизбежные в небольших по размерам северных колхозах. Из таблицы 1 также видна низкая ревизионная активность проверяющих органов. В колхозах Европейского Севера в лучшем случае проходили одна-две ревизии в год, в то время как в соответствии с Примерным уставом сельхозартели 1935 г. полагалось проводить четыре ревизии в год[26]. В целом по стране и республике ситуация была несколько лучше, но также не соответствовала уставным нормам.

Существовало множество каналов перекачивания денежных средств в карман колхозной верхушки. Одним из таких способов, например, было выписывание фальшивых командировочных удостоверений[27]. Богатые возможности для хищений давала колхозная торговля. Известно множество примеров, когда председатель колхоза (иногда вместе с группой близких к себе лиц) присваивал часть денег, вырученных от продажи колхозной продукции. Наконец, материалы по проверке колхозов, зафиксировали прямое присвоение денежных средств колхоза, без какого-либо «бумажного» оформления.

Помимо присвоения денежных средств колхоза и «самоснабжения», были и другие источники повышения жизненного уровня для колхозной верхушки — например, вымогательство у колхозников денег и продуктов, как в открытой форме, так и в виде «угощений»[28].

Вопрос о доходах разных категорий колхозников нуждается в специальном исследовании, однако, видимо, уже сейчас можно сделать вывод, о том, что нахождение «при местах» предоставляло возможности для вполне сносного существования даже в нищих северных колхозах. О том, насколько не сопоставимы были доходы колхозной верхушки и рядовой колхозной массы очень ярко свидетельствует ситуация в колхозе «Косарево» Зиновьевского сельсовета Грязовецкого района Северного края летом 1932 г.

В этом колхозе в качестве товара стимулирования маслозаготовок в сельпо[29] не завезли никаких товаров, кроме конфет-леденцов типа «мон-

пансье» («ландрин», как его называли колхозники). Их продавали пропорционально количеству заработанных трудодней. Некоторые колхозники, имевшие мало трудодней, получили по 3 «ландрина» (леденца). Это стало одной из причин выходов крестьян из колхоза под лозунгом: «На три ландрина в колхозе не проживешь». Председатель этого колхоза, имея свои «твердые» председательские 45 трудодней и 90 трудодней в месяц своих дочерей (свинарки и телятницы) получил «целое решето ландрина»[30].

Выгоды от нахождения «при местах» были бесспорны, прекрасно осознавались крестьянами[31]. Отсюда — разбухание управленческого аппарата и увеличение административно-управленческих расходов колхозов. Последние, по данным годовых отчетов колхозов Вологодской области за 1937 г., составили 2690 тыс. руб. (или 3,1% всех расходов[32]). При этом более половины всех колхозов (52,3%) израсходовали на содержание аппарата более 2%, положенных по уставу сельхозартели, 41,7% — от 1 до 2%, и только 5,5% колхозов — менее 1%[33]. В отдельных колхозах доля административно-управленческих расходов доходила почти до 30%[34].

В заключение этого сюжета — несколько слов о доходах передовиков. Исходя из зарабатываемого ими количества трудодней и премиального поощрения, они также были весьма высоки[35]. Правда, если для административно-управленческого аппарата и специалистов это было следствием их особого положения в колхозе, то для передовиков уровень их благосостояния зависел, главным образом от результатов их личного трудового участия в производственной деятельности колхоза. И этот физический труд сближал передовиков с рядовыми колхозниками. В этой связи необходимо отметить, что как показал анализ так называемых стахановских методов (например, в животноводстве — «метод получения высоких удоев доярки Н. Груздевой», или «метод свинарки А. Люсковой), они предполагали очень высокую степень интенсификации труда, что не всегда было по плечу рядовой колхознице, обремененной к тому же большой семьей. Другими словами, высокий заработок передовиков давался им тяжелым трудом, и для многих все же это было очевидно[36], в то время как высокие доходы управленцев в глазах крестьян казались «легким хлебом», вызывали злобу и зависть[37].

Несмотря на близость колхозной верхушки к власти и к хлебу, далеко не все колхозники стремились пополнить ее ряды. Серьезной преградой к переходу в разряд передовиков была сама потогонная система ударничества и стахановизма, а в случае с управленцами — отпугивала неустойчивость их положения.

Одной из характерных черт административно-управленческого аппарата колхозов в 1930-е гг., как уже отмечалось выше, была его текучесть и нестабильность, что значительно подрывало социальный престиж этой группы. Снятие председателей правлений колхозов, а также роспуск правлений требовал санкции советских и партийных органов. Однако это

требование не всегда соблюдалось[38]. Известны случаи, когда колхозники меняли состав правления и председателя, даже не ставя об этом в известность районные власти.

К сожалению, не удалось обнаружить какой-либо полных и систематических статистических материалов о роспуске колхозов, правлений и снятии председателей колхозов в начале 1930-х гг. Как правило, подобная информация разрозненна и отрывочна, тем не менее, она позволяет увидеть главную тенденцию — высокую текучесть руководящих кадров колхозов, которая во многом была результатом активности власти по очищению колхозов от всякого рода «классово-чуждых элементов».

Так, в докладе на III пленуме Севкрайкома ВКП(б), состоявшемся в конце 1932 г., секретарь крайкома Д. А. Конторин признал нестабильность председательского корпуса колхозов края: 1874 из 2481 (т.е. 75,5%) председателей колхозов работали меньше года[39]. Текучесть же среди бригадиров, по его словам, была просто «неимоверная»[40].

Как известно, в январе 1933 г. состоялся объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б), на котором выступил И. В. Сталин с докладом «О работе в деревне», где он назвал основные причины хлебозаготовительных трудностей 1932 г. Одной из таких причин, по его мнению, стало изменение тактики классового врага, который приспособился к новой обстановке и перешел «от прямой атаки против колхозов к работе тихой сапой»[41]. Слова вождя были восприняты на местах как руководство к действию: колхозы и, особенно, колхозная верхушка были подвергнуты тщательной проверке и чистке. Свою лепту в чистку колхозов внесли созданные в январе 1933 г. политотделы МТС.

Только с января по апрель 1933 года в Северное краевое земельное управление утвердило роспуск 52 правлений колхозов и снятие с должности 85 председателей правлений[42]. Из них материалы на 17 правлений (32,7%) и 25 (29,4%) председателей были переданы в следственные органы для привлечения их к уголовной ответственности[43]. Но результаты чистки были, очевидно, более масштабными, поскольку существовала, как уже отмечалось, практика снятия председателей и роспуска правлений без санкции краевых и даже районных властей.

В 1935 г. в Вологодском сельском районе Северного края из 75 председателей работали пятый год — 7 человек (9,3%), четвертый год — 10 (13,3%), третий — 14 (18,8%), второй — 31 (41,3%), первый год — 13 человек (17,3%)[44]. Таким образом, более половины председательского корпуса района работало не более двух лет. Очевидно, что это очень небольшой срок, для того, чтобы получить навыки управления, наладить работу коллективного хозяйства. Прямым следствием частой смены колхозных руководителей была экономическая нестабильность самих коллективных хозяйств.

Текучесть среди руководящих кадров колхозов, как видно из таблиц 2-4 Приложения, оставалась высокой и в последующие годы. При этом ведущим мотивом снятия с поста председателя колхоза было «не обеспе-

чение руководства», что соответствующим образом характеризует деловые качества и профессиональный уровень колхозных управленцев. В конце 1930-х гг. ситуацию усугубило введение всеобщей воинской повинности.

Примером настоящей «председательской чехарды» может служить колхоз «Завет Ильича» Кубено-Озерского района Вологодской области, где с 1931 по 1939 год сменилось 22 руководителя колхоза, в том числе только за последний год — 3. Председателем колхоза на момент проверки являлся некто Г-в, который уже однажды руководил этим колхозом, затем был осужден на 10 лет, из которых отбыл только 4 года[45]. Подобная ситуация была и в колхозе «Красный Шингарь» Междуреченского района, в котором за 1931-1939 гг. сменилось 9 председателей колхозов. Последний председатель колхоза — С-в, за расхищение социалистической собственности в колхозе в 1932 г. был осужден на 10 лет, но, отбыв только 2,5 года, вернулся в колхоз. В 1937 г., будучи кладовщиком, переморозил 2 тонны картофеля, за что был осужден на 10 месяцев принудительных работ. В 1939 г. он возглавил колхоз, став третьим председателем за год, при этом он, по словам инструктора РК ВКП(б), «скандаля и пьянствуя, разлагал колхоз»[46].

Следует отметить, что избрание председателей вторично, иногда после освобождения их из мест заключения было достаточно распространенным явлением. Причина этого — «безлюдье», которое было результатом всей аграрной политики власти в целом, в том числе и следствием всех этих бесконечных «классовых» чисток, которые, с одной стороны, «обескровили» деревню, а с другой — сделали очень непопулярной председательскую должность[47].

Характеризуя колхозную верхушку 1930-х гг., необходимо отметить ее низкий авторитет в глазах окружающего крестьянства. Одной из причин этого был достаточно низкий образовательный и профессиональный уровень управленцев и специалистов.

В 1930-е гг. хотя и проходила активно кампания по ликвидации безграмотности, и, как известно к концу десятилетия в этой области были достигнуты значительные успехи, однако, значительная часть взрослого населения деревни, из которого и формировался председательский корпус все же оставалась сравнительно малограмотной, а в начале колхозного периода иногда и просто безграмотной. К сожалению, пока не представляется возможным подтвердить это положение какими-то цифровыми выкладками, но, видимо, можно сослаться на оценку ситуации современниками. Партийные и советские руководители на протяжении всего периода отмечали низкий образовательный уровень колхозной верхушки. В докладе о состоянии колхозного строительства в Северном крае за 1931 г. прямо указывалось на наличие в некоторых колхозах совершенно безграмотных председателей. В качестве примера приводился председатель правления колхоза «Верхняя Ерга» Великоустюгского района, совершенно безграмотный, который заявил в сельсовете: «Вы посылайте,

товарищи, к нам в колхоз бумагу тоненькую и очень было бы хорошо, если бы не записанную, а то эту бумажку курить все же худо — читать мы ее все равно не читаем — грамотных нет»[48].

Не трудно предположить, какая ситуация в этом и множестве других колхозов складывалась с руководителями более низкого звена — заведующими производственными участками, бригадирами и т.д.

В результате чистки колхозного руководства в Северном крае, по данным краевого земельного управления, только за январь-апрель 1933 г. были освобождены по причине малограмотности, и в силу этого полной неспособности к руководству колхозами, 14 председателей колхозов, что составило 16,5% всех снятых со своих должностей председателей за этот период[49].

Ситуация усугублялась не только кадровой политикой власти, но и значительной миграцией из деревни, в результате чего из деревни вымывались более образованные (хотя бы и в рамках начальной школы) и мобильные в социальном плане слои населения. Студент Ленинградской высшей колхозной сельскохозяйственной школы им. Кирова М. П. Карванен, бывший на каникулах в одном из колхозов Бабаевского района Вологодской области в 1937 г., сообщал обком партии, что в результате массового бегства крестьян из деревни в одном из колхозов Спировского сельсовета около трех месяцев не было даже председателя и колхозом руководил «малограмотный старик», который одновременно являлся конюхом, кладовщиком, мельником и всем, чем хочешь[50].

Косвенным доказательством достаточно низкого образовательного уровня колхозной верхушки могут служить данные об их возрастном составе. Имеющиеся сведения о возрасте председателей колхозов Вологодского сельского района за 1935 г.[51] показывают, что их детские годы пришлись на дореволюционный период, характеризовавшийся низким уровнем грамотности среди сельского населения России.

Как правило, уровень профессиональной подготовленности председателей и колхозных специалистов ограничивался курсами разной продолжительности — от нескольких недель до нескольких месяцев. Работа по подготовке колхозных кадров имела большой размах, однако ее результаты нивелировались высокой текучестью среди колхозного руководства.

Специалисты с высшим образованием, даже к концу 1930-х гг. в силу своей малочисленности не попадали в колхозы, оседая, как правило, в областных, районных организациях, или в лучшем случае в МТС и совхозах. Как видно из таблицы 5 Приложения, на всем Европейском Севере только в одном колхозе был специалист-агроном с законченным высшим образованием[52]. Однако качество работы специалистов районного звена вызывало со стороны партийных и советских органов много нареканий.

К сожалению, не удалось обнаружить каких-либо системных сведений о наличии в колхозах специалистов со средним или незаконченным высшим образованием. Материалы обследований колхозов разными

уполномоченными и проверяющими дают лишь примеры конфликтных ситуаций между колхозниками и специалистами. Так, в 1931 г. в Бортниковской сельхозартели Грязовецкого района Северного края был зафиксирован случай не подчинения колхозников указаниям помощника агронома (административно-высланного), а во время посевной кампании дело дошло до побоев специалиста[53].

Безусловно, одним из наиболее мощных факторов, подрывавших авторитет административно-управленческого аппарата колхозов, было пьянство.

Какой-либо статистики о проявлениях пьянства и алкоголизма среди руководящего состава колхозов, разумеется, не велось. Представление о количественной стороне этого явления может быть составлено лишь на основании сведений о смене председателей колхозов. Однако сами по себе эти сведения отрывочны и разрознены. В то же время материал обследований колхозов разными проверяющими и уполномоченными позволяет сделать вывод о том, что пьянство — одна из характерных черт колхозных управленцев в изучаемый период. Такие уполномоченные направлялись краевыми (областными) партийными и советскими органами в районы и колхозы фактически на протяжении всего года, поскольку одна хозяйственно-политическая кампания сменяла другую. И каждый уполномоченный считал своим долгом отметить существование этой проблемы. Таким образом, случаи пьянства колхозного руководства оказались зафиксированными на протяжении всего года и по разным районам и колхозам края (области), что можно расценивать как вполне репрезентативную выборку.

Как уже отмечалось, каких-либо статистических сведений о распространении пьянства как явления среди колхозного руководства обнаружить не удалось. Исключение составляют уже упоминавшиеся материалы Северного краевого земельного управления о роспуске колхозов и снятии председателей колхозов за период с января по апрель 1933 г. В перечне причин роспуска 5 правлений (10% от общего числа) и снятия 11 председателей колхозов (13%) фигурировало «систематическое пьянство»[54].

Распространению пьянства среди колхозного руководства способствовало множество факторов. Во-первых, его можно рассматривать как своеобразную (при этом — традиционную) форму релаксации после тяжелых психологических и физических нагрузок, ложившихся на плечи руководителей. Ведь они попадали на свои должности, не имея практически никакой специальной подготовки, никакого опыта, причем в таких условиях, когда и сама колхозная система находилась еще в стадии становления. В этом отношении весьма характерен пример, зафиксированный в 1932 г., заметим, в одном из старых колхозов Вологодского района (создан в 1925 г.) — в колхозе «Новый путь». Заведующий МТФ данного колхоза М-в на протяжении всего периода обследования колхоза был пьян. Свое поведение он оправдывал словами: «Колхоз наш больной, с

этого расстраиваешься и пьешь»[55].

Необходимо также учитывать постоянное давление власти, очень жестко требовавшей выполнения государственных повинностей. За невыполнение распоряжений власти часто следовало наказание не только в виде снятия с должности, но и в форме привлечения к уголовной ответственности. Все это колхозные руководители могли наблюдать на примере ближайших колхозов в своем сельсовете и районе. Не каждому удавалось справиться с подобным прессингом каким-либо «цивилизованным» путем. При этом подверженными этой слабости оказывались как беспартийные, так и члены ВКП(б). Можно также отметить и то, что некоторые двадцатипятитысячники, командированные партией для развертывания колхозного строительства, оказались «не на высоте», поскольку, очутившись в новых условиях перед лицом труднейших задач, также впали в пьянство. Например, ленинградский рабочий Г-н, находясь в течение месяца в Патракеевской артели Приморского района Северного края, вместо деловой работы почти ежедневно пьянствовал, Дело доходило до того, что он иногда просто валялся на дороге, кричал, что ему не хватает пайка. По мнению партийных органов, это подрывало авторитет питерского пролетариата, и вызывало злорадные ухмылки кулаков. Г-н был привлечен к ответственности и снят с работы[56].

На фоне пьянства также были нередки хулиганские выходки среди колхозных руководителей, в отдельных случаях они переходили в разряд уголовных преступлений. В Сямженском районе Вологодской области 6 октября 1938 г. председатель колхоза Р-н (кандидат в члены ВКП(б) с 1931 г.) во время коллективной пьянки нанес 2 удара топором колхознику П-у, которого в тяжелом состоянии направили в больницу. Р-н был привлечен к уголовной ответственности. Подобный факт произошел и в Харовском районе, где председатель колхоза «Пламя» Л-в, также кандидат в члены ВКП(б) с 1931 г., систематически пьянствовал, допустил хулиганство, выразившееся в избиении колхозника[57]. Среди негативных черт колхозного руководства, наряду с пьянством, также следует назвать грубость, высокомерие, нецензурную брань, рукоприкладство.

Подводя итоги характеристике колхозного социума необходимо отметить, что в изучаемый период названные выше социальные группы еще только находились стадии формирования. На смену принятому ранее делению деревенского сообщества, исходившему главным образом из экономической мощности (материального достатка) хозяйств, пришла более сложная стратификация, учитывавшая такие факторы как объем власти, уровень дохода, образования и профессиональной подготовки, престиж.

Колхозная верхушка еще только выделялась из основной массы крестьянства и мало от него отличалась. Власть ее была весьма ограниченной, доходы сравнительно невысоки, уровень образования и престиж низки. И само пребывание «на верху» по воле властей могло закончиться резким и быстрым падением. Видимо эта нестабильность порождала у

колхозного руководства такие черты, свойственные «временщикам» всех времен и народов как грубость, демонстрация чувства превосходства, по отношению к людям, стоящим ниже на социальной лестнице, стремление максимально использовать время нахождения в верхах для удовлетворения своих материальных потребностей. Отсюда же — обилие разного рода незаконных (и неэтичных с точки зрения крестьянского общества) способов получения дохода.

Необходимо также отметить высокую социальную мобильность колхозного сообщества. Если раньше было очень трудно подняться из бедняков в середняки, то теперь возвыситься над основной массой колхозников можно было достаточно быстро. В этом особенно высока была роль власти, которая целенаправленно формировала необходимый для себя тип управленцев, специалистов, колхозников, исходя, прежде всего, из своего «классового» идеала. Но в то же время в процессе складывания колхозной верхушки оказывались очень влиятельными и традиционными факторы, например, родственные связи, игравшие большую роль в выдвижении на выборные должности в колхозе. Сам тип руководства и управления носил достаточно традиционный характер.

В заключение отметим, что изучение колхозного социума нуждается в дальнейшем исследовании, особенно в той его части, которая касается моделей поведения разных социальных групп.

Приложение

Таблица 1. Ревизии в колхозах в 1937 г.

Республика, область	Число колхозов на 1 января 1938 г.	Число колхозов, в которых в 1937 г. были проведены ревизии				Число проведенных за год ревизий			
		ревизионными комиссиями колхозов		райЗО или МТС		ревизионными комиссиями колхозов		райЗО или МТС	
		Абс.	В %% к общему числу колхозов	Абс.	В %% к общему числу колхозов	Абс.	Число ревизий на колхоз	Абс.	Число ревизий на колхоз
СССР	241027	207287	86,0	70784	29,4	606406	2,5	93472	0,4
РСФСР	171285	147974	86,4	44804	26,2	435525	2,5	55388	0,3
Архангельская область	2164	1763	81,5	335	15,5	3765	1,7	383	0,2
Вологодская область	5954	4279	71,9	886	14,9	10563	1,8	1078	0,2
Карельская АССР	900	627	69,7	307	34,1	1171	1,3	426	0,5
Коми АССР	683	531	77,8	97	14,2	1118	1,6	107	0,2

Рассчитано по: Колхозы в 1937 году (по годовым отчетам). Ч.I. Растениеводство. НКЗ СССР. Учетно-статистический отдел. Оглашению не подлежит. ДСП. М., 1939. С. 4-7.

Таблица 2. Общая характеристика текучести среди председателей колхозов Вологодской области в 1938-1939 гг.

Год	Наличие председателей колхоза на 1 января	Сменилось председателей колхоза за год	% сменяемости	Из них призвано в РККА по мобилизации	Сменилось председателей колхозов без призыва в РККА	% текучести без призыва в РККА
1938	**5971**	**2756**	**46,2**	—	—	—
1939	**5922**	**2718**	**45,9**	**1338**	**1380**	**23,3**

Источник: ВОАНПИ. Ф. 2522. Оп. 2. Д. 130. Л. 55.

Таблица 3. Характеристика сменяемости председателей в колхозах Вологодской области в 1939 г.

Количество колхозов, где сменились председатели:			
один раз	два раза	три раза	четыре и более раз
2154	**209**	**46**	**7**

Источник: ВОАНПИ. Ф. 2522. Оп. 2. Д. 130. Л. 57.

Таблица 4. Причины текучести среди председателей в Вологодской области в 1939 г.

Всего	Сменилось за год	В том числе:						
		выдвинуто на ответственную работу	перемещено в другие колхозы	снято за злоупотребления	освобождено за необеспечение руководства	по личному желанию	по разным причинам	призвано в РККА
5922	**2718**	**221**	**31**	**122**	**670**	**173**	**163**	**1338**
%	**45,9**	**8,1**	**1,1**	**4,5**	**24,7**	**6,4**	**6,0**	**49,2**

Источник: ВОАНПИ. Ф. 2522. Оп. 2. Д. 130. Л. 55.

Таблица 5. Специалисты системы Наркомата земледелия с законченным высшим образованием на 1 января 1939 г.

Область, АССР	Специальность	Аппарат		Колхозы	МТС
		облЗО, НКЗ АССР	горЗО, райЗО		
РСФСР	Всего	3745	2774	29	1251
	в т.ч. агрономы	1215	680	23	1112
	зоотехники	666	773	5	14
	ветврачи	291	1184	—	—
	инженеры	1202	119	—	102
Архангельская область	Всего	58	36	1	4
	в т.ч. агрономы	13	2	1	4
	зоотехники	12	6	—	—
	ветврачи	7	28	—	—
	инженеры	19	—	—	—
Вологодская область	Всего	56	41	—	15
	в т.ч. агрономы	10	8	—	11
	зоотехники	18	10	—	—
	ветврачи	7	23	—	—
	инженеры	15	—	—	1
Карельская АССР	Всего	23	11	—	1
	в т.ч. агрономы	7	4	—	1
	зоотехники	3	2	—	—
	ветврачи	1	5	—	—
	инженеры	10	—	—	—
Коми АССР	Всего	19	8	—	1
	в т.ч. агрономы	7	1	—	1
	зоотехники	4	2	—	—
	ветврачи	5	4	—	—
	инженеры	3	1	—	—
СССР	Всего	5410	5424	57	3083
	в т.ч. агрономы	1853	1669	38	2785
	зоотехники	914	1610	17	25
	ветврачи	417	1762	—	—
	инженеры	1778	335	—	221

Источник: Специалисты системы НКЗема с законченным высшим образованием на 1.01.39. ДСП. М., 1939. С. 30-35, 56-57.

Примечания

[1] ГАОПДФАО. Ф. 290. Оп. 1. Д. 237. Л. 73.
[2] Подобные взгляды открыто высказывались на собраниях, например, в коммунах им. Ленина, «Искра» Няндомского округа Северного края: «бедняк пришел без ничего», беднота «умом слаба» и т.д. ГАОПДФАО. Ф. 290. Оп. 1. Д. 237. Л. 75.
[3] ГАВО. Ф. 201. Оп. 1. Д. 1222. Л. 21 об.
[4] Например, это отмечала Вологодская губРКИ в коммунах «Смена», «Возрождение» «Рассвет», «Красная», им. Сталина и др. ГАВО. Ф. 201. Оп. 1. Д. 1222. Л. 21 об. Д. 1228. Л. 12, 31 об.
[5] ГАВО. Ф. 201. Оп. 1. Д. 1228. Л. 30 об.
[6] Из материалов обследования коммуны «Искра» Котласского района Северного края, 1932 г. ГАОПДФАО. Ф. 290. Оп. 1. Д. 1344. Л. 82.
[7] Именно так, например, восприняли крестьяне появление двадцатипятитысячника Поздеева в Павлино-Виноградовском районе Северного края. ГАОПДФАО. Ф. 290. Оп. 1. Д. 1105. Л. 4.
[8] ГАОПДФАО. Ф. 290. Оп. 1. Д. 784. Л. 29-30.
[9] Например, так было в коммуне «Огонек» Северного края. ГАОПДФАО. Ф. 290. Оп. 1. Д. 1100. Л. 70.
[10] Правда, в разного рода анкетах, часто заполняемых советскими гражданами, в автобиографиях, они по-прежнему подчеркивали свое происхождение из бедняцкой или середняцкой семьи.
[11] Элита (фр. Elite – лучший) — наиболее видные представители части общества, слоя, группы, политического движения и т.д., обладающие высокими профессиональными и деловыми качествами, глубоким интеллектом, что выделяет их из окружающей среды // Политологический словарь / Под. ред. проф. В.Ф. Халипова. М, «Высшая школа», 1995. С. 169-170.
[12] Из решения правления коммуны «Искра» Котласского района Северного края (1932 г.). ГАОПДФАО. Ф. 290. Оп. 1. Д. 1344. Л. 82.
[13] Например, в начале 1930-х гг. председатель колхоза мог заявить в райкоме партии: «Коли ставить крест на сельское хозяйство — давайте выполнять лесозаготовки» (председатель Тигинского колхоза Вожегодского района Северного края — Дементьев, исключенный за это высказывание из партии). ГАОПДФАО. Ф. 290. Оп. 1. Д. 765. Л. 100.
[14] Под «разбазариванием» понимался достаточно широкий спектр действий, начиная от продажи на колхозном рынке (в ущерб государственным поставкам) каких-либо сельскохозяйственных продуктов, произведенных в колхозе, до распределения хлеба (льна, сена и т.д.) между колхозниками вместо выполнения государственных поставок или пополнения общественных фондов. Кроме того, иногда под «разбазаривание» попадали такие действия или допущение таковых со стороны колхозников как расхищение колхозной продукции, потравы посевов, доведение до гибели колхозного скота и т.д.
[15] В некоторых колхозах крестьяне так и говорили о своем председателе: он «правит» нами (колхоз «Косарево» Грязовецкого района Северного края), называли председателя «царем», а его жену — «царицей» (Сомковский колхоз Приозерного района Северного края). ГАОПДФАО. Ф. 290. Оп. 1. Д. 1294. Л. 89. Д. 1342 Л. 52-53.

[16] Например, старожилы Устьянского района Архангельской области впоследствии вспоминали, что «хороший-то, в общем, человек, питерский рабочий Виноградов, оказавшись во главе Коптяевской сельхозартели, не брезговал лично залить огонь в печи, перевернуть квашню с тестом у запоздавшей на работу многодетной колхозницы, а днем прискакать в поле, привезти последний хлеб от своей семьи и раздать бабам-пахарям». А.Е. Кононов. На хлебном колосе. Старина и новь устьянских деревень. Очерки. Октябрьский, 1992. С. 50.
[17] ГАОПДФАО. Ф.290. Оп. 1. Д. 782. Л. 97 и др.
[18] Н. Попов. Ударничество в колхозах (К призыву сталинских ударников) // Большевистская мысль. 1933. № 10. С. 19.
[19] Н. Попов. Ударничество в колхозах (К призыву сталинских ударников) // Большевистская мысль. 1933. № 10. С. 20.
[20] В качестве примера можно привести М.В. Корюкину — свинарку-стахановку из колхоза «Буденовец» Междуреченского района Вологодской области, депутата Верховного Совета СССР, которой удалось, используя свое имя, прогремевшее на всю страну, добиться для своего колхоза снижения разряда по урожайности (правда, всего на одну группу), что привело к некоторому снижению размера натуроплаты МТС для колхоза. ВОАНПИ. Ф. 2522. Оп. 1. Д. 245. Л. 161.
[21] Как отмечалось в докладной записке инструктора сельхозотдела Вологодского обкома ВКП(б), в некоторых колхозах Череповецкого района до августа 1937 г. 300 председателей получали кроме трудодней денежную зарплату, которая в отдельных колхозах доходила до 200 руб. в месяц. ВОАНПИ. Ф. 2522. Оп. 1. Д. 240. Л. 37.
[22] Под этим эвфемизмом скрывались обычные кражи и хищения.
[23] ВОАНПИ. Ф. 2522. Оп. 1. Д. 42. Л. 5. При этом по годовым отчетам колхозов Вологодской области их денежный доход от всех источников за 1937 г. составил 85985,7 тыс. руб. ВОАНПИ. Ф. 2522. Оп. 1. Д. 241. Л. 139.
[24] ВОАНПИ. Ф. 2522. Оп. 1. Д. 240. Л. 37.
[25] ГАОПДФАО. Ф. 290. Оп. 1. Д. 1342. Л. 52-53.
[26] СЗ СССР. 1935. № 11. Ст. 82.
[27] Например, председатель колхоза «Красный пахарь» Вологодского района только за 10 мес. 1939 г. выписал себе 24 командировки, никем не удостоверенные, на 182 руб. ВОАНПИ. 2522. Оп. 2. Д. 452. Л. 30. Это же обстоятельство послужило одной из причин снятия с должности и отдачи под суд председателя колхоза «Стризнево» Чебсарского района Северного края в 1933 г. ГААО. Ф. 106. Оп. 2. Д. 773. Л. 87.
[28] Колхоз «Восход» Кич-Городецкого района Северного края. ГААО. Ф. 106. Оп. 2. Д. 773. Л. 28.
[29] Так назывался магазин сельской потребительской кооперации.
[30] ГАОПДФАО. Ф. 290. Оп. 1. Д. 1342. Л. 52-53.
[31] Здесь необходимо отметить, что далеко не все должности были для колхозников одинаково привлекательны. Более всего ценились должности счетовода, кладовщика, завхоза. Самым непопулярным, видимо, в силу большой ответственности, был пост председателя колхоза.

[32] В соответствии с Примерным уставом сельскохозяйственной артели 1935 г. на административно-управленческие расходы можно было выделять не более 2% денежных расходов. СЗ СССР. 1935. № 11. Ст. 82.
[33] ВОАНПИ. Ф. 2522. Оп. 1. Д. 42. Л. 1-2.
[34] Например, в колхозе «Суда» Череповецкого района Вологодской области в 1938 г. административно управленческие расходы составили 29%. ВОАНПИ. Ф. 2522. Оп. 1. Д. 240. Л. 36.
[35] В качестве примера можно привести известную стахановку-льновода А.А. Малову, которая за 1938 год получила только в качестве премии за выращенный и сданный государству лен немыслимую для рядовых колхозников сумму — 6833 руб. ВОАНПИ. Ф. 2522. Оп. 2. Д. 165. Л. 69. Для сравнения: за 1938 г. в Вологодской области было выдано колхозникам на трудодень в среднем по 39,5 коп. При этом в 84 колхозах из 5976 деньги вообще не выдавались, а в 3309 колхозах (55,4%) колхозники получили на трудодень менее 20 коп. И только в 4 колхозах области на трудодень было начислено от 3 до 4 рублей. Свыше 400 трудодней выработало 45477 колхозников (8,4% от всех принимавших участие в общественных работах). Сведений о колхозниках, выработавших 1000 трудодней, по области нет. С учетом этих данных, видим, что уровень дохода, полученного Маловой был недосягаем даже для многих передовиков. ВОАНПИ. Ф. 2522. Оп. 1. Д. 241. Л. 152.
[36] Трения между рядовыми колхозниками и передовиками на почве материальных доходов, конечно, также имели место, но представляется, что накал страстей здесь все же был меньше, чем в случае с управленцами.
[37] Из письма членов колхоза «Новое Пачево» Кирилловского района Вологодской области: «... 40 человек работают, а живется только управлению, ... колхозники знают работать да посматривать, как управление живет как прежние кулаки». ВОАНПИ. Ф. 2522. Оп. 1. Д. 47. Л. 55.
[38] В 1939 г. в Вологодской области было освобождено председателей колхозов по решению советских и партийных организаций — 250 человек, по решению самих колхозников — 2364 человека. Остальные выбыли самовольно. ВОАНПИ. Ф. 2522. Оп. 2. Д. 130. Л. 57.
[39] Д.А. Конторин. Борьба за урожай в новой обстановке. Архангельск, 1932. С. 29.
[40] Д.А. Конторин. Борьба за урожай в новой обстановке. Архангельск, 1932. С. 14.
[41]. И.В. Сталин. О работе в деревне. Речь на объединенном пленуме ЦК И ЦКК ВКП(б) 11 января 1933 г. // Большевистская мысль. 1933. № 1. С. 36.
[42] На 1 января 1933 г. в Северном крае насчитывалось 6612 колхозов. Отчет III краевому съезду Советов. 1931-1934. Архангельск, 1935. С. 64.
[43] Рассчитано по: ГААО. Ф. 106. Оп. 2. Д. 773. Лл. 44, 46, 49, 52, 60, 62, 64, 66, 78 об., 75, 76, 77, 77 об., 136,об., 137, 165-166, 194, 196, 203, 213-215, 253, 254, 271, 272, 300, 300 об., 321, 322, 356-359, 383-385, 520, 520 об., 535 об., 536, 562, 562 об. В Вологодской области в 1939 г. были заведены уголовные дела на 143 председателя колхозов, из них в 43 случаях дела были прекращены, т.е. почти в каждом третьем случае, привлечено к уголовной ответственности 45 человек (также примерно треть). По суду было оправдано 9 человек (6,3%). Таким образом, были осуждены и понесли наказание 36 человек (каждый четвертый из

числа привлеченных к ответственности, или 0,6% от общего числа председателей области). ВОАНПИ. Ф. 2522. Оп. 2. Д. 130. Л. 57.
[44] Рассчитано по: ВОАНПИ. Ф. 1858. Оп. 2. Д. 470. Лл. 17-18.
[45] ВОАНПИ. Ф. 2522. Оп. 2. Д. 130. Л. 57-58.
[46] ВОАНПИ. Ф. 2522. Оп. 2. Д. 130. Л. 59.
[47] Так, в колхозе им. Калинина Вологодского района в 1936 г. председателем выбрали П-а, который на собрании прямо говорил: «Зачем вы меня будете садить руководителем колхоза, во-первых, вы знаете, что и так сидел за это дело и, во-вторых, я слаб в части выпивки». Но общее собрание ввиду того, что более в то время выбирать в председатели колхоза было некого, все же избрало его. В итоге П-в стал пить еще больше, подобрал себе «шайку» из пьяниц — заведующего МТФ и кладовщика, они вместе гуляли на колхозные средства. 17 апреля 1937 г. все они были сняты с работы как растратчики (485 руб.) и за то, что довели колхоз до развала. ВОАНПИ. Ф. 2522. Оп. 1. Д. 47. Л. 141.
[48] ГАОПДФАО. Ф. 290. Оп. 1. Д. 1100. Л. 60.
[49] Рассчитано по: ГААО. Ф. 106. Оп. 2. Д. 773. Лл. 44, 46, 49, 52, 60, 62, 64, 66, 78 об., 75, 76, 77, 77 об., 136,об., 137, 165-166, 194, 196, 203, 213-215, 253, 254, 271, 272, 300, 300 об., 321, 322, 356-359, 383-385, 520, 520 об., 535 об., 536, 562, 562 об.
[50] ВОАНПИ. Ф. 2522. Оп. 1. Д. 47. Л. 5 об.
[51] Почти половина председательского корпуса района (46,7%) находилась в возрасте от 35 до 45 лет, а еще 16% председателей принадлежали к еще более старым возрастным группам. Остальные 37,3% руководителей колхозов родились уже в XX веке. ВОАНПИ. Ф. 1858. Оп. 2. Д. 470. Лл. 17, 17об., 18.
[52] В 1938 г. на Европейском Севере СССР (Архангельская, Вологодская, Мурманская области, Карельская и Коми АССР) был 9701 колхоз. Колхозы в 1938 году (по годовым отчетам). Ч.II. Животноводство. ДСП. М., 1939. С. 4-5.
[53] ГАОПДФАО. Ф. 290. Оп. 1. Д. 1100. Л. 38.
[54] Рассчитано по: ГААО. Ф. 106. Оп. 2. Д. 773. Лл. 44, 46, 49, 52, 60, 62, 64, 66, 78 об., 75, 76, 77, 77 об., 136 об., 137, 165-166, 194, 196, 203, 213-215, 253, 254, 271, 272, 300, 300 об., 321, 322, 356-359, 383-385, 520, 520 об., 535 об., 536, 562, 562 об.
[55] ГАОПДФАО. Ф. 290. Оп. 1. Д. 1291. Л. 137.
[56] ГАОПДФАО. Ф. 290. Оп. 1. Д. 784. Л. 25.
[57] ВОАНПИ. Ф. 2522. Оп. 1. Д. 240. Л. 197.

Геннадий Корнилов

Трансформация аграрной сферы Урала в первой половине XX века

Россия и ее регионы в XX веке шли по пути модернизации. Процессы модернизации определяли экономическую, социальную, культурную и все другие сферы жизни деревни. Трансформацию в аграрной сфере и сельском социуме в рамках модернизации обозначим термином "агропереход". В ходе аграрного перехода шло утверждение частной собственности на землю, внедрение прогрессивных сельскохозяйственных технологий и усовершенствованной техники, развитие рыночных отношений и кооперации, преодоление консервативных экономических представлений крестьянства о смысле и задачах земледельческого труда.

Модернизационные процессы в уральской деревне проходили в рамках общероссийской трансформации, но имели свои региональные особенности. Этапы развития сельского хозяйства Урала сопоставимы с фазами интенсификации земледелия. Если до XVIII века господствующими в крае были примитивные системы земледелия (первый этап), то в XVIII – XIX веках на Урале преобладали экстенсивные системы земледелия (второй этап), транслируемые крестьянством из поколения в поколение. Л.В.Милов сделал вывод, что неблагоприятные климатические условия, преобладание малоплодородных подзолов и болотных почв сочетались в течение многих столетий с сохранением малоэффективных систем земледелия [1]. Третий этап развития сельскохозяйственного производства в регионе связан с XX веком. Для этого этапа характерным был переход от экстенсивных систем земледелия к интенсивным. Именно это определило в значительной мере содержание агроперехода в рамках процесса модернизации.

Система земледелия – это комплекс взаимосвязанных агротехнических, мелиоративных и организационных мероприятий для восстановления и повышения плодородия почв. Вплоть до середины XX века в силу огромных земельных массивов России перед крестьянством не стояли задачи повышения плодородия почв, проблема была лишь в восстановлении плодородия земли. Отсюда первая фаза агроперехода может быть определена хронологическими рамками первой половины XX столетия.

Комплекс факторов лежал в основе смены систем земледелия. Модернизация уральской экономики пореформенной волны XIX века не могла не сказаться на сельскохозяйственном производстве. Уральские

заводы вынуждены были реагировать на рост потребностей сельскохозяйственных производителей в орудиях труда, машинах. В уральской деревне появляются конные сенокосилки, железные плуги, жатки, конные молотилки. По неполным данным в 1908 г. в Пермской губернии у крестьян было 9758 плугов, 1905 лапчатых борон, 498 рядовых сеялок, 4980 жаток, 4313 жаток-самосбросок,17939 разных молотилок, 40705 веялок, 6688 триер и сортировок, 547 постоянных зерносушилок [2]. Другим фактором перехода к новым системам земледелия было аграрное перенаселение, с одной стороны, и заметный рост городского населения – с другой. Две трети населения Пермской губернии занимались земледелием. Средний размер владения крестьянского двора составлял в начале XX века по Пермской губернии 16 дес., по Уфимской – 19 дес., по Оренбургской - 45 дес. земли. Требовался поиск путей роста сельскохозяйственного производства, невозможный в рамках сложившихся систем земледелия, при которых урожайность сельскохозяйственных культур оставалась практически на одном уровне – 6-8 центнеров с га [3].

Однако эпоха механизации и машинизации сельскохозяйственного труда начинается только в 1930-е годы. В это время складывается система предприятий сельскохозяйственного машиностроения, вводятся в действие тракторные заводы. Первые тракторы были завезены в Уральскую область в 1929 г., а комбайны появились в 1930 г. В 1929 г. была организована первая на Урале Краснополянская машинно-тракторная станция (МТС). В 1933 г. в Свердловской области было 2 МТС, в 1940 г. их число выросло до 70, количество тракторов в них – с 648 до 4058, комбайнов – с 28 до 2001, грузовых автомобилей – с 75 до 259 [3]. МТС обслуживали перед войной 91% колхозов региона. Объем тракторных работ, производимых в колхозах Свердловской области, вырос более чем в 7 раз [4].

Таким образом, намечается переход от конно-ручной тяги к механизации основных сельскохозяйственных операций. Растет новый слой сельского населения – механизаторы (трактористы, комбайнеры, ремонтные рабочие), которые и были носителями модернизационных изменений на этой ступени агроперехода.

В годы второй и третьей пятилеток темпы коллективизации не форсировались, однако процесс колхозного строительства шел достаточно быстро. Число колхозов в Свердловской области (в административных границах 1939 г.) выросло с 1933 по 1938 гг. на 5,2% и достигло 2153, процент коллективизации по числу дворов увеличился с 63,4 до 90,1%. Коллективизация проходила на фоне резкого сокращения крестьянских хозяйств, во многом за счет бегства крестьян на стройки промышленных предприятий. За пять лет, к середине 1938 г., число крестьянских дворов уменьшилось на 28,5%. К лету 1941 г. в области оставалось 4,6 тыс. единоличных крестьянских хозяйств. Число коллективных хозяйств достигло 2164, в них насчитывалось 140,2 тыс. дворов, в колхозах было объединено 97,1% всех крестьянских дворов [5].

Колхозы и совхозы стали определять производство сельскохозяйственной продукции, они производили 91,2% валовой продукции растениеводства (в стоимостном выражении), 5,1% приходилось на личные подсобные хозяйства колхозников, 3,5% - рабочих и служащих, 0,2% - на хозяйства единоличников. Посевные площади с 1933 по 1941 гг. выросли по всем категориям хозяйств на 9,4% и составили 1146,1 тыс. га [6].

В условиях господства крупных форм организации сельскохозяйственного производства стало уделяться большое внимание повышению урожайности полей на основе улучшения агротехнических приемов: введению севооборотов, внесению в почву органических удобрений, посевов сортовыми семенами, сокращению сроков проведения сельскохозяйственных кампаний. Интенсификация сельскохозяйственного производства дала достаточно заметные результаты: увеличилась урожайность зернобобовых культур. В 1928 г. она составляла в регионе 10,9 ц с га, в среднем за 1933 – 1937 гг. – 10,4 га, в 1938 г. было собрано по 13,7 ц с га, при неблагоприятных погодных условиях 1939 г. – 11,7 ц, в 1940 г. – 14,4 ц с га (это было больше, чем в среднем по стране) [7].

Накануне войны вокруг Свердловска стала создаваться картофельно-овощеводческая зона, включавшая колхозы и совхозы 17 районов области. Посевы овощей и картофеля в пригородной зоне были увеличены в 2 раза, выросло их товарное производство, однако решить проблему полного обеспечения горожан этими продуктами не удалось, значительную их часть приходилось завозить из других районов страны.

В 1930-е годы вырос удельный вес колхозов и совхозов в производстве животноводческой продукции. В 1940 г. на их долю приходилось 44,7% крупного рогатого скота, 27% овец и коз, 78% свиней и 96% лошадей. Большая часть рогатого скота находилась в личном подворье колхозников и хозяйствах рабочих и служащих. Поголовье скота по всем категориям хозяйств к 1941 г. не достигло не только уровня 1928 г., но и 1913 г. Крупного рогатого скота по отношению к 1913 г. было 80,1%, по отношению к 1928 г. – 80,4%; коров – соответственно – 82,3 и 83,7%; свиней – 90,2 и 104,5%; овец и коз – 102,6 и 81,6% [8].

Вопросы об утверждении частной собственности на землю стали основной политической проблемой России в первой трети XX века, затем вновь реанимировались в конце столетия. Здесь фиксируется закономерность исторического развития, проявившаяся в соотношении объективных и субъективных регулятивов исторического процесса. Развитие вместе с частной собственностью крестьян на землю товарно-денежных, рыночных отношений в России насаждалось “сверху” и проявилось в поиске форм организации сельскохозяйственного производства (столыпинская аграрная реформа – хутора, горбачевско-ельцинская – фермерские хозяйства). Тем не менее вместе с этим процессом усиливалось развитие рыночных отношений и расширялось кооперативное движение. Под воздействием столыпинских аграрных преобразований усилилась дифференциация крестьянства, росло число зажиточных крестьянских хозяйств,

аграрное производство развивалось более динамично, укреплялась его ориентация на рынок. К 1915 г. господствующей формой крестьянского надельного землевладения являлась общинная, но количество единоличных владельцев (хуторян и отрубников) постоянно росло. Так, в Пермской губернии с 1907 по 1915 гг. поступило в уездные землеустроительные комиссии ходатайств о землеустройстве на новых началах от 203639 домохозяев, 259 мелких собственников и 57 от прочих владельцев. Подготовительные работы произведены на площади 1126463 дес. для 80919 домохозяев-крестьян, 177 мелких собственников и 39 прочих владельцев. Общее количество устроенных к 1915 г. хуторских и отрубных владений составляло по губернии 13640 [9].

Проведение последней в России аграрной реформы и ориентация на рынок оказались заторможенными в силу резкого спада сельскохозяйственного производства и системного кризиса экономики страны. Если в начале XX века большинство крестьянских хозяйств предпочитало не порывать связей с общиной, то в конце столетия крестьянство не пожелало полностью отказаться от коллективных форм ведения хозяйства, не приняло идею введения частной собственности на землю, настороженно отнеслось к нововведениям.

К началу агроперехода большая часть крестьянских хозяйств оставалась на уровне, едва обеспечивавшим собственное потребление. По отзывам земских агрономов крестьянское хозяйство, как производственная база продовольственного рынка, имело удручающий вид. "Положение современного крестьянского хозяйства в общем представляет малоутешительную картину: обработка почвы ведется первобытным способом, малопроизводительными земледельческими орудиями, которые не пашут, а, вернее, "ковыряют землю" – как выразился агроном Камышловского уезда про сабаны доморощенного устройства: плохо обработанная и плохо удобренная пашня скорее засоряется сорными травами и в то же время служит рассадником всевозможных вредных насекомых: пшеничного комарика, кобылки, разных червей, вредящих посевам. На плохо приготовленной пашне производится посев сомнительными семенами, которые, по отзыву агронома, можно только "по недоразумению назвать посевными", сплошь и рядом начало полевых работ приурочено у крестьян к известным праздникам и числам, вследствие чего благоприятное время бывает упущено, уход за скотом невозможный, идущий вразрез с самыми элементарными понятиями о скотоводстве..." [10]. При неблагоприятных климатических явлениях, несмотря на внедрение системы народного продовольствия, часто вспыхивали голодовки (1901, 1905, 1906, 1911 гг.) [11].

Этот фактор в 1921-1922 гг., усугубленный разрухой от Гражданской войны, а также продовольственной политикой большевиков вызвали страшный голод. По своим масштабам голод 1921-1922 гг. был самым страшным в истории региона. Ослабленные годами бедствий и разорений крестьянские хозяйства не могли противостоять засухе и неурожаю. Па-

дение сельскохозяйственного производства по многим показателям на Урале было большим, чем по стране. Так, весной 1922 г. посевная площадь сократилась по РСФСР на 23%, а на Урале – на 66,5%, валовые сборы зерна уменьшились соответственно до 28 и 37,5% от предыдущего года [12]. В результате упадка сельскохозяйственного производства не только сократились посевные площади, но и коренным образом изменилась структура полевых посевов. Традиционно преобладавшие на Урале посевы пшеницы и овса были вытеснены в 1921-1922 гг. посевами ржи и крупяных культур, что свидетельствовало об усилении в эти годы потребительского характера хозяйства. Лишь с 1923 г. началось качественное улучшение структуры полевых культур: росли посевы главной товарной культуры – пшеницы и основной фуражной культуры – овса. Вместе с тем расширившиеся в период голода посевы второстепенных продовольственных культур (проса, гречихи, гороха) с 1924 г. стали резко сокращаться, особенно посевы проса [13]. В голодный 1922 год число беспосевных хозяйств повысилось до 12%, в 1923 г. – понизилось до 6% [14]. Голод, охвативший всю территорию Урала, привел к более 1 миллионной убыли населения региона, особенно интенсивным он был на Южном Урале – Оренбургской, Челябинской, Уфимской губерниях, Башкирской республике.

Осуществление сталинской "революции сверху" – коллективизации сельского хозяйства привело к голоду 1932-1933 гг.

Основным содержанием развития сельского хозяйства в годы первой пятилетки стала коллективизация. Количество колхозов в Уральской области осенью 1928 г. составляло 2153, а осенью 1933 г. - 9298. В 1932 г. колхозами было охвачено 59,3% крестьянских хозяйств, к лету 1933 г. – 63,4% [15]. Высокими темпами шло совхозное строительство. В 1932 г. их число увеличилось до 277. Советское руководство предоставляло значительные денежные средства на развитие перспективных, по его мнению, форм организации сельскохозяйственного производства. Более половины всех средств, вкладываемых в сельское хозяйство области, шло на развитие социалистического сектора. Приоритет, отдаваемый государством колхозно-совхозному сектору, проявлялся не только в увеличении капиталовложений, но и в снабжении его техникой. С каждым годом увеличивалось число колхозов, обслуживаемых машинно-тракторными станциями. С 1929 г. шло ежегодное сокращение тягловой силы. Количество рабочих лошадей к 1933 г. уменьшилось по сравнению с 1927 г. больше, чем в 2 раза, рабочих волов – почти в 3 раза, тем не менее они оставались основной тягловой силой в деревне. Нагрузка на одну рабочую лошадь в среднем по Уральской области в 1930-1932 гг. выросла почти в 2 раза. Более высокой нагрузка лошадей в 1931 и 1932 гг. была в Центральном и Южном Зауралье, что отрицательно влияло на выполнение сельскохозяйственных операций, прежде всего пахоты.

Перемены в социально-экономической структуре уральской деревни сопровождались изменениями в основных показателях аграрного произ-

водства. Размеры посевных площадей увеличились с 1928 г. по 1933 г. на 32,6%. В 1932-1933 гг. колхозы имели свыше трех четвертей всех посевов Уральской области. Посевные площади зерновых и бобовых культур увеличились на 24,5%: с 4775,6 тыс. га в 1928 г. до 5947,5 тыс. га в 1933 г. В погоне за ростом зернопроизводства в неурожайные 1931 и 1932 годы они достигали соответственно 6269,7 тыс. и 6088,2 тыс. га. С 1931 по 1933 гг. сократились на 11,8% площади сенокоса [16].

Полеводство в Уральской области носило экстенсивный характер. Развитие этой отрасли не сопровождалось повышением урожайности. Она зависела от природно-климатических условий региона и качества проводившихся агротехнических мероприятий (культивирование земли, сроки проведения посевной кампании). В годы сплошной коллективизации в Уральской области недостаточно качественно проводилась паровая и зяблевая обработка почвы. За сокращением площади паровой земли последовало истощение почвы. Уменьшение зяблевой вспашки, недостаток минеральных и навозных удобрений привели к понижению всхожести растений, засоренности всходов сорняками и сельскохозяйственными вредителями, болезнями растений. Большая часть сева проводилась по весновспашке, что увеличивало его сроки. В 1931-1933 гг. в Уральской области запаздывали с проведением ярового сева. Основная часть сева проводилась в конце мая-июне, сев затягивался до конца июня. С проведением посева особенно опоздали в 1932 г., когда по состоянию на 1 июня было засеяно лишь 57% всей посевной площади. В целом на урожаях отразился низкий уровень агротехники.

Средняя урожайность зерновых культур в Уральской области за 1928-1933 гг. уменьшилась на 27,4% (с 9,8 ц до 7,3 ц с га). Резкий спад урожайности наблюдался в 1931 г. Толчком к недороду стала засуха, распространившаяся почти по всей территории Урала. Количество осадков во время созревания яровых хлебов (с 11 апреля по 11 июня) было в четыре раза меньше необходимого для нормального роста растений. В Зауралье летом 1931 г. значительная часть посевов погибла от суховеев. В целом по Уральской области урожайность зерновых составила 2,7 ц с га, а в Центральном и Южном Зауралье – соответственно – 1,4 и 0,6 ц с га. В следующем 1932 г. погодные условия оказались также неблагоприятными. Второй год подряд был недород хлебов. Урожайность зерновых в колхозах Уральской области достигла 5 ц с га, что было выше, чем по Уралу (4,6 ц с га), но ниже, чем по колхозному сектору РСФСР (6,5 ц с га) и СССР (6,8 ц с га) [17].

Сокращение производства сельскохозяйственной продукции влекло ослабление кормовой базы. Это отрицательно сказывалось на численности скота в области. С 1927 г. по 1933 г. поголовье скота уменьшилось по всем категориям хозяйств: овец и коз – на 50,7%, свиней – на 66,9%, лошадей – на 61%, крупного рогатого скота – на 50,3%, в том числе коров – на 35,9%. Значительное сокращение поголовья скота в области произошло в 1930-1932 гг. [18]. Основными причинами были: забой крестьянами

личного скота из-за нежелания отдавать его в колхозное стадо и для употребления в пищу в голодные годы; падеж скота из-за недостатка кормов и чрезмерной нагрузки на полевых работах. Лишь в 1933 г. удалось приостановить падение поголовья.

Коллективизация в уральской деревне привела в 1931 г. к доминированию социалистического сектора в сельском хозяйстве области. Но вместе с тем, первоначально кажущаяся стабильность сельскохозяйственного производства сменилась его спадом в 1931-1933 гг., основные причины которого были заложены в три предшествующие года. Советское руководство не реагировало адекватно на сложившуюся в деревне кризисную ситуацию. Заготовительная политика советской власти была направлена на изъятие сельскохозяйственной продукции из деревни в целях обеспечения нужд форсированной индустриализации. Прежде всего это касалось зерна, которое являлось основным экспортируемым сельскохозяйственным продуктом СССР.

Объемы валовой продукции зерновых культур в Уральской области за 1928-1933 гг., несмотря на рост посевных площадей, не только не увеличились, но снизились на 9,5%. В 1931 г. производство зерновых сократилось в 2,6 раза по сравнению с 1928 г. В 1932 г. В Уральской области валовой сбор зерновых уменьшился на 32,9% по сравнению с 1928 г.[19] Стремление советского руководства вывезти из деревни как можно больше сельскохозяйственной продукции привело к завышению заготовительных планов. Планы хлебозаготовок из урожаев 1931 и 1932 гг. превышали планы конца 1920-х годов почти в 2 раза. В ходе хлебозаготовительных кампаний изымалось зерно из семенных и кормовых фондов, а также предназначенное для личного потребления. В счет хлебозаготовок в эти годы из уральской деревни было вывезено примерно 43-45% собранного зерна. До этого времени заготовки зерновых не превышали 30% валовых сборов зерна. 37,6% урожая зерновых в 1931 г. и 34,4% в 1932 г. было вывезено из деревень Средне-Волжского края в счет хлебозаготовок, которые, как считает историк В.В.Кондрашин, стали основной причиной голода 1932-1933 гг. на Средней Волге [20].

Возникшие в связи с чрезмерным изъятием сельскохозяйственной продукции в ходе заготовительных кампаний продовольственные затруднения обернулись для сельского населения голодом в 1932-1933 гг. Его сопровождали эпидемии сыпного и брюшного тифа, оспы, цинги, известны факты антропогофагии, трупоедства, употребления в пищу кошек и собак, самоубийств на почве голода в сельской местности Урала. Голод и сопутствующие ему эпидемии стали причинами общесоюзной демографической катастрофы 1933 г., которая затронула и Урал. Убыль населения Уральской области в 1933 г. составила 7,2% от убыли населения РСФСР. За семь месяцев – с декабря 1932 г. по август 1933 г. – количество смертей в Уральской области выросло более чем в 2,5 раза [21].

Коллективизация, проводившаяся ускоренными темпами, стала главной причиной аграрного кризиса начала 1930-х годов. Заготовительная

политика советского государства обусловила наступление продовольственных затруднений. В условиях аграрного кризиса и роста городского населения, связанного с индустриальным развитием региона, нормированное распределение, карточная система снабжения не смогли стабилизировать продовольственную ситуацию. Уральская область из района, самообеспечивавшего себя зерновыми культурами, превратилась в район, осуществлявший их ввоз. Главными особенностями механизма продовольственного обеспечения населения были централизация и дискриминационный характер по отношению к сельскому населению. Несмотря на формирование и наличие продовольственных фондов в стране, советское руководство не смогло предотвратить голод.

Разрушения от второй мировой войны вызвали голодовку 1946 г. Аграрные преобразования конца 1950-х – начала 1960-х гг. – перевод колхозов в совхозы, реорганизация МТС, сселение неперспективных деревень, наступление на личные подсобные хозяйства колхозников вызвали продовольственные затруднения и привели к ввозу зерна из-за границы. На первой фазе агроперехода сохранялась особенность традиционного общества - периодически вспыхивавшие голодовки сельского населения.

Постоянные аграрные преобразования в России в XX веке, принимавшие характер то реформ, то революций, но возобновлявшиеся вновь и вновь в среднем через два десятка лет, по мнению В.П.Данилова, определяли не только аграрную эволюцию, но и общий ход истории России [22].

Однако социально-политические катаклизмы не могли остановить агропереход, они придавали ему специфические черты. В силу того, что сельскохозяйственное производство постоянно восстанавливало то уровень 1913 г., то 1928 г., то 1940 г., а в начале XXI века – уровень 1985 г., его развитие проходило на экстенсивной основе. Роста производительности труда, или реального дохода на душу крестьянского населения не происходило. К тому же в советскую эпоху практически отсутствовали стимулы экономической активности крестьян-колхозников, необходимо было выживать, а не накапливать. Специфичность перехода к интенсивным сельскохозяйственным технологиям проявилась в затяжном характере, что было связано с войнами, революциями. В это время крестьянские хозяйства вынуждены были возвращаться к архаичным и экстенсивным системам земледелия с целью выживания.

В 1930-е годы на Урале в условиях утвердившегося колхозно-совхозного строя, господства крупных форм сельскохозяйственного производства стала внедряться травопольная система земледелия, разработанная В.Р.Вильямсом. Она представляла собой сложную модификацию экстенсивных систем земледелия (паровую, зерновую, многопольнотравяную). Восстановление и повышение плодородия почвы пытались осуществить биологическим путем, с помощью посевов многолетних трав или через систему севооборотов. С 1913 по 1939 гг. посевы многолетних трав (по укосной площади посевов прошлых лет) выросли на Урале в 6,4

раза, однолетних трав – в 15 раз [23].

Одновременно в регионе намечается вытеснение зернового трехполья интенсивной системой полеводства. Чисто зерновое хозяйство уступало место сельскохозяйственному производству с развитым животноводством, возделываем технических и зерновых культур. В условиях формирования крупных индустриальных центров Урала развивалось земледелие овощных культур и картофеля. Об этом свидетельствуют изменения в структуре посевных площадей. Если посевы на Урале в 1938 г. (по всем категориям хозяйств) выросли в сравнении с 1913 г. на 47%, а посевы зерновых культур на 33%, то посевы технических культур увеличились на 248%, овощных – на 471%, картофеля – на 461%, кормовых культур – на 929% [24]. Повсеместно проводилась опытническая работа по районированию сортов семян сельскохозяйственных культур и бонитировка скота.

Экономически слабым колхозам были увеличены кредиты для покупки скота, постройки животноводческих помещений. Активизировалась работа по улучшению породности путем широкой метизации более продуктивными животными. В 15 колхозах Свердловской области были организованы племенные фермы по выращиванию коров местной тагильской породы, в 33 районах разводились тонкорунные овцы, в 24 районах имелись 67 племенных свиноводческих ферм. В предвоенные годы начали разворачиваться работы по водоснабжению ферм, механическому доению коров. Однако поголовье скота к началу 1941 г. по всем категориям хозяйств не достигло уровней 1913 и 1928 годов. Крупного рогатого скота по сравнению с 1913 г. в 1941 г. было 80,1%, по отношению к 1928 г. – 80,4%; по коровам, соответственно, 82,3 и 83,7%; по свиньям – 90,2 и 104,5%; по овцам и козам – 102,6 и 81,6% [25].

Организационно-хозяйственное становление колхозов проходило в условиях чрезмерного администрирования, нарушения колхозной демократии, необоснованной смены руководящих кадров. В 1937 г. в Свердловской области сменились все заведующие районными земельными отделами, 70% директоров МТС и совхозов. Часть руководителей была необоснованно репрессирована. В 1940 г. были заменены 44% председателей колхозов, 58% агротехников, 47% бригадиров и заведующих фермами [26].

В предвоенные годы развернулась кампания по ликвидации хуторов, завершению обобществления индивидуальных крестьянских хозяйств и хозяйств рабочих. II Всесоюзный съезд колхозников-ударников (февраль 1935 г.) принял Примерный Устав сельскохозяйственной артели и впервые гарантировал существование личных подсобных хозяйств колхозников. Устав определил размер приусадебной земли от 0,25 до 0,5 га. Каждый колхозник имел право содержать одну корову, до двух голов крупного рогатого скота, 10 овец и коз, до двух ульев пчел, птицу и кроликов. Размер приусадебного участка и личного хозяйства был дозирован так, чтобы мог обеспечить минимальное воспроизводство семьи колхозника.

Лишившись посевов, колхозники могли получать хлеб только из одного источника – из колхоза на трудодни. С этого крошечного участка земли колхозники кормились, а также платили налоги – денежный и поставки мяса (независимо от того, имел ли крестьянин в своем распоряжении скот и птицу). Чтобы "стимулировать" трудовую активность колхозников, в 1939 г. введен обязательный минимум трудодней. Под лозунгом борьбы с "частнособственническими устремлениями, рвачами и хапугами" в 1939-1940 гг. произошло обрезание земельных участков у колхозников и единоличников. Одновременно завершилось сселение хуторов.

Форсированная индустриализация Урала вызвала рост городского населения, приток селян в города, сокращение их доли в составе всего населения. В период между переписями 1926 и 1937 гг. население Свердловской области (в сопоставимых административных границах 1937 г.) увеличилось на 30,9%. При этом количество горожан стало больше на 150,3%, а селян уменьшилось на 12,6%. Если за 1926-1931 годы сельское население Свердловской области (в административных границах 1937 г.) выросло, то затем пошло его сокращение: в 1932 г. на 5%, в 1933 г. на 7% и в 1934 г. на 18,4%. Удельный вес сельского населения по области составлял в 1926 г. – 73,3%, в 1934 г. – 51,8%, а в 1937 г. – 43,3% [27]. К концу второй пятилетки в Свердловской области городское население превысило сельское. Основными факторами выталкивания населения из уральской деревни были: тяжелые условия труда и быта, низкий жизненный уровень в колхозах и совхозах, последствия голодовки в первой половине 1930-х годов.

Напряженность социально-политической ситуации и экономической обстановки начала 1930-х годов сменилась во второй половине относительной стабилизацией и некоторым ростом материального положения колхозников Урала. Неурожаи 1931, 1932 и 1936 годов сменились обильными урожаями 1937 и 1938 годов (урожайность зерновых выросла в два раза). Существенным фактором стабилизации стала политика компромисса с крестьянством. Начало ей было положено решением в конце 1934 г. о ликвидации политотделов МТС. Стержнем политики либерализации стало воплощение положений Примерного Устава сельхозартели. Проходили торжественные церемонии вручения колхозам актов на вечное пользование землей. В 1935 г. постановлением ЦИК и СНК СССР снимались судимости с колхозников, осужденных на 5 лет и отбывающих наказание; в 1938 г. было запрещено применять исключение из колхоза как меру наказания. Эти и другие меры властей частично нейтрализовали враждебность, которую породила сплошная коллективизация.

Довоенные годы для деревни Урала характеризовались завершением коллективизации и коренным изменением уклада деревенской жизни. Становление новых отношений осуществлялось чрезвычайными методами с кровью и потом крестьянства. Жизнь уральской деревни была подчинена нуждам форсированной индустриализации. Безусловно, это была победа властей и трагедия крестьянства.

Великая Отечественная война сопровождалась активным применением в сельском хозяйстве СССР, как и в других отраслях экономики, методов государственного регулирования и регламентации. Крестьянин находился в зависимости от общественной собственности, распоряжаться которой ему не было позволено. Колхозы в огромной мере оказались в экономической зависимости от государства. Они были полностью лишены главного средства производства – земли. Государство было не только монопольным потребителем сельскохозяйственной продукции, но и присваивало себе большую часть национального дохода, производимого в аграрной сфере, направляло все полученные средства на достижение победы.

Земля – основное и неизменное средство производства в сельском хозяйстве. В годы войны в тыловом Урале общий земельный фонд и распределение по землепользователям не изменились. Изменилась структура земельного фонда. Материалы земельных балансов, которые составлялись статистическими органами, позволяют проанализировать динамику распределения земли по угодьям и землепользователям в Свердловской области.

Таблица

Земельный баланс по Свердловской области в 1941-1945 гг. (тыс. га)*

Показатель	1941		1945	
	по области	в т.ч. по колхозам	по области	в т.ч. по колхозам
Площадь землепользования	19141,1	4131,1	19369,1	4228,5
Пахотная земля	1453,4	1271,6	1511,3	1312,9
в т.ч. пашня	1370,7	1220,4	1252,7	1085,0
Перелоги и залежи	82,7	51,2	258,6	227,9
Сенокосная и пастбищная земля	1836,7	1141,9	1709,9	1064,0
Огороды	56,7	36,1	98,2	53,8
Сады	0,5	0,3	2,2	1,3

● РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 323. Д. 28. Л. 16-18, 34-36; Государственный архив Свердловской области. Ф. 1824. Оп. 1. Д. 1355. Л. 1.

Увеличение площади землепользования за годы войны на 1,2% и почти на 4% пахотоспособной земли связано с изменением административных границ Свердловской области (передачей Каменского и Покровского районов из Челябинской области). Существенное увеличение произошло площадей под огородами (на 173%) и под садами (на 440%). В то же время на 6,9% сократились сенокосные и выгонно-пастбищные земли. Доля сельскохозяйственных угодий сократилась незначительно – с 17,5 до 17,1%. Одновременно удельный вес площади пашни (посев, пар) по

всем землепользователям уменьшился с 7,1 до 6,4% (на 118 тыс. га) и, наоборот, доля перелогов и залежей выросла с 0,4 до 1,3% (почти в 3 раза).

Основным землепользователем были колхозы. Колхозный сектор включал общественные земли и участки, находившиеся в пользовании колхозников. Общий фонд земель колхозов Свердловской области увеличился на 2,3%, доля сельскохозяйственных угодий также выросла с 40,7 до 42,5%. Площадь пашни уменьшилась на 135,4 тыс. га (с 29,5 до 25,6%), соответственно на 176,6 тыс. га увеличились перелоги и залежи (с 1,2 до 5,4% в общем земельном балансе), на 77,9 тыс. га уменьшилась площадь лугов, пастбищ и выгонов. Подобные процессы шли и в других районах Урала.

Еще большие изменения произошли в структуре земельного фонда совхозов Урала. За 1941-1945 гг. значительно сократился размер пашни (на 51,0%), ее удельный вес уменьшился с 33,9 до 19,0%. Доля перелогов и залежей увеличилась с 12,2 до 21%. Удельный вес лугов, пастбищ и выгонов остался практически на одном уровне. С 16,5 до 25,2% выросла доля несельскохозяйственных угодий [28].

Ухудшение технического оснащения, сокращение трудовых ресурсов деревни во время войны привели к тому, что эффективно использовать имевшиеся земельные угодья не было возможности, тысячи гектаров земли вышли из обработки, то есть оказались утраченными. Многоземельные колхозы, особенно на Южном Урале, не успевали убирать даже засеянные площади, урожай уходил под снег. В 1942 г. разница между посевами зернобобовых и убранными площадями составляла по колхозам региона 1129,1 тыс. га, в 1943 г. – 721,6 тыс. га, в 1944 г. – 375,5 тыс. га, в 1945 г. – 203,5 тыс. га [29].

В начале войны был взят курс на расширение посевных площадей в тыловых районах. Ю. В. Арутюнян первым отметил нецелесообразность его проведения, так как рост посевов усилил и без того максимальную напряженность материальных и трудовых ресурсов в восточных районах страны, привел к ухудшению агротехники и резкому падению урожайности [30]. В. Т. Анисков, Н. Н. Шушкин и другие исследователи утверждали, что расширение посевов явилось подтверждением огромных мобилизационных возможностей колхозного строя, поскольку осуществлялось за счет внутренних резервов, это был единственно возможный путь восполнения и приостановки дальнейшего сокращения сельскохозяйственного производства [31]. На наш взгляд, разногласия исследователей отражают действительно противоречивые итоги выполнения постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР "О военно-хозяйственном плане на IV квартал 1941 г. и на 1942 г. по районам Поволжья, Урала, Западной Сибири, Казахстана и Средней Азии" [32]. Увеличение озимого клина в 1941 г., как рассчитывали власти, должно было ослабить напряженность на весенней посевной – сократить сроки сева, расширить посевные площади. Озимые на Урале были увеличены на 438,3 тыс. га, в том числе в

Челябинской области на 219,5 тыс. га [33]. Однако из-за неблагоприятных погодных условий, нехватки людей и техники озимый сев в ряде районов затянулся, а часть посевов зимой вымерзла [34].

На весеннем севе 1942 г. темпы полевых работ были выше, чем в 1941 г., что и предусматривалось постановлением партии и правительства. Посевные площади выросли в колхозах Урала на 260,1 тыс. га (на 2,1%) [35]. Конечно, установка на расширение посевов была логична в условиях, когда были потеряны в результате оккупации врагом основные зернопроизводящие районы страны. Однако достигнутые большой ценой результаты оказались противоречивыми. Увеличение посадки картофеля в колхозах и совхозах Урала позволило в 1942 г. собрать его на 64,9% больше, чем в 1940 г., что, в свою очередь, позволило снизить остроту со снабжением растущего городского населения "вторым хлебом". Валовой сбор овощей вырос на 31,8%, что было также результатом расширения их посевов в промышленно развитых областях региона. Но из-за нехватки рабочей силы, снижения уровня механизации сельхозработ, больших потерь при уборке валовой сбор зернобобовых культур не только не увеличился, но и уменьшился в 1942 г. более чем в 2 раза. При этом, если в Пермской, Свердловской областях и Удмуртской АССР он сократился на 42,8%, то в основных зерновых районах – Оренбургской и Челябинской областях, Башкирской АССР – на 60,7% [36]. Засеянные площади убирать не успевали, и, начиная с 1943 г., посевы в колхозах и совхозах региона неуклонно сокращались.

Одновременно в целом по Уралу уменьшалась и доля колхозов в посевных площадях. Если в 1941 г. они имели 87,0% от всей площади посевов в регионе, то в 1945 г. – 82,2%. В то же время очень четко проявилась тенденция роста в структуре посевов государственных хозяйств (их доля выросла с 11,5 до 13,5%) и индивидуальных (колхозников на приусадебных участках - с 1,4 до 2,5%, рабочих и служащих – с 0,1 до 1,8, единоличников – 0,02 до 0,04%) [37].

В первый период войны посевы на Урале выросли на 4,5%, а начиная с 1943 г. стали сокращаться. По сравнению с 1941 г. они уменьшились в 1943 г. на 16,8% по всем категориям хозяйств (по колхозам – на 17,5), в 1944 г. – на 29,4 (по колхозам – на 31,7), в 1945 г. – на 30,6 (по колхозам – на 33,2). Этот процесс сокращения посевов в регионе был большим по размерам, чем по стране, где посевные площади уменьшились на 29,0% [38].

Размеры посевных площадей на Урале к концу войны уменьшились до уровня 1928 г., а посевы зернобобовых оказались меньше, чем в 1913 г., на 10%, технических культур на 19% в сравнении с 1928 г. В то же время в 3 раза выросли посадки овощей и картофеля от уровня 1928 г. [39].

Большое распространение на Урале в годы войны получили государственные подсобные хозяйства промышленных предприятий. Их создание было связано с возникшими зимой 1941-1942 гг. крупными продо-

вольственными трудностями и имело целью обеспечение дополнительного снабжения рабочих и служащих сельскохозяйственными продуктами. После постановления СНК СССР от 18 февраля 1942 г. на крупных заводах организовывались отделы рабочего снабжения (орсы), в ведение которых перешли магазины, столовые, склады, мастерские, а также подсобные хозяйства [40]. В апреле 1942 г. СНК СССР и ЦК ВКП(б) приняли постановление «О выделении земель для подсобных хозяйств и под огороды рабочих и служащих»[41]. Вокруг городов, на неиспользуемых землях колхозов, предприятия и учреждениям было разрешено создавать подсобные хозяйства. Крупным заводам на Урале были переданы более 100 совхозов Урала с земельными массивами, постройками, тяглом, машинами и продуктивным скотом [42].

Из-за отсутствия излишков свободной равнинной земли заводы проделали большую работу по освоению участков, раскорчевке от кустарников, поднятию целины и пустошей. В 1941-1943 гг. ими были освоено более 10 тыс. новой, ранее непригодной для пашни земли. За 1943 г. предприятия Нижнего Тагила раскорчевали 1700 га, Алапаевска – 250 га, Серова – 370 га, Невьянска – 260 га, Асбеста – 250 га. За этот год посевные площади подсобных хозяйств в Свердловской области увеличились на 43% [16]. К октябрю 1942 г. на Урале было организовано 2915 подсобных хозяйств предприятий различных наркоматов и ведомств. Продукты подсобных хозяйств поступали для дополнительного снабжения 2,3 млн. человек [43].

Наибольшее развитие подсобные хозяйства получили в промышленно развитых областях – Пермской, Свердловской и Челябинской. В 1942 г. в Свердловской области посевы имели 4000 предприятий и организаций, а в 43 г. – уже 5288. На начало 1944 г. в области имелось 2508 организованных подсобных хозяйств, из которых 1125 наиболее крупных при промышленных предприятиях, стройках, железнодорожном транспорте. Свои небольшие хозяйства организовывали предприятия местной промышленности, большая часть детских домов, школ, вузов, больниц, госпиталей. В 1945 г. на Урале было 26693 подсобных хозяйств, имевших посевы (данные учета Наркомата заготовок СССР) [44].

Существовавшая с 1943 г. программа разработок итогов производственной деятельности подсобных хозяйств учитывала только некоторые показатели. Из этих данных следует, что в начале 1943 г. 2915 подсобных хозяйств имели 361,2 тыс. га, то есть посевы увеличились почти в 3 раза, на 1 хозяйство приходилось в 1943 г. 41,7 га пашни, в 1946 г. – 134,3 га [45]. Подсобные хозяйства даже крупных предприятий были небольшими и маломощными. Примитивность ведения хозяйства производства вела к тому, что урожайность сельскохозяйственных культур и продуктивность животноводства были крайне низкими. Тем не менее, в военных условиях они сыграли свою положительную роль в решении продовольственной проблемы. Тем самым период войны показал, что кризис колхозного производства дал толчок организации государствен-

ных сельскохозяйственных предприятий, совхозизации землепользования.

В годы войны «подсобные» хозяйства рабочих и служащих, колхозников превратились в «основные». В 1945 г. на Урале посевы в 207 тыс. га имели 515,5 тыс. хозяйств рабочих и служащих сельской, 2151,5 тыс. – городской местности (бывшие по большей части в недалеком прошлом сельскими жителями, они не забыли навыки ведения работы на земле). Средний размер посева хозяйств на селе составлял 0,11 га, у горожан – 0,06 га, у единоличников – 0.18 га. Структура посевов в хозяйствах рабочих и служащих сельской местности состояла на 93,3% из посадок картофеля и овощей, на 5,9% - из зерновых, на 0,7% - из технических культур; у горожан – на 96,9% из картофеля и овощей и на 31,3% из зерновых. Единоличники, которые полностью существовали за счет своих хозяйств, имели посевы, состоявшие на 27,0% из зерновых, на 2,7% - из технических культур и 70,3% - из картофеля и овощей [46].

Положительную роль в самообеспечении населения картофелем и овощами сыграло решение правительства (июнь 1943 г.) освободить от обложения сельскохозяйственным налогом доходы рабочих и служащих, получаемые с земельных участков, выделенных под огороды. Численность огородников в трех уральских областях – Пермской, Свердловской и Челябинской за годы войны выросла в 3 раза [47].

Снижение уровня жизни заставляло население развивать личные хозяйства. Практически в годы войны, особенно в 1942 -1944 гг., местные власти “закрывали глаза” на увеличение размеров подсобных хозяйств. Посевные площади приусадебных участков колхозников выросли на Среднем Урале на 10%, на Южном – на 30% и составили в среднем по Уралу 0,2 га (скорее всего это шло за счет земель, которые были отобраны накануне войны в процессе борьбы с “разбазариванием” общественных земель). Только ближе к завершению войны вновь началась кампания по обмеру и “обрезанию” излишков приусадебных участков колхозников.

Изменилась структура посевов на приусадебных участках колхозников. В основном они засевались на Урале картофелем и овощами – 85-88% от всех посевов (в среднем по стране – 62%). Нехватка хлеба заставляла колхозников выращивать и зернобобовые культуры, что до войны на Урале было редкостью. Если в 1940 г. зернобобовые занимали 2%, то в 1945 г. – 10,4% от всех приусадебных посевов. Это увеличение в значительной мере характерно для южных районов региона (в Оренбуржье в 1945 г. 23%), что было связано с сокращением выдачи хлеба на трудодни. Однако на Урале зерновые культуры колхозники засевали в меньших, чем в среднем по стране (31%), размерах [48]. Расширение посевов зерна шло за счет сокращения площадей, занятых ранее под техническими и кормовыми культурами.

Материалы бюджетных обследований семей колхозников Урала показывают, что приусадебное хозяйство давало 94-98% картофеля, 88-95%

мяса и сала, 98-99% молока (в зависимости от региона). Поступление зернобобовых от личного подсобного хозяйства на Среднем Урале осталось на неизменно низком уровне (1 - 2,6%), на Южном Урале – за годы войны выросло с 0,2 до 13% от всего прихода хлеба. Это было связано с резким уменьшением урожаев зерна в Оренбуржье, а следовательно и сокращением натуральной оплаты трудодня. Если в Свердловской области, поступление хлеба из колхозов и МТС за годы войны выросло с 51,2% в 1941 г. до 69,5% в 1944 г., то в Оренбургской – неуклонно уменьшалось: с 52,4% в 1941 г. до 35,8% в 1945 г. [49].

Личное подворье колхозников приобретало из года в год все более решающее значение в их жизни, оно служило основным источником денежных поступлений и продуктов питания. Тем самым приусадебное землепользование сохраняло крестьянское хозяйство и крестьянскую семью, служило выживанию крестьянства. Оно продемонстрировало свою наибольшую устойчивость и живучесть.

Таким образом, в период Великой Отечественной войны при господстве колхозного землепользования и кризисе колхозного производства в регионе наметилась тенденция к совхозизации землепользования, широкое распространение получили мелкие формы землепользования – личные подсобные хозяйства колхозников, хозяйства рабочих и служащих сельской и городской местностей. Изменения в структуре земельных угодий, происшедшие в годы войны, в целом негативно сказались на состоянии аграрной сферы в послевоенный период, предопределив экстенсивный характер его развития.

В сложившихся условиях первостепенную роль в развитии аграрного производства играли вопросы материально-технического снабжения сельского хозяйства, обеспеченность его машинами, удобрениями и семенами. Основная часть сельскохозяйственной техники (тракторы, комбайны, грузовые автомобили) были сосредоточены в МТС (81% от общего количества) и совхозах (18%), в колхозах ее было менее 1%. От работы МТС в значительной степени зависело колхозное производство: они обслуживали более 80% сельхозартелей региона.

На одну МТС в регионе приходилось 28-29 колхозов. Относительно высокой была механизация полевых работ на Южном Урале, где одна МТС обслуживала 13-18 колхозов [50]. В других районах, особенно в Удмуртии, уровень механизации полевых работ оставался низким. Работы в животноводстве, картофелеводстве, овощеводстве, льноводстве практически полностью производились вручную. Поэтому вряд ли правомерен вывод советской историографии о том, что во второй половине 1930-х годов в сельском хозяйстве страны произошел переход от конно-ручных орудий к системе машин на тракторной тяге.

В годы войны главной тенденцией, характеризующей использование техники в сельском хозяйстве, являлась высокая изношенность и быстрый выход из строя машин. Мобилизации на фронт квалифицированных кадров, механизаторов, сокращение ремонтной базы вели к быстрой

амортизации сельскохозяйственной техники. Тракторов в сельском хозяйстве Урала стало меньше на 16% (на одну МТС приходилось 53 трактора), комбайнов - на 2% (30 на одну МТС), грузовых автомобилей – на 67% (на одну МТС – 1,7). Но даже имевшиеся машины в деревне не могли использоваться полностью из-за нехватки горючего.

Ухудшение технического обслуживания, острая нехватка запасных частей, отсутствие капитального ремонта – все это вело к быстрому износу сельскохозяйственной техники. Сокращение машин и орудий привело к тому, что в среднем на одну уральскую сельхозартель к концу войны приходилось 14 конных плугов, 2 сенокосилки, 3 жатки, 0,2 сложных и 1,1 простых молотилки, 4,7 косы. На фронт была послана большая часть лошадей – основная тягловая сила деревни. В этих условиях повсеместно на полевых работах использовался домашний скот, простейшие орудия. Пришлось восстанавливать и использовать ранее выбракованные уборочные машины, косы, серпы, грабли, вилы и сбрую.

Амортизационный износ техники, слабая обеспеченность горюче-смазочными материалами привели к резкому падению технического потенциала аграрного производства и его энергетического уровня. Сокращение объемов работ, производимых МТС, фактически приводило к срыву сельскохозяйственных работ в колхозах. В 1943 году объем тракторных работ МТС сократился по сравнению с 1940 г. в 2,5 раза, комбайновая уборка зерновых – в 2,9 раза [51]. Действия МТС были выстроены таким образом, что их не интересовали конечные результаты сельскохозяйственного производства, им было важнее выполнить планы, а оценка выполнения работы в безликих гектарах мягкой пахоты порождала стремление наработать объем за счет наиболее легких операций. В связи с этим заметно увеличился объем работ, производившихся на живом тягле и вручную.

Важным фактором интенсификации сельскохозяйственного производства является применение удобрений. Естественное плодородие почв в регионе было сравнительно низким. Ухудшение обработки полей, эрозия почв и другие обстоятельства военного времени вызвали большую потребность в удобрениях. Однако производство минеральных удобрений было фактически свернуто, а сокращение поголовья скота вело к уменьшению органических.

Обострилась в годы войны и проблема семян. Колхозы сами должны были хранить семенной материал, но из-за недородов семенные фонды сдавались в счет государственных заготовок и к очередной посевной колхозы оставались без семян. Принимаемые партийными и советскими органами чрезвычайные меры давали только моментальный результат. Так, по данным годовых отчетов, в 1940 г. на нужды колхозов было оставлено 27110 тыс. ц зерновых, то в 1942 г. – в два раза меньше – 13425 тыс .ц. С помощью различных мер удавалось максимально ограничить потребности сельхозартелей, заготавливая при этом не только все излишнее, но часто и необходимое для производства зерно. Семенные фонды колхозы

засыпать не имели возможности, в результате в 1943 г. пришлось на треть сократить посевы зерновых и уменьшить норму высева, что привело к дальнейшему падению валового сбора. Сельхозартели вынуждены были постоянно обращаться к государству за ссудой (выдавалась под 10%), обменивать некондиционные по всхожести семена. Сортовые посевы были ликвидированы или резко сокращены.

В условиях войны не удалось обеспечить удовлетворение даже минимальных потребностей аграрного производства в машинах, инвентаре, удобрениях и семенах. Следствием этого стало ухудшение агротехники и убывание плодородия почв. Были нарушены севообороты, а в ряде мест перешли на трехпольный севооборот. Уменьшился объем таких агротехнических мероприятий, как подъем паров и зяби, междурядная обработка, прополка. Суровые холодные зимы приводили к гибели посевов озимых. Погода 1942 г. была крайне неблагоприятной – холодная весна, дождливое лето, раннее выпадение снега. В 1943 г. посевы зерновых, на юге региона почти повсеместно выгорели от засухи, а в северных районах – пострадали от летних заморозков и ливней с градом[52].

Главное внимание тем не менее уделялось производству зерна, поскольку правительство стремилось частично восполнить потерю от оккупации основных хлебопроизводящих районов страны. Рост удельного веса зерновых шел за счет озимой ржи, посевы яровой пшеницы сокращались. Структура хлебного поля значительно ухудшилась, она соответствовала скорее экономике традиционного общества. На Урале в годы войны "серыми хлебами" (рожь, ячмень, овес) было занято более 60% посевов зернобобовых. Сократилось выращивание технических культур, имевших региональные традиции: льна в Пермской области и Удмуртии, конопли в Башкирии, подсолнечника в Башкирии и Оренбуржье. Продовольственные трудности заставили население региона существенно расширить площади под картофелем и овощами, особенно в промышленных районов Свердловской, Пермской и Челябинской областях. Существенно уменьшились посевы кормовых культур, особенно однолетних трав, клевера, что отрицательно повлияло на кормовую базу животноводства.

Показателем, характеризующим состояние аграрного производства, является урожайность. В ней концентрируются главные факторы земледелия: энергетическое обеспечение, состояние почв, агротехнические методы, организация труда и т.д. На протяжении военных лет до 1944 г. урожайность всех сельскохозяйственных культур неуклонно падала. В 1943 г. в основном земледельческом районе – на Южном Урале – урожайность зерновых сократилась в 3-4 раза против 1941 г. (здесь собрали меньше, чем посадили, она составила 1,8 ц с га). В заключительный период войны удалось несколько повысить сборы хлеба, но они были ниже довоенных. Падение полеводческой продукции продолжалось вплоть до 1944 г. Если валовые сборы 1940 г. на Урале принять за 100%, то сбор зернобобовых в колхозах составил в 1941 г. 89,6%; в 1942 г. – 46,6%; в 1943 г. – 33,8%; в 1944 г. – 40,7%; в 1945 г. – 49,5%. За годы войны посе-

вы зерна сократились на треть, валовые сборы – наполовину. В то же время посадки картофеля и овощей за военные годы выросли в колхозах на 3,8%, валовые сборы уменьшились: картофеля на 28%, а овощей на 12% [53].

Сокращение производства зерна повлекло ослабление кормовой базы, картофель шел на продовольственные нужды, не обеспечивало потребности общественного животноводства производство сочных кормов и сена. А их нехватка и отсутствие комбикормов вели к снижению продуктивности животноводства. Сократилось маточное поголовье, уменьшился приплод молодняка. В то же время ухудшилось, а порой и просто отсутствовало зооветеринарное обслуживание. Все это привело к сокращению поголовья животных по всем категориям хозяйств региона: свиней на 56%, лошадей на 45%, овец и коз на 34%, крупного скота на 4%. Расход стада увеличивался и в связи с тем, что колхозы и совхозы стали сдавать государству большое количество скота низкой упитанности. Рост заготовок отражал не улучшение, а, наоборот, ухудшение положения в отрасли. Из-за нехватки кормов приходилось забивать скот, чтобы не допустить падежа.

В военные годы в производстве полеводческой продукции господствующее положение занимали колхозы и совхозы кроме производства картофеля), удельный вес общественного животноводства на Урале значительно сократился, причем в больших размерах, чем это произошло по стране в целом. Доля колхозного скота в общем поголовье всех категорий хозяйств сократилась, одновременно вырос удельный вес поголовья скота, имевшегося у колхозников, рабочих и служащих.

Война отбросила животноводство региона далеко назад. Те элементы интенсификации, полученные в довоенные годы, оказались утеряны. Была запущена племенная работа, особенно в колхозах, бонитировка скота проводилась редко. Эти процессы в животноводстве шли на фоне уменьшения его продуктивности.

В условиях катастрофического падения сельскохозяйственного производства на Урале произошла разбалансированность между отраслями сельского хозяйства. Осуществлялась не всегда оправдывающая себя чрезмерно узкая специализация на зерновое производство, на которое тратились значительные средства и основные трудовые усилия крестьянства. Основную часть денежных доходов приносили животноводство. В годы войны изменилось и соотношение форм организации аграрного производства на Урале, связанное с большей выживаемостью одних и разрушением других.

Колхозы, сохраняя ведущее положение в зерновом производстве, уступали лидерство индивидуальным хозяйствам колхозников, рабочих и служащих. Последние первенствовали в выращивании картофеля и овощей. Даже в валовых сборах зернобобовых доля колхозов сократилась в 1945 г. против 1940 г. с 90 до 86%, совхозов – с 9 до 7%. В сборах картофеля наблюдалось увеличение доли хозяйств колхозников, рабочих и

служащих с 61 до 67%, доля государственных хозяйств выросла с 2 до 6%, а удельный вес колхозов сократился с 37 до 28%.

Особенностью сельского хозяйства и аграрной политики на Урале в годы войны стало широкое развитие индивидуального и коллективного огородничества рабочих и служащих, а также создание на базе совхозов широкой сети подсобных сельскохозяйственных предприятий заводов, фабрик, шахт, строительных организаций, транспорта, учреждений и организаций. Работа на земле осуществлялась примитивно, вручную, без соблюдения агротехнических требований.

Уже в первый период войны наблюдалось сокращение доли колхозов в производстве сельскохозяйственной продукции, а к концу войны она упала до 57,7% против 63,7% в 1939 г. (в стоимостном выражении). На втором месте оставались хозяйства колхозников – их доля увеличилась с 17,9 до 19,8%. Заметно выросла доля государственных хозяйств – с 8,5 до 13,4% и хозяйств рабочих и служащих – с 7,3 до 10,9%. На государственный сектор сельского хозяйства в Челябинской области к концу войны приходилось 26,3% от валовой продукции, в Оренбургской – 16,7%. В Свердловской области второе место после колхозов по объему производства занимали хозяйства рабочих и служащих (19,8% от вала). В Челябинской области государственные хозяйства и хозяйства рабочих и служащих вместе давали продукции больше, чем колхозы [54]. В промышленно развитых областях региона произошла перегруппировка между различными формами организации сельскохозяйственного производства.

Несмотря на жесткие ограничения производственной деятельности и большие людские потери, важную роль в экономике играли индивидуальные крестьянские хозяйства. Они оказались более устойчивыми к разрушающему влиянию войны, что связано с сохранением традиционных черт: многоотраслевой структуре, использование трудового потенциала семьи, полунатурального характера, применения простейших орудий труда. При решающей роли крестьянских хозяйств в самообеспечении продуктами и при стремлении колхозников их сохранить под воздействием объективных факторов шел процесс разрушения двора. Но несмотря на это, семейное крестьянское хозяйство позволило колхозникам выжить в тяжелое военное время.

В основе процесса падения сельскохозяйственного производства наряду с объективными факторами, вызванными изменением социально-экономической, демографической обстановки в связи с войной, лежали и военно-принудительные методы аграрной политики. Со времен массовой коллективизации в стране сложилась и функционировала система тотального контроля аппарата, значительно выросшего за военные годы, над земледельцами. От высших чиновников подавались команды, касающиеся непосредственно сельскохозяйственного труда и последующей реализации его плодов. Инициатива и самостоятельность в производственной деятельности не допускались. Громоздкая многоступенчатая административная система основные усилия направляла не на улучшение

условия аграрного производства, а прежде всего на свое сохранение. Она не только не создала необходимых условий для рационального ведения земледелия, но породила многочисленные трудности, приведшие к резкому спаду сельскохозяйственного производства в далеком тыловом регионе.

Аграрное производство на Урале не смогло в полной мере обеспечить население продовольствием. Меры административно-командного порядка в первые годы войны не дали желаемого результата в силу отсутствия у земледельцев личной заинтересованности, плохого технического оснащения, бездорожья, неправильного землепользования, отсутствия налаженного хранения и переработки сельскохозяйственной продукции (по данным Наркомзага СССР более 20% заготовленного зерна по стране терялось только при хранении).

В едином аппарате военно-экономической мобилизации сельского хозяйства заметную роль играли заготовительные органы. В деревне действовала разветвленная сеть заготовительных организаций, которая свидетельствовала о том, что опека над непосредственным производителем была доведена до предела. Эта система, опираясь на органы милиции, позволяла в годы войны выкачивать из деревни большую часть произведенной продукции. Государство было ее единоличным обладателем и распорядителем. Заготовительным работам придавалось прямое военно-оборонное значение ("Хлеб – это победа!"), в их осуществлении применялись всевозможные меры для изъятия продукции (сдача семенного материала, маточного поголовья, сокращение и невыдача продуктов по трудодням). Заготовительные цены на сельхозпродукцию оставались такими же, как до войны, и были мизерны.

Хлебозаготовки из-за резкого сокращения сборов проходили крайне трудно, кроме того сочетать уборку, молотьбу и вывоз зерна на заготовительные пункты было для колхозов чрезвычайно сложно – не хватало людей, тягла, отсутствовал автотранспорт. Хлеб не только не успевали обмолачивать, но и убирать.

Справиться с установленными планами поставок колхозы и совхозы не могли. В то же время понимания объективно сложившегося положения у властей не наблюдалось. Более того, они организовывали походы по выколачиванию зерна и других продуктов из деревни, используя уже апробированные методы – посылку уполномоченных в деревню, постоянную смену руководителей, репрессивные меры к "саботажникам хлебозаготовок". Свердловская областная газета писала в передовице "Священный долг колхозников перед родиной": "...затяжка хлебозаготовок – тягчайшее преступление перед Красной Армией и народом. ... Тот, кто срывает и саботирует обмолот и вывозку хлеба, тот изменник и предатель, пособник немецких фашистов" [55]. Увеличению обложения способствовали погектарный принцип начисления обязательных поставок, видовая оценка урожая. Предпринимались попытки расширения посевов с целью увеличения урожаев хлеба (осенью 1941 г. и весной 1942 г.), ор-

ганизовывалось социалистическое соревнование колхозов и совхозов, районов, областей и республик по досрочному выполнению поставок сельскохозяйственной продукции государству. В итоге изъятие хлеба у его производителей на Урале увеличилось с 41% в 1941 г. до 49% в 1944 г. от валового сбора. Неуклонно рос удельный вес поставок животноводческой продукции: колхозами сдавалось до 58% полученного молока, до 74% масла, до 75% шерсти, до 82% яиц [56]. У производителей изымалась основная часть полученной продукции. Курс на расширение изъятия сельскохозяйственной продукции в пользу государства приводил к резкому уменьшению оплаты по трудодням, сокращению стада животных, семенных, фуражных, продовольственных фондов. Как показывают годовые отчеты, установленные планы поставок по всем видам колхозы и совхозы на Урале не выполняли. Более того, к 1944 г. сельскохозяйственные производители имели такое количество недоимок, что рассчитаться по ним не смогли долго. Жесткие военно-административные рычаги в 1941-1943 гг. и мобилизационные возможности колхозно- совхозного строя ощутимых результатов не дали.

В исторической литературе отмечается, что 1943 год – самый трудный для сельского хозяйства страны в годы войны. Ограничиваться этим не совсем точно. Крайне низкие показатели сельскохозяйственного производства 1943 г., да и предыдущего 1942 г., вызвали катастрофическую ситуацию с продовольствием. Население уральской деревни провело полуголодную зиму 1943 г., весну и лето 1944 г., причем помощи с стороны государства не было.

Сложившееся положение заставило уральские областные комитеты ВКП(б) в конце 1943 г. обратиться в Центральный Комитет с предложением о создании вокруг индустриальных центров собственной продовольственной базы. В основе предложенной концепции лежала идея о переориентации колхозов и совхозов на производство картофеля и овощей, мяса, молока, яиц. Одновременно требовалось значительное расширение коллективного и индивидуального огородничества и животноводства, дальнейшее развитие и укрепление подсобных хозяйств предприятий. Для осуществления этих мер предполагалось увеличение финансирования, расширение материально-технической помощи, снижение налоговых и заготовительных обложений.

24 марта 1944 г. Государственный Комитет Обороны впервые за военные годы принял постановление "О мероприятиях по усилению продовольственной базы промышленных центров Свердловской области" [57]. Несколько позже, на основе отчетов обкомов партии, были приняты постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР, в которых намечалась программ выхода сельского хозяйства каждой области и автономной республики из критического состояния. Впервые местным органам разрешалось изменять структуру посевов, были уменьшены площади, облагаемые поставками, списывались частично недоимки прошлых лет, несколько увеличивалось снабжение деревни техникой, инвентарем, семенами, хозяйствам

пригородной зоны разрешалось снижать нормы обязательных поставок зерна, в индустриально развитых областях региона запрещалась мобилизация рабочей силы из колхозов в промышленность. В 1944-1945 гг. было произведено массовое списание с колхозов недоимок по обязательным поставкам. С колхозов Челябинской области было списано 91% недоимок по мясу, 88% по молоку, 95% по шерсти, 88% по яйцу. Одновременно в ряде случаев были снижены нормы обязательных поставок. В 1945 г. для колхозов Свердловской и Челябинской областей были снижены нормы поставок зерна, а для последней еще по мясу и сену [58].

Принятие и осуществление комплекса этих мер свидетельствовали об известном повороте в аграрной политике в регионе. Это можно рассматривать как признание слабости проводившейся с начала 1930-х годов политике в деревне, и как определенную уступку крестьянству. Корректировка аграрной политики партии и государства была непосредственно связана с приближением окончания войны, с освобождением значительной части оккупированных территорий. В это же время приняты постановления о возобновлении производственной деятельности колхозов и совхозов на освобожденных территориях, о реэвакуации населения, техники и скота из тыловых районов. Отказа от колхозной организации труда не предусматривалось, хотя часть колхозников об этом высказывалась. Так, в специальном донесении УНКВД по Курганской области секретарю обкома ВКП(б) отмечалось:" В ряде районов нашей области, пользуясь слабой постановкой партийно-массовой работы среди колхозников, антисоветские элементы распространяют провокационные слухи о, якобы, возможном в ближайшее время роспуске колхозов и подговаривают менее устойчивых колхозников на выход из колхозов. … В связи с распространением провокационных слухов в селе Жуково [Куртамышского района Курганской области] в колхозе "Сигнал" в один день было подано 30 заявлений о выходе из колхозов, в последующие дни количество заявлений увеличилось. … Гражданка Миронова Мария Игнатьевна проживает в селе Каменское [Шумихинского района] заявляет: "Нашему правительству Англия и Америка предложила пять условий: на армию надеть погоны, открыть церкви, распустить колхозы, освободить из тюрем заключенных и всех евреев направить на фронт. На армию погоны уже одели, церкви в городах открывают, колхозы же сразу распустить неудобно, решили к весне сделать много бригад в каждом колхозе, которые будут работать самостоятельно и урожай будут делить между собой, а осенью колхозы распустят и все будем жить единолично" [59].

Изменения в аграрной политике, а также благоприятные погодные условия в достаточно короткие сроки дали в регионе ощутимые результаты. Кризисная ситуация в сельском хозяйстве стала преодолеваться. Однако, несмотря на некоторый подъем, к концу войны колхозы и совхозы Урала подошли в крайней степени ослабленными и обессиленными – с разрушенными производительными силами, запущенной землей, отброшенным на десятки лет назад животноводством. Утверждения И.

Сталина, что колхозы и совхозы с честью выдержали испытания и вышли из войны окрепшими, были очередной пропагандистской уловкой и откровенным обманом. Этого не могло произойти, так как колхозы и совхозы не только не могли вести расширенного воспроизводства, но даже и простого, поскольку большая часть произведенной продукции из деревни забиралась. Исходя из видовой оценки урожая, государство получало возможность почти в полтора-два раза увеличивать изъятие хлеба из колхозов, погектарный принцип обложения также вел к увеличению поставок сельскохозяйственной продукции, крестьянство же оставалось в условиях самовыживания. Деревня работала на износ, и это была цена, которую заплатило крестьянство Урала за победу в войне.

В годы Великой Отечественной войны оказались потеряны те элементы интенсификации земледелия, которые активно насаждались в довоенный период. Деревня была резервуаром резервов и ресурсов для развития промышленности. Сельское население в годы войны являлось основным источником пополнения действующей армии, комплектования кадров для промышленности, транспорта и строительства, что и обусловило значительный отток людских ресурсов из деревни. В первый военный год убыль сельского населения компенсировалась прибытием эвакуированных, в последующие годы темпы сокращения росли. В целом по региону сельского населения стало в 1,34 раза меньше в 1945 г., чем в 1941 г., или уменьшилось на 2,2 млн человек[60].

Напряженность демографической ситуации в регионе проявлялась, с одной стороны, в концентрации неблагоприятных условиях внешней среды, в усилении их воздействия на организм человека, а с другой – в ослаблении способности общества противодействовать этому. В природно-климатическом плане Урал – район, наименее благоприятный для сохранения здоровья населения, и требовалась максимальная мобилизация и высокий уровень всей социальной сферы, соответствующего распространения самосохранительного поведения, здорового и качественного питания. Таких условий не было. Поэтому повышенный расход жизненной энергии проживавшего здесь населения явно не восстанавливался. Война, отвлекая ресурсы из сферы жизнеобеспечения и резко ограничивая потребление большинства людей привела к колоссальному напряжению всех духовных и физических сил. Перечисленные моменты заставляли людей жить и работать на износ, что естественно повлекло за собой резкое снижение рождаемости (на Урале она сократилась в 3,7 раза), число умерших в 1944 г. почти в 2 раза превысило число умерших. В тыловом Урале в условиях войны наблюдалось увеличение удельного веса умерших в трудоспособных возрастах. Произошла резкая деформация половозрастного состава сельского населения. Удельный вес мужской части жителей уральской деревни упал к 1945 г. до 36,8%, а женской увеличился до 63,2%. Наибольшему сокращению подверглось население в трудоспособном возрасте, особенно мужчины. Доля женщин 16-54 лет выросла за годы войны с 53,8 до 81,3%, а мужчин 16-59 лет – уменьши-

лась с 46,2 до 18,7% [61]. Убыль сельского населения в регионе значительно опережала сокращение крестьянских дворов. Деревня быстро обезлюдела, с каждым годом росло число хозяйств, которые велись престарелыми.

Рост армии и городского населения тяжелым бременем лежал на аграрной экономике. Многопольные (6-8-польные) севообороты в регионе были нарушены, их восстановление осуществлялось в конце 1940-х – 1950-е годы. Не было прогресса в совершенствовании сельскохозяйственной техники – восстанавливаемые тракторные и другие заводы сельхозмашиностроения ориентировались на выпуск довоенных моделей техники. Существенный удар по внедрению интенсивных сельскохозяйственных технологий был нанесен "лысенковщиной", объявившей войну новым методам селекции и семеноводства. В силу объективных и субъективных факторов на этой фазе агроперехода в целом господствовало экстенсивное развитие сельского хозяйства, что сопровождалось нарастанием проблемы продовольственного обеспечения населения.

Прогрессивные тенденции аграрного развития в послевоенные годы проявились в практике полезащитных лесопосадок, расширении использования органических и минеральных удобрений. Во второй половине 1940-х годов развернулась электрификация села путем строительства малых гидроэлектростанций, с 1953 г. колхозы региона стали подключаться к государственным электросетям. В послевоенные годы определилась специализация сельского хозяйства Урала. В Свердловской области быстрее развивалось животноводство, овощеводство, картофелеводство, в Челябинской, Курганской, Оренбургской областях приоритет получило зерновое производство. Вокруг промышленных центров созданы специализированные овощекартофельные и молочно-животноводческие хозяйства. Однако становилось ясно, что экстенсивные системы земледелия исчерпали свой потенциал, справиться с продовольственным обеспечением выросшего городского населения аграрная сфера региона уже не могла. Необходимо было внедрение интенсивных технологий сельскохозяйственного производства, которое не состоялось на первой фазе аграрного перехода.

Уральская деревня за первую половину XX века очень изменилась. На этой фазе агроперехода быстрыми темпами шла ломка уклада сельской жизни – разъединялись сферы труда и быта, бывшие веками слитными; уходил в прошлое размеренный ритм деревенской жизни, во многом ранее определявшийся ритмами природы и сезонностью сельскохозяйственных работ, освящаемых и одухотворяемых церковью, теперь он больше зависел от распоряжений властей; постепенно исчезала локальная замкнутость "мира деревни", ограничивавшая возможность контактов. Переход к преимущественно индустриальному развитию Урала не привел к гармоничным взаимоотношениям между городом и деревней, к индустриальному аграрному производству. Однобокость этого процесса вела к дальнейшему раскрестьяниванию.

Примечания

[1] Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998. С. 27.
[2] Урал северный, средний, южный. Справочная книга. Петроград, 1917. С. 200.
[3] Там же. С. 194, 201.
[4] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 324. Д. 165. Л. 52.
[5] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 82. Д. 271. Л. 144.
[6] Рассчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 81. Д. 41а. Л. 13-108; Оп. 326. Д. 484. Л. 7, 27.
[7] Там же. Оп. 81. Д. 35. Л. 19, 20.
[8] Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. 1813. Оп. 1. Д. 889. Л. 173.
[9] Урал северный, средний, южный... С. 194-195.
[10] Воробьев П.О. О распространении усовершенствованного сельскохозяйственного инвентаря у крестьян Пермской губернии // Пермская земская неделя. 1907. № 2. С. 26.
[11] См.: History of the 20th Century (volume 1). Tokyo, 2002. Edited by Hiroshi Okuda. The University of Tokyo. P. 33-54.
[12] История народного хозяйства Урала. Часть 1. Свердловск, 1988. С. 56.
[13] Там же. С. 60.
[14] Вопросы истории Урала. Выпуск 6. Свердловск, 1965. С. 137.
[15] ГАСО. Ф. 239. Оп. 2. Д. 614. Л. 24, 40.
[16] Баранов Е.Ю. Аграрное производство и продовольственное обеспечение населения Уральской области в 1928-1933 гг. Автореф. ... к.и.н. Екатеринбург, 2002. С. 17.
[17] Там же.
[18] Алексеева Л.В. Сельскохозяйственное производство Уральской области в годы первой пятилетки (1928-1932 гг.). Автореф. ... к.и.н. Курган, 1998. С. 17.
[19] ГАСО. Ф. 1812. Оп. 1. Д. 20. Л. 76; Ф. 255. Оп. 4. Д. 865. Л. 12.
[20] См.: Кондрашин В.В. Голод 1932-1933 годов в российской деревне. Пенза, 2003.
[21] Баранов Е.Ю. Указ. соч. С. 24.
[22] Данилов В.П. Аграрные реформы и крестьянство России // Формы сельскохозяйственного производства и государственное регулирование. М., 1995. С. 34.
[23] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 326. Д. 492. Л. 40, 52, 64, 65, 110, 111.
[24] Рассчитано по: Посевные площади СССР. М., Л., 1939. С. 276, 278-280, 300, 302-304.
[25] Народное хозяйство Свердловской области. Статистический сборник. Свердловск, 1962. С. 89, 90.
[26] Центр документации общественных организаций Свердловской области. Ф. 4. Оп. 33. Д. 223. Л. 25; Оп. 35. Д. 286. Л. 18.
[27] Рассчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 143. Л. 133; Всесоюзная перепись населения 1937 года. Краткие итоги. М., 1991. С. 54-57.
[28] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 324. Д. 59. Л. 20; Д. 298. Л. 11; Д. 545. Л. 80-82; Д. 791. Л. 23-25; Д. 1257. Л. 32-34.
[29] ГАРФ. Ф. А-310. Оп. 1. Д. 3457. Л. 7-9; Д. 3468. Л. 17-19.

[30] Арутюнян Ю.В. Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны. 2-е изд. М., 1970. С. 19.
[31] Анисков В.Т. Колхозное крестьянство Сибири и Дальнего Востока – фронту. 1941-1945 гг. Барнаул, 1966. С. 28-30; История советского крестьянства. Т. 3. Крестьянство накануне и в годы Великой Отечественной войны. 1938-1945. М., 1987. С. 209-210.
[32] КПСС в резолюциях… Изд.8. М., 1971. Т. 6. С. 30.
[33] РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 4. Д. 659. Л. 23.
[34] Ведомости Верховного Совета СССР. 1942. 28 мая.
[35] РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 4. Д. 659. Л. 4-17.
[36] Корнилов Г.Е. Уральская деревня в период Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.). Свердловск, 1990. С. 58.
[37] Рассчитано по: ГАРФ. Ф. А-310. Оп. 1. Д. 3457. Л. 7-9; Д. 3468. Л. 17-19; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 326. Д. 13. Л. 1; Д. 221. Л. 35; Д. 388. Л. 16-31; Д. 726. Л. 6, 9, 80, 92, 155.
[38] Сельское хозяйство. Стат. сб. М., 1971. С. 112.
[39] Корнилов Г.Е. Указ. соч. С. 71; Посевные площади СССР. Стат. справочник. М.-Л., 1939. С. 6-10, 15-19, 131-135, 140-144, 215-219.
[40] Митрофанова А.В. Рабочий класс СССР в годы Великой Отечественной войны. М., 1971. С. 229.
[41] Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 3. С. 65.
[42] Корнилов Г.Е. Совхозное производство на Урале в период Великой Отечественной войны // Совхозы Урала в период социализма (1938-1985 гг.). Свердловск, 1986. С. 25.
[43] Государственный архив Свердловской области. Ф. 88. Оп. 1. Д. 5311. Л. 11-13.
[44] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 324. Д. 38. Л. 64, 93, 110, 128.
[45] Рассчитано по: Государственный архив Оренбургской области. Ф. 1003. оп. 3. Д. 995. Л. 1-4; Д. 1077. Л. 1-14; Д. 1059. Л. 1-4; Государственный архив Свердловской области. Ф. 1813. Оп. 1. Д. 891. Л. 99-102; Д. 893. Л. 52-54; Д. 898. Л. 65-69; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 324. Д. 387. Л. 64, 93, 110, 128; Д. 886. Л. 6,11; Д. 1362. Л. 6, 9, 12, 15.
[46] Рассчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 326. Д. 723. Л. 6, 9, 92, 155.
[47] Трифонов А.Н. Деятельность партии по организации снабжения населения Урала в период Великой Отечественной войны. Автореф. …к.и.н. Свердловск, 1979. С. 17.
[48] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 324. Д. 209. Л. 38-44; Д. 940. Л. 21-23.
[49] Корнилов Г.Е. Уральская деревня… С. 166-167.
[50] Рассчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 324. Д. 911. Л. 31; Ф. 7486. Оп. 4. Д. 762. Л. 64, 116; Д. 839. Л. 6; Государственный архив Курганской области. Ф. 1591. Оп. 2. Д. 32. Л. 36; Д. 56. Л. 31; Д. 95. Л. 4, 50, 51; Ф. 1607. Оп. 1. Д. 73. Л. 34.
[51] Там же.
[52] Корнилов Г.Е. Уральская деревня… С. 74.
[53] Там же. С. 74, 104.
[54] Там же. С. 106.
[55] Уральский рабочий. 1942. 27 ноября.
[56] Корнилов Г.Е. Уральская деревня… С. 113.
[57] Уральский рабочий. 1944. 25 марта.

[58] ГАСО. Ф. 88. Оп. 1. Д. 5375. Л. 201; Д. 1616. Л. 135; Д. 1695. Л. 189; Ф. 1358. Оп. 2. Д. 17. Л. 8.
[59] Государственный архив общественно-политических движений Курганской области. Ф. 166. Оп. 1. Д. 162. Л. 44-46.
[60] Корнилов Г.Е. Уральское село и война. Екатеринбург, 1993. С. 154.
[61] Там же. С. 155-156.

Нориаки Мацуи

В поисках уставов колхозов 1956 г. (заметки исследователя)

1. Уставы колхозов 1956 г. как исторический источник по колхозному строю

В феврале 1935 г. на втором Всесоюзном съезде колхозников-ударников народный комиссар земледелия СССР М. А. Чернов говорил так. ---Когда в 1930 г. был издан Примерный устав сельскохозяйственной артели, на основе его каждый колхоз должен был выработать свой устав. «Между тем, на практике, в преобладающем большинстве случаев, если не везде, колхозы просто принимали этот Примерный устав, утвержденный тогда Совнаркомом и ЦИК Союза»[1].

Тем не менее, и в 1935 г. тоже, когда на том съезде был принят новый Примерный устав сельхозартели, практически все колхозы принимали, кажется, этот новый Примерный устав в качестве своего устава[2].

Поэтому уставы отдельных колхозов, принятые на основе Примерного устава 1935 г., почти не имеют источниковедческую ценность. Текст первых просто копировали последний, а также размеры приусадебных участков и поголовье скота колхозников, вписанные в уставы колхозов, были определены партийными и советскими органами республик, краев и областей.

Например, устав сельхозартели «Большевик» Корсаковского района Орловской области на 1945 г. в части приусадебного землепользования колхозных дворов гласит следующее: «Из обобществленных земельных угодий выделяется в личное пользование каждого колхозного двора по небольшому участку в виде приусадебной земли (огород, сад). Размеры приусадебной земли, находящейся в личном пользовании колхозного двора (не считая земли под жилыми постройками), могут колебаться от ¼ гектара до ½ гектара»[3]. Это повторяет слово в слово соответствующую статью Примерного устава 1935 г. за вычетом ее последнего отрывка, а именно: «а в отдельных районах до 1 гектара в зависимости от областных и районных условий, устанавливаемых народными комиссариатами земледелия союзных республик на основе указаний Народного Комиссариата Земледелия Союза ССР»[4]. Так как в мае 1935 г. по Курской области, в которую тогда была включена будущая Орловская область, облисполком и обком ВКП(б) рекомендовали всем колхозам установить размер приусадебной земли колхозного двора от 0,25 гектара до 0,5 гектара[5].

Иначе обстоит дело с колхозными уставами 1956 г. В известной мере они точно отражали действительность каждого колхоза и, следовательно, служат значимым историческим источником как при исследовании отдельных колхозов, так и при изучении крестьянства того времени. Дело в том, что постановлением партии и правительства от 6 марта 1956 г. «Об Уставе сельскохозяйственной артели и дальнейшем развитии инициативы колхозников в организации колхозного производства и управлении делами артели» рекомендовалось колхозам «сами дополнять и изменять отдельные положения принятого сельскохозяйственной артелью Устава с учетом местных, конкретных условий колхоза»[6].

Так, например, в Русско-Бродском районе указанной области «в колхозах им. Буденного и «Путь к коммунизму» проект устава готовят единолично председатели колхозов т.т. Кравченко и Дуров». А из проверенных тогда пяти парторганизаций колхозов и МТС ни в одной не были обсуждены изменения и дополнения к уставу и сам устав[7]. Это подсказывает, что в то время фактически впервые в истории колхозной деревни крестьяне сами вырабатывали свои колхозные уставы.

Уставы колхозов 1956 г. ценнее в случае, когда хранятся тоже протоколы заседаний правлений колхозов и общих собраний колхозников, что позволяет конкретно освещать процесс и значение дополнения и изменения уставов.

При этом, если можно считать, что «и после коллективизации ... продолжала существовать (в центре России по крайней мере до середины 60-х годов) совокупность крестьянских мирков, генетически продолжавших тысячелетнюю традицию российского крестьянства»[8], и целесообразно выделять два периода времени в истории колхозного строя в России после 1930-х гг., то можно сказать, что одними из важных исторических источников по ее первому, раннему периоду являются уставы колхозов 1956 г.

2. Сохранность первичных материалов и ее характеристики

Для выявления сохранности уставов 1956 г. и связанных с ними документов колхозов собраны были различные материалы в Алтайском крае и Орловской области. Две местности выбирались довольно случайно, хотя и между ними есть общее как производящая полоса.

Собранные материалы в основном архивные, а частично газетные.

В архивах собраны были документы краевого (областного) комитетов партии, прокуратур, исполкомов и, в частности, их управлений сельского хозяйства. Кроме того, насколько хранятся в архивах, просмотрены были протоколы или решения райисполкомов о регистрации уставов колхозов, протоколы заседаний правлений и общих собраний об изменении уставов отдельных колхозов и, наконец, сами уставы колхозов (или части их изменений), хотя и недостаток времени исследовательской работы заставил автора настоящих заметок ограничивать круг собранных материалов не-

сколькими районами.

Что касается архивных материалов по отдельным районам и колхозам, привлекло внимание то, что в Орловской области они сосредоточиваются в Государственном архиве Орловской области (ГАОО) и, кажется, ничего нет в районных архивах. А в Алтайском крае довольно много материалов хранятся как в Центре хранения архивного фонда Алтайского края (ЦХАФАК), так и в районных архивах.

В результате исследования получены какие-нибудь информации об уставах 1956 г. в сумме 141 колхозов: 98 в Алтайском крае и 43 в Орловской области (См. Таблицы 1 и 2).

Представляется, что теперь собраны почти все существующие материалы 7 районов Алтайского края, по которым исследование было проведено и в районных архивах, а также 3 районов Орловской области, по которым были исследованы порайонные фонды колхозов ГАОО.

Однако есть немало колхозов, по которым оставлены только такие незначащие информации в протоколах, как «Общее собрание решило: новый устав с/х артели утвердить» или «Исполком ... районного Совета депутатов трудящихся решил: устав сельхозартели колхоза ... регистрировать» (См. информации со знаком (*) в Таблицах 1 и 2).

Если исключать все колхозы с такими незначащими информациями, в пределах указанных 7 районов Алтайского края и 3 районов Орловской области остаются соответственно 36 и 24 колхозов (См. Таблицу 3).

Из Таблицы 3 видно: (1) около 30% колхозов Алтайского края и 40% колхозов Орловской области оставляют значимые сведения о своих уставах 1956 г. и (2) Алтайскому краю характерен тот факт, что там почти не оставлены сами уставы колхозов.

Кстати сказать, в апреле 1957 г. в Алтайском крае крайисполком потребовал от председателей исполкомов 36 районов из 65 (за исключением Горно-Алтайской автономной области) представить отчеты об ускорении работы по принятию и регистрации уставов колхозов. В список этих районов включались и тоже 5 районов из 7, помещенных в Таблице 3. Поэтому по сохранности документов колхозов другие районы края, может быть, выше указанных 7 районов.

Что касается 3 районов Орловской области, названных в Таблице 3, на 26 октября 1956 г. было принято или зарегистрировано следующее количество новых колхозных уставов. Здесь работа шла успешнее по сравнению с остальными районами области. Поэтому по сохранности материалов другие районы области, вероятно, ниже указанных 3 районов.

Принятие и регистрация уставов колхозов в Орловской обл. на 26 октября 1956 г.*

Районы	всего колхозов	принято новых уставов с.х. артели (в %)	зарегистрировано в райисполкомах (в %)
Корсаковский	16	16 (100)	15 (93,8)
Ново-Деревеньковский	24	24 (100)	0 (0)
Русско-Бродский	18	18 (100)	5 (27,8)
итого по 3 районам	58	58 (100)	20 (34,5)
итого по области	591	261 (44,2)	85 (14,4)

* Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф.А-310. Оп.1. Д.6743. Л.234

3. Оценка, и возможные факторы, оказавшие влияние на сохранность материалов

Оценка сохранности материалов зависит от того, какой критерий будет выбран.

С точки зрения правовой нормы сохранность порядка 30-40% весьма низкая. Дело в том, что по Правилам работы архивов учреждений, организаций и предприятий, утвержденным приказом МВД СССР от 1 июня 1956 г., документальные материалы в архивах колхозов хранятся в течение 5 лет и по истечении этого срока хранения они должны были передаваться в государственные архивы (Гл. 1, Ст. 6) [9].

Однако для того чтобы оценивать ситуацию с исторической точки зрения нужно рассматривать возможные факторы, которые оказывали влияние на уровень сохранности документов колхозов.

Выявление таких факторов позволяло бы объяснять тот факт, что в Алтайском крае до крайности мало найдены сами уставы колхозов 1956 г.

(1) Прежде всего следует отметить, что несмотря на то, что официально нередко устав колхоза называли «основным законом колхозной жизни», он на самом деле не являлся важнейшим документом колхоза.

Так получилось, что в «Объединенном архивном фонде колхозов Алтайского края»[10] ЦХАФАК хранятся, в основном, протоколы заседаний правления и общих собраний и годовые отчеты колхозов, хотя и почему-то в хранилище часто нет последних.

(2) В Алтайском крае сразу после опубликования постановления партии и правительства от 6 марта 1956 г. наблюдалось у краевого руководства партии негативное отношение к проявлению инициативы у местных партийных и советских органов[11].

В постановлении от 19 марта Бюро крайкома КПСС подчеркивало, что осуществление постановления от 6 марта должно явиться повседневной работой в колхозах, а не кратковременной кампанией[12]. В постановлении Бюро от 20 апреля осуждался за спешку ряд райкомов партии и райисполкомов, и там считалось неправильным то, что они опуб-

ликовали дополнения к уставу колхоза в районных газетах. В том же постановлении осуждались даже колхозы, принявшие совершенно новые тексты устава вместо изменений или дополнений его отдельных статей[13]. Поэтому было бы естественно, что в колхозах Алтайского края очень редко составляли целые уставы[14], а также что при регистрации только измененной части уставов падает сохранность данных документов.

(3) О путанице в райисполкомах сообщали и в Орловской области и в Алтайском крае.

В одном районе Алтайского края уставы, включающие в себе противозаконные положения, были зарегистрированы без изменения, а изменения к уставу, порекомендованные райисполкомом, не рассматривались на общих собраниях колхозников, в результате чего в колхозах не знали, какой устав действует[15].

В конце концов, в момент начала 1957 г. в Алтайском крае наблюдался ужасный беспорядок, о чем говорит решение крайисполкома от 9 апреля того же года.

«Колхозы Марушинского района в марте месяце 1956 года представили для регистрации свои Уставы, однако они до сих пор не зарегистрированы. Благовещенским райисполкомом из 16 колхозов зарегистрировано всего лишь 3 устава, а по Зональному и Змеиногорскому районам до сих пор не зарегистрировано ни одного Устава. В колхозе «Шестая пятилетка» Павловского района не обсуждали вопроса о дополнениях и изменениях к Уставу. В колхозе имени Кирова и им. Сталина Бурлинского района нет своих Уставов, а колхозы пользуются только примерными Уставами…

До сих пор не произведена регистрация Устава сельхозартели во многих колхозах Романовского, Ребрихинского, Алейского, Локтевского, Новичихинского, Поспелихинского, Шипуновского, Залесовского, Косихинского, Кытмановского, Сорокинского, Усть-Калманского, Грязнухинского, Петропавловского, Солтонского и Сростинского районов»[16].

И теперь крайком партии, кажется, по-настоящему взялся за выполнение постановления от 6 марта 1956 г.

(4) В 1957 г. краевые, областные прокуратуры и исполкомы стали усиливать борьбу с нарушением законодательства, заключавшимся в измененных уставах колхозов, например, с положением о непомерном сокращении приусадебных земель рабочих и служащих, проживающих на территории колхозов. При этом важную роль играло постановление Совета Министров РСФСР от 18 мая 1957 г. «О фактах нарушения приусадебного землепользования рабочих, служащих, пенсионеров и других граждан, проживающих на территории колхозов»[17]. В результате, как при четырех колхозах Павловского района в Таблице 1, случилась отмена регистрации части противозаконных положений в уставах, которые раньше были зарегистрированы в райисполкомах.

(5) Как выше изложено, каждому колхозу пришлось передавать государственному архиву свой устав 1956 г. по истечении 5 лет, т.е. в начале

1960-х гг. Однако уже с конца 1950-х гг. началось так называемое необоснованное ограничение личного подсобного хозяйства граждан. В то время в одном районе Алтайского края руководящие работники колхозов говорили так: «Устав сельхозартели, как устаревший, будет в скором времени вообще отменен», и они перестали руководствоваться положениями Уставов[18]. Такая ситуация должна была еще сильнее способствовать утере колхозных уставов 1956 г.

(6) В заключение нужно останавливаться на такие факторы, как укрупнение колхозов и, в частности, их реорганизацию в совхозы.

Вот и такая история о колхозах Кулундинского района Алтайского края. В 1950 г. всего 7 колхозов объединились в колхозы «Знамя коммунизма» и им. Хрущева. В 1956 г. эти два колхоза объединились в один колхоз им. Хрущева, который в следующем году вошел в совхоз «Победа». Однако до 1957 г. в Кулундинский райгосархив ни разу не сдавались документы колхозов «Знамя коммунизма» и им. Хрущева. Они были обнаружены в 1968 г. в архиве совхоза «Победа»[19].

Нечего и говорить о негативном воздействии реорганизации колхозов на сохранность их документов. И представляется, что в Алтайском крае такой процесс шел шире и быстрее чем в Орловской области.

Число колхозов и совхозов (на конец года)*

	годы	1950	1953	1955	1956	1958	1959	1960	1961	1965	1966
Орловская область	колхоз	1349	1023	621	589	512	424	324	320	325	334
	совхоз	22	22	21	22	24	24	47	47	64	67
Алтайский край	колхоз	1375	1308	1215	1142	643	577	530	404	386	339
	совхоз	88	91	105	106	149	158	161	181	227	270

*Народное хозяйство Орловской области. Орел, 1957. С. 28-29; Там же. Орел, 1960. С. 81; Там же. Орел, 1972. С. 115; Народное хозяйство Алтайского края. Барнаул, 1958. С. 43, 54; Народное хозяйство Алтайского края в 1958-1965 гг. Барнаул, 1966. С. 44; Народное хозяйство Алтайского края за 50 лет Советской власти. Барнаул, 1967. С. 40.

Из всех вышеизложенных можно заключить, что с учетом всех исторических факторов, оказывавших влияние на уровень сохранности уставов 1956 г. и связанных с ними документов колхозов, их сохранность порядка 30-40% считается не так низкой.

Примечания

[1] Второй Всесоюзный съезд колхозников-ударников. Стенографический отчет. М., 1935. С. 232.

[2] Даже в середине 1960-х гг. был колхоз, который называл свой устав «примерным». При этом слово «примерный», вероятно, означает «отличный». См.: Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 7486. Оп. 7. Д. 1906.

Л. 34-46.
[3] Государственный архив Орловской области (далее --- ГАОО). Ф. 2937. Оп. 13. Д. 1. Л. 2.
[4] СЗ СССР. 1935. № 11. Ст. 82.
[5] Правда. 1935. 17 мая. С. 4.
[6] Правда. 1956. 10 марта. С. 1.
[7] ГАОО. Ф. 1200. Оп. 1. Д. 2349. Л. 12.
[8] М.А. Безнин. Крестьянский двор в Российском Нечерноземье 1950-1965 гг. Москва-Вологда, 1991. С. 224.
[9] Правила работы архивов учреждений, организаций и предприятий. М., 1956. С. 5.
[10] Центр хранения архивного фонда Алтайского края (далее --- ЦХАФАК). Ф. Р-964.
[11] См.: Ю.П. Денисов. Развитие колхозной демократии (1946-1970 годы). Ростов-на-Дону, 1975. С. 38.
[12] ЦХАФАК. Ф. П-1. Оп. 99. Д. 31. Л. 252.
[13] Там же. Д. 32. Л. 16, 17, 23.
[14] Заглавие настоящих заметок пришло их автору в голову при работе в Алтайском крае.
[15] ЦХАФАК. Ф. Р-569. Оп. 6. Д. 917. Л. 31-33.
[16] Там же. Ф. Р-834. Оп. 4. Д. 409. Л. 116.
[17] Сборник законодательных и ведомственных актов по сельскому хозяйству. Т. 3. М., 1958. С. 457-458
[18] ЦХАФАК. Ф. Р-569. Оп. 6. Д. 917. Л. 33.
[19] Там же. Ф. Р-964. Оп. 2. Предисловие описи.

Таблица 1. Колхозы Алтайского края, по которым собраны архивные и другие материалы об изменении уставов в 1956 г.

№	№	(Район) Сельсовет	Колхоз	протокол зас. правления		протокол общего собрания		устав (часть изменений)		решение (бюро) РИКа		другие материалы
				дата	место хр.	дата	место хр.	дата	место хр.	дата регистрации устава	место хр.	
		(Белоглазовский)										
1	1	Комарихинский	им. Ворошилова			14.04.1956	ЦХАФАК					
2	2	Тугозвоновский	им. Ленина			18.04.1956	ЦХАФАК					
		(Волчихинский)										
3	1	Волчихинский	им. Буденного (11.02.1956-)	13.04.1956 (*)	ЦХАФАК	20-31.05.1956	ЦХАФАК					
4	2	Усть-Волчихинский	Память Ленина			09.04.1956	ЦХАФАК	09.04.1956	ЦХАФАК	20.12.1956	ЦХАФАК	
5	3	Ярослав-Логовской	им. Молотова			13.04.1956	ЦХАФАК					
6	4	Ярослав-Логовской	Память Ленина	04.04.1956 (*)	ЦХАФАК	09.04.1956	ЦХАФАК					
		(Ельцовский)										
7	1	Ельцовский	им. Мичурина			08.04.1956 (*)	ЦХАФАК					
8	2	Ельцовский	Победа			25.03.1956	ЦХАФАК					
		(Калманский)										
9	1	Барановский	Победа Октября			15.04.1956	райархив					
10	2	Шадринский	им. Кирова	25.09.1956	райархив							
		(Каменский)										
11	1	?	им. Мичурина									Алтай. правда, 17.03.1956
		(Краснощековский)										
12	1	Краснощековский	Колхозная крепость	06.04.1956 (*)	ЦХАФАК	09.04.1956 (*)	ЦХАФАК					
		(Крутихинский)										
13	1	Прыганский	им. Жданова	01.04.1956 (*)	ЦХАФАК	08.04.1956 (*)	ЦХАФАК					
		(Локтевский)										
14	1	?	Краснофлотец									Алтай. правда, 30.03.1956
		(Павловский)										
15	1	Колыванский	Путь к коммунизму			12.04.1956	ЦХАФАК			07.01.1957 (*)	райархив	
16	2	Лебяжинский	им. Ленина			11.04.1956 (*)	ЦХАФАК			07.01.1957 (*)	райархив	
17	3	Павловский	им. Тельмана	13.04.1956 (*)	райархив	20.04.1956 (*)	райархив					
18	4	Рогозихинский	им. Молотова	26.04.1956	райархив	23.06.1956	райархив			07.01.1957 (*)	райархив	
19	5	Черемновский	Завет Ильича	11.04.1956	ЦХАФАК					07.01.1957 (*)	райархив	
20	6	Черемно-Подгорновский	им. Чкалова	22.04.1956	райархив	10.04.1956	райархив			30.06.1956 (отменено 06.09.1957)	райархив	
21	7	Чернопятовский	им. Ленингр.25-тысячников	15.04.1956	ЦХАФАК	18.04.1956	ЦХАФАК					
22	8	Чернопятовский	Стальная колонна			14.04.1956 (*)	райархив			07.01.1957 (*) (отменено 06.09.1957)	райархив	
23	9	Шаховский	им. Куйбышева			11.07.1956 (*)	ЦХАФАК			07.01.1957 (*) (отменено 06.09.1957)	райархив	
24	10	?	Знамя Октября							30.06.1956 (отменено 06.09.1957)	райархив	
25	11	?	им. Ворошилова							07.01.1957 (*)	райархив	
26	12	?	им. Кагановича							07.01.1957 (*)	райархив	
27	13	?	Память Кирова							07.01.1957 (*)	райархив	
28	14	?	Путь вперед									райгазета, 29.03.1956
29	15	?	Путь Сталина			05.04.1956 (*)	ЦХАФАК			07.01.1957 (*)	райархив	
30	16	?	?									райгазета, 22.03.1956
		(Парфеновский)										
31	1	?	Зеленая Роща							05.10.1956	ЦХАФАК	
32	2	?	им. Ворошилова							05.10.1956 (*)	ЦХАФАК	
№	№	(Район) Сельсовет	Колхоз	протокол зас. правления		протокол общего собрания		устав (часть изменений)		решение (бюро) РИКа		другие материалы

1) ЦХАФАК. Центр хранения архивного фонда Алтайского края. 2) (*). материалы, известные только датами, или не указывающие конкретно о содержании измененных уставов.

Таблица 1. Колхозы Алтайского края, по которым собраны архивные и другие материалы об изменении уставов в 1956 г.

				дата	место хр.	дата	место хр.	дата	место хр.	дата регистрации устава	место хр.	
33	3	?	им. Куйбышева							05.10.1956	ЦХАФАК	
34	4	?	им. Сталина							05.10.1956	ЦХАФАК	
35	5	?	им. Хрущева							10.12.1956	ЦХАФАК	
36	6	?	Красный Алтай							05.10.1956	ЦХАФАК	
37	7		Орел							10.12.1956	ЦХАФАК	
38	8	?	Путь к коммунизму							05.10.1956	ЦХАФАК	
39	9	?	Путь Сталина							05.10.1956 (*)	ЦХАФАК	
		(Поспелихинский)										
40	1	Борковский	им. Кагановича			13.04.1956	райархив			06.07.1956 (*)	ЦХАФАК	
41	2	Борковский	им. Молотова							06.07.1956 (*)	ЦХАФАК	
42	3	Калмыцко-Мысовский ?	Знамя родины			21.02.1957	райархив					
43	4	Николаевский ?	Красное знамя			20.04.1956	райархив			06.10.1956	ЦХАФАК	
44	5	Поломошенский	Ленинец							06.10.1956	ЦХАФАК	
45	6	Поломошенский	Память Кирова							06.07.1956 (*)	ЦХАФАК	
46	7	Станционно-Поспелихинский	им. Калинина							06.07.1956 (*)	ЦХАФАК	
47	8	Станционно-Поспелихинский	Факел коммунизма			20.04.1956	райархив			21.05/ 22.12.1956	ЦХАФАК	
48	9	? (Поспелихинская МТС)	Путь Ильича			10.04.1956	райархив			06.07.1956 (*)	ЦХАФАК	
49	10	? (Поспелихинская МТС)	Путь к коммунизму			12.04.1956	райархив			21.06.1956	ЦХАФАК	
50	11	?	им. Булганина							06.10.1956	ЦХАФАК	
51	12	?	Знамя Советов	06.04.1956	райархив	13.04.1956	райархив			21.05.1956	ЦХАФАК	
52	13	?	Страна Советов							21.05.1956	ЦХАФАК	
		(Сорокинский)										
53	1	Афонинский	им. Ленина					?	райархив			
54	2	Зыряновский	им. Молотова			18.04.1956	райархив					
		(Табунский)										
55	1	?	им. Жданова							31.10.1956	ЦХАФАК	
56	2	?	им. Карла Маркса							31.10.1956	ЦХАФАК	
57	3	?	им. Ленинского комсомола							31.10.1956	ЦХАФАК	
58	4	?	им. Маленкова							31.10.1956	ЦХАФАК	
59	5	?	им. Молотова							31.10.1956	ЦХАФАК	
60	6	?	им. Свердлова							31.10.1956	ЦХАФАК	
61	7	?	им. Сталина							31.10.1956	ЦХАФАК	
62	8	?	им. Чкалова							31.10.1956 (*)	ЦХАФАК	
63	9	?	им. Энгельса							31.10.1956	ЦХАФАК	
64	10	?	Память Ленина							31.10.1956 (*)	ЦХАФАК	
65	11	?	Победа коммунизма							31.10.1956 (*)	ЦХАФАК	
		(Тальменский)										
66	1	Загайновский	Революция			27.04.1956	райархив					
67	2	Зайцевский	им. Хрущева			17.04.1956	райархив					
68	3	Казанцевский	им. Буденного			15.04.1956	райархив					
69	4	Курочкинский	Искра Ленина			11.04.1956	райархив			15.08.1956	ЦХАФАК	
70	5	Луговской	Перелом			09.04.1956	райархив	(30.12.1956)	райархив	16.01.1957	райархив	
№	№	**(Район)** Сельсовет	Колхоз	протокол зас	правления	протокол общего собрания		устав (часть изменений)		решение (бюро) РИКа		другие материалы
				дата	место хр.	дата	место хр.	дата	место хр.	дата регистрации устава	место хр.	

1) ЦХАФАК: Центр хранения архивного фонда Алтайского края. 2) (*): материалы, известные только датами, или не указывающие конкретно о содержании измененных уставов.

Таблица 1. Колхозы Алтайского края, по которым собраны архивные и другие материалы об изменении уставов в 1956 г.

71	6	Лушниковский	3-й Интернационал			05.04.1956	райархив					
72	7	Шадринцевский	Путь Ленина			14.04.1956	райархив					
73	8	?	им. Маленкова			(04.05.1956)				15.08.1956	ЦХАФАК	
		(Топчихинский)										
74	1	Макарьевский	Правда	16.04.1956 (*)	райархив	19.04.1956 (*)	райархив					
75	2	Ракитинский	Маяк									Алтай. правда, 20.04.1956
76	3	Топчихинский	Комбайн									райгазета, 19.04.1956
77	4	Топчихинский	Путь Сталина (11.05.1956- Родина)							11.05.1956	райархив	
78	5	Чистоньский	им. Крупской									райгазета, 07.04.1956
		(Троицкий)										
79	1	?	им. Сталина									Алтай. правда, 17.03.1956
		(Угловский)										
80	1	Круглянский	им. Куйбышева			01.04.1956	ЦХАФАК					
81	2	Круглянский	им. Сталина			22.04.1956	ЦХАФАК					
82	3	Ново-Михайловский	им. Ворошилова			10.06.1956	ЦХАФАК	10.16.1956 (текст устава изложен в протоколе)				
		(Усть-Пристанский)										
83	1	Елбанский	им. Ворошилова			06.04.1956	ЦХАФАК					
84	2	Нижне-Озернинский	им. Калинина			04.04.1956	ЦХАФАК					
85	3	Усть-Пристанский	20 лет Октября			13.04.1956	ЦХАФАК					
		(Хабарский)								22.05.1956	ЦХАФАК	(фонд к-за"Партизан")
86	1	Богатский	им. Жданова			09.04.1956	ЦХАФАК	(09.04.1956) (текст части изменений изложен в протоколе)				
87	2	Богатский	Победа	10.04.1956	ЦХАФАК	11.04.1956	ЦХАФАК					
88	3	Зятького-Реченский	им. Кирова	11.04.1956	ЦХАФАК	13.04.1956	ЦХАФАК					
89	4	Коротоякский	Путь Ильича			11.04.1956	ЦХАФАК					
90	5	Ново-Ильинский	Ленинский путь	09.04.1956	ЦХАФАК	10.04.1956	ЦХАФАК					
91	6	Плесо-Курьинский	им. Маленкова			15.04.1956	ЦХАФАК	(15.04.1956)	ЦХАФАК			
92	7	Плесо-Курьинский	Партизан			15.04.1956	ЦХАФАК					
93	8	Тополинский	им. Булганина			10.04.1956 (*)	ЦХАФАК					
94	9	?	им. Молотова			(08.04.1956)						райгазета, 12.04.1956
		(Чесноковский)										
95	1	Повалихинский	им. Маленкова	12.04.1956 (*)	ЦХАФАК	15.04.1956 (*)	ЦХАФАК					
		(Шипуновский)										
96	1	Михайловский	Первое Мая	17.04.1956	райархив	18-20.04.1956	райархив					
97	2	Урлаповский	им. Кирова			04.04.1956	райархив					
		(Яминский)										
98	1	?	им. Хрущева									Алтай. правда, 17.03.1956
Количество колхозов			98 (без (*): 76)	17 (без (*): 10)		55 (без (*): 44)		6		50 (без (*): 30)		10

1) ЦХАФАК: Центр хранения архивного фонда Алтайского края. 2) (*): материалы, известные только датами, или не указывающие конкретно о содержании измененных уставов.

Таблица 2. Колхозы Орловской области, по которым собраны архивные и другие материалы об изменении уставов в 1956 г.

№	№	(Район) Сельсовет	Колхоз	протокол зас. правления		протокол общ. собрания		устав (часть изменений)		решение (бюро) РИК		другие материалы
				дата	место хр.	дата	место хр.	дата	место хр.	дата регистрации	место хр.	
		(Верховский)										
1	1	Корсунский	им. Хрущева	20.05.1956	ГАОО	26.05.1956	ГАОО					
		(Глазуновский)										
2	1	?	им. Хрущева									Справка о состоянии соц. законности в районе, 1957 (ГАОО)
		(Дросковский)										
3	1	Ивановский	Память Кирова					?	ГАОО			
4	2	Топковский	им. Жданова					(?)	ГАОО			
		(Знаменский)										
5	1	?	Красная нива									Письмо зам. нач. Облуправления с. х., март 1957 (ГАОО)
6	2	?	Путь к коммунизму									Письмо зам. нач. Облуправления с. х., март 1957 (ГАОО)
		(Корсаковский)										
7	1	Головкинский	им. Хрущева					02.09.1956	ГАОО			
8	2	Красногорский	Завет Ильича					03.04.1956	ГАОО			
9	3	Марьинский	Путь к коммунизму					09.04.1956	ГАОО			
10	4	Ново-Михайловский	Верный путь					29.03/ ?. ?.1956	ГАОО	22.09.1956 (*)	ГАОО	
11	5	Покровский	Красная заря					29.03.1956	ГАОО			
12	6	Покровский	Большевик			28.03.1956	ГАОО	28.03.1956	ГАОО			
		(Краснозоренский)										
13	1	Успенский	им. Сталина					31.07.1956	ГАОО	04.02.1957 (*)	ГАОО	
		(Ново-Деревеньковский)										
14	1	Благодатский	им. Ворошилова					(30.05.1957) (*)		05.08.1957 (*)	ГАОО	
15	2	Благодатский	Путь к коммунизму					(10.05.1957) (*)		20.05.1957 (*)	ГАОО	
16	3	Глебовский	им. Ильича	04.04.1956	ГАОО			(20.03.1957) (*)		20.05.1957 (*)	ГАОО	
17	4	Журавлиновский	им. Сталина	16.04.1956	ГАОО	27.05.1956	ГАОО					
18	5	Косаревский	им. Жданова			08.07.1956	ГАОО					
19	6	Никитинский	им. Хрущева					(29.03.1957) (*)		20.05.1957 (*)	ГАОО	
20	7	Ново-Деревеньковский	им. Маленкова					(06.02.1957) (*)		20.05.1957 (*)	ГАОО	
21	8	Старогольский	Путь Сталина					(08.04.1957?56)		20.05.1957 (*)	ГАОО	Письмо нач. Облуправления с. х., 16.01.1957 (ГАОО)
22	9	?	Путь к рассвету									П.Н.Рослов. Охрана колх. землепользования. Орел, 1958
		(Орловский)										
23	1	?	им. Сталина									П.Н.Рослов. Охрана колх. землепользования. Орел, 1958
24	2	?	им. Фрунзе									Орловская правда, 27.10.1956
		(Русско-Бродский)										
25	1	Нижне-Жерновский	Звезда					02.04.1956	ГАОО	15.08.1956 (*)	ГАОО	
26	2	Нижне-Жерновский	им. Ворошилова					?	ГАОО			
27	3	Нижне-Жерновский	им. Маленкова	28.07/ 19.11.1956	ГАОО	29.07/ 28.11.1956	ГАОО	?	ГАОО	03.08.1956 (*)	ГАОО	
28	4	Пеньшинский	им. Буденного	23.07.1956 (*)	ГАОО	04.08.1956 (*)	ГАОО	04.08.1956	ГАОО	09.08.1956 (*)	ГАОО	
29	5	Покровский	им. Карла Маркса					21.07.1956	ГАОО	23.02.1957 (*)	ГАОО	
30	6	Покровский	Труд					22.01.1957	ГАОО	07.02.1957 (*)	ГАОО	
31	7	Рождественский	им. Хрущева	16.07.1956 (*)	ГАОО	22.07.1956 (*)	ГАОО			03.08.1956 ? (*)	ГАОО	
32	8	Ртищевский	им. Хрущева					?	ГАОО	(13.04.1957) (*)		
33	9	Русско-Бродский	им. Молотова	12.07.1956	ГАОО	14.07.1956/ 06.01.1957	ГАОО					
34	10	Теляженский	им. Калинина					?	ГАОО	09.08.1956 (*)	ГАОО	
35	11	Теляженский	Ленинский путь					24.07.1956	ГАОО	03.08.1956 (*)	ГАОО	
36	12	Троицкий	им. Чкалова			23.07.1956	ГАОО	22.07.1956	ГАОО	09.08.1956 (*)	ГАОО	
37	13	Троицкий	Вперед к коммунизму			22.07.1956	ГАОО	22.07.1956	ГАОО	03.08.1956 (*)	ГАОО	
38	14	?	Заветы Ильича							09.08.1956 (*)	ГАОО	
39	15	?	Заря							09.08.1956 (*)	ГАОО	
40	16	?	им. Ленина							03.08.1956 (*)	ГАОО	
41	17	?	им. Ленина							09.08.1956 (*)	ГАОО	
42	18	?	Путь к коммунизму									Справка о райкоме КПСС, июль? 1956 (ГАОО)
		(Сосковский)										
43	1	?	им. Калинина									П.Н.Рослов. Охрана колх. землепользования. Орел, 1958
Количество колхозов			43 (без (*): 34)	7 (без (*): 5)		10 (без (*): 8)		26 (без (*): 21)		23 (без (*): 0)		9

1) ГАОО: Гос. архив Орловской обл. 2) (*): материалы, известные только датами, или не указывающие конкретно о содержании измененных уставов.

Таблица 3. Количество колхозов, по которым известно что-нибудь о содержании измененных уставов 1956 г.

(1) Алтайский край (7 районов, по которым собраны материалы и в районных архивах)

районы	содержание уставов известно на материалах					Итого (без дублирования) (А)	общее число колхозов в конце 1955 г. (Б) *	(А)/ (Б) в %
	протокола зас. правления	протокола общ. собрания	устава (части изменений)	решения (бюро) РИКа	других			
Калманский	1	1	0	0	0	2	14	14,3
Павловский	4	5	0	2	2	8	18	44,4
Поспелихинский	1	7	0	7	0	10	14	71,4
Сорокинский	0	1	1	0	0	2	20	10,0
Тальменский	0	7	1	3	0	8	21	38,1
Топчихинский	0	0	0	1	3	4	17	23,5
Шипуновский	1	2	0	0	0	2	24	8,3
всего	7	23	2	13	5	36	128	28,1

*Народное хозяйство Алтайского края. Статистический сборник. Барнаул, 1958. С. 74-75

(2) Орловская область (3 района, по которым собраны материалы порайонных фондов колхозов в ГАОО)

Районы	содержание уставов известно на материалах					Итого (без дублирования) (А)	общее число колхозов в конце 1955 г. (Б) **	(А) / (Б) в %
	протокола зас. правления	протокола общ. собрания	устава (части изменений)	решения (бюро) РИКа	других			
Корсаковский	0	1	6	0	0	6	16	37,5
Ново-Деревеньковский	2	2	1	0	2	5	25	20,0
Русско-Бродский	2	4	11	0	1	13	18	72,2
всего	4	7	18	0	3	24	59	40,7

** Народное хозяйство Орловской области. Статистический сборник. Орел, 1957. С. 29

Виталий Наухацкий

Миграция и трудовые ресурсы донского села 60 – 80-х годов XX века: опыт административного регулирования

Во второй половине XX века российское сельское хозяйство переживало процесс модернизации, который проходил в русле общемировых закономерностей, но отличался значительным национальным колоритом. Более того, модернизация аграрной экономики не только была окрашена в национально-самобытные тона, но и отличалась значительной региональной спецификой. К числу модернизационных процессов относится миграция сельского населения, обеспечение сельскохозяйственного производства рабочей силой. Указанные процессы происходили под воздействием общих факторов модернизации, особенностей аграрной и социальной политики государства, конкретной практики региональной партийно-хозяйственной элиты.

Рассмотрим эти проблемы на примере Ростовской области – важного сельскохозяйственного района России. Ростовская область – наиболее урбанизированная территориально-экономическая зона в структуре Северо-Кавказского экономического региона. Область сосредоточивает почти треть населения Северного Кавказа (4404 тыс. человек по переписи 2002 г.), пятую часть всех его городов, занимает территорию площадью в 101 тыс. км^2. Сельскохозяйственное производство в области в 1965 году осуществляли 523 колхоза и совхоза и 736 колхозов и совхозов в 1985 году. За ними было закреплено 5,5 млн. га в 1965 году и 5,05 млн. га в 1985 году. В области в 1985 г. было свыше 430 тыс. га орошаемых земель. Поголовье продуктивного скота в хозяйствах всех категорий составляло (тыс. голов): крупного рогатого скота – 2338,9, свиней – 2410,5, овец и коз – 4285,5, птицы – 36924. Среднегодовое производство зерновых культур превысило во второй половине 80-х годов 7,5 млн. тонн (Таблица 8)[1]. Ростовская область всегда играла важную роль в производстве сельскохозяйственной продукции в России и СССР.

Чем характеризовалась миграционная подвижность населения Ростовской области в 60-е годы? Для ответа на этот вопрос воспользуемся материалами справки «О миграции сельского населения Ростовской области», подготовленной областным статистическим управлением в августе 1970 г.

После переписи 1959 года сельское население области увеличилось

на 92 тыс. человек или на 7%, численность городского населения увеличилась на 428 тыс. человек или на 21%. Несмотря на некоторое увеличение сельского населения удельный вес его в общей численности населения сократился на 3% (таблица 1).

Таблица 1

Динамика численности городского и сельского населения Ростовской области

Дата переписи	Городское (тыс. чел.)	Сельское (тыс. чел.)	Удельный вес сельского населения
15.01.1959 г.	1992,8	1318,9	39,8
15.01.1970 г.	2420,9	1411,4	36,8

Сельское население за этот период сократилось в 12 районах области и увеличилось в 25. Более всего оно сократилось в Родионово-Несветайском районе на 11%, в Миллеровском на 8%, Матвеево-Курганском на 7%, Тарасовском на 6%. Уменьшение численности сельского населения имелось и в Белокалитвенском, Верхнедонском, Каменском, Кашарском, Песчанокопском, Усть-Донецком, Целинском, Чертковском районах. Сельское население увеличилось в Цимлянском и Аксайском районах на 32%, в Мясниковском, Мартыновском, Сальском, Семикаракорском на 22-25%, Заветинском, Морозовском, Октябрьском, Багаевском на 10-15%.

На изменение численности сельского населения оказали влияние естественный прирост, преобразование населенных пунктов в городские, включение в состав городов и рабочих поселков сельских населенных пунктов в связи с развитием промышленности, а также миграция. Преобладающее влияние на уменьшение численности сельского населения оказывает выбытие населения на постоянное место жительство в города. За 1960-1969 гг. сельское население уменьшилось за счет этого фактора на 649 тыс. человек. За счет преобразования населенных пунктов в городские численность сельского населения уменьшилась на 69 тыс. человек. Естественный прирост сельского населения систематически снижался и составил в 1969 году 3,5 на 1000 человек населения против 15,7 в 1960 г., т.е. уменьшился на 78%.

Выбытие населения приводит к снижению рождаемости и в связи с этим к постарению населения, так как уходят в основном люди в плодовитом возрасте. В Вешенском районе на 1000 человек населения рождаемость составила – 10,3, в Белокалитвенском – 10,4, в Миллеровском – 10,9, а в связи с высоким удельным весом лиц в старческих возрастах смертность населения в Вешенском районе – 11,9, в Верхнедонском – 11,3, в Тарасовском – 10,6, в Миллеровском – 10,2, что выше областного показателя. В связи с низкой рождаемостью и высокой смертностью в указанных районах почти нет естественного прироста населения.

Удельный вес населения в возрасте старше трудоспособного составляет в Вешенском районе 28%, в Верхнедонском районе – 27%, в Тара-

совском – 26%, в Миллеровском – 24%, при 20% в среднем по области (по РСФСР – 18%). На 100 человек населения в трудоспособном возрасте в Вешенском районе приходится 61 человек в возрасте старше трудоспособного, в Верхнедонском – 58, в Тарасовском – 57, в Миллеровском – 50, тогда как в целом по области это соотношение составляет 36 человек (в РСФСР – 38 человек). Возрастная структура мигрирующего населения резко отличается от возрастной структуры сельского населения (таблица 2).

Таблица 2

Возрастная структура сельского и мигрирующего населения Ростовской области

Возрастные группы	1969 г.		Все сельское население на начало 1970 г.
	Прибывшие в села	Выбывшие из села	
	(в процентах к итогу)		
Всего,	100,0	100,0	100,0
в том числе в возрасте 0-15 лет	13,2	12,4	29,9
В трудоспособном возрасте 16-54 (женщины), 16-59 (мужчины)	81,5	81,5	49,8
Старше трудоспособного возраста	5,3	6,1	20,3

На начало 1970 года 30% населения составили дети в возрасте 0-15 лет, а среди прибывших в 1969 году в селе они составили только 13% и среди выбывших 12%. Население в трудоспособном возрасте в селах составляло 50%, а среди и прибывших, и выбывших 82%. Численность населения старше трудоспособного возраста составляла 20% в сельском населении и немногим более 5% в числе прибывших и выбывших. Интенсивность миграции характеризуется следующим (таблица 3):

Таблица 3

Динамика интенсивности миграции в Ростовской области

Годы	Число прибывших в сельскую местность		Число выбывших из сельской местности		Механический Прирост (+ или -)	
	Всего (тыс.чел.)	На 1000 жителей	Всего (тыс.чел.)	На 1000 жителей	Всего (тыс.чел.)	На 1000 жителей
1960	74,1	55	74,6	55	- 0,5	-
1965	61,3	44	61,0	44	0,3	0
1968	65,5	47	70,1	50	- 4,6	- 3
1969	70,9	50	70,0	50	0,9	0

Интенсивность миграции по районам крайне неравномерна от 33 до 92 прибывших и от 32 до 78 выбывших на 1000 жителей. Наиболее интенсивная миграция в Аксайском, Октябрьском и Пролетарском районах. В 1969 году коэффициенты прибытия и выбытия в этих районах составили 92-85 прибывших и 78-68 выбывших на 1000 жителей. Менее интен-

сивная миграция была в Вешенском, Кашарском, Тарасовском, Миллеровском районах. Сравнительно высокий коэффициент механического прироста отмечается в Октябрьском, Цимлянском, Аксайском, Ремонтненском (17-14 на 1000 жителей), самый низкий (1-2 на 1000 жителей) в Верхнедонском, Мясниковком, Неклиновском, Чертковском, Вешенском, Милютинском районах.

Причины передвижения сельского населения в возрасте 16 лет и старше в 33 районах в июле 1970 г. отражены в таблице 4.

Таблица 4

Причины миграции взрослого населения Ростовской области

Причины прибытия (выбытия)	Число прибывших		Число выбывших	
	человек	в % к итогу	человек	в % к итогу
Всего мигрировало,	5593	100,0	5070	100,0
в том числе: на работу	2932	52,4	2113	41,7
на учебу	69	1,2	943	18,6
с семьей	203	3,6	190	3,7
к прежнему месту жительства	1601	28,7	1073	21,2
прочие причины	788	14,1	751	14,8

Из всех прибывших в села в возрасте 16 лет и старше 52% указали основной причиной миграции переезд на работу, из выбывших 42% указали на работу и 19% - на учебу.

Половозрастная структура выбывшего в июле 1970 году трудоспособного сельского населения по 33 районам области характеризуется следующим (таблица 5, в %).

Таблица 5

Половозрастная структура выбывшего сельского населения в Ростовской области (июль 1970 г., в %)

Показатели структуры	Всего	16-19 лет	20-24 года	25-29 лет	30 лет и старше
Итого	100,0	27,8	25,7	9,4	37,1
в том числе: Мужчины в возрасте 16-59 лет	50,4	8,0	14,9	5,4	22,1
Женщины в возрасте 16-54 года	49,6	19,8	10,8	4,0	15,0

Из таблицы видно, что выезжает больше мужчин, чем женщин. Наиболее подвижным является трудоспособное население в возрасте от 16 до 25 лет. Миграция населения в этих возрастах в основном связана с поступлением в высшие, средние специальные и другие учебные заведения, призывом в Советскую Армию. Анализ показывает, что 37% трудоспособного населения выбывает в возрасте 30 лет и старше, в том числе мужчин 22%. Распределение выбывшего из села населения в этом воз-

расте по причинам характеризуется следующим образом: на работу – 52%, к прежнему месту жительства – 28%, прочие причины – 20%.

Помимо производственно-экономического фактора (отсутствие работы по специальности, сезонность в работе и других) население выезжает из села из-за неудовлетворенности культурно-бытовым обслуживанием и плохих транспортных связей с городом. Большое количество культурно-бытовых учреждений находится далеко от сельских населенных пунктов, не все поселки электрифицированы и радиофицированы. Так, в 1969 г. 59 населенных пунктов в 18 районах области с населением 2,7 тыс. человек не имели электричества. В 395 населенных пунктах области (14% к общему количеству) отсутствовала радиотрансляция. Только в 4 районах (Кашарском, Милютинском, Пролетарском, Родионово-Несветайском) все населенные пункты радиофицированы. Телефонную связь имеют 62% населенных пунктов. На значительном расстоянии (дальше 15 км) телефонная связь находится у 12% населенных пунктов. Почтовое отделение далее 10 км имеют 15% населенных пунктов.

Все населенные пункты имеют вблизи начальную общеобразовательную школу, у 94 или 3% населенных пунктов школы находятся на расстоянии дальше 5 км. У себя имеют начальную школу 49% населенных пунктов. Далее 5 км находятся восьмилетние школы у 38% населенных пунктов и средние общеобразовательные школы у 64% населенных пунктов области. Населенные пункты по наличию культурно-бытового, медицинского и другого обслуживания группируются следующим образом (таблица 6).

Таблица 6

Группировка сельских населенных пунктов Ростовской области по числу социальных учреждений (1969 г., в % к общему количеству сельских населенных пунктов)

Виды учреждений	Число населенных пунктов, имеющих учреждения:	
	У себя	Далее 5 км
Больница	7	74
Ясли, сады и ясли-сады	37	5
Клуб	67	7
Библиотека	39	26
Спортплощадка	33	39
Магазин	72	6
Столовая	22	51
Бытовое обслуживание		Далее 10 км
Парикмахерская	10	52
Общественная баня	21	38
Швейная мастерская	11	51
Сапожная мастерская	6	67

Наличие транспортных связей отражено в таблице 7.

Таблица 7

	Число населенных пунктов, находящихся на расстоянии, в %	
	До 5 км	Более 5 км
От автобусной остановки	74	26
От сельсовета	39	61
	До 10 км	Более 10 км
От райцентра	10	90
	До 15 км	Более 15 км
От железной дороги	31	69

Очевидно, что хорошие транспортные связи дали бы возможность улучшить бытовое и другое обслуживание населения в каждом населенном пункте[2].

Анализ миграции сельского населения, проведенный областным статистическим управлением, наглядно свидетельствует о том, что в решении проблем трудовых ресурсов в сельском хозяйстве области первостепенную роль должна играть активизация социальной политики, целенаправленное и масштабное решение социальных проблем села. Не случайно в этой связи то, что идея об усилении внимания к социальным проблемам села в целях обеспечения сельскохозяйственных предприятий кадрами получила широкое отражение в постановлениях органов власти и управления, в выступлениях руководителей области уже во второй половине 60-х годов.

В последующие годы миграция сельского населения области продолжалась. Динамика изменения численности сельского населения Ростовской области в сравнении с Российской Федерацией за период 1959-2002 гг. представлена на рисунке 1. Динамика удельного веса сельского населения в общей численности населения Ростовской области, Ставропольского и Краснодарского краев и Российской Федерации отражена на рисунке 2.

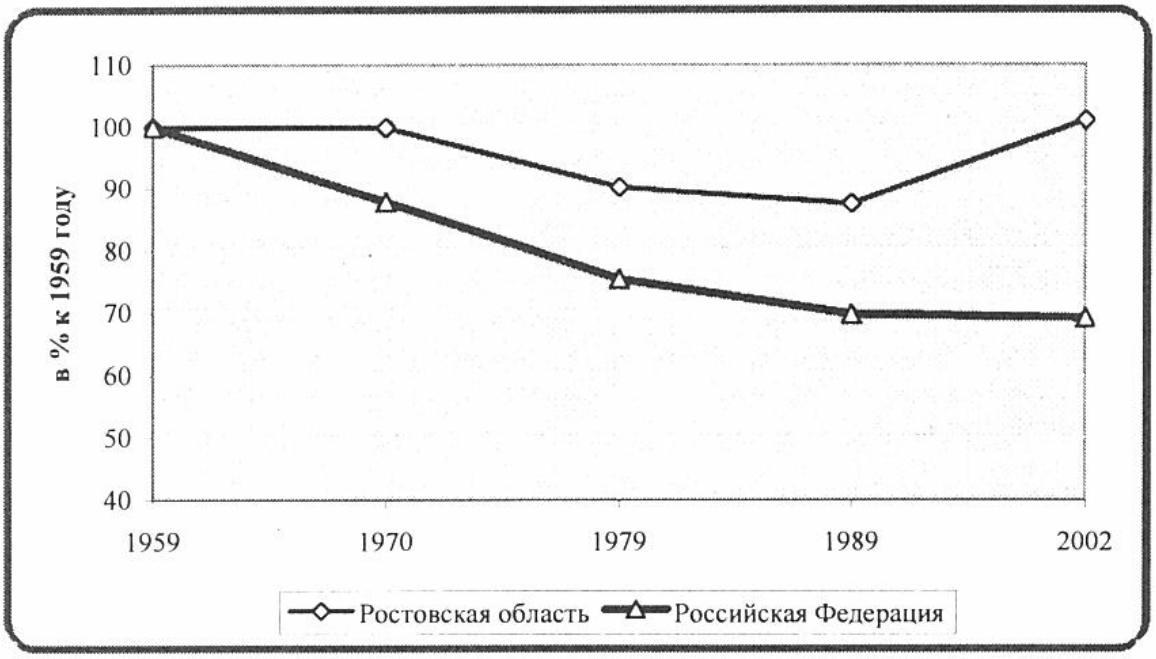


Рис. 1. ***Динамика темпов изменения численности сельского населения***

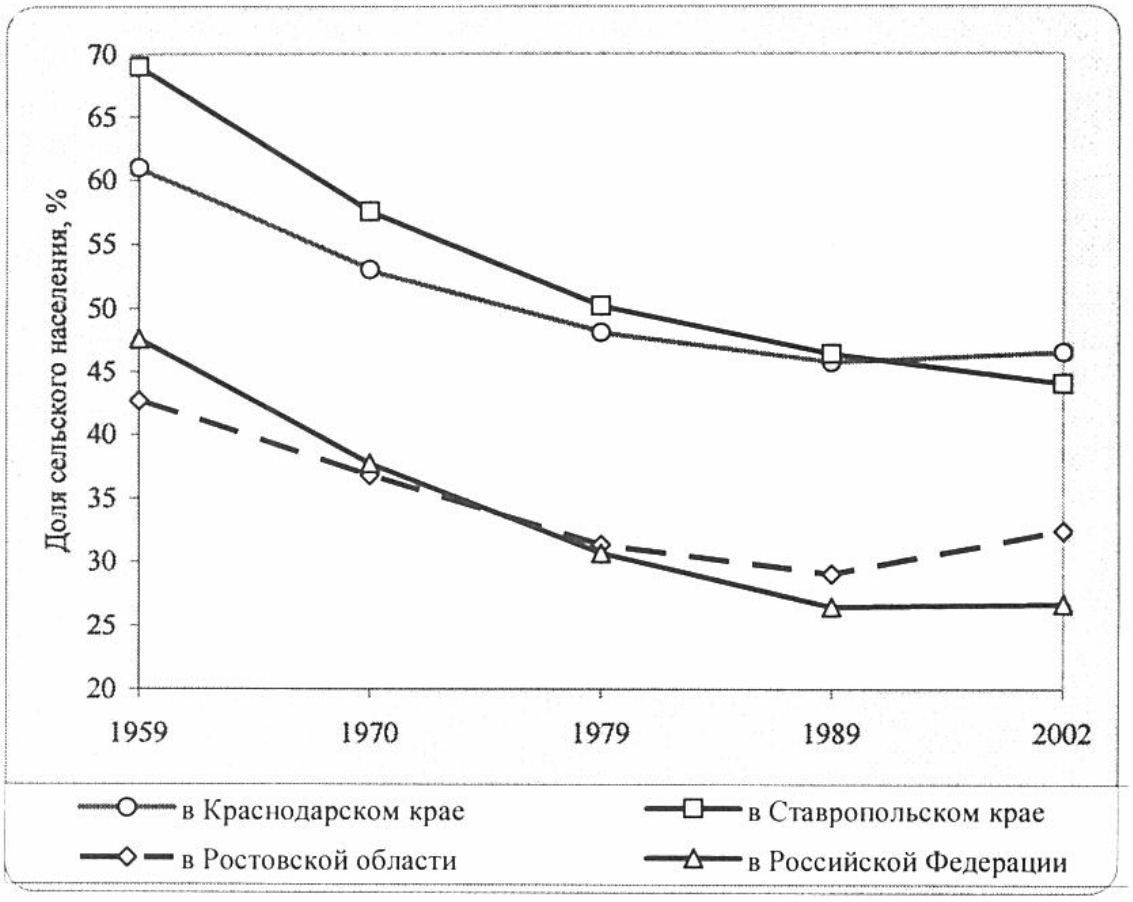


Рис. 2. ***Динамика удельного веса сельского населения в его общей численности***

Как видим, Ростовская область относится к числу регионов Юга России с высоким уровнем индустриального развития. Доля сельского населения в общей численности населения существенно ниже, чем в соседних Краснодарском и Ставропольском краях, но от среднероссийских показателей отличается незначительно. На протяжении 1959-2002 гг. удельный вес сельского населения Ростовской области снизился с 42,7% до 32,4%, однако абсолютная численность сельского населения области, несколько снизившись в 70-80-е гг., возросла в 90-е годы. В результате численность сельского населения в начале XXI в. в Ростовской области превысила численность сельского населения конца 50-х годов XX в. Численность городского населения увеличилась за период 1959-2002 гг. с 57,3% до 67,6%, а в абсолютных цифрах с 1898,8 тыс. до 2978 тыс. человек, то есть более чем на 1 млн. человек.

Таким образом, процессы модернизации и урбанизации в Ростовской области отличались определенной спецификой. Миграция сельского населения не носила чрезмерного характера, не отличалась драматизмом, как, например, во многих регионах Нечерноземной зоны России. Однако сказанное не означает, что миграция сельского населения области не порождала проблем и не вызывала обеспокоенности у местного партийно-государственного руководства. В этой связи обратим внимание на следующее обстоятельство.

Рост городского населения в области и в стране требовал увеличения производства сельскохозяйственной продукции теми, кто оставался в деревне, кто продолжал трудиться в сельском хозяйстве. Ростовская область в 60-80-е годы увеличивала производство сельскохозяйственной продукции и наращивала поставки в союзно-республиканский фонд (таблица 8)[3].

Таблица 8

Среднегодовые размеры валовых сборов и государственных закупок зерна в Ростовской области,

Показатели	1961-1965	1966-1970	1971-1975	1976-1980	1981-1985	1986-1990
Валовые сборы зерна, тыс. т	4976,6	5567,3	6166,0	6627,5	5346,3	7519,1
Государственные закупки: тыс. т	2372,7	2390,0	2659,3	2931,8	1937,1	3060,4
в % к валовому сбору	47,7	42,9	43,1	44,2	36,2	40,7

Дальнейшее увеличение производства сельскохозяйственной продукции неизбежно упиралось в проблему обеспечения сельского хозяйства кадрами. Вот почему в реальной политике проблема миграции сельского населения воспринималась через призму обеспечения села кадрами механизаторов, животноводов, агрономов, инженеров сельскохозяйственного производства. Нельзя при этом не отметить, что областное партийно-государственное руководство провозглашало подчас необосно-

ванные, прожектерские планы производства сельхозпродукции. Так, в середине 70-х годов ставилась задача ежегодно производить не менее 8 млн. т. зерна, в конце 70-х гг. – не менее 8-9 млн. т., а в 1981-1985 гг. увеличить производство зерна до 10 млн. т.[4]. Разумеется, эти конъюнктурные планы не выполнялись (максимальный сбор зерновых в области был в 1990 г. – 9666,8 тыс. т.), но при этом не только деформировали структуру посевных площадей, отвлекали ресурсы от производства других видов продукции, порождали приписки и административный нажим, но и требовали дополнительных рабочих рук.

Как воспринималась проблема обеспечения сельского хозяйства кадрами во второй половине 60-х годов? Для ответа на этот вопрос воспользуемся материалами о состоянии и использовании трудовых ресурсов области, полученными в результате обследований, проводившихся на рубеже 60-70-х годов отделом по использованию трудовых ресурсов Ростовского облисполкома и партийными органами.

Трудовые ресурсы, занятые в сельском хозяйстве составляли 24,6% всех занятых в народном хозяйстве трудовых ресурсов и 30,7% от занятых в отраслях материального производства. Удельный вес колхозников в численности занятых в сельском хозяйстве составил 59,4%. Сельское хозяйство по численности занятой рабочей силы занимало в области второе место после промышленности. Темпы прироста занятых в сельском хозяйстве из года в год снижаются. В 1967 году по сравнению с 1966 годом количество занятых в сельском хозяйстве уменьшилось на 0,1%. Это отражает закономерный процесс перераспределения трудовых ресурсов из сельскохозяйственного производства в другие отрасли, главным образом, в промышленность[5].

Как изменилась численность работников, занятых в сельскохозяйственном производстве, видно из таблицы 9[6].

Таблица 9

Среднегодовая численность работников, занятых в основном производстве совхозов, и колхозников, принимавших участие в работах колхозов (тыс. человек)

Годы	Работники совхозов	Колхозники	Всего
1965	157,0	252,8	409,8
1970	160,0	246,6	406,6
1975	159,2	221,0	380,2
1980	174,1	202,9	377
1985	171,3	193,7	365

Таким образом, за 20 лет среднегодовая численность колхозников сократилась на 59,1 тыс. человек, а работников совхозов возросла на 14,3 тыс. человек, общее сокращение, таким образом, составило 44,8 тыс. человек. При этом число колхозов увеличилось с 305 до 361, а число колхозных дворов сократилось с 178,6 тыс. до 172,0 тыс., число совхозов

возросло с 218 до 375[7].

В то же время в сельской местности трудовые ресурсы использовались далеко не полностью. Результаты обследования, проведенного в 1968 г. отделом по использованию трудовых ресурсов облисполкома, показали, что не занято в общественном производстве более 43 тыс. человек трудоспособного населения в трудоспособном возрасте, в том числе: агрономов и зоотехников более 300 человек, механизаторов сельского хозяйства – свыше 400 человек. Это происходит, по мнению отдела облисполкома, потому, что многие правления колхозов и местные советские органы не используют всех возможностей и прав для привлечения к труду неработающих членов колхозов и других граждан. Во многих хозяйствах не установлен минимум выходов, поэтому значительное число членов сельхозартелей не вырабатывают необходимого количества человеко-дней в году. Так, в колхозе им. Кирова Егорлыкского района свыше 56% трудоспособных колхозников не отработали даже 100 человеко-дней в год, в то время как средняя занятость в колхозах области составила 234 человеко-дня. Из 37 сельских районов в 18-ти показатель трудовой активности одного колхозника ниже среднеобластного[8]. В колхозах имелось в 1968 г. более 2,6 тыс. трудоспособных колхозников, не выработавших ни одного человеко-дня[9]. Во многих колхозах и совхозах велики потери рабочего времени из-за прогулов и отпусков по разрешению администрации. Вместе с тем в период напряженных сельскохозяйственных работ свыше 26 тыс. трудящихся привлекаются для оказания помощи из городов области[10].

Неудовлетворительно во многих случаях используется рабочая сила в межсезонный период. По расчетам ученых Ростовского института народного хозяйства, в колхозах области в межсезонный период не работает 38 тысяч человек. По отдельным районам количество трудоспособных колхозников, не занятых в общественном производстве в межсезонный период, колеблется от 8% по Красносулинскому и Октябрьскому районам до 33,5% по Морозовскому району. В среднем по области эта величина составляет 16,2% к общей численности трудоспособных колхозников. Если к этому прибавить работников виноградарских, овощеводческих и зерновых совхозов, то эта цифра значительно увеличится. Использование этих трудовых ресурсов осуществляется крайне недостаточно во многом из-за слабого развития подсобных промыслов. Наличие промыслов и подсобных производств в колхозах области в 1966 г. характеризуется следующими данными:

мельницы всех видов	278.
крупорушки	141.
виноделие	41.
маслосырзаводы	21.
маслобойки	65.
переработка овощей и фруктов	24.
лесопилки	256.
кирпичные заводы	36.
каменные карьеры	11.
столярно-плотницкие мастерские	268.
итого	1121.

В этих полукустарных производствах занято около 2500 колхозников. Таким образом, имеющиеся промыслы и подсобные производства не решали проблему занятости колхозников в межсезонный период. Поэтому наряду с переработкой сельскохозяйственного сырья и древесины, производством строительных материалов необходимо развивать переработку отходов промышленности, гончарное производство на местном сырье, изготовление товаров народного потребления и сувениров, изготовление деталей и узлов для заводов и фабрик, расположенных в крупных городах, подготовку колхозников-строителей для использования на строительстве в колхозах и городах[11].

По данным статистических органов, в сельской местности области в 1970 г. не училось и не работало молодежи в возрасте 16-19 лет 5378 человек, в том числе мужчин 2162, а в возрасте 14-15 лет – 394 человека[12].

Такова общая картина. Рассмотрим, как использовались ресурсы в колхозах и совхозах на примере Егорлыкского района. Численность населения района на 1 января 1972 г. составляла 33,1 тыс. человек, трудовые ресурсы – 18,6 тыс. человек или 56% численности населения. В 13 колхозах и совхозах работало 10,2 тыс. человек, т.е. около 2/3 занятых в общественном производстве. За последние пять лет население района уменьшилось на 800 человек или на 2,4%. Из колхозов и совхозов ежегодно выбывает значительное количество трудоспособного населения. В 1971 г. из района выбыло 1358 человек, из которых молодежь составила 40,6%. Как показали социологические исследования, основными причинами выбытия населения являются неудовлетворенность профессией и характером труда, отсутствие перспективы получения образования и повышения квалификации, неудовлетворенность оплатой труда, жилищными и культурно-бытовыми условиями. В результате в 1971 г. в хозяйствах района дефицит рабочей силы составил 409 человек.

Уровень трудовой активности колхозников и рабочих совхозов оставался низким. В 1971 г. в среднем одним трудоспособным колхозником выработано 247 человеко-дней или на 8,6% меньше рекомендованной

нормы, рабочим совхоза – 285 или на 25 человеко-дней меньше, чем в 1970 г.

По расчетам Северо-Кавказской плановой комиссии для Ростовской области установлен минимум выхододней на одного трудоспособного колхозника в 270 человеко-дней, в том числе для мужчин – 280, для женщин 260. Однако в колхозах «Искра», им. Кирова для мужчин установлен минимум 250 дней, для женщин 200 дней. В целом по району в 1971 г. 245 человек или 3,6% трудоспособных колхозников не выработали ни одного дня и 772 человека отработали менее 100. Особенно неудовлетворительно обстоит дело в колхозе им. Кирова, где 231 человек не выработал ни одного дня, а 308 человек, в том числе 158 мужчин, отработали менее 100 дней. В хозяйствах района 60% трудоспособного населения, выработавшего менее 100 дней, заняты в домашнем и личном подсобном хозяйстве, 19% – уходом за детьми. В колхозах и совхозах по причине неполной занятости потери годового фонда рабочего времени в 1971 г. составили 301,8 тыс. человеко-дней. В колхозах им. Кирова и «Заря» степень использования рабочего времени равняется соответственно 76 и 85%. Материалами обследования по 8 хозяйствам района установлено, что даже в период максимальной нагрузки сельскохозяйственных работ за 7 дней августа 1972 г. потери рабочего времени по неуважительным причинам среди работников полеводства составили 696 человеко-дней или в среднем более 7%.

Большой ущерб сельскохозяйственному производству наносит текучесть рабочей силы. За 1971 г. коэффициент текучести по совхозам района составил 13,3%. За 1967-1971 гг. в среднем ежегодно выбывало из колхозов и совхозов 208 механизаторов или 17% к их количеству. Только за 1971 г. уволилось из хозяйств 76 доярок (11,2%), скотников, телятниц, свинарок – 92 человека (8,1%), работников строительства – 84 человека (15,2%).

Многие партийные организации, сельские Советы мало занимаются вопросами занятости колхозников и рабочих совхозов в межсезонный период. В июле 1971 г. в хозяйствах района не работало 465 трудоспособных колхозников, а в декабре 1240, или 18,3% общей численности. Однако в районе подсобные предприятия не получили широкого развития.

Недостатки в использовании трудовых ресурсов отрицательно влияют на производство сельскохозяйственной продукции. За 1971-1972 годы колхозы и совхозы не выполняют планы производства и продажи государству всех основных видов продуктов растениеводства и животноводства[13].

Как следует из представленных материалов, значительная часть колхозников и работников совхозов вообще не была занята в общественном производстве; многие колхозники и работники совхозов не слишком обременяли себя трудом в колхозе или совхозе, предпочитая значительную часть времени трудиться в собственном хозяйстве или заниматься полу-

легальным бизнесом (производство меховых изделий, выращивание ранних овощей, цветов и т.п.); наконец, и те, кто трудился главным образом или почти исключительно в колхозе или совхозе, могли работать не очень добросовестно, понимая, что государство им все равно заплатит. Следовательно, проблемы в развитии сельского хозяйства области возникали не из-за миграции как таковой (она объективна, неизбежна, закономерна). Главные проблемы возникали там и тогда, где и когда плохо использовались трудовые ресурсы.

Во многом по причине плохого использования трудовых ресурсов на протяжении всего периода существовал феномен отстающих, убыточных, нерентабельных хозяйств, работники которых фактически получали от государства то, что не зарабатывали. К примеру, в результате невыполнения производственных планов и существенных недостатков в работе в Красносулинском районе денежные средства колхозов в 1968 г. уменьшились на 1603 тыс. рублей, прибыль сократилась с 5355 тыс. рублей в 1967 г. до 3774 тыс. рублей в 1968 г. Особенно большие убытки хозяйства района несли при производстве животноводческой продукции. Так, если в 1966 г. убытки от животноводства составляли 331 тыс. рублей, то в 1967 г. – 635 тыс., а в 1968 г. – 939 тыс. рублей. Имеют место очковтирательство, приписки и другие нарушения, в результате чего в 1968 г. перерасход по фонду заработной платы на фактически произведенную валовую продукцию в колхозах составил 1936801 рубль[14].

Широко распространенной на протяжении всего периода была ситуация, когда рост заработной платы в колхозах и совхозах опережал рост производительности труда, а удельный вес заработной платы в доходах был завышенным. Так, в Октябрьском районе, как отмечало бюро обкома в августе 1970 г., повышение заработной платы производится нередко без учета роста производительности труда, количества и качества продукции, снижения себестоимости, а премии выплачиваются при невыполнении производственных планов. В колхозе им. XX съезда в 1969 г. дояркам было выплачено около 2 тыс. руб. премий, хотя надой на фуражную корову был самым низким в районе (1643 кг), а его себестоимость 17 руб. 82 коп. (самая высокая в районе). В колхозе им. Фрунзе при невыполнении производственной программы по растениеводству в 1969 г. было выплачено 15,9 тыс. рублей премий. В результате значительная часть доходов хозяйств выделялась на заработную плату. В ряде хозяйств удельный вес заработной платы в доходах составляет от 60% до 94%[15]. В колхозе «Родина» Каменского района при сокращении в 1971 г. по сравнению с 1970 г. производства валовой продукции в расчете на отработанный человеко-день на 14% оплата труда возросла на 12%[16].

Еще один характерный пример, относящийся уже ко второй половине 70-х годов. 35-ти экономически слабым колхозам области за 1976-1980 гг. было выделено 842 трактора, 296 грузовых автомобилей, 736 зерновых комбайнов. Семи хронически убыточным совхозам было выделено капитальных вложений для строительства 16,1 млн. рублей, в них

построено 120 двухквартирных домов, детских садов на 150 мест, два дома культуры на 425 мест. В экономически слабые колхозы за 5 лет было направлено капитальных вложений в строительство 44,1 млн. рублей. В 1980 г. введено жилья 9,1 тыс. $м^2$, в жилищное строительство было вложено 2,1 млн. рублей. В 1980 г. в отстающие хозяйства направлено 167 молодых специалистов и 437 механизаторов[17]. Причем, все это фактически безвозмездно.

Разумеется, проблема отстающих хозяйств носила многоплановый характер, однако очевидно, что одна из основных причин экономической несостоятельности многих хозяйств – крайне неэффективное использование трудового потенциала из-за несовершенства форм организации и оплаты труда, формального характера хозрасчета, бесхозяйственности и т.п. Не миграция, а плохое использование трудовых ресурсов – вот главная проблема сельского хозяйства области.

Поддерживать уровень производства сельскохозяйственной продукции, тем более увеличивать его, можно было только на основе повышения производительности труда или за счет привлечения дополнительной рабочей силы. В этих условиях решение проблемы кадров виделось в стратегическом плане через укрепление материально-технической базы сельского хозяйства, что позволяло повысить производительность труда и тем самым компенсировать выбытие рабочих рук из сельского хозяйства, а также ускоренное развитие социальной сферы села, что могло бы приостановить нежелательный отток рабочей силы. Как на практике осуществлялась эта политика?

В 60-80-е годы рост капиталовложений, развитие производственной базы предприятий сельскохозяйственного машиностроения, расширение производства минеральных удобрений и строительство мелиоративных систем способствовали укреплению материально-технической базы сельского хозяйства. К началу 1983 г. основные производственные фонды сельскохозяйственного назначения превысили уровень 1965 г. в 4,7 раза, энерговооруженность труда возросла более чем в 3 раза, электровооруженность – в 7 раз, поставки минеральных удобрений (в действующем веществе) – в 2,3 раза, площадь мелиорированных земель – в 2 раза.Тем не менее, состояние технической базы сельского хозяйства не соответствовало уровню, необходимому для эффективного ведения сельскохозяйственного производства. Уровень технической оснащенности сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий к началу 80-х гг. остается ниже, чем в развитых странах. На 1000 га пашни в 1979 г. в СССР приходилось 11,5 тракторов, в 1978 г. в США – 30, в 1977 г. в Великобритании – 72, Франции – 81, ФРГ – 194, Италии – 85. Зерноуборочных комбайнов в 1979 г. на 1000 га приходилось: в СССР – 5,7, в 1977 г. в США и Великобритании – 15, Франции – 19, ФРГ – 33, Италии – 8. В результате растягивались сроки выполнения работ. От несвоевременной уборки терялось 18-20 млн. т зерна. Если в СССР 27% зерновых обрабатывается гербицидами, то в Финляндии – 99%, Англии – 75-95%, Дании – 90%, Болгарии – 90%, Швеции – 75%,

ФРГ – 65-75%. В результате потери зерна в СССР достигали примерно 30 млн. т. Необеспеченность хранилищами приводила к порче зерна, что наряду с уничтожением его вредителями наносит ущерб, равный 5-6 млн. тонн[18].

В связи со сказанным обратим внимание на следующее обстоятельство. Объемы производства сельскохозяйственной продукции в области были огромны. Но огромны были и потери продукции, связанные с недостатком холодильных емкостей, складов, зернохранилищ и т.п. Эта проблема, естественно, носила общероссийский характер, но наиболее болезненно отражалась там, где были значительны объемы производства сельхозпродукции. Так, в 1967 г. в результате перевыполнения планов производства мяса, животного масла в области сложилась крайне напряженная ситуация с сохранностью мясомолочной продукции из-за дефицита холодильных емкостей[19]. Областное руководство не знало, как использовать произведенную крестьянами продукцию. Наверное, впервые в истории области возникли проблемы не из-за недорода продукции, а из-за ее перепроизводства! Другой пример. Только с 1974 г. в колхозах и совхозах области стало осуществляться охлаждение молока на фермах. В 1979 г. доля заготовленного охлажденного молока составляла в области 11,8%, в Краснодарском крае – 51,2%, Ставропольском – 32,2%, в целом по РСФСР – 35,3%[20]. Наращивать далее объемы производства сельскохозяйственной продукции при таких условиях было нерационально. Между тем именно неуклонный рост производства был приоритетной задачей аграрной политики. При такой однобокой стратегии дефицит кадров в сельском хозяйстве становился неизбежным.

Модернизация производственной базы сельского хозяйства не была завершена, что отражалось на решении проблемы кадров. Но с другой стороны, дефицит кадров не позволял решать более эффективно и проблемы укрепления материально-технической базы сельского хозяйства. Одна из причин этого – недостаточное внимание к развитию социальной сферы села. К началу 60-х гг. сохранялся недопустимо глубокий разрыв в уровне и темпах социального развития города и села. В социально-экономическом плане село отставало от города на многие десятилетия. Это проявлялось в огромной доле физического, преимущественно ручного труда, низком уровне благосостояния, дискомфортности быта, примитивности повседневной культуры, ограниченных возможностях получения образования, недоступности квалифицированных медицинских услуг, значительно худшем состоянии здоровья и меньшей продолжительности жизни селян. Состояние здоровья возрастных категорий сельского населения в конце 60-х гг. соответствовало здоровью горожан 15-20 годами старше[21].

В 60-80-е гг. обозначился поворот государства к социальным проблемам. В этот период повышался уровень индустриализации сельскохозяйственного труда, происходили прогрессивные перемены в профессиональной и образовательной структуре кадров, расширялась сфера несельскохозяйственных видов деятельности, совершенствовалась социальная

инфраструктура села, возрастали доходы сельских семей и сокращался разрыв в доходах городского и сельского населения. Вместе с тем, поворот в сторону социальных проблем села оказался не таким масштабным, как требовалось.

В середине 60-х гг. условия труда и быта в сельских районах области были сложными. Оставался низким уровень механизации производства, особенно в сфере животноводства. На фермах крупного рогатого скота и свиноводства водоснабжение было механизировано на 51-79%, уборка помещений – на 20-38%, раздача кормов – на 7-34%. На механическое доение было переведено 118 тыс. коров, или 24% поголовья. Комплексно механизировано было лишь 8% коровников[22].

Крайне низким был уровень электрификации и газификации села. Потребление электрической энергии сельским хозяйством области за 1964 г. составляло 6,8% от общей реализации системой «Ростовэнерго», в том числе на производственные нужды – 4,1%. Из 27 райцентров и 558 колхозов и совхозов работы по газификации в 1966 г. на природном и сжиженном газе велись только в 5 населенных пунктах и 18 хозяйствах. Из 371 тыс. квартир в сельской местности было газифицировано лишь 0,3% (приблизительно 1 тыс.). Вместе с тем вблизи магистральных газопроводов было расположено много населенных пунктов, в которых можно было газифицировать тысячи квартир и подать газ на производственные нужды 170 колхозов и совхозов[23].

Оставался низким уровень бытового обслуживания сельского населения. Так, из проверенных Комитетом народного контроля при Совете Министров СССР 286 колхозов и совхозов области только 90 имели на центральных усадьбах дома быта или комплексные приемные пункты. Если в целом по области на душу населения в 1965 г. оказывалось бытовых услуг на сумму в 10 рублей в год, то в сельской местности – на 5 рублей 20 копеек. В сельской местности остро не хватало магазинов, предприятий общественного питания, низкой была культура обслуживания. Ощущалась нехватка жилья, низким был уровень его коммунального обустройства[24]. Следствием такого положения дел были значительные трудности в обеспечении кадрами, особенно специалистами с высшим образованием.

Во второй половине 60-х гг. внимание к социальным проблемам села усиливается. Причем речь идет не столько об увеличении количественных параметров социальных программ, сколько о начале качественно нового этапа в социальном развитии села, когда начал осуществляться комплекс мер по завершению электрификации села и широкому использованию электроэнергии в домашнем хозяйстве и бытовом обслуживании, газификации села, созданию службы быта как самостоятельной отрасли экономики, насыщению села товарами длительного пользования, завершению перевода колхозов на ежемесячную гарантированную оплату труда и пенсионное обслуживание, переходу к всеобщему среднему образованию сельской молодежи.

Анализ статистических данных, материалы социологических опросов свидетельствуют о положительной динамике в развитии социальной сферы. В 60-80-е гг. в сельской местности региона было построено много жилья, школ, учреждений здравоохранения, клубов, домов быта, магазинов, проведены значительные работы по газификации, телефонизации населенных пунктов, строительству дорог. Среднемесячная заработная плата работников сельского хозяйства увеличилась с 78 рублей в 1965 г. до 124,3 рублей в 1970 г., 168,7 рублей в 1985 г. В сельской местности была создана система пенсионного обслуживания.

Важно также подчеркнуть, что на селе был обеспечен гарантированный минимум социальных благ, создана скромная, но достаточно надежная система социального обеспечения и социальной защиты населения, в основе которой лежали гарантированная заработная плата, возможность свободного трудоустройства, общедоступная система пенсионного обслуживания, бесплатное образование молодежи, доступ к культурным ценностям, возможность получения медицинской помощи, хотя и не на высоком уровне. Уравнительный принцип в социальной сфере исключал резкое расслоение общества, пауперизацию, возникновение широкого слоя бедноты.

Однако обеспечить глубокие качественные перемены в социальном развитии села не удалось. В области имелось немало населенных пунктов, где не было сетевого газа, водопровода, телефона, школ, клубов, учреждений здравоохранения и т.п. В 1989 г. в 1126 населенных пунктах области, где проживало 197 тыс. человек, отсутствовали детские дошкольные учреждения, а в 24 районах ощущался острый недостаток школ. Обеспеченность детскими дошкольными учреждениями составляла 62,6%, что на 17,4% меньше норматива. В Константиновском, Багаевском, Морозовском, Орловском районах 14-17% сельских школьников обучалось во вторую смену. Медленно развивалась материально-техническая база общественного питания и торговли. Лишь на 40-45% обеспечены технологическим оборудованием столовые колхозов и совхозов. Обеспеченность местами в столовых колхозов составляла 81%, а в ряде районов – 30-45% к норме. В 294 селах отсутствовали стационарные магазины, а в 250 не было предприятий торговли. В 848 населенных пунктах с населением в 130 тыс. человек не было учреждений здравоохранения. В ветхих, порой просто убогих зданиях размещалась почти десятая часть мест в центральных районных больницах и около 16% коек участковых больниц. Теснота, палаты на 8-10-12 человек – правило для сельских больниц. Палатная площадь на больничную койку в два раза меньше нормативной. В сельской местности не хватало более 1100 врачей и 1200 среднего медперсонала. Каждая четвертая заявка на медицинские лекарственные средства не удовлетворялась. На одного сельского жителя оказывалось бытовых услуг на 7 рублей меньше, чем на городского жителя. Жители 953 хуторов, где проживает 172 тыс. человек, не могли воспользоваться услугами библиотек, а в 544 вообще отсутствова-

ли какие-либо формы культурного обслуживания. Обеспеченность водой не отвечала санитарным нормам: централизованным водоснабжением было охвачено менее трети сельского населения; природным газом к концу 80-х гг. пользовалась лишь каждая десятая семья. Низкая обеспеченность жильем, отсутствие культурно-бытовых условий, неупорядоченный режим труда и отдыха не способствовали созданию стабильных трудовых коллективов. За 1985 г. число людей, непосредственно занятых в сельскохозяйственном производстве, сократилось на 28,7 тыс. человек, лишь 35-40% выпускников школ связывали свою судьбу с сельским хозяйством. За 1986-1988 гг. из села уехало около 10 тыс. работников с высшим и средним специальным образованием, 16% специалистов. В Верхнедонском, Обливском, Зимовниковском, Дубовском районах уволилось 57% механизаторов[25].

Правда, необходимо иметь в виду следующее обстоятельство. Обратим внимание на динамику числа населенных пунктов в области и численность их населения (таблица 10)

Таблица 10[26]

Распределение сельских населенных пунктов по числу жителей (по данным переписей населения)

Показатели	Число сельских населенных пунктов (в границах соответствующих лет)				Численность населения, тыс. чел. (за 1959, 1970 гг. – наличное население, за 1979, 1989 гг. – постоянное население)			
	1959	1970	1979	1989	1959	1970	1979	1989
Сельские населенные пункты, всего	4338	2867	2467	2274	1377,9	1410,9	1285,3	1235,9
из них с числом жителей, чел.:								
до 5	248	13	25	21	0,8	0,1	0,1	0,1
6 – 10	244	37	29	35	1,9	0,3	0,2	0,3
11 – 50	688	255	205	237	18,4	8,2	6,2	7,1
51 – 100	549	275	270	255	40,4	21,1	20,7	19,0
101 – 200	904	585	503	433	134,3	87,0	75,5	63,8
201 – 500	1056	986	757	608	329,7	313,2	241,1	192,6
501 – 1000	399	412	369	395	269,2	292,3	262,9	285,1
1001 – 2000	150	197	208	197	200,4	263,3	275,2	267,7
2001 – 3000	52	54	45	41	122,3	130,2	103,6	97,0
3001 – 5000	26	31	36	28	101,4	119,4	140,1	107,3
5001 и более	22	22	20	24	159,1	175,8	159,7	195,9

Таким образом, сельское население было сосредоточено в 4338 поселениях в 1959 г. и 2274 в 1989 г., из которых лишь 20-24 имели численность от 5 до 10 тыс. человек. В то же время имелось много мелких населенных пунктов, в 24% из которых проживало в 1989 г. менее 100 жите-

лей, а в 43% - менее 200 жителей. Это исключало возможность организации в каждом населенном пункте полного комплекса обслуживания. Но вместе с тем делало особенно острыми проблемы дорожного строительства, телефонизации. Однако эти проблемы в области решались недопустимо медленными темпами.

В чем же причины социального отставания села Ростовской области? При наличии региональной специфики социальных процессов и просчетов областного руководства ведущую роль играли общие для страны причины, сдерживавшие экономическое и социальное развитие села. В течение десятилетий действовала система экономического и внеэкономического обеспечения приоритетного развития производственной сферы, городов и промышленности в ущерб развитию сельского хозяйства и села.

Сила традиций, инерция хозяйственной практики, особенности функционирования экономического механизма не позволили даже во второй половине 80-х годов, когда поворот к социальным проблемам был объявлен несомненным приоритетом политики КПСС, обеспечить перераспределение ресурсов на социальное сельское строительство. В сравнении с 1981-1985 гг. капитальные вложения на сооружение объектов непроизводственного назначения в 1986-1990 гг. уменьшились почти на 125 млн. рублей, а их удельный вес снизился с 19,6% до 18,1%. Планы строительно-монтажных работ по объектам социально-культурного назначения были выполнены на 89%, по объектах производственного назначения – на 98%[27].

Таким образом, в 60-80-е годы не была обеспечена реальная смена приоритетов в социально-экономическом развитии города и села, производственной и социальной сфер. Как выглядели показатели социальной сферы села в сравнении с городом, видно из таблицы 11[28].

В социальном развитии донского села имели место позитивные тенденции, уровень социального развития и жизни на селе повышались, но не отвечали потребностям сельского населения. Масштабы и характер социальных перемен были недостаточны. Миграция, таким образом, происходила на фоне улучшения социальных условий жизни на селе, при крайне неэффективном использовании сельского трудового потенциала.

Но проблема состояла не только в том, что темпы и масштабы укрепления материально-технической базы и развития социальной сферы села были недостаточны. Решение этих проблем объективно требовало времени.

Таблица 11

Некоторые сравнительные данные по социальному развитию города и села в Ростовской области

Показатели	По городам	По сельским районам
Благоустройство обобществленного жилого фонда на 01.01.1990 г, в % к жилой площади:		
Водопровод	90	39
Канализация	88	31
Центральное отопление	83	15
Ванны	82	25
Газ	79	73
горячее водоснабжение	62	7
удельный вес аварийного и ветхого жилья	1,9	2,2
Обеспеченность больничными койками (на 10 тыс. человек)	131,5	116,3
Обеспеченность поликлиниками (на 10 тыс. человек):		
посещений в смену	260	194,3
процент к норме	74,7	45,5
Число мест в гостиницах (на 1000 человек)	3,7	1,8
Количество телефонных аппаратов (на 100 семей)	24	14
Объем реализации платных услуг (на душу населения, руб.)	208,52	130,82
Объем реализации бытовых услуг (в среднем на жителя, руб.)	59,46	38,39
Удельный вес центральных усадеб колхозов и совхозов, соединенных дорогами с твердым покрытием (в процентах)	–	95,2
место в РСФСР по этому показателю	–	38

Между тем решение кадровой проблемы не терпело отлагательства. В этой связи областное руководство, хозяйственники пытались решить кадровые проблемы на «тактическом», сиюминутном уровне. Речь идет о таких мерах, как тогда казалось, временного характера, как привлечение к сельскохозяйственным работам горожан, прежде всего студентов и школьников, использование труда военнослужащих и заключенных. В качестве вынужденной меры можно рассматривать и кампанию по развитию женского механизаторского движения. Не имея возможности останавливаться на этих вопросах подробно, ограничимся отдельными типичными цифрами и фактами.

В 70-е годы приобрело массовый организованный характер привлечение студентов и школьников к уборке урожая. К примеру, в 1970 г. более 20 тыс. студентов вузов и техникумов были привлечены к сельскохозяйственным работам[29]. В трудовом семестре в июле 1978 г. участвовало 38353 студента вузов, техникумов и учащихся профтехучилищ, в августе – 40098, большинство из которых было задействовано в колхозах и совхозах, на перерабатывающих предприятиях области. 8090 студентов и учащихся трудились в составе строительных отрядов, в том числе 6790

на территории области[30]. В трудовом семестре 1980 г. участвовало более 50 тыс. студентов, учащихся и школьников[31].

Разумеется, привлечение дополнительных рабочих рук в период напряженных сельскохозяйственных работ вполне логично и оправдано. Студенты и школьники выполняли немалый объем работ. К примеру, в 1977 г. учащиеся сельских профтехучилищ, организованные в 29 механизированных звеньев, убрали урожай на площади 7417 га и намолотили 140560 центнеров зерна. Старшеклассники сельских школ в составе 92 отрядов и звеньев вспахали 5,5 тыс. га, закультивировали 7,3 тыс. га, заборонovали 15,3 тыс. га, посеяли яровых на площади 15,7 тыс. га, намолотили 180 тыс. тонн зерна. Студентами и учащимися собрано 120 тыс. тонн плодов и овощей, учащимися городских профтехучилищ убрано 58 тыс. тонн плодов, овощей, кукурузы и другой сельскохозяйственной продукции. Студентами вузов и учащимися техникумов произведено 40 млн. условных банок консервов[32].

Однако в организации труда, быта и отдыха студентов на сельскохозяйственных работах, в оплате труда широко были распространены неорганизованность, нарушения действующего законодательства, бесхозяйственность и безответственность, в результате чего труд молодежи использовался неэффективно и расточительно. Нередки были и несчастные случаи из-за нарушения техники безопасности и недисциплинированности среди молодежи[33]. Если к тому же учесть, что на время сельскохозяйственных работ студенты и школьники отвлекались от своей прямой обязанности учиться, то станет очевидной вся абсурдность и экономическая нецелесообразность по существу принудительного и экономически безответственного привлечения молодых людей к сельскохозяйственным работам. Но более важно (с точки зрения нашей проблемы), что широкомасштабное привлечение дешевого труда молодежи к сельскохозяйственным работам не решало проблемы обеспечения отрасли кадрами, не стимулировало поиск экономически эффективных форм использования рабочей силы, позволяло нерадивым хозяйственникам списывать свои просчеты на нехватку студентов и их нерадивость.

На протяжении всего периода 60-80-х годов в сельскохозяйственном производстве области применялся труд заключенных. Главным объектом труда заключенных было сельское строительство, в том числе мелиоративное. Использование труда заключенных отличалось недостаточной организованностью и эффективностью. Приведем типичные примеры. Как отмечалось в справке о трудовом использовании осужденных, содержащихся в исправительно-трудовых учреждениях Ростовской области (август 1967 г.), некоторые хозяйственные организации, например, Главдонводстрой, на протяжении длительного времени используют труд заключенных, однако используют его недостаточно эффективно, плохо. Так, Главдонводстрой на строительстве ирригационных сооружений использует около 300 человек из 470, допускает многочисленные простои. В Каменском тресте Ростсельстроя в нарушение закона 48-мичасовую

рабочую неделю для заключенных сократили на 8 часов, допускают простои[34]. В целях обеспечения строительства рисовых совхозов рабочей силой за счет использования труда заключенных в 1969 г. была открыта в поселке Сухом Пролетарского района исправительно-трудовая колония на 500 осужденных. Все они должны были быть трудоустроены на строительных объектах, однако, как отмечалось в письме областного управления внутренних дел в начале 1971 г., из-за плохой организации труда постоянно простаивало без работы свыше 50% осужденных. С другой стороны, в справке начальника Главдонводстроя отмечалось, что в колонии, рассчитанной на 500 человек, содержится 700 осужденных, что на строительстве жилья и производственных объектов в рисовых совхозах в 1971 г. будет задействовано 550 осужденных, что руководство колонии не увеличивает числа зон на строительных объектах[35], - словом, ответственность за плохое использование труда заключенных возлагалось на правоохранительные органы.

Труд заключенных использовался, таким образом, неэффективно, тем не менее, в январе 1971 г. руководство области обращается в Госплан СССР с просьбой о выделении Главдонводстрою условно-освобожденных лиц. Как сообщалось в письме, из-за отсутствия в районах строительства оросительных систем достаточного количества рабочей силы в 1966-1970 гг к работам привлекались условно-освобожденные лица. В письме содержалась просьба о выделении в 1971-1975 гг. на строительство водохозяйственных объектов 1000 человек условно- освобожденных ежегодно[36].

Регулярно привлекались к сельскохозяйственным работам военнослужащие, труд которых использовался в широких масштабах в строительстве и автомобильных перевозках. В 1971-1975 годах воинами Северо-Кавказского военного округа было перевезено свыше 10 млн. т. сельскохозяйственных грузов, в том числе более 7 млн. т. зерна. Военные строители участвовали в сооружении Краснодарского водохранилища, Большего Ставропольского канала, Николаевского гидроузла, Егорлыкской, Верхнесальской, Донецкой, Пролетарской, Нижне-Манычской, Багаево-Садковской оросительных систем, ряда животноводческих комплексов, рисовых полей. На этих стройках за пятилетие было освоено свыше 250 млн. рублей капвложений. Введено в строй более 600 тыс. м^2 жилья[37]. Как отмечалось в постановлении бюро обкома партии «О мерах по улучшению использования военно-строительных батальонов в объединении Донводстрой» (январь, 1989г.), четыре строительно- технических батальона на мелиоративном строительстве ежегодно выполняют работы в сумме 8,5 млн. руб., или почти 10% программы объединения. Однако в организации и оплате труда военных строителей имеются серьезные недостатки, велики непроизводственные потери[38].

Не получило широкого распространения женское механизаторское движения на Дону. То, что можно оправдать трагическими событиями военного времени, в 70-80-е годы выглядело анахронизмом. В 1969 г. в

Миллеровском районе области была создана первая женская тракторная бригада. Много слов было сказано об этом почине, много усилий приложено партийными работниками по созданию коллективов из числа женщин – механизаторов. Однако результат был незначительным. Среди женщин-механизаторов было немало настоящих тружениц, добившихся высоких производственных показателей, однако число женщин-механизаторов всегда оставалось незначительным. Так, за 1969-1979 гг. специальность механизатора получили более 9 тыс. женщин. В 1979 г. в области трудилось более 1800 женщин-механизаторов[39]. В 1985 г. планировалось привлечь к работе на тракторах и комбайнах 5000 женщин[40]. (Для сравнения: в 1971-1975 гг. среднегодовая подготовка механизаторов в области составляла 26,1тыс. человек, в 1976-1979 гг. – 74,0 тыс., в том числе трактористов и комбайнеров соответственно 15,1 тыс. и 48,0 тысяч)[41].

Женщинам-механизаторам не были обеспечены нормальные условия труда, быта и отдыха. Бюро обкома КПСС и облисполком в постановлении от 17 февраля 1976 г. поручали соответствующим структурам организовать полное техническое обслуживание мастерами-наладчиками всех машин, на которых работают женщины, осуществить программу строительства и оборудования машинных дворов, полевых станов со столовыми, душевыми, комнатами отдыха для каждой женской тракторной бригады, выделять женщинам-механизаторам новую технику, предоставлять в первую очередь жилье, путевки в санатории и дома отдыха, легковые автомашины для продажи, удовлетворять их запросы в устройстве детей в ясли, детские сады, школы с продленным днем, наладить квалифицированное медицинское, культурное и бытовое обслуживание, обеспечить организацию работы в две смены, нормальный режим труда и отдыха[42]. Те же самые задачи и почти теми же словами ставились и в постановлении бюро обкома КПСС и облисполкома от 6 декабря 1979 г.[43]. Однако создать нормальные условия труда и быта для механизаторов оказалось непосильной задачей для областных партийных и хозяйственных органов. Не случайно, не выполнялись и планы по развитию женского механизаторского движения. Впрочем, главная причина не в этом, а в том, что механизаторский труд по своему характеру не предназначен для женщин. Вот почему курс на создание в массовом масштабе женских механизаторских бригад был не более чем авантюрой.

Таким образом, административная система искала пути решения кадровой проблемы на селе через использование нерыночных, командных механизмов. Такое внеэкономическое привлечение дополнительной рабочей силы было по сути своей мерой временной и неэффективной, которая не решала ни одной принципиально важной проблемы трудовых ресурсов, не устраняла ни одной из причин, порождавших дефицит трудовых ресурсов, по-прежнему ориентировала сельское хозяйство на экстенсивный путь развития.

С другой стороны, пытаясь решить проблему кадров исключительно

в рамках административной системы, партийно-государственное руководство одновременно отвергало использование рыночных регуляторов. Возможности для хозяйственной самостоятельности колхозов и совхозов, предприимчивости, выходящие за рамки общественного производства, были весьма ограниченными. Правда, хозяйственная реформа 1965 г. как будто давали для этого шанс. Любопытно в этой связи следующее свидетельство. На собрании актива Ростовской областной партийной организации в апреле 1965 г. тогдашний Председатель Совета Министров РСФСР Г. И. Воронов поставил вопрос о разрешении частной инициативы в службе быта, в кустарных промыслах[44]. К сожалению, эти идеи не были реализованы, что ограничивало возможности эффективного использования трудового потенциала села.

Более того, система всеми мерами подавляла элементы рыночных отношений. В этой связи остановимся на такой показательной проблеме, как «шибайство». На протяжении всего периода 60-80-х годов в сельском хозяйстве существовала так называемая проблема «шибаев». Как отмечалось в материалах обкома КПСС «О состоянии и мерах по улучшению использования трудовых ресурсов области» (1970 г.), несмотря на имеющиеся значительные резервы в сфере сельскохозяйственного производства, колхозы и совхозы области, строительные и другие организации в сельской местности ежегодно привлекают на сезонные работы наемных рабочих.

Временные рабочие используются, в основном, на возведении производственных и культурно-бытовых объектов, а в сельскохозяйственном производстве – на выращивании бахчевых культур, овощей, уборке кукурузы, сена и соломы. За 1968 г. на этих работах было занято 16 тыс. человек. Следует, однако, отметить, что использование наемных рабочих производится в большинстве случаев с нарушением действующего законодательства. Сезонные рабочие получают зарплату в 3-5 раз больше, чем постоянные рабочие хозяйств. В целом по области средний заработок каждого члена наемной бригады превышает 350 руб. в месяц, а отдельных работников свыше 2 тыс. рублей в месяц, в то время, как постоянный рабочий получает 105-110 руб.

Во многих хозяйствах выявлены факты переплаты денежных средств наемным рабочим. Если в 1967 году в целом по области переплата составила 1557 тыс. рублей, то в 1968 году уже достигла 2330 тыс. рублей. В 12 районах области выявлены случаи, когда временные рабочие выполняли работу собственными материалами и механизмами, за счет хозяйства приобретали строго фондируемые, дефицитные строительные материалы на государственных промышленных предприятиях и стройках. Отдельные бригады имеют свои собственные строительные машины и механизмы.

В нарушение существующего законодательства колхозами практикуется выдача необоснованно крупных авансов, выплата заработной платы производится не лично каждому члену бригады, а бригадиру, имеют ме-

сто случаи выплаты без удержания налогов. В ряде хозяйств Цимлянского, Морозовского, Аксайского, Миллеровского и других районов допускают сдачу в аренду временным рабочим земельных участков, от использования которых последние получают неоправданно большие доходы. Имеют место случаи, когда работники наемных бригад привлекаются в качестве посредников в реализации продукции сельскохозяйственного производства с присвоением от 6 до 8% стоимости реализованной продукции. Рабочим этих бригад зачастую бесплатно предоставляются транспорт и продукты питания[45].

Много сил было потрачено областными ведомствами на искоренение такого явления, как «шибайство», да все напрасно. Проблема ставилась в постановлениях бюро обкома КПСС «О фактах извращений порядка найма и оплаты труда наемных рабочих в колхозах и совхозах области» (14 июля 1970 г.), «О ходе выполнения постановления бюро обкома КПСС от 14 июля 1970 года» (8 февраля 1972 г.), «О фактах грубого нарушения Основ земельного законодательства и извращения порядка найма и оплаты труда наемных рабочих в Багаевском районе» (14 марта 1972 г.), «О фактах извращения порядка найма и оплаты труда наемных рабочих в совхозах «Краснокутский» и «Веселовский» Багаевского района» (25 сентября 1973 г.), «О фактах грубого нарушения земельно-трудового законодательства и порядка реализации овощебахчевых культур в хозяйствах области» (12 августа 1975 г.), «О фактах грубого нарушения земельного законодательства некоторыми руководителями хозяйств области» (28 сентября 1976 г.), «О фактах злоупотреблений в реализации урожая бахчевых культур в хозяйствах Песчанокопского, Октябрьского, Егорлыкского, Мартыновского, Семикаракорского и Багаевского районов» (26 августа 1980 г.).

Многочисленные решения областных органов по этому вопросу, привлечение к административной и даже уголовной ответственности виновных оказались бессильны там, где действовал экономический интерес, экономическая целесообразность. Административные запреты не могли искоренить подобные явления, ибо они, хотя и нарушали действующее законодательство, имели глубокие экономические корни, отражали несовершенство системы организации и оплаты труда. В экономически неэффективной системе экономическая целесообразность пробивала себе дорогу вопреки всем запретам. Видимо, понимание того факта, что «шибайство» не искоренить, что оно не случайно, а имеет глубокие корни, существует широко и повсеместно, приводило к тому, что боролись с ним совсем неактивно. По существу, явления, подобные «шибайству», были сегментами примитивного рынка в плановой системе. Если бы колхозы и совхозы имели реальную хозяйственную самостоятельность, возможность установления размеров заработной платы по труду, колхозники и работники совхозов трудились бы более эффективно, в том числе и в составе бригад-артелей на строительстве, в овощеводстве и т.п. Тогда вместо полулегальных «шибаев» существовали бы традиционные кре-

стьянские артели. Возможность получения высокого легального заработка была бы сильным стимулом для укрепления трудовой дисциплины, важным фактором повышения уровня жизни сельского населения, условием решения кадровых проблем, а, следовательно, в конечном итоге, способствовала бы повышению эффективности сельскохозяйственного производства. Однако административная колхозно-совхозная система, зажатая в определенные правовые рамки, не смогла эффективно использовать трудовой потенциал деревни, российского крестьянства.

Вопреки кажущемуся дефициту трудовых ресурсов часть кадров сельского хозяйства могла быть переориентирована в сферу переработки, частично размещенную в сельской местности, часть кадров могла заняться промыслами, мелким строительным бизнесом, часть сельчан могла бы работать преимущественно или даже полностью в собственном хозяйстве. Все это позволило бы более эффективно использовать трудовой потенциал села, развернуть инициативу и предприимчивость, повысить уровень жизни, обустроить село. По нашему мнению, это было возможно в рамках существовавшей социально-экономической системы, однако не было дозволено, главным образом, по причинам идеологического догматизма. Необходимость реформирования системы производственных отношений советской колхозно-совхозной системы была осознана политическим руководством только в конце 80-х годов, когда было уже поздно. Смена аграрного курса не произошла. То есть произошла, но вместе со сменой политической и хозяйственной модели.

Следовательно, дефицит кадров в сельском хозяйстве определялся не миграцией как таковой, хотя она и порождала проблемы. Он был заложен в самом механизме функционирования аграрной политики КПСС, которая характеризовалась технократизмом, консервировала социальное отставание деревни, была ориентирована на одностороннюю гонку за валовыми показателями, недостаточно внимания уделяла системе переработки продукции, недостаточно стимулировала труд, порождала иждивенчество, не оставляла возможностей для развития индивидуальной и артельной трудовой деятельности в сельском хозяйстве, строительстве, бытовом обслуживании.

Миграция, урбанизация, сокращение численности крестьянства, представляющие собой закономерные процессы, свойственные регионам России, затронули и Ростовскую область. Непростые в силу своего характера, они приобретали острую форму под влиянием особенностей аграрной политики партии. Выбытие рабочих рук создавало проблемы в развитии сельского хозяйства. Подчас отток кадров из села был чрезмерным. В этих условиях необходимо было найти механизмы, способные, во-первых, снизить миграцию из сельской местности, во-вторых, компенсировать неизбежное выбытие рабочих рук и обеспечить эффективное использование наличного трудового потенциала. В 60-80-е гг. были опробованы различные механизмы для решения этой задачи, однако добиться ожидаемых результатов не удалось.

Миграция сельского населения в Ростовской области не носила чрезмерных масштабов, а во второй половине 80-х годов фактически приостановилась. Эффективных механизмов использования рабочей силы в сельском хозяйстве не было найдено. В этой связи, есть основания утверждать, что в сельскохозяйственном производстве области наблюдался избыток рабочей силы, называемый иногда аграрным перенаселением. Выбытие сельского населения происходило на фоне обеспечения социальной стабильности, укрепления социальной сфер, роста уровня жизни. Тем самым сельское население не выталкивалось из деревни, оно оставалось жить на селе, имея гарантированный минимум социальных и материальных благ. Государство, таким образом, не позволяло ситуации дойти до люмпенизации крестьянского населения. С этой задачей социальная политика справлялась. Однако обеспечить эффективное использование наличного трудового потенциала колхозно-совхозная система не смогла.

Объясняется это прежде всего тем, что активизировать трудовой потенциал, обеспечить повышение эффективности труда пытались прежде всего административными методами. Меры материального стимулирования были недостаточными, негибкими. Возможности для хозяйственной самостоятельности, предприимчивости, были весьма ограниченными, а значит, были ограничены и легальные возможности существенного повышения уровня жизни. По этой причине значительная часть трудового потенциала использовалась в личном подсобном хозяйстве, были широко распространены «левые» заработки, мелкие (и не очень) хищения по принципу «все кругом колхозное – все кругом мое». С другой стороны, в среде крестьянства распространялись настроения иждивенчества, равнодушия, безразличия к земле, выращенному урожаю, сельскохозяйственным животным.

Между тем инициатива, деловая хватка, тяга к самореализации, потребность в материально обеспеченной жизни в среде крестьянства могли бы реализоваться через развитие кооперации, мелкого бизнеса в сфере не только сельского хозяйства, но и сервиса, строительства, коммерции. В этих условиях был бы более эффективным и артельный, колхозный труд. С другой стороны, при этих условиях на селе оставались бы и творчески, инициативно трудились грамотные молодые предприимчивые люди, многие из которых, не найдя возможности для самореализации в селе, уезжали в город. В сочетании с более эффективной социальной политикой в сельской местности это позволило бы создать высокоразвитый аграрный сектор.

Государство, таким образом, не позволило использовать такие методы адаптации сельского социума к условиям модернизации, как активная социальная политика, кооперация, мелкий бизнес, артельный труд, индивидуальная инициатива. Разумеется, использование рыночных механизмов должно было находиться под контролем со стороны государства. В сельском хозяйстве, в сельской местности нужен регулируемый государ-

ством рынок. В случае отсутствия рынка не удается оптимизировать миграцию, производительно использовать трудовой потенциал крестьянства и создать действительно высокоэффективный аграрный сектор. В условиях же существования так называемого «дикого рынка» неизбежно начинается деградация социальной сферы села, аграрного производства и крестьянства, что и произошло в 90-е годы прошлого века в России.

Примечания

[1] Народное хозяйство Ростовской области в XI пятилетке. Ростов-на-Дону, 1986. С. 48-49, 53, 58, 65-66, 68.
[2] Центр документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИРО). Ф. 9. Оп. 39. Д. 333. Л. 29-34.
[3] Народное хозяйство Ростовской области в XI пятилетке. Ростов-на-Дону, 1986. С. 58-63.
[4] ЦДНИРО. Ф. 9. Оп. 73. Д. 1. Л. 93; Оп. 60. Д. 75. Л. 28.
[5] ЦДНИРО. Ф. 9. Оп. 50. Д. 323. Л. 55.
[6] Народное хозяйство Ростовской области в XI пятилетке. Ростов-н / Д. 1986. С. 48-49.
[7] Народное хозяйство Ростовской области в XI пятилетке. Ростов-н / Д. 1986. С. 48-49.
[8] ЦДНИРО. Ф. 9. Оп. 50. Д. 323. Л. 31-32
[9] ЦДНИРО. Ф. 9. Оп. 50. Д. 348. Л. 99.
[10] ЦДНИРО. Ф. 9. Оп. 50. Д. 323. Л. 32
[11] ЦДНИРО. Ф. 9. Оп. 50. Д. 323. Л. 41-42, 55-58.
[12] ЦДНИРО. Ф. 9. Оп. 50. Д. 323. Л. 44.
[13] ЦДНИРО. Ф. 9. Оп. 50. Д. 167. С. 16-20.
[14] ЦДНИРО. Ф. 9. Оп. 39. Д. 679. Л. 78-79
[15] ЦДНИРО. Ф. 9. Оп. 39. Д. 324. Л. 12, 38.
[16] ЦДНИРО. Ф. 9. Оп. 50. Д. 170. Л. 92-93.
[17] ЦДНИРО. Ф. 9. Оп. 82. Д. 51. Л. 92-93.
[18] ЦХСД. Ф. 5. ОП. 84. Д. 343. Л. 25-35.
[19] ЦДНИРО. Ф. 9. Оп. 3. Д. 605. Л. 130-135.
[20] ЦДНИРО. Ф. 9. Оп. 73. Д. 166. Л. 48.
[21] См. Заславская Т.И. Страницы творческой биографии. // Реформаторское течение в отечественной аграрно-экономической мысли (1950-1990-е гг.). М., 1999. С. 78.
[22] ЦДНИРО. Ф. 9. Оп. 2. Д. 299. Л. 142, 143; Оп. 39. Д. 2. Л. 45.
[23] ЦДНИРО. Д. 149. Л. 51; Д. 235, Л. 21.
[24] ЦДНИРО. Д. 154. Л. 733-755; Оп. 39. Д. 150. Л. 48.
[25] ЦДНИРО. Ф. 9. Оп. 101. Д. 65. Л ЦДНИРО. Ф. 9. Оп. 103. Д. 2. Л. 13, 21-22; Д. 399. Л. 58-60.
[26] Ростовская область: Статистический ежегодник. 1998. Ростов-на-Дону. 1999. С. 51.
[27] ЦДНИРО. Ф. 9. Оп. 102. Д. 471. Л. 3.
[28] ЦДНИРО. Ф. 9. Оп. 102. Д. 451. Л. 32.

[29] ЦДНИРО. Ф. 9. Оп. 39. Д. 368. Л. 61.
[30] ЦДНИРО. Ф. 9. Оп. 68. Д. 7. Л. 53-60.
[31] ЦДНИРО. Ф. 9. Оп. 73. Д. 29. Л. 6.
[32] ЦДНИРО. Ф. 9. Оп. 68. Д. 7. Л. 46-47.
[33] ЦДНИРО. Ф. 9. Оп. 73. Д. 32. Л. 130-135.
[34] ЦДНИРО. Ф. 9. Оп. 3. Д. 605. Л. 256.
[35] ЦДНИРО. Ф. 9. Оп. 50. Д. 428. Л. 54-57.
[36] ЦДНИРО. Ф. 9. Оп. 50. Д. 195. Л. 2.
[37] ЦДНИРО. Ф. 9. Оп. 60. Д. 75. Л. 112.
[38] ЦДНИРО. Ф. 9. Оп. 70. Д. 8. Л. 10-12.
[39] ЦДНИРО. Ф. 9. Оп. 70. Д. 43. Л. 87.
[40] ЦДНИРО. Ф. 9. Оп. 70. Д. 43. Л. 94.
[41] ЦДНИРО. Ф. 9. Оп. 73. Д. 18. Л. 75.
[42] ЦДНИРО. Ф. 9. Оп. 60. Д. 92. Л. 93-96.
[43] ЦДНИРО. Ф. 9. Оп. 70. Д. 43. Л. 88-89.
[44] ЦДНИРО. Ф. 9. Оп. 2. Д. 149. Л. 205-206.
[45] ЦДНИРО. Ф. 9. Оп. 50.Д. 323.Л. 32-34

IV. ПОСТСОВЕТСКОЕ КРЕСТЬЯНСТВО

Коити Нобэ

Земельная реформа в Армении в 1991 – 2000 гг.

Введение

Минуло более 10 лет с тех пор, как распад СССР ознаменовал начало крупномасштабных аграрных реформ в республиках СНГ. Хотя реформы начались с единой системы, подходы реформ и темпы их осуществления оказались весьма различными. На рисунке 1 показаны разные подходы республик СНГ в осуществлении земельных реформ (по уровням приватизации земли в законодательстве и индивидуализации сельского хозяйства).

Это явление и его причины заслуживают глубокого изучения. К тому же, такой сравнительный анализ аграрных реформ в республиках СНГ может дать ключ к пониманию важных вопросов: «Что такое социалистическое сельское хозяйство СССР ?» и «Куда идет сельское хозяйство республик СНГ ?».

Что касается сравнительного изучения, то здесь мы не можем оставить без внимания пример Армении. Республика Армения первой из бывших республик СССР осуществила радикальную земельную реформу. В 1991 г. был принят закон о частной собственности на землю и приватизации всего агропромышленного комплекса. Согласно закону, сельскохозяйственное производство почти полностью было индивидуализировано и коллективных хозяйств практически не осталось. Практически все совхозы и колхозы были преобразованы в крестьянские, и их количество на 2001 г составило 332,6 тысяч.

В то же время, сокращение производства в сельском хозяйстве происходило более низкими темпами, чем в других республиках бывшего СССР. А после 1994 г. производство здесь начало устойчивно расти (Таблица 1).

Исходя из этих факторов, общие итоги реформы в Армении, в целом, были оценены как положительные. Более того, некоторые исследователи стали считать что, «секрет успехов» реформы лежал в ее радикальности. Так, например, Цви Лерман, принимавший участие в исследованиях Всемирного Банка, пишет: «В Армении, по индексам объема продукции сельского хозяйства, продолжается рост, в самый короткий срок были достигнуты уровни производства, сложившиеся до

1991 года. Это, возможно, благодаря радикальной и решительной земельной реформе в 1991-1992 гг.». Иными словами, «чем радикальнее, тем лучшее».

Правильно ли такое представление? Опыт аграрной реформы в России показал: рефома, проведенная без учета исторических условий и конкретных возможностей, может принести много ущерба. Поэтому подобное представление нуждается в проверке на конкретно- статистическом материале.

Индекс объема продукции сельского хозяйства растет, но...

Индекс объема продукции сельского хозяйства в Армении продолжает устойчиво расти. И все же нельзя сказать, что земельная реформа решила все вопросы.

Во-первых, надо думать вопрос заключается в, так называемом, «базисном годе». Так как индекс сильно изменится в зависимости от его выбора. С этой точки зрения, год 1991 не подходящий «базисный год» для Армении. Дело в том, что Спитакское землетрясение, события, связанные с Карабахским вопросом, повлияли отрицательно на развитие сельского хозяйства уже в 1988-1990 гг. Это означает, что рост индекса объема продукции сельского хозяйства в последние годы идет не только за счет земельной реформы, но также и за счет восстановления. Таблица 2 представляет сравнение индексов объема продукции сельского хозяйства к 1991 г., а также к 1988 г. Что касается индекса к 1988 г., то здесь первое место занимает не «радикальная» Армения, а «консервативный» Узбекистан.

Во-вторых, рост индекса объема продукции сельского хозяйства сопровождался увеличением численности занятых в сельском хозяйстве. Среднегодовая численность занятых сельскохозяйственным трудом в 2000 г. превысила 560 тыс. человек вместо прежних 380 тысяч. Из этого следует, что производительность сельскохозяйственного труда, наоборот, снизилась почти на четверть (Таблица 3). Как отмечают армянские специалисты, оптимальная численность занятых в сельском хозяйстве Армении не превышает 200 тыс. человек.

Наконец, произошло негативное изменение структуры производства. В Таблице 4 показана динамика производства основых продуктов сельского хозяйства. Из таблицы следует вывод о том, что рост индекса объема продукции сельского хозяйства в 1991 г. достигался за счет картофеля и молока.

В то же время, производство традиционных культур, занимавших ведущее место в республике, как-то: винонрад, плоды и южные овощи, -падает. В частности, полностью прекратилось возделывание дорогостоящего гераниевого масла. Необходимо обратить внимание на то, что эти культуры имеют реальные относительные преимущества на мировом рынке.

Условия, которые позволили «сплошную фермеризацию»

Хотя курс на развитие фермерских хозяйств был провозглашен во всех республиках, количество таких хозяйств невелико. И заметной роли в аграрном секторе экономики они пока не играют. Исключение составляют Армения и Грузия. Каковы же были те условия, которые позволили «сплошную фермеризацию» ?

Во-первых, земельная реформа в Армении несла довольно «принудительный характер». Вообще, в ходе земельных реформ в республиках СНГ, утверждались различные формы собственности и хозяйствования, а также был взят курс на создание условий для равноправного развития всех форм хозяйствования на основе такого многообразия форм собственности.

В Армении совхозы были безусловно ликвидированы. Что касается колхозов, то они могут быть полностью или частично сохранены по решению общего собрания колхозников. Но такой колхоз не приравнивается по правовому положению к коллективным крестьянским хозяйствам, образуемым в результате реформы, а члены колхоза не получают права собственности на землю. То есть, практический нет выбора.

Во-вторых, надо отметить наличие влиятельной политической силы. Земельная рефома – самая сложная и деликатная реформа, которая может вызвать серьезные конфликты. Однако в Армении Армянское Общенациональное Движение (АОД) и его лидер Левон Тер-Петросян имели очень высокую популярность и практически полную свободу действий.

В-третьих, в Армении для создания индивидуальных хозяйств имеются «подходящие» природные условия. Земли, пригодные для сельскохозяйственного использования, в Армении ограничены. К тому же, есть другая характерная особенность республики. Это раздробленность и незначительные размеры земельных участков. Достаточно сказать, что около 2/3 пахотных земель состоит из участков площадью до 1 га. Средние размеры пахотных участков республики в 100 раз меньше, чем в Ставропольском крае. Естественно, что в таких условиях трудно применять машинную обработку, но легко создать мелкие хозяйства с применением ручного труда.

В-четвертых, социльно-экономическое положение в 1991-1993 гг. вынудило создать крестьянские хозяйства. Этот период ознаменовался резким ухудшением экономического положения вследствие блокады со стороны Азербайджана и начала гражданской войны в Грузии. События в Грузии нанесли Армении едва ли ни больший вред, чем карабахский конфликт. Оказался отрезанным последний железнодорожный путь, соединяющий Армению с внешним миром. Прекратилось снабжение населения продовольствием, а промышленность осталась без сырья. В этих условиях, чтобы выжить, сельское хозяйство стало опорой и основой экономики Армении. Создание крестьянских хозяйств решило и

проблему занятости, и проблему продовольствия.

Наконец, у Армении была историческая традиция подворного использования земель. Л. Ханларян отмечает об этом. В 40-60-е годы XIX в. пахотная земля и пастбища находились в общинном пользовании. Зато виноградники, сады, огороды, енджалыки (луга, засеянные люцерной или клевером), икусственно насажденные рощи, не говоря уже об усадебных участках, находились в подворном пользовании крестьян-общинников. В Армении были целые районы, где, за исключением пастбищных мест и выгонов, вся общинная земля находилась в подворном владении крестьян.

Вот несколько примеров:

П. Ягодынский, исследователь крестьянской жизни, писал: «Государственные крестьяне Ордубатского участка пользуются усадебной, пахотной и садовой землей подворно, в постоянных участках, переходящих по наследству от одного поколения к другому».

С. Егиазаров в работе, посвященной сельской общине в Эриванской губернии, отмечает, что «в нагорных уездах переход надельной земли составляет явление исключительное, тогда как в жаркой полосе он в той или другой форме практикуется в широких размерах, и земельная собственность исподволь сосредоточивается в руках имущего класса крестьян».

Такая традиция, возможно, оказала некоторое влияние на приватизацию земель и создание крестьянских хозяйств.

Заключение

Земельная реформа в Армении привела к раздроблению и без того небольших земельных участков. Были раздроблены и большие садовые массивы. Пахотные земли крестьянских хозяйств размером в среднем менее 1 га состоят из 5-6 и более участков. Расстояние между ними часто превышает 10-15-20 км.

Значительная часть крестьянских хозяйств превратилась в универсальные натуральные хозяйства, в основе которых лежат тяжелый ручной труд и примитивные средства производства, действующие по принципу «всего понемножку для собственного потребления». Как правило, они имеют очень низкую товарность и эффективность.

Президент республики отметил: натурализация сельского хозяйства достигла таких размеров, что если в развитых странах каждый крестьянин обеспечивает сельскохозяйственной продукцией от 20 до 50 человек, то в Армении этот показатель составляет только 1. Доля собственного потребления производимой продукции в крестьянских хозяйствах достигала 50-70 %.

Согласно Земельному Кодексу Армении, у крестьянских и коллективных крестьянских хозяйств право продажи земли возникает через 3 года после приобретения права собственности. Это значит, что уже в

1994 г. допускается купля-продажа земли. Но земельный рынок в Армении пока не развился в полной мере. Так, например, газета «Республика Армения» сообщала, что в 1998 г. в республике заключено только «600 сделок по отчуждению земли от одного собственника и передаче ее в собственность другому». Банкиры не принимают землю в качестве залога. Они требуют другое: золото, драгоценности и квартиры в центре Еревана.

Опыт земельной реформы в Армении показает, что радикальная реформа невсегда дает положительные результаты.

Литература

Армения: проблемы независимого развития. Российский институт стратегических исследований. М., 1998, 265 С.
10 лет СНГ(1991-2000). Статком СНГ. М., 2001, 797 С.
Жариков Ю.Г. Право собственности на землю по законодательству стран СНГ // Закондательство и экономика. 1996. № 11/12. С. 75-90.
Казарян С. Ход аграрной реформы в Армении // АПК. 2000. № 6. С. 14-17.
Минина Е.Л. Сравнительный аналитический обзор правовых актов по аграрной реформе в странах СНГ и Балтии // Закондательство и экономика. 1996. № 3/4. С. 64-76.
Фаградян О. Аграрные преобразования в Республике Армения // Общество и экономика. 1999. № 6. С. 85-96.
Ханларян Л.А., К характистике армянской деревни дореформенного периода (40—60-е годы XIX в.) // Исторические записики. 1956. № 58. С. 145-185.
Хачатрян А. Экономические реформы в Армении: уроки десятилетия // Центральная Азия и Кавказ. 2000. № 6. С. 176-186.
«Республика Армения»

Z. Lerman(1999). "Record of Land Reform in Transitional Economies", Report to the OECD.
Armenia: the Challenge of Reform in the Agriculture Sector, the World Bank, Washington D.C.1995. 198 p.
Armenia's Private Agriculture: 1998 Survey of Family Farms, EU Phare ACE and The World Bank / ECSSD / DECRG, 1999, 48 p.
Growth Challenges and Governments Policies in Armenia, The World Bank, Washington D.C. 2002. 189 p.
K. Nobe (2000), Transition of Economic System and Agriculture: the Case of Armenia, *Farming Japan*. Vol. 34. No. 6, pp. 44-48.

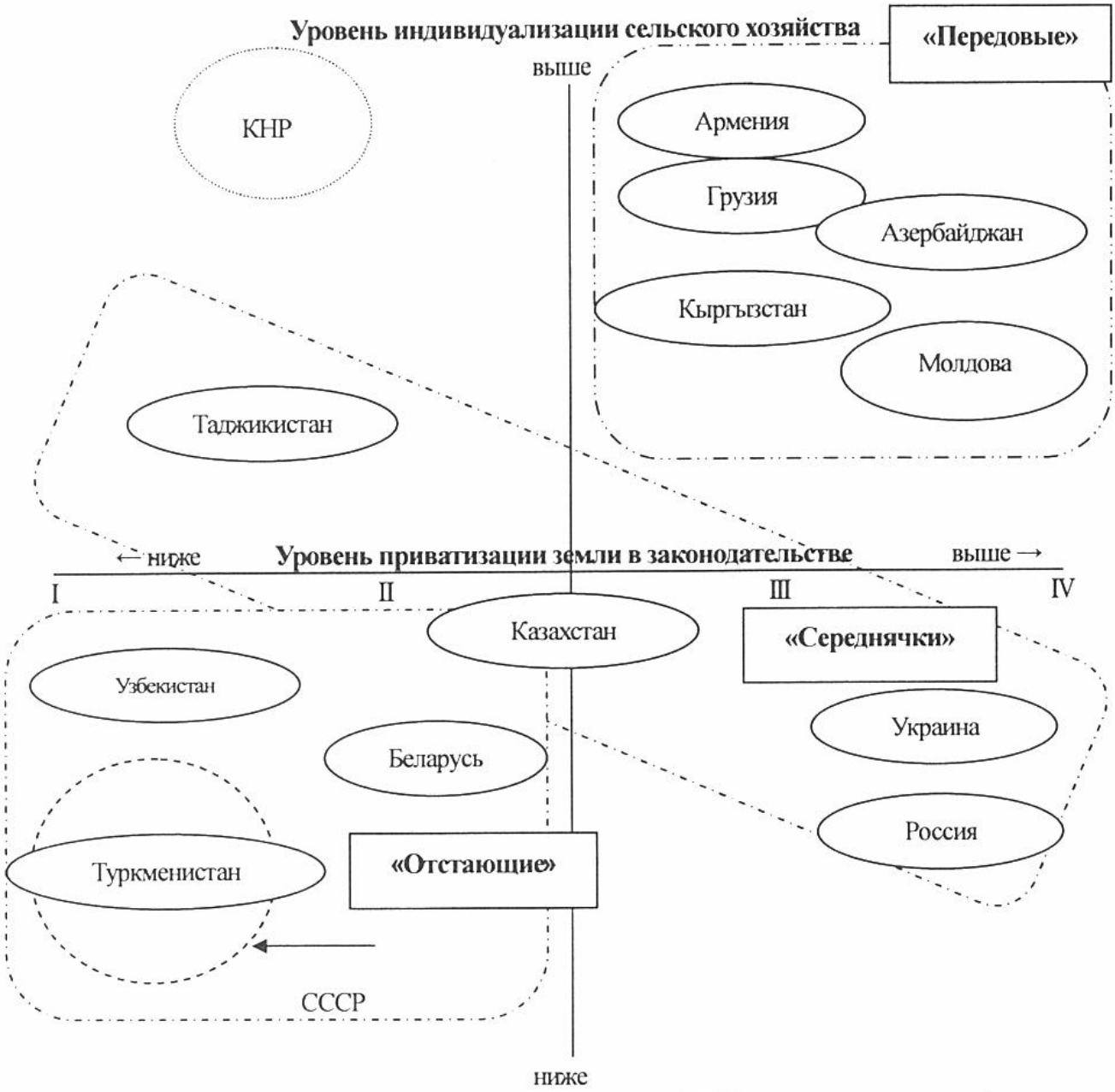


Рисунок 1. Разные подходы республик СНГ к земельной реформе (в конце 2000 г)

Уровень приватизации земли в законодательстве:

I Сохранение исключительной собственности государства на землю / II Только приусадебные участки подлежат приватизации / III Отдельные с.-х. угодья подлежат приватизации (горные пастбища не подлежат приватизации) / IV Все с.-х. угодья подлежат приватизации.

Так как права пользования могут передаваться, Таджикистан и Казахстан находятся близко к следующему уровню. В Туркменистане Конституция (1992 г) разрешила частную собственность на землю, но в действительности «собственники» имеют только право наследования. Поэтому Туркменистан целесообразно относиться к уровню I .

Уровень индивидуализации сельского хозяйства:

Доля посева зерновых в крестьянских хозяйствах и ЛПХ(%)

Таблица 1. Индексы объема продукции сельского хозяйства (в процентах к предыдущему году)*

	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2000 к1991
Азербайджан	76	85	87	93	103	94	106	107	112	64
Армения	102	95	103	105	102	94	113	101	97.5	112
Беларусь	91	104	86	95	102	95	99.3	92	109	75
Грузия	87	88	111	113	106	107	90	108	85	90
Казахстан	129	93	79	76	95	99.2	81	128	96	67
Кыргызстан	95	90	82	98	115	112	103	108	104	102
Молдова	84	110	76	103	87	112	88	92	97	56
Россия	91	96	88	92	95	102	87	104	107	65
Таджикистан	82	96	97	84	91	100.2	106	103	112	73
Туркменистан	91	116	82	101	87	N.A	N.A	N.A	N.A	N.A
Узбекистан	94	101	93	102	94	106	104	106	102	102
Украина	92	102	84	96	91	98	90	93	110	61
В среднем по СНГ	93	98	86	93	95	101	90	102	106	68

* СНГ '99. С. 27; 10 лет СНГ. С. 22; *AgroFood East Europe* . No. 223 (April 2001), pp. 11-12.

Таблица 2. Индексы объема продукции сельского хозяйства по странам СНГ (в процентах к 1991 и 1988 гг.)*

	2000 к 1991	2000 к1988
Азербайджан	64	58
Армения	112	81
Беларусь	75	71
Грузия	90	52
Казахстан	67	60
Кыргызстан	102	95
Молдова	56	46
Россия	65	61
Таджикистан	73	65
Узбекистан	102	103
Украина	61	53
В среднем по СНГ	68	58

* Народное хозяйство СССР в 1990 году. С. 459; СНГ '97. С. 31; СНГ '99. С. 27; 10 лет СНГ. С. 22; *AgroFood East Europe* . No. 223 (April 2001), pp. 11-12.
**После 1997 г, данные Туркменистана отсутствует.

Таблица 3. Объем продукции сельского хозяйства на душу (в процентах к 1991)*

	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000
Индекс объема продукции с. х	100	102	97	100,3	105	107	100,6	114	115	112
Численность занятых (тысяч)	389,0	487,1	522,2	504,3	551,9	586,0	566,6	567,8	562,4	566,7
На душу	100,0	81,5	72,3	77,4	74,0	71,0	69,1	78,1	79,5	76,9

* 10 лет СНГ. С. 22, 202.

Таблица 4. Динамика производства основых продуктов сельского хозяйства (тысяч тонн)*

	1988	1989	1990	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000
Зерно	349	180	254	293	309	315	237	261	323	258	326	301	225
Картофель	207	266	213	275	322	414	417	428	423	360	440	414	290
Овощи	567	485	390	444	498	417	424	451	445	369	395	449	376
Плод и ягоды**	241	170	156	166	133	49	127	146	158	107	125	88	127
Виноград	214	119	144	191	142	135	212	155	159	108	106	115	116
Мясо(в убойном весв)	113	105	93	85	67	47	46	48	48	49	51	49	51
Молоко	566	491	432	412	395	398	415	428	431	435	458	456	452
Яйца, млн. шт.	618	561	518	485	252	189	191	198	192	191	219	326	385
Шерсть	4,0	3,3	2,8	2,4	2,1	2,1	1,7	1,5	1,4	1,3	1,3	1,3	1,3

* Страны-Члены СНГ. С. 139-142; 10 лет СНГ. С. 56, 60, 226.

** Без цитрусовых

Юка Такэда

Временная или хроническая бедность в России? Городские и сельские бедные в 1990-х годах*

Введение

Данная работа посвящена временной и хронической бедности в России в 1990-х годах. В настоящее время сокращение бедности наряду с удвоением ВВП на душу населения является одной из важнейших задач российского государства. Благодаря экономическому росту после кризиса в 1998 г. уровень бедности в России сократился с 28,9% в 2000 году до 25,0% в 2002 году[1]. Никто не может отрицать, что для дальнейшего сокращения бедности нужен экономический рост. Однако продолжительность будущего экономического роста в России зависит от множества внешних условий, таких как, например, цены на нефть. Падение цен на нефть может вызвать снижение экономического роста и увеличение бедности. Вместе с тем, даже если экономический рост будет продолжаться, в условиях увеличения неравенства эффект этого роста на сокращение бедности будет значительно ослаблен. Кроме того, сокращение бедности в городах и селах происходит разными темпами. Темп сокращения бедности в городах был на уровне 8,8% и 10,1% в 2000-2001 и 2001-2002 годах соответственно, тогда как в селах он составлял 6,4% и 3,8%, соответственно[2]. В связи с этим увеличилась доля сельского населения среди бедных, хотя пока еще доля городского населения среди бедных превышает долю сельского. Несмотря на то, что экономический рост может влиять на снижение бедности, можно предположить, что даже в условиях экономического роста некоторые люди не смогли бы выйти из состояния бедности. Поэтому важно понять, какие люди вышли из состояния бедности и также какие - остались в этом состоянии. Вместе с тем, необходимо учитывать, что, как выше отмечено, ситуация, связанная с бедностью, будет разной в городах и селах.

Для решения проблемы бедности важно понимать, какая именно бедность сложилась в России и продолжает существовать в настоящее время. Увеличение бедности и неравенства в российской переходной экономике привлекло внимание многих российских и западных исследователей (Rimashevskaya, ed., 1992; Klugman, ed., 1997; Московский центр Карнеги, 1998; Корчагина и др., 1999; Takeda, 2000). В основном в литературе ана-

лизируются уровень бедности, измерение бедности и профиль бедных. Следует отметить, что изучению людей, выходящих из состояния бедности и попадающих в категорию бедных не уделяется особенного внимания, хотя, с точки зрения домохозяйства, явление бедности не статично, а динамично, особенно в переходной экономике России. Иными словами, благосостояние людей в различные периоды времени остается недостаточно изученным[3].

В данной работе, во-первых, выясняется принадлежность населения к категории бедных в зависимости от места проживания и социального статуса. Во-вторых, рассматривается "***динамика бедности***" ("poverty dynamics") в России в 1990-х годах. Здесь выделяются 3 основные категории для анализа динамики бедности: хронически бедные (the chronic poor), временно бедные (the transient poor) и не бедные (the non-poor). Принимая во внимание экономическую нестабильность в переходной экономике России, а также увеличение уровня бедности в течение 1990-х годов, можно предположить, что потоки бедности (flows of poverty) в то время были большими. В связи с этим, очень важно рассматривать динамику бедности, тем более, что она мало изучается в литературе, посвященной российской бедности. Целью данного исследования является определение различий между городскими и сельскими бедными в России в 1990-х годах с помощью понятия "динамики бедности". Данная работа является одним из первых исследований, анализирующих динамику бедности в городах и селах, а также различия городских и сельских бедных. Понимание динамики и внутренних различий по типу поселения поможет выработать дифференцированную политику для выведения людей из состояния бедности.

1. Основный обзор, связанный с бедностью в России

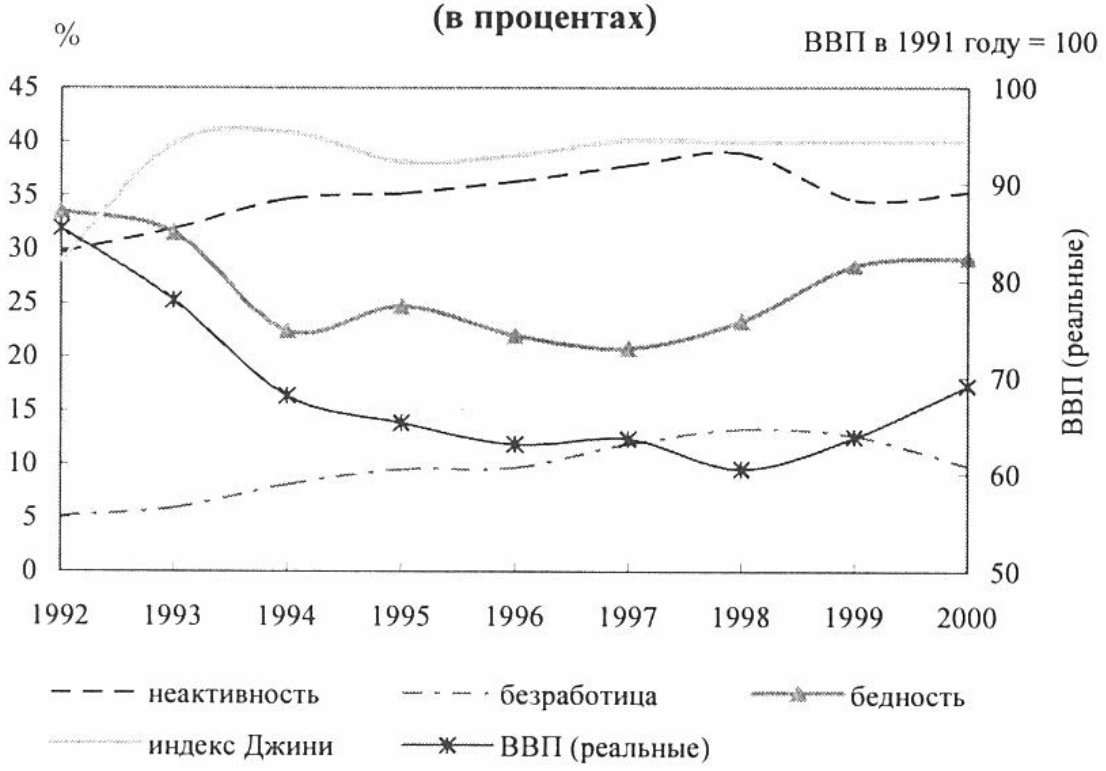
1.1 Общие особенности бедности

Как можно в целом охарактеризовать бедность в России? На рис. 1 показаны изменения следующих связанных с бедностью экономических показателей в 1990-е годы: уровни бедности, безработицы, экономической неактивности, индекс Джини и индекс роста ВВП. Показанный на рис. 1 уровень бедности рассчитан Госкомстатом[4] в соответствии со следующим определением: малоимущим, т.е. бедным, является население со *среднедушевыми располагаемыми ресурсами ниже прожиточного минимума*[5].

Уровень бедности, составлявший в конце 1980-х годов лишь 10-11%, резко вырос в 1992 году и затем колебался в пределах от 20,5% до 33,5% (рис. 1). Вместе с тем, явная зависимость между уровнями бедности и безработицы (также как между уровнями бедности и экономической неактивности) в целом отсутствует. Хотя уровень безработицы в России постепенно увеличивался в указанный период, сейчас он намного ниже уровня большинства стран Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ)[6]. Это объясняется тем, что Россия адаптировалась к кризису иначе, чем эти

страны. Вместо массового увольнения с работы, в стране наблюдались снижение реального уровня заработной платы и распространенность задолженности по выплате заработной платы. Часто люди работали, а их уровень жизни оставался низким или даже ухудшался. Отсюда можно предположить, что отличительной чертой бедности в России в 1990-х годах являлось присутствие категории "***работающие бедные***".

Рис. 1 Экономические показатели вокруг бедности в России (в процентах)



Примечание: Уровень бедности = бедное население / все население. На рис. 1 бедные определены по методологии Госкомстата. Уровень безработицы определяется по методике МОТ. Индекс реального ВВП рассчитан автором. (ВВП в 1991 году = 100%)

Источники: *Госкомстат.* Экономическая активность населения России. 2002. С. 11, 178; *Госкомстат.* Социальное положение и уровень жизни населения России. 2001. С. 130, 141; 1999. С. 161; 1997. С. 107, 116; *Госкомстат.* Российский статистический ежегодник. 2001. С. 36.

1.2 Бедность и неравенство: Россия и дгугие страны со средним уровнем доходов

Как показано на рис. 1, в начале переходного периода индекс Джини резко вырос и после этого стабиризировался. Сейчас индекс Джини в России достаточно высокий по сравнению с другими странами. В таблице 1 отражены уровень бедности и индекс Джини в России и других 13 странах со средним уровнем доходов (middle income countries). По определению Всемирного банка Россия, Украина, Казахстан, Румыния, Перу, Колумбия, Филиппины, Таиланд и Малайзия находятся в нижней под-

группе стран со средним уровнем доходов (lower middle income countries). Все остальные страны, перечисленные в таблице 1 – в верхней подгруппе стран со средним уровнем доходов (upper middle income countries). Из этой таблицы следует, что даже по сравнению с другими странами со средним уровнем доходов, в России очень высоки не только уровень бедности, но и индекс Джини.

Таблица 1 Уровень бедности и индекс Джини в России и других стран со средним уровнем доходов (middle income countries)

	страна	год	Уровень бедности	год	Индекс Джини
СНГ & ЦВЕ	**Россия**	1994	**30,9%**	1998	**48,7**
	Украина	1995	31,7%	1996	35,4
	Казахстан	1996	34,6%	1999	29,0
	Румыния	1994	21,5%	1998	31,1
	Польша*	1993	23,8%	1998	31,6
	Венгрия*	1993	8,6%	1998	24,4
Южная Америка	Бразилия*	1990	17,4%	1998	60,7
	Мексика*	1988	10,1%	1998	53,1
	Перу	1997	49,0%	1996	46,2
	Колумбия	1992	17,7%	1996	57,1
Азия	Филиппины	1997	36,8%	1997	46,2
	Таиланд	1992	13,1%	1998	41,4
	Малайзия*	1989	15,5%	1997	49,2

Примечание: Страны со звездочкой принадлежат к нижней подгруппе стран со средним уровнем доходов (lower middle income countries). Страны без звездочки – к верхней подгруппе стран со средним уровнем (upper middle income countries).
Источник: World Bank, *World Development Indicators 2002 on CD-ROM.*

1.3 Кто является бедным? Где проживают бедные? Риск и распределение бедности

Социальные группы

Таблица 2 показывает ***риск бедности (риск попадания в категорию бедности)*** и ***распределние бедных*** по социальным группам в 1997-2000 гг. Риск бедности определяется как уровень бедности внутри соответствующей категории. Например, в 1998 году 34,2% среди работающих по найму находились в состоянии бедности. Они составляли преобладающее число в 40,0% от общей численности бедного населения.

Таблица 2 Распределение численности бедного населения по основным социальным категориям

(по материалам ОБДХа; %)

	Риск бедности[1)]				Темп роста[2)]			Распределение численности бедных		
	1997	1998	1999	2000	'97-'98	'98-'99	'99-2000	1998	1999	2000
Все население:	32,1	37,8	50,2	40,0	17,8	32,8	-20,3	100	100	100
По социальным категориям:										
Работающие по найму	**27,8**	**34,2**	**46,3**	**36,2**	**23,0**	**35,4**	**-21,8**	**40,0**	**41,7**	**41,6**
Занятые предпринимательской деятельностью	26,7	32,5	41,8	23,5	21,7	28,6	-43,8	0,3	0,3	0,2
Временно не работающие	**50,9**	**54,8**	**64,5**	**56,5**	**7,7**	**17,7**	**-12,4**	**10,5**	**9,2**	**9,3**
Работающие пенсионеры	**11,0**	**15,9**	**25,0**	**18,2**	**44,5**	**57,2**	**-27,2**	**1,1**	**1,4**	**1,3**
Неработающие пенсионеры	**21,5**	**25,4**	**39,5**	**30,1**	**18,1**	**55,5**	**-23,8**	**12,2**	**14,2**	**13,5**
Пенсионеры по старости	**17,1**	**21,7**	**35,1**	**25,7**	**26,9**	**61,8**	**-26,8**	**10,0**	**12,1**	**10,9**
Пенсионеры по инвалидности	34,2	41,9	53,7	43,8	22,5	28,2	-18,4	2,2	2,2	2,8
Пенсионеры по случаю потери кормильца	37,8	48,6	62,2	51,0	28,6	28,0	-18,0	1,5	1,4	1,6
Получатели социальных пенсий	30,9	38,9	45,4	49,6	25,9	16,7	9,3	0,2	0,2	0,2
Стипендиаты	30,3	38,1	51,0	40,4	25,7	33,9	-20,8	1,5	1,8	1,8
Получатели пособия на ребенка до 1,5 лет	51,0	55,9	63,9	49,8	9,6	14,3	-20,1	1,1	0,9	0,9
Получатели пособия по безработице	**54,8**	**60,0**	**71,0**	**63,9**	**9,5**	**18,3**	**-10,0**	**1,8**	**1,2**	**1,0**

Примечание: 1) риск бедности является уровнем бедности внутри соответствующей социальной категории; 2) темп роста уровня бедности рассчитан автором.

Источники: *Госкомстат*. Социальное положение и уровень жизни населения России. 2001. С. 142; 1999. С. 163.

Какие социальные группы понесли наибольшие потери в результате финансового кризиса в 1998 году? Если рассматривать темп роста риска бедности, то одними из наиболее уязвимых групп в кризисный период являлись ***пенсионеры*** и ***работающие по найму***. В 1998-1999 гг., темп роста бедности в группе пенсионеров по старости был 61,8%, а в группе работающих по найму – 35,4%, тогда как по всем категориям российского населения его медиана составляла лишь 28,4% (среднее значение – 33,0%). Высокйи темп роста бедности среди пенсионеров в тот период может объясняться тем, что в 1997-1999 годах сократился средний размер реальной пенсии. Кроме того, средний размер реальной зарплаты также снижался в период до 1999 года[7]. В результате, темп роста бедности сре-

ди работающих пенсионеров стал высоким: 44,5% в 1997-1998 гг. и 57,2% в 1998-1999 гг.. В период экономического подъема после кризиса увеличение размера пенсии привело к тому, что и неработающие, и работающие пенсионеры вышли из состояния бедности.

Если рассматривать не только риск бедности, но и распределение численности бедных, то типичными представителями бедных в России являлись ***работающие по найму*** и ***временно неработающие***. В 1997-2000 гг., в состояние бедности попали 27,8-46,3% работающих по найму и 50,9-64,5% временно не работающих. В рассматриваемый период многие работающие попали в состояние бедности в связи с тем, что уровень зарплаты в России был очень низким, и до 1998 года увеличивалась задолженность по зарплате. Даже в 2002 г. уровень среднемесячной реальной начисленной зарплаты не достигал уровня зарплаты 1992 г.[8]

Из вышесказанного можно сделать вывод, что отличительной чертой бедности в России являются "***работающие бедные***".

Место проживания

В 1990-х годах увеличивался ***риск бедности***, как в городах так и в селах. В начале переходного периода риск бедности в городах и селах был почти одинаковым[9]. Однако в 1997 году разница между этими двумя показателями становится значительной. Таблица 3 показывает ***риск бедности*** и распределение численности бедных домашних хозяйств по типу населенных пунктов. Из этой таблицы следует, что в кризисный период риск бедности в городах стал более высоким, чем в селах. Вместе с тем, с началом экономического роста улучшение экономической ситуации в городах происходило сравнительно быстрее. Многие городские домохозяйства вышли из бедности быстрее сельских. В 1997-1998 годах темпы увеличения риска бедности были 20,4% в городах и 14,5% в селах, и в 1998-1999 годах - 44,5% и 27,3% соответственно. С другой стороны, с возникновением послекризисного экономического роста, темпы сокращения бедности были выше в городах, чем в селах: 24,4% в городской местности и 18,4% в сельской местности в 1999-2000 годах.

Несмотря на то, что в 1997-2000 годах риск бедности в селах всегда был выше, чем в городах, доля бедных домохозяйств в городах преобладала в общем числе бедных[10]. Так, в 1997-2000 гг. 63,5-69,7% бедных семей жили в городах, а в селах - 30,3-34,2%.

Из вышесказанного следует, что увеличение и сокращение риска бедности в городах в большей степени, чем в селах, зависит от макроэкономической ситуации. Если предположить возникновение макроэкономического кризиса, то городские жители окажутся более уязвимыми, чем сельские. Хотя численность сельских бедных меньше, чем городских, риск бедности в селах стал более высоким, чем в городах. Поэтому для сокращения бедности в городской и сельской местности, необходимо придерживаться различных стратегий.

Таблица 3 Распределение бедных домашних хозяйств в городской и сельской местности (%)

	Риск бедности[1)]				Распределение общей численности бедных домашних хозяйств			
в процентах:	1997	1998	1999	2000	1997	1998	1999	2000
Все домашние хозяйства	25,7	30,4	42,3	32,7	100	100	100	100
проживающие:								
в городской местности	23,5	28,3	40,9	30,9	63,5	65,8	69,7	67,7
в сельской местности	31,7	36,3	46,2	37,7	34,2	34,2	30,3	32,3
Темп роста[2)]: в %		'97-'98	'98-'99	'99-2000		'97-'98	'98-'99	'99-2000
Все домашние хозяйства		18,3	39,1	-22,7				
в городской местности		20,4	44,5	-24,4		3,6	5,9	-2,9
в сельской местности		14,5	27,3	-18,4		0,0	-11,4	6,6

Примечание: 1) риск бедности является уровнем бедности внути соответствующей категории;2) темп роста рассчитан автором.

Источники: *Госкомстат*. Социальное положение и уровень жизни населения России. 2001. С. 145; 1999. С. 162.

2. Данные и методология

2.1 Данные для анализа динамики бедности

Для анализа динамики бедности нужны панельные микроданные. Данные Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения (РМЭЗ)[11] являются единственными первичными панельными данными, которые позволяют анализировать динамику бедности в России. В качестве применимости РМЭЗ для такого рода анализа, следует отметить, что это общенациональное репрезентативное обследование семей. В данной работе при анализе динамики бедноти используются микроданные РМЭЗ в 1994-2000 годах (1994 г., 1996 г., 1998 г. и 2000 г.).

2.2 Методология измерения бедности

Индекс бедности

В экономической литературе широко известны несколько показателей бедности: индекс уровня бедности (headcount ratio: P_0), индекс разрыва между уровнями бедности (poverty gap ratio: P_1), и индекс остроты бедности (squared poverty gap ratio: P_2). Эти показатели определяются следующим образом:

$$P_\alpha(y;z)=\frac{1}{n}\sum_{i=1}^{q}\left(\frac{z-y_i}{z}\right)^\alpha$$

где $y = (y_1, y_2, ..., y_n)$ – вектор доходов домохозяйств в порядке возрастания,

z – величина прожиточного минимума,

q – численность бедных домохозяйств,

n – совокупная численность домохозяйств.

Если $\alpha = 0$, то получается индекс уровня бедности (P_0), т.е. доля домохозяйств со среднедушевыми доходами ниже прожиточного минимума. Если $\alpha = 1$, то формула дает значение индекса разрыва между уровнями бедности (P_1). Если $\alpha = 2$, то получается индекс остроты бедности (P_2)[12]. В данной работе анализируется динамика бедности, т.е. потоки бедности (flows of poverty). Поэтому в качестве индекса бедности используется P_0.

Среднедушевые расходы домохозяйства: доходы или расходы?

Оценка уровня бедности по методике Госкомстата основана на аланизе располагаемых ресурсов домашних хозяйств, представляющих собой сумму денежных средств, которыми домохозяйство располагало для обеспечения своих расходов и создания сбережений, а также стоимости натуральных поступлений продуктов питания и предоставленных в натуральном выражении льгот[13]. Однако с точки зрения эмпирического анализа, оценка уровня бедности на основе расходов более адекватна, чем на основе доходов. Во-первых, в 1994-2000 годах в России были распространены задолженность по заработной плате и дополнительные подработки (случайные или непериодические). В связи с этим уровень доходов был подвержен большим колебаниям, чем уровень расходов. Во-вторых, доходы сложнее оценить. Так, с целью уклонения от уплаты налогов работодатели могут нанимать работников без регистрации или оформления документов. Кроме того, часто респонденты не хотят раскрывать все источники своих доходов при ответах на вопросы анкеты. Следовательно, измерение уровня благосостояния, основанное на оценке расходов, рассматривается более адекватным.

Среднедушевые расходы вычисляются на основе общесемейных рас-

ходов (total household expenditures). В данной работе общесемейные расходы состоят из следующих компонент:
- расходы на продукты питания, включая расходы на продукты дома и вне дома, а также стоимоть натуральных поступлений продуктов питания,
- расходы на непродовольственные товары (например, одежды, товары длительного использования, топливо, жилищно-коммунальные и другие необходимые услуги и т.д.),
- ссуды,
- сбержения,
- частные трасферты (например, переводы в качетве подарка).

Для вычисления среднедушевых расходов домохозяйства в данной работе используются ***шкалы эквивалентности (equivalence scales)***, которые оцениваются с помощью методики Энгеля (Engel's method)[14]. Например, расходы ребенка и взрослого на продукты не одинаковы. Кроме того, если 2 взрослых живут вместе, то они имеют возможность экономить на продуктах. Такие предметы длительного пользования, как холодильник и т.д. также используются всеми членами семьи. Таким образом, для учета расходов на ребенка и экономии масштаба в бюджете семьи из нескольких человек (economies of scale), лучше использовать шкалы эквивалентности[15]. Если коэффициент (расходы) на одного взрослого принять за 1,0, то по оценке автора, основанной на данных РМЭЗ, ***расходы на дополнительного взрослого (an additional adult cost)*** составляют 0,9 и ***расходы на одного ребенка (a child cost)*** – 0,5[16]. Например, если в семье живут 2 взрослых и один ребенок, то коэффициент пересчета общесемейных расходов в подушевые равен 2,4 (= 1 + 0,9 + 0,5). Эта оценка совпадает с оценками других исследователей, анализирующих шкалы эквивалентности в России (например, Корчагина и др., 1999, С. 17-18.). В данной работе используются вышеописанные значения шкалы эквивалентности, рассчитанные автором.

Прожиточный минимум

В связи с тем, что оценка уровня бедности в значительной степени зависит от черты бедности, т.е. величины прожиточного минимума (ПМ), то при анализе бедности всегда возникает вопрос о том, какая методика измерения черты бедности является наиболее адекватной[17]. Считается, что метод стоимости жизненно необходимых товаров (cost-of-basic-needs method: CBN) является лучшей методикой измерения черты бедности, чем метод калорийности питания (food-energy-intake method: FEI). В России в 1992 году был установлен официальный уровень прожиточного минимума. По определению Госкомстата, "ПМ представляет собой натуральный набор продуктов питания, учитывающий диетологические ограничения и обеспечивающего миниально необходимое количество калорий, а также расходы на непродовольственные товары и услуги, налоги и обязательные платежи, соответствующие по структуре затрат на эти цели бюджетам низкодоходных семей." Набор продуктов питания рас-

считан на основе минимальных размеров потребления Институтом питания Академии медицинских наук РФ и другими исследовательскими организациями при участии ВОЗ[18]. Другими словами, в России официальный ПМ определяется согласно методике CBN. Начиная с 2000 года, ПМ рассчитывается согласно новой методике, которая установила более высокие минимальные объемы потребления, обеспечивающие сохранение здоровья и жизнедеятельности человека[19]. ПМ по новой методике значительно выше прежнего. Несмотря на наличие недостатков, в данной работе используется официальный региональный ПМ. Использование регионального ПМ позволяет учитывать разницу цен товаров в различных субъектах РФ.

2.3 Динамика бедности: хронически бедные, временно бедные и не бедные

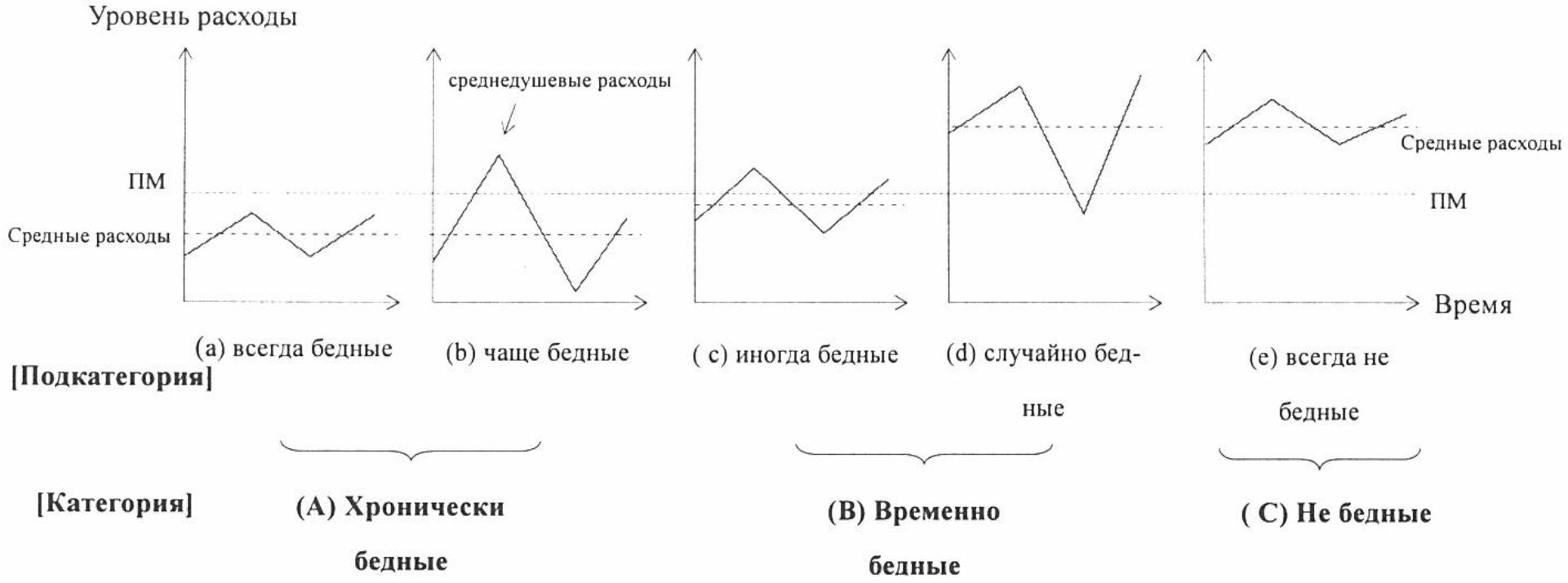
На рис.2 показаны категории и подкатегории для изучения динамики бедности[20]. Если среднедушевые расходы индивида всегда были ниже прожиточного минимума, то он находится в подкатегории "постоянно бедных (the always poor)"; если в 3 из 4 случаев - "чаще бедных (the usually poor)"; если в 2 из 4-х случаев - "иногда бедных (the churning poor)"; если в 1 из 4 случаев - "случайно бедных (the occasionally poor)". Наконец, если среднедушевые расходы индивида никогда не были ниже ПМ, то он находится в подкатегории "всегда не бедных (the never poor)". "Постоянно бедных" и "чаще бедных" можно объединить в категорию ***хронически бедные (the chronic poor).*** "Иногда бедных" и "чаще бедных" – ***временно бедные (the transient poor)***. "Всегда не бедные" составляют категорию ***не бедных (the non-poor)***. В данной работе рассматриваются раунды 5, 7, 8 и 9 РМЭЗ. Они проводились в 1994, 1996, 1998 и 2000 годах, соответственно. Например, если опрошенный попал в состояние бедности только в 1994 году, то он находится в категории времменной бедности (в подкатегории случайно бедных).

3. Динамика бедности: различия между городскими и сельскими бедными

3.1 Динамика бедности в зависимости от места проживания

В таблице 4 показывается распределение динамики бедности по России в целом и в зависимости от места проживания. Видно, что бедность во всей России в 1990-х годах являлась непостоянной. 66,2% опрошенных, участвовавших во всех рассматриваемых раундах, по крайней мере, в одном из 4 случаев попадали в категорию бедности, в то время, как только 7,7% опрошенных всегда находились в состоянии бедности. В связи с этим численность временно бедных гораздо больше, чем численность хронически бедных.

Рис. 2 Категории и подкатегории для анализа динамики бедности



Источник: Автор модифицировала рис. 1 в статье: Hulme, D. and Shepherd, A., "Conceptualizing Chronic Poverty," *World Development*, Vol. 31, No. 3, 2003, p. 406. Рис. 1 в статье Hulme et al. основан на статье: Jalan, J. and Ravallion, M., "Is Transient Poverty Different? Evidence for Rural China," *Journal of Development Studies*, Vol. 36, No. 6, 2000.

В таблице 4 отражена взаимосвязь между динамикой бедности (PD) и местом проживания. Эта связь статистически значима (по категории динамики бедности - $\chi^2(4)=11,73$, $p<0,05$; по подкатегории динамики бедности - $\chi^2(8)=35,47$, $p<0,05$). Другими словами, существует различие в распределении динамики бедности между категориями (подкатегориями) бедности и между типами населенных пунктов. Для определения различий в динамике бедности автором был осуществлен анализ вариации (analysis of variance: ANOVA). В таблице приняты следующие обозначения: если "adjusted residual" больше двух, то клетка выделена темно-серым цветом. Если "adjusted residual" меньше мниус двух - светло-серым. Например, типами населенных пунктов, где распределение "случайно бедных" больше, чем в других, являются Москва и Санкт- Петербург.

Типичная категория динамики бедности зависит от места проживания. Согласно анализу ANOVA можно сделать следующие выводы:

1. В 1990-х годах "не бедные" жили скорее в других городах, чем в селах, в то время, как "временно бедные" жили с большей вероятоностью в селах и с меньшей вероятностью в других городах. Надо отметить, что, хотя вероятность попадания в категорию бедных в селах была выше, численность временно либо хронически бедных в других городах больше, чем в селах.

2. "Случайно бедные" жили с большей вероятностью в Москве и Петербурге, и с меньшей вероятностью в других городах.

3. Распределение хронически бедных зависит от места проживания незначительно. В выборку в таблице 4 включены только индивиды, расходы которых на продукты не были равны 0 во всех рассматриваемых раундах. Если включить индивидов с нулевыми расходами на продукты, то хронически бедные жили бы с большей вероятностью в селах.

Более высокая вероятность случайной бедности в Москве и Петербурге может объясняться тем, что в таких мегаполисах финансовый эффект макроэкономического шока 1998 года сильнее, чем в других местах проживания, повлиял на потоки бедности. В то же время, жители таких мегаполисов имеют большую возможность выйти из бедности при усровиях макроэкономического роста. Вместе с тем, скорее всего, в мегаполисах и городах выше вектор выходящих из состояния бедности, а в селах - вектор длительной бедности. Хронически бедные присутствуют во всех типах населенных пунктов, хотя их численность не так значительна. Эти выводы следует принимать во внимание при планировании социальной политики, направленной на сокращение бедности.

Таблица 4 Динамика бедности по месту проживания в 1994-2000 гг.

Динакика бедности			Россия		По месту проживания					
категория	подкатегория				Москва и Петербург		Другие города		Село	
(C) Не бедные	(e) p=0	Всегда не бедные	33,8%	33,8%	29,6%	29,6%	35,3%	35,3%	31,2%	31,2%
(B) Временно бедные	(d) p= 0,25 Случайно бедные	$N_{94} - N_{96} - N_{98} - P_{00}$ (1/4)	25,0%	9,1%	36,7%	15,6%	23,7%	7,7%	25,9%	11,0%
		$N_{94} - N_{96} - P_{98} - N_{00}$ (1/4)		8,4%		16,7%		7,9%		8,1%
		$N_{94} - P_{96} - N_{98} - N_{00}$ (1/4)		4,4%		2,6%		4,5%		4,4%
		$P_{94} - N_{96} - N_{98} - N_{00}$ (1/4)		3,1%		1,9%		3,6%		2,4%
	(c) p= 0,50 Иногда бедные	$N_{94} - N_{96} - P_{98} - P_{00}$ (2/4)	20,3%	8,0%	13,7%	10,4%	20,3%	7,3%	21,4%	9,0%
		$N_{94} - P_{96} - N_{98} - P_{00}$ (2/4)		3,0%		0,0%		3,0%		3,5%
		$N_{94} - P_{96} - P_{98} - N_{00}$ (2/4)		4,5%		0,7%		4,6%		5,0%
		$P_{94} - N_{96} - N_{98} - P_{00}$ (2/4)		1,3%		1,5%		1,4%		0,8%
		$P_{94} - N_{96} - P_{98} - N_{00}$ (2/4)		2,0%		0,4%		2,4%		1,5%
		$P_{94} - P_{96} - N_{98} - N_{00}$ (2/4)		1,5%		0,7%		1,5%		1,6%
(A) Хронически бедные	(b) p=0,75 Чаще бедные	$N_{94} - P_{96} - P_{98} - P_{00}$ (3/4)	13,2%	7,9%	13,7%	7,8%	12,7%	7,5%	14,3%	8,9%
		$P_{94} - N_{96} - P_{98} - P_{00}$ (3/4)		2,8%		4,8%		2,6%		2,7%
		$P_{94} - P_{96} - N_{98} - P_{00}$ (3/4)		1,2%		0,0%		1,2%		1,2%
		$P_{94} - P_{96} - P_{98} - N_{00}$ (3/4)		1,4%		1,1%		1,4%		1,5%
	(a) p=1,0	Постоянно бедные	7,7%	7,7%	6,3%	6,3%	8,0%	8,0%	7,2%	7,2%
Объем выборки (индивиды)			5527 (100%)		270 (100%)		3608 (100%)		1649 (100%)	

Примечание: Выборка состоит из индивидов, ответивших на вопросы во всех рассматриваемых раундах РМЭЗ (раунды 5, 7, 8 и 9). "N_t" – не бедный индивид в период t (t = 1994 г., 1996 г., 1998 г. и 2000 г.). "P_t" – бедный индивид в период t (t = 1994 г., 1996 г., 1998 г. и 2000 г.). Темно-серая клетка показывает, что the adjusted residual - больше двух, светло-серая - the adjusted residual – меньше минус двух.

Источник: расчеты автора по микроданным РМЭЗ.

3.2 Динамика бедности по статусам на рыке труда (labour force status)

3.2.1 Динамика бедности и статус на рынке труда

Как влияет статус на рынке труда на динамику бедности? В таблице 5 показано распределение динамики бедности (PD) по статусам на рынке труда (LFS). В выборку включены индивиды в возрасте 15-72 года. Если опрошенный имеет какую-нибудь работу, включая случайную[21], то он находится в категории *занятости*. Если он не имеет никакую работу, хочет работать, ищет работу и готов приступить к ней, то он находится в категории *безработицы*. Если он не находится ни в категории занятости, ни в категории безработицы, то он экономически неактивный (категории *неактивности*). Экономически неактивые являются студентами, неработающими пенсионерами, домохозяйками, отчаявшимися найти работу, и т.д. Взаимосвязь между PD и LFS статистически значима (в 1994 г. - $\chi^2(4)=37,16$, $p<0,05$; в 2000 г. - $\chi^2(4)=44,08$, $p<0,05$). Таким образом, существуют различия в распределении численности PD, как между категориями PD, так и между категориями LFS. Так же, как в 3.1, был осуществлен анализ ANOVA. Были получены следующие результаты:

1. Не бедные, по сравнению с другими категориями PD, имеют какой-нибудь вид занятости с большей вероятностью, и с меньшей вероятностью являются экономически неактивным населением или безработными.

2. Временно бедные, по сравнению с другими категориями PD, являются экономически неактивным населением с большей вероятностью, и с меньшей вероятностью - занятыми. Это означает, что такие люди, как студенты, домохозяйки, неработающие пенсионеры попадают в категорию временной бедности с большей вероятностью, чем занятые и безработные.

3. Хронически бедные, по сравнению с другими группами PD, являются безработными с большей вероятностью, и с меньшей вероятностью - занятыми.

Из вышеописанных результатов можно сделать вывод, что, хотя уровень среднемесячной заработной платы невысок[22], если один из членов семьи является незанятым, то у семьи выше риск попасть в состояние бедности.

Таблица 5 Динамика бедности и статус на рынке труда (labour force status)

Динамика бедности (PD): 1994- 2000 гг.		Статус на рынке труда (LFS)						Все	
		занятость		безработица		неактивность			
		1994	2000	1994	2000	1994	2000	1994	2000
Не бедные	% within PD	**69,6**	**64,0**	3,2	3,9	27,1	32,1	100,0	100,0
	% within LFS	**37,7**	**38,4**	24,7	32,2	31,3	29,2	35,1	34,6
Временно бедные	% within PD	63,0	54,4	4,4	3,7	**32,7**	**41,9**	100,0	100,0
	% within LFS	43,9	42,4	43,0	39,9	**48,7**	**49,5**	45,3	45,0
Хронически бедные	% within PD	61,3	54,6	**7,6**	**5,7**	31,1	39,7	100,0	100,0
	% within LFS	18,4	19,2	**32,3**	**27,9**	20,0	21,2	19,5	20,3
Все	% within LFS	65,0	57,8	4,6	4,2	30,4	38,1	100,0	100,0
	% within PD	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

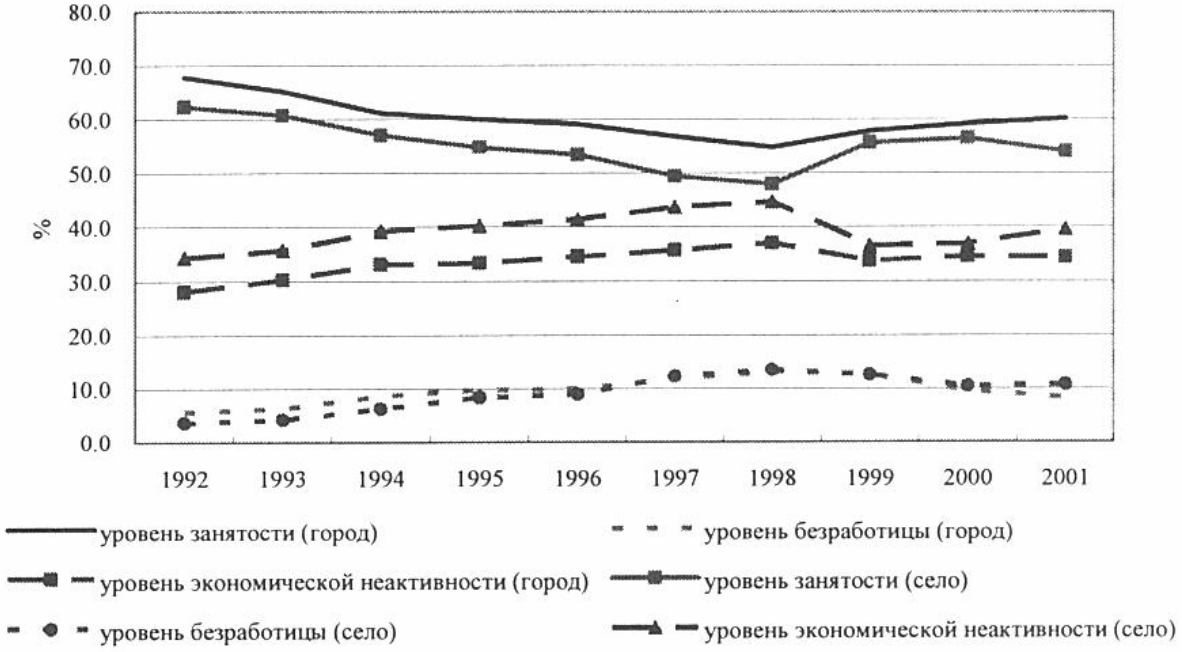
Примечание: Выборка состоит из индивидов в возрасте 15-72 года, участвовавших в раундах 5, 7, 8 и 9. Опрошенный в категории "занятость" – индивид, который имеет основную работу либо дополнитльные работы, включая случайную работу. Безработица определяется по методике МОТ. Темно-серая клетка показывет, что the adjusted residual - больше двух. Светло-серая клетка - the adjusted residual – меньше минус двух.
Источник: расчеты автора по микроданным РМЭЗ.

Как можно проинтерпретировать положительную взаимосвязь между временно бедными и экономически неактивным населением? Надо отметить, что, ориентируясь на будущее восстановление производства, в 1990-е гг. в России предприятия старались сохранять штат своих сотрудников (см. рис. 3). В этот период уровень безработицы в России был намного ниже, чем в большинстве стран в ЦВЕ, хотя постепенно он вырос по сравнению с дореформенным периодом. Если один из членов семьи работал, то после увольнения с работы (вынужденного либо по собственному желанию), люди с большей вероятностью находились не в статусе безработных, а в статусе экономически неактивного населения. При умеренном уменьшении уровня занятости и относительно стабильном уровне безработицы, уровень экономически неактивного населения постепенно возрастал в период до 1998 г. Как показано на рис. 4, уровень экономически неактивного населения более активно реагировал на изменение уровня занятости, чем на уровень безработицы. Например, как видно из рис. 5, среди экономически неактивного населения домохозяйки

более активно реагировали на макроэкономичсекие изменения. Возможно, они хотели иметь какую-нибудь работу. Вместе с тем численность выразивших желание работать среди экономически неактивного населения сильно увеличилась. По данным Госкомстата в 1997 г. доля выразивших желание работать среди всего экономически неактивного населения в возрасте 16-54/59 года состовляла 22,4%, и в 2000 г. – 29,4% (рис. 5). Несмотря на то, что большинство из них хотели работать, они не прибегали к активному поиску работы, либо отчаялись ее найти. Вышеуказанная группа населения хотела иметь работу для того, чтобы адаптироваться в условиях нестабильного благосостояния семьи.

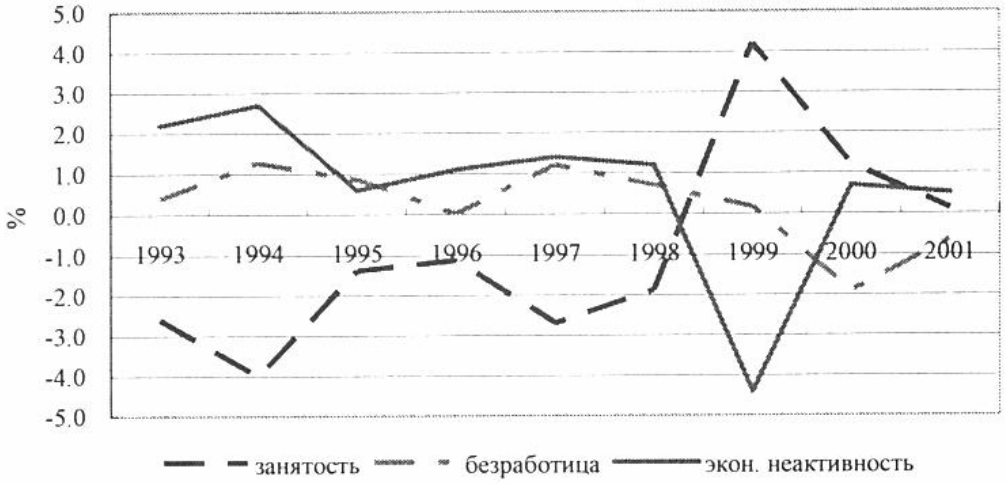
Нестабильное благосостояние семьи связано с тем, что в переходном периоде экономики в России уровень реальной заработной платы сильно упал, размер заработной платы одного человека был недостаточен для содержания семьи. Вместе с тем, была распространена задолженность по выплатам заработной платы. В результате, даже если один из членов семьи работал, семья с другими экономически неактивными членами имела риск попасть в состояние временной бедности. Члены такой семьи с большей вероятностью были домохозяйками, студентами, неработающими пенсионерами и т.д.

Рис. 3 Экономически активное и неактивное население по городам и селам



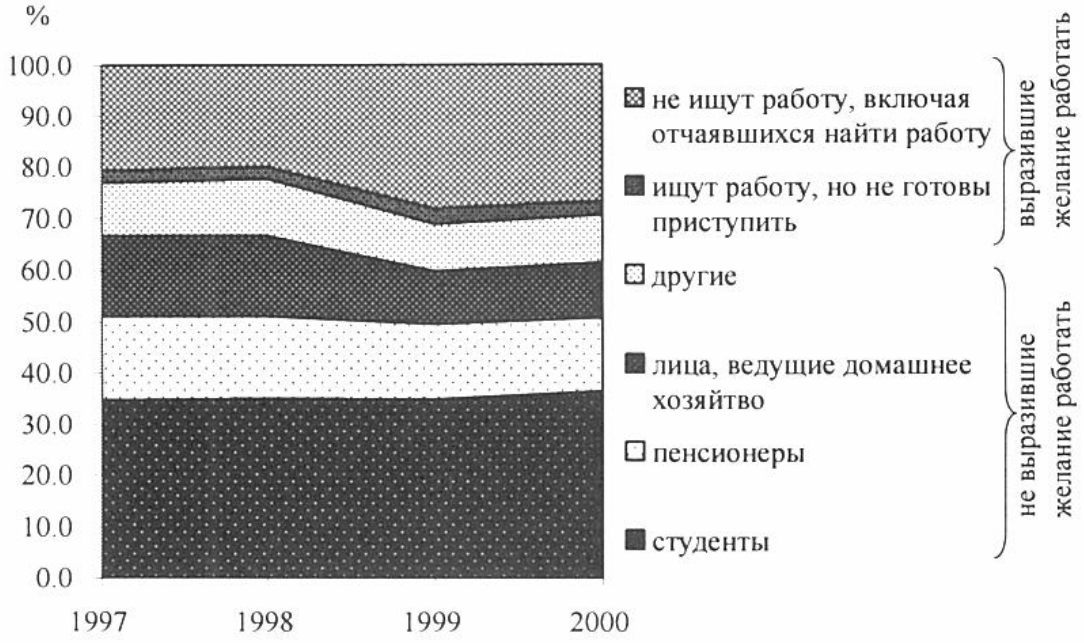
Источник: *Госкомстат*. Экономическая активность населения России. 2002. С. 12-13.

Рис. 4 Декомпозиция изменения уровня занятости



Примечание: Уровень занятости ($R_З$) = численность занятых / население в возрасте 15-72 года ($P_{15\text{-}72}$). Уровень безработицы ($R_Б$) = численность безработных / $P_{15\text{-}72}$. Уровень экономически неактивного населения (R_{II}) = численность экономически неактивного населения / $P_{15\text{-}72}$. Изменение $R_З$ = изменение $R_Б$ + изменение R_{II}.
Источник: расчеты автора на основе данных Госкомстата (*Госкомстат.* Экономическая активность населения России. 2002. С. 11, 178.)

Рис. 5 Распределение численности экономически неактивного населения в возрасте 16-54/59 года



Примечание: Группа "*не выразившие желание работать*" является студентами, пенсионерами, ведущими домашнее хозяйство и другими. Другая группа-"*выразившие желание работать*".
Источник: на основе данных Госкомстата (*Госкомстат.* Экономическая активность населения России. 2002. С. 182)

Рассматривая распределение экономически неактивного населения по PD и возрасту по сравнению с не бедными и хронически бедными (таблица 5), временно бедные являлись с большей вероятностью людьми в возрасте 60 лет и старше, т.е. неработающими пенсионерами ($\chi^2(10)=18,08$, $p<0,10$). При макроэкономических кризисах они были бы более уязвимыми. Как отмечено в 1.3 (таблица 2), в 1998-1999 гг. темп роста уровня бедности среди неработающих пенсионеров был высокми, хотя темп снижения уровня бедности при условиях экономического развития также был высоким. Неработающие пенсионеры попали бы в состояние временной бедности с большей вероятностью, чем занятые и безработные. Отсюда следует, что несмотря на то, что большинство из временно бедных являются занятыми, такое экономически неактивное население, как неработающие пенсионеры, с большей вероятностью имеет риск попасть в состояние временной бедности.

3.2.2 Динамика бедности и статус на рынке труда в городах и селах

Таблица 6 Динамика бедности и статус на рынке труда по месту проживания: в 1994-2000 гг.

В городах:

	занятость	безработица	неактивность
Не бедные	+	–	–
Временно бедные	–		+
Хронически бедные	–	+	+

В селах:

	занятость	безработица	неактивность
Не бедные		–	
Временно бедные	–		+
Хронически бедные		+	–

Примечание: Если adjusted residuals положительные, то плюс. Если adjusted residuals отрицательные, то минус.

Источник: расчеты автора по микроданным РМЭЗ.

В городах и селах, показанные в таблице 5 взаимосвязи между PD и LFS также присутствовали (в 1994 г. в городах - $\chi^2(4)=28,08$, $p<0,05$; в селах - $\chi^2(4)=16,20$, $p<0,05$). Однако в селах взаимосвязи между PD и LFS были не так сильны, как в городах[23](таблица 6). Кроме того, хронически бедные в селах являлись экономически неактивным населением с меньшей вероятностью, в то время, как в городах – с большей вероятностью.

Разница взаимосвязей в городах и селах может объясняться тем, что экономически неактивное население в селах имеет большую возможность заниматься личным подсобным хозяйством (ЛПХ), т.е. производством продуктов для собственного потребления, чем в городах. Это дает сельскому экономически неактивному населению больше шансов не по-

пасть в состояние хронической бедности. Кроме того, возможно, пенисия по старости является очень важным источником денежных доходов для сельских семей[24]. В связи с этим, они с большей вероятностью попадали в состояние временной бедности, чем хронической бедности. С другой стороны, городское экономически неактивное население имеет меньше возможностей заниматься ЛПХ. Следовательно, оно с большей вероятностью попадало в состояние хронической бедности, чем временной бедности. В результате, взаимосвязь между хронической бедностью и экономической неактивностью в селах являлась отрицательной в то время, как эта же взаимосвязь в городах - положительной.

3.2.3 Различия в динамике бедности и статусе на рынке труда в городах и селах

Таблица 7 Динамика бедности и статус на рынке труда в городах и селах

Динамика бедности (PD): 1994- 2000 гг.			Статус на рынке труда (LFS): 1994 г.			Все
			занятость	безработица	неактивность	
Не бедные	Город	% within местах проживания	**72,1**	3,2	24,7	100,0
		% within LFS	**74,9**	71,7	66,0	72,4
	Село	% within местах проживания	63,3	3,3	**33,4**	100,0
		% within LFS	25,1	28,3	**34,0**	27,6
Все	% within местах проживания		69,6	3,2	27,1	100,0
	% within LFS		100,0	100,0	100,0	100,0
Временно бедные	Город	% within местах проживания	**65,8**	4,4	29,8	100,0
		% within LFS	**73,5**	70,0	64,2	70,3
	Село	% within местах проживания	56,3	4,4	**39,3**	100,0
		% within LFS	26,5	30,0	**35,8**	29,7
Все	% within местах проживания		63,0	4,4	32,7	100,0
	% within LFS		100,0	100,0	100,0	100,0

Примечание: то же, что и к таблице 5.
Источник: расчеты автора по микроданным РМЭЗ.

Различается ли распределение численности каждой категории PD между местом проживания и статусом на рынке труда? Как показано в таблице 7, при анализе ANOVA, видно, что существуют различия в распределении численности не бедных по месту проживания и статусу на рынке труда. Также существуют различия в численности временно бедных (по не бедным - $\chi^2(2)=11,12$, $p<0,05$; по временно бедным - $\chi^2(2)=16,13$, $p<0,05$)[25]. В категории хронически бедных отсутствовали различия в их численности в зависимости от места проживания и статуса на рынке труда. Как сельские не бедные, так и сельские временно бедные с большей вероятностью являются экономически неактивным населени-

ем, чем городские. Это частично может объясняться различиями развития рынков труда в городах и селах. В городах занятость сохранилась в большей степени, чем в слеах. Вместе с тем, в 1990-х годах увеличилась разница уровня экономической неактивности в городах и селах (см. рис. 6).

Рис. 6 Разница уровня занятости и экономической неактивности в городах и селах

Примечание: Уровень занятости в городах в 1992 г. = 1,0. Уровень экономической неактивности в городах в 1992 г. = 1,0. Разница уровня занятости (экономической неактивности) = уровень сельской занятости (экон. неактивности) – уровень городской занятости (экон. неактивности).
Источник: расчеты автора на основе рис. 3.

Различия между городскими и сельскими не бедными

Как видно из таблицы 7, по сравнению с городскими не бедными, сельские не бедные имеют какой-нибудь вид занятости с меньшей вероятностью и с большей вероятностью имеют статус экономической неактивности. Сельские не бедные со статусом экономической неактивности с большей вероятностью являются людьми в возрасте 60 лет и старше, в то время, как городские не бедные со статусом экономической неактивности – с большей вероятностью домохозяйками и студентами (в возрасте 15-19, 20-29 и 40-49 года). Это означает, что:

1. Благодаря тому, что сельские неработающие пенсионеры имеют более возможности заниматься ЛПХ, они с большей вероятностью не попали в состояние бедности. Кроме того, полученная пенсия являлась бы важным источником денежных доходов в семье, особенно на селе.

2. Уровень заработной платы городских не бедых является более адекватными, для того чтобы обеспечить свою семью.

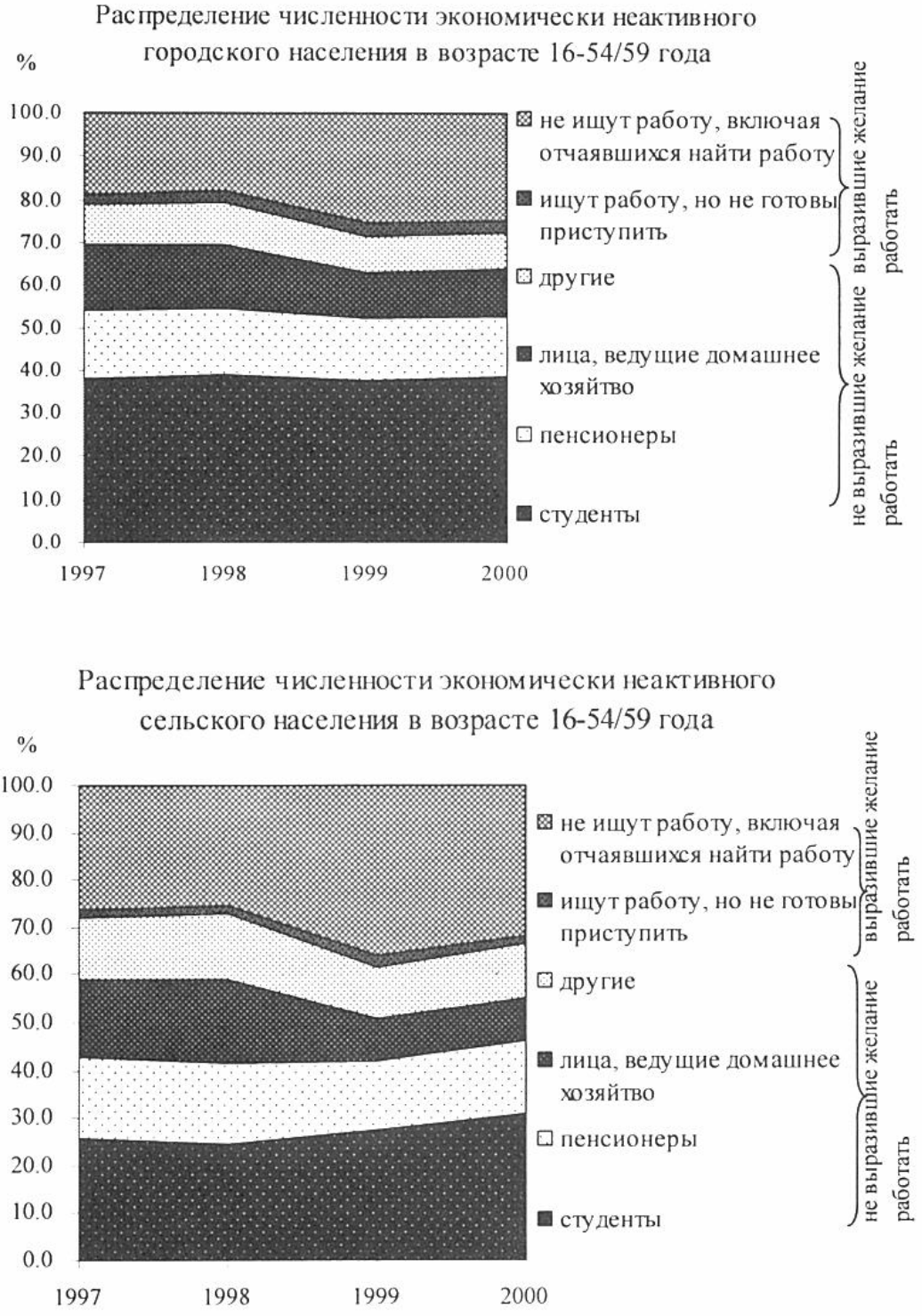
Отсюда можно делать вывод, что по сравнению с городскими не бедными, сельские не бедные с большей вероятностью являются пожилыми, в то время как городские не бедные с большей вероятностью являются работающими в активном возрасте.

Различия между городскими и сельскими временно бедными

Как показано в таблице 7, по сравнению с городскими временно бедными, сельские временно бедные с большей вероятностью являются экономически неактивным населением, в то время как городские временно бедные с большей вероятностью имеют какой-нибудь вид занятости. Вместе с тем, сельские временно бедные со статусом экономической неактивности с большей вероятностью являются людьми в возрасте 20-29 и 30-39 года в то время, как городские – с большей вероятностью людьми в возрасте 60 лет и старше. Кроме того, сельские временно бедные со статусом занятости с большей вероятностью являются людьми в возрасте 30-39 года в то время, как городские – с большей вероятостью людьми в возрасте 50-59 года, и 60 и старше. Это означает следующее:

1. По сравнению с городскими временно бедными, сельские временно бедные с большей вероятностью являются группой более молодых семей. Кроме того, сельские временно бедные со статусом экономической неактивности с больше вероятностью являются домохозяйками. Возможно, что эти домохозяйки потенциально желают работать. Рис. 7 показывает распределение численности экономически неактивного населения в возрасте 16-54/59 года по городам и селам. Когда начался экономический рост в России, доля сельских домохозяек в общей численности сельского экономически неактивного населения уменьшилась (в 1997 г. – 16,2%, в 1998 г. – 17,5% и в 1999 г. – 8,8%, соответственно) [26]. Темп сокращения числа домохозяек гораздо выше в селах, чем в городах. В 1998-1999 гг. темп снижения их числа составлял 49,5% в селах, а в городах – 27,2%. Вероятно, домохозяйки начали работать в связи с тем, что совокупные доходы семьи стали недостаточными для содержания семьи, т.е. зарплаты главы семьи не хватало для обеспечения членов семьи. Вместе с тем, сельское экономически неактивное население связано со скрытыми безработными, т.е. выразившими желание работать в большей степени, чем городское. По данным Госкомстата в 1998 г. доля экономически неактивного населения, желающего работать, в селах составляла 27,0%, а в городах – 20,7% (в 1999 г. – 38,4% и 28,5%, в 2000 г. – 33,4% и 27,9%)[27]. Более того, в 1998 г. в селах доля отчаявшихся найти работу составляла 9,4%, а в городах – 4,0% (в 1999 г. – 13,9% и 3,9%, в 2000 г. – 11,9% и 3,4%)[28]. Можно сказать, что сельские временно бедные с большей вероятностью связаны как с работающими бедными, так и со скрытыми безработными.

Рис.7 Распределение численности экономически неактивного населения в возрасте 16-54/59 года в зависимости от места проживания



Источник: на основе данных Госкомстата (*Госкомстат.* Экономическая активность населения России. 2002. С. 182-183.)

2. По сравнению с сельскими временно бедными, городские временно бедные с большей вероятностью связаны с категорией работающих бедных, особенно работающих пенсионеров. Это может объясняться более высоким спросом на рабочую силу в городах, чем в селах. Как было отмечено выше, возможно, в селах больше распространена скрытая безработица. Вместе с тем, сельские пенсионеры с меньшей вероятностью находились в состоянии временно бедных, чем городские. Хотя городские пенсионеры с большей вероятностью работали, чем сельские, их уровень зарплаты все равно был бы не таким высоким, чтобы поддержать должный уровень жизни. Кроме того, в условиях макроэкономического кризиса они были бы более уязвимыми, чем другие социально- экономические группы. В результате, они с большей вероятностью попали бы в состояние временной бедности, чем сельские работающие.

Из вышесказанного можно сделать вывод, что в городах вектор временно бедных больше направлен к работающим бедным, а в селах – как к скрытым безработным, так и к работающим бедным.

3.2.4 Сельские работающие хронические бедные и их профессия

Как отмечено в 3.2, хронически бедные с большей вероятностью являются безработными. Однако по сравнению с безработными и экономически неактивным населением, занятые преобладают среди численности всех хронически бедных. По данным РМЭЗ в 1994 г. занятые составляли 61,3%, и в 2000 г. – 54,6% (таблица 5). Вместе с тем, по сравнению с работающими не бедными и работающими временно бедными, работающие хронически бедные с большей вероятностью являются простыми работниками и неквалифицированными рабочими[29]: например, уличные торговцы, продающие товар в разнос, уборщики, неквалифицированные рабочие сельского хозяйства, рыболовства и лесного хозяйства, неквалифицированные рабочие горной промышленности, строительства, обрабатывающей промышленности и транспорта и т.д.

Как показано в 3.2, отсутствовали различия в распределении численности хронически бедных по статусу на рынке труда между городом и селом. Однако существуют различия в распределении занятых по профессии между городом и селом (в 1994 г. – $\chi^2(9)=106,60$, $p<0,05$; в 2000 г. - $\chi^2(9)=83,62$, $p<0,05$). Что касается простых работников и неквалифицированных рабочих, то сельские занятые с большей вероятностью связаны с такими профессиями, чем городские.

Отсюда следует, что, хотя сельское население с большей вероятностью является безработным, среди сельских хронически бедных преобладают занятые, а не безработные и не экономически неактивное население. Сельские работающие хронически бедные с большей вероятностью являются простыми работниками и неквалифицированными рабочими. Можено предположить, что хроническая бедность в селах связана как с безработицей, так и с отсутствием производства, гарантирующего соответствующую зарплату.

Заключение

В данной работе рассматривались динамика бедности в 1990-е гг. и ее различия в городах и селах. В рамках настоящего исследования были получены следующие основные выводы.

1. В ходе движения к рыночной экономике уровень бедности в России увеличился, и работающие бедные являлись характерной чертой бедности в России. В целом, несмотря на то, что 66,2% населения в 1990-е гг. хотя бы раз находилось в состоянии бедности, большинство из них являлись временно бедными (45,3%), а хронически бедные составляли 20,9%. В городах сильнее вектор выходящих из состояния бедности, а в селах сильнее вектор длительной бедности.

2. В целом, существуют значимые взаимосвязи категорий PD с LFS между не бедными и занятыми, временно бедными и экономически неактивным населением, хронически бедными и безработными. Однако внутри городов и сел существуют различия в характере взаимосвязи. Эти различия показывают, что в селах благосостояние пенсионеров лучше, чем у других социально-экономических групп. Скорее всего, в селах возможности заниматься ЛПХ и получать пенсию помогают сельским пенсионерам не попадать в состояние бедности.

3. Вместе с тем, в городах и селах существуют различия во взаимосвязях категорий PD с LFS. Эти различия показывают, что сельские временно бедные с большей вероятностью связаны не только с работающими бедными, но и со скрытой безработицей (вне предприятий) в то время, как городские временно бедные с большей вероятностью связаны только с работающими бедными. Вместе с тем, в селах с большей вероятностью существовала характерная взаимосвязь молодых семей с временной бедностью, чем в городах. Кроме того, среди занятых в городах и селах, сельские занятые с большей вероятностью являлись хронически бедными, чем городские. Сельские хронически бедные были связаны не только с открытой безработицей, но и с низкоквалифицированной работой.

4. Увеличение заработной платы и сокращение задолженности по зарплате в результате экономического роста могут привести к сокращению уровня бедности как в городах, так и в селах. Результаты экономического роста будут особенно эффективны для сокращения временной бедности. Однако сокращению уровня бедности препятствуют инфляция, высокая дифференциация заработной платы и т.д. Более того, сокращение бедности в селах будет труднее осуществить, чем в городах, в связи с тем, что сельская бедность связана не только с работающими бедными, но и с отсутствием производства, гарантирующего необходимый уровень заработной платы. Если рассматривать в качестве инструмента по преодолению бедности социальную помощь, то она во многом зависит от финасовых возможностей государства. В конце концов с долгосрочной точки зрения важными будут не только социальная помощь, но и промышленная политика, которая содействует развитию местной экономики.

Литература

Deaton, A., *The Analysis of Household Surveys: A Microeconometric Approach to Development Policy*, Washington, D.C.: The World Bank, 1997.
Esho, H. and Yamazaki, K. eds., *Development and Poverty: In Search for Economic Analysis of Poverty*, Tokyo: IDE, 1998. (in Japanese)
Foster, J., Greer, J. and Thorbecke, E., "A Class of Decomposable Poverty Measures," *Econometrica*, Vol. 52, Issue 3, 1984, pp.761-766.
Gimpelson, V. and Lippoldt, D., *The Russian Labour Market: Between Transition and Turmoil*, Lanham: Rowman and Littlefield Publishers, Inc., 2001.
Hulme, D. and Shepherd, A., "Conceptualizing Chronic Poverty," *World Development*, Vol. 31, No. 3, 2003, pp.403-423.
Klugman, J., ed., *Poverty in Russia: Public Policy and Private Responses*, Washington D.C.: The World Bank, 1997.
Ovcharova, L., "What Kind of Poverty Alleviation Policy Does Russia Need," Russian-European Centre for Economic Policy, Research Paper, 2001.
Rimashevskaya, N.M., ed. *Taganrog Studies: Family Well-Being, Conditions, Standards, Way and Quality of Life of the Population of Russia*, M.: ISPEN RAN, 1992.
Takeda, Y., "Data Sources for Poverty Analysis on Russia: Goskomstat and RLMS", mimeo, 2004. (in Japanese)
---------- "Poverty Dynamics in Russia during the 1990s," *Slavic Studies*, No. 51, 2004, pp.241-272. (in Japanese)
---------- "Stability of Inequality and Poverty in Russia in the First Period of Transition: Wage Arrears and Secondary Employment," *Slavic Studies*, No. 47, 2000, pp.71-90. (in Japanese)
World Bank, *World Development Indicators 2002 on CD-ROM*, Washington D.C.: The World Bank, 2002.
Всемирный банк. Российская Федерация: доклад по оценке бедности (Проект) // Отчет № 28923-RU. 28 июня 2004 г.
Госкомстат. Методологические положения по статистике. М.: Госкомстат России. 1998.
---------- Российский статистический ежегодник 2003. М.: Госкомстат России. 2003.
---------- Социальное положение и уровень жизни населения России. М.: Госкомстат России. 2003.
---------- Социальное положение и уровень жизни населения России. М.: Госкомстат России. 1999.
---------- Социальное положение и уровень жизни населения России. М.: Госкомстат России. 1997.
---------- Труд и занятость в России. М.: Госкомстат России. 2001.
---------- Экономическая активность населения России. М.: Госкомстат России. 2002.
Капелюшников Р.И. Российский рынок труда: адаптация без реструктуризации. М.: ГУ-ВШЭ. 2001.
Корчагина И., Овчарова Л. и Турунцев Е. Система индикаторов уровня бедности в переходный период в России // Российская программа экономических исследований. Научный доклад № 98/4. 1999.

Московский центр Карнеги. Бедность: альтернативные подходы к определению и измерению. М., 1998.

Примечания

* Автор выражает благодарность В.Е. Гимпельсону (ЦеТИ, ВШЭ), Р.И. Капелюшникову (ЦеТИ, ВШЭ), Л.Н. Овчаровой (НИСП), Г.Е. Бесстремянной (НИСП) и Х. Окуде (Токийский университет) за советы и комментарии. Все ошибки остаются на совести автора.

[1] *Госкомстат*. Российский статистический ежегодник. 2003. С. 189. По расчетам Всемирного банка, основанным на рекомендуемой методологии, уровень бедности сильно сократился в 1999-2002 годах с 41,5% до 19,6%. (*Всемирный банк*. Российская Федерация: доклад по оценке бедности (Проект) // Отчет № 28923-RU. 28 июня 2004. С. 18-19)

[2] Расчеты автора на основе данных Госкомстата (*Госкомстат*. Социальное положение и уровень жизни населения. 2003. С. 145.)

[3] Динамика бедности в России рассматривается в следующей работе: Takeda, Y. "Mobility of Poverty Status in Russia during the 1990s" a paper presented to the JACES (the Japan Association for Comparative Economic Studies) at the Univ. of Tokyo on June 2003; Takeda, Y. "Poverty Dynamics in Russia during the 1990s." *Slavic Studies*, No. 51, 2004, pp. 241-272.

[4] В августе 2004 года Государственный комитет Российской Федерации по статистике (Госкомстат) переименован в Федеральную службу государственной статистики (Росстат). В данной работе используется старое название.

[5] *Госкомстат*. Социальное положение и уровень жизни населения России. 2003. С. 134. По поводу определения уровня бедности, рассчитанного автором по микроданным РМЭЗ в данной работе, см. 2.2 в этой работе.

[6] *Капелюшников Р.И.* Российский рынок труда. 2001. С. 41-46.; Gimpelson, V. and Lippoldt, D., *The Russian Labour Market*, 2001, pp. 13-17.

[7] По расчетам автора на основе данных Госкомстата, средний размер реальной пенсии составляет 385,1 тыс. руб. в 1997 г.. В 1998 г. — 233,6 руб., в 1999 г. — 218,2 руб. и в 2000 г. — 295,5 руб. Средний размер реальной заработной платы — 950,2 тыс. руб. в 1997 г., в 1998 г. — 507,2 руб., в 1999 г. — 604,9 руб., и в 2000 г. — 734,9 руб. (базовый год = 1997 г.)

[8] *Госкомстат*. Труд и занятость в России. 2001. С. 334.

[9] Takeda, Y., "Poverty Dynamics in Russia during the 1990's," *Slavic Studies*, No. 51, 2004, pp. 249-252.

[10] Эта тенденция сохраняется и в 2000-2003 годах, хотя в этот период снижается доля бедных домашних хозяйств в городах из общего числа бедных домохозяйств. См. *Госкомстат*. Социальное положение и уровень жизни населения России. 2003. С. 147.

[11] В 1992-1994 гг. (Phase I) объемы выборки составили около 6 тыс. домохозяйтв, а с 1994 г. (Phase II) — около 4 тыс. домохозяйств. Подробно о РМЭЗ можно узнать на сайте: http://www.cpc.unc.edu/rlms. Помимо РМЭЗ для оценки бедности в России можно использовать данные ОБДХа (выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств) и НОБУСа (Национального обследования благосостояния домохозяйств и участия в социальных программах), и другие. Однако это не панельные данные. Подробное описание выборок, содержание

анкет, а также достоинства и недостатки РМЭЗ и ОБДХ см. : Takeda, Y., "Data Sources for Poverty Analysis on Russia: Goskomstat and RLMS," mimeo, 2004.

[12] Foster, J., Greer, J. and Thorbecke, E., "A Class of Decomposable Poverty Measures," *Econometrica*, Vol. 52, Issue 3, 1984, pp. 761-763.

[13] *Госкомстат*. Социальное положение и уровень жизни населения России. 2003. С. 134.

[14] Методика Энгеля подробно объясняется в: Deaton, A., *The Analysis of Household Surveys*, Washington, D.C.: The World Bank, 1997, pp. 251-255.

[15] Достоинства и недостатки использования шкал эквивалентности описаны в: Esho, H. and Yamazaki, K., eds., *Development and Poverty: In Search for Economic Analysis of Poverty*, Tokyo: IDE, 1998, pp. 83-86.

[16] Takeda, Y., "Poverty Dynamics in Russia during the 1990's," *Slavic Studies*, No. 51, 2004, pp. 246-247.

[17] Например, см.: Esho and Yamazaki, eds., *Development and Poverty: In Search for Economic Analysis of Poverty,* Tokyo: IDE, 1998, pp.80-82.; *Всемирный банк* Российская Федерация: доклад по оценке бедности (Проект) // Отчет № 28923-RU. 28 июня 2004. С. 6-7.

[18] *Госкомстат*. Методологические положения по статистике. 1998. С. 82-84.

[19] *Госкомстат*. Социальное положение и уровень жизни населения России. 2001. С. 129.

[20] Hulm et al., "Conceptualizing Chronic Poverty," *World Development,* Vol. 31, No. 3, 2003; Takeda, Y., "Poverty Dynamics in Russia during the 1990s," *Slavic Studies*, No. 51, 2004.

[21] В вопроснике РМЭЗ респондентов спрашивают о случайной работе: "Скажите, пожалуйста, в течение последних 30 дней Вы занимались (еще) какой-нибудь работой? Может быть, Вы сшили кому-то платье, подвезли кого-нибудь на машине, помогли кому-то с ремонтом квартиры, машины, купили и доставили продукты, ухаживали за больными или делалаи что-то другое?"

[22] По поводу среднего размера заработной платы, см. сноску 7.

[23] Например, в 1994 г. в селах отсутствовала отличающейся взаимосвязи между PD и LFS.

[24] "в Москве, где заработки высоки, пенсия в 1200 руб. абсолютно не соответствует прожиточному минимуму, в дотационных же регионах пенсионер кормит еще двух человек. Недавно в командировке я был очень удивлен тому, с каким упорством молодые люди расспрашивали о планах повышения пенсий. Когда они получили ответ, один сказал другому: "Действительно, это выгоднее, чем держать корову"."(интервью в 2001 г. председатели правления Пенсионного Фонда РФ Михаила Зурабова главному редактору "Человек и Труд". Михаил Зурабов: Старость должна перестать ассоциироваться с бедностью // Человек и труд. 2001. № 6. С. 5-6.)

[25] В каждом рассматриваемом раудне существовала та же самая взаимосвязь между местами проживания и категориями статуса на рынке труда.

[26] Доля городского населения, ведущего домашнее хозяйство, в общей численности городского экономически неактивного населения составляла 15,4% в 1997 г., в 1998 г. — 14,9% и в 1999 г. — 10,8%. (также см. рис. 7)

[27] Расчеты автора на основе данных Госкомстата (*Госкомстат*. Экономическая активность населения России. 2002. С. 182-183.)

[28] Так же, как сноска 24.

[29] Подробно о взаимосвязи между PD и профессией см. Takeda, Y., "Poverty Dynamics in Russia during the 1990s," *Slavic Studies*, 2004, pp. 266-268. В данной работе профессия определяется методикой МОТ, т.е. кодификатором профессий и специальностей ISCO88 (International Standard Codes of Occuptions). По этой методике major groups состоят из следующих 8 групп: (1) управляющие, (2) специальсты с высшим образованием, (3) специальсты со специальным образованием, (4) служащие, (5) работники индивидуальных служб и продавцы, (6) квалифицированные работники, (7) рабочие, (8) операторы, и (9) работники простых профессий и неквалифицированные рабочие.

Приложение

Содержание двухтомного издания
«История российского крестьянства в XX веке»

Том 1:

От составителя	
Ирина Кознова	Крестьянская память в России XX века
Г. Е. Корнилов	Создание системы продовольственного обеспечения населения страны в первой половине XX века
В. В. Кондрашин	Голод 1932–1933 годов в российской и зарубежной историографии: некоторые предварительные заметки
Чой Джеадонг	Личный надел (укрепленный надел в личную собственность домохозяев) в России во время Столыпинской аграрной реформы
Хироси Окуда	Самообложение 1928–1933 гг.: к вопросу о последнем этапе русской крестьянской общины
Нориаки Мацуи	В поисках уставов колхозов 1956 г. (заметки исследователя)
Коити Нобэ	Земельная реформа в Армении
Синъити Кадзикава	Рецензия: Кондрашин В.В. Крестьянское движение в Поволжье в 1918–1922 гг.

Том 2:

От составителя	
С. А. Есиков	Крестьянское производство в Тамбовской губернии (1880-е–конец 1920-х гг.)
М. Н. Глумная	Характер и культура труда колхозного крестьянства в 1930-е годы (на примере Европейского Севера России)
В. В. Наухацкий	Модернизация сельского хозяйства и раскрестьянивание российской деревни (60–90-е годы XX века)
Н. С. Тархова	История советского крестьянства в российских документальных публикациях за последние 15 лет
Такэо Судзуки	Реформы и крестьянская община в дореволюционной России
Дзэндзи Асаока	Селькоровское движение в период НЭПа

CIRJE-R-2 **The 20th Century and Rural Russia**

Center for International Research on the Japanese Economy
Faculty of Economics, the University of Tokyo
Hongo 7-3-1, Bunkyo-ku, Tokyo, JAPAN 113-0033
TEL: +81-3-5841-5644; FAX: +81-3-5841-8294